

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН»
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Г. А. Некрасова

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА
ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ**

*Ответственный редактор
доктор филологических наук Е. А. Цыпанов*

Сыктывкар, 2023

УДК 811.511.13'367.622'366.54

Н48

DOI:

Некрасова Г. А. **КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ.** – Сыктывкар, 2023. – 516 с. (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН).

Монография является первым обобщающим исследованием категории падежа имени существительного пермских языков. На материале коми и удмуртского языков, их диалектов подробно рассмотрены устройство падежных систем, морфологическая и содержательная характеристики и употребление падежей, взаимодействие категории падежа с другими грамматическими категориями существительного. Выявлены общие и дистинктивные признаки падежных систем родственных языков.

Книга адресована специалистам в области сравнительно-исторического финно-угорского языкознания, ареальной лингвистики, типологического изучения падежа.

Nekrasova G. A. **THE CATEGORY OF THE NOUN CASE IN THE PERMIAN LANGUAGES.** – Syktyvkar, 2023. – 516 p. (FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS).

The monograph is the first generalizing study of the category of the noun case of the Permian languages. Based on the material of the Komi and Udmurt languages, their dialects, the structure of case systems, morphological and content characteristics and use of cases, the interaction of the case category with other grammatical categories of the noun are considered in detail. Common and distinctive signs of case systems between the related languages are revealed.

The book is addressed to specialists in the field of comparative-historical Finno-Ugric linguistics, areal linguistics, typological case study.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **В. К. Кельмаков**

доктор филологических наук, профессор **Е. А. Игушев**

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, научная тема «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (FUUU-2021-0008).

ISBN 978-5-89606-638-5

© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023

© Г. А. Некрасова, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Становление падежных систем пермских языков финно-угорской ветви уральской языковой семьи происходило на протяжении многих столетий под влиянием разных тенденций, имевших место в разные исторические периоды: от прауральского языкового состояния до времени обособленного существования коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков и их диалектов. Формирование дистинктивных признаков падежных систем последовательно прослеживается при контрастивном исследовании материала каждого из современных языков в их противопоставлении к реконструируемой падежной системе общепермского праязыка. В этой связи весьма актуальным является синхронное изучение внутреннего устройства падежных систем, морфологических и функционально-семантических свойств падежей, взаимодействие категории падежа с другими грамматическими категориями имени существительного. Комплексное описание падежей на синхронном срезе может пролить свет на тенденции исторического развития падежных систем, определить роль типологических, генетических и ареальных факторов в их развитии. Систематизация сходств и различий падежных систем генетически родственных языков приобретает особую актуальность для выявления пространства вариативности и типологических возможностей падежей в рамках как исследуемых языков, так и уральской семьи языков в целом. Сопоставление падежных систем пермских языков дает дополнительный материал для сравнительно-исторических исследований финно-угорских и самодийских языков, а также вносит вклад в типологическое изучение языков мира.

В финно-угорском языкознании наблюдается постоянный интерес к синхронному и диахроническому исследованию падежа как одной из важнейших грамматических категорий имени существительного. История изучения категории падежа пермских языков подробно описана в ряде специальных трудов [Некрасова 1986; Кондратьева 2011в: 15–74; Кузнецов 2012: 33–49], а также в контексте освещения истории пермского языкознания [Кельмаков 2001; 2002]. В настоящей работе во избежание повторов отсутствует подробный обзор всей обширной литературы по рассматриваемой теме, но крат-

ко изложены основные аспекты и результаты изучения категории падежа в ранее опубликованных трудах по пермским языкам. Исследования, выполненные в разный хронологический период, различаются полнотой и подробностью описания, охватом и теоретическим осмыслением языкового материала. При освещении категории падежа внимание уделялось трем параметрам: составу категории, морфологическому выражению и семантической структуре падежей.

В первых грамматиках пермских языков категория падежа существительного включала пять-шесть падежей [Сочинения 1775: 5; Могилин 1786: 18 (31); Козлов 1808: 4–5; Флеров 1813: 9–10; Любимов 2007/1838: 17; Михайлов 1873: 17], схема была заимствована из русской грамматической традиции. Такая методика описания падежной системы получила распространение во многих первых грамматиках конкретных языков России, ср. состав падежей марийского языка в [Пуцек-Григорович 1775: 44], состав падежей мокша-мордовского языка в [Орнатов 1838: 7]. В XIX – нач. XX в. создается ряд грамматик коми и удмуртского языков, в которых количественный состав падежей в основных чертах был определен: падежная система коми языка содержала 13–18 падежей [Савваитов 1850: 101–109; Рогов 1860: 106–117; Sjögren 1830: 8; Gabelentz 1841: 10; 53–60; Castrén 1844a: 17–19; Wiedemann 1851: 43–44; Wiedemann 1884: 114–129]; падежная система удмуртского языка – 11–24 [Глезденев 1921: 17–18; Верещагин 1924: 24–25; Емельянов 1927: 117–147; Яковлев 1930: 17; Алатырев 1937a; Gabelentz 1846: 112; Wiedemann 1851: 43–44; Wiedemann 1884: 114–129; Aminoff 1896: 27] (подробно о выделении падежей в коми-зырянском языке см.: [Некрасова 1986; Veenker 1982], в удмуртском языке см.: [Кондратьева 2011в: 56–64]). В состав падежей удмуртского языка чаще всего не включались эгрессив и аппроксиматив, что объясняется двусложностью показателя эгрессива и низкой частотностью употребления аппроксиматива. В перечне падежей коми языка нередко отсутствовали аппроксиматив, а также падежи, не имеющиеся в удмуртском языке, – комитатив и консекутив. Некоторые падежные форманты рассматривались в составе словообразовательных суффиксов [Могилин 1786: 52, 56–60], послелогов [Михайлов 1873: 78, 80; Зубов 1931: 18, 20; Gabelentz 1841: 36; Castrén 1844a: 108], предлогов [Флеров 1813: 36–37], в чис-

ло падежей включались послелогои [Цембер 1910: 63–64; Глезденев 1921: 17–18; Верещагин 1924: 24–25; Алатырев 1937: 8], наречия и деепричастия [Верещагин 1924: 26–30]. Особого мнения придерживался И. А. Куратов, который не разграничивал падежи и послелогои, рассматривал их вместе как «послеположения» [Куратов 1939: 55], что было обусловлено отсутствием теоретических основ для выделения падежей, критериев разграничения падежных и послеложных единиц (подробно о взглядах И. А. Куратова см.: [Понарядов 2009]). В коми языкознании проблема определения статуса некоторых языковых единиц сохраняется, что вызвано агглютинацией послелогов в коми-пермяцких диалектах, а также семантической совмещенностью отдельных падежных суффиксов. В ряде работ были зафиксированы алломорфы и варианты суффиксов, но без объяснения принципов их распределения. В большинстве лингвистических трудов XIX – нач. XX в. по удмуртскому языку отмечены двойная огласовка суффикса инструментала, а также вариативные суффиксы иллатива [Верещагин 1924: 25; Gabelentz 1846: 114; Wiedemann 1851: 27–29; Wiedemann 1884: 124, 120; др.]. Все типы вариативных суффиксов, характерные для падежей удмуртского языка, впервые были описаны Т. Аминоффом, в работе которого приведены образцы склонения существительных, оканчивающихся на гласный (*apai* ‘старшая сестра, тетя’, *sarba* ‘туес’) и согласный (*murt* ‘человек’, *šiiñ* ‘глаза’, *ñules* ‘лес’), парадигмы склонения слова *корка* ‘дом’, отворшудных топонимов, оканчивающихся на *a* (*Nõrja* ‘Норья’, *Tupaļ* ‘Тупал Пурга’), отмечены вариативные суффиксы иллатива, двойная огласовка показателя инструментала [Aminoff 1896: 26–28]. В ряде трудов в качестве вариативных приведены суффиксы разных падежей, в частности на основе сходства выражаемых значений вариативными рассмотрены показатели генитива и аблатива [Сочинения 1775: 2; Верещагин 1924: 25], суффиксы элатива и эгрессива, датива и домуслатива [Wiedemann 1884: 117–119; 121], на основе сходства морфологического выражения – показатели датива и суперлатива; аблатива и суперэлатива [Рогов 1860: 16–18].

В первых и последующих грамматических описаниях пермских языков не ставилась задача подробного рассмотрения семантики падежей, поэтому в большинстве грамматик разного периода приведены только наиболее типичные контексты употребления падежей.

Несмотря на то, что грамматики XIX – нач. XX в. были составлены на материале разных диалектов, в них не всегда точно определен грамматический статус некоторых языковых единиц, оставлены вне описания некоторые факты языка, они ценны тем, что в них отражено состояние языка (диалекта) на определенном этапе его развития, в некоторых из них зафиксированы явления, утраченные современными языками. Первые грамматические изыскания положили начало теоретическому осмыслению языка. Помимо фиксации и систематизации языкового материала, в них представлены основные теоретические положения, понятия, разработан терминологический аппарат. Большинство лингвистических работ по пермским языкам XIX – нач. XX в. были выполнены в русле сравнительно-исторического языкознания, которое господствовало в этот период в финно-угроведении. Грамматическая система пермских языков нередко описывалась в сопоставлении с фактами более изученных финского и эстонского языков в целях установления типологических сходств.

В середине XX в. создаются нормативные грамматики с научным описанием языка [Майшев 1940: 38–41; Бубрих 1949: 35–53; СКЯ 1955: 137–138; КПЯ: 184–193; ГСУЯ 1962: 92–111], содержащие системное изложение грамматических правил литературного языка. Полнотой и глубиной научного представления современного состояния грамматической системы коми-зырянского языка отличается последняя грамматика [ÖKK], в которой даны не только стабильные формы и конструкции литературного языка, но и их варианты. В падежную систему, в отличие от предыдущих ее описаний, дополнительно включены приблизительно-местные падежи и компаратив, кроме того, в ее составе выделены два пролативных падежа. Некоторые аспекты морфологии удмуртского языка были пересмотрены в новой редакции учебника для вузов [УКК].

Предметом специального изучения падеж становится с середины прошлого века. Начало комплексному исследованию падежей коми-зырянского языка было положено Е. С. Гуляевым, в работах которого подробно анализируются семантико-синтаксические функции и происхождение падежей (элатива, эгрессива, аблатива, компаратива), имеющих этимологически общий компонент *-сь* в составе суффиксов [Гуляев 1958; 1960; 1961]. Принципы исследования падежей, за-

ложенные Е. С. Гуляевым, были использованы нами при изучении падежей (генитива, аблатива, датива, аппроксиматива, консекутива), показатель которых содержит коаффикс *-л-* [Некрасова 1987; 2002]. Системное освещение функционально-семантической характеристики падежей и формирования падежной системы удмуртского языка получило в работах Н. В. Кондратьевой [2010; 2011; 2011а; 2011в]. Наиболее изученными в пермском языкознании являются локативные падежи, описанию пространственных значений которых посвящены монографические исследования. В работе [Некрасова 1989] раскрыты функциональные взаимосвязи между местными падежами коми-зырянского языка, представленные в виде структурных схем. В исследовании Н. В. Кузнецова, выполненного в русле когнитивной лингвистики, пространственные значения падежей коми-зырянского языка рассматриваются как результат концептуализации пространственных отношений [Кузнецов 2012]. М. Н. Усачева, опираясь на динамический подход к семантике языковых единиц, предложенный в работе [Падучева 2004], пространственную семантику падежей пермских языков описывает в виде структурных шаблонов, акцентируя внимание на аспектуальные параметры выражения пространственных отношений [Усачева 2012; 2012а].

Наряду с исследованиями комплексного характера, разрабатывались частные вопросы, касающиеся категории падежа, среди которых спорные и малоизученные аспекты пермского языкознания. В связи с уточнением грамматического статуса языковых единиц выяснялись контексты употребления и ареалы распространения пролативных суффиксов [Некрасова 2011; Lakó 1950; 1952; Vászolyi 1968], падежей послеложного образования в удмуртском [Тепляшина 1981; Максимов 1999а; 2018; 2018а: 209–227] и коми-пермяцком [Некрасова 2016; Baker 1985: 175–197] языках, падежей со спорным статусом, представленных в ряде коми-зырянских диалектов [Некрасова 1985; 1990; 2012; Vászolyi 1968; Baker 1985: 156], определены некоторые особенности двойного падежного маркирования в удмуртском [Алатырев 1970; Кондратьева 2011б; Некрасова 2018; Arkhangelskiy, Usacheva 2018] и коми-зырянском [Некрасова 2000а; 2001а] языках. В исследованиях последних лет отмечается повышенный интерес к проблемам внутриязыкового варьирования падежей, а также конку-

ренции между падежами и послелогоми. В ряде работ анализируются факторы, определяющие выбор средств оформления прямого объекта [Нечаев 1960; Прокушева 1984; 1988; Понарядов 2000; Кондратьева 2002; 2010: 118–135; Сердобольская, Толдова 2007; 2012; 2014; 2017; Baker 1986; Salminen 2006; Klumpp 2008; 2009; 2012; 2014], а также факторы, влияющие на выбор падежных и послеложных единиц [Некрасова 1986а; 2015; Бирюк, Усачева 2010; 2012]. Значительное количество работ посвящено описанию семантической структуры падежей удмуртского [Вахрушев 1980; 1984; Перевошиков 1980; Тараканов 1997; Конева 2002; Карпова 2007; 2011; 2016; Кондратьева 2001; 2010б; 2010в; 2011а; Карпова, Кондратьева 2014; др.] и коми-зырянского [Гуляев 1958; Некрасова 1985; Забоева 2000; Кузнецов 2010; 2011; 2011а; 2014; Kuznetsov 2012; др.] языков. В ряде публикаций рассмотрены межкатегориальные связи в системе субстантивного склонения: взаимодействие категорий падежа и посессивности в удмуртском [Кельмаков 2000; Едыгарова 2010] и коми-зырянском [Сажина 2002; Некрасова 2014] языках, категорий падежа и числа в удмуртском языке [Тепляшина 1975; Некрасова 2006], вопросы глагольного и именного управления в коми-зырянском [Сидоров 1950; 1953; Иевлева 1984; Лудыкова 2005; 2006; 2010; 2012; Цыпанов 1997; 2005; 2015] и удмуртском [Шутов 1978; 1987; 1990; 2001; Вахрушев 1980; 1984; Перевошиков 1980] языках. Стилистические особенности функционирования падежных форм коми-зырянского языка, принципов их отбора в зависимости от целей высказывания и обстановки речевого общения освещены в работах Е. А. Игушева [1990; 1998].

Некоторые аспекты падежных систем фрагментарно рассмотрены в контексте сравнительно-сопоставительных исследований пермских языков [Игушев 2000; Некрасова 2004; Bartens 2000], удмуртского и русского языков [Ушаков 1982; Каракулов, Каракулова 2000; 2001], коми и русского языков [Хелимский 1973; Игушев 1988].

Анализ падежных терминов, используемых разными авторами, способы современного терминотворчества, достоинства и недостатки терминов в плане их формы и содержания освещены в работах [Ушаков 1984: 3–17; 2002: 244–249; Тараканов 1998: 225–228; Максимов 1999а: 195–196; 2018а: 218–220; Некрасова 2009; 2012а; Veenker

1982]. Однако многие терминологические вопросы остаются нерешенными, в современном коми и удмуртском языкознании применяются разные термины для одного и того же понятия, в частности для наименования отдельных падежей (подробнее см.: гл. 1, раздел 1.1, п. 6).

К настоящему времени достигнуты серьезные результаты в изучении территориальных разновидностей пермских языков, о чем свидетельствуют монографические исследования по коми-зырянским [ВД; ВВД; ВСД; ИД; ЛЛД; НВД; ПД; ПСД; ССД; УД ; Ляшев 1977; Туркин 1998]; коми-пермяцким [Баталова 1990; 1995; 2002; Лобанова 1993; Дмитриева 1998; Пономарева 2002; 2016; КЯД; Genetz 1897]; удмуртским [Тепляшина 1955; Тараканов 1958; Кельмаков 1969; Тепляшина 1970; Бушмакин 1971; Насибуллин 1973; Загуляева 1980; Карпова 2018] диалектам, а также обобщающие работы по коми [Баталова 1975; 1982; 1998; Сажина 2004; Попова, Сажина 2014], удмуртской [Kel'makov, Saarinen 1994; Кельмаков 1998] и пермской [Лыткин 1955] диалектологии. Описание падежной системы диалектов традиционно включает парадигмы простого и посессивного склонений, варианты падежных суффиксов, специфические значения падежей, которые не представлены в литературном языке.

С XIX в. пермские языки рассматривались в сравнительно-историческом контексте для установления их генетического родства. К этому периоду относятся первые попытки объяснения происхождения падежных суффиксов [Савваитов 1850: 101; Gabelentz 1841: 55; Castrén 1844: 17–19; Castrén 1844a: 6–8; др.], которые заключались в поисках предполагаемого источника суффикса и выявлении его рефлексов в родственных языках. Позднее появляются специальные работы по исторической грамматике пермских языков, в которых освещалось формирование как падежной системы [Кондратьева 2011; Wichmann 1923–1924; Rédei 1988; Csúcs 2005; др.], так и отдельных ее фрагментов [Серебренников 1958; 1962; 1968; 1981; 1982; Fokos-Fuchs 1966; Vászolyi 1968; Vászolyi 1968a; Rédei 1975; др.]. Обстоятельным исследованием по исторической морфологии пермских языков является монография Б. А. Серебренникова [Серебренников 1963]. В ней пересмотрены существующие гипотезы и представлен собственный подход к вопросам реконструкции и эво-

люции падежей пермских языков. Несмотря на то, что некоторые положения, выдвинутые в этой работе, не получили подтверждения, по глубине анализа, привлечению материала она значительно превосходит последующие публикации по исторической грамматике коми и пермских языков. Эволюция падежной системы коми языка, ее истоки и современное состояние описаны в монографии [Baker 1985]. Р. Бейкер впервые выдвинул предположение, что одним из основных факторов перестройки прапермской падежной системы явилось развитие категории одушевленности. Вслед за Р. Бейкером, со становлением категории одушевленности, а также с отпадением конечных гласных основы связывает изменения в падежной системе прапермского языка Н. В. Кондратьева. В работах [Кондратьева 2011; 2011в] проанализированы гипотезы, объясняющие возникновение и развитие падежных суффиксов удмуртского языка, а также предложена реконструкция прапермской падежной системы.

Материал пермских языков широко используется при реконструкции состояний падежной системы прауральского/прафинно-угорского языков [Серебренников 1964; Основы 1974; Майтинская 1979; Хелимский 1982; Хайду 1985; Юдакин 1997; Collinder 1960; Korhonen 1979; Rédei 1996; др.]. **Происхождение падежных суффиксов** рассматривалось в связи с исследованием других аспектов пермских языков, в частности истории согласных [Uotila 1933] и гласных [Лыткин 1970; 1975; Кельмаков 1986; 1990; 2004; Понарядов 2018], деривационных суффиксов [Федюнева 1985; Lehtisalo 1936; Kövesi 1954], местоимений [Федюнева 2008], наречий [Федюнева 1995; 2018; Шибанов 2012], послелогов [Майтинская 1982; Rédei 1962], этимологии слов [КЭСК; Туркин 1980].

Падеж является одной из изученных и изучаемых грамматических категорий в финно-угорском языкознании. Выполнены специальные исследования в русле разных направлений на материале прибалтийско-финских [Паюсалу 1958; Лаанест 1959; Зайцева 1981б; Bartens 1972; Larsson 1983; Vainik 1995; Jaakola 2004; др.], марийского [Тужаров 1987; Зорина 2002; Kangasmaa-Minn 1966; 1969; Alhoniemi 1967; 1977], мордовских [Цыганкин 1977; Рузанкин 1985; Кудаев 1987; Мосина 2013; 2014], угорских [Майтинская 1950; Лыскова 2003; Мымрина 2006] языков.

Несмотря на достигнутые успехи в изучении грамматики пермских языков и наличие значительного количества публикаций, степень изученности отдельных фрагментов грамматических систем остается недостаточной. Отсутствуют специальные исследования падежной системы коми-пермяцкого языка, фрагментарно описана падежная система коми-зырянского языка, не получили освещения некоторые вопросы падежной системы удмуртского языка. Крайне слабо разработаны вопросы внутриязыкового и межъязыкового варьирования, дистрибуции и функционирования падежных единиц, что затрудняет сравнительно-сопоставительное исследование падежей пермских языков в целом.

Настоящая монография посвящена комплексному описанию падежной системы пермских языков, выявлению и систематизации сходств и различий в морфологической и функционально-семантической характеристиках падежей. Исследование проведено на синхронном срезе с диахроническими экскурсами с использованием комплекса методов сравнительно-исторического, сопоставительно-контрастивного, ареального и типологического направлений современного языкознания. Теоретические основы исследования составили идеи и концепции по теории падежа, представленные в работах Б. Блейка, А. П. Володина, А. А. Зализняка, Г. А. Золотовой, А. Е. Кибрика, Е. В. Клобукова, Е. А. Лютиковой, И. А. Мельчука, И. А. Николаевой, В. А. Плунгяна, М. А. Шелякина, Т. Штольца и др. Кроме того, учитываются опыт и результаты исследований, посвященных изучению падежей, а также проблем, косвенно касающихся развития и функционирования падежей, в финно-угорских и самодийских языках, в частности работ В. И. Алатырева, Р. Бартенс, Р. М. Баталовой, Р. Бейкера, Д. В. Бубриха, Г. И. Ермушкина, Н. Г. Зайцевой, В. К. Кельмакова, Н. В. Кондратьевой, А. Кюннапа, В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, Н. М. Мосиной, П. Н. Перевощикова, К. Редеи, Б. А. Серебренникова, И. В. Тараканова, Т. И. Тепляшиной, Г. М. Тужарова, Ш. Чуча и др.

Эмпирическим материалом исследования послужили аутентичные тексты на исследуемых языках из печатных и электронных источников. Письменные источники включают художественные, диалектные и фольклорные тексты XX в. Примеры из текстов более

раннего периода приведены в случае, если употребление падежа носит архаичный характер или в современном языке не представлено. Основными источниками материала удмуртского и коми-зырянского языков явились тексты из Корпуса удмуртского языка (далее – КУЯ) и Корпуса коми языка (далее – ККЯ). Электронный корпус не только облегчает поиск необходимых примеров, но и дает возможность определить частотность употребления и вариативность языковых единиц, позволяет выявить тенденции, связанные с употреблением падежных единиц. Размер КУЯ составляет более 7 млн словоупотреблений, большинство из них (91 %) приходится на периодическую печать 2007–2015 гг. ККЯ включает словоупотребления из художественных, официально-деловых, фольклорных, научных текстов. Кроме того, в работе привлекаются данные, полученные от носителей языка, в основном коми-пермяцкого и удмуртского языков, а также удорского диалекта. Для выявления специфических черт падежных систем пермских языков был использован материал описательных грамматик и специальных трудов по отдельным финно-угорским языкам.

Основные принципы подачи материала:

1. Орфография и пунктуация примеров сохранены в том виде, в котором они представлены в источниках.

2. При паспортизации примеров, извлеченных из письменных источников, указаны автор, год издания произведения и страница. При паспортизации примеров, извлеченных из электронных источников, отмечен автор или источник. Если электронные корпуса используются для статистически достоверного изучения динамики функционирования падежей, то указывается дата обращения к корпусу, т. е. когда был проведен статистический анализ, – в круглых скобках «дата обращения», после знака «двоеточие» число, месяц и год. Указание на дату обращения к корпусу актуально только для ККЯ, фонды которого постоянно пополняются. КУЯ не обновляется, поэтому дата обращения к нему не указывается. Материал, полученный от носителя языка или диалекта, представлен без ссылки на источник.

3. В примерах полужирным шрифтом выделяется словоформа в искомом падеже.

4. Перевод примеров на русский язык осуществлен максимально близко к оригиналу.

5. Паспортизация коми-зырянского диалектного материала проводилась на основе принятого в коми-зырянской диалектологии членения [Лыткин 1955: 30] (см.: Приложение 1, Карта 1), коми-пермяцкого диалектного материала – на основе диалектного членения, предложенного Р. М. Баталовой [1975: 210–235], но учитывая объединение мысовского и верх-лупьинского диалектов в мысовско-лупьинский [Пономарева 2002; Федосеева 2002] (см.: Приложение 1, Карта 1); паспортизация удмуртского диалектного материала – на основе диалектного членения, предложенного В. К. Кельмаковым [1998: 41–44] (см.: Приложение 1, Карта 2).

6. В исследовании приняты термины: коми язык, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки. Под термином «коми язык», традиционно используемым в качестве синонима термину «коми-зырянский язык», в данной работе понимаются все территориальные разновидности коми-зырянского и коми-пермяцкого языков. Этот термин применяется при описании схожих языковых явлений в обоих коми языках.

Глава 1. ПАРАДИГМАТИКА КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

1.1. Теоретические предпосылки изучения категории падежа

Падеж постоянно привлекал к себе внимание лингвистов разных направлений и продолжает исследоваться в разных аспектах в настоящее время. Основные положения теории падежа, начиная с учения Панини и включая концепции отечественных и зарубежных исследователей XIX–XX вв. (учения М. В. Ломоносова, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Ч. Филлмора, Г. А. Золотовой, В. А. Плунгяна и др.), подробно изложены в ряде лингвистических работ [Лаврентьев 2001; Лютикова 2017; Blake 2009; Butt 2009; др.]. **Существующие описательные концепции** категории падежа различаются неоднозначным подходом к сущности падежа. Представляется возможным свести их к нескольким направлениям, или подходам, среди которых получили более широкую известность: 1) морфологический подход, характеризующийся анализом падежных значений с точки зрения их оппозиций как членов парадигмы слова (Е. В. Чешко [1959], И. М. Тронский [1967], И. П. Сусов [1971], Р. Якобсон [1985], Л. Ельмслев [Hjelmslev 1935] и др.); 2) синтаксический подход, основывающийся на первичности синтаксических функций по отношению к морфолого-семантическим (Е. Курилович [1962], А. П. Володин [1974], Н. Ю. Шведова [Грамматика 1980], Г. А. Золотова [2006], Е. А. Лютикова [2017] и др.); 3) логико-семантический подход, представленный теорией глубоких падежей (семантических ролей) (У. Чейф [1975], В. В. Богданов [1977], Ч. Филлмор [1981; 1981a] и др.). Приведенные теории отражают отдельные свойства категории падежа, что свидетельствует о сложности этой категории, о ее связи практически со всеми уровнями языка. В рамках данной работы принимается морфолого-синтаксический подход к сущности падежа, учитывающий противоречивые свойства категории падежа: по способу выражения падеж является морфологической категорией, по функции – синтаксической. Основные свойства падежа в рамках этого подхода находят отражение в определении, сформулированном в «Курсе общей мор-

фологии» И. А. Мельчуком: «<...> падеж – это грамматическая категория существительного, которая удовлетворяет одновременно двум следующим условиям: 1. Ее граммемы обязательно выражают пассивные (зависимые) поверхностно-синтаксические роли данного существительного и могут также выражать семантические отношения между этим существительным и его синтаксическим хозяином. 2. Она содержит по крайней мере две граммемы, <...> которые принадлежат к ядру синтаксической или морфологической системы языка <...>» [Мельчук 1998: 325].

Подробнее остановимся на некоторых важных теоретических аспектах категории падежа:

1. *Структура категории падежа*. Падеж – это морфологическая категория. Системная организация морфологических категорий представлена в грамматических оппозициях их членов [Шелякин 1985; 2001: 19; Мельчук 1997: 247–250; Зализняк 2002: 26–27; Плунгян 2003: 109, 113; др.]. Количество единиц категории зависит от количества формально выраженных грамматических значений, которых должно быть не менее двух. Как отмечает И. А. Мельчук, «<...> категория никогда не содержит меньше двух элементов – поскольку значения одной категории должны, по определению, исключать друг друга, а для этого требуется по крайней мере два противопоставленных значения» [Мельчук 1997: 248]. Мнения, высказываемые в отношении принципов устройства категории падежа, несколько противоречивы, в основе ее организации усматриваются как оппозиционные, так и неопозиционные отношения. М. А. Шелякин полагает, что все морфологические категории построены на «<...> бинарном принципе, который заключается в наличии противопоставленных грамматических значений с возможными промежуточными значениями, содержащими признаки противопоставленных значений» [Шелякин 2001: 19]. Согласно Б. А. Успенскому, члены категории падежа могут вступать в эквиополентные и привативные оппозиции [Успенский 2004: 67]. По мнению А. В. Бондарко, отношения оппозиции по семантическим признакам «<...> можно установить между отдельными падежными формами, но в целом система падежных форм строится на отношении различия между значениями, не подчиненными единому классификационному принципу». «<...> для двучленных категорий характерна оппозитивность, тогда как многочленные ка-

тегории могут быть связаны как с оппозитивными, так и с неопозитивными различиями» [Бондарко 1981: 19]. Противоречивые мнения в отношении организации грамматической категории падежа свидетельствуют о том, что задача системно-структурного моделирования многочисленных грамматических категорий теоретически является довольно сложной.

В истории теоретической лингвистики были предложены различные классификации в зависимости от понимания сущности и природы падежного значения. Сторонники морфологического подхода рассматривали падежную систему с точки зрения структурных оппозиций. Согласно Л. Ельмслеву, основу категории падежа составляют пространственные отношения, характеризующиеся тремя измерениями: направление, близость или соположение, субъективность/объективность. В каждом из измерений существует своя система оппозиций, основанная на трех значениях, которые реализуются в пространственных отношениях как + = «приближение», – = «удаление», 0 = «покой» [Hjelmslev 1935: 113–123 (перевод по [Лаврентьев 2001: 51–53])]. Рассматривая категорию падежа как систему оппозиций, Р. Якобсон выделял четыре дифференциальных семантических признака (корреляции) падежного значения: направленность, объем, периферийность, оформление [Якобсон 1985]. Падежная система русского языка в описании М. А. Шелякина представлена в аспекте локальных функций падежей, которые различаются по трем признакам: 1) по выражению предмета динамической направленности/статической локации; 2) по выражению предмета инклюзии/эксклюзии; 3) по выражению прямой/обратной направленности или локации по отношению к предмету [Шелякин 1985: 45]. Подход, предложенный М. А. Шелякиным, был применен нами к материалу коми-зырянского языка при определении системных отношений между пространственными [Некрасова 1989], а также некоторыми объектными падежами (генитивом, аблативом, дативом, консекутивом) [Некрасова 2002: 130–132]. В обоих случаях была получена многоступенчатая иерархия, отражающая отношения между падежами.

Падежи имеют грамматическую семантику, характерную для определенного синхронного среза. Поэтому при уяснении системных взаимосвязей между падежами необходимо последовательное раз-

граничение диахронического и синхронного аспектов. Установление системных отношений, проявляющихся между отдельными падежами, а также определение иерархической зависимости падежных единиц в современных пермских языках осложняются тем, что в процессе эволюционного развития языков происходила перестройка противопоставлений в падежной системе, которая была обусловлена появлением новых единиц и утратой старых, изменением функционально-семантической характеристики некоторых падежей. Придерживаясь мнения А. В. Бондарко, считаем, что падежная система современных пермских языков не имеет единого классификационного принципа. В настоящей работе в соответствии с ее целью в отдельных главах рассматриваются семантика и употребление субъектно-объектных и пространственных падежей. Такое распределение падежей применено в целях структурирования работы и является наиболее приемлемым для сопоставления семантической структуры падежей генетически родственных языков.

Сторонники синтаксического направления классифицируют падежи на основе синтаксических функций. Е. Курилович падежи делит на грамматические (синтаксические) и конкретные (наречные). Ядро падежной системы составляют грамматические падежи (номинатив, аккузатив, генитив), для которых первичной является синтаксическая функция (выражение субъектно-объектных отношений), а «наречная» функция (выражение обстоятельственных, или «наречных», значений) – вторичной. Для конкретных, или наречных, падежей, наоборот, первичной является наречная функция, а синтаксическая – вторичной (схема 1) [Курилович 1962: 175–199].

Схема 1. Иерархия падежей (по Е. Куриловичу [1962: 199]).

Согласно А. П. Володину, падежи в зависимости от своей первичной функции образуют трехуровневую систему: I уровень зани-

мают синтаксические, или позиционные, падежи (падежи подлежащего и прямого дополнения, максимально свободные от семантики); II уровень – семантические падежи (падежи косвенного дополнения, у которых синтаксическая роль сопровождается семантическим компонентом); III уровень – локативные, или адвербиальные, падежи (падежи обстоятельства) [Володин 1974: 286–287]. Е. А. Лютикова выделяет грамматические (структурные, конфигурационные) падежи – падежи, связанные с определенной синтаксической категорией или конфигурацией; лексические (ингерентные) – падежи, связанные с управлением конкретных лексем; семантические – падежи, выбор которых определяется собственным значением (обычно одним из обстоятельственных значений) именной группы в составе синтагмы [Лютикова 2017: 19]. Деление падежей на грамматические и семантические является условным. Как отмечает И. А. Мельчук, «<...> чаще встречается такая ситуация, когда падеж в одних контекстах выражает некоторый смысл, а в других – нет <...>. С другой стороны, синтаксический падеж может приобретать семантические функции <...>» [Мельчук 1998: 327–328]. Он считает, что «целесообразнее говорить о синтаксических или семантических употреблениях некоторого падежа, чем о синтаксическом или семантическом характере этого падежа в целом». В пермских языках синтаксическими являются номинатив, аккузатив, генитив, в ряде коми-зырянских диалектов синтаксические употребления (в позиции грамматического подлежащего и прямого дополнения) имеет также датив (см.: гл. 3, раздел 3.5).

Таким образом, свойства падежа позволяют применять различные подходы к классификации в соответствии с пониманием сущности падежа и целью исследования.

2. *Формальные средства выражения падежа и морфологические типы падежей.* С точки зрения плана выражения выделяются синтетические и аналитические падежи. Синтетические имеют морфологические средства выражения, падеж выражается в пределах словоформы. Аналитические выражаются в пределах другой словоформы, зависящей от данной, напр., группы «предлог + существительное» или «существительное + послелог» [Ганиев 1970; Яхонтов 1978: 102; Мельчук 1997: 334; Самирханова 2004: 16]. В данном исследовании, в соответствии с финно-угроведческой лингвистической традицией,

принята классическая процедура выделения падежей, предложенная А. Н. Колмогоровым и В. А. Успенским и подробно описанная в работах А. А. Зализняка [Зализняк 2002: 38–42, 613–628]. Под падежными понимаются «цельные словоформы, и два падежа признаются различными лишь в том случае, если хотя бы у части склоняемых слов им соответствуют внешне различные словоформы» [Зализняк 1973: 54–55]. Показатель падежа может быть эксплицитно не выражен, т. е. иметь нулевую морфему.

В языках мира встречаются падежи, которым не присущи все признаки, свойственные прототипическому падежу [Зализняк 2002: 629–640; Плунгян 2003: 172–175]. Они могут не иметь самостоятельного морфологического выражения, могут проявлять синонимичные отношения с другими падежами или ограничены в дистрибуции.

В зависимости от самостоятельности морфологического выражения выделяются морфологически самостоятельные и морфологически несамостоятельные падежи [Мельчук 1998: 333]. *Морфологически самостоятельным* является падеж, имеющий только ему присущую форму выражения. Такие падежи характерны для агглютинативных языков. Типичным примером являются финно-угорские языки, в падежных системах которых каждый падеж имеет или исходно имел специализированную форму выражения, не совпадающую с показателем другого падежа.

Морфологически несамостоятельный падеж не имеет собственного морфологического выражения, его показатель совпадает с формой другого падежа или с формами нескольких падежей. Падежи с такими показателями допускают различную интерпретацию: могут описываться как особый морфологически несамостоятельный падеж или как единица с «расчлененным правилом управления» [Зализняк 2002: 629–633]. Так, в русском языке при глаголах *ждать*, *ожидать* действует «расчлененное правило управления»: одушевленные существительные употребляются в винительном падеже, неодушевленные – в родительном, за исключением некоторых существительных, допускающих оба эти падежа, ср. *жду мать, сестру, конца, ночи, поезда ~ поезд*.

Если показатель падежа отличается от формы другого падежа у незначительной части лексем, в большинстве случаев он совпадает

с показателем какого-либо другого падежа, то такие формы трактуются как *слабо дифференцированные* [Зализняк 2002: 632]. Слабо дифференцированным является второй предложный, или местный, падеж в русском языке, который имеют не более чем 150 существительных в единственном числе: *в саду́, на носу́, в тени́* [Плунгян 2002а: 229]. Большинство лексем в единственном числе, а также все существительные во множественном числе принимают форму основного предложного падежа.

Падежи могут различаться по семантической совмещенности. В процессе языковой эволюции исходная семантическая структура падежа меняется, развиваются новые значения, угасают старые, в результате чего возможно сближение разных по происхождению языковых единиц, развитие грамматической синонимии, которая ослабляет семантическую противопоставленность падежей. Природа синонимии обусловлена асимметричностью языкового знака, «один знак может нести несколько означаемых, и одно означаемое может выражаться несколькими знаками» [Попова, Стернин 2007: 178]. Если падеж может быть заменен в любом контексте другим падежом без изменения смысла, он является *факультативным*. Замещение в другом направлении невозможно, т. е. один из падежей может быть замещен, второй нет. В качестве примера можно привести словоформы второго родительного падежа (партитивного [Клобуков 1986: 18], количественно-отделительного [Зализняк 2002: 44]) в современном русском языке, которые могут быть заменены соответствующими словоформами первого родительного, ср. *у них мало чаю ~ чая, снегу ~ снега*. Между тем словоформы первого родительного нельзя заменить словоформами второго родительного. Факультативный падеж часто образует слабо дифференцированную пару с тем падежом, к которому он примыкает, и не включается в описание падежной системы.

Падежи могут различаться по степени полноты, т. е. по лексической сочетаемости. Прототипический падеж не имеет ограничений на лексическую сочетаемость, его морфологические показатели могут принимать лексемы разных лексико-грамматических разрядов. Он является *полным*. Если форма падежа свойственна ограниченному классу слов, то такой падеж считается *неполным*. В качестве

примера, в венгерском языке в форме темпоралиса употребляются только существительные, обозначающие отрезки времени и события.

Проблемы, связанные с определением статуса языковой единицы, с разграничением падежа и послелога, а также морфологические типы падежей, представленные в современных пермских языках, подробно рассматриваются в разделе 1.2.

3. *Семантика падежа: критерии выделения и классификация значений.* В теоретической лингвистике известны два основных подхода к описанию семантики падежей: «инвариантный» и «полисемический» [Плунгян 2003: 225–238; Аркадьев 2006: 31–35; Blake 2001: 30–47]. Инвариантный подход, представленный в работах Р. О. Якобсона [Якобсон 1985] и Л. Ельмслева [Hjelmslev 1935], усматривает для каждого падежа одно абстрактное значение, которое как определенный семантический инвариант сохраняется в каждом частном значении и составляет их системную основу. Сторонники полисемического подхода допускают, что падежи в языке могут иметь несколько различных значений, в частности А. Вежбицка отмечает, что «<...> каждый падеж имеет большое количество значений, которые, однако, могут быть четко отграничены друг от друга. Все различные значения падежа взаимосвязаны» [Вежбицка 1985: 309; Вежбицкая 2011: 262]. Для межъязыкового сопоставления семантики падежей подходит «полисемический» подход, позволяющий выявить общие и специфические черты семантической структуры падежей в сравниваемых языках. При выделении отдельных значений падежей необходимо придерживаться типологически ориентированного подхода, который важными для анализа семантики падежей постулирует критерии специализации показателя и перекрытия семантики показателей (подробно о критериях см.: [Ганенков 2002: 37]). Критерий специализации допускает выделение значения, которое выражается специализированным показателем хотя бы в одном языке. Критерий перекрытия позволяет выделить значение при частичном совпадении семантики показателей в разных языках, хотя основной круг употребления этих показателей различен [Ганенков 2002: 37]. Таким образом, разными значениями падежа в данном языке следует считать любые два значения, эквиваленты которых имеют разное морфологическое выражение в одном из других языков.

Методологически корректным видится диахронический подход к последовательности описания значений падежей – от исходных к производным. Как утверждал еще А. А. Потебня, «<...> лучше, как это и делают, при изложении значений падежа руководствоваться лишь генетической их связью, как бы она ни казалась сомнительна» [Потебня 1958: 432]. Согласно М. А. Шелякину, «<...> для синхронного описания необязательно точное установление исторически засвидетельствованного первичного значения и хронологии его поэтапного развития – важна прежде всего сама логика семантического развития падежа, логико-генетическая связь его отдельных значений» [Шелякин 1987: 108; Шелякин 2001: 38]. Рассмотрение значений от исходных к производным характерно для исследований по когнитивной семантике. Семантическая эволюция грамматической единицы представляется как развитие прототипического значения, которое проявляется как «продвижение от простого к сложному, от наглядного, наблюдаемого к абстрактному, ненаблюдаемому» [Кустова 2004: 23]. В современных типологических исследованиях полисемия грамматических единиц нередко представлена на семантических картах. Семантическая карта позволяет схематично показать семантическую или функциональную близость различных значений языковых единиц, представить имплицативные универсалии, прогнозировать возможную/невозможную дистрибуцию языковых единиц [Татевосов 2002; 2004]. Диахронический подход к описанию семантики падежей был применен нами при исследовании *л*-овых падежей пермских языков [Некрасова 1987; 2002], пространственные значения местных падежей коми-зырянского языка в русле когнитивной лингвистики рассмотрены в работе Н. В. Кузнецова, однако сетевая модель значений определена только для аппроксиматива [Кузнецов 2012]. Представляется, что для межъязыкового сопоставления падежных систем необходимо прежде всего выявить полный инвентарь значений отдельного падежа в каждом из сравниваемых языков, далее определить сходства и различия между языками.

В настоящем исследовании семантическая структура каждого падежа рассматривается в отдельном разделе, значения падежа разделены на группы в зависимости от их представления в сравниваемых языках. Раздел имеет три подраздела: межъязыковые сходства, межъязыковые различия и сравнительно-исторический аспект.

В первом подразделе описываются употребление и значения падежа, имеющие распространение во всех пермских языках или в двух из них. В эту группу входят также: а) значения, которые не имеют повсеместного распространения в отдельном языке, но представлены в ряде или даже только в одном диалекте этого языка; б) единичные случаи употребления падежа, являющиеся для современного языка нетипичными, но зафиксированы в письменных источниках XIX – нач. XX в. Во второй подраздел включены значения падежа, которые характерны не более чем для одного языка. В случае, если падеж во всех сравниваемых языках обнаруживает черты семантического сходства, что характерно для грамматических падежей – номинатива, аккумулятива и генитива, то второй подраздел отсутствует. Принятый порядок рассмотрения значений не следует принимать за отражение диахронического развития семантической структуры падежа. В целях сокращения объема не все значения падежа освещены подробно, с указанием контекста и семантического развития, как это было представлено в [Некрасова 1987; 2002], но описаны основные случаи варьирования падежей между собой, а также падежей и послелогов. Следует напомнить, что описание семантики падежей произведено на материале литературных языков, фрагментарно привлечены доступные диалектные данные, а также сведения из ранних письменных источников. Возможные уточнения в подразделах могут быть сопряжены с дальнейшим исследованием грамматической системы диалектов, особенно южных удмуртских и коми-пермяцких.

В третьем подразделе освещается этимология падежного суффикса, а также приведен сопоставительный материал из отдельных родственных и неродственных языков преимущественно для значений, имеющих распространение только в одном из сравниваемых языков. При рассмотрении специфических значений падежей коми языков привлекается материал прибалтийско-финских языков и севернорусских говоров. Такой выбор основывается на результатах лингвистических и археологических исследований, свидетельствующих о языковом взаимодействии между различными группами пермских и прибалтийско-финских языков [Лыткин 1963; Туркин 1974; 1985; Хаузенберг 1980; 1999; 2001; 2002; Дубровина, Лудыкова 1990; Федюнева 2006; 2008a; Hausenberg 1981; 1985; 1996; др.], а также

между отдельными финно-угорскими языками и русскими говорами [Игушев 1973; Хелимский 1973; Мызников 2004: 320–324; 2010; 2017; Федунева 2010; 2012; Теуш 2011; 2016; Kalima 1910; Leinonen 2002; др.] на Европейском Севере. Учитывая длительное контактирование восточнофинских и тюркских языков в составе так называемого Волго-Камского языкового союза, что нашло отражение в развитии многочисленных общих черт [Серебренников 1955; Тараканов 1964; 1982; 1993; 1997; 1998: 158–166; 205–215; 237–242; 286–300; Кельмаков 1974; 1975; 1983; 1985; Насибуллин 1977; 1978; 1981; 1984; Сааринен 2002; Редеи 2009; Wichmann 1903; Beke 1914–1915; Fokos 1937; Itkonen 1954; Bartens 1979; Csúcs 1990; др.], **спорадически** привлекается материал татарского, башкирского, чувашского, а также марийского языков. Обобщения, представленные в этом подразделе, носят характер предварительных наблюдений, так как подробность описания семантики падежей в описательных грамматиках разных языков сильно варьируется. Следует отметить, что семантические параллели, обнаруженные при сопоставлении падежей, могут являться унаследованными от прапермского языка; могли возникнуть в результате контактного влияния родственных и неродственных языков; могли сформироваться в результате самостоятельного развития каждого языка, т. е. могут иметь типологический характер. В работе не делаются окончательные выводы о причинах сходства семантики падежей сравниваемых языков, а также обобщения этногенетического характера, поскольку такое исследование должно учитывать как лингвистические, так и археологические, антропологические, этнографические и т. п. сведения.

4. *Синтаксические функции падежей.* Морфологические категории «<...>» устанавливают связи и отношения между компонентами предложения, придавая ему грамматически и семантически связанный характер» [Шелякин 2001: 26]. В грамматических описаниях языков синтаксические отношения между составляющими предложения традиционно представлены в понятиях членов предложения. Существительное в форме падежа в составе предложения может занимать позицию подлежащего, прямого и косвенного дополнения, атрибута, предикатива, обстоятельства. От типичных падежей отличается вокатив («звательный падеж»), который не маркирует синтак-

сической зависимости, что является основанием различного истолкования его статуса (свойства вокатива подробно обсуждаются в гл. 1, разделе 1.5). В настоящем исследовании синтаксические свойства падежей не рассматриваются, за некоторыми исключениями.

5. *Падежная терминология.* В пермских языках, как и в других финно-угорских, распространенных на территории России, падежи имеют национальные (коми, удмуртские), русские, латинские названия (подробнее см.: [Некрасова 2009]). Большинство названий стандартные, им присущи однозначность, отсутствие синонимов в рамках одной из терминсистем. Между тем, несмотря на давнюю лингвистическую традицию, для номинации некоторых падежей в современной лингвистике параллельно применяются вариативные названия. В этой связи представляется необходимым сопоставление таких названий с терминами, принятыми для соответствующих падежей в финно-угорском языкознании и теоретической лингвистике. В данной монографии использованы латинские названия падежей, поэтому в рассмотрение включены только такие названия.

1. Падеж с суффиксом кз. *-тӧг*, удм. *-тэк*, выражающий отсутствие объекта или субъекта действия, имеет названия *абессив* [Бубрих 1949: 43; Кондратьева 2011а: 20; Кузнецов 2012: 89; Попова, Сажина 2014: 110; Baker 1985: 66; Hamari 2011] и *каритив* [Симоненко, Леонтьев 2012: 271; 276; Rédei 1988: 383; Bartents 2000: 78]. Оба термина употребительны в научной литературе [Плунгян 2003: 170; Оскольская и др. 2020: 10; Haspelmath 2009: 512]. В данной работе предпочтение отдается названию *абессив* ввиду того, что оно используется для наименования падежа с каритивной семантикой в финно-угорских языках [ГМЯ: 151; Зайцева 1981б: 85; Тужаров 1987: 96; Зайков 1999: 36; Ермушкин 2004: 75; Мосина 2013: 51].

2. Для обозначения падежа с суффиксом *-ся*, выражающего сравнительные отношения, используются термины *преклюзатив* [Основы 1976: 143], *преклюзив* [Кузнецов 2012: 89; Попова, Сажина 2014: 124; Rédei 1988: 383; Bartents 2000: 78; Csúcs 2005: 194], *компаратив* [Баталова 1993: 234; Некрасова 2004: 62; Кондратьева 2011а: 21; Baker 1985: 66]. В общетеоретических исследованиях [Мельчук 1998: 338; Плунгян 2003: 170; Haspelmath 2009: 513] и финно-угорском языкознании [ГМЯ 152; Тужаров 1987: 91; Зорина 2002: 9; Ермушкин 2004:

75; Мосина 2013: 51] используется термин *компаратив*, который принят в качестве названия падежа с суффиксом *-ся* в настоящей работе.

3. За коми падежом с суффиксом *-ла* в большинстве трудов закрепилось название *консекутив* (*конзекутив*) [Основы 1976: 143; Кондратьева 2011а: 21; Кузнецов 2012: 89; Симоненко, Леонтьев 2012: 276; Попова, Сажина 2014: 111; Baker 1985: 66; Rédei 1988: 383; Bartents 2000: 78; Csúcs 2005: 194], использовались также названия *финалис* [Баталова 1993: 234] и *каузатив* [Бубрих 1949: 43]. В венгерском языке подобный падеж получил название *каузалис-финалис* [Майтинская 1955а: 143], в мордовских языках – *каузатив* [ГМЯ: 152; Ермушкин 2004: 75]. Ввиду того, что падеж с суффиксом *-ла* значение цели реализует во всех коми диалектах, значение причины – только в коми-зырянских диалектах, более уместным для его номинации является термин *консекутив*.

4. Падеж, выражающий траекторию движения, в удмуртском языке называется *пролативом* [Кельмаков 1998: 111; Кондратьева 2011а: 21; Симоненко, Леонтьев 2012: 268; Bartents 2000: 78], реже – *транзитивом* [Csúcs 2005: 194], в коми-пермяцком языке – *просекутивом* [Baker 1985: 66; Csúcs 2005: 194] и *пролативом* [Баталова 1990: 70; Кондратьева 2011а: 21; Bartents 2000: 78]. Некоторую сложность вызывает наличие двух суффиксов и их номинация в коми-зырянском языке. В случае интерпретации суффиксов показателями отдельных падежей, суффикс *-ті* рассматривается как показатель *транзитива*; суффикс *-öd* – как показатель *просекутива* [Baker 1985: 66; Rédei 1988: 382; Csúcs 2005: 194] или *пролатива* [Bartents 2000: 78]. В исследованиях последних лет наметилась тенденция выделения двух пролативных падежей – *пролатив* I (суффикс *-ті*) и *пролатив* II (суффикс *-öd*) [Кузнецов 2012: 89; Симоненко, Леонтьев 2012: 272; Усачева 2012: 143; 2012а: 125; ÖKK: 89]. При рассмотрении суффиксов *-öd* и *-ті* как показателей одного падежа употребляются термины *пролатив* [Основы 1976: 143] и *транзитив* [Попова, Сажина 2014: 122]. В типологических исследованиях названия *просекутив* (*прозекутив*), *транзитив* и *пролатив* используются как синонимы [Haspelmath 2009: 513], чаще всего встречается название *пролатив* [Ганенков 2002; Плунгян 2003: 177]. В данной работе применяется термин *пролатив*, который принят для номинации падежа со значе-

нием траектории движения в финно-угорском языкознании [Зайцева 1981б: 70; Ермушкин 2004: 75; Мосина 2013: 51; ГМЯ 152].

5. Падеж с суффиксом кз. *-лысь*, кп. *-лісь*, удм. *-лэсь* традиционно именуется *аблативом* [Кельмаков 1998: 121; Кондратьева 2011а: 19; Кузнецов 2012: 89; Baker 1985: 66; Bartents 2000: 78; Csúcs 2005: 194], параллельно с ним используются также названия *генитив-аблатив* [Rédei 1988: 383], *генитив* II [Симоненко, Леонтьев 2012: 268; 271]. Семантическая структура этого падежа в пермских языках значительно различается, в коми языке он выражает посессивные отношения (значения посессора при прямом дополнении и исходного посессора), поэтому падеж правильнее было бы назвать *генитивом* II. В удмуртском языке его центральной функцией является посессивная (см.: [Кондратьева 2011а: 86–87]), однако он имеет и непространственные значения, входящие в других финно-угорских языках в семантическую зону пространственных падежей (аблатива и элатива), кроме того, спорадически употребляется в пространственных контекстах. Если исходить из того, что «типологически корректное название должно опираться на основную функцию падежа» [Плунгян 2003: 171], то для падежа с маркером *-лэсь* удмуртского языка подошло бы название *генитив-аблатив*. В рамках настоящего исследования оставлено название *аблатив* как традиционно применяемое в финно-угорском языкознании.

Определенные трудности вызывает выбор термина для падежей, имеющих сложную семантику и редко встречающихся в языках мира. В таких случаях используется двойная номенклатура, для названия выбирается одна из нескольких центральных функций или вводятся особые термины [Плунгян 2003: 172]. В финно-угорском языкознании двойная номенклатура применяется: а) для обозначения падежа, одно из основных значений которого является синонимичным базовому значению другого падежа, напр., в восточных диалектах хантыйского языка выделяют *инструменталис-комитатив* и *инструменталис-объектив* [Мырина 2006: 7]; б) для обозначения единиц, сформировавшихся из двух исходно самостоятельных единиц вследствие фонетического ослабления их формы, что имеет место в некоторых прибалтийско-финских языках: *элатив-инессив* и *адессив-аллатив* [Основы 1975: 60; Зайцева 1981а: 231; Зайков 1999:

36; Агранат 2007: 70]. В коми языкознании названия такого типа были созданы для наименования приблизительно-местных падежей, показатели которых содержат коаффикс *-лань-*. Модель названия каждого падежа состояла из двух частей: *аппроксиматив-инессив*, *аппроксиматив-элатив* и т. п. (табл. 1). Корректным способом номинации пространственных падежей является использование конкретизирующих тип пространства относительно ориентира приставок, которые присоединяют к традиционным терминам. В работе [Усачева 2012: 151] для наименования приблизительно-местных падежей, имеющих показатель с коаффиксом *-лань-*, и падежей, развившихся в коми-пермяцких диалектах на основе послелогов с основой *дын-*, использован терминологический элемент *апуд*¹ «около, близко от ориентира». Семантика отмеченных падежей несколько различается, что необходимо отразить в названии падежей. Терминологический элемент *апуд* выражает семантику локализации падежей послеложного образования, поэтому он подходит для их номинации. Особенностью падежей на *-лань-* является выражение значения проксимативности, что легло в основу терминов, предложенных В. В. Понарядовым (устное сообщение) (табл. 1).

Таблица 1

Названия приблизительно-местных падежей коми языка

Некрасова 1985; 2002; Кузнецов 2012	Названия, принятые в данной работе
аппроксиматив-инессив	импроксимэссив
аппроксиматив-элатив	экспроксиматив
аппроксиматив-иллатив	аппроксиматив II
аппроксиматив-терминатив	антепроксиматив
аппроксиматив-пролатив	перпроксиматив
аппроксиматив-эгрессив	депроксиматив

Ряд дублетных терминов создан для наименования удмуртских падежей, сформировавшихся в результате агглютинации послелогов с основой *дйнь-* ‘у, около, при, возле’ (табл. 2), и для поверхностно-местных падежей коми-пермяцкого языка (табл. 3). Падежи имеют русские, латинские названия, русско-латинские, представляющие собой словосочетания определительного типа, где в качестве определе-

¹ О типологии пространственных концептов и системы ярлыков см.: [Великорецкий 2002; Кибрик 2003: 202].

ния к латинскому названию использованы русские прилагательные. В настоящей работе приняты названия с терминологическими элементами *домус* ‘место жительства лица’ для посессивно-местных падежей удмуртского языка и *супер* ‘пространство на поверхности ориентира’ для поверхностно-местных падежей коми-пермяцкого языка.

Таблица 2

Названия падежей послеложного образования удмуртского языка

Тепляшина 1981; Кельмаков 1998	Карпова 1997; 2005; 2018	Кельмаков 1998; Некрасова 2004; Кондратьева 2011а	Максимов 1999а; 2018; 2018а	Усачева 2012; названия, принятые в данной работе
приблизительно-местный	приблизительный инессив	инессив II	жилищно-местный	домус-эссив
приблизительно-исходный	приблизительный элатив	элатив II	жилищно-исходный	домус-элатив
приблизительно-вступительный	приблизительный иллатив	иллатив II	жилищно-входный	домус-латив
приблизительно-отдалительный	приблизительный эгрессив	эгрессив II	жилищно-отдалительный	домус-эгрессив
приблизительно-переходный	приблизительный пролатив	пролатив II	жилищно-переходный	домус-пролатив
приблизительно-предельный	приблизительный терминатив	терминатив II	жилищно-предельный	домус-терминатив

Таблица 3

Названия внешнеместных падежей коми-пермяцкого языка

Баталова 1975	Дмитриева 1998	Баталова 1990; 1995; 2002	Названия, принятые в данной работе
внешнеместный	внешнеместный инессив	суперэссив	суперэссив
внешнеместный вступительный	внешнеместный иллатив	сублатив (внешнеместно-вступительный)	суперлатив

Баталова 1975	Дмитриева 1998	Баталова 1990; 1995; 2002	Названия, принятые в данной работе
внешнеместный исходный	внешнеместный элатив	делатив (внешнеместно- исходный)	суперэлатив
внешнеместный переходный	внешнеместный пролатив	суперлатив (внешнеместно- переходный)	суперпролатив
внешнеместный предельный	внешнеместный терминатив	супертерминатив (внешнеместно- достижимый)	супертерминатив
			суперэгрессив

Представляется, что актуальным для финно-угорского языкознания остается сопоставление названий падежей на основе сводной системы понятий, корректировка содержания и формы терминов с целью установления между ними точных соответствий, создание универсальной для финно-угорских (уральских) языков системы терминов.

1.2. Средства выражения падежей в пермских языках

Качественные и количественные изменения в языке, обусловленные его непрерывным развитием, нередко приводят к развитию новых языковых единиц, грамматический статус которых остается не совсем ясным. Определение статуса таких единиц усложняют их свойства, которые частично присущи разным языковым единицам, напр., падежам и послелогам, поэтому для выяснения статуса спорных единиц разрабатываются определенные критерии. В ряде работ по финно-угорским языкам описаны критерии для дифференциации падежа и послелога [Хямляйнен 1958: 83–89; Майтинская 1979: 94; 1982: 127–131; Зайцева 1981б: 38–42; Маркус 2007; Oinas 1961: 179], падежного и словообразовательного суффиксов [Майтинская 1979: 95; Кудав 1985; 1987: 4–5; Некрасова 1985], падежной словоформы и наречия [Майтинская 1979: 95; Кросс 1983; Тужаров 1987: 73–74; СМЯ: 280–281]. В пермском языкознании грамматический статус большинства словоизменительных морфем существительного опре-

делен и не вызывает разногласий, некоторые сложности возникают при уяснении статуса единиц послеложного образования и единиц, имеющих сходную семантику.

1.2.1. Падеж, послелог, послеложный формант

Специфика категории падежа состоит в том, что в отличие от других категорий отдельные свойства падежа и послелога совпадают. В этой связи для решения вопроса о составе падежей важным является подход к выбору формы: показателем падежа считать только суффикс или еще послелог.

Выделение аналитических падежей в пермском языкознании

В ряде грамматических описаний удмуртского языка нач. XX в. к падежным показателям были отнесены послелоги, которые рассматривались как вариативные формы падежа наряду с суффиксом и как показатель отдельного падежа. Так, из 16 выделенных П. П. Глезденевым падежей показателями семи являются послелоги, ср. предложный (послелог *сярысь*), причинный (послелог *понна*), приблизительный (послелог *доры*), достигательный (послелог *дорозь*), отдалительный (послелог *дорысь*), сравнительный (послелоги *бытца*, *кадь*, *кадик*), переходный (*-тій*, послелог *вамен*) [Глезденев 1921: 17–18]. Падежная система в описании Г. Е. Верещагина включает 24 падежа, к падежным показателям были причислены не только послелоги, но и наречия, деепричастия, модальные слова. Однако составители грамматик не отождествляли падежные суффиксы с другими средствами выражения падежных значений: суффиксы получили слитное написание, другие средства, приписанные к падежным, – раздельное или дефисное написание, напр., местный падеж *вуын* ‘в воде’, *куалан* ‘в куале’, *гид-дорті* ‘возле конюшни’; проходный падеж *пул пыр* ‘сквозь доску’, *сюрес-кузя* ‘по дороге’ [Верещагин 1924: 27–28]. В. И. Алатырев считал, что при выделении падежей необходимо исходить из функции языковой единицы. Падежи удмуртского языка он делил на три группы: стандартизованные (именительный, винительный, разделительный, дательный, родительный, творительный), неполно или недостаточно стандартизованные (лишительный, судительный, исходный, входный, местный, переходный, предель-

ный, отдалительный, приблизительный, входный 2) и «формы, которые тем или иным способом выражают функции падежей», т. е. послелого [Алатырев 1937: 5–8].

Вопрос о выделении аналитических падежей в удмуртском языке вновь был поднят спустя более чем полвека. М. К. Каракулова и Б. И. Каракулов допускают, что пространственные падежи могут иметь аналитическую и синтетическую формы, так как падеж и послелог «синонимичны друг другу» [Каракулова, Каракулов 2001: 122]. Идея о выделении аналитических падежей не была доведена до логического завершения, для существительного исследователи традиционно выделяют 15 падежей, показателями которых отмечены только стандартные падежные суффиксы [Каракулова, Каракулов 2001: 120]. Между тем при описании семантических особенностей падежей в качестве примеров приведены падежные словоформы и послеложные конструкции [Каракулова, Каракулов 2001: 129–132].

Большинство послелогов в пермских языках сформировались на основе субстантивной словоформы, поэтому в структуре серийных и некоторых одиночных послелогов содержатся в застывшем виде стандартные падежные суффиксы, о выделении которых можно говорить только в диахронии. Как отмечалось выше, средством выражения падежных значений в данной работе приняты только суффиксы, однако при определении состава падежей в тех диалектах, в которых наблюдается агглютинация послелогов, являются значимыми критерии разграничения падежа и послелога.

Критерии разграничения падежа и послелога

Необходимо отметить, что в финно-угроведении представлено узкое и широкое понимание послелога как части речи. В узком смысле послелого по морфосинтаксическим критериям сопоставляются с реляционными именами, различие между которыми заключается в том, что послелого выполняют только служебные функции, реляционные имена способны выполнять служебные функции, но обладают некоторыми свойствами имен [Симоненко, Леонтьев 2012: 290; Усачева 2012: 147–158; Усачева 2012а: 67–69; Arkhangelskiy, Usacheva 2015]. В финно-угроведении реляционные имена в форме местных падежей включаются в состав послелогов, при этом в зависимости от

морфосинтаксических свойств послелого разделяются на собственно послелого и послелого-имена [СКЯ 1955: 263; ГСУЯ 1962: 316], послеложные слова синтаксической службы и послеложные слова лексико-синтаксической службы [Бубрих 1949: 165], серийные и не-серийные (одиночные) послелого [Баталова 1975: 198; Сибатрова 1988: 8; Серова 2006: 7; ÖKK: 443–444]. В данной монографии принято традиционное для финно-угроведения толкование послелога ввиду того, что формирование падежных суффиксов в период самостоятельного развития пермских языков происходило и происходит на основе серийных послелогов.

Процесс перехода послелога в падежную морфему довольно длительный, многоступенчатый, согласно М. Корхонену, он протекает по следующей схеме: $[[N] N] \rightarrow [N \text{ Postp}] \rightarrow [N + CxLoc] \rightarrow [N + CxGr]$ [Korhonen 1996: 233]. На первой ступени этого процесса полнозначная лексическая единица, расширяя контексты употребления, постепенно утрачивая лексическое значение и развивая грамматическое, превращается в автономную служебную единицу. На следующей ступени обнаруживаются фонетико-структурные изменения и ослабление просодической характеристики послелога, что приводит к утрате морфосинтаксической автономности и формированию падежного суффикса. Когда изменения языковой единицы еще незначительны, с приобретением новых черт сохраняются некоторые свойства источника, то возникает проблема идентификации языковой единицы. Такая ситуация появляется при переходе исходной единицы на вторую (имя – послелог) и третью (послелог – падежный суффикс) ступени развития. Сложность разграничения падежных показателей и послелогов отмечается на начальном этапе перехода послелога в падежный формант, когда единица занимает промежуточное положение между послелогом и падежным суффиксом. Такие единицы с промежуточным статусом получили разные названия: «агглютинаты, послеложные форманты, постпозиционалы и послелогообразные падежи» [Иткин 2002: 167–168].

В финно-угорском языкознании единицы с промежуточным статусом в большинстве случаев условно относят к падежам или послелогам, при этом учитывается соотношение падежных и послеложных свойств, которые выявляются у спорной единицы на основе

комплекса критериев. Для разграничения падежей и послелогов применяются следующие критерии: 1) фонологические (структура спорной единицы, наличие/отсутствие морфонологических процессов и паузы между основной и спорной единицей, акцентной самостоятельности, сингармонических вариантов); 2) синтаксические (оформление сочиненной группы / каждого из членов группы; способность/неспособность самостоятельного употребления единицы в случае оснащения ее посессивным суффиксом); 3) этимологические (источник образования – морфема или лексема); 4) семантические (наличие у единицы лексического или грамматического значения) [Бубрих 1949: 165; Хямяляйнен 1958: 83–89; Зайцева 1981б: 38–42; Майтинская 1982: 127–131; Маркус 2007; Усачева 2012а: 67–69; Oinas 1961: 179; Baker 1985: 160–172; др.]. Критерии варьируются в зависимости от фонетико-грамматических особенностей конкретного языка. Применительно к коми языку критерии разграничения падежа и послелога были представлены в работах Д. В. Бубриха и Р. Бейкера. По мнению Д. В. Бубриха, отличие послелогов от падежей заключается в наличии отдельного (ослабленного) ударения и в способности обслуживать сочиненные именные группы [Бубрих 1949: 165]. По утверждению Р. Бейкера, для коми языка нет конкретного критерия, который бы позволил отнести спорную языковую единицу к послелогу или падежному суффиксу. Приемлемым способом описания он считает шкалу, полюсами которой являются прототипические послелоги и падежные суффиксы [Baker 1985: 166–170]. В данной работе не ставится цель рассмотрения всего корпуса послелогов, их распределение по шкале, предложенной Р. Бейкером. Однако ввиду того, что проблема разграничения падежных суффиксов и послелогов актуальна для коми-пермяцкого языка, где наблюдается активный процесс изменения серийных послелогов с основой *выв-/выл-* и *дын-* в падежные форманты [Баталова 1975: 129–141; Баталова 1982: 91–98; Дмитриева 1998: 76–79], следует отметить критерии, согласно которым единицы промежуточного статуса можно условно отнести к одному из классов. Представляется, что для определения статуса единиц, развившихся на основе серийных послелогов, можно применять некоторые синтаксические (возможность/невозможность оформления сочиненной группы, способность/неспособность само-

стоятельного употребления единицы, маркированной посессивным суффиксом) и фонологические (наличие/отсутствие морфонологических процессов между основой и спорной единицей; структура спорной единицы) критерии.

Падежи послеложного образования в пермских языках

1. *Поверхностно-местные падежи.* Грамматикализация послелогов с основой *выв-/выл-* в территориальных разновидностях коми-пермяцкого языка протекала и протекает разными темпами. Как показывают материалы письменных источников, в южных диалектах послелогои находились в стадии морфологизации и превращения в падежные суффиксы уже к концу XIX в. Об этом свидетельствует соотношение послелогов с основой *выв-* и падежных формантов послеложного образования¹, ср. в [Попов 1894] падеж – 82,9 % (156)², послелог – 17 % (32); в [Букварь 1899]: падеж – 90 % (11), послелог – 10 % (1); в [РассказыВЗ 1900; РассказыНЗ 1900]: падеж – 99 % (263), послелог – 1 % (3); в [Зубов, Лихачев 1925]: падеж – 95 % (37), послелог – 5 % (2) (см.: табл. 2, Приложение 2). При преобразовании послелогов в падежный показатель фонетической редукции подвергается основа послелога (*выв-*), которая превращается в показатель локализации *супер*. В текстах XIX–XX вв. этот показатель представлен несколькими вариантами. После основ на гласный употребляются суффиксы на *-в-*, *-вв-*, *-вы-*, *-ввы-*, после основ на согласный – суффиксы на *-в-*, *-вы-*, *-вв-*. Выбор вариантов первоначально не был обусловлен особенностью ауслота основы. Суффиксы находились в отношении свободного варьирования, в равной степени могли встречаться в одном и том же контексте, но наметилась тенденция к распределению алломорфов в зависимости от качества ауслота основы. После основ на гласный выступают чаще всего алломорфы с геминатой (*-вв-*), после основ на согласный – алломорфы с одиночным *-в-* (см.: табл. 2, Приложение 2).

¹ При подсчетах к числу падежей отнесены единицы, структура которых претерпела изменения, к послелогам – единицы, структура которых осталась без изменения.

² В скобках здесь и далее указано количество употребления соответствующей языковой единицы.

Сравнение форм вариативных суффиксов позволяет проследить диахронический процесс изменения послелогов и адаптации новых морфем к предшествующей основе.

В структуре каждого послелога первоначально происходила синкопа инлаутного согласного *в*, в результате чего образовался вариант показателя локализации *-вы-*. В текстах такие варианты сохраняют суперлатив (суффикс *-выын*) и суперэссив (*-выӧ*).

Отир шувис сывӧ: «вир Сывӧн мянвыын и мян челядьвыын». (РассказыНЗ 1900: 51) ‘Народ сказал ему: «Его кровь на нас и на наших детях»’.

Каем Иусус Христосвӧн енвевтыӧ. (РассказыНЗ 1900: 56) ‘Вознесение Иисуса Христа на небо’.

Следующая ступень характеризуется стяжением гласных в случае, если показатель ориентации имел в анлауте гласный:

<...> сья, ыждавӧ чериезвыын, кайезвын, звиррезвын, подаезвын, быд муввын, быд гаддэзвын. (РассказыСЗ 1900: 10) ‘<...> он властвует над рыбами, птицами, зверями, животными, на всей земле, над всеми гадами’.

<...> а мие Исааккӧт каям керӧсвӧ и ваям Енвӧ жертва. (РассказыСЗ 1900: 21) ‘<...> а мы с Исааком поднимаемся на гору и принесем жертву Богу’.

Параллельно с фонетической редукцией послелога, скорее всего, началось формирование алломорфов, употребление которых было обусловлено качеством ауслота основы. В рассмотренных текстах встречаются суффиксы, в которых отмечаются отпадение интервокального согласного и вставка согласного в анлаут суффикса: *-ввыӧ*, *-ввыын*, но без стяжения гласных. После основ на гласный употребляются алломорфы с показателем локализации *-вв-* и *-ввы-*, после основ на согласный – алломорфы с показателем *-в-* и *-вы-*:

Ньяя жӧ все сувависӧ и видзетъисӧ енвевтыӧ. (РассказыНЗ 1900: 57) ‘Они же все стояли и смотрели на небо’.

Татӧн Сьяя <...> пондыс кайны ныдынсянь енвевтыӧ. (РассказыНЗ 1900: 57) ‘Затем Он <...> начал подниматься от них на небо’.

Кӧр ньяя серависӧ сыввыын, Пилат петкӧтъис Съие отирдыӧ. (РассказыНЗ 1900: 50) ‘Когда они смеялись над ним, Пилат вывел Его к народу’.

Көр Ирод адзвивис Иусус Христосөс, серавлис Сыввын <...> (РассказыНЗ 1900: 49) ‘Когда Ирод встречал Иисуса Христа, насмехался над Ним <...>’.

В текстах XIX–XX вв., написанных на диалектах северного наречия, структура послелогов сохранена.

Как показывают исследования Р. М. Баталовой, количество поверхностно-местных падежей в современных коми-пермяцких диалектах варьируется. Полная серия падежей представлена в южных, косинско-камском, кочёвском диалектах; отдельные падежи имеются в мысовско-лупьинском диалекте и верхнекамском наречии¹ (табл. 4) [Баталова 1975: 129–138; Баталова 1982: 91–98].

Таблица 4

Поверхностно-местные падежи в коми-пермяцких диалектах²

Падеж	Коми-пермяцкие диалекты							
	мл.	коч.	кк.	оньк.	ни.	нерд.	ки.	вк.
Суперэссив	-лын, -ллын	-лы, -ылын	-лын, -ылын	-лын, -ллын	-вын, -ввын	-лын, -ллын	-вын, -ввын	-лын, -ылын
Суперлатив	-лӧ, -лӧӧ	-лӧ, -ылӧ	-лӧ, -ылӧ	-лӧ, -лӧӧ	-вӧ, -вӧӧ	-лӧ, -лӧӧ	-вӧ, -вӧӧ	-лӧ, -ылӧ
Суперэлатив	–	-лис', -ллис'	-лис', -ылис'	-лис', -ллис'	-вис', -ввис'	-лис', -ллис'	-вис', -ввис'	-лис', -ылис', -лыс'
Суперпролатив	–	-лӧт, -ылӧт	-лӧт, -ылӧт	-лӧт', -лӧт'	-вӧт', -вӧт'	-лӧт', -лӧт'	-вӧт, -вӧт	–
Супер-терминатив	–	-лӧдз	-лӧдз, -ылӧдз	-лӧдз, -лӧдз	-вӧдз, -вӧдз	-лӧдз, -лӧдз	-вӧдз, -вӧдз	-лӧдз, -ылӧдз

По наблюдениям Р. М. Баталовой, в северных коми-пермяцких диалектах процесс изменения послелогов в падежный суффикс находится на стадии развития: параллельно с односложными функционируют двусложные форманты (табл. 4) и послелогои [Баталова 1975: 129–141]. Несмотря на двусложность структуры, свойства таких формантов ближе к падежным: они потеряли способность к замещению местоименных конструкций, ср. *ме вылын* ‘на мне’ и *вылам* ‘на мне’, но *ме ылын* и **ылам*, обязательным становится их употребление при

¹ В работе [Сажина 2012: 189] функционирование поверхностно-местных падежей в верхнекамском наречии не подтверждается.

² Таблица составлена по [Баталова 1975: 129–138].

каждом из членов конструкции с сочинительным союзом. Поэтому такие образования условно можно рассматривать как падежные форманты, несмотря на то, что некоторые из них сохраняют ударение.

Процесс утраты морфосинтаксической автономности послелогов с основой *выл-/выв-* в северных и южных диалектах происходил и происходит по разным сценариям. В южных *в*-овых диалектах наблюдается синкопа интервокального согласного *в*, далее – стяжение гласных. В северных диалектах изменениям подвергается анлаут послелога: сначала утрачивается инициальный согласный, затем – следующий за ним гласный (примеры из [Баталова 1975: 134–137]):

южн. *вылын* ‘на (где?)’ > *вывын* > (*в*)*выын* > -(*в*)*вын*

вылис’ ‘с’ > *вывис’* > (*в*)*выис’* > -(*в*)*вис’*

сев. *вылӧ* ‘на (куда?)’ > -*ылӧ*

вылын ‘на (где?)’ > -*лын*

В падежные форманты трансформировались все послелоги на *выв-*, между тем вне описания остается эгрессивная форма: *вывсянь* > -*высянь*/-*ввысянь*, которая не включается ни в число падежей, ни в число послелогов. Ее грамматические свойства не отличаются от остальных суффиксов послеложного образования. Она проявляет связь с ауслаутом предшествующей основы, функционируя в двух алломорфах, не может употребляться самостоятельно в случае маркирования ее посессивным показателем (ср. *ме вывсянь* ‘с меня’ и *вывсяням* ‘с меня’, но **ввысяням*), обязательным становится ее употребление при каждом из членов конструкции с сочинительным союзом:

<...> *виялис вир сылӧн кымӧс-всянь*. (РассказыНЗ 1900: 45)
<...> *кровь капала с его лба*’.

Кыдзи бы отир сёис плоддэс эта ну-ввсянь. (РассказыВЗ 1900: 14) ‘Как бы народ ел эти плоды с этого дерева’.

Отличие эгрессивного суффикса от других падежных суффиксов составляет только двусложная структура, что, видимо, вызвало трудности при определении его статуса. Дальнейшие изменения структуры этого суффикса (-*всянь* > *-*всянь*, -*ввысянь* > *-*ввсянь*) не представляются возможными ввиду запрета на употребление более одной согласной фонемы в анлауте корневой и служебной морфем, в случае показателей поверхностно-местных падежей более двух согласных.

Несмотря на то, что в каждом диалекте зафиксировано изменение послелогов в падежные суффиксы, в качестве нормы литератур-

ного языка закреплены послелогои. В художественных текстах середины XX в. и последующего периода, авторами которых являются носители южных диалектов, можно обнаружить единичные примеры употребления поверхностно-местных падежей:

– *Грезьсö татись паняв эн паняв, сё сымда, съöd няньвö öдва тырмö.* (А. Ермаков) (Парма шы: 392) ‘– Хоть сколько здесь не вкальвай, все равно одинаково [получаешь], еле хватает на черный хлеб’; – *На бордсö. Кöртышит вöснитик кöвокöн, кай короминаввас да ведз трубаас метр кык мымда.* (А. Ермаков) (Парма шы: 398) ‘– Возьми крыло. Завяжи [его] тоненькой веревочкой, залезь на крышу дома и примерно на два метра опусти его в трубу’; – *И мый токо конкурсвас мыччавны мöдö.* (А. Ермаков) (Парма шы: 405) ‘– И что только на конкурсе он показывать будет’.

2. *Приблизительно-местные падежи.* В коми-пермяцком языке неравномерно протекает процесс агглютинации послелогов с основой *дын-*. В оньковском диалекте и некоторых нижеиньвенских говорах изменениям подверглись все послелогои серии [Баталова 1990: 84–85; 1995: 77–78], в большинстве диалектов – только единичные, на основе которых сформировался суффикс *-дын* (табл. 5, данные по [Баталова 1975: 138–141]).

Таблица 5

Приблизительно-местные падежи в коми-пермяцких диалектах

Падеж	Коми-пермяцкие диалекты							
	мл.	коч.	кк.	оньк.	ни.	нерд.	ки.	вк.
Апудэссив	–	-дын	-дын	-дын	-дын	–	-дын	-дын
Апудэлатив	–	–	–	-дис'	-дис'	–	–	–
Апудлатив	–	–	–	-дö	-дö	–	–	–
Апудпролатив	–	–	–	-дöт'	-дöт'	–	–	–
Апудтерминатив	–	–	–	-дöдз	-дöдз	–	–	–

В письменных источниках XIX – нач. XX в., написанных на разных диалектах, нами обнаружен только один пример с усеченной формой:

Вевеччисьсез муньисö и адззисö ослича пиянкöт кöртавöмöн, вo-ротадын, öтöрын. (Евангелие 1882: 38) ‘Ученики пошли и увидели ослицу с осленком, привязанную на улице у ворот’.

В литературном языке суффикс *-дын* употребляется достаточно редко, единичные примеры встретились в текстах писателей-классиков, носителей южных диалектов. Так, в [Баталов; Можаев] обнаружено 22 примера, из них в 19 случаях суффикс имеет локативное значение, его источником послужил послелог *дынын*:

А Тимкаыс ны дын сулалё. (Баталов) ‘А Тимка рядом с ними стоит’.

В трех примерах *дын* имеет лативное значение, источником явился послелог *дынё*:

Уськётчö жöникыс дын. (Можаев) ‘[Она] бросается к своему жениху’.

Оба послелога, *дынын* и *дынё*, сохраняют функционирование в языке и по сравнению с *дын* являются более частотными в текстах, ср. частотность употребления послелогов в [Баталов; Можаев]: послелог *дынё* – 97 случаев, послелог *дынын* – 1 095.

Если частотность послелогов и единицы *дын* может рассматриваться как один из косвенных показателей изменения грамматического статуса языковой единицы, то можно было бы говорить о вариативности послелогов *дынын/дын* и *дынё/дын*. Однако свойства единицы *дын* отличают ее от послелогов. Она не может присоединять посессивный суффикс, не может употребляться самостоятельно без зависимого имени. При однородных членах единица *дын* присоединяется к каждому из них, тогда как один послелог может обслуживать несколько членов конструкции. В настоящее время трудно определить положение этой единицы на шкале линейно-синтагматического континуума: она ближе к падежам или послелогам. Учитывая ее семантико-синтаксические свойства, а также функционирование серии приблизительно-местных падежей в оньковском диалекте и нижеиньвенских говорах, в современном коми-пермяцком языке *дын* можно рассматривать как показатель падежа с лативно-эссивным значением. Представляется, что в тех диалектах, в падежной системе которых выделяется только апудэссив, суффикс *-дын* имеет лативно-эссивное значение, ср. примеры из кудымкарско-иньвенского и косинско-камского диалектов:

кп. кк. *йöрдын матö локтис* ‘подошел близко к огороду’ [Дмитриева 1998: 79]; ки. *дядьысдын пышиис* ‘к своему дяде он убежал’ [Баталова 1975: 140].

кп. кк. *вöрдын олам* ‘живем возле леса’ [Дмитриева 1998: 79]; ки. *магазиндын* пукалö ‘сидит у магазина’ [Баталова 1975: 140].

Диахронические изменения структуры послелогов с основой *дын-*, как и в случае с послелогоми на *выв-*, происходят по двум сценариям. В оньковском и нижнеиньвенском диалектах произошла синкопа сегмента *-ын-* в основе послелого, выражавшей значение локализации: *дын-* > *д-*. В остальных диалектах апокопировался сегмент, выражавший значение ориентации, вследствие чего возникли оморфемы, выражающие значение локализации и ориентации кумулятивно: *дынын* > *дын-*, *дынö* > *дын-*. Такой путь оказался неперспективным, возникновение оморфем приостановило процесс трансформации остальных послелогов.

3. *Посессивно-местные падежи*. В нижнечепецких (слободском, косинском) говорах, среднечепецком диалекте, северо-западных говорах Кезского района, а также бесермянском наречии количество падежей увеличилось за счет образования местных падежей в результате агглютинации послелогов с основой *дин'*, этимологически тождественной основам кз. *дин-*, кп. *дын-* [Wichmann 1954: 50, 135–136; Тепляшина 1970: 172–173; Тепляшина 1981: 285–286; Карпова 1997: 86–88; Кельмаков 1998: 118; Максимов 1999а: 201; Кондратьева 2011а: 30; 2011б: 123; Люкина 2016: 72–74; Максимов 2018а: 209–227; Usačeva, Archangel'skij 2017]. Сценарий развития послелогов в падежный формант в удмуртских диалектах отличается от аналогичного процесса, имевшего место в коми-пермяцких диалектах. В структуре послелогов произошло отпадение первого слога *ди-*, оставшаяся часть *-н'* стала выступать в качестве показателя локализации *домус*, ср. примеры из среднечепецкого диалекта по [Максимов 1999а: 195]:

Домусэссив: *-н'ын* < *дин'ын*: *кол'а-н'ын* ‘у Коли, в доме (жилище) Коли’;

Домуслатив: *-н'э* < *дин'э*: *кол'а-н'э* (к) ‘к Коле, в дом (жилище) Коли’;

Домусэлатив: *-н'ыс'* < *дин'ыс'*: *кол'а-н'ыс'* ‘из дома (жилища) Коли’;

Домусэгрессив: *-н'ыс'эн* < *дин'ыс'эн*: *кол'а-н'ыс'эн* ‘от (с) дома (жилища) Коли’;

Домуспролатив: -н'ы т'и < дин'ыт'и: кол'а-н'ыти, кол'а-н'ыки
'через усадьбу (двор) Коли, по Колиному двору';

Домустерминатив: -н'оз' < дин'оз': кол'а-н'оз' 'до дома (жилища) Коли'.

Как показывают исследования удмуртских диалектологов, падежи различаются частотностью употребления. Менее частотными являются домустерминатив и домуспролатив [Карпова 2020: 176]. По наблюдениям С. А. Максимова, в нижнечепецких говорах вместо домустерминатива используется домуслатив или послелог *дорозь*. В среднечепецком диалекте в этом падеже могут употребляться в основном существительные во множественном числе, напр., *прэ́дйосн'оз'* 'до дома председателя колхоза, до семьи председателя колхоза' [Максимов 2018: 37]. Посессивно-местные падежи, в отличие от аналогично образованных коми-пермяцких падежей, имеют ограничения на лексическую сочетаемость: в форме этих падежей встречаются одушевленные существительные со значением лицо (преимущественно оснащенные суффиксом множественности), местоимения, кроме притяжательных, количественные и порядковые числительные, прилагательные, оснащенные выделительным суффиксом, названия населенных пунктов с топоформантом *-ни* [Карпова 1997: 92; Кельмаков 1998: 118; Максимов 1999а: 202–203; Максимов 2018: 34–38; Карпова 2020: 173]. Особенности употребления падежей определили их семантику: они выражают пространственно-посессивные значения, «отношения, связанные с домом, домашним очагом, принадлежащим кому-либо» [Максимов 2018: 36]. В отличие от других местных падежей, эти падежи однозначны.

Таким образом, посессивно-местные падежи отличаются от типичных падежей: они привязаны к определенному семантическому классу существительных со значением лица, имеют узкую семантику, что соответствует свойствам неполного падежа.

Падежи послеложного образования коми-пермяцкого и удмуртского языков, несмотря на этимологически единый источник развития их суффиксов, различаются механизмом образования, семантикой и употреблением. Учитывая это, кажется вполне вероятным предположение, что процесс агглютинации послелогов в удмуртских и коми-пермяцких диалектах происходил параллельно [Кондратьева

2011: 23; Baker 1985: 198]. С. А. Максимов не исключает, что одной из причин формирования вторичных падежей в удмуртском языке могли быть поздние контакты удмуртов с коми населением [Максимов 2018: 42–43; 2018а: 226]. В этой связи следует добавить, что в коми-пермяцком и удмуртском языках обнаруживается сходство последовательности развития послелогов в падежный формант. Р. Бейкер полагает, что удмуртские падежи с суффиксами *-н'э* и *-н'ын* возникли раньше, чем остальные посессивно-местные падежи [Baker 1985: 173–174]. В большинстве коми-пермяцких диалектов наблюдается изменение послелогов только с лативным и эссивным значениями.

4. *Единицы с сегментом -ладор-*. В коми-зырянских диалектах изменение послелогов в падежные показатели не наблюдается. Между тем термин *послеложные (падежные) форманты* введен для обозначения языковых единиц с сегментом *-ладор-* в форме местных падежей, которые могут выражать сходные с приблизительно-местными падежами пространственные значения, напр., *керка-ланьын* и *керка-ладорын*¹ ‘около дома’ [Кузнецов 2012: 178; 181]. Свойства этих служебных единиц отличаются от падежных и послеложных. По форме они проявляют сходство с серийными послелогогами:

-ладорö ‘в сторону кого-чего-л.’, *-ладорöдз* ‘до стороны чего-л.’, *-ладорти*, *-ладорöd* ‘в стороне чего-л., около чего-л.’, *-ладорсянь* ‘со стороны чего-л.’, *-ладорын* ‘в (на) стороне чего-л., в направлении чего-л.’, *-ладорысь* ‘со стороны чего-л.’.

В отличие от послелога, единица с сегментом *-ладор-* при оформлении сочиненной группы присоединяется к каждому компоненту в отдельности. Оформленная посессивным суффиксом она не может употребляться самостоятельно, заменять местоименные послеложные конструкции, ср. *ме дорö* > *дорам* ‘ко мне’, *сы дорö* – *дорас* ‘к нему’, но конструкцию типа *ме ладорö* ‘в сторону меня’ нельзя преобразовать в **ладорам*, конструкцию *сы ладорö* ‘в сторону него, в ту сторону’ – в **ладорас*.

В коми-пермяцком языке аналогично образованные единицы образуют серию послелогов с основой *ладор-*:

¹ В коми-зырянском языке наблюдается орфографическая вариативность – слитное и раздельное написание единиц с *-ладор-*. В качестве нормы принято слитное их написание [Карманова, Коснырева, Кренделева 2008: 26].

ладорö ‘в сторону кого-чего-л.’, *ладорöдз* ‘до стороны чего-л.’, *ладорöт* ‘в стороне чего-л., около чего-л.’, *ладорсянь* ‘со стороны чего-л.’, *ладорын* ‘в (на) стороне чего-л., в направлении чего-л.’, *ладорись* ‘со стороны чего-л.’ [КПРС: 217; Карманова 2012: 72].

По своим свойствам эти послелогои отличаются от других серийных послелогов. Присоединив посессивный суффикс, они не могут употребляться самостоятельно, ср. *ме дорö* > *дорам* ‘ко мне’, но *ме ладорö* ‘в сторону меня’ > **ладорам*. Эта особенность сближает серийные послелогои с основой *ладор-* с падежами и одиночными послелогоми. В отличие от падежей, они, подобно послелогам, могут оформлять всю сочиненную группу.

кп. *Куканьвöдитись мыйкö дырна эшö нёджжасьöв-керис куканез да ытшикисиссез ладорö*. (Фадеев 1989: 235) ‘Телятница некоторое время еще смотрела в сторону телят и косарей’; *Галина öвтыши керис кок увтаныс сувтöтöм чемоданнэз да сумказз ладорö*. (Фадеев 1989: 7) ‘Галина кивнула в сторону чемоданов и сумок, стоявших возле их ног’; *Ния дженьытöсь, веськыт сюжетаöсь, простöйдсь тема да вежёртас ладорсянь*. (Перем) ‘Они короткие, с простым сюжетом, простые по теме и содержанию’.

Послелогои имеют разную степень грамматикализованности. Большинство выражают только пространственные значения, отдельные послелогои расширили семантическую структуру и контексты употребления.

Свойства единиц с сегментом *(-)ладор-* в коми-зырянском и коми-пермяцком языках частично совпадают. В обоих языках отмечается невозможность эллипсиса местоимения из местоименной послеложной конструкции. Это свойство следует объяснить сохранением компонентом *-ла* свойства «связанности». Суффикс как связанная морфема может существовать только в сочетании с предшествующей ему другой морфемой. В случае *(-)ладор-* суффикс *-ла*, присоединившись к послелогу, модифицирует уже его значение, а не значение предшествующей морфемы. В составе новой языковой единицы он выступает в новом качестве – подобно «префиксу», но такое изменение суффикса не поддерживается системой языка, так как префиксальный способ словообразования не характерен для коми языков. В коми-зырянском языке, в отличие от коми-пермяцкого, свойство

связанности суффикса *-ла* проявляется сильнее. Если исходить из формы единиц *-ладор-* (трехсложная структура), а также их соотношенности с серией послелогов с основой *дор-*, то предпочтительнее было бы рассматривать их в составе послелогов, как и в коми-пермяцком языке. Генетически связанные единицы в разном статусе могут функционировать не только в родственных языках, но и в пределах одного диалекта. Представляется, что неравномерное развитие единиц *ладор-* в коми языках можно объяснить акцентологическими различиями. В коми-пермяцком языке ударным является первый слог *ла*: *ла́дор-*, тогда как в коми-зырянском языке сегмент *ла* безударный, ударение падает на первый слог предшествующей единицы. Кроме того, в конструкциях с многосложными существительными могут быть два ударения, при этом основное падает на первый слог, побочное – на компонент *дор* или наоборот: *кёркаладорын* и *керкаладо́рын* ‘около дома’. Акцентологическое варьирование в коми-зырянском языке объясняется, скорее всего, особенностями идиолекта конкретного носителя.

Таким образом, единицы с *(-)ладор-* имеют свойства, которые выделяют их на фоне послелогов и падежей. В синхронии они занимают нечеткую позицию на шкале линейно-синтагматического континуума как в коми-зырянском, так и в коми-пермяцком языках. Развитие сходных по образованию единиц более быстрыми темпами происходит в коми-пермяцком языке, где сформировались не только послелого, но и существительные, ср. *Перем ладор* ‘Пермский край’ (см. подробнее: [Некрасова 2016а]).

В связи с данным вопросом достойна внимания аппроксимативная конструкция с послелогом *доре* ‘к’, зафиксированная в ижемском диалекте:

иж. *Бара сэссия этия мойдыс бара тычче мунэ, айыслань доре.* (Фольклор 2014: 32) ‘Опять потом эта сказка туда идет, к отцу’; *Пезаланьдорас¹ мунны.* (Фольклор 2014: 242) ‘Идти в сторону Пезы’.

В аппроксимативной конструкции с послелогом *доре* имеет место двойное выражение (с помощью падежного суффикса и послелого) значения направленности движения. Возникновение таких конструкций обусловлено, скорее всего, снижением частотности употребле-

¹ Орфография примеров сохранена.

ния аппроксиматива и его замещением конструкцией с *-ласдоре*, что было зафиксировано в середине прошлого века [ИД: 45]. Аппроксимативные конструкции с послелогом повторяют сценарий развития конструкций, содержащих суффикс *-ла* (независимо от его трактовки и современного статуса). Представляется, что суффикс *-ла*, имевший направительное значение, утрачиваясь из языка, скорее всего, потребовал усиления значения семантически близкой единицей, которой оказался послелог *дорö* ‘к’. Позже конструкции с суффиксом *-ла* постепенно развили остальные послелогии серии с основой *дор-*. Параллель к коми конструкции с *ладорö* составляет конструкция с послелогом *пала* ‘к, в сторону’, функционирующая в южных удмуртских диалектах: *гурт пала ~ гуртла пала* ‘в сторону деревни, по направлению к деревне’; *гон пала ~ гонла пала* ‘по направлению к яме’ [Насибуллин 1972: 86–87]. Модель образования с компонентом *-лапал(-)* обнаруживают пространственные наречия, напр., *уллапала* ‘книзу, вниз, в нижнюю сторону, к низовью’, *уллапалан* ‘внизу, в нижней сторону, в низовье’, *уллапаласен* ‘снизу, с нижней стороны, с низовья’. Формирование конструкций с послелогом *пала* происходило, скорее всего, аналогично коми конструкциям с послелогом *дорö*.

1.2.2. Падежи с пониженной морфологической самостоятельностью

В грамматических описаниях ряда финно-угорских языков, в том числе и пермских, иногда представлены падежи, имеющие омонимичные показатели.

В состав падежной системы нижнеиньвенского и кудымкарско-иньвенского диалектов включены два падежа с одинаковыми показателями – датив (*-vö/-ö*) и консекутив (*-vö/-ö*) [Баталова 1995: 71; Баталова 2002: 66]. В основе их выделения лежит ориентация на литературный коми-пермяцкий язык и северные диалекты, в которых эти падежи морфологически самостоятельны: датив представлен суффиксом *-лö*, консекутив – суффиксом *-ла*. В данном случае имеет место неравномерное развитие прапермского датива (аллатива). В южных диалектах, как и в удмуртском языке, этот падеж сохраняет свою целостность формально и семантически. В северных диалектах, подобно коми-зырянским, на основе алломорфов прапермского

дativa (аллатива) развились суффиксы двух отдельных падежей – дativa и консекутива.

В южных коми-пермяцких диалектах суффиксы аблатива, дativa и генитива имеют алломорфы, свойственные другим падежам. Алломорфы аблатива (ки. ни. *-вис'/-ис'*, онк. *-лис'/-ис'*) совпадают с одним из алломорфов суперэлатива (ки. ни. *-вись/-ввись*) и суффиксом элатива (ки. ни. онк. *-ис'*); алломорфы дativa (ки. ни. *-вӧ/-ӧ*, онк. *-лӧ/-ӧ*) сходны с одним из алломорфов суперлатива (ки. ни. *-вӧ/-ввӧ*, онк. *-лӧ/-лӧ*) и суффиксом иллатива (ки. ни. онк. *-ӧ*); один из алломорфов генитива (ки. ни. *-вӧн/-ӧн*, онк. *-лӧн/-ӧн*) совпадает с суффиксом инструментала (*-ӧн*). Таким образом, в ряде южных коми-пермяцких диалектов имеются падежи с нестандартным морфологическим выражением: один из алломорфов одного падежа совпадает с алломорфом и/или суффиксом другого падежа. Появление алломорфов аблатива, дativa и генитива обусловлено морфонологическими процессами на морфемных стыках, имевшими место в определенный период развития диалектов. До формирования поверхностно-местных падежей и протекания морфонологических процессов, повлиявших на появление алломорфов, эти падежи имели самостоятельное морфологическое выражение, как и в северных диалектах. В настоящее время в южных коми-пермяцких диалектах аблатив и датив являются морфологически несамостоятельными, генитив проявляет свойство слабо дифференцированного падежа. Несмотря на ослабление формы суффиксов, падежи следует рассматривать как отдельные, ввиду того, что их алломорфы в комплексе не совпадают с показателем какого-то другого падежа.

В коми-язьвинском наречии одинаковы показатели инструментала и инессива простого склонения, что допускает различную их интерпретацию: это одна единица с расчлененным правилом управления, что вполне возможно, если учесть этимологию суффиксов, или один из падежей (инструменталь) морфологически несамостоятельный. Совпадение падежных форм произошло в результате сходной рефлексии праязыковых гласных фонем **i* и **ε* в суффиксальных морфемах (о рефлексах гласных фонем **i* и **ε* в непервом слове см.: [Лыткин 1964: 236]). В коми языкознании инструменталь и инессив трактуются как отдельные падежи ввиду того, что в посессивном

склонении каждый из них имеет морфологически самостоятельное выражение.

В удмуртском языке морфологически несамостоятельным является инструменталь для словоформ множественного числа, так как его суффикс совпадает с суффиксом инессива. Для словоформ единственного числа он близок к морфологически самостоятельным, так как только у небольшой группы существительных его суффикс совпадает с показателем инессива. Свойство морфологической несамостоятельности инструментально придают рефлексы вариативной огласовки падежного суффикса, сохраняющиеся в удмуртском языке от праудмуртского (< прапермского) состояния.

Отдельно следует остановиться на нулевом падежном показателе. В падежной системе существительных пермских языков представлено два падежа с нулевой морфемой – номинатив и аккумулятив, в удмуртском языке такой показатель имеют также некоторые существительные в иллативе. Нулевой показатель – это морфема с нулевым экспонентом, передающим то или иное грамматическое значение. Вопрос о грамматическом статусе нулевой морфемы, маркирующей прямой объект, в пермском языкознании не относится к числу дискуссионных: в большинстве лингвистических изысканий она рассматривается в качестве одной из форм аккумулятива [Флеров 1813: 10; Савvaitов 1850: 18; Емельянов 1927: 119; Майшев 1940: 25; Бубрих 1949: 29; СКЯ 1955: 142; ГСУЯ 1962: 93; КПЯ: 186; ОКК: 69; Gabelentz 1841: 7–8]. На такое истолкование нулевой морфемы первоначально повлияла, скорее всего, традиция русской грамматики; позднее оно было принято и в последующих работах. Между тем в финно-угроведении грамматическая форма немаркированного прямого объекта трактуется не столь однозначно: нулевая морфема рассматривается как одна из форм аккумулятива («немаркированный аккумулятив») [Каракулова, Каракулов 2001: 127; Лаврентьев 2005: 52; Кондратьева 2011а: 41; ГСУЯ 1962: 93; КПЯ: 185] либо как показатель номинатива, который изначально использовался для маркирования не только субъекта, но и объекта действия [Хайду 1985: 232; Тужаров 1987: 119; ГМЯ: 161]. На первый взгляд эти расхождения вызваны разным подходом к решению проблемы: семантико-синтаксическим (сходство семантики и глагольного управления) или морфологиче-

ским (сходство грамматических форм). Однако задача усложняется тем, что дифференцированное маркирование прямого объекта вызвано комплексом различных факторов, механизм проявления которых в языках различен, он не всегда совпадает в родственных языках, даже в диалектах одного языка (ср. маркирование прямого объекта в пермских и финно-волжских языках в [Сердобольская, Толдова 2012]). В пермских языках эксплицитное маркирование всегда получает прямой объект, выраженный личным, усилительно-личным местоимением, существительным с притяжательным суффиксом, субстантивированным прилагательным, числительным. При маркировании существительных без притяжательных суффиксов решающую роль играют в коми языках факторы одушевленности и определенности, в удмуртском языке – фактор определенности [Прокушева 1988; Сердобольская, Толдова 2007: 215; Сердобольская, Толдова 2012: 136]. Это обстоятельство, а именно непосредственная связь аккумулятива с лексической семантикой существительных и определенностью/неопределенностью объекта, отличает его от остальных падежей. Грамматическое значение аккумулятива как бы осложняется признаком определенности и одушевленности. Это свойство послужило одной из основных причин отрицания аккумулятива в уральских языках. А. П. Володин считал, что «суть грамматического строя уральских языков состоит в противопоставлении “определенный/неопределенный”» [Володин 2000: 35]. Что касается пермских языков, то обязательного для морфологической категории регулярного грамматического выражения противопоставления одушевленности/неодушевленности и определенности/неопределенности не имеют, что исключает рассмотрение специального суффикса аккумулятива как показателя определенности или одушевленности. В этой связи отметим, что проблема интерпретации формы немаркированного прямого объекта является едва ли не самой спорной в теоретической лингвистике. Ситуация, когда прямой объект оформляется различно в зависимости от его референциальных и семантических свойств, наблюдается во многих языках мира. Различие между маркированным и немаркированным прямым объектом заключается в определенности, одушевленности, личности или т. п., при этом аккумулятив всегда маркирует более определенный, более одушевленный или

личный объект [Муравьева 2008]. Было бы неоправданным отдавать решительное предпочтение какой-либо концепции, так как современная лингвистическая типология находится в ситуации «неединственности описания» [Мельчук 1971], и выбор того или иного решения зависит от традиций описания конкретных языков [Плунгян 2003: 174].

В данной монографии представлено традиционное истолкование грамматического строя пермских языков как языков номинативного строя, характеризующихся противопоставлением субъекта и объекта, а также номинатива и аккузатива. Между тем необходимо отметить, что морфологически выраженный аккузатив, используемый для маркирования определенного прямого объекта, восстанавливается для финно-угорского праязыка [Основы 1974: 243]. Субъект и объект действия в праязыке выражались изначально номинативом, их дифференциация осуществлялась порядком слов SOV (субъект – объект – глагол), т. е. субъект в номинативе предшествовал объекту в номинативе, последний предшествовал глаголу. Формирование аккузатива происходило на основе номинатива, что было обусловлено необходимостью разграничения субъекта и объекта [Основы 1974: 384–385; Хайду 1985: 232]. В современных уральских языках нет еще однозначного соответствия между синтаксическими и морфологическими категориями [Comrie 1975: 17], что указывает на неравномерное их развитие. Более того, исследования средств оформления прямого объекта, а также факторов, влияющих на выбор средств его маркирования, в ряде финно-угорских языков показали, что в ходе эволюции языков факторы выбора оформления имени в позиции прямого дополнения могут меняться, что требует отдельного изучения и объяснения.

1.2.3. Суффиксы с коаффиксом *-ла-*

В удмуртском языке инессив, элатив и эгрессив с отворшудными топонимами, оканчивающимися на *-а* (*-я*), представлены суффиксами, содержащими коаффикс *-ла-*, иллатив – суффиксом *-ла* [ГСУЯ 1962: 105–109; Тараканов 1997: 166]. По наблюдениям Г. А. Архипова, в среднеюжных диалектах такие суффиксы имеют также пролатив и терминатив: в речи старшего поколения параллельно используются пролативные форманты *-лати*, *-эти*, *-ти*: *гожналати*, *гожнээти*,

гожнати ‘по Гожне, вдоль по Гожне’, в речи молодого поколения – терминативный формант *-лоз'*: *можгалоз'* ‘до Можги’ *гожналоз'* ‘до Гожни’ [Архипов 1978: 27–28]. Коаффикс *-ла-* падежных суффиксов, восходящий к финно-угорскому словообразовательному суффиксу **-l* [Атаманов 1978: 125; 2005: 176; Некрасова 1987: 23; 2002: 15; Uotila 1933: 198], в сочетании с воршудным родовым именем изначально обозначал место жительства рода. Необходимо добавить, что аналогичный формант *-la* представлен также во всех прибалтийско-финских топонимических системах (в финской, карельской, вепсской, эстонской, ижорской), в сочетании с антропонимом он обозначал место жительства человека, семьи, рода [Карлова 2004: 6; Афанасьева 2018: 7].

Для выявления особенностей падежного изменения отворшудных топонимов в современном удмуртском языке была произведена сплошная выборка из КУЯ следующих названий: *Баграш-Бигра*, *Вуж Мõнья* ‘Старая Монья’, *Вьль Мõнья* ‘Новая Монья’, *Можга*, *Пичи Пурга* ‘Малая Пурга’, *Ба́рым Уча* ‘Большая Уча’, *Эгра* ‘Игра’, *Якшур-Бõдья* ‘Якшур Бодья’. Материал КУЯ показал, что в литературном языке отворшудные топонимы принимают в терминативе и пролативе стандартные суффиксы, в инессиве, иллative, элативе и эгрессиве – вариативные: параллельно со сложными суффиксами они допускают стандартные суффиксы:

удм. *Соин ик мынй дышетскыны Можгалась педучилищее*. (Удм. дунне, 2007.05.18) ‘И поэтому я пошла учиться в Можгинское педучилище’.

удм. *Воваез Можгаысь педучилищее пыриз*. (Удм. дунне, 2010.01.22) ‘Вова поступил в Можгинское педучилище’.

удм. *Шудонъёс озьы ик ортчизы ни Глазкарын но Можгалан*. (Дом дружбы народов – Иворъёс, 2015) ‘Игры также прошли уже в Глазове и Можге’.

удм. *4 толэзь ёже таё адъытонъёс Сарапулын, Можгаын, Воткинскын но Уваын ортчозы*. (Мынам Удмуртие, 2010.08.05) ‘В течение 4 месяцев такие выставки пройдут в Сарапуле, Можге, Воткинске и Уве’.

Таблица 6

Частотность вариативных падежных суффиксов,
употребляющихся с топонимами, оканчивающимися на -а/-я

Топоним	Инессив		Илллатив		Элатив		Эгрессив	
	-лан	-ын	-ла	-е	-лась	-ысь	-ласен	-ысен
Можга	101	195	65	79	162	409	2	6
Пичи Пурга	87	55	47	17	160	88	1	1
Эгра	40	50	31	22	78	129	–	–
Вуж Мёнъя, Выль Мёнъя	22	4	11	4	51	16	–	–
Якшур-Бёдя	21	34	13	19	37	90	–	1
Ба́зым Уча	6	14	8	7	7	18	–	–
Баграш-Бигра	1	9	2	1	7	13	–	–
Всего	278	361	177	149	502	763	3	8

Частотность употребления вариативных суффиксов с топонимами неодинакова, различна и степень вариативности суффиксов с каждым из них (табл. 6). С названиями *Можга*, *Якшур-Бёдя*, *Ба́зым Уча*, *Баграш-Бигра* чаще используются стандартные суффиксы, с названиями *Пичи Пурга*, *Вуж Мёнъя*, *Выль Мёнъя* сохраняют преимущество суффиксы с коаффиксом *-ла-*. В письменной форме языка происходит постепенное вытеснение нестандартных суффиксов, имеющих ограниченную сферу употребления; в устной речи форманты на *-ла-* устойчиво сохраняются. Суффиксы с коаффиксом *-ла-* представляют собой лексически обусловленные архаичные формы местных падежей.

1.3. Семантическая совмещенность падежных суффиксов: падеж или форма

При определении статуса языковой единицы важным является определение ее семантики, сложность которой нередко затрудняет ее интерпретацию и терминологическое описание, особенно, если в составе падежей имеются конкурентные формы, за выбором которых стоят некоторые семантические различия. Решение вопроса, являются ли два падежных суффикса с отсутствием явных различий в их семантике вариантами одного падежа или показателями двух

отдельных падежей, зависит от их семантической совмещенности. В описаниях падежной системы коми языков можно встретить падежи, имеющие вариативные показатели, при этом обращают внимание два обстоятельства: неоднозначная интерпретация статуса суффиксов и различие в семантике вариативных суффиксов одного и того же падежа. В этой связи представляется необходимым остановиться на рассмотрении падежных формантов со спорным статусом.

1.3.1. Пролатив, транзитив, просекутив

1. В коми-зырянском языке параллельно функционируют два форманта, выражающих траекторию движения: суффикс со структурой CV (-*mi*) и суффикс со структурой VC (-*öd*), различающийся в диалектах огласовкой. Суффикс со структурой VC распространен в большинстве коми диалектов (типично для северо-западных: нижневычегодского, удорского, ижемского, вымского, а также лузско-летского), спорадически представлен в верхнесысольском диалекте. Суффикс со структурой CV характерен больше для центральных и южных диалектов, последовательно функционирует в верхнесысольском диалекте [Баталова 1982: 117–118; Попова, Сажина 2014: 122–123]. В вымском и ижемском диалектах суффикс -*mi* содержится в составе послелогов [ИД: 44; ВД: 56]. В древнекоми текстах пролатив представлен суффиксами -*öd*, -*ыд*: *лэбанöd*, *лэбаныд* (Е 36) ‘по воздуху’; суффикс -*mi* обнаруживается только в послелогах: *ас вэрид вылти ин мун* (Тр. 3) ‘не мини раба своего (‘через раба (по рабу) своего не иди)’ [Лыткин 1952: 105].

В пермском языкознании не существует общепринятого синхронного истолкования пролативных суффиксов коми-зырянского языка: они трактуются как показатели одного падежа, при этом иногда указывается некоторое различие в их употреблении [Разманов 1931: 61; Бубрих 1949: 53; Кузнецов 2012: 134–140; СКЯ 1955: 145; Wiedemann 1884: 127], и как показатели двух самостоятельных падежей – транзитива (суффикс -*mi*) и просекутива (суффикс -*öd*), что больше свойственно для зарубежного финно-угорского языкознания [Усачева 2012а: 125; ÖКК: 89–90; Wichmann 1923–1924: 152–159; Uotila 1933: 99–102; Lakó 1950: 219–243; Vászolyi 1968: 47–85; Bartens 2000: 107], в некоторых работах приводится только один из пролативных суф-

фиксов (-öd) [Савваитов 1850: 19, 109; Gabelentz 1841: 10; Castrén 1844: 22]. Основанием для неоднозначной интерпретации суффиксов являются наличие структурно различных суффиксов и их семантическое сходство. Согласно Дь. Лако, различие между суффиксами заключается в следующем: «Предложения с просекутивом выражают курсивное действие, временные и пространственные границы которого являются неопределенными. В предложениях с транзитивом выражается терминативный аспект действия. Просекутив имеет пролативное значение, транзитив обозначает протекание действия в определенном пункте или на ограниченном пространстве, а также действие, ограниченное в пространственном и временном отношении. Он часто употребляется как простой местный падеж и выражает определенное направление» [Lakó 1950: 219–243]. Э. Васойи полагал, что пролативные суффиксы коми-зырянского языка различаются по морфологическому выражению и ареалу распространения [Vászolyi 1968: 47–85].

В целях определения статуса пролативных суффиксов – являются они в современном языке вариативными суффиксами одного падежа или формантами двух отдельных падежей, на материале ККЯ были проверены два фактора, которые, согласно предыдущим исследованиям, регулируют выбор суффиксов: лексическая сочетаемость суффиксов и их связь с глаголом.

Для уточнения сочетаемости суффиксов были выбраны наиболее характерные контексты их употребления – существительные со значением ‘путь сообщения’, ‘проем, отверстие’, ‘ограниченный участок пространства’, которые, согласно типологическим исследованиям, являются типичными контекстами пролативных падежей со значениями маршрута движения, прохода и сцены [Ганенков 2002]. Как показывает материал из ККЯ (результаты продемонстрированы в табл. 7–9, дата обращения: 17.10.2018), оба суффикса могут сочетаться со всеми взятыми для рассмотрения существительными, значит, могут употребляться в значениях маршрута движения, прохода и сцены, но частотность их употребления значительно различается.

Таблица 7

*Частотность употребления пролативных суффиксов
с существительными со значением 'трасса'*

Существительное	Суффикс - <i>öd</i>	Суффикс - <i>ti</i>
<i>Туй</i> 'дорога'	1903	101
<i>Пос</i> 'мост'	221	22
<i>Ордым</i> 'тропа'	197	35
<i>Улич(а)</i> 'улица'	128	96
<i>Ю</i> 'река'	90	19
Всего	2539 (90 %)	273 (10 %)

Таблица 8

*Частотность употребления пролативных суффиксов
с существительными со значением 'отверстие, проем'*

Существительное	Суффикс - <i>öd</i>	Суффикс - <i>ti</i>
<i>Öшинь</i> 'окно'	875	10
<i>Öдзöс</i> 'дверь'	554	43
<i>Розь</i> 'щель'	168	22
<i>Труба</i> 'труба'	45	10
Всего	1642 (95,1 %)	85 (4,9 %)

Таблица 9

*Частотность употребления пролативных суффиксов
с существительными со значением 'ограниченный участок
пространства'*

Существительное	Суффикс - <i>öd</i>	Суффикс - <i>ti</i>
<i>Вөр</i> 'лес'	483	313
<i>Парма</i> 'тайга'	113	211
<i>Сикт</i> 'село'	100	11
<i>Тундра</i> 'тундра'	89	145
<i>Нюр</i> 'болото'	61	12
Всего	846 (55 %)	692 (45 %)

При выражении значений маршрута движения и прохода суффикс *-ti* заметно уступает суффиксу *-öd* (табл. 7–8); при выражении значения сцены, т. е. при указании на ориентир, в пределах которого происходит движение, суффиксы могут свободно варьировать. Однако подавляющее большинство существительных оказывается оформ-

ленным суффиксом *-öd*, исключение составили единичные имена со значением ‘ограниченный участок пространства’ – ‘тундра’, ‘тайга’, с которыми чаще использован суффикс *-mi*.

Для уточнения семантической совмещенности суффиксов проверено также употребление пролативных суффиксов в значении точки приложения. Поиск по ККЯ показал, что это значение в коми-зырянском языке выражается суффиксом *-öd* (табл. 10).

Таблица 10

*Частотность употребления пролативных единиц
в значении точки приложения*

Существительное	Суффикс <i>-öd</i>	Суффикс <i>-mi</i>
<i>Ки</i> ‘рука’	1 895	8
<i>Пельпом</i> ‘плечо’	728	8
<i>Юрси</i> ‘волосы’	447	4
<i>Бöж</i> ‘хвост’	227	5
<i>Голя</i> ‘шея’	222	11
<i>Мыш</i> ‘спина’	121	22
<i>Гез</i> ‘веревка’	28	–
Всего	3 668 (98,4 %)	58 (1,6 %)

Одним из факторов, определяющих выбор падежного суффикса, согласно Дь. Лако, является аспектуальная характеристика глагола: просекутив употребляется при глаголах, выражающих курсивное действие, транзитив – при терминативных глаголах. Поскольку существует различное истолкование терминов *курсивные* и *терминативные глаголы* [Маслов 2004: 389–390], необходимо отметить, что курсивным является глагол, который выражает действие, не направленное на достижение предела, не содержащее в своей семантике указание на завершение действия. *Предельным* является глагол, который в своей семантике содержит указание на реальное достижение предела, «предел может мыслиться либо как достигнутый <...>, либо как “маячащий в перспективе”, хотя реально в данном акте действия еще не достигаемый» [Маслов 2004: 389]. Ввиду того, что пролативные суффиксы используются без осязаемого количественного преимущества в ту или другую сторону, примерно одинаково при выражении значения сцены, для определения, влияет ли на выбор

падежного суффикса аспектуальная характеристика ситуации, были проанализированы контексты (558 предложений), в которых траектория движения выражается существительными 'тайга' и 'тундра' (в табл. 11 включены глаголы, употребляющиеся в ККЯ более трех раз; дата обращения: 17.10.2018).

Таблица 11

Глагол и выбор пролативных суффиксов
при оформлении существительных 'тайга' и 'тундра'

Глаголы	Суффикс -од	Суффикс -ти
<i>Мунны</i> 'идти'	28	25
<i>Ветлөдлыны</i> 'ходить'	22	50
<i>Ветлыны</i> 'ходить'	18	76
<i>Кытшлавыны</i> 'обходить'	14	9
<i>Шөйтны</i> 'бродить'	12	12
<i>Восьлавыны</i> 'шагать'	10	16
<i>Писькөдчыны</i> 'пробираться'	9	6
<i>Котравны</i> 'бегать'	7	5
<i>Новлөдлыны</i> 'носить'	7	6
<i>Келавны</i> 'бродить'	5	22
<i>Уявны</i> 'бродить'	4	5
<i>Визувтны</i> 'течь'	3	18
<i>Лэбавны</i> 'летать'	–	10
<i>Собавны</i> 'бродить'	–	7
Всего	139	267

Выяснилось, что при описании траектории движения оба суффикса употребляются преимущественно при глаголах, не содержащих в своей семантике указание на достижение предела. Это глаголы, выражающие движение, которое совершается в разных направлениях либо регулярно повторяется в одном направлении: *ветлөдлыны* 'ходить', *келавны* 'бродить', *котравны* 'бегать', *кытшлавыны* 'ходить, обходить вокруг', *павъявны* 'болтаться', *ризъявны* 'носиться вскачь, резвиться', *собавны* 'бродить', *шавъявны* 'болтаться, шататься', *шөйтны* 'бродить', *уявны* 'бродить'. В количественном отношении оба суффикса используются примерно одинаково при глаголах *котравны* 'бегать', *новлөдлыны* 'носить', *мунны* 'идти', *шөйтны* 'бродить', *уявны* 'бродить'. При глаголах *ветлөдлыны* 'ходить', *ветлы-*

ны 'ходить', *визувтны* 'течь' употребительнее оказывается суффикс *-mi*, чем суффикс *-öd*; более того, при глаголах *лэбавны* 'летать', *собавны* 'бродить' использован только суффикс *-mi*. Несмотря на отмеченные различия, выбор падежного суффикса не регулируется строгими грамматическими правилами. Таким образом, в современном коми-зырянском языке пролативные суффиксы различаются по морфологическому выражению, ареалу распространения, а также семантически. В литературном языке суффикс *-öd* употребляется в значениях маршрута движения, прохода, сцены и точки приложения, суффикс *-mi* – в значении сцены. Случаи употребления суффикса *-mi* в значениях маршрута движения, прохода и точки приложения можно объяснить смешением употребления пролативных суффиксов или сокращением функционирования суффикса *-mi*. Основываясь на полученных результатах, представляется возможным выделение в современном коми-зырянском языке двух морфологически самостоятельных падежей – пролатив I с суффиксом *-öd* и пролатив II с суффиксом *-mi*.

2. В удмуртском языке пролатив имеет вариативные суффиксы, различающиеся наличием/отсутствием инициального гласного и его качеством – *-ть*, *-эть/-еть*, *-ыть*. В парадигме единственного числа представлены все формы, во множественном числе – только формант *-mii*. В грамматических описаниях удмуртского языка все пролативные суффиксы рассматриваются как вариативные формы одного падежа, не имеющие семантических различий [Емельянов 1927: 124; ГСУЯ 1962: 110; Кондратьева 2011а: 100–101; Vartens 2000: 78]. Ш. Чуч подметил, что в значении точки приложения употребителен только суффикс *-mii* [Csúcs 2005: 187–187]. Н. В. Кондратьева указала на лексическую сочетаемость пролативных суффиксов: формант *-ытii* принимают единичные существительные, подвергшиеся в синхронии лексикализации (*нюлэс* 'лес', *сэрег* 'угол', *кус* 'талия' и др.), суффиксы *-mii*, *-эmii/-етii* употребляются с лексемами, оканчивающимися на гласный и согласный [Кондратьева 2011а: 194–195].

Для уточнения сферы употребления пролативных суффиксов удмуртского языка были выбраны те же контексты, что и при исследовании пролативных суффиксов коми языка – существительные со значениями 'путь сообщения', 'проем, отверстие', 'ограниченный участок пространства'. Полученные результаты отражены в табл. 12–14.

Таблица 12

Частотность употребления пролативных суффиксов
с существительными со значением 'трасса'

Существительное	Суффикс - <i>тiй</i>	Суффикс - <i>этий/-етий</i>	Суффикс - <i>ытiй</i>
<i>Сюрес</i> 'дорога'	219	24	–
<i>Урам</i> 'улица'	82	80	–
<i>Коридор</i>	7	17	–
<i>Шур</i> 'река'	5	4	–
Всего	313	125	–

Таблица 13

Частотность употребления пролативных суффиксов
с существительными со значением 'отверстие, проход'

Существительное	Суффикс - <i>тiй</i>	Суффикс - <i>этий/-етий</i>	Суффикс - <i>ытiй</i>
<i>Укно</i> 'окно'	17	59	–
<i>Капка</i> 'ворота'	12	10	–
<i>Ос</i> 'дверь'	3	46	–
<i>Пась</i> 'дыра, отверстие'	1	17	–
Всего	33	132	–

Таблица 14

Частотность употребления пролативных суффиксов
с существительными со значением 'участок пространства'

Существительное	Суффикс - <i>тiй</i>	Суффикс - <i>этий/-етий</i>	Суффикс - <i>ытiй</i>
<i>Гурт</i> 'деревня'	7	41	–
<i>Корка</i> 'дом'	7	5	–
<i>Бусы</i> 'поле'	4	36	–
<i>Луд</i> 'поле'	–	4	–
<i>Тэль</i> 'лес'	–	7	–
<i>Нюлэс(к)</i> 'лес'	13	1	49
Всего	31	94	49

Как показал поиск по КУЯ, в современном удмуртском языке при выражении значения траектории движения активно используются суффиксы *-этий/-етий*, *-тiй*, к определенным существительным привязан суффикс *-ытiй*. С существительными со значениями 'отверстие, проем' и 'ограниченный участок пространства' предпочти-

тельно употребление суффикса *-эти/-еті*; с существительными со значением ‘путь сообщения’ соотношение суффиксов колеблется. Так, например, суффиксы находятся в отношении свободного варьирования с существительными ‘река’, ‘улица’, ‘ворота’, а со словом ‘дорога’ значительно реже используется суффикс *-эти/-еті*, но четкой последовательности в употреблении того или иного суффикса при выражении траектории движения не обнаружено. В отличие от коми-зырянского языка, в удмуртском языке наблюдаются сходство морфологического выражения значений прохода и сцены (суффиксы *-эти/-еті*, *-ыти*) и вариативность суффиксов при выражении значения маршрута движения. В значении точки приложения (при глаголах *кутыны* ‘держать’, *кыскыны* ‘тянуть’, *думыны* ‘привязать’) может использоваться только суффикс *-ти* (табл. 15), в коми-зырянском языке в аналогичных контекстах представлен суффикс *-öd*, который Э. Васойи идентифицирует с удмуртским суффиксом *-эти/-еті* [Vászolyi 1968: 68–69]. Несмотря на это, явно прослеживается параллель в употреблении суффиксов. Как в коми-зырянском, так и в удмуртском языках один суффикс является доминирующим, в непространственном значении употребляется только один из суффиксов.

Таблица 15

*Частотность употребления пролативных единиц
в значении точки приложения*

Существительное	Суффикс <i>-ти</i>	Суффикс <i>-эти/-еті</i>	Суффикс <i>-ыти</i>
<i>Ки</i> ‘руки’	125	–	1
<i>Быж</i> ‘хвост’	17	–	–
<i>Пыд</i> ‘нога’	10	–	–
<i>Чырты</i> ‘шея’	7	1	–
<i>Йырси</i> ‘волосы’	4	–	–
<i>Кус</i> ‘поясница’	3	–	–
Всего	166	1	1

В современном удмуртском языке обнаруживается следующая тенденция к употреблению пролативных суффиксов:

-эти/-еті употребляется в пространственных значениях в парадигме единственного числа;

-ти употребляется в пространственных и непространственных значениях в обеих числовых парадигмах;

-*ытй* употребляется в пространственных значениях в парадигме единственного числа с очень ограниченной группой неодушевленных существительных.

При отсутствии свободного варьирования пролативных суффиксов в удмуртском литературном языке наблюдается определенный дрейф: тенденция к снижению функциональной нагрузки суффикса *-ытй*, его замена суффиксом *-тй* (ср. оформление существительных *нюлэс* 'лес', *кус* 'поясница'), лексическая обусловленность суффикса *-ытй*, вариативные отношения суффиксов *-этй/-етй* и *-тй* в сочетании с некоторыми лексемами, при этом выбор суффиксов ничем не мотивирован. В удмуртском литературном языке решение о выделении двух и более пролативных падежей не представляет практического интереса, имеющиеся семантические различия суффиксов в единственном числе не находят формального выражения во множественном числе.

1.3.2. Эгрессив

Показателем эгрессива в коми языке является суффикс *-сянь*. В описаниях падежной системы лузско-летского, удорского и вымского диалектов, а также отдельных зауральских говоров ижемского диалекта эгрессив, помимо общекоми суффикса, представлен вариативным показателем: вым. лл. *-ыс'өдз*, иж. уд. *-ыс'эдз*, уд. *-ис'эдз*, который употребляется в удорском диалекте «для подчеркивания степени отдаленности предмета, от которого движется другой предмет» [ССКЗД: 467; УД: 33], в вымском диалекте – «при выделении бóльшей степени отдаленности предмета или места, откуда начинается действие» [Фролова 1952: 172; Ляшев 1977: 90–91; ВД: 56]. В исследованиях по лузско-летскому и ижемскому диалектам семантическое различие эгрессивных суффиксов не отмечено [ЛЛД: 38; ИД: 48].

вым. (К.) *Воласны вöли Волс'аыс'өдз да Межадорыс'өдз* 'Приезжали, бывало, с Вотчи и Межадора' [ВД: 56]; уд. (Венд.) *Ватшöтинныс'эдз н'и толун локс'а* 'С Усть-Вачерги уже сегодня иду' [УД: 33]; лл. (Лет.) *Карыс'эдз вайöма* 'Он привез (что-л.) из города' [ЛЛД: 38].

Учитывая этимологию суффикса (слияние суффиксов элатива (-*ыс'/-ис'*) и терминатива (-*өдз/-эдз*)), Е. С. Гуляев полагал, что этот суффикс исходно мог обозначать не только начальный, но и конечный пункт движения. В то же время он не исключал, что суффикс терминатива еще до слияния с суффиксом элатива мог утратить свое основное значение, получив при этом семантику уточнения места [Гуляев 1960: 147]. Сходная гипотеза представлена также в работах Э. Васойи и Р. Бейкера. Э. Васойи отмечал, что суффикс *-is'ež*, помимо исходного пункта движения, указывает также на конечный пункт, местоположение участника речевого акта [Vászolyi 1968: 80]. Р. Бейкер считает, что первоначально суффиксы *-c'an'* и *-ыс'өдз* (-*ыс'эдз*, *-ис'эдз*) имели семантические и синтаксические различия, т. е. являлись показателями двух отдельных падежей. Позднее один из суффиксов (-*ыс'өдз*) теряет самостоятельный грамматический статус и начинает выступать в качестве вариативной формы эгрессива [Baker 1985: 229].

Способ образования суффиксов *-ыс'өдз* и *-c'an'* схожий: оба суффикса сформировались в результате слияния элативного и лативного формантов [Гуляев 1958: 145–147]. Параметр ориентации в семантике обоих суффиксов унаследован от элатива, семантические расхождения между формантами развились на основе семантики вторых компонентов. В образовании суффикса *-ыс'өдз* принял участие суффикс терминатива, который, в отличие от других лативных падежей, выражает конечный пункт движения, находящийся в поле зрения субъекта во всей протяженности преодоления пространства до пределов предмета и достижения его границ. Представляется, что на основе семантики «протяженности (преодолеваемого пространства)», унаследованного от терминатива, развилась семантика дальности, что привело к семантическому противопоставлению эгрессивных суффиксов *-ыс'өдз* и *-c'an'* по признаку дальности исходного пункта. Если *-c'an'* является нейтральным по признаку близости/дальности исходного пункта по отношению к конечному пункту движения, то суффикс *-ыс'өдз* – маркированным, он употребителен только в том случае, если необходимо подчеркнуть преодоление значительного расстояния от исходного пункта движения; если исходный пространственный ориентир расположен на значительном расстоянии от ко-

нечного пункта движения¹. В удорском диалекте (говор с. Важгорт) семантика суффикса *-ыс'өдз* накладывает ограничения на его лексическую сочетаемость: он используется с существительными, обозначающими географические объекты (названия населенных пунктов, географических и административно-политических территорий, существительные *кар* 'город', *яг* 'лес' и т. п.). Суффикс *-с'ан'* не привязан к какой-либо лексико-семантической группе существительных: роль ориентира может играть любой неодушевленный/одушевленный участник, используемый в качестве пространственного ориентира. Следует отметить различие семантической структуры суффиксов: суффикс *-с'ан'* употребляется в пространственных и непространственных значениях, в то время как суффикс *-ыс'өдз* используется только для выражения пространственных и темпоральных значений:

уд. (Косл.) *Куйим ариседз олі өтнам*. 'С трех лет жил один' [Сорвачева 1972: 158]; лл. (Сл.) *Аски асылыседз карток йөрны мөда*. 'Завтра с утра буду копать картофель' [ОКЗР: 179].

В настоящее время контексты противопоставления эгрессивных суффиксов утрачиваются. Диалектный эгрессивный суффикс, вытесняемый суффиксом *-сянь*, приобретает стилистическую маркированность, которая заключается в подчеркнутом указании на пространственный ориентир, непосредственно являющийся исходным пунктом движения. Содержание семантических коннотаций «подчеркивание степени» («выделение большей степени») отдаленности предмета, от которого движется другой предмет», отмечалось уже в исследованиях прошлого века [Фролова 1950: 172; Ляшев 1977: 90–91; ССКЗД: 467; УД: 33; ВД: 56]. Этот оттенок значения мог развиться на основе семантики предельности, явившейся наследием терминатива, который указывает на предельный конечный пункт движения. Можно предположить, что суффиксом *-ыс'өдз* (*-ыс'эдз*,

¹ Большинство опрошенных носителей удорского диалекта (говор с. Важгорт), отмечая нетождественность семантики суффиксов *-с'ан'* и *-ыс'өдз* (*-ыс'эдз*), затруднялись конкретизировать семантические различия между ними. Отдельные ответы, а именно то, что суффикс *-ыс'өдз* (*-ыс'эдз*) «используется в случае, когда указывается откуда, как, по какому пути движется предмет, напр., самолетом, на лошади», «когда движение продолжительное», «подчеркивается отдаленность», служат подтверждением выводов предыдущих исследований.

-ис'эдз) выражается значение предельного исходного пункта движения, ср. *Москваыс'өдз* 'от самой Москвы' и *Москваc'ан'* 'от Москвы', *асулыс'өдз* 'с самого утра' и *асулc'ан'* 'с утра'.

Падеж с суффиксом *-ыс'өдз* (*-ыс'эдз*, *-ис'эдз*) является морфологически самостоятельным, его показатель имеет ограниченная группа существительных, что соответствует свойствам неполного падежа. Кроме того, семантически он соотносится с эггессивом, являясь факультативным падежом.

1.3.3. Суффикс комитатива или инструменталья?

В коми-зырянских диалектах комитативные отношения могут выражать комитатив и инструменталь. В вашкинских говорах удорского диалекта, кроме этих падежей, употребляются еще суффиксы *-нымйи* (представлен во всех вашкинских говорах, кроме Вендинги), *-ныни* (Венд.), *-ными* (Пучк):

уд. (Чупр.) *Кэркасö с'игорнымйишс нуйис погодаыс* 'Буря снесла с дома крышу со скатом'; (Катша) *Йурнымйиыс көпт'итöма чэрисö* 'Коптили рыбу с головой'; (Венд.) *Мырсö колö вужныниыс йöрны* 'Пень надо с корнем вырвать'; *Йöвсö дозныниыс ну* 'Отнеси молоко вместе с посудой'; (Пучк.) *Корэн'нымиыс пыртöма луксö, вужнымиыс* 'Лук занес с корнями' [Сорвачева 1972: 235–236].

Статус приведенных суффиксов интерпретируется двояко: большинство исследователей сходятся во мнении, что они являются вариативными показателями инструменталья [Сажина 2004: 10; Попова, Сажина 2014: 106; ССКЗД: 465; УД: 33], Б. А. Серебренников рассматривал их в качестве вариативных суффиксов комитатива [Серебренников 1963: 76]. Различная трактовка диалектных суффиксов основана на том, что в коми языке оба падежа – комитатив и инструменталь – употребляются для выражения комитативных отношений. Однако свойства участников комитативной ситуации, описываемые этими падежами, не совпадают. Комитатив используется для указания на активного участника ситуации, инструменталь – на пассивного участника. Падежи различаются также лексической сочетаемостью: показатель комитатива принимают преимущественно одушевленные существительные со значением 'лицо', показатель инструменталья – неодушевленные существительные, одушевленные существитель-

ные со значением 'нелицо' и единичные существительные со значением 'лицо' (подробнее см.: [Некрасова 1997: 12–15; 24–31]; гл. 3, разделы 3.7 и 3.8). Выбор средств выражения комитативных отношений в коми языке обусловлен параметром одушевленность/неодушевленность, а также параметром активность (самостоятельность)/пассивность (подчиненность). Семантические свойства и лексическая сочетаемость суффикса *-нымйи* (*-ными*, *-ныни*) сближают его с инструменталем: он указывает на участника с пониженной степенью активности и самостоятельности, употребляется с теми же существительными, что и инструменталь. Поэтому в комитативных конструкциях именную группу с суффиксом *-нымйи* (*-ными*, *-ныни*) можно заменить на инструментальную; в случае выражения участника ситуации одушевленным существительным возможно параллельное употребление показателей комитатива, инструменталья и суффикса *-нымйи* (*-ными*, *-ныни*), ср. описание комитативной ситуации в предложениях (а)–(в):

(а) уд. (Венд.) *Т'ам'эй-ныни-ыс локтõма собран'н'õас* '[Она] пришла на собрание вместе с ребенком' [Сорвачева 1972: 236].

(б) уд. (Чупр.) *Т'а т'эй-на-с бõрõ мунõ гортлан'ыс* 'С ребенком обратно едет домой' [Сорвачева 1972: 235].

(в) уд. (Важ.) *Т'ам'эй-ыс-кõт локтõма собран'н'õас* '[Она] пришла на собрание со своим ребенком'.

В приведенных примерах соучастник действия выражен разными падежами, которые маркируют разные свойства этого участника: комитатив – активность (самостоятельность), инструменталь – пассивность (подчиненность), суффикс *-ныни* – совместность, имеет «обобщительно-комитативное значение» [Сорвачева 1950: 54], «обобщительно-собирательное значение» [УД: 32]. Заметим, что при использовании комитатива и инструменталья совместность/раздельность участников ситуации не маркируется, тогда как суффикс *-нымйи* (*-ными*, *-ныни*) применяется только в том случае, если говорящему важно подчеркнуть совместность. При определении статуса языковой единицы учитывается только его парадигматическое значение. Поскольку семантико-дистрибутивные свойства суффикса *-нымйи* (*-ными*, *-ныни*) отличаются как от инструменталья, так и от комитатива, то логичнее рассматривать его как показатель отдель-

ного падежа. Являясь морфологически самостоятельным, падеж с суффиксом *-нымйи* (*-ными*, *-ными*) проявляет свойства факультативного, неполного падежа. Для введения этого падежа в падежную систему можно использовать термин социатив, применяемый в типологических исследованиях для номинации показателей, маркирующих значение совместности [Архипов 2005: 15]. В настоящее время наблюдается сокращение частотности употребления социатива, его вытеснение инструменталем и комитативом.

1.3.4. Терминативные суффиксы

В коми-пермяцком языке конкурирующими, способными реализовать близкие к синонимичным отношения, но различающимися по некоторым параметрам, оказываются терминативные суффиксы *-ӧдз* и *-ви*. Первый является общепермским, второй суффикс представлен в коми-пермяцких диалектах, кроме мысовско-лупьинского [Баталова 1975: 131; Пономарева 2002: 99]. Падежный характер этого суффикса впервые был определен И. И. Майшевым [Майшев 1940: 41]. В последующих грамматических описаниях он рассматривается как один из показателей терминатива [Дмитриева 1998: 80; КПЯ: 193] или как показатель самостоятельного падежа, получившего название внешнеместный предельный [Баталова 1975: 138] или внешнеместно-достигательный [Баталова 1975: 131; 1990: 83; 1995: 71]. Трактовка суффиксов *-ви* и *-ӧдз* как вариантных форм одного падежа основывается на том, что они выражают значение предела распространения действия: суффикс *-ви* обозначает предел по вертикали, суффикс *-ӧдз* – предел вообще, независимо от области пространства (вертикальная, горизонтальная) по отношению к ориентиру. В данном случае представлены семантически и формально противопоставленные единицы, поэтому термин терминатив в настоящей работе принимается только для единицы с показателем *-ӧдз*, для единицы с суффиксом *-ви* предлагается название альтитерминатив¹.

¹ *Альтитерминатив*: *альти* от *alti* (*altus* ‘высокий, высоко находящийся’). Термин предложен В. В. Понарядовым (устное сообщение).

1.4. Двойное падежное маркирование

Двойным падежным маркированием называется наличие двух различных падежных суффиксов в составе одной словоформы. Такое явление зафиксировано во многих языках мира (монгольских, австралийских, тибето-бирманских и др.), в том числе и в ряде финно-угорских [Алатырев 1970; Коведяева 1978: 137–137; 147; Некрасова 2000а; 2001а; 2002: 132–133; 2018; Кондратьева 2011а: 212; ГМЯ: 227; Noonan 2008; Namari 2015]. Типологически распространёнными являются следующие типы двойного падежного маркирования: 1) *case stacking*: два падежных суффикса используются для выражения пространственного значения; 2) *derivational*: один из падежных суффиксов служит косвенной основой для образования остальных падежей; 3) *referential*: существительное в форме местного падежа, обозначающее место действия, присоединяет показатель падежа существительного, референт которого находится в этом месте; 4) *headed adnominal, with a case-marked head*: именное зависимое, оформленное падежным показателем, дублирует падеж вершины; 5) *headed adnominal, with no case marking on the head*: именное зависимое оформлено двумя падежными суффиксами, падежом приименного определения, и падежом для именного словосочетания в целом, но вершина не имеет падежного оформления; 6) *simple headless adnominal*: зависимое, оформленное генитивом или другим падежом, принимает показатель падежа элидированной вершины; 7) *complex attributive nominal*: имя, оформленное падежным показателем, маркируется атрибутивно-номинализирующим аффиксом и может получать падежное оформление соответственно своей синтаксической роли [Noonan 2008]. Некоторые из перечисленных типов двойного падежного маркирования обнаруживаются в финно-угорских, в частности в пермских, языках.

1. *Сложение суффиксов*, т. е. маркирование существительного показателями двух локативных падежей, было представлено в ранние периоды развития финно-угорских языков. Об этом свидетельствует образование суффиксов ряда местных падежей, в частности внутрениместных падежей в прибалтийско-финских языках, транслатива в мордовских и прибалтийско-финских языках, элатива и инессива в мордовских языках, эгрессива в пермских языках и др. [Майтинская

1979: 114–117]. Наиболее наглядным примером являются показатели приблизительно-местных падежей коми языков, структура которых прозрачна. Они сформировались в результате слияния суффикса аппроксиматива с формантами других местных падежей (подробнее см.: [Некрасова 1985; Кузнецов 2012: 165–175]), ср.

керка-лань ‘в сторону дома’,

керка-ланьысь ‘со стороны дома’, *керка-ысь* ‘из дома’,

керка-ланьын ‘около дома’, *керка-ын* ‘в доме’ и т. д.

Совершенно очевидно, что исходными компонентами стали стандартные падежные суффиксы, которые являются показателями морфологически самостоятельных падежей. Однако в составе сложного суффикса первый выражает значение локализации, второй – значение ориентации.

К этому типу можно отнести также одновременное употребление суффиксов консекутива и элатива для выражения различных аспектов пространственной ситуации в среднесыольских говорах коми-зырянского языка:

кз. сс. *Мэ во(й)и йёллас'ыд*. ‘Я сходила за молоком’; *Турунлас'ыс воа да вэтла*. ‘Привезу сено и схожу’ [ССД: 34].

В современных финно-угорских языках такой тип двойного падежного маркирования встречается, насколько нам известно, редко. В качестве примера можно привести одновременное употребление суффиксов *-шкы* и *-ла* в марийском языке: *ола-шкыла* ‘по направлению к городу’ [Коведяева 1978: 126; 136–137].

2. К *деривационному типу* можно отнести падежные формы некоторых местоимений в коми языках. Косвенные падежные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа образуются на основе генитивной формы, ср. кз. кп. *ми* ‘мы’, *миян* [мы.GEN] ‘наш’, кз. *миян-лысь*, кп. *миян-лись* [мы.GEN-ABL] ‘у нас (взять)’, кз. *миян-лы*, кп. *миян-лө* [мы.GEN-DAT] ‘нам’, кз. кп. *миян-өн* [мы.GEN-INSTR] ‘нами’ и т. д. [КПЯ: 233–234; СКЯ 1955: 194]. Некоторые падежные формы местоимений в коми-зырянском языке образуются от вариативных основ, напр., формы комитатива: *ми-көд* [мы-COM] ~ *миян-көд* [мы.GEN-COM] ‘с нами’; и абессива: *ми-төг* [мы-ABES] ~ *миян-төг* [мы.GEN-ABES] ‘без нас’). В таких случаях в коми языкознании принято говорить о наличии разных основ, но

минативной/генитивной основы, при этом показатель генитива не рассматривается как часть суффикса косвенных падежей [Федюнова 2008: 53; ÖKK: 168]. Т. Архангельский и М. Усачева относят к этому типу одновременное употребление суффиксов рецессива и генитива в бесермянском наречии: *mužik-las'en, mužik-len-las'en* '[wedding guests] from the side of the husband' [Arkhangelskiy, Usacheva 2018: 129].

3. Распространенным в финно-угорских языках является *тип двойного падежного маркирования, возникший в результате эллипсиса вершины именной группы* [Коведяева 1978: 147; Некрасова 2002: 132–133; 2018; Кондратьева 2011а: 212–213; ГМЯ: 227; Winkler 2001: 43; Namari 2015]. В мордовских языках такие случаи рассматриваются в рамках особого склонения, именуемого частной разновидностью указательного склонения, особенность которой состоит «в прибавлении к формам косвенных падежей основного склонения постпозиционных морфем определенности, причем форма в известной мере теряет свою падежную функцию и приобретает значение близкое к словообразовательному» [ГМЯ: 227]. В удмуртском языке два падежных суффикса в составе одной словоформы А. И. Емельянов трактовал как сложный суффикс [Емельянов 1927: 145–146]. В. И. Алатырев рассматривал их в рамках выделительно-указательной категории, отмечая, что в удмуртском языке выделительно-указательные (дейктические) аффиксы *-эз (-ез)* (в ед. ч.) и *-ыз* (во мн. ч.), вносящие в семантику слова значения: 'именно тот (та, то) из них', 'именно те из них', заменяют пропущенные слова или словосочетания: *Иванлэнэз* 'тот, который принадлежит Ивану', *Иванлэнэтэк* 'без того, который принадлежит Ивану' [Алатырев 1970: 4–6; Алатырев 1983: 586]. По наблюдениям Н. В. Кондратьевой, при одновременном употреблении двух падежных суффиксов выделительно-указательный суффикс не является обязательным. В качестве первого могут выступать суффиксы объектных и пространственных падежей, чаще всего генитива, аблатива, инструменталя, адвербиаля, элатива, инессива, терминатива. Одновременное употребление показателей датива и эгрессива с другими падежными суффиксами встречается только в разговорной речи. В двойном падежном маркировании крайне редко участвуют показатели иллатива, пролатива и аппроксиматива, скорее всего, не задействованы номинатив, аккумулятив и абессив [Кондратьева 2011а: 212–213].

Двойное падежное маркирование более частотно в удмуртском языке, чем в коми, поэтому морфосинтаксические свойства словоформ с двумя суффиксами описаны в настоящей работе на материале удмуртского языка в двух типах эллиптических конструкций – в именной посессивной и сравнительной.

3.1. *Двойное падежное маркирование, возникшее в посессивной конструкции.* Удмуртский язык располагает разными средствами для выражения посессивных отношений (подробно см.: [Едыгарова 2010]). В именной посессивной конструкции зависимое может быть маркировано показателем генитива, аблатива, инструментала, адвербиала, элатива, наиболее древним способом оформления посессивной зависимости является простое соположение вершины (обладаемого) и зависимого (посессора). Двойное падежное маркирование посессора наблюдается при эллипсисе обладаемого, в этом случае посессор к собственным грамматическим формам присоединяет падежный суффикс вершины (обладаемого). Примеры двойного падежного маркирования, возникшего в посессивной конструкции с зависимым в генитиве (1), аблативе (2), инструментале (3), элативе (4), адвербиале (5):

(1) удм. *Студентъёслэн картаязы 500 манет, 580 но 700 манет тыроно луоз, нош дышетскисьёслэназ 220, 250 но 300 манет.* (Иднакар, 2012.06.14) ‘В студенческие карты (‘в карту студентов’) приходится вносить 500 рублей, 580 и 700 рублей, а в ученические (‘в карту учеников’) 220, 250 и 300 рублей’.

(2) удм. *Нырысь лыдзэм Марайколэсьсэ, нош сэре Ар-Сергилэсь.* (igoninamagia.ru Мария Игонина, 2015–2016) ‘Вначале мы читали [произведения] Марайко, а потом [произведения] Ар-Серги’.

(3) удм. *Ма, ачиз но дуно мороженой сие. Ми, 30 манетэнзэ «укыр вёё» шуыса, 5 манетэнзэ нюлйськом.* (Удм. дунне, 2008.05.28) ‘Да, он и сам дорогое мороженое ест. Мы едим мороженое за 5 рублей, потому что за 30 рублей «слишком жирно»’.

(4) удм. *Городысьсэ но вераса, удмуртьёс 40–50 процентозь луыло.* (Удм. дунне, 2009.01.16) ‘Учитывая и [население] города, [численность] удмуртов может достигнуть 40–50 процентов’.

(5) *Эшъяськон котькыче луэ. Одно ик вань пичи дыр эшед <...> Ужын нош ас мылкыдыдъязгес пумитаськод.* ‘Дружба бывает раз-

ной. Обязательно есть друг детства <...>. А на работе выбираешь ('встречаешь') того, кто ближе тебе по характеру' [Кондратьева 2011а: 213].

Исключение составляет, скорее всего, конструкция с немаркированным выражением посессора. При эллипсисе вершины такой конструкции зависимое принимает форму генитива, а также посессивный суффикс, отсутствовавший в исходной форме вершинного существительного. Это обусловлено тем, что в удмуртском языке в именной группе с генитивным зависимым вершина требует соответствующий посессивный суффикс. Так, в примере (6) словоформа *Алнаш-лэн-а-з* восходит к *Алнаш ёрос-э*, при пропуске существительного *ёросэ* предшествующая словоформа получила маркер генитива, падежный суффикс пропущенного существительного и посессивный суффикс.

(6) *Аръёс ортчемъя ёрослэн оглюкетэз выжиз Можга районэ, нош Елабужской ёрослэн одйг сельсоветэз пыриз Алнаш-лэн-а-з.* (Алнаш ёрос, 2013.03.07) 'Со временем часть района перешла в Можгинский район, а один сельсовет Елабужского района вошел в Алнашский [район]'.

Вставка генитивного суффикса в данном случае обязательна, при его отсутствии изменился бы смысл предложения, ср. *Алнаш-э* 'в состав села Алнаши' (< **Алнаш ёрос-э*) и *Алнаш-лэн-а-з* (< *Алнаш ёрос-э*) 'в состав Алнашского района'.

В удмуртских диалектах зафиксированы словоформы, содержащие более двух падежных суффиксов. Такие случаи возможны при наличии в слове указательного суффикса *-эз*, *-ыз* [Алатырев 1970: 9–10]:

удм. бавл. *Шур улын Гарась Петькалэнъёсызлэнъёсыз куаши каро.* 'У речки шумят те, которые являются детьми сыновей (дочерей) Петра Герасимовича';

юж. *Одйг ведра киярез сётъямы бригадирмылэнъёсыз-лэнъёсызлы.* 'Ведро огурцов раздали тем [ребятам], которые являются внуками-внучками (или племянниками-племянницами) нашего бригадира' [Алатырев 1970: 9–10].

Как видно из приведенных примеров, словоформа, кроме двух (и более) падежных показателей, может содержать и показатели других

грамматических категорий существительного – числа и посессивности, семантически модифицирующие зависимое или элидированную вершину. В составе таких словоформ можно выделить два комплекса грамматических показателей. Первый составляют исконные показатели словоформы, присущие зависимому до присоединения грамматических форм элидированного существительного. Второй образуют грамматические формы, присоединившиеся к зависимому после эллипсиса вершинного существительного. В предложении (1) словоформа *дышетскись-ёс-лэн-а-з* восходит к именной группе *дышетскись-ёс-лэн карта-йа-зы*, после эллипсиса существительного *карта-йа-зы* зависимое сохранило исходные грамматические формы – суффикс множественности и суффикс генитива, присоединив суффикс иллатива *-а-* и посессивный суффикс *-з*.

Исконные грамматические формы зависимого сохраняют свою позицию в составе словоформы, в линейной последовательности они занимают первую, внутреннюю по отношению к добавленным грамматическим формам позицию. Суффиксы посессивности и множественности в обоих комплексах сохраняют свое грамматическое значение, указывая соответственно на посессивные отношения и множественность (аддитивную, ассоциативную). Первый падежный суффикс указывает на синтаксическую связь исходных компонентов посессивной конструкции, второй суффикс – на связь этой словоформы с другим компонентом предложения.

В коми-зырянском языке такой тип двойного падежного маркирования встречается редко. В ККЯ обнаружены словоформы с двумя падежными суффиксами, в линейной последовательности морфем первым следует суффикс генитива:

кз. *Менам пасакайё вёлі Македон-лён-сянь неылын.* (И. Торопов) ‘Моя пасека была недалеко от пасеки, принадлежащей Македону’;
Тешкодь артмё: англия ли немеч кывйысь вежоннас 2–3 урок, а пöль-пöч-лён-ысь дзык ёти. (Г. Горчаков) ‘Смешно получается: в неделю 2–3 урока английского или немецкого языка, а урок родного языка – только один’.

3.2. *Двойное падежное маркирование, возникшее в сравнительной конструкции.* Сравнительной называется конструкция, которая состоит из объекта сравнения (сравниваемый предмет), стандарта

сравнения (с чем сопоставляется объект сравнения), признака сравнения (аспект сравнения объекта и стандарта) [Князев 2007: 184]. Согласно типологическим исследованиям [Stassen 1985; 2013], сравнительные конструкции различаются выражением стандарта сравнения с помощью фиксированного падежа (fixed case), т. е. оформление стандарта сравнения не зависит от синтаксической позиции объекта сравнения, и с помощью производного падежа (derived case), т. е. оформление стандарта сравнения зависит от позиции объекта сравнения. В удмуртском языке ситуация сравнения может быть представлена в обоих типах конструкций. В [Холодилова 2015] отмечено, что в бесермянском удмуртском в конструкциях первого типа маркером оформления стандарта сравнения может выступать аблатив и послелог *š'arəš'* 'о', в конструкциях второго типа – послелог *š'arəš'* 'о', союз *č'em* 'чем', а также двойное падежное маркирование.

Опишем основные случаи двойного падежного маркирования в сравнительных конструкциях в современном удмуртском языке на материале КУЯ.

В сравнительных конструкциях двойное падежное маркирование возникает, когда объект и стандарт сравнения исходно выражены группой из именной вершины и именного или местоименного зависимого либо синтаксической конструкцией. При пропуске компонента, имеющего эксплицитно выраженную или соотносимую по смыслу параллель в объекте сравнения, два падежных показателя получает несовпадающий с объектом сравнения компонент стандарта сравнения. Если судить по данным КУЯ, двойное падежное маркирование чаще всего распространяется на генитив (1), реже – на элатив (2), инструменталь (3), инессив (4).

(1) *Мугорыз кор зöкта, син котыраз но ангесаз кисыри-ос-ыз Оля-лэн-лэсь тросгес.* (Удм. дунне, 2012.11.27) 'Ее тело толщиной с бревно, морщины вокруг глаз и на подбородке больше, чем у Оли'.

(2) *Пермысь команда Иж-ысь-лэсь кужмогес вал.* 'Команда из Перми была сильнее [команды] Ижевска'.

(3) *Анай сйлен мильым пöраны кисьтэм йöл-ын-лэсь золгес яратэ.* 'Мама любит готовить больше блины с мясом, чем [блины] с творогом'.

(4) *Нош кылем арын турыньёс 2011-тй ар-ын-лэсь лябесьгес вал.* (Удм. дунне, 2013.02.15) 'А в прошлом году травостой был хуже,

чем [травостой] в 2011 году’; *Нош калык отын улэ город-ын-лэсь но жеч, ваньмызлэн сямен машинаоссы вань, шутэтскон нунальёсы соос городысь парке, цирке, театре ветло.* (Удм. дунне, 2008.09.17) ‘А народ там живет лучше, чем даже в городе: почти у всех есть машины, в выходные дни они ходят в городской парк, цирк, театр’.

При эллипсисе именной вершины в каждом случае сохраняется маркер сравнения – суффикс аблатива, который занимает завершающую позицию в линейной последовательности морфем в составе слова, суффиксы множественности и посессивности имеют тенденцию утрачиваться, если объект и стандарт сравнения исходно выражены именной группой во множественном числе, как в примере (1): словоформа *Оля-лэн-лэсь* восходит к *Оля-лэн* (*син котыраз но анге-саз*) *кисыри-ос-ыз-лэсь*, зависимое может принимать выделительно-указательный суффикс, как в примере (5): словоформа *тынад-эз-лэсь* восходит к *тынад ныл-ыд-лэсь*.

(5) *А мон тынад-эз-лэсь чебергес но визьмогес ныл вордыны быгато.* (Удм. дунне, 2009.01.13) ‘А я смогу вырастить дочь красивее и сообразительнее твоей дочери’.

В коми-зырянском языке в эллиптических сравнительных конструкциях маркер сравнения выражен показателем элатива и послелогом *дорысь* ‘по сравнению’, в коми-пермяцком языке – показателем компаратива:

кз. *Пёрысьёдз олёмныд, а вежёрныд челядълёнысь этша.* (В. Чисталев) ‘Дожил до старости, а ума не нажил (‘хуже, чем у детей’)’; *И керкаясыс да мукёд стрёйбаясыс кывтыдпомсяслён тёдчымён торъялёны катыдпомсяслёнысь.* (Б. Шахов) ‘И дома, да и другие постройки жителей нижнего конца села значительно отличаются [от домов и построек] жителей верхнего конца’; *Керкаыс сылён Педёрлён дорысь нин важджык да омольджык.* (В. Савин) ‘Его дом по сравнению с [домом] Федора уже древнее и ветше’.

кп. *Налён кучиккез вёлисё соседдэзлөнся унажык да буржыкось.* (Баталов) ‘Пушнина у них добывалась в большом количестве и была качественнее, чем у соседей’; *Гожумнас татён шочисьны өддён бур, нельки буржык миян городынся.* (Баталов) ‘Летом здесь отдыхать хорошо, намного лучше, чем в нашем городе’.

В коми-зырянском языке, в отличие от удмуртского, в качестве маркера сравнения употребляются сравнительные послелого, если объект и стандарт сравнения сопоставляются по признаку темпоральной и пространственной локализации.

кз. *Тайӧ воддза воын серти 0,1 литрӧн унджык да 2005 воын дорысь 4,6 литрӧн этиаджык.* (Коми му, 2010) ‘Это по сравнению с прошлым годом на 0,1 литров больше и на 4,6 литров меньше, чем в 2005 году’; *Кыдз тыдовтчис, Сыктывкарын дорысь сэні ёна унджык микроавтобусыс.* (Коми му, 2014) ‘Оказалось, что там намного больше микроавтобусов, чем в Сыктывкаре’.

Таким образом, при эллипсисе вершинного существительного в посессивной конструкции его грамматические показатели сохраняются, присоединяясь к зависимому; при эллипсисе компонента стандарта сравнения сохраняется преимущественно падежный показатель, выступающий маркером сравнения. В обоих типах конструкций второй суффикс обеспечивает связь с другим компонентом предложения. Первый суффикс в посессивных конструкциях, в том числе в сравнительных посессивных, указывает на синтаксическую связь зависимого с вершиной, а также на смысловое отношение между зависимым и вершиной.

4. *Дублирование падежа вершины именным зависимым (Headed adnominal with a case-marked head).* В пермских языках именование зависимое в стандартной позиции не дублирует падеж вершины. Однако в случае инверсии, когда зависимое находится в постпозиции по отношению к вершине или отделено от вершины другими компонентами предложения, и парцелляции, когда зависимое намеренно отделено от вершины пунктуационно и интонационно, зависимое может принимать второй падежный суффикс, схожий с суффиксом вершинного существительного:

удм. *Сэрегысь пукон вылын Марья черськысыс но керттӱськыса пукылӱз, вужмем дӱськутӱёссэ вурылӱз-кышъялӱз, Иван-лэсь-сэ ӧз, аслэсьтыззэ.* (Удм. дунне, 2012.09.19) ‘В углу на стуле Марья пряла и вязала, зашивала-штопала старую одежду, не Ивана [одежду], а свою’.

удм. *Кылзы ай, тыныд вылӱ кивалтӱсь-ёс-лы вазиськоно вылэм. Район-ысь-ёс-ыз-лы-а, город-ысь-ёс-ыз-лы-а.* ‘Послушай, тебе сле-

довало бы обратиться к руководителям. Районным (букв. к тем, кто из района) или к городским (букв. к тем, кто из города)’ [Кондратьева 2011б: 224].

5. Плеонастическое сочетание суффиксов. В коми-зырянском и удмуртском языках наблюдаются случаи одновременного употребления двух падежных суффиксов, выражающих одно и то же значение, в частности двойное морфологическое выражение падежа и двойное выражение семантико-синтаксической функции падежа.

Двойное морфологическое выражение падежа. В коми-зырянском языке зафиксировано маркирование генитивных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, а также дативных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа соответственно суффиксами генитива и датива существительных, ср. кз. *менам* [я.GEN] ~ *менам-лөн* [я.GEN-GEN] ‘у меня, мой’, *меным* [я.DAT] ~ *меным-лы* [я.DAT-DAT] ‘мне’, *миян* [мы.GEN] ~ *миян-лөн* [мы.GEN-GEN] ‘у нас, наш’, *тиян* [вы.GEN] ~ *тиян-лөн* [вы.GEN-GEN] ‘у вас, ваш’ (подробнее см.: [Некрасова 2004: 24; ÖKK: 169, 173]), что обусловлено влиянием системы субстантивного словоизменения на местоименную. Данные ККЯ указывают на спорадическое употребление генитивных и дативных форм местоимений с дублированием падежа (табл. 16; дата обращения: 02.10.2021).

Таблица 16

Частотность употребления генитивных и дативных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа

Местоимение 1-го лица				Местоимение 2-го лица			
Генитив		Датив		Генитив		Датив	
<i>менам</i>	95910	<i>меным</i>	80956	<i>тэнад</i>	30883	<i>тэныд</i>	41194
<i>мелён</i>	279	<i>мен</i>	9506	<i>тэлён</i>	70	<i>тэд</i>	7034
<i>менамлөн</i>	14	<i>менлы</i>	167	<i>тэнадлөн</i>	15	<i>тэн</i>	3127
<i>менлөн</i>	2	<i>менымлы</i>	11	<i>тэнлөн</i>	1	<i>тэнлы</i>	108
						<i>тэдлы</i>	9
						<i>тэныды</i>	7

В отдельных срединных и северных удмуртских говорах в результате одновременного употребления двух различных суффиксов аккумулятива с личными местоимениями 1-го и 2-го лица множественного числа развились суффиксы *-дыс* < *-ды* + *-ыз* (-эз) и *-ысты* (-эсты)

< *-ыз (-эз) + -ты* [Бушмакин 1971: 270; Загуляева 1980а: 107; Кельмаков 1998: 114–115; Карпова 2018: 248–250], ср. сев. *мил'эм-ысты, мил'эм-эсты, мил'эм-дыс* ‘нас’; *тил'эд-ысты, тил'эд-эсть, тил'эд-дыс* ‘вас’ [Карпова 2018: 248–249]. Наложение аккузативных формантов, имеющих различные ареалы распространения (суффикс *-ыз* представлен в южных говорах, суффикс *-ды* – в северных), произошло в результате междиалектного взаимодействия падежных систем.

Двойное выражение семантико-синтаксической функции падежа. В коми-зырянском языке зафиксированы случаи одновременного употребления суффикса элатива (*-ысь*) и суффикса компаратива (*-ся*) при выражении сравнительного значения:

кз. *Ӧд бать-мамныс медыджыд воксяысь, Илляысь, дас ӧкмыс арӧсӧн и вӧлыны ыджыдджыкӧсь!* (И. Торопов) ‘Ведь родители были старше старшего брата, Ильи, всего на восемнадцать лет!’; *Мый нӧ нин вывті лёкасӧ... Йӧзсяысь не лёкджыка... Мамӧысь кындзи ловъяӧсь тай со ставным...* (И. Торопов) ‘Что же очень плохо-то... Не хуже [других] людей... Кроме матери, живы ведь все...’.

Как показал поиск по ККЯ, такая комбинация суффиксов содержится в текстах авторов-носителей верхнесысольского и среднесысольского диалектов, при этом наряду с двойным маркированием (суффиксами компаратива и элатива) для выражения сравнительных отношений параллельно используются также компаратив и элатив:

Кӧчыд ӧд, буракӧ, чукчисяыд ёна на сюсьджык да и вӧйджык. (И. Торопов) ‘Заяц-то ведь, наверно, еще более разумнее да и трусливее глухаря’.

Гӧтырыс сідзсӧ бур морт, ар вит-ӧ-квайтӧн ыджыдджык сӧмын Гертрудсьыс. (И. Торопов) ‘Жена так-то хороший человек, лет на пять-шесть старше Гертруда’.

Одновременное употребление суффиксов развилось в результате взаимодействия падежных систем литературного языка и отдельных южных диалектов.

В удмуртском языке зафиксировано одновременное употребление суффиксов терминатива и датива для усиления значения темпорального предела [Кондратьева 2011а: 220]:

удм. *Нош татчы, машинаяз пуксьыса, нуналлы быдэ ветлэ. Ужез бер жытозьлы тырме.* (Зечбур! 2014.07.02) ‘А сюда [он] каждый день приезжает на своей машине (‘сев в свою машину’). У него

работы хватает до позднего вечера’; *Соосты кырмизы но Чукнаозьлы возьмаськисьёс киулэ сётүзы; уго жьыт вуэмын вал ини.* (Апостольёслэн ужьёссы, 1990–2010) ‘Они арестовали их и посадили в тюрьму до следующего дня; ибо был уже вечер’ (Библия 1993: 994); *Сьёллык лэсьтэм кылчинъёсты Инмар өз жала, адлэн пеймыт гуаз куштійз, суд нуналозьлы возьмасьёс киулэ сётүз.* (Петр апостоллэн ыстэм кыкетй гожтэтэз 1990–2010) ‘Ибо Бог не пощадил ангелов, которые грешили, и послал их в подземелья Тартара, чтоб они оставались там до суда’ (Библия 1993: 1031).

Свойства падежных суффиксов в приведенных типах двойного падежного маркирования различаются, что предопределяет их дальнейшее развитие. В случае сложения локативных суффиксов, деривационного и плеонастического типов между падежными суффиксами не могут употребляться показатели посессивности и множественности, поэтому в результате слияния двух суффиксов можно ожидать развитие нового падежного суффикса, что и подтверждает приведенный материал пермских языков. При эллиптическом двойном падежном маркировании наблюдается различие грамматических свойств суффиксов, использованных в составе одной словоформы. Падежным принято считать только второй суффикс. Первый суффикс трактуется как деривационный [Бертагаев 1969: 36; Шагдаров 2013: 74; Кривошеков 2015; др.] или как формообразующий [Иванов 1967: 82; Сергеев 2002: 109–118; Кондратьева 2011а: 216]. При описании такого двойного падежного маркирования традиционно используется термин двойное/вторичное склонение [Мельчук 1998: 342; Сергеев 2002: 109; Шагдаров 2013: 74; Кривошеков 2015; др.]. Представляется, что двойное падежное маркирование, возникшее при эллипсисе вершинного существительного, можно рассматривать как групповое оформление именной группы. Многие аспекты этого явления нуждаются еще в дополнительном осмыслении на более широком типологическом и теоретическом фоне.

1.5. Вокатив

Дискутируемым в теоретической лингвистике остается вопрос о статусе вокатива, при обсуждении которого наметились два противоположных мнения. Согласно одному из них, вокатив является падеж-

ной единицей, согласно другому, вокатив находится вне падежной системы (подробно об этом см.: [Володин 1984: 280; Клобуков 1986: 19–23; Тираспольский 2003: 79–83; др.]). Независимо от интерпретации статуса вокатива отмечается его отличие от других падежей, что заключается в неучастии вокатива в выражении грамматических отношений и его синтаксической изолированности в структуре синтагмы. Поэтому сторонники первой точки зрения определяют вокатив как внесистемный падеж [Плунгян 2003: 171] или дополнительный падеж, образующий периферию падежной системы [Клобуков 1986: 21–24].

Различную интерпретацию получили вокативные форманты и в пермском языкознании. Они рассматривались как падежные [Савваитов 1850: 17; Лыткин 1889: 5; Михайлов 1873: 17; Sjögren 1830: 156] и как суффиксы субъективной оценки [КПЯ: 209; ВВД: 84; УД: 43]. Преобладающей является точка зрения, согласно которой в пермских языках для выражения вокативного значения используются номинатив и посессивный суффикс, преимущественно суффикс 1-го лица единственного числа (далее – Px1.SG) [Яковлев 1930: 24; Бубрих 1949: 57; ГСУЯ 1962: 84, 94; Тепляшина 1975а: 192–195; 200; Кельмаков 1996: 133; Каракулова, Каракулов 2001: 111; Едыгарова 2010: 130; ÖKK: 57; Wiedemann 1851: 4; др.]. Аналогичная трактовка способа выражения вокативности содержится в грамматических описаниях ряда финно-угорских языков [Керт 1971: 160; Зайцева 1981а: 178, 228; Тужаров 1987: 65–66, 77; Зайков 1999: 37; ГМЯ: 161, 186], только в мансийском языке вокатив включен в состав падежей [Ромбандеева 1973: 44, 56]. Наличие в коми-зырянском языке специализированных вокативных форм, их омонимию с Px1.SG и номинативом отмечает Р. А. Микушев [Микушев 1992: 138]. Для практической грамматики финно-угорских языков, в том числе и пермских, рассмотрение вокативной функции как одной из функций номинатива и посессивного суффикса (преимущественно Px1.SG) традиционно представляется естественной. Это можно объяснить тем, что номинатив и вокатив, а также Px1.SG и вокатив имеют некоторые общие свойства.

Общим свойством номинатива и вокатива является номинативная функция. Основная функция вокатива – привлечение внимания адресата посредством его номинации, что сближает вокатив с номинативом, но участие номинатива в выражении грамматических отно-

шений отличает его от вокатива. В обращениях, снабженных посессивным суффиксом, номинативная функция ослаблена. Выбор таких вокативных форм определяется не свойствами и особенностями адресата, а субъективным отношением к нему говорящего. Субъект речи не только называет адресата, но и показывает свое отношение к нему. Такие обращения имеют выраженные положительные коннотации:

коми-зырянский язык: «Притяжательные формы “мой” в основной форме часто используются при обращении и в этом случае проникаются ласкательным значением» [Бубрих 1949: 57];

марийский язык: «В лугово-восточной и горной литературных нормах лично-притяжательные суффиксы 1 и 3 лица ед. числа образуют формы вежливого, почтительного, ласкового обращения» [Тужаров 1987: 65];

мордовские языки: «<...> суффиксы притяжательности 1-го лица единственного и множественного числа при терминах родства, используемых в роли обращений, приобретают ласкательное значение» [ГМЯ: 186];

удмуртский язык: «<...> притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа при словах-обращениях придает им ласкательное значение» [ГСUY 1962: 84].

Существующие в пермском языкознании интерпретации средств выражения вокативности не дают однозначного ответа на вопрос, есть ли в пермских языках специализированные вокативные суффиксы, омонимичные посессивным, или вокативность выражается посессивным суффиксом. Ответ на этот вопрос следует искать в свойствах и представленности вокативных суффиксов в диалектах. В настоящей работе данный вопрос рассмотрен на материале коми-зырянских диалектов как наиболее изученных территориальных разновидностей пермских языков.

В коми-зырянских диалектах $Px1.SG$ имеет вариативные суффиксы $-ö(-э)$, $-öй (-эй)$, $-ым$, в лузских и верхнесысольских говорах этот суффикс вышел из употребления. Для выражения вокативности в диалектах используются суффиксы $-ö(-э)$, $-öй (-эй)$, $-о$ (табл. 17, составлена по [Сажина 2004: 57; ВВД: 78; ВД: 61; ВСД: 62; ИД: 50; ЛЛД: 39–40; НВД: 38; ПД: 24; ПСД: 61; ССД: 32–33; ССКЗД: 46–468; УД: 37]).

Таблица 17

Суффиксы *Px1.SG* и вокатива в коми-зырянских диалектах

Диалекты	ВВ.	ВС.	ВЫМ.	Л.	ЛЕТ.	ИЖ.	НВ.	СКР.	СС.	ПЕЧ.	УД.
<i>Px1.SG</i> номинатив	-эй	—	-ӧ, -ым	—	-ым	-э	-ӧ/ -э	-ӧй/ -эй, -ӧ/ -э	-ӧй, -ӧ, -ым	-ӧй	-ӧ
вокатив	-э, -эй	-ӧй, -о	-ӧ, -ӧй	-ӧ, -о	-ӧ	-э	-ӧ/ -э	-ӧй	-ӧ, -ӧй	-ӧ, -о	-ӧ, -о, -ӧй

Вокативные суффиксы, в отличие от посессивных, имеются в каждом диалекте, даже в тех, где отсутствует *Px1.SG*:

вс. (Кобра) *мэжӧй, мэжӧй, по пыркн'итччы*. 'Баран, баран, встряхнись' [ВСД: 259]; *Йэвӧлы панӧдас'ас руч'*: «Тэ по тай, **ныло**, *ӧд'ӧн мич'аа с'ылан*» 'Ему встретила лиса: «Ты-де, оказывается, голубушка ('девушка'), очень красиво поешь»' [Лыткин 1955: 76].

Как видно из табл. 17, распределение *Px1.SG* и **вокативных суффиксов** совпадает только частично. Изоглосса посессивного суффикса *-ӧй (-эй)* проходит по территории распространения верхневычегодского, среднесыольского, присыктывкарского и печорского диалектов, изоглосса вокативного суффикса *-ӧй (-эй)* – по территории верхневычегодского, верхнесыольского, вымского, среднесыольского, присыктывкарского, печорского, удорского диалектов. Изоглосса посессивного суффикса *-ӧ (-э)* локализуется на территории распространения вымского, ижемского, нижневычегодского, присыктывкарского, среднесыольского и удорского диалектов, вокативный суффикс *-ӧ (-э)* зафиксирован в абсолютном большинстве диалектов. Вариативность посессивных показателей *-ӧ(-э)* и *-ӧй(-эй)* отмечается в присыктывкарском и среднесыольском диалектах, вариативность вокативных суффиксов *-ӧ (-э)*, *-ӧй (-эй)* наблюдается в верхневычегодском, среднесыольском и вымском диалектах, суффиксов *-ӧ, -о, -ӧй (-эй)* – в удорском диалекте. Посессивный суффикс *-ым*, представленный в летских, вымских и среднесыольских говорах, и заимствованный из севернорусских говоров вокативный суффикс *-о* не имеют параллелей. Таким образом, сфера распространения вокативных суффиксов и *Px1.SG* не дает основания рассматривать их как одну языковую единицу.

Вокативный суффикс в коми-зырянском языке имеет стабильное расположение относительно других морфем. В линейной модели словоформы он занимает крайнюю правую позицию, следуя непосредственно за корнем или суффиксальными морфемами. В составе словоформы, кроме вокативного, может быть суффикс множественности или посессивности:

кань-яс-öй! [кошка-PL-VOC]: – **Каньясöй, каньясöй, лэдзöй менö, ме тiянлы яй сета.** (Фольклор) ‘Кошки, кошки, пустите меня к себе, я вам мяса дам’;

власть-ным-öй! [власть-Рх1.PL-VOC]: **И сё аттьö тэныд, сöветскöй властьюмöй!** (А. Ануфриева) ‘И большое спасибо тебе, наша советская власть!’;

уд. *вок-ыс-о* [брат-Рх3.SG-VOC] ‘брат его’, *ай-ыс-о* [отец-Рх3.SG-VOC] ‘отец его’ [УД: 41].

Если корневая морфема имеет алломорфы, вокативные суффиксы, подобно падежным формантам с инициальным гласным, присоединяются к связанным корневым морфемам, ср.:

ныв ‘девушка’: *ныл-öс* (ACC), *ныл-öй* (VOC);

зон ‘парень’: *зонм-öс* (ACC), *зонм-öй* (VOC);

пон ‘собака’: *понй-öс* (ACC), *понй-öй* (VOC).

Вокативный суффикс в коми-зырянском языке допускается любым характеризующимся наличием апеллятивного потенциала существительным – одушевленным и неодушевленным:

вым. **Черö, черö, öшлы начкы. Зудйö, зудйö, черлы лям.** ‘Топор, топор, забей быка. Оселок, оселок, затупи топор’ [ОКЗР: 228–229]; уд. **Кысiё, Нявиё, Джадж дортi ветлысё, Вяя нянь нюлысё, Шыртö кутав.** ‘Кисонька, Мяукалка, Ходящая по краям полок, Лизунья хлеба с маслом, лови мышей’ [ОКЗР: 260]; нв. (Сл.) **Тöлысе, тöлысе, Вай тэ меным öштö.** ‘Месяц, месяц, Дай ты мне вола’ [ОКЗР: 11].

Формальное сходство и наличие некоторых общих семантических свойств (экспрессивность) посессивных и вокативных суффиксов, на первый взгляд, создает трудности их дифференциации. Опрос носителей отдельных коми диалектов показал, что омонимичные суффиксы *-ö* (*-э*) и *-öй* (*-эй*) в языковом сознании четко дифференцируются: суффикс в словоформе, выступающей в роли обращения, воспринимается как вокативный, вне обращения – как посессивный.

Так, словоформы *ниӧй*, *ӧртӧй* в позиции обращения респондентами были переведены на русский язык как ‘сын’, ‘друг’, вне обращения – ‘мой сын’, ‘мой друг’, аналогично были интерпретированы и другие предложенные для пояснения словоформы. Дифференциация коми языковым сознанием омонимичных суффиксов объясняется тем, что абсолютное большинство грамматических морфем коми языка моносемантически, каждая морфема выражает одно грамматическое значение.

Таким образом, стабильная позиция в линейной модели словоформы, морфонологическая связь с корневой морфемой сближают вокативные суффиксы со словоизменительными. Однако свойства вокатива, взятые в их целостности, выделяют его на фоне других грамматических единиц. Вокатив условно можно отнести к периферии падежной системы, вслед за В. А. Плунонгом, рассматривать его как особый «внесистемный» падеж, выражающий «семантическую роль не участника ситуации, а участника речевого акта (а именно, адресата говорящего)» [Плунон 2003: 171].

1.6. Состав падежей в пермских языках

Категория падежа в большинстве финно-угорских языков является многочленной. В пермских языках она объединяет более 10 противопоставленных форм, которые отражают сложность грамматической семантики этой категории. Количество падежей в родственных языках и в их диалектах варьируется.

1.6.1. Падежная система коми-зырянского языка

В литературном языке и большинстве диалектов традиционно выделяются 16 падежей: номинатив, аккузатив, генитив, аблатив, датив, инструменталь, комитатив, абессив, консекутив, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, аппроксиматив, пролатив, терминатив [Бубрих 1949: 27–28; СКЯ 1955: 137–138; Основы 1976: 143; ССКЗД: 466; Баталова 1982: 90; Сажина 2004: 65]. В современной грамматике коми языка представлена система из 24 падежей: наряду с традиционно описываемыми в состав падежей включены приблизительноместные падежи и компаратив, пролативные суффиксы рассмотрены

как показатели двух отдельных падежей: пролатив I (суффикс *-öð*) и пролатив II (суффикс *-mi*) [ÖKK: 64] (см.: Приложение 2, табл. 1).

В вымском и ижемском диалектах наблюдается снижение частотности употребления аппроксиматива и его замещение послелогоми [Фролова 1950: 175; ИД: 45; ССКЗД: 465], в ряде диалектов (по нашим наблюдениям, в присыктывкарском, среднесысольском, лузско-летском) функционируют приблизительно-местные падежи, однако точный ареал их распространения не определен. В лузско-летском, среднесысольском и верхнесысольском диалектах имеется компаратив. В ряде окраинных диалектов есть два дополнительных падежа со спорным статусом – эгрессив II в удорском, лузско-летском, вымском и ижемском (в ряде зауральских говоров) диалектах и социатив в удорских говорах (см.: Приложение 2, табл. 3) [Жилина, Колегова 1960: 161; ВД: 56; ЛЛД: 38; ССКЗД: 467; УД: 33].

1.6.2. Падежная система коми-пермяцкого языка

В литературном коми-пермяцком языке принято выделять 17 падежей: номинатив, аккузатив, генитив, аблатив, датив, инструменталь, комитатив, абессив, консекутив, компаратив, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, аппроксиматив, пролатив, терминатив [Майшев 1940: 25; КПЯ: 184–193; Основы 1976: 143]. Кроме отмеченных падежей, в языке функционируют также приблизительно-местные падежи, показатели которых содержат коаффикс *-лань-* [Цыпанов 1999: 42] (см.: Приложение 2, табл. 1). Большинство этих падежей являются достаточно редкими (табл. 18). Так, в текстах [Баталов; Можаяев; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1991; Федосеев 1994] отсутствуют проксимативные формы пролатива и терминатива, но суффикс *-ланьö* использован чаще суффикса *-лань*.

В диалектах количество падежей варьируется от 18 до 28 падежей¹: в нижнеиньвенском – 28, оньковском – 27, кудымкарско-иньвенском – 24, нердвинском – 22, косинско-камском – 23, кочевском – 24, мысовско-лупьинском – 19, верхнекамском наречии – 17–18 падежей (см.: Приложение 2, табл. 4) [Баталова 1982: 100; Баталова 1990: 78–79, 84; 1995: 70–71; 2002: 66; Дмитриева 1998: 80; Сажина 2012: 17]. Расширение состава падежей в диалектах

¹ Данные по [Баталова 1982: 100].

произошло в результате преобразования серийных послелогов с основой на *выв-/выл-* и *дын-* в падежные показатели (табл. 4 и 5). В диалектах (по нашим наблюдениям, в косинско-камском и кудымкарско-иньвенском) имеются также приблизительно-местные падежи, но границы их функционирования не определены. В коми-язьвинском наречии падежная система включает 16 единиц, которые являются общими для всех коми диалектов: номинатив, аккумулятив, генитив, аблатив, датив, инструменталь, комитатив, абессив, консекутив, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, аппроксиматив, пролатив, терминатив.

Таблица 18

*Частотность употребления суффиксов
с коаффиксом -лань- в коми-пермяцком языке*

Суффиксы	-ланьӧ	-ланьын	-ланись	-ланьсянь	-лань
Баталов	143 (172)*	1 (3)	3 (2)	– (5)	6 (284)
Можаев	6 (9)	–	–	–	3 (81)
Фадеев 1989	–	– (8)	1 (1)	1 (7)	31 (437)
Федосеев 1991	–	2 (2)	–	– (4)	50 (101)
Федосеев 1994	1 (–)	3 (3)	–	6 (9)	105 (254)
Перем	15 (36)	– (7)	– (3)	–	16 (143)
Всего	165 (217)	6 (23)	4 (6)	7 (25)	211 (1300)

Примечание. * Здесь и далее в скобке дано общее количество употребления словоформ с суффиксом, включая наречия и послелог, вне скобки – количество употребления субстантивных словоформ.

1.6.3. Падежная система удмуртского языка

В литературном удмуртском языке и срединных, а также в части северных и южных говоров функционируют 15 падежей: номинатив, аккумулятив, генитив, аблатив, датив, инструменталь, абессив, адвербиаль, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, аппроксиматив, пролатив, терминатив (см.: Приложение 2, табл. 1), из них крайне редко встречается аппроксиматив. Поиск по КУЯ показал, что существительных с аппроксимативным суффиксом среди первых случайных 2 тыс. единиц с суффиксом *-лань* не оказалось, примеры составили наречия и послелог.

Во многих периферийно-южных (кукморском, буйско-таньпском, красноуфимском) и некоторых южных (кырыкмасских и др.) гово-

рах отмечается сокращение количества падежей до 12–13: вышли из употребления адвербиаль, аппроксиматив, ограничено употребление терминатива [Кельмаков 1977: 42; 1998: 117–118]. Наименьшее количество падежей представлено в красноуфимском говоре, где насчитывается 12 падежей: отсутствуют адвербиаль, аппроксиматив и элатив [Насибуллин 1978: 96–97]. В отдельных северных говорах и бесермянском наречии количество падежей возросло до 21 в результате агглютинации послелогов с основой *дйнь-* ‘у, около, при, возле’ [Тепляшина 1970: 167; Карпова 1997: 90–91; Максимов 1999а: 201; Люкина 2016: 72–74]. В составе падежей бесермянского наречия некоторые исследователи выделяют еще рецессив [Arkhangelskiy, Usacheva 2015]. М. Г. Атаманов отмечает функционирование вариативных суффиксов аппроксиматива в говоре Старая Игра Граховского района, относящегося к южному диалекту [Атаманов 2005: 175]. Приведенные в качестве иллюстрации словоформы даны без контекста и перевода: *гурт-лан'*, *гурт-лан'ти*, *гурт-лан'ис'эн*, *гурт-лан'ис'*. В текстах, включенных в монографию [Атаманов 2005], словоформы с вариативными суффиксами аппроксиматива отсутствуют, поэтому определить точное значение каждого суффикса не представляется возможным. Между тем можно допустить функционирование приблизительно-местных падежей в указанном говоре удмуртского языка.

В табл. 5 (Приложение 2), которая составлена на основе доступных нам материалов [Тепляшина 1970: 167; Кельмаков 1998; Насибуллин 1978: 96–97; Карпова 2018], представлены падежи и их показатели, функционирующие в удмуртских диалектах, данные по некоторым говорам отсутствуют.

Глава 2. ПАДЕЖНАЯ МОРФЕМА И ФАКТОРЫ ЕЕ ВАРИАТИВНОСТИ

По морфологическому типу финно-угорские языки традиционно считаются агглютинативными. Однако черты, характерные для этого морфологического типа, представлены в них не вполне последовательно, в каждом языке в разной степени наблюдаются фузионные явления и чередования фонем на стыке морфем. Поэтому при описании грамматической системы языка важным является выявление морфонологических особенностей функционирования морфем, а также установление правил объединения и соотношение разных морфологических единиц в пределах словоформы.

2.1. Фонетическая структура слова и падежная морфема

2.1.1. Фонетическая структура падежных морфем

Структура корневых и суффиксальных морфем пермских языков проявляет значительное сходство: для каждого языка характерны простые морфемы. Среди корневых преобладают морфемы со структурой SVC [Тепляшина 1978: 274; Баталова 1990: 35–36; Федюнева 1992: 17–19]. По подсчетам В. К. Кельмакова, в удмуртском языке из общего числа односложных корней финно-угорского происхождения 90 % имеет закрытый характер, из них для 77,2 % присуща структура SVC [Кельмаков 2003: 203]. Корневых морфем, оканчивающихся на согласный, в коми языках больше, чем в удмуртском, ср. данные из [Тепляшина 1978: 274]. Такая ситуация объясняется тем, что процесс отпадения конечных гласных, начавшийся в общепермский период, продолжился в пракоми языке (об отпадении конечных гласных подробнее см.: [Лыткин 1957: 66–73; Тепляшина 1978: 266–274; Кельмаков 1983; 1990: 114–115; 1993: 28; Некрасова 2000: 54–61; Lakó 1933; др.]). Перестройка коснулась и служебных морфем. На месте типичных финно-угорских суффиксов, имевших гласный в ауслауте, появились морфемы со структурами VC, SVC, C [Кельмаков 2003: 224]. Большинство корневых и служебных морфем в пермских языках имеют устойчивую фонетическую структуру; несмотря на наличие некоторых морфонологических явлений (ассимиляция, выпа-

дение/вставка звуков, исторические чередования звуков, подробнее см.: [Федюнева 1992: 20–21; Тараканов 1998: 28–68; 229–236; СКЯ 1955: 49–55; 117–118; ГСУЯ 1962: 34–38; КПЯ: 82–87; Geisler 2005]), в составе словоформы границы между ними отчетливы, за редкими исключениями.

Структура (состав фонем, их последовательность) падежных показателей является типичной для служебных морфем пермских языков. В литературных языках общепермские падежи имеют одно-, двух-, трехфонемные суффиксы, исключение составляют эгрессив, показатель которого четырехфонемный, а также один из показателей пролатива в удмуртском языке.

(C)V: иллатив (кз. кп. -*õ*, удм. -*э/-е*);

VC: инессив (кз. кп. удм. -*ын*); элатив (кз. удм. -*ысь*, кп. -*ись*); терминатив (кз. кп. -*õдз*, удм. -*озь*);

(C)VC: аккузатив (кз. кп. -*õс*, удм. -*эз/-ез*); инструменталь (кз. кп. -*õн*, удм. -*ән/-ен*, -*ын*);

CV: датив (кз. удм. -*лы*, кп. -*лõ*);

CVC: генитив (кз. кп. -*лõн*, удм. -*лән*); аблатив (кз. -*лысь*, кп. -*лись*, удм. -*лэсь*); аппроксиматив (кз. кп. удм. -*лань*); абессив (кз. кп. -*тõг*, удм. -*тэк*);

VC ~ (C)VCV ~ CV: пролатив (кз. -*õд*, -*тi*, кп. -*õt*, удм. -*этiй/-етiй*, -*ытiй*, -*тiй*);

CVC ~ VCVC: эгрессив (кз. кп. -*сянь*, удм. -*ысен*).

В коми языках многофонемными (пяти-шестифонемными) являются показатели приблизительно-местных падежей, сформировавшиеся на основе аппроксиматива, напр.:

CVCVC: экспроксиматив (кз. -*ланьысь*, кп. -*ланись*), импроксимэссив (кз. кп. -*ланьын*); антепроксиматив (кз. кп. -*ланьõдз*);

CVCCVC: депроксиматив (кз. кп. -*ланьсянь*).

В удмуртском языке и коми диалектах на падежные суффиксы распространяются чередования и корреспонденции фонем, обусловленные закономерностями, которые характерны для служебных морфем, отчасти также для ауслота корневых морфем. Не претендуя на детальное описание, рассмотрим наиболее типичные случаи.

Согласные фонемы прапермского языка перешли в праудмуртский и пракоми языки почти без парадигматических изменений [Кельмаков 1985а; 1987; 1993: 33–34; 2004: 245; Некрасова 2000: 65–66].

Между тем синтагматические фонемные изменения имели место во всех пермских языках, в результате чего появились междиалектные корреспонденции фонем, сфера действия которых распространилась на корневые и суффиксальные морфемы, в том числе и на падежные.

Корреспонденции согласных, имеющие распространение на падежные суффиксы между коми-зырянскими диалектами:

1) корреспонденция глухой // звонкий согласный распространяется на суффикс комитатива. В большинстве диалектов этот падеж имеет суффикс с конечным звонким согласным, в удорском диалекте – суффикс с глухим согласным: вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *мам-кӧд*, уд. *мам-кӧт* ‘с матерью’. Как показывают древнекоми письменные источники, суффикс с глухим согласным доминировал вплоть до XVII в. В текстах XV–XVII вв. зафиксирован единичный пример со звонким согласным: *полтӧсыдкӧд* (Л. 175) ‘с духом’ [Лыткин 1952: 105]. В текстах XVIII в. уже предпочтительно употребление суффикса со звонким согласным (*-кӧд*), суффикс с глухим согласным зафиксирован только в Румянцевском списке перевода «Божественной службы», ср. *сыкатъ* (Рум.), *сыкодъ* (Сав. № 2) ‘с ним’, *быдкоть* (Рум.), *быдонкодъ* (Сав. № 2) ‘со всеми’ [Кузнецова 1968: 12];

2) корреспонденция *дз* // *д'* распространяется на суффикс терминатива. Во всех диалектах показатель этого падежа содержит палатальную звонкую аффрикату *дз*, в удорском и ижемском диалектах функционируют варианты с аффрикатой и палатальным взрывным согласным, ср. уд. *лӧз-ӧд'* ~ *лӧз-ӧдз* ‘до синяка’ [Сорвачева 1972: 249]; иж. (Мош.) *яг-эд'* ~ *яг-эдз* ‘до леса’;

3) корреспонденция, обусловленная варьированием согласных *л* ~ *l*, распространяется на суффиксы генитива, датива, аблатива, аппроксиматива и консекутива. В. И. Лыткин отмечал наличие полумягкого («среднеевропейского») согласного *l* во многих коми-зырянских диалектах [СКЯ: 30], однако ареал его распространения не установлен. По нашим наблюдениям, варьирование *л* ~ *l* представлено в нижневычегодских говорах, ср. нв. (Гам) *пи-лӧн* ‘у сына’, *вӧр-лан'* ‘в сторону леса’; *йу-лан'* ‘в сторону реки’. Однако в идиолекте конкретного носителя полумягкий согласный *l* реализуется непоследовательно, правила его дистрибуции не выявлены.

Корреспонденции согласных, имеющие распространение на падежные суффиксы, между коми-пермяцкими диалектами:

1) корреспонденция согласных *л* (~ *l*) // *в* распространяется на суффиксы генитива, датива, аблатива, аппроксиматива, консекутива, а также на показатели поверхностно-местных падежей. В большинстве диалектов суффикс отмеченных падежей содержит согласный *л*, которому в кудымкарско-иньвенском и нижеиньвенском соответствует согласный *в*. В лупинском говоре зафиксировано варьирование велярного согласного *л* с полумягким согласным *l*, ср. коч. *вөр-лан'*, ни. ки. *вөр-ван'* 'в сторону леса', *турун-вө* 'за сеном', нерд. оньк. *йёл-лө* 'за молоком', вл. *ва-ла* 'за водой', *пикан-ла* 'за хвощем' [Баталова 1975: 24–48; 142–143, 149; 1982: 58–80];

2) корреспонденция глухой // звонкий согласный распространяется на показатели комитатива и пролатива. В большинстве диалектов комитатив и пролатив имеют суффикс с глухим согласным, в верхнекамском наречии зафиксированы вариативные форманты с глухим и звонким согласным: кя. *шөр-көт* 'с мышью'; вк. *суд'д'ас-көт* ~ *суд'д'ас-көд* 'с судьей'; мл. коч. кк. ки. *вөр-өт*, кя. *вүр-өт*, вк. *вөр-өд* ~ *вөр-өт* 'по лесу' [Баталова 1982: 114; 117; Сажина 2012: 191; КЯД: 44];

3) корреспонденция велярный // палатальный согласный:

а) корреспонденция *т* // *т'* распространяется на показатель пролатива. Суффикс с велярным согласным представлен в большинстве диалектов (*-өт*) и коми-язьвинском наречии (*-өт*), суффикс с палатальным согласным (*-өт'*) – в нижеиньвенских и среднеиньвенских говорах, ср. ви. кк. коч. луп. *вөр-өт*, ни. *вөр-өт'*, кя. *вүр-өт* 'по лесу' [Баталова 1975: 142–143; 155–156; КЯД: 44]. В кудымкарско-иньвенских говорах функционируют вариативные суффиксы с велярным и палатальным согласным (*-өт* ~ *-өт'*), ср. *вөр-өт'* ~ *вөр-өт* 'по лесу', *турунөт'* 'по траве', лев. *ыббээт* 'по полям' [Баталова 1982: 117; 1990: 81]. Суффикс с палатальным согласным восходит к форме с конечным гласным *и*, под влиянием которого произошла палатализация согласного;

б) корреспонденция *н* // *н'* распространяется на показатель эгрессива. Во всех коми-пермяцких диалектах представлен суффикс эгрессива с палатальным согласным, в верхнекамском наречии зафиксированы вариативные форманты как с палатальным, так и с велярным согласным: вк. *д'эрэвн'а-с'эн'* 'от деревни', *тулыс-с'ан* 'с весны' [Сажина 2012: 191]. В ранних описаниях этого диалекта были отмечены

только суффиксы с палатальным согласным: *-с'ан'*, *-с'эн'*, *-с'ин'* [Баталова 1975: 221]. В данном случае можно усмотреть веларизацию ауслатного согласного суффикса, однако остается необъяснимым вопрос, почему аналогичное изменение не коснулось суффикса аппроксиматива;

4) корреспонденция *дз // з'* распространяется на суффикс терминатива. В большинстве диалектов суффикс содержит палатальную звонкую аффрикату *дз*, вариативные формы с аффрикатой и фрикативным согласным зафиксированы в мысовско-лупьинском диалекте мл. *-өдз* (*-эдз*, *-дз*, *-өз'*, *-эз'*, *-з'*): *бол'н'ича-эдз* 'до больницы', *мыс-эз'* 'до мыса' [Пономарева 2002: 99]. В верхнекамском наречии функционирует суффикс с фрикативным согласным: вк. *вөр-өз'* 'до леса' [Сажина 2012: 192];

5) корреспонденция согласных *д // т // г* имеет место в суффиксе комитатива. В большинстве коми-пермяцких диалектов представлен суффикс с переднеязычным глухим согласным *т*, в верхнекамском наречии зафиксированы вариативные суффиксы со звонким передне- и заднеязычным согласными: вк. *ай-көд* 'с отцом', *пана-көг* 'с отцом'. Появление согласного *г* в суффиксе можно объяснить действием языковой аналогии: изменением согласного под влиянием показателя абессива [Сажина 2012: 190–191].

Корреспонденции согласных, имеющие распространение на падежные суффиксы, между удмуртскими диалектами:

1) корреспонденции, обусловленные позиционным и комбинаторным варьированием согласного *л*, распространяются на суффиксы генитива, датива, аблатива: кукм. канл. *пу-лис'* 'у (от) леса', шошм. *пү-йис'* 'у (от) дерева', татш. *пи-лэн* '(у) сына, (у) парня' (о варьировании фонемы *л* в удмуртских диалектах см.: [Кельмаков 1998: 96–100]). Время и причины появления *й* как варианта *л* в диалектах еще не выявлены. По предположению удмуртских диалектологов, полумягкий согласный *л* и правила его дистрибуции в татышлинском говоре развились под влиянием татарского языка [Кельмаков 1975: 56; 1993: 45; 1998: 96–100]; в красноуфимском говоре – под влиянием марийского, возможно, также татарского языков [Насибуллин 1978: 94, 118–119, 140];

2) корреспонденции, обусловленные варьированием глухого и звонкого согласного:

а) корреспонденция согласных $з' // з'' // с'$ распространяется на показатель терминатива, который в большинстве диалектов содержит палатальный звонкий щелевой согласный: *гуртоз'* 'до деревни' [Кельмаков 1998: 119]. В буйско-таныпском, а также в кукморских и шошминских говорах (в казанском диалекте, по Т. Аминоффу) функционирует суффикс с глухим согласным: круф. *кароз''* 'до города', бт. *goros'* 'до ямы' [Насибуллин 1972: 86; 1978: 97]; каз. *čukažejoś* 'до завтра' [Aminoff 1896: 25];

б) корреспонденция $з // с$ распространяется на суффикс аккумулятива. В большинстве диалектов представлен падежный показатель со звонким согласным (-ыз/-ъз), в татышлинском зафиксирован суффикс с глухим согласным (-ъс): южн. *коркаос-ыз* ~ *коркаос-ъз*, кукм. *коркаос-ъз*, татш. *коркайос-ъс* 'дома' [Кельмаков 1998: 119];

3) корреспонденция палатальный // велярный согласный распространяется на суффиксы пролатива и абессива. В нижнечепецких и среднечепецких говорах, а также в бесермянском наречии произошла палатализация согласного *m* суффикса пролатива под влиянием переднерядного гласного: бес. *lud-et'i* ~ *lud-ət'i* ~ *lud't'i* 'по полю', сч. *бакча(й)ым'и* (~ *бакчат'и*) ~ *бакча(й)эм'и* ~ *бакча(й)ым'* (~ *бакча(й)-эм'*) ~ *бакчаки* 'по огороду'; нч. *ул'чаым'и* ~ *ул'чаэм'и* 'по улице' [Вахрушев 1959: 223; Лыткин, Тепляшина 1959: 223; Тепляшина 1970: 170; Карпова 1997: 91–92; Люкина 2008: 18; Карпова 2018: 190]. По материалам Т. И. Тепляшиной, в бесермянском наречии этот процесс коснулся также инициального согласного суффикса абессива, ср. *lud-tek* ~ *lud-t'ek* 'без луга' [Тепляшина 1970: 170], однако в [Люкина 2008: 80] суффикс с палатальным согласным не отмечен. В среднечепецких говорах согласный *m'* в суффиксе пролатива может замещаться согласным *k*, ср. сч. *л̄т̄д̄ж-eki* 'по снегу', бал. *бакча(й)ым'и* (~ *бакчат'и*) ~ *бакча(й)эм'и* 'по огороду' [Карпова 1997: 91–92; Карпова 2018: 190];

4) корреспонденция аффриката // щелевой согласный распространяется на суффикс аблатива и терминатива. В абсолютном большинстве диалектов аблатив представлен суффиксом с конечным согласным $с'$, в красноуфимском говоре зафиксированы вариативные суффиксы с согласными $с'' \sim ч$: удм. лит. *анай-лэс'*, кукм. шошм. канл. *анай-лис'* 'у (от) матери' [Кельмаков 1998: 120]; круф. *кар-лэч* ~ *кар-*

лэс'' ‘от города’, *аташ-лэч* ~ *аташ-лэс''* ‘от петуха’ [Насибуллин 1978: 97]. В срединных говорах отмечено варьирование суффикса терминатива с согласными *э* и *з'*: сред. (Якш.) *сукнаод'з'* ‘до утра’ [Aminoff 1896: 28]; (Ува) *эсытоз'* ‘до вечера’ [Кельмаков 1998: 211];

5) корреспонденция шелевых согласных *з* // *ж* и *с'* // *с''*, *з'* // *з''* распространяется на показатели аккузатива, эгрессива, терминатива. Она возникла в результате замены свистящих *з* и *с* шипящими *ж* и *ш*, а также вследствие изменения шепелявых (*с'* и *з'*) свистящими (*с''* и *з''*) в красноуфимском говоре: *аташ-эж* ‘петуха’, *кар-эж* ‘город’, *кар-ис''эн* ‘от города’, *кар-оз''* ‘до города’. Существует мнение, согласно которому, переход свистящих в шипящие происходил одновременно с аналогичными изменениями в марийском языке [Насибуллин 1978: 94–95].

Междиалектные корреспонденции согласных фонем, наблюдаемые в структуре падежных суффиксов в современных пермских языках, явились результатом различных языковых процессов, а именно: а) озвончения этимологического глухого согласного; б) деаффрикации; в) палатализации / веляризации согласного; д) влияния на исследуемые языки контактных языков. Причины изменения согласного *л*, наблюдаемого в разных ареалах распространения пермских языков, остаются пока невыясненными. В этой связи следует добавить, что согласные [л] и «полумягкий» [l] представлены в севернорусских говорах, при этом согласный [l] может переходить в [j̥] и [w]. Л. Л. Касаткин причину изменения [l] видит в ослаблении артикуляции согласного [Касаткин 1999: 189–191]. По предположению С. В. Князева, появление согласного [l] в русских говорах обусловлено влиянием финно-угорских языков [Князев 2008: 34].

Гласные фонемы в истории пермских языков были подвержены парадигматическим и синтагматическим изменениям в большей мере, чем согласные. Особенности дистрибуции гласных в первом и непервом слогах слова были унаследованы прапермским языком от финно-пермского (< финно-угорского) праязыка, в котором в непервых слогах употреблялись только краткие неогубленные гласные **a*, **ä*, **e*. Предполагается, что вокализм непервых слогов в раннепермском языке был представлен гласными **a*, **ä*, **i*, **e*, **e̞* [Lakó 1934: 56; Rédei 1968: 41–43], в позднепермском – гласными нижнего и

верхнего подъема, которыми могли быть фонемы **a*, **i*, **j* [Lakó 1933: 176], **a*, **ε*, **i*, **j* [Rédei 1968: 41–43], **a*, **ε*, **i* (возможно, также **e*, которая соединилась с фонемой **ε*) [Лыткин 1964: 239]. В современных пермских языках в результате различных процессов (отпадение конечных гласных, утрата гармонии, выравнивание огласовок конца корней и суффиксов, влияние одних гласных на другие, наделение гласных грамматической нагрузкой и т. д.), протекавших в разные исторические периоды их развития, произошло оформление единой огласовки большинства служебных морфем [Лыткин 1975: 55; Основы 1976: 146].

В коми литературных языках падежные суффиксы имеют следующую огласовку:

a: кз. кп. консекутив (-*ла*), аппроксиматив (-*лань*), эгрессив (-*сянь*), кп. компаратив (-*ся*);

ö: кз. кп. аккузатив (-*ös*), генитив (-*lön*), абессив (-*töz*), комитатив (кз. -*köd*, кп. -*kõt*), инструменталь (-*ön*), иллатив (-*ö*), пролатив (кз. -*öd*, кп. -*õt*), терминатив (-*ödž*);

ы: кз. кп. инессив (-*ын*), кз. аблатив (-*лысь*), элатив (-*ысь*);

и: кп. аблатив (-*лісь*), элатив (-*ись*), кз. пролатив (-*ті*).

В диалектах в суффиксальных морфемах и непервых слогах корневых морфем могут употребляться все гласные. Корреспонденции и чередования гласных распространяются на все типы падежных суффиксов.

В коми-зырянских диалектах падежные морфемы имеют следующую огласовку:

a: консекутив, компаратив;

a // *э*: аппроксиматив вв. вым. иж. лл. скр. сс. печ. уд. *a*, вс. *э*, нв. *a* ~ *э*;

эгрессив вв. вым. иж. лет. скр. сс. печ. уд. *a*, вс. л. *э*, нв. *a* ~ *э*;

ö // *э*: генитив, абессив вым. вс. лл. скр. сс. печ. уд. нв. *ö*, иж. вв. нв. (Кок.) *э*;

ö // *э* // *a*: пролатив вым. вс. лл. сс. уд. *ö*, иж. нв. (Кок.) *э*, вым. (Кош. Пол.) печ. скр. нв. *ö* ~ *э*, вв. иж. *э* ~ *a*;

ö // *э* // *ы*: комитатив вс. вым. нв. скр. сс. печ. уд. *ö*, вв. иж. нв. (Кок.) *э*, лл. (З. Пор.) *ы*;

ö // *э* // *a* // *о*: инструменталь вс. вым. лл. сс. уд. *ö*, нв. (Кок.) *э*, иж. *э* ~ *a* ~ *о*, печ. *э* ~ *ö* ~ *a*, вым. (Кош. Пол.) скр. сс. нв. *ö* ~ *э*, вв. *э* ~ *a* ~ *о*;

иллатив вым. лл. сс. уд. *ö*, вым. (Кош. Пол.) нв. скр. сс. *ö ~ э*, иж. нв. (Кок.) *э ~ а*, вв. печ. *э ~ ö ~ а ~ о*, вс. *ö ~ о*; аккумулятив вым. лл. сс. уд. *ö*, иж. нв. (Кок.) *э*, вым. (Кош. Пол.) нв. печ. скр. сс. *ö ~ э*, вв. *э ~ а ~ о*, вс. *ö ~ о*;

ö // э // ээ // а // о: терминатив вым. вс. сс. *ö*, лл. нв. (Кок.) *э*, вым. (Кош. Пол.) нв. скр. сс. уд. *ö ~ э*, иж. *э ~ а*, печ. *ö ~ э ~ а*, вв. *э ~ ээ ~ а ~ о*;

ы // и: аблатив вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *ы*, вв. *и*, уд. *и ~ ы*;

ы // и // а // о // у: элатив вым. вс. лл. сс. *ы*, вым. (Кош. Пол.) нв. скр. сс. уд. *ы ~ и*; иж. *ы ~ а*, печ. *ы ~ и ~ а*, вв. *и ~ а ~ о ~ у*;

инессив вым. вс. лл. сс. *ы*, вым. (Кош. Пол.) нв. скр. уд. *ы ~ и*, иж. *ы ~ а ~ о*, печ. сс. *ы ~ и ~ а*, вв. *и ~ у ~ а ~ о*;

ы // и // ö // о: датив вым. иж. печ. скр. сс. уд. нв. вв. (Клд. Млд. П.) *ы*, вс. *ы ~ ö ~ о*, вв. *и*, лл. *ö*.

В коми-пермяцких диалектах представлены падежные морфемы, имеющие огласовку:

а: кп. консекүтив, компаратив;

а // э // и: эгрессив мл. кя. *а*; коч. кк. ни. оньк. *а ~ и*; нерд. ки. *и ~ э*, вк. *а ~ э*;

ы // и: аблатив кп. кя. *и*, вк. *ы*;

ы // и // а: элатив кп. кя. *и*, вк. *ы ~ а*;

ы // а // ö: инессив кп. *ы*, кя. *ö*, оньк. ни. *ы*, кя. *ö*, вк. *ы ~ а*;

ö // э // а: генитив кк. оньк. ни. нерд. ки. вк. *ö*, мл. *ö ~ э*, кя. *а*;

ö // э // ø: аккумулятив, комитатив, абессив, пролатив, терминатив вк. ки. кк. коч. нерд. ни. оньк. *ö*, мл. *ö ~ э*, кя. *ø*;

ö // э // а // ø: инструменталь кк. ни. нерд. ки. вк. оньк. *ö*, коч. мл. *ö ~ э*, вк. *ö ~ а*, оньк. *ö ~ ы*, кя. *ø*; иллатив ки. кк. нерд. ни. оньк. *ö*, коч. мл. *ö ~ э*, кя. *ø*, вк. *ö ~ а*;

ö // э // ы // ø: датив ки. кк. коч. нерд. ни. оньк. *ö*, кя. *ø*, мл. *ö ~ э*, вк. *ö ~ ы*.

В непервых слогах самым устойчивым оказывается гласный *а*, содержащийся в суффиксах консекүтива, компаратива, аппроксиматива и эгрессива. В суффиксах двух последних падежей огласовка варьируется. Аппроксиматив в говоре дер. Малый Кожмудор нижневычегодского диалекта имеет варианты *-лэн' ~ -лан'*, в верхнесольском диалекте функционирует суффикс *-лэн'*: нв. (М. К.) *вöр-лан' ~ вöр-лэн'* 'в сторону леса', вс. *ва-лэн'-ыс* 'в сторону воды' [НВД: 37;

ВСД: 70]. В верхнесысольском и большинстве коми-пермяцких диалектов, а также в отдельных нижневычегодских и лузско-летских говорах произошло изменение огласовки суффикса эгрессива. В говорах деревень Жешарт, Придаш, с. Гам нижневычегодского диалекта, а также в лузских говорах гласный *a* заместился гласным *э*: *-с'эн'*: *горт-с'эн'* 'из (от) дома'; в говорах сел Коквицы и Большая Слуда функционируют вариативные суффиксы *-с'ан'* ~ *-с'эн'* с преобладанием *-с'эн'*: *горт-с'эн'* ~ *горт-с'ан'* 'из (от) дома' [ВСД: 60; ЛЛД: 38; НВД: 37]. В коми-пермяцких диалектах, кроме мысовско-лупьинского, в суффиксе эгрессива произошло изменение *a* > *э* (> *и*): ви. *горт-с'ин'* 'из дому', кос. *армия-с'эн'* 'из армии'. В верхнекамском наречии имеет место варьирование суффиксов *-с'ан'* ~ *-с'эн'* ~ *-с'ин'*: вк. *зорд-с'ан'* 'от стога', *кэрка-с'ин'* 'от дома', *бан'а-с'эн'* 'от бани' [Баталова 1975: 152–153; Баталова 1982: 110–111; Сажина 2004: 9]. Изменение гласного *a* в переднерядные гласные *э* и *и* в суффиксах аппроксиматива и эгрессива произошло под влиянием палатальных согласных.

В коми диалектном континууме регулярными являются: а) корреспонденция гласных *ö* // *э* // *ө*, распространяющаяся на суффиксы генитива, инструментала, аккузатива, иллатива, пролатива, терминатива; б) корреспонденция гласных *ы* // *и* // *ө*, распространяющаяся на суффиксы аблатива, инессива, элатива. Источником возникновения первой корреспонденции явилась пракоми фонема **ε*, которая, утрачиваясь, дала различные рефлексы в диалектах. По мнению В. И. Лыткина, эта фонема дольше сохранялась в ижемских и верхневычегодских говорах, в большинстве диалектов она перешла в гласный среднего ряда *ö* (в определенных позициях – в переднерядный *э*), в коми-язьвинском наречии – в гласный заднего ряда *ө* [Лыткин 1964: 238]. Корреспонденция гласных *ы* // *и* // *ө* возникла в результате различной рефлексии гласного **i* в суффиксальных морфемах и первых слогах корневых морфем [Лыткин 1964: 236–238]. Появление в составе данных корреспонденций гласных *a*, *o* и *y* обусловлено вторичными изменениями отдельных их членов в виде ассимиляции гласных в ряде коми диалектов (подробнее об ассимиляции гласных см.: раздел 2.1.2). Исключением из этого является корреспонденция гласных *ö* // *э* // *a*, проявляющаяся в суффиксе генитива. В праперм-

ском языке, скорее всего, функционировали вариативные суффиксы **-lɛn*, **-lan*. В большинстве диалектов пермских языков обобщился формант **-lɛn*, рефлексами гласного которого являются гласные *ö* и *э*. Суффикс **-lan* сохраняется в коми-язьвинском наречии (кя. *шөрлан* ‘у мыши’), засвидетельствован он также в древнекоми языке (*сы-лан* ‘его, у него’, *олём-лан* ‘жизни’) [Лыткин 1952: 103; КЯД: 44].

Отдельно необходимо остановиться на корреспонденции гласных *ы // и // ö // э // о // ø*, которая распространяется только на показатель датива. Вариативные суффиксы имеет датив в верхнесысольском диалекте: в говорах сел Койгородок, Грива, дер. Карвуджем функционирует суффикс *-лы*, в говорах с. Ужга, дер. Мырпонаиб отмечено параллельное употребление суффиксов *-лö* и *-лы*, в говоре с. Кобра – суффиксов *-ло* и *-лы* [ВСД: 61]. В большинстве коми-зырянских диалектов показателем датива является суффикс *-лы*, в лузско-летском – *-лö*, в верхневычегодском – *-ли*. В коми-пермяцких диалектах почти повсеместно функционирует формант *-лö // -вö*, в верхнекамских и мысовско-лупьинских говорах наблюдается варьирование суффиксов *-лы ~ -лö* [Баталова 1975: 147–148; 1982: 103–105]. В коми-язьвинском наречии показателем датива является суффикс *-лø* [КЯД: 44]. В коми диалектах гласный суффикса выполняет различительную функцию: суффикс датива отличается от суффикса консекутива (кз. кп. *-ла*) только огласовкой. Прапермский аллатив, послуживший источником коми датива и консекутива, имел вариативные суффиксы: **-lɛk > *-lɛ ~ *-lak > *-la* [Основы 1976: 149; Лыткин 1977: 24]. К прапермскому периоду следует отнести и вариант **-lik > *-li*, так как в удмуртских и зырянских диалектах проявляются рефлексы именно этого суффикса. Ф. Мольнар, ссылаясь на К. Редей и А. Рона-Таша, допускает возможность последовательных изменений финно-угорского **ä > *a > *i* в непервых слогах уже в прапермский период [Molnár 1974: 62]. О происхождении суффикса датива см.: гл. 3, раздел 3.5.

Следует также отметить, что внедрение огубленных гласных в непервые слоги слова – довольно позднее явление во всех пермских языках. В прапермском и пракоми языках за пределами первого слога употреблялись только краткие неогубленные гласные [Лыткин 1973: 205; 207; Кельмаков 1975: 69; 1993: 24–25; 2004: 173–216; Некрасова 2000: 52–53]. Распространение огубленных гласных на падежные

суффиксы (со структурой V(C)) произошло в ряде коми-зырянских (верхневычегодском, печорском, ижемском, верхнесысольском) диалектов довольно поздно в результате ассимилятивного воздействия гласных *o* и *y* ауслаута основы на инициальный гласный суффикса: вв. (М. Н. Укл.) *с'эл'по-он* 'в сельпо', иж. *вичко-о* 'в церковь', *му-ун* 'на земле', печ. *во-о* 'в году' [ВВД: 75; ИД: 34; ПД: 15]. Синтагматическое изменение фонемы *ö* в *o* в непервых слогах непроизводной основы, а также в некоторых словоизменительных суффиксах, в том числе в суффиксах иллатива и датива, зафиксировано в говоре с. Кобра: *вör-о* 'в лес', *пач-о* 'в печь', *мам-ло* 'матери' [ВВД: 54]. Данное явление пока не получило объяснения.

В удмуртском литературном языке в падежных суффиксах представлены следующие гласные:

э: аккузатив (-*э/-е*, -*эз/-ез*), генитив (-*лэн*), абессив (-*тэк*), эгрессив (-*ысен*);

а: аппроксиматив (-*лань*), адвербиаль (-*я*);

о: терминатив (-*озь*);

и: пролатив (-*этй/-етй*, -*тй*, -*ытй*);

ы: датив (-*лы*), инессив (-*ын*), эгрессив (-*ысен*);

ы // *э*: инструменталь (-*эн/-ен*, -*ын*), иллатив (-*э/-е*, -*ы*), пролатив (-*этй/-етй*, -*ытй*).

В удмуртском языке, в отличие от коми литературных языков, падежные суффиксы имеют двойную огласовку и огубленный гласный. Появление огубленных гласных в аффиксальных морфемах удмуртского языка датируется конц. XVI – нач. XVII в. и связывается с перестройкой в системе вокализма первого слога (с утратой гласного **e* и падением среднерядных огубленных **ö* и **ü*) и акцентуации (с изменением места ударения) [Кельмаков 1993: 24–25; 2004: 173–205].

Двойную огласовку в удмуртском языке имеют суффиксы инструменталья (-*эн/-ен*, -*ын*) и пролатива (-*этй/-етй*, -*ытй*) в единственном числе, пролатив имеет также вариант с инициальным согласным (-*тй*). Во множественном числе обобщился один из вариативных суффиксов: в инструментале суффикс -*ын* и в пролативе суффикс -*тй*. Параллель с суффиксами инструменталья и пролатива обнаруживают вариативные суффиксы иллатива, различающиеся качеством гласного: в парадигме единственного числа представлены

суффиксы *-э/-е* и *-ы*, в парадигме множественного числа обобщился суффикс *-ы*.

В инструментале большинство существительных принимает показатель с огласовкой *э*, суффикс с огласовкой *ы* допускает незначительная группа существительных. Выдвигались различные предположения о причинах развития двойной огласовки суффикса этого падежа, параллельно рассматривалась также огласовка лично-притяжательных суффиксов. Согласно А. А. Поздеевой, суффикс *-ын* в инструментале имеют существительные, обозначающие: 1) части тела живых существ: *йырын* ‘головой’, *кыын* ‘рукой’ и др.; 2) родственные отношения: *нылыныз* ‘со своей дочерью’, *выныныз* ‘своим братом’ и др.; 3) неотъемлемые части, стороны предмета: *пуртныдын* ‘черенком ножа’, *чорыг събмын* ‘рыбьей чешуей’ и др. [ГСУЯ 1962: 101]. Д. Р. Фокош-Фукс и В. И. Лыткин двойную огласовку инструментального и посессивных суффиксов связывали с историей гласных непервого слога основ финно-угорского праязыка: а) имена, восходящие к основам на узкий гласный (**e*), присоединяют суффикс с узким гласным *ы*; б) имена, восходящие к основам на широкий гласный (**a*/**ä*), оформляются суффиксом с широким гласным *э* [Лыткин 1970: 231–233; Fokos 1963: 217]. В. К. Кельмаков в развитии суффиксов выделяет три этапа: (1) «фонетический», (2) «семантический», (3) «морфологический». Он считает, что возникновение вариативных огласовок суффиксов изначально было обусловлено фонетическими причинами: «<...> в основах с широким конечным гласным (**-a*/**-ä*) ПС-ы и окончание инструментала получили *э*-овую огласовку, а в основах с конечным узким гласным обобщилась *ы*-овая огласовка. Такая вариативность в плане выражения одного и того же значения, как известно, сохраняется в языке недолго: дублиеты или унифицируются под влиянием аналогии, или за каждым из них закрепляется особое значение или оттенок значения». Второй этап развития суффиксов был связан с началом развития лексико-семантической категории «“неотъемлемой принадлежности”», которая маркировалась с помощью алломорфов *-ы*, *-ыд*, *-ыз* и *-ын* в противоположность алломорфов *-э*, *-эд*, *-эз* и *-эн*, употребительных в существительных других семантических групп». На третьем этапе под влиянием фактора аналогии происходило «постепенное поглощение немногочисленной

ы-овой группы имен существительных *э*-группой через промежуточный этап свободного варьирования у них форм на *-ы* и *-э*» [Кельмаков 2003: 233–236]. Отчасти к сходным выводам пришел В. В. Понарядов в результате анализа огласовки инструментального и посессивных суффиксов, представленных в фольклорных текстах середины XX в. [Перевозчикова 1982; 1987]: «<...> двойная огласовка удмуртских суффиксов была обусловлена этимологической принадлежностью присоединяющих лексем к двум разным типам финно-угорских основ», в дальнейшем в удмуртском языке более продуктивными стали суффиксы с огласовкой *э*, а «слова семантических групп названий частей тела и обозначений пространственной ориентации стали присоединять суффиксы с огласовкой *ы*, которая стала ассоциироваться именно с этими семантическими группами» [Понарядов 2018: 75]. О постепенном снижении частотности употребления суффиксов с огласовкой *ы* свидетельствуют также результаты исследования Ю. В. Норманской и М. П. Безеновой, согласно которым «почти в 30 % случаев с конца XIX в. по середину XX в. произошла перестройка типа огласовки: *ы* было частично или полностью заменено на *э* огласовку» [Норманская, Безенова 2018: 86].

Дальнейшую тенденцию изменения огласовок суффиксов можно проиллюстрировать материалом из КУЯ, достаточно проанализировать некоторые существительные, принимавшие в сер. XX в. суффикс только с огласовкой *ы* и суффикс с двойной огласовкой. Как показал анализ материала, изменения произошли в обеих группах существительных. Существительные, принимавшие в сер. XX в. суффикс только с огласовкой *ы*, в нач. XXI в. разделились на две группы: одни продолжают принимать только суффикс с огласовкой *ы*, напр., *вылтыр* ‘тело’, *ныр* ‘нос’, *пель* ‘ухо’, *ым* ‘рот’, *ымдур* ‘губа’; другие допускают суффикс с двойной огласовкой, напр., *бам* ‘щека, лицо’, *быж* ‘хвост’, *йыр* ‘голова’, *кӧт* ‘живот, брюхо’, *мугор* ‘тело’, *пинь* ‘зуб’. Существительные, принимавшие в сер. XX в. суффикс с двойной огласовкой, тоже разделились на две группы. Одни присоединяют суффикс с двойной огласовкой, при этом имеются существительные, предпочитающие суффикс с огласовкой *ы*, напр., *вӧй* ‘масло’, и существительные, предпочитающие суффикс с огласовкой *э*: *пинал* ‘ребенок’, *вир* ‘кровь’ (табл. 19). Единичные существительные перешли

в группу существительных, принимающих суффикс с э огласовкой, напр., *зыр* ‘рычаг’.

Таблица 19

*Употребление вариативных суффиксов инструменталя
в современном удмуртском языке*

Существительные	Суффикс <i>-ын</i>	Суффикс <i>-эн/-ен</i>
<i>Йыр</i> ‘голова’	351	6
<i>Мугор</i> ‘тело’	191	17
<i>Вой</i> ‘масло’	111	36
<i>Вир</i> ‘кровь’	59	90
<i>Пинал</i> ‘ребенок’	48	103
<i>Быж</i> ‘хвост’	20	2
<i>Кот</i> ‘живот, брюхо’	19	2
<i>Пинь</i> ‘зуб’	12	1
Всего	811	257

В отдельную группу выделяются существительные с изменяемой корневой морфемой, которая представлена алломорфами: *сюлэм/сюлм-* ‘сердце’, *кужым/кужм-* ‘сила, энергия, мощь, могущество’, *кус/куск-* ‘талия’, *тыш/тышк-* ‘тыльная часть, тупая сторона’, *визь/визьм-* ‘ум, разум, сообразительность’. В современном удмуртском языке наблюдается некоторая корреляция между корневыми алломорфами и суффиксами падежа: распределение суффиксов обусловлено степенью самостоятельности корневых алломорфов. Некоторые свободные корневые алломорфы допускают суффикс с двойной огласовкой, при этом предпочтительным может быть как суффикс с огласовкой *ы* (ср. соотношение между суффиксами с огласовкой *э* и *ы* со словом *сюлэм* ‘сердце’ – 20:32), так и суффикс с огласовкой *э* (ср. соотношение между суффиксами с огласовкой *э* и *ы* со словом *кужым* ‘сила’ – 364:0). Связанные корневые алломорфы принимают суффикс с огласовкой *ы*: *сюлм-ын* ‘сердцем’, *визьм-ын* ‘умом’, *кужм-ын* ‘силой’. Таким образом, в современном удмуртском языке продолжается процесс унификации огласовки суффикса инструменталя. Количество существительных, принимающих показатель с огласовкой *ы*, уменьшается; параллельно увеличивается количество существительных, допускающих суффикс с двойной огласовкой. Формант с огласовкой *ы* лучше сохраняют связанные корневые алломорфы.

Единичные существительные (*айы*, *бубы* ‘отец’, *мумы* ~ *муми* ‘мать’) и местоимения (*со* ‘он, она, оно’, *номыр* ‘ничего, нечего’, *та* ‘этот, эта, это’ и др.) в инструментале имеют суффикс *-ин* [Едыгарова 2010: 85; Кондратьева 2011: 120]: *ми соин вын-агайёс* ‘мы с ним братья’; *сое номырин но уд паймыты* ‘его ничем не удивишь’. В этом контексте следует отметить, что указанные существительные присоединяют также посессивные суффиксы 1-го, 2-го, 3-го лица единственного числа с огласовкой *и* [ГСУЯ 1962: 83; Едыгарова 2010: 84–86]. Насколько можно судить по КУЯ, в литературном языке с существительным *мумы* ~ *муми* ‘мать’ наметилась тенденция употребления суффикса с огласовкой *е*: *Тон пичи на, лэся, соин ик, дыр, мумыныд изиськод*. (Удм. дунне, 2011.10.14) ‘Ты еще маленький, и поэтому, наверно, с мамой спишь’.

Вариативные суффиксы в удмуртском языке имеют также иллатив и пролатив. Большинство существительных принимает в иллативе суффикс *-э/-е*, в пролативе – суффиксы *-этий/-етий* и *-тий*. Суффиксы *-ы* и *-ытий* имеют единичные существительные (*нюлэс(к)* ‘лес’, *сэрег* ‘угол’, *кус(к)* ‘поясница’) [Кондратьева 2011: 161; 194]. Поиск по КУЯ показывает, что таких существительных значительно меньше тех, которые принимают суффикс инструментала с огласовкой *ы*. Эту группу образуют отдельные существительные с изменяемой корневой морфемой, которая представлена алломорфами, различающимися наличием/отсутствием гласного: *кенос/кенс-* ‘амбар’, *пыдэс/пыдс-* ‘дно’, *сэрег/сэрг-* ‘угол’, *урдэс/урдс-* ‘бок’; и алломорфами, различающимися наличием/отсутствием конечного согласного *к*: *кус/куск-* ‘поясница’, *нюлэс/нюлэск-* ‘лес’, *пуш/пушк-* ‘внутренность’. В современном удмуртском языке распределение падежных суффиксов обусловлено степенью самостоятельности корневых алломорфов. При корневых алломорфах, различающихся наличием/отсутствием гласного, наблюдается следующее распределение суффиксов: после связанного корневого алломорфа в иллативе выступает суффикс *-ы*: *кенысы* ‘в амбар’, *сэргы* ‘в угол’, *урдсы* ‘на бок’, *пыдсы* ‘на дно’; после свободного корневого алломорфа – суффикс *-э/-е*: *кеносэ* ‘в амбар’, *сэреге* ‘в угол’:

США-ысь фермер тысьсэ кеносэ уг жокты – элеваторе нуэ. (Удм. дунне, 2011.10.05) ‘Американский фермер зерно в амбар не

выгружает – на элеватор везет’; *Огнам кенсы тубаны кышкатси.* (chimali.ru Ксения Ворончихина 2011–2012) ‘Одна подняться в амбар я испугалась’.

Трамвае пукси, чемоданме сэргы куштй. (Удм. дунне, 2011.10.28) ‘Сел [я] в трамвай, свой чемодан бросил в угол’; *Игнатий Гаврилович <...> кабинетэтиз сэрегысь сэреге ветлэ.* (Удм. дунне, 2012.03.27) ‘Игнатий Гаврилович <...> ходит по своему кабинету из угла в угол’.

Соотношение вариативных форм иллатива с рассмотренными существительными в современном языке различается. Частотным со словом *пыдэс/пыдс-* ‘дно’ является суффикс *-ы*, со словом *сэрег/сэрг-* ‘угол’ соотношение вариативных форм примерно одинаково, со словом *кенос/кенс-* ‘амбар’ более частотным оказывается суффикс *-э*. Количественное соотношение суффиксов представлено в табл. 20.

Таблица 20

Частотность употребления вариативных суффиксов иллатива и пролатива в современном удмуртском языке

Существительное	Иллатив		Пролатив		
	<i>-ы</i>	<i>-э/-е</i>	<i>-ытй</i>	<i>-тй</i>	<i>-этй/-етй</i>
<i>Нюлэс/нюлэск-</i> ‘лес’	-/303	-/6	-/48	13/-	1/-
<i>Пыдэс/пыдс-/пыдэск-</i> ‘дно’	4/92/2	9/-/-	-/4/-	–	1/-/-
<i>Сэрег/сэрг-</i> ‘угол’	-/47	46/-	–	2/-	–
<i>Кенос/кенс-</i> ‘амбар’	-/5	20/-	–	–	–
<i>Кус/куск-</i> ‘поясница’	-/3	-/2	–	3/-	–
Всего	4/452	75/8	-/52	18/-	2/-

КУЯ содержит крайне мало существительных с корневыми алломорфами, различающимися наличием/отсутствием гласного, в пролативе; обнаружено только 17 примеров. Если судить по представленным в КУЯ примерам, то связанный корневой алломорф присоединяет суффикс *-ытй*, свободный алломорф допускает суффиксы *-тй*, *-этй/-етй*.

Распределение корневых алломорфов, различающихся наличием/отсутствием конечного согласного *к*, обусловлено качеством начальной (гласной или согласной) фонемы падежного суффикса. Свободный корневой алломорф присоединяет суффиксы как с инициальным согласным, так и с инициальным гласным; связанный кор-

невой алломорф – суффиксы с инициальным гласным; напр., *нюлэскозь* (2)¹ ~ *нюлэсозь* (1) ‘до леса’, *нюлэскысь* (126) ~ *нюлэсысь* (4) ‘из леса’, *нюлэслэсь* (*кышканы*) ‘(бояться) леса’, *нюлэстэк* ‘без леса’, *кускысь* ‘с талии’ (3), *кускозь* ‘до пояса’ (9). Как показывают материалы КУЯ, иллативные суффиксы употребляются только со связанным алломорфом. Количественное соотношение суффиксов *-ы* и *-э* в пользу суффикса *-ы*, ср. *кускы* (3) ~ *куске* (2) ‘на талию’, *нюлэскы* (303) ~ *нюлэске* (6) ‘в лес’. Что касается пролативных суффиксов, то в современном удмуртском языке наблюдается следующая тенденция выбора между ними: суффиксы *-тй* и *-этй/-етй* употребляются со свободным корневым алломорфом: *кустй* ‘по талии’, *нюлэстй* ~ *нюлэсэтй* ‘по лесу’; суффикс *-ытй* – со связанным корневым алломорфом: *нюлэскытй*. Распределение суффиксов иллатива и пролатива по отношению к корневым алломорфам продемонстрировано в табл. 20.

Материал КУЯ не всегда дает детальное представление о соотношении падежных формантов. Тем не менее можно заключить, что существительных, которые бы имели только суффикс *-ы* в иллативе, а в пролативе только суффикс с огласовкой *ы*, видимо, в современном удмуртском языке уже нет. По крайней мере, в КУЯ такие существительные не представлены. Суффикс иллатива *-ы* и суффикс пролатива с огласовкой *ы* сохраняются в структуре некоторых серийных пространственных послелогов, развившихся на основе падежных форм локативных существительных, напр., *доры* ‘к’, *вискы* ‘между’, *шоры* ‘на, о, об’, *пушкы* ‘в, внутрь’, *вискытй* ‘между’, *пушкытй* ‘по’.

Вариативные суффиксы инструменталю, иллатива и пролатива обнаруживаются также в диалектах, при этом в огласовках суффиксов нашли отражение варианты фонемы *ы*: *ы* – гласный среднего ряда верхнего подъема, *ь* – гласный среднего подъема заднего ряда, *ÿ* – гласный верхне-среднего подъема средне-заднего ряда [Кельмаков 1998: 54–55].

На падежные суффиксы распространяются также корреспонденции гласных *ы* // *и* и *э* // *и* // *ы*. Вариативность огласовки, основанная на междиалектной корреспонденции гласных *ы* (*ь*) // *и*,

¹ Здесь и далее в скобках указано количество примеров, зафиксированных в КУЯ.

характерна для суффиксов элатива и эгрессива. Суффикс элатива с огласовкой *ы* функционирует в северных и отдельных срединных говорах, суффикс с огласовкой *и* – в диалектах южного наречия и некоторых срединных говорах: сев. *бакча-ыс'*, южн. *бакча-ис'* ‘из огорода’. Суффикс эгрессива с огласовкой *ы* распространен в северной диалектной зоне, вариант с огласовкой *и* – в южных и большинстве периферийно-южных говорах: сев. *бакча-ыс'эн*, южн. *бакча-ис'эн* ‘будучи в огороде, от огорода’ [Кельмаков 1998: 121–122]. В бесермянском наречии отмечено параллельное употребление вариативных суффиксов элатива и эгрессива [Люкина 2016: 77–78]. Возникновение корреспонденции гласных *ы* // *и* в суффиксах связано с изменением гласного *ы* в *и* перед палатальным согласным *с'* в южных диалектах и сохранением *ы* в северных диалектах [Кельмаков 1998: 65–67; 2005: 56–58; Csúcs 2005: 189].

В ранних письменных источниках зафиксирована вариативная огласовка *ы* ~ *и* суффиксов инессива и элатива. Распределение вариантов связано с качеством ауслаута основы: после основ на конечный гласный использован суффикс с огласовкой *и*, после основ на конечный согласный – суффикс с огласовкой *ы*:

инессив: *Иудеа-инь* ‘въ Иудеѣ’, *кар-ынь* ‘въ городѣ’, *гоштэм-ынь* ‘въ писаніи’ [Евангелие 1847: 10; 11; 16; Евангелие 1847а: 10, 11, 16];

элатив: *Галилея-ись* ‘изъ Галилеи’, *Иудеа-ись* ‘изъ Иудеи’, *Иерусалим-ысь* ‘изъ Иерусалима’ [Евангелие 1847: 20; Евангелие 1847а: 20].

Данная особенность падежных суффиксов зафиксирована и в более поздних текстах, что, видимо, являлось орфографической нормой [Безенова 2020: 60, 62]. Такой принцип письма должен был распространяться также на суффикс эгрессива и пролатива. В современных территориальных разновидностях удмуртского языка суффикс инессива с огласовкой *и* не встречается.

Корреспонденция гласных *э* // *и* // *ь* представлена в суффиксе аблатива. Вариант с огласовкой *э* функционирует в абсолютном большинстве говоров. Суффикс с огласовкой *и* распространен в кукморском, шошминском, канлинском говорах, параллельно с *-лэс'* – в бавлинском говоре, варианты с огласовкой *и* и *ь* характерны для бесермянского наречия: сч. *so-les'* ‘у него’, круф. *кар-лэч* ~ *кар-лэс'* ‘от города’,

бавл. *atai-lis'* (~ *atai-les'*) 'у (от) отца', бес. *lud-lis'* 'от поля', *бигэр-льс'* 'из татар' ('от татарина') [Тараканов 1960: 133; Тепляшина 1970: 170–171; Насибуллин 1978: 97–98; Карпова 1997: 112–213; Кельмаков 1998: 120; 2005: 60–62]. По предположению И. В. Тараканова, первичным является суффикс с огласовкой э, позднее произошло изменение $\varepsilon > u$ [Тараканов 1998: 46]. В. К. Кельмаков, учитывая коми параллели, в качестве первичной огласовки вначале рассматривал фонему **i*, позднее высказал предположение о функционировании вариативных суффиксов аблатива в праудмуртском языке – с огласовками **e* и **i* [Кельмаков 1998: 121; Кельмаков 2005а: 184].

Огласовка падежных суффиксов была подвержена изменениям с эпохи прапермского языка до времени формирования самостоятельных языков и их диалектов. Возникновение вариативных огласовок суффиксов обусловлено: а) дивергентным развитием прапермских гласных за пределами первого слога; б) ассимилятивным влиянием палатальных согласных в пределах морфемы (особенно характерно для коми-пермяцких диалектов); в) сохранением в родственных языках и их диалектах разных вариантов/алломорфов прапермской морфемы (генитив, аблатив, датив); г) ассимилятивным воздействием ауслота основы на анлаут суффикса. Особенности вокализма непервого слога прапермского языка в разной степени сохраняются в отдельных пермских языках. В удмуртском языке к прапермскому наследию следует отнести наличие вариативной огласовки суффиксов инструменталю, пролатива, посессивных суффиксов, вариативных суффиксов иллатива; в коми языках, в отличие от удмуртского, довольно позднее появление огубленных гласных в падежных морфемах. В удмуртском языке процесс лабиализации протекал «в виде системно обусловленного фонетического изменения первичного *-*a*(-) в -*o* (иногда *-*i*(-) в -*u*) в непервых слогах как непроизводных основ, так и в составе суффиксов» [Кельмаков 2005: 24], в отдельных коми-зырянских диалектах – в результате ассимиляции гласных падежного суффикса конечным гласным основы.

2.1.2. Фонетические факторы и выбор падежного алломорфа

Взаимосвязь падежной морфемы с фонетической структурой слова проявляется во всех пермских языках. Если в литературных

языках, особенно в коми, морфема стабильна, то в диалектах она может иметь, по меньшей мере, два алломорфа, употребление которых обусловлено структурой склоняемой основы, а именно ауслаутом основы или качеством гласного основы. Ауслаут основы определяет анлаут суффикса, качество гласного основы влияет на качество гласного суффикса.

1. Ауслаут основы и падежная морфема. В пермских языках корневые и суффиксальные морфемы могут иметь вокалический и консонантный ауслаут. Взаимодействие между основой и падежной морфемой по-разному проявляется в диалектах, когда основа оканчивается на гласный и на согласный.

Параметр «вокалический / консонантный ауслаут основы» лежит в основе появления следующих типов алломорфов: 1) вокалический алломорф / нулевой алломорф, один из алломорфов материально выражен, другой не выражен; 2) алломорфы, различающиеся наличием / отсутствием инициального гласного: VC^1 / C ; $VCV(C) / CV(C)$; 3) алломорфы, различающиеся наличием / отсутствием инициального согласного: $CV(C) / VC$; 4) алломорфы, различающиеся количеством инициального гласного / согласного (одиночный согласный / гемината; краткий / долгий гласный); 5) алломорфы, различающиеся качеством инициального согласного.

1.1. Алломорфы, различающиеся наличием / отсутствием инициального гласного и вокалический алломорф / нулевой алломорф. Сходство распределения отмеченных типов алломорфов позволяет рассматривать их вместе. После основ на согласный выступают алломорфы с инициальным гласным и алломорф V , после основ на гласный – алломорфы с инициальным согласным и нулевой алломорф.

В удмуртском языке указанные типы алломорфов имеют показатели инессива, элатива, илллатива, эгрессива. Алломорфы с инициальным согласным и нулевой алломорф появляются после единичных существительных, оканчивающихся на *a*: *корка* ‘дом, изба’, *куа*, *куала* ‘святилище; летняя кухня’, *кунокуа* ‘гостиница’, *гидкуа* ‘двор, дворовые постройки’ [ГСУЯ 1962: 105–109]:

инессив: *корка-н* ‘в доме’, *кунокуа-н* ‘в гостинице’;

гурт-ын ‘в деревне’, *бусы-ын* ‘в поле’;

корка-д ‘в твоём доме’, *гурт-а-д* ‘в твоей деревне’;

¹ Обозначения: С – согласный, V – гласный.

- иллатив: *корка* ‘в дом’, *кунокуа* ‘в гостиницу’;
гурт-э ‘в деревню’, *азбар-е* ‘во двор’;
корка-д ‘в твой дом’, *гурт-а-д* ‘в твою деревню’;
- элатив: *корка-сь* ‘из дома’, *кунокуа-сь* ‘из гостиницы’;
гурт-ысь ‘из деревни’, *азбар-ысь* ‘со двора’;
корка-сьты-д ‘из твоего дома’, *гурт-ысьты-д* ‘из
твоей деревни’;
- эгрессив: *корка-сен* ‘от дома’, *кунокуа-сен* ‘от гостиницы’;
шур-ысен ‘от реки’, *инты-ысен* ‘от места’.

В современном удмуртском языке, как показывает поиск по КУЯ, отмечается тенденция к унификации алломорфов: с существительными на *-а* параллельно употребляются оба типа алломорфов, «вокалический» и «консонантный», ср. примеры:

удм. *Улэ со Ижын, ас кыыныз жэутэм кык этажъем коркаын.* (Удм. дунне, 2010.04.07) ‘Живет он в Ижевске, в построенном своими руками двухэтажном доме’.

удм. *Табере вёл-вёл коркан огнам улйсько.* (Удм. дунне, 2010.03.19) ‘Теперь в просторном доме одна живу’.

С лексемой *корка* ‘дом, изба’ чаще встречаются суффиксы с инициальным согласным. Остальные существительные в КУЯ представлены крайне редко, можно только предположить, что с лексемами *кунокуа* ‘гостиница’ и *куала* ‘святилище; летняя кухня’ чаще употребляются уже стандартные суффиксы (табл. 21).

Таблица 21

Частотность употребления вариативных суффиксов
с существительными, оканчивающимися на *-а*

Существительное	Инессив		Элатив		Иллатив		Эгрессив	
	<i>-н</i>	<i>ын</i>	<i>-сь</i>	<i>-ысь</i>	\emptyset	<i>-е</i>	<i>-сен</i>	<i>-ысен</i>
<i>Корка</i> * ‘дом’	564	25	293	13	133	3	5	–
<i>Кунокуа</i> ‘гостиница’	1	19	–	3	–	16	–	–
<i>Куала</i> ‘святилище, летняя кухня’	–	8	1	2	–	4	–	–
<i>Гидкуа</i> ‘дворовые постройки’	–	–	–	–	–	2	–	–
Всего	565	52	294	18	133	25	5	–

Примечание. * Нулевую морфему лексема *корка* имеет в номинативе, аккузативе и иллативе. В таблице представлено количество примеров со словом *корка* в иллативе в конструкции ‘из дома в дом’.

В коми диалектах алломорфы со структурой VC / C и V / Ø имеют показатели инессива, элатива, иллатива, аккумулятива, инструменталия и пролатива. Ареал распространения таких алломорфов охватывает ряд контактных зырянских и пермяцких диалектов: косинско-камский, мысовско-лупьинский, верхневычегодский (л-овые, в-л-овые и смешанные говоры, а также говоры сел Дон и Усть-Нем), лузско-летский (говоры сел Объячево, Прокопьевка) диалекты, а также верхнекамское и коми-язьвинское наречия [Дмитриева 1998: 32; Пономарева 2002: 99; Сажина 2012; КЯД: 31, 47; ВВД: 39–42; 74–75 ЛЛД: 11]. В отличие от удмуртского языка, в коми диалектах употребление консонантного и нулевого алломорфов более последовательное: они выступают после основ на широкий (а) и/или огубленный (о, у), реже на узкий гласный:

аккумулятив: вв. (Ан. Вочь Дер. Крч. П. Руч Ст. Устьн.) *бал'а-с* 'овцу', кя. *Ван'а-с* 'Ваню', вк. *хр'осна-с* 'крестную';

инструменталь: вв. (Ан. Вочь Дер. Крч. П. Руч Ст. Устьн.) *лача-н* 'в надежде', *пал'то-н* 'в пальто', кк. *чарла-н* 'серпом', кя. *кага-н* 'ребенком', вк. *анна-н* 'Анной';

инессив: вв. (Ан. Вочь Дер. Крч. П. Руч Ст. Устьн.) *ва-н* 'в воде', *вичко-н* 'в церкви', *рушку-н* 'в брюхе', лл. (Об.) *д'эрэвн'а-н* 'в деревне', кк. *пэрма-н* 'на ферме', кя. *кружка-н* 'в кружке', *көти-н* 'в котлах', вк. *крушка-н* 'в кружке';

иллатив: вв. (Ан. Вочь Дер. Крч. П. Руч Ст. Устьн.) *кэрка* 'в дом', *кино* 'в кино', кя. *кэрку* 'в дом', *кабина* 'в кабину';

элатив: вв. (Ан. Вочь Дер. Крч. П. Руч Ст. Устьн.) *л'өмпу-с'* 'из черемухи', лл. (Об.) *мэста-с'* 'с места', мл. *лавка-с'* 'из магазина', кя. *ва-с'* 'из воды', вк. *армия-с'* 'из армии';

пролатив: вв. (Ан. Вочь Дер. Крч. П. Руч Ст. Устьн.) *көса-д* 'за косу';

терминатив: вв. (Ан. Вочь Дер. Крч. П. Руч Ст. Устьн.) *гол'а-дз* 'по шею', мл. *кэрка-дз* 'до дома'.

Алломорфное варьирование падежного суффикса распространяется и на посессивное склонение, ср. вв. (Вольд) *кэрка* 'в дом', *кэрка-м* 'в мой дом; в моем доме', *кэрка-д* 'в твой дом; в твоём доме', *кэрка-с* 'в свой дом; в своём доме'.

Появление падежных алломорфов, различающихся наличием / отсутствием инициального гласного, а также вокалического алломорфа / нулевого алломорфа связано с процессом отпадения конечных

гласных основы, последствиями которого явились многочисленные фонетические и морфологические инновации, в их числе появление корневых и служебных морфем на согласный и служебных морфем с инициальным гласным [Лыткин 1957: 74–75; Тепляшина 1978; Некрасова 2000: 54–61; Кельмаков 2003: 204–238]. В прапермский период отпадению подверглись гласные среднего подъема, ближе к концу общепермского языка началось отпадение узких гласных, интенсивно продолжившееся в пракоми языке. Процесс отпадения не коснулся гласного нижнего подъема **a*, который в удмуртском языке подвергся спорадической лабиализации [Лыткин 1957: 70–73; 1964: 239; Кельмаков 1993: 24–25, 28; 2004: 184–188; 216–230]. В свете вышесказанного представляется не столь невероятным предположение, что после основ, оканчивающихся на **a*, дольше могли сохраняться ранние формы падежных суффиксов. Учитывая ареал распространения алломорфов с инициальным согласным в удмуртском языке (общееудмуртское явление), их дистрибутивные свойства (сочетаемость с единичными существительными на *a*) и изменение частотности употребления (снижение частотности употребления в пользу стандартных суффиксов), можно предположить, что алломорфы с инициальным согласным в удмуртском языке могут быть унаследованы от раннеудмуртского (прапермского?) языкового состояния. В коми языке консонантные алломорфы имеют, скорее всего, более позднее развитие, они представлены в группе контактных диалектов, образование которых происходило в течение XV–XVIII вв. (о формировании коми диалектов см.: [ВВД: 5–6; ИД: 5; ПД: 3]). Появление алломорфов в коми языке обусловлено стяжением гласных при присоединении падежных формантов к двусложным и многосложным основам на гласный. Кроме того, процесс стяжения гласных, протекающий не только на стыке двух морфем, но и в пределах одной (корневой) морфемы, в диалектах протекает в разных направлениях и обусловлен разными причинами. В коми-язьвинском наречии он связан с ударением: отпадению подвержен безударный гласный, из двух безударных выпадает дистанционно более удаленный от ударного гласный [КЯД: 31]. В косинско-камском и верхневычегодском диалектах при стечении широкого гласного с узким выпадает узкий, при стечении огубленного и неогубленного – неогубленный [Дмитриева 1998: 32;

ВВД: 39–43]. Случаи стяжения гласных на стыке основы и суффиксальной морфемы наблюдаются также в отдельных говорах средне-сысольского, верхнесысольского и присыктывкарского диалектов, однако данное явление не распространяется на падежные суффиксы [ВСД: 27–28; ССД: 8; ПСД: 27]. В древнекоми текстах XIV–XVIII вв. стяжение гласных не отражается.

1.2. Алломорфы, различающиеся наличием / отсутствием согласного в анлауте, образовались в результате двух противоположных процессов: усечения и наращения согласного в анлауте суффикса.

1.2.1. Алломорфы, образованные в результате усечения согласного, имеют показатели генитива, датива, аппроксиматива, аблатива в некоторых южных коми-пермяцких (нижнеиньвенском, кудымкарско-иньвенском) диалектах. Присоединяясь к основам на согласный, суффиксы сохраняют исходную структуру CV(C), после основ на гласный происходит утрата инициального согласного суффикса – $л > в > \emptyset$:

генитив: ни. ки. *кага-өн* ‘у ребенка’, *д’эд-вён* ‘у деда’; онк. *мам-лөн* ‘у матери’, *бал’а-лөн* ‘у овцы’;

аблатив: ни. ки. *катша-ис’* ‘у сороки’, *ай-мам-вис’* ‘у родителей’; онк. *Кол’а-лис’* ‘у Коли’, *вон-лис’* ‘у брата’;

датив: ни. ки. *вон-вё* ‘брату’, *ин’ка-ё* ‘жене’; онк. *пон-лө* ‘собаке’;

аппроксиматив: ни. ки. *ты-ан’* ‘в сторону озера’, *төв-ван’* ‘к зиме’; онк. *рыт-лан’* ‘к вечеру’.

В отдельных средневосточных удмуртских говорах схожие алломорфы присущи показателям генитива и аблатива, в шарканском говоре также показателю датива. Развитие алломорфов связано с качеством и позиционным условием употребления $л (> \ddot{y})$. После основ на гласные *а, о, э* наблюдается выпадение согласного $л (> \ddot{y})$ суффикса, далее – ассимиляция оказавшихся рядом гласных, в остальных случаях согласный и гласный суффикса сохраняются [Бушмакин 1970: 107–108; Бушмакин 1971: 212–213; Кельмаков 1998: 98]:

генитив: св. *anna-ʃan* ‘у Анны’, *viko-ʃon* ‘у мельницы’, *nene-ʃen* ‘у матери’;

аблатив: св. *marja-ʃas* ‘у Марии’, *kuno-ʃos* ‘у гостя’;

датив: св. *apa-ʃi ~ apa-wi* ‘старшей сестре’, *kuno-ʃi ~ kuno-wi* ‘гостю’; *eke-ʃi ~ eke-wi* ‘парню’.

В коми-пермяцких и удмуртских диалектах суффиксы общепермских падежей претерпевают сходные изменения, следствием чего явилось образование одинаковых по структуре алломорфов. Начало синтагматических изменений фонемы *л* в коми диалектах относится к XVII–XVIII вв. [Лыткин 1957: 119–121; Баталова 1982: 59]. Время и причины возникновения варьирования согласных *л* ~ *ў* в отдельных удмуртских диалектах остаются невыясненными [Кельмаков 1993: 44–45; Кельмаков 1998: 99]. Сходные алломорфы в диалектах родственных языков возникли в результате независимого параллельного развития.

1.2.2. Алломорфы, образованные путем наращения согласного, имеют в удмуртском языке аккузатив (-*эз* ~ -*ез*), инструменталь (-*эн* ~ -*ен*), иллатив (-*э* ~ -*е*), пролатив (-*эти* ~ -*ети*). После основ на согласный выступают алломорфы с инициальным гласным, после основ на гласный – алломорф с инициальным согласным *й*, исторически эпентетическим согласным¹. Появление алломорфа с инициальным согласным *й* обусловлено тенденцией к устранению зияния гласных:

аккузатив: удм. *гурт-эз*, *гурт* ‘деревню’, *бусы-ез*, *бусы* ‘поле’;

инструменталь: удм. *гурт-эн* ‘деревней’, *бусы-ен* ‘полем’; *пунь-ен* ‘с собакой’;

иллатив: удм. *гурт-э* ‘в деревню’, *бусы-е* ‘в поле’;

пролатив: удм. *гурт-эти* ‘по деревне’, *бусы-ети* ‘по полю’; *укно-эти* ‘через окно’.

В диалектах алломорфы с инициальным согласным *й* имеют также инессив, элатив, эгрессив и терминатив:

¹ Вставочные согласные не имеют самостоятельного значения, поэтому в соответствии с принципами морфемного членения они должны быть отнесены либо к корню, либо к суффиксу. Критерием отнесения вставочной фонемы к суффиксу в удмуртском языке может быть появление вставочной фонемы в словоформах при однотипных корневых морфемах с одним и тем же суффиксом. Разные вставочные согласные при однотипных морфемах с одним и тем же суффиксом являются уцелевшим сегментом корня или появились по аналогии [Лыткин 1957: 76–81], поэтому такие согласные рассматриваются как сегмент корня, например: кз. *пон* ‘собака’ – *понй-ён* ‘с собакой’, кз. удм. *син* ‘глаз, глаза’ – кз. *синм-ён*, удм. *синм-ын* ‘глазами’, кз. *кос*, удм. *кус* ‘поясница’ – *коск-ё висё*, удм. *куск-ы висе* ‘поясница моя болит’.

инессив: *гурт-ын* ‘в деревне’, юж. *пурти-йън* ‘в котле’, *булда-йън* ‘в Булде’; кукм. *буси-йън* ‘в поле’; бавл. *ин'ти-йын* ‘на место’ [Кельмаков 1998: 225; 226; 255; 259];

элатив: бес. *d'erl'i-jøs'* ‘из грязи’, *brigada-jøs'* ‘из бригады’, *ukno-jøs'* ‘из окна’, *kniga-jøs'* ‘из книги’ [Тепляшина 1970: 158–159], бавл. *purti-jis'* ‘из котла’ [Тараканов 1998: 43];

эгрессив: бес. *selo-jøs'en* ‘от села’, *səbota-jøs'en* ‘с субботы’, *prolka-jøs'en* ‘от переулка’ [Тепляшина 1970: 159]; бавл. *purti-jis'en* ‘от котла’ [Тараканов 1998: 43];

терминатив: бес. *uls'a-joz'* ‘до улицы’, *uzan'n'i-joz'* ‘до места работы’, *s'ereda-joz'* ‘до среды’ [Тепляшина 1970: 159], бавл. *purti-jos'* ‘до котла’ [Тараканов 1998: 43].

Сходные по структуре алломорфы присущи показателям других грамматических категорий существительного – числа и посессивности. Морфема множественного числа представлена двумя алломорфами: алломорф *-ос* выступает после основ на гласный, алломорф *-ёс* – после основ на согласный: *корка-ос* ‘дома’, *адями-ос* ‘люди’, *гуртъ-ёс* ‘деревни’, *валь-ёс* ‘лошади’. В отдельных говорах «консонантный» алломорф распространяется также на основы с конечным гласным: бт. *кыно-йос*, *күно-йос* ‘гости’, кркм. *пи-йос* ‘сыновья’, *корка-йос* ‘дома’, сч. *ad'ami-jos* ‘люди’ [Карпова 1997: 81; Кельмаков 1998: 115–116]. В двух алломорфах выступают и посессивные суффиксы (с огласовкой э) единственного числа обладателя: после основ на конечный гласный употребляется алломорф с инициальным согласным *й*, после основ на конечный согласный – алломорф с инициальным гласным:

-е: *куно-е* ‘мой гость’, *куно-ед* ‘твой гость’, *куно-ез* ‘его гость’;

-э: *гурт-э* ‘моя деревня’, *гурт-эд* ‘твоя деревня’, *гурт-эз* ‘его деревня’.

По дистрибутивным свойствам алломорфы падежных и посессивных суффиксов отличаются от алломорфов множественного числа: алломорф показателя множественности с инициальным согласным присоединяется к основам с конечным согласным, тогда как сходные по структуре падежные и посессивные алломорфы употребляются после основ с конечным гласным. Расхождения объясняются разным источником согласного *й* в алломорфах. В падежных

и посессивных показателях он диахронически является вставочным согласным, который, слившись с падежным и посессивным суффиксами, выступает как сегмент алломорфа; в суффиксе множественности он исконный (о происхождении суффикса множественности см.: [Лыткин 1977: 17; Rédei 1988: 379; 1997: 82; Csúcs 2005: 171]).

В отличие от удмуртского языка, в коми литературных языках неэтимологический согласный на стыке основы и падежного суффикса не появляется, но такое явление обнаруживается в большинстве коми-зырянских диалектов и коми-язьвинском наречии. Между основой и падежным суффиксом могут появляться согласные *й*, *л* и *в*: а) согласный *й* после основ на переднерядный гласный. В коми-язьвинском наречии его вставка наблюдается также после основ на заднерядный гласный; б) согласный *в* после основ на гласный переднего ряда, чаще всего после основ на огубленные гласные *у*, *о*; в) согласный *л* (непоследовательно) в эловых говорах верхневычегодского диалекта после единичных корневых морфем на огубленный гласный [ВВД: 37–39, 61; КЯД: 31–32; ЛЛД: 30–31; НВД: 21; ПД: 14; ПСД: 31; ССД: 21–22]:

иллатив: кя. *кэрку-йӧ* ‘в избу’, скр. (В.) *би-йӧ* ~ *би-йэ*, печ. *би-йӧ* ‘в огонь’, вв. (Вочь, Руч) *му-вэ* ‘в землю’;

инструменталь: кя. *пу-йӧн* ‘деревом’, *кага-йӧн* ‘ребенком’, скр. (В.) *ки-йӧн* ~ *ки-йэн* ‘руками’, вв. (Крч.) *ди-йэн*, (Вочь, Руч) *лу-вэн* ‘костью’;

инессив: печ. *д'этийас'л'и-йын* ‘в детских яслях’, нв. *гу-вын* ‘в берлоге’, вв. *ки-йин* ‘в руках’, (Вочь, Руч) *му-вин* ‘в земле’;

пролатив: кя. *бөрөзда-йӧт* ‘по борозде’, сс. *йурс'и-йӧд-ыс* ‘за волосы’, вв. (Вочь, Руч) *му-вэд* ‘по земле’;

терминатив: вв. (Дон, Укл.) *во-лэдз* ‘до года’.

В древнекоми письменных источниках вставка эпентетического согласного не получила отражения. Ш. Чуч не исключает возможность появления согласного *j* между основой на гласный и суффиксом с инициальным гласным уже в эпоху прапермского языка [Csúcs 2005: 169–170].

1.3. Алломорфы, различающиеся количественной характеристикой фонемы анлаута.

1.3.1. Алломорфы со структурой CV(C) / CCV(C), различающиеся наличием одиночного / двойного согласного в анлауте,

имеют поверхностно-местные падежи в южных коми-пермяцких (кудымкарско-иньвенском, нижеиньвенском, оньковском, нердвинском) диалектах. Алломорфы с инициальной геминатой употребляются после основы на гласный, алломорфы с инициальным одиночным согласным – после основы на согласный [Баталова 1982: 94; Баталова 1990: 81–83; Баталова 1995: 74–76; Баталова 2002: 68–70]:

суперэссив: ни. ки. *ки-ввын* ‘на руках’, *кӧз-ввын* ‘на ели’; оньк. нерд. *пу-ллын* ‘на дереве’, *кок-лын* ‘на ногах’;

суперэлатив: ни. ки. *му-ввис’* ‘с земли’, *йур-вис’* ‘с головы’; оньк. нерд. *ва-ллис’* ‘с поверхности воды’, *гор-лис’* ‘с печки’;

суперлатив: ни. ки. *л’ӧмпу-ввӧ* ‘на черемуху’, *кымӧс-вӧ* ‘на лоб’; оньк. нерд. *кага-ллӧ* ‘на ребенка’, *гор-лӧ* ‘на печку’;

суперпролатив: ни. ки. *с’у-ввӧт’* ‘по зерновым’, *турун-вӧт’* ‘по траве’; оньк. *шогди-ллӧт’* ‘по пшенице, по пшеничному полю’, *ыб-лӧт’* ‘по полю’;

супертерминатив: ни. ки. *му-ввӧдз* ‘до (поверхности) земли’, *пос-вӧдз* ‘до моста’; оньк. *пу-ллӧдз* ‘до (поверхности) дерева’, *вӧр-лӧдз* ‘до (поверхности) леса’;

альгитерминатив: ни. ки. *гол’а-ви* ~ *гол’а-вви* ‘до шеи’, *ныр-ви* ‘до носа’.

В оньковском диалекте действует тенденция к унификации падежных суффиксов: для всех типов основ обобщаются алломорфы, характерные для основ на согласный: оньк. *ва-ллын* ~ *ва-лын* ‘на воде’, *ва-ллӧ* ~ *ва-лӧ* ‘на воду’ [Баталова 1982: 94]. Формирование алломорфов поверхностно-местных падежей имело, скорее всего, морфологические причины. Представляется, что показатели поверхностно-местных падежей могли развить алломорфы, подобные алломорфам генитива, аблатива, датива и аппроксиматива, т. е. присоединяясь к основам на гласный, суффиксы должны были бы утратить начальный согласный. В результате отпадения этого согласного появился бы ряд омонимичных падежных суффиксов, напр., омонимичными могли стать показатели суперлатива и иллатива, суперпролатива и пролатива, супертерминатива и терминатива и др. Поэтому в целях сохранения морфологической самостоятельности падежей произошло удвоение согласного в интервокальной позиции. Функционирование двух *-вв-* в интервокальной позиции не противоречит фонетическим

закономерностям кудымкарско-иньвенского и нижеиньвенского диалектов. Аналогично можно объяснить процесс появления алломорфов в эловых диалектах – в оньковском и нердвинском.

1.3.2. Алломорфы, различающиеся инициальным кратким / долгим гласным (VC / VVC), имеет терминатив в говоре с. Нившера верхневычегодского диалекта. Оба алломорфа могут употребляться после основ на согласный: вв. (Н.) *кад-ээдз* ‘до времени’, *кар-ээдз* ‘до города’, *л’одзэдз-ээдз* ‘в валы’, *арэс-эдз* ‘до года’; алломорф *-ээдз* обладает бóльшей частотностью, чем *-эдз*: вв. (Н.) *Пидзэс-эдз лым* ‘Снег по колено’; *Сапэгис пидзэс-ээдз-ис* ‘Сапоги до колен’ [ВВД: 75]. После основ на гласный выступает алломорф с ассимилировавшимся гласным, при этом гласный основы и суффикса фонетически образуют дифтонг: *вичко-эдз* > *вичко-одз* ‘до церкви’. Суффикс терминатива с долгим гласным засвидетельствован также в структуре адвербиальных местоимений в среднесыольском диалекте: *сэт’чööдз* ‘до того места’, *кытчööдз* ‘до какого места’ [Сажина 2004:105]. Говор с. Нившера относится к нуль-эловым верхневычегодским говорам, для которых характерно наличие долгих гласных как в первом, так и в непервом, а также в открытых и закрытых слогах, причем долгий или полудолгий гласный перетягивает на себя лексическое ударение: вв. (Н.) *йшкыы* ‘ость (ячменя)’, *аскыы* ‘завтра’, *ваа* ‘в воду’ [ВВД: 71]. Кроме того, говору присуще явление регрессивной и прогрессивной ассимиляции смежных гласных на стыке двусложной основы и суффикса: *мöйму-эдз* > *мöймэ-эдз* ‘до прошлого года’, *коми-эн* > *комэ-эн* ‘по-коми’ [ВВД: 25]. Результатом обоих видов ассимиляции смежных гласных, гласных основы и суффикса, является развитие долгих гласных в непервом слоге слова. Несмотря на то, что гласные относятся к разным морфемам, ассимиляция меняет ритмико-слоγοобразующий характер слова. Функционирование суффикса с долгим гласным поддерживается фонологией и акцентуацией говора. По предположению Й. Буденца, алломорф с долгим гласным является древним формантом терминатива, который образовался в результате слияния суффикса иллатива и одного из вариантов слова *водз/одз* ‘передняя часть’ [Серебрянников 1963: 105]. С. А. Сажина полагает, что вариант с двумя гласными мог возникнуть аналогично эгрессивному суффиксу *-ыс’öдз* в результате слияния суффиксов ил-

латива и терминатива [Сажина 2004: 105], что могло иметь место, по крайней мере в случае местоименных наречий, которым свойственно наращение суффиксов.

1.4. Алломорфы со структурой $C_1V(C) / C_2V(C)$, различающиеся качеством инициального согласного, зафиксированы в отдельных коми-пермяцких и удмуртских диалектах.

В оньковском диалекте изменению подвергается согласный *в* в суффиксе альтитерминатива. Суффикс *-ви*, представленный также в других коми-пермяцких диалектах, присоединяется к основе на согласный, суффикс *-ли* – к основе на гласный [Баталова 1990: 83]:

-ви: *кос-ви* ‘до пояса’, *кынём-ви* ‘до живота’;

-ли: *тишõка-ли* ‘до щеки’.

Согласно исследованиям Р. М. Баталовой, в оньковском диалекте согласный *в* выступает только в анлаутной позиции слова, в других позициях он не встречается, что объясняется тенденцией замены согласного *в* фонемой *л* во всех позициях слова [Баталова 1982: 79–80; 1990: 25]. Следовательно, появление алломорфа *-ли* связано с закономерностью употребления фонем *в* и *л* в диалекте. Замена согласного *в* на *л* в суффиксе только после основ на гласный и его сохранение после основ на согласный обусловлены интервокальным положением согласного в структуре слова, что в настоящее время характерно для северных диалектов и литературного языка: кп. *ныл-ыс* ‘его дочь, его девушка’, но *ныв* ‘дочь, девушка’, *ныв-лõн* ‘у дочери, у девушки’.

В шошминском, буйско-таныпском говорах удмуртского языка алломорфы, различающиеся качеством инициального согласного, имеют аблатив, генитив, датив. Присоединяясь к основам на гласный, суффиксы сохраняют инициальный согласный *л* либо он переходит в согласный *й*, после основ на согласный инициальный согласный *л* замещается носовым согласным *н* [Насибуллин 1973: 13; 17; Кельмаков 1998: 121]:

генитив: лит. *Петыр-лэн*, шошм. *Пэтыр-нэн* ‘(у) Петра’;

аблатив: лит. *кый-лэсь*, шошм. *кый-нйс* ‘у змеи (взять)’, бт. *зйя-нэс* ‘от запаха’;

датив: лит. *турын-лы*, шошм. *т^урэм-ны* ‘траве’, ‘за сеном’, бт. *с’ит-нй* ‘глазу’.

Как свидетельствуют диалектные материалы, изменение происходит не очень последовательно, ср. примеры шошм. *кыл-лэс* ‘от

слова', бт. *туган'н'осыз-лэн* 'у родственников', *потэмэз-лэс' аз'ло* 'до отправления' [Кельмаков 1998: 244; 263]. Выказывалось мнение, что замена согласного *л* носовым *н* в суффиксах аблатива, генитива, датива имеет фонетические причины [Насибуллин 1973: 3; Кельмаков 1998: 121]. Аналогичное явление зафиксировано в марийском языке [Грузов 1965: 222–223], что позволяет рассматривать изменение согласного *л* как инновацию, вызванную контактами.

1.5. Качество согласного и гласного ауслата основы и падежная морфема. В коми диалектах суффиксальные морфемы с вокалическим анлаутом могут быть представлены алломорфами, имеющими гласные *э ~ ё* и *ы ~ и*. Выбор алломорфа определяется качеством конечного согласного (велярный / палатальный) и гласного (переднерядный / непереднерядный) основы. После основ на велярный согласный и непереднерядный гласный употребляются алломорфы с гласными *ё* и *ы*, после основ на палатальный согласный и переднерядный гласный – алломорфы с гласными *э* и *и*. Данный тип алломорфного варьирования образует островные ареалы в смежных территориально-языковых разновидностях: жешартско-гамский говор нижневычегодского диалекта, говоры сел Половники и Кошки вымского диалекта и говор с. Шошка присыктывкарского диалекта: вым. (Пол. К.) *t'i-ed* 'за руку', *ji-in* 'во льду' [Ляшев 1977: 29, 31], нв. *би-ис'* 'из огня', *t'u-эн* 'руками', *н'ан'-эн* 'хлебом' [Сорвачева 1966: 35, 36; НВД: 20], скр. *чэл'ад'-эн* 'с детьми', *йёл-ён* 'молоком', *туй-эд* 'по дороге', *дод'д'-ин* 'в санях' [ПСД: 19–25]. Вариативные суффиксы с огласовкой *и* и *э* спорадически появляются в среднесыольском диалекте: *кэрка-ын* 'в доме', *кыдздз-ис'* 'из берёзы', *вёл-ён* 'на лошади', *бэд'д'-эн* 'палкой' [ССД: 11–13], в говорах Сыктывкара и близлежащих населенных пунктов (Тентюково, Слобода, Вильгорт, Зеленец) присыктывкарского диалекта: скр. *пин'-ён ~ пин'-эн* 'зубами', *пэл'-ёд ~ пэл'-эд* 'за уши', *ки-ын ~ ки-ин* 'в руках', *н'ан'-ён* 'хлебом', *пан'-ён* 'ложкой', *тупыл'-ын* 'в клубке', *пыз'-ыс'* 'из муки' [ПСД: 19–25].

В *нуль-л-овых* (села Усть-Кулом, Мыелдино), *л-овых* (села Керчемья, Вочь) и в переходных (с. Помоздино) говорах верхневычегодского диалекта наметилась тенденция к употреблению гласных *ё* и *ы* после основ на велярные согласные и непереднерядные гласные. Причиной таких изменений могут быть делабиализация среднерядных гласных *ё* и *ы* первого слога, а также влияние литературного

языка и смежных диалектов. В *в-л-овых* говорах этого диалекта сохраняются суффиксы с гласными *э* и *и*.

2. Ассимиляция гласного падежной морфемы. Установлено, что в результате разрушения корреляции гласных по признаку палатальности / велярности и отпадения конечных гласных основы гармония к концу прапермского периода была полностью утрачена [Кельмаков 1993: 29]. Между тем в некоторых диалектах пермских языков зафиксированы явления контактной и дистантной ассимиляции, которые повлияли на появление падежных алломорфов.

При контактной ассимиляции происходит уподобление смежных звуков, в случае падежных формантов это языковое явление проявляется в уподоблении инициального гласного суффикса конечному гласному основы. Падежный суффикс со структурой V(C) может быть представлен двумя и более алломорфами, различающимися качеством гласного. Случаи контактной ассимиляции зафиксированы в ряде коми-зырянских диалектов – в верхневычегодском, печорском, ижемском и среднесыольском. Довольно последовательно ассимиляция представлена в мыелдинском, нившерском и усть-куломском говорах верхневычегодского диалекта. Изменение гласного суффикса отмечается после основ на широкий (*a*) и огубленные (*o*, *y*) гласные [ВВД: 74–75], в других диалектах – только после основ на гласный *a* или *o* и *a*. В говорах сел Вотча, Ыб, Палауз, Куратово среднесыольского диалекта гласные *ö* и *ы* суффиксов ассимилируются гласным *a* основы [ССД: 8]. В печорских говорах отмечена ассимиляция гласного *ö* (*э*) суффикса конечными гласными *a* и *o* основы, в говорах сел Савинобор, Подчерья, Дутово возможна также ассимиляция гласного *ы* (*и*) гласным *a* основы [ПД: 15]. В ижемском диалекте гласный *э* суффикса уподобляется конечными гласными *a* и *o* основы, ассимиляция гласного *ы* зафиксирована только в говоре с. Мохча [ИД: 34–35]. В результате ассимилятивного воздействия гласного основы на гласный суффикса появились падежные алломорфы с гласными *ö ~ э ~ a ~ o ~ y* и *ы ~ и ~ a ~ o ~ y*:

аккузатив: вв. (М. Н. Укл.) *бал'а-ас* ‘овцу’, *с'эл'по-ос* ‘сельпо’, *кöч-эс* ‘зайца’; иж. *авко-ос* ‘домашнего оленя’;

инструменталь: печ. *кэрка-ан* ‘домом’, *с'ис'к-өн* ‘свечой’, иж. *чарла-ан* ‘серпом’, *пурт-эн* ‘ножом’, вв. (М. Н. Укл.) *лача-ан* ‘с надеждой’, *во-он* ‘годом’;

инессив: иж. печ. вв. (М. Н. Укл.) *кэрка-ан*, сс. *бõчка-ан* ‘в бочке’, печ. сс. *вõр-ын* ‘в лесу’, вв. (М. Н. Укл.) *с’эл’но-он* ‘в сельпо’, *му-ун* ‘на земле’, *би-ин* ‘в огне’;

элатив: печ. *Эжва-ас’* ‘с Вычегды’, *горт-ыс’* ‘из дома’, вв. (М. Н. Укл.) *во-ос’* ‘из года’, *му-ус’* ‘из земли’;

иллатив: печ. *кэрка-а* ‘в дом’, *во-о* ‘в году’, иж. *лафка-а* ‘в магазин’, *вичко-о* ‘в церковь’, сс. *лавка-а* ‘в магазин’, *вõр-õ* ‘в лес’; вв. (М. Н. Укл.) *с’эл’но-о* ‘в сельпо’, *вõр-э* ‘в лес’;

терминатив: вв. (М. Н. Укл.) *с’эл’но-одз* ‘до сельпо’; *гол’а-адз* ‘по шею’, *вõр-эдз* ‘до леса’;

пролатив: вв. (М. Н. Укл.) *ва-ад* ‘по воде’, *туй-эд* ‘по дороге’.

Единичные примеры, отражающие ассимиляцию гласных на стыке корневой и суффиксальной морфем, обнаружены в текстах, записанных на нижневычегодском диалекте (Коквицы, Слудка) в середине прошлого века: нв. (Кок.) *нэл’са-а* ~ *нэл’са-э*, (Сл.) *гу-ун* ‘в яме’ [Сорвачева 1966: 41, 42; ОКЗР: 37]. В коми письменных источниках XIV–XIX вв. ассимиляция не нашла отражения.

В коми-пермяцких диалектах, за исключением верхнекамского наречия, контактная ассимиляция гласных не зафиксирована [Баталова 1982: 31–38]. В верхнекамском наречии отмечена спорадическая ассимиляция гласных *õ* и *ы* суффикса конечным гласным *а* основы: вк. *зыбка-ын* ‘в люльке’, *выл’ т’эрка-ан* ‘в новом доме’, *д’эрэвн’а-õ* ‘в деревню’, *сийа пõра-а* ‘в эту пору’ [Сажина 2012: 191].

Дистантная ассимиляция, или гармония, представлена только в татышлинском говоре удмуртского языка, где в зависимости от велярной / велярно-палатальной огласовки предшествующего слога сформировались два варианта суффиксов *-lã/-lã*: *už-lã* ‘работе, делу’, *vü-lã* ‘воде’; *-ãn/-ãn*: *gur-ãn* ‘в печи’, *kür-ãn* ‘в лубке’ [Кельмаков 1993: 30; 2004: 240]. Предполагается, что данное явление возникло в период самостоятельного развития говора под влиянием татарского языка [Кельмаков 1975: 39–42; 1993: 30; 1998: 73].

Случаи сингармонизма зафиксированы в ряде говоров нижневычегодского диалекта. В палевицко-пожегодском и часовском говорах с лексемами, имеющими в первом слоге слова переднерядный гласный, как правило, употребляются суффиксы с гласными переднего ряда *и*, *э*: *т’и-ин* ‘в руке’, *с’ин-сэ* ‘глаза’, *би-тэ* ‘огонь твой’, *мэ-эн*

‘мною’ [НВД: 20]. В древнекоми текстах, написанных на нижневычегодском диалекте, такое явление не отражается. В этой связи следует заметить, что почти в большинстве коми-зырянских диалектов отмечены случаи лабиальной ассимиляции в пределах двусложной корневой морфемы, напр.: вс. вым. лл. нв. скр. сс. уд. *вурун*, иж. *вурын*, вв. (Бог. Крч.) *вурин* ‘овечья шерсть’; вв. (Крч.) вс. вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. *турун*, иж. *турын*, вв. *турин* ‘трава’; иж. *лудук*, вв. лл. печ. скр. сс. *лудик*, вс. вым. нв. уд. *лудык* ‘клоп’ [ССКЗД: 70; 382; 205]. Схожая лабиальная ассимиляция зафиксирована в севернудмуртских диалектах [Карпова 2018: 122] и бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 70; Люкина 2016: 44]. Явление, напоминающее лабиальную гармонию в восточном и луговом диалектах марийского языка, засвидетельствовано в некоторых говорах (антипинском, паршаковском) коми-язвинского наречия. Под влиянием гласных *у* и *ү* предшествующего слога ударный гласный *ө* в падежных суффиксах переходит в гласный *о*: *рүч-ос* ‘лису’, *рүч-ло* ‘лисе’, *сур-он* ‘пивом’, *би-төг* ‘без огня’, *д’ид-ө* ‘в хлев’ [КЯД: 32–33].

Таким образом, появление алломорфов падежных морфем в пермских языках обусловлено действием разных факторов. Основным и доминирующим фактором является характер ауслота основы – согласный (велярный/палатальный) / гласный (переднерядный/непереднерядный). Этот фактор регулирует появление большинства типов алломорфов. Алломорфии подвержены падежные суффиксы с инициальным гласным и суффиксы с согласным *л* (*ө*). Падежный показатель, имеющий консонантный анлаут, за исключением суффиксов с инициальным согласным *л* (*> ө*), не проявляет связи с основой: после всех типов основ употребляются стандартные суффиксы. Действие этого фактора в разных ареалах пермского континуума неодинаково и имеет различные результаты.

Общепермскими являются алломорфы, различающиеся наличием / отсутствием инициального гласного, при этом в удмуртском языке действует тенденция к снятию алломорфного варьирования, выравнивание осуществляется в пользу стандартного суффикса. В коми языках алломорфное варьирование падежных суффиксов носит локальный характер, затрагивая преимущественно смежные диалекты и говоры. Сходные разновидности алломорфов имеют па-

дежные суффиксы в отдельных коми-зырянских, севернопермяцких (косинско-камском, мысовско-лупьинском) диалектах, верхнекамском и коми-язьвинском наречиях. Между тем типы алломорфов, представленные в южных коми-пермяцких диалектах, не зафиксированы в других диалектных зонах распространения пермских языков. В ряде окраинных коми-зырянских диалектов (в верхнесысольском, вымском (кроме говоров сел Кошки и Половники), удорском, лузско-летском (кроме говоров сел Объячево и Прокопьевка)) падежные суффиксы не подвержены алломорфии.

В удмуртском языке взаимодействие основы и падежного показателя проявляется более последовательно. Общеудмуртскими являются алломорфы, различающиеся наличием / отсутствием инициального согласного *й*, а также наличием / отсутствием инициального гласного, остальные типы алломорфов представлены в южной диалектной зоне.

Основные типы морфонологического взаимодействия основы и падежного суффикса с указанием диалектов наглядно представлены в следующих схемах.

Алломорфное варьирование суффиксов в зависимости от ауслаута основы (гласный/согласный)

Основа	Суффикс	верхневычегодский (эловые, вэ-эловые и смешанные говоры, а также говоры сел Дон и Усть-Нем), лузско-летский (говоры сел Объячево, Прокопьевка), косинско-камский, мысовско-лупьинский диалекты,
CV	С (< VC)	
CV	∅ (< V)	

верхнекамское и коми-язьвинское наречия (*аккузатив, инструменталь, инессив, иллатив, элатив, пролатив, терминатив*), удмуртские диалекты (спорадически) (*инструменталь, инессив, иллатив, элатив*)

Основа	Суффикс	нижнеиньвенский, кудымкарско-иньвенский диалекты (<i>генитив, аблатив, датив, аппроксиматив</i>), средневосточные говоры (<i>генитив, аблатив, датив</i>)
CVCV	CV(C)	
CVC	V(C) (< CV(C))	

Основа	Суффикс	кудымкарско-иньвенский, нижеиньвенский, оньковский, нердвинский диалекты (<i>поверхностно-местные падежи</i>)
CVCV	CCV(C) (< CV(C))	
CVC	CV (C)	

Основа	Суффикс	оньковский диалект (<i>альтитерминатив</i>), шошминский, буйско-таньпский говоры (<i>генитив, аблатив, датив</i>)
CVCV	C ₁ V	
CVC	C ₂ V	

Вторым фактором является ассимиляция гласным основы гласного суффикса. Ее действие проявляется в развитии типологически стандартных алломорфов, различающихся только огласовкой, что характерно для отдельных коми-зырянских и удмуртских диалектов.

Что касается хронологии развития фонетически обусловленных алломорфов, то начало их формирования следует отнести к периоду прапермского языка. Основной причиной изменения структуры падежных морфем явилось отпадение конечных гласных корневых и суффиксальных морфем. В финно-угорском праязыке корневые морфемы оканчивались на гласный, большинство суффиксальных морфем имели структуру CV, их алломорфы различались качеством гласного, что было обусловлено гармонией гласных, напр., аблатив *-ta/*-tä, локатив *-na/*-nä [Основы 1974: 232; Хайду 1985: 216–217]. Представляется, что с отпадением конечных гласных основы нарушалась ритмико-слоговая структура слова, что вызывало структурную перестройку суффиксальных морфем и появление алломорфов, различающихся не только качественным, но и количественным составом фонем. Падежные суффиксы со структурой CV претерпели два типа фонетических изменений: усечение конечной гласной, что привело к образованию алломорфов со структурой C, и наращение гласной в анлаут суффикса, следствием чего явился алломорф со структурой VC [Лыткин 1964: 239]. Структурные преобразования корневых и суффиксальных морфем могли привести к развитию противопоставления склонения имен, оканчивающихся на гласный, и имен, оканчивающихся на согласный. После основ на согласный мог выступать алломорф со структурой VC, после основ на гласный – алломорф со структурой C(VC). Преобладание корневых морфем

со структурой CVC позднее привело к выравниванию по аналогии в пользу суффиксов с инициальным гласным. Такие суффиксы начали доминировать, постепенно вытесняя алломорфы с инициальным согласным, и употребляться при всех типах субстантивных основ. В современных пермских языках прослеживаются разные рефлексy прафинно-угорских / прапермских падежных суффиксов, отражающие процесс их постепенного преобразования:

*CV > C / VC: ф.-у. локатив *-na/*-nä > инессив к. сэ-н 'там', та-н 'здесь', к. удм. -ын: ки-ын 'в руке';

*CV > CV / C ~ VC: прап. элатив *-s'V: кз. -с'ы: вөр-с'ы-с 'из того леса'; -с': сэ-с' 'оттуда', та-с' 'отсюда'; -ыс': кз. вөр-ыс', удм. н'улэск-ыс' 'из леса'.

В процессе развития пермских языков постепенно менялся характер взаимодействия между основой и падежным суффиксом. Если в прафинно-угорском (прафинно-пермском) языке это взаимодействие заключалось в уподоблении гласных падежных морфем вокализму корневой морфемы по признаку палатальности / веллярности, то в (поздне)прапермское время вследствие отпадения конечных гласных основы и суффикса происходит развитие новых типов суффиксальных и корневых морфем. Тенденция к распределению падежных алломорфов в зависимости от качества ауслота основы, наблюдаемая в современных пермских языках, однозначно имеет инновационный характер, так как в диалектах представлены разные типы алломорфов, появление которых обусловлено разными причинами. Возникновению алломорфов способствовали и внутренние предпосылки, унаследованные языками от их более раннего состояния.

Материал пермских языков представляет интерес в свете соответствий в других финно-угорских языках. В исследовании не ставится цель детального рассмотрения особенностей субстантивного склонения в финно-угорских языках, здесь и далее будет приведен материал, представленный в основном в описательных грамматиках.

В прибалтийско-финских, саамском, обско-угорских языках морфонологическое выражение взаимодействия основы и падежной морфемы легло в основу выделения типов склонения. Наибольшее количество типов представлено в прибалтийско-финских и саамском

языках¹, причем для одного и того же языка предложены различные морфонологические классификации. Количество выделяемых в языках типов склонения варьируется в зависимости от параметров классификации, в качестве которых используются преимущественно тип основы и структура суффикса [Зайцева 1981а: 207–228] или комплекс параметров [Маркус 2008; Blevins 2008]. В саамском языке морфологическим выражением падежа является суффикс и внутренняя флексия или только внутренняя флексия [Керт 1971: 143–155; Керт 1993: 142]. Субстантивное склонение прибалтийско-финских и саамского языков характеризуется развитием флективных черт, но в целом оно сохраняет морфологический характер [Основы 1975: 48–53; 218]. Интерес представляет морфологическое выражение падежей в ливском языке: каждый падеж представлен несколькими алломорфами, которые различаются огласовкой и структурой (CV, C, VC) [Вийтсо 1993: 85] (см.: склонение слов *pū* ‘дерево’, *sukā* ‘чулок’, *póis* ‘мальчик’, *läpš* ‘ребёнок’, *kuo'd* ‘дом’ (примеры предоставлены Т.-Р. Вийтсо²):

номинатив	<i>pū</i> ‘дерево’	<i>sukā</i> ‘чулок’	<i>póis</i> ‘мальчик’	<i>läpš</i> ‘ребёнок’	<i>kuo'd</i> ‘дом’
датель	<i>pūn</i>	<i>sukān</i>	<i>póisōn</i>	<i>läpsōn</i>	<i>kuo'ddon</i>
инструменталь	<i>pūkōks</i>	<i>sukāks</i>	<i>póisōks</i>	<i>läpsōks</i>	<i>kuo'dkōks</i>
инессив	<i>pūs(ō)</i>	<i>sukās</i>	<i>póisōs</i>	<i>läpsōs</i>	<i>kuo'dsō</i>
элатив	<i>pūst(ō)</i>	<i>sukāst</i>	<i>póisōst</i>	<i>läpsōst</i>	<i>kuo'dstō</i>

Падежные алломорфы (ср. инессив *-sō*, *-s*, *-ōs*, элатив *-stō*, *-st*, *-ōst*), различающиеся фонемным составом, напоминают суффиксы пермских языков (ср. элатив кз. *-сьы-*: *керка-сьы-с* ‘из своего дома’ *-ысь*: *керка-ысь* ‘из дома’, *сэ-сь* ‘оттуда’).

В волжских языках морфонологические типы склонений не выделяются, но при описании субстантивного склонения указывается зависимость падежной морфемы от качества ауслата основы – вока-

¹ В вепском языке выделяется 17 типов, некоторые из них разделены на подтипы, в тихвинском говоре карельского языка – 14 типов, в саамском языке – 11 [Керт 1971: 143–156; Рягоев 1977: 65–81; Зайцева 1981а: 207–228].

² Автор выражает благодарность профессору Тартуского университета (Эстония) Т.-Р. Вийтсо за консультацию по ливскому языку (устное сообщение, 2010 г.).

лический/консонантный и изменяемый/неизменяемый. В марийском языке падежные алломорфы различаются огласовкой и составом (наличием/отсутствием анлаутного гласного) в зависимости от качества ауслата основы: гласный (ударный/безударный) / согласный. К основам на гласный присоединяются суффиксы с консонантным анлаутом, за исключением адвербиаля; к основам на согласный – суффиксы с вокалическим анлаутом, за исключением суффикса датива. При склонении субстантивных основ на безударный гласный изменениям подвергается ауслат основы, ср. склонение слов *ола* ‘город’, *корно* ‘дорога’, *тер* ‘сани’, *пöрт* ‘дом’ [СМЯ: 55–57]:

номинатив	<i>ола</i> ‘город’	<i>корно</i> ‘дорога’	<i>тер</i> ‘сани’	<i>пöрт</i> ‘дом’
генитив	<i>ола-н</i>	<i>корны-н</i>	<i>тер-ын</i>	<i>пöрт-ын</i>
датив	<i>ола-лан</i>	<i>корны-лан</i>	<i>тер-лан</i>	<i>пöрт-лан</i>
аккузатив	<i>ола-м</i>	<i>корны-м</i>	<i>тер-ым</i>	<i>пöрт-ым</i>
локатив	<i>ола-ште</i>	<i>корны-што</i>	<i>тер-ыште</i>	<i>пöрт-ыштö</i>
латив	<i>ола-шке</i>	<i>корны-шко</i>	<i>тер-ышке</i>	<i>пöрт-ышкö</i>
адвербиаль	<i>ола-ш</i>	<i>корн-еш</i>	<i>тер-еш</i>	<i>пöрт-еш</i>

Кроме того, в лугово-восточном языке на падежные суффиксы распространяется лабиальная гармония, в горномарийском – палатально-велярная гармония [Основы 1976: 44].

В мордовских языках выделяют два типа основ: 1) основа на гласный (гласная основа); 2) основа на согласный (согласная основа) (*кедь* ‘рука’). Основы на гласный разделены на две группы: а) одноосновные: при склонении гласный основы сохраняется (*лопа* ‘лист’); б) двуосновные: при склонении в форме ряда падежей гласный основы выпадает (*чувто* ‘дерево’). Выбор падежного алломорфа в мордовских языках зависит также от качества гласного (переднерядный / заднерядный) и согласного (звонкий / глухой; мягкий / твердый; парный / непарный) (подробно см.: [ГМЯ: 153–159]), ср. склонение мдЭ. *лопа* ‘лист’, *чувто* ‘дерево’, *кедь* ‘рука’ [ГМЯ: 153–154]:

номинатив	<i>лопа</i> ‘лист’	<i>чувто</i> ‘дерево’	<i>кедь</i> ‘рука’
генитив	<i>лопа-нь</i>	<i>чувто-нь</i>	<i>кеде-нь</i>
датив	<i>лопа-нень</i>	<i>чувто-нень</i>	<i>кед-нень</i>
аблатив	<i>лопа-до</i>	<i>чувто-до</i>	<i>кед-те</i>
инессив	<i>лопа-со</i>	<i>чувт-со</i>	<i>кедь-сэ</i>
элатив	<i>лопа-сто</i>	<i>чувт-сто</i>	<i>кедь-стэ</i>

иллатив	<i>лопа-с</i>	<i>чувт-с</i>	<i>кедь-с</i>
пролатив	<i>лопа-ва</i>	<i>чувто-ва</i>	<i>кедь-га</i>
компаратив	<i>лопа-шка</i>	<i>чувто-шка</i>	<i>кедь-шка</i>
абессив	<i>лопа-втомо</i>	<i>чувто-втомо</i>	<i>кедь-теме</i>

При определении типов склонения в обско-угорских языках учитываются качество ауслата и изменяемость/неизменяемость основы. В основу классификации типов склонения в мансийском языке положен характер основы: изменяемая/неизменяемая или вокалический/консонантный ауслат основы. Я. Гуя выделяет три типа склонения: к I типу отнесены неизменяемые основы на согласный; ко II – неизменяемые основы на гласный; к III – изменяемые основы [Основы 1976: 280–281]. В описании Е. И. Ромбандеевой субстантивное склонение представлено в трех парадигмах в зависимости от основ на гласный, согласный и на сочетание согласных (см.: склонение слов *ala* ‘крыша’, *sap* ‘сошка’, *pārt* ‘доска’) [Ромбандеева 1973: 56]:

номинатив	<i>ala</i> ‘крыша’	<i>sap</i> ‘сошка’	<i>pārt</i> ‘доска’
латив	<i>ala-n</i>	<i>sap-n, -ən, -na, -əna</i>	<i>pārt-ən, -n</i>
локатив	<i>ala-t</i>	<i>sap-t, -ēt</i>	<i>pārt-ēt</i>
элатив	<i>ala-nəl</i>	<i>sap-nəl</i>	<i>pārt-nəl</i>
инструменталь	<i>ala-l</i>	<i>sap-əl</i>	<i>pārt-əl</i>
транслатив	<i>ala-γ</i>	<i>sap-ǰy</i>	<i>pārt-ǰy</i>
аккузатив	<i>ala-nən</i>	<i>sap-ənən</i>	<i>pārt-nən</i>

В хантыйском языке выделяются четыре типа склонения. Существительные, склоняющиеся по первым двум типам, имеют консонантный ауслат (I тип – неизменяемая основа (основа на согласный); II тип – изменяемая основа (основа на сочетание согласных), существительные, склоняющиеся по двум другим типам, – вокалический ауслат (III тип – основы на гласный *i*, IV тип – основы на гласный *a*) (см.: склонение слов *χot* ‘дом’, *ap* ‘собака’, *ewi* ‘девушка’, *tāχa* ‘место’) [Основы 1976: 304–305]:

	I	II	III	IV
номинатив	<i>χot</i> ‘дом’	<i>ap</i> ‘собака’	<i>ewi</i> ‘девушка’	<i>tāχa</i> ‘место’
локатив	<i>χotən</i>	<i>apən</i>	<i>ewijən</i>	<i>tāχajən</i>
латив	<i>χota</i>	<i>ampa</i>	<i>ewija</i>	<i>tāχaja</i>

В общих чертах обско-угорские языки можно характеризовать как языки с противопоставлением склонения основ на гласный и согласный, так как суффиксы при разных основах различаются наличием/отсутствием гласного в анлауте (мансийский язык) или наличием/отсутствием согласного *j*, исторически эпентетического элемента, который появляется между гласными основы и суффикса (хантыйский язык).

Как показал краткий обзор особенностей субстантивного склонения ряда финно-угорских языков, морфонологическое взаимодействие основы и падежной морфемы находит выражение в варьировании корневой и/или падежной морфемы.

Параллель к падежным морфемам пермских языков представлена в языках, в которых обнаруживается противопоставление склонений **существительных на гласный** и **существительных на согласный**, при этом падежные алломорфы в типах склонений отличаются друг от друга наличием / отсутствием эпентетического согласного (хантыйский язык) или наличием / отсутствием инициального гласного (ливский, марийский, мансийский языки). На фоне родственных языков сохранение агглютинативных черт в склонении в большей степени присуще коми языкам, ибо в литературных языках, а также в большинстве коми-зырянских диалектов падежная морфема стабильна, она не имеет фонетически обусловленных алломорфов.

2.2. Морфологическая структура слова и падежная морфема

2.2.1. Морфологическая структура слова пермских языков

Изменение существительных по падежам в пермских языках происходит агглютинативным путем, суть которого заключается в том, что строение словоформы представляется через последовательность сегментов. Морфемы, число которых соответствует числу граммем, присоединяются друг к другу в определенной последовательности и по определенным правилам. Морфологическая структура слова сохраняет праязыковые особенности, строится по схеме: корень – словообразовательный суффикс – формообразовательный и (или) словоизменяющий суффикс (типы морфемных комбинаций слова в уральском праязыке описаны в [Хайду 1985: 228]). Харак-

терными для пермских языков являются простые по структуре словоформы: одно- (равные корню), двухморфемные, имеющие один словообразовательный или словоизменительный суффикс. Высокую частотность имеют также словоформы со структурой «корень – словообразовательный суффикс – словоизменительный суффикс» и «корень – словоизменительный суффикс – словоизменительный суффикс» [Баталова 1990: 35–36; Федюнева 1992: 27; ОЖК: 22–23]. В субстантивных словоформах последовательность словоизменительных суффиксов может варьироваться: порядок следования показателей категорий в максимальной модели имеет три комбинации: R-(...)-PL-Cx-Px, R-(...)-PL-Px-Cx и R-(...)-Px-PL-Cx¹, при этом каждая морфема является относительно автономной, незначительные фонемные изменения, проявляющиеся при агглютинации, не приводят, за редкими исключениями, к стиранию морфемных границ. Тем не менее при описании категории падежа важным является анализ взаимодействия категорий падежа, числа и посессивности (лично-притяжательности).

2.2.2. Взаимодействие категорий падежа и числа в системе субстантивного склонения

Категория числа в пермских языках представлена единственным (нулевая морфема) и множественным (кз. *-йас*, кп. *-йэз/-эз*, удм. *-йос/-ос*) числом. В коми языках категория числа нерелевантна для субстантивного склонения: падежи в парадигме единственного и множественного числа имеют одни и те же суффиксы [СКЯ 1955: 137; КПЯ: 200]. В случае, если падежная морфема имеет фонетически обусловленные алломорфы, что характерно для диалектов, то после суффикса множественности употребляется алломорф, появляющийся после основ на велярный согласный, ср. форманты инессива и аблатива в верхневычегодских говорах (М. Н. Укл.):

¹ Глоссы: R – корень, PL – множественное число, Cx – падеж, Px – посессивность. Глосса, обозначающая определенную категорию, одновременно обозначает позицию, которую занимает репрезентирующий морфему со значением данной категории морфологический сегмент относительно другого сегмента. В скобках располагаются слово- и формообразовательные морфемы.

инессив: ед. ч. *кэрка-ан* ‘в доме’, *с'эл'по-он* ‘в сельпо’, *му-ун* ‘на земле’, *би-ин* ‘в огне’, *вөр-ин* ‘в лесу’;
мн. ч. *кэрка-йас-ин* ‘в домах’, *му-йас-ин* ‘на землях’,
вөр-йас-ин ‘в лесах’.

Вариативные суффиксы с консонантным анлаутом не проявляют зависимости от числа, ср. употребление суффиксов аблатива в удорском диалекте:

аблатив: ед. ч. *мам-лыс'* ~ *мам-лис'* ‘у матери (взять)’;
мн. ч. *мам-йэс-лыс'* ~ *мам-йэс-лис'*, *мам-йёс-лыс'* ~
мам-йёс-лис' ‘у матерей (взять)’.

В ряде зырянских диалектов разные суффиксы в числовых парадигмах имеет только аккумулятив. В удорских говорах в парадигме единственного числа он представлен суффиксами *-ёс*, *-сё*, в парадигме множественного числа – суффиксами *-сё*, *-тё* и *-дө*: уд. (Косл.) *пыкөд-йёз-дө* ‘подпорки’, *чэри-эз-дө* ‘рыбу’, (Лат.) *пöч-чэз-дө* ‘старух’; (Важ.) *мёс-йэс-тө* ‘коров’, (Чупр.) *көмкот-йэс-тө* ‘обувь’; (Пучк.) *вөв-йэс-сө* ‘лошадей’, (Разг.) *му-эс-сө* ‘земель’ [УД: 31–32]. Суффиксы *-дө* и *-тө* присущи также аккумулятивным формам личных местоимений множественного числа: *мийан-дө* ‘нас’, *тийан-дө* ‘вас’, *сийэс-тө* ‘их’ [УД: 51]. В ижемском диалекте, а также в жешартско-гамском и коквицком говорах нижевычегодского диалекта аккумулятив личных местоимений множественного числа 1-го и 2-го лица имеет вариативные суффиксы, в числе которых нв. *-тө*, иж. *-дэ* и *-тэ*: нв. (Жеш. Гам) *мийан-ёс*, *мийан-ны-тө*, *мийан-тө*, *мийан-тө-сө* ‘нас’, (Жеш. Гам) *тийан-ёс*, *тийан-тө*, (Кок.) *тийан-дэ* ‘вас’, иж. *мийан-тэ* ‘нас’, *тийан-тэ* ‘вас’ [НВД: 45; ИД: 65]. В древнекоми текстах XIV–XVII вв., написанных на нижевычегодском диалекте, засвидетельствованы аккумулятивные формы существительных и местоимений множественного числа с суффиксами *-ды* и *-дө*: *уз'өм-йас-ды* ‘умерших’, *мийан-ды*, *мийан-дө* ‘нас’ [Лыткин 1952: 106; 119], в текстах XVIII в. аккумулятив в каждом случае представлен суффиксом *-ёс* (орфографически *-ос*), ср. *пырчомаясось* и *эскысьясось* ‘православных’ (‘крещеных и верующих’), *состомъясось* ‘пречистых’ (примеры: [Кузнецова 1967: 74–75]). Можно предположить, что показатель аккумулятива *-тV* (*-дV*) существительных сохранялся вплоть до XVIII в., по крайней мере, в северо-западном диалектном ареале, позднее на-

метившаяся тенденция к его вытеснению суффиксом *-ös* завершилась его обобщением для обоих чисел.

В удмуртском языке, как и в коми, категория падежа непосредственно не взаимодействует с категорией числа; показатели числа и падежа морфологически самостоятельны. Некоторые различия морфологического выражения в числовых парадигмах обнаруживают аккузатив, инструменталь, иллатив и пролатив [Емельянов 1927: 131–132; ГСУЯ 1962: 86–87; 93; Кельмаков 1998: 122–123; Кондратьева 2011а: 31–43; 120–121; 161–162; 194–195].

1. Аккузатив в парадигме единственного числа имеет нулевой суффикс, суффиксы *-эз/-ез* и *-э/-е*, в парадигме множественного числа – суффиксы *-ыз* и *-ты*:

ед. ч. *вал-эз* ‘лошадь’, *адями-ез* ‘человека’, *мурт-э* ‘человека’;

мн. ч. *валь-ёс-ты* ‘лошадей’, *адями-ос-ты* ‘людей’, *мурть-ёс-ты* ‘людей’;

мн. ч. *валь-ёс-ыз* ‘лошадей’, *адями-ос-ыз* ‘людей’, *мурть-ёс-ыз* ‘людей’.

Как показывает материал КУЯ, в литературном языке предпочтительным является суффикс *-ты*, который количественно значительно превосходит суффикс *-ыз* (табл. 22).

Таблица 22

Употребление вариативных суффиксов аккузатива
в парадигме множественного числа

Существительное	Суффикс <i>-ты</i>	Суффикс <i>-ыз</i>
<i>Мурт</i> ‘человек’	288	5
<i>Скал</i> ‘корова’	184	4
<i>Бусы</i> ‘поле’	157	8
<i>Нюлэс</i> ‘лес’	61	4
<i>Министр</i> ‘министр’	14	–
<i>Коньы</i> ‘белка’	5	–
Всего	709	21

В территориальных разновидностях удмуртского языка показатели аккузатива различаются. В южной части срединных говоров и южном наречии представлен суффикс *-ыз* (*-ьз*), в северном и бесермянском наречии, а также в части срединных говоров – суффикс *-ты* (*-ть*): сев. *коркаос-ты* ~ *коркаос-ть*, бес. *коркаос-ть*, св. *коркоос-*

ты, коркаас-ты // сред. *коркаас-ыз*, южн. *коркаас-ыз* ~ *коркаас-ъз*, кукм. *коркаас-ъз* ‘дома (аккузатив)’. Параллельное функционирование обоих суффиксов отмечается в Вавожском районе [Кельмаков 1998: 119]. Вариативные суффиксы имеет также аккузатив личных местоимений множественного числа: вч. *-ды, -дыс*, сч. *-эсты (-эсть), -ды*; сред. *-дыс*: *мил'эм-дыс* ‘нас’, *тил'эд-дыс* ‘вас’ [Кельмаков 1998: 170; 197].

2. Инструменталь в парадигме единственного числа представлен суффиксами *-эн/-ен, -ын*, в парадигме множественного числа – только суффиксом *-ын*:

ед. ч. *пурт-эн* ‘ножом’, *кыл-эн* ~ *кыл-ын* ‘языком’;

мн. ч. *-ын*: *пурть-ёс-ын* ‘ножами’, *кыль-ёс-ын* ‘языками’.

Можно отметить, что взаимосвязь с категорией числа обнаруживает также категория посессивности. В парадигме единственного числа посессивные суффиксы индивидуального обладателя имеют гласные *э* и *ы*, в парадигме множественного числа – суффиксы с огласовкой *ы*, как и в суффиксах инструменталю:

ед. ч. *-э/-ы*: *эш-э* ‘мой товарищ’ *ки-ы* ‘моя рука’

-эд/-ыд: *эш-эд* ‘твой товарищ’ *ки-ыд* ‘твоя рука’

-эз/-ыз: *эш-эз* ‘его (ее) товарищ’ *ки-ыз* ‘его (ее) рука’

мн. ч. *-ы*: *эшъ-ёс-ы* ‘мои товарищи’ *ки-ос-ы* ‘мои руки’

-ыд: *эшъ-ёс-ыд* ‘твои товарищи’ *ки-ос-ыд* ‘твои руки’

-ыз: *эшъ-ёс-ыз* ‘его (ее) товарищи’ *ки-ос-ыз* ‘его (ее) руки’

3. Иллатив в парадигме единственного числа выражен суффиксами *-э/-е, -ы*, нулевой морфемой, в парадигме множественного числа – суффиксом *-ы*:

ед. ч. *гурт-э* ‘в деревню’, *нюлэск-ы* ‘в лес’, *корка* ‘в дом’;

мн. ч. *гурть-ёс-ы* ‘в деревни’, *нюлэсь-ёс-ы* ‘в леса’, *корка-ос-ы* ‘в дом’.

Между тем еще в нач. XX в., по крайней мере в казанском (кукморском и шошминском) диалекте, варьирование суффиксов *-э* и *-ы* распространялось на обе числовые парадигмы: *гурт-э* ‘в деревню’, *гурт'ёс-э* ‘в деревни’, но *кар'ёс-ы* ‘в города’ [Яковлев 1930: 17; 19].

4. Пролатив в парадигме единственного числа имеет варианты *-тй, -этй/-етй, -ытй*, во множественном числе закрепился формант *-тй*:

ед. ч. *нюлэс-тй* ~ *нюлэск-ытй* ‘по лесу’; *бусы-етй* ~ *бусы-тй* ‘по полю, через поле’;

мн. ч. *нюлэсь-ёс-тй* ‘по лесам, через леса’; *бусы-ос-тй* ‘по полям, через поля’.

В отдельных южных, периферийно-южных и срединных говорах суффикс *-тй* обобщился для обоих чисел: юж. кузм. *пул-ти* ‘по доске’, юж. *пул’л’-ос-ти*, кузм. *пул’-ос-ти* ‘по доскам’ [Кельмаков 1998: 122–123].

В абсолютном большинстве коми и удмуртских диалектов падежные парадигмы обоих чисел одинаковы. Исключение составляют социатив в удорском диалекте: *вуж-ныни-ыс* ‘вместе с корнем’, *вёв-нымйи-ыс* ‘вместе с лошастью’ [УД: 32]; и терминатив в среднеюжных говорах: *гурт-оз’* ‘до деревни’, *гуртйос дороз’* ‘до деревень’ [Архипов 1978: 23–24], которые представлены только в формах единственного числа.

Таким образом, в пермских языках падежные противопоставления в контексте маркированного значения множественного числа полностью сохраняются. Современные коми литературные языки демонстрируют одинаковые падежные суффиксы в парадигмах существительных единственного и множественного числа, в то время как в удмуртском языке характерная для падежной парадигмы единственного числа вариативность показателей инструментала, иллатива и пролатива в парадигме множественного числа утрачивается, вариативные формы сохраняет только аккумулятив. Общим для удмуртского языка и отдельных зырянских диалектов является наличие различных маркеров аккумулятива в парадигмах обоих чисел, что свидетельствует о прапермском наследии этого явления [Серебренников 1963: 41; Кельмаков 1998: 120].

В свете соответствий в других финно-угорских языках можно отметить, что в родственных языках существительные во множественном (и двойственном) числе имеют те же падежные суффиксы, что и в единственном. Исключения, представленные в отдельных языках, обусловлены морфонологическими изменениями в структуре словоформы и восходят к периоду самостоятельного развития языков, ср. показатели падежей существительных в единственном и множественном числе в саамском языке: кильд. комитатив *-n* (ед. ч.), *-guim*,

-goim, *-gɛim* (мн. ч.); инессив-элатив *-s't** (ед. ч.), *-n** (мн. ч.) [Керт 1971: 141; Основы 1975: 221], в мансийском языке: инструменталь: *-l* (ед. ч.), *-təl* (мн. ч.) [Основы 1976: 281]. В некоторых финно-угорских языках состав падежных парадигм единственного и множественного числа субстантивного склонения различается. Напр., в саамских диалектах в падежной парадигме множественного числа отсутствует эссив (западные диалекты) или эссив и партитив (восточные диалекты) [Основы 1975: 220]. В мансийском языке ограничено употребление транслатива при наличии показателей двойственного и множественного числа [Ромбандеева 1973: 56]. В финском языке не различают числовых противопоставлений комитатив и инструктив. Такая ситуация коррелирует с типологическими наблюдениями относительно взаимодействия категорий падежа и числа: «<...> максимальное число падежных граммем обычно различается в формах единственного числа (а падежная парадигма во множественном числе оказывается с формальной точки зрения более редуцированной)» [Плунгян 2003: 178].

2.2.3. Взаимодействие категорий падежа и посессивности в системе субстантивного склонения

Категория посессивности, выражающая отношение между двумя объектами – обладателем (посессором) и обладаемым (коррелятом), является одной из особенностей грамматического строя финно-угорских языков, сохранившейся со времен их праязыка. Она обеспечивает противопоставление существительных с лично-притяжательными суффиксами и существительных без лично-притяжательных суффиксов. В системе субстантивного склонения категория падежа взаимодействует с категорией посессивности, что находит выражение в посессивном (лично-притяжательном) склонении. В этой связи следует рассмотреть особенности расположения падежного суффикса по отношению к посессивному в линейной модели словоформы, варьирование падежных суффиксов и количественный состав парадигмы склонения существительных с посессивным суффиксом.

2.2.3.1. Порядок следования падежных и посессивных суффиксов

В грамматиках пермских языков XIX–XX вв. при описании категории падежа приведены падежно-посессивные парадигмы, которые демонстрируют порядок следования показателей падежа и посессивности друг относительно друга. Падежный суффикс может располагаться перед и после посессивного суффикса. Крайнюю правую позицию в линейной модели словоформы, т. е. после посессивного суффикса, занимают показатели объектных падежей – *генитива*, *аблатива*, *дativa*, *аккузатива*; в ряде коми диалектов также – суффиксы *комитатива*, *консекутива*, *компаратива*, в удмуртском языке – суффикс *абессива*. Форманты *инессива*, *иллатива*, *элатива*, *инструменталия*, *пролатива*, *терминатива*, в удмуртском языке также *эгрессива* располагаются перед посессивным суффиксом [Савваитов 1850: 42–43; Рогов 1860: 35–42; Верещагин 1924: 25–44; Емельянов 1927: 128–135; Лыткин 1929: 20–23; Майшев 1940: 28–38; Wiedemann 1884: 135–139; др.]. Следует обратить внимание на падежи, позиция суффикса которых получила различное описание в истории пермского языкознания.

Коми-зырянский язык. В грамматиках коми-зырянского языка различно представлен порядок следования *Rx* и показателей *аппроксиматива*, *эгрессива* и *абессива*. В большинстве трудов позиция суффиксов этих падежей относительно *Rx* отмечена как фиксированная, но в линейной цепочке морфем расположение *Sx* и *Rx* не всегда совпадает (табл. 23–25) [Савваитов 1850: 42–43; Лыткин 1929: 20–23; Бубрих 1949: 34; СКЯ 1955: 151; ÖKK: 61]. Более того, обнаруживаются диаметрально противоположные описания. Так, напр., порядок следования *Rx* и *Sx* в аппроксимативной словоформе представлен как *RxSx* в [Лыткин 1929: 20–23] и как *SxRx* в [Савваитов 1850: 42–43; Бубрих 1949: 34].

Таблица 23

Порядок следования *Sx* и *Rx* в аппроксимативной словоформе

Источники	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Савваитов 1850	SxRx	SxRx	SxRx	SxRx	SxRx	SxRx
Лыткин 1929	RxSx	RxSx	RxSx	RxSx	RxSx	RxSx
Бубрих 1949	SxRx	SxRx	SxRx	SxRx	SxRx	SxRx

Окончание табл. 23

Источники	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
СКЯ 1955	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	РхСх	РхСх
ÖКК	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	РхСх	РхСх СхРх

Таблица 24

Порядок следования Сх и Рх в эгрессивной словоформе

Источники	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Савваитов 1850	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
Лыткин 1929	РхСх	СхРх	СхРх	РхСх	РхСх	РхСх
Бубрих 1949	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
СКЯ 1955	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
ÖКК	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх

Таблица 25

Порядок следования Сх и Рх в абессивной словоформе

Источники	Единственное число			Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Савваитов 1850	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
Лыткин 1929	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
Бубрих 1949	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
СКЯ 1955	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
ÖКК	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх

В целях верификации морфопорядка Рх и Сх было проанализировано более 4 тыс. аппроксимативных, эгрессивных и абессивных словоформ из ККЯ (табл. 26) (дата обращения: 13.11.2018).

Таблица 26

Частотность употребления моделей словоформ в аппроксимативе, эгрессиве, абессиве в коми-зырянском языке (по данным ККЯ)

Посессивный суффикс	Аппроксиматив		Эгрессив		Абессив	
	СхРх	РхСх	СхРх	РхСх	СхРх	РхСх
1 лицо ед. ч.	1	12	6	83	–	20
2 лицо ед. ч.	123	4	243	41	197	5

Посессивный суффикс	Аппроксиматив		Эгрессив		Абессив	
	СхРх	РхСх	СхРх	РхСх	СхРх	РхСх
3 лицо ед. ч.	1 935	353	1 148	88	156	32
1 лицо мн. ч.	3	–	32	–	10	1
2 лицо мн. ч.	3	–	44	1	11	–
3 лицо мн. ч.	28	7	251	1	37	–
Всего	2 093	376	1 724	214	411	58

Насколько можно судить по полученным результатам, в современном коми-зырянском языке порядок следования суффиксов *аппроксиматива*, *эгрессива*, *абессива* и Рх в линейной модели словоформы жестко не фиксирован, варьирование позиции Сх в разной степени обнаруживается почти при всех Рх, причем доминирующей является комбинация СхРх, морфопорядок РхСх предпочтителен только при Рх1.SG.

Диалекты демонстрируют различные модели словоформ в *абессиве*, *аппроксимативе* и *эгрессиве*. В вымском и удорском диалектах наблюдается варьирование позиции *абессивного* суффикса при всех Рх, тогда как в летских говорах – только при РхPL, в остальных диалектах – при отдельных Рх: в верхневьчегодском – при Рх1.PL и Рх3.PL, в ижемском – при Рх1.SG и Рх1.PL, в верхнесыольском – при Рх3.SG, в нижневьчегодском – при Рх1.SG. В печорском, среднесыольском и присыктывкарском диалектах суффикс этого падежа имеет устойчивую позицию относительно Рх, но последовательность морфем не совпадает. В печорском и среднесыольском диалектах Сх располагается после Рх, в присыктывкарском диалекте РхSG предшествует Сх, тогда как РхPL, наоборот, стоит после Сх.

В вымском, удорском и среднесыольском диалектах позиция показателя *аппроксиматива* свободная при всех Рх, за исключением Рх1.SG и Рх2.SG. В ижемском и верхневьчегодском диалектах суффикс этого падежа может менять позицию при РхSG, в печорском – при Рх2.SG, Рх3.SG, Рх2.PL, в летских говорах – при Рх1.SG, тогда как в присыктывкарском диалекте при Рх2.SG и Рх3.SG представлена комбинация СхРх, в остальных случаях – РхСх, в нижневьчегодском и верхнесыольском диалектах падежный суффикс предшествует Рх (СхРх). В ряде диалектов разную позицию относительно Рх может

занимать показатель *эгрессива*: в удорском и вымском диалектах – при всех Рх, в ижемском диалекте – при РхSG, в среднесыольском диалекте – при РхPL и Рх3.SG, в присыктывкарском диалекте и летских говорах – только при Рх1.SG. Суффиксы *эгрессива* и *аппроксиматива* в каждом диалекте могут располагаться после Рх1.SG и перед Рх2.SG, Рх3.SG, такая тенденция в целом характерна и для абессива.

В ряде диалектов наблюдаются также колебания в порядке следования Рх и показателей *внутреннеместных падежей*, *инструменталя*, *консекутива* и *комитатива* [Сажина 2004: 239–241; ВВД: 78; ВД: 61; ВСД: 62; ИД: 50–52; НВД: 38–39; ССД: 32–33; ПД: 24; ПСД: 61; УД: 37–38; ССКЗД: 467–468]. Суффиксы *инессива*, *иллатива*, *элатива* и *инструменталя* в абсолютном большинстве случаев предшествуют Рх, однако в лузско-летском, верхнесыольском, среднесыольском и присыктывкарском диалектах они могут располагаться и после Рх. Первые фиксации таких словоформ относятся к середине XX в. [ЛЛД: 42; ПСД: 71; ССД: 31; ВСД: 43]:

лл. (З.) *С'акöй кис'т-өн-ыд кыан*. ‘С разными бердами ткешь’; *Н'инаыс чисто бат'-ыс-ö* ‘Нина вся в отца’ [ЛЛД: 42];

скр. (Ш.) *Бат'-ыд-ын коди олö?* ‘У твоего отца кто живет?’ [ПСД: 71].

Колебания в порядке следования суффикса *консекутива* и Рх наблюдаются в смежных диалектных ареалах: в верхневычегодском (при Рх3.SG и Рх1.PL: *-ис-ла ~ -ла-ис*; *-ним-ла ~ -ла-ним*), среднесыольском (при Рх3.SG: *-ыс-ла ~ -ла-ыс*) диалектах и летских говорах (при Рх1.SG: *-ым-ла ~ -ла-ым*) [ВВД: 78; ЛЛД: 40; ССД: 32–33]. В ижемском диалекте вариативна позиция показателя *комитатива* по отношению к Рх1.SG и Рх2.SG: для **неодушевленных существительных** характерна комбинация СхРх, для одушевленных – комбинация РхСх: *кэрка-кэд-э* ‘с моим домом’, *мам-э-кэд* ‘с моей матерью’ [ИД: 70; 51].

Коми-пермяцкий язык. В грамматике Н. Рогова, а также Ф. Видеманна отмечены колебания в порядке следования Рх и суффиксов всех местных падежей [Рогов 1860: 35–42; Wiedemann 1884: 135–139], однако в печатных источниках XIX – нач. XX в., по крайней мере в [Евангелие 1866; Евангелие 1882; Пушкин 1899; Попов 1904], словоформы с вариативной комбинацией Рх и Сх обнаружить не удалось. Можно предположить, что в работах [Рогов 1860: 35–42; Wiedemann

1884: 135–139] могут быть искусственно созданные формы. Достоверность грамматических описаний непосредственно связана с аутентичностью исходного языкового материала, но проверить достоверность информации не всегда представляется возможным, так как в основу первых грамматик была положена разговорная речь, позднее начали использоваться бумажные носители языковой информации. В описательных грамматиках более позднего периода представлено фиксированное расположение Rх и Сх [Майшев 1940: 28–38; КПЯ: 202], вариативность позиции показателей *аппроксиматива* и *эгрессива* отмечена в [Кривошекова-Гантман 1985: 601]. Как показывает анализ субстантивных словоформ из текстов [Баталов; Климов 1992; Можаяев; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1994], в современном коми-пермяцком языке наблюдаются колебания в порядке следования Rх и суффикса *аппроксиматива* (*ай-ыт-лань* ‘в сторону твоего отца’, *нылыс-лань* ‘в сторону своей дочери’, *посад-ныс-лань* ‘в направлении нашего села’, *горт-ланы-с* ‘в направлении его дома’, *горт-ланы-ныс* ‘в направлении их дома’), а также Rх и суффикса *эгрессива* (*удж-сяня-с* и *удж-ыс-сянь* ‘со своей (его) работы’, *инь-ыт-сянь* ‘от твоей жены’, *велётчан-сяня-т* ‘из-за твоей учебы’, *споритём-ныс-сянь* ‘от их спора’, *горт-сяня-ныс* ‘от их дома’). В большинстве примеров из нашей выборки суффикс *эгрессива* предшествует Rх, ср. количество примеров с комбинацией СхRх – 230, с комбинацией RхСх – 41; суффикс *аппроксиматива* следует после Rх, ср. количество примеров с комбинацией RхСх – 95, с комбинацией СхRх – 60.

В диалектах наблюдается варьирование позиции суффиксов еще некоторых падежей. В косинско-камском диалекте зафиксированы колебания в порядке следования Rх и суффиксов *абессива*, *аппроксиматива*, *эгрессива* [Дмитриева 1998: 86], в южных (оньковском, нижнеиньвенском, кудымкарско-иньвенском) – Rх и суффиксов *пролатива*, *терминатива*, *аппроксиматива*, *эгрессива*, *альтитерминатива* и *поверхностно-местных падежей*¹ [Баталова 1990: 87–89;

¹ В работах, описывающих диалекты коми-пермяцкого языка, приблизительно-местные падежи, показатель которых содержит коаффикс *-лань-*, не описываются. Поэтому при констатации факта варьирования позиции суффикса *аппроксиматива*, скорее всего, были приняты во внимание словоформы в *аппроксимативе* II.

1995: 80–81; 2002: 72–73]. В коми-язьвинском наречии отмечается свободная позиция *эгрессивного* суффикса в контексте с RхPL [КЯД: 46]. Особенности порядка следования Rх и показателей абессива, аппроксиматива и эгрессива в линейной модели словоформы в коми диалектах представлены в табл. 27–29. В таблицы включены данные только тех диалектов, материал которых документирован и находится в свободном доступе.

Таблица 27

Порядок следования Cх и Rх в абессивных словоформах

Диалект		Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Коми-зырянские диалекты	вым.	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх
		CхPх	CхPх	CхPх	CхPх	CхPх	CхPх
	уд.	RхCх	CхPх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх
		CхPх		CхPх	CхPх	CхPх	CхPх
	вв.	RхCх	RхCх	CхPх	RхCх	CхPх	RхCх
					CхPх		CхPх
	лет.	RхCх	CхPх	CхPх	RхCх	RхCх	RхCх
					CхPх	CхPх	CхPх
	иж.	RхCх	RхCх	CхPх	RхCх	CхPх	CхPх
		CхPх		CхPх			
вс.	—	CхPх	RхCх	—	—	—	
			CхPх				
нв.	RхCх	CхPх	CхPх	CхPх	CхPх	CхPх	
	CхPх						
печ. сс.	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	
скр.	RхCх	RхCх	RхCх	CхPх	CхPх	CхPх	
Коми-пермяцкие диалекты	мл. ки.	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх
	ни. онык.						
кк.	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	
	CхPх	CхPх	CхPх	CхPх	CхPх	CхPх	
Коми-язьвинское наречие		RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх	RхCх

Таблица 28

Порядок следования Сх и Рх в эгрессивных словоформах

Диалект		Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Коми-зырянские диалекты	уд. вым.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	сс.	РхСх	СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	иж.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	лл. скр.	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	нв.	–	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	вв. печ.	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	вс.	–	СхРх	СхРх	–	–	–
Коми-пермяцкие диалекты	кк. ки.	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх
	ни. оньк.	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	мл.	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
Коми-язьвинское наречие		СхРх	СхРх	СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх

Таблица 29

Порядок следования Сх и Рх в аппроксимативных словоформах

Диалект		Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Коми-зырянские диалекты	уд. вым.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	сс.	РхСх	СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	печ.	РхСх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	СхРх	РхСх СхРх	СхРх
	вв.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	иж.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх	РхСх	РхСх

Диалект		Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Коми-зырянские диалекты	лл.	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	нв.	–	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	скр.	РхСх	СхРх	СхРх	РхСх	РхСх	РхСх
	вс.	–	СхРх	СхРх	–	–	–
Коми-пермяцкие диалекты	кк. ки.	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх
	ни. оньк.	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	мл.	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
Коми-язьвинское наречие		РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх

Удмуртский язык. В грамматических описаниях удмуртского языка отмечены случаи колебания в порядке следования Рх и суффиксов *адвербиаля*, *аппроксиматива*, *терминатива*, *пролатива* [Емельянов 1927: 135; Яковлев 1930: 23–24; Алатырев 1937: 7; 1983: 570; Едыгарова 2010: 110; Fokos-Fuchs 1954: 144–145]. Варьирование позиции показателей *аппроксиматива* и *пролатива* зафиксировано при РхSG, варьирование позиции суффиксов двух других падежей не обусловлено числом и лицом Рх:

аппроксиматив:

Рх1SG -э-лан' ~ -лан'а-м

Рх1PL -мы-лан'

Рх2SG -эд-лан' ~ -лан'а-д

Рх2PL -ды-лан'

Рх3SG -эз-лан' ~ -лан'а-з

Рх3PL -зы-лан'

терминатив

Рх1SG -оз'а-м ~ -э-оз'

Рх1PL -оз'а-мы ~ -мы-оз'

Рх2SG -оз'а-д ~ -эд-оз'

Рх2PL -оз'а-ды ~ -ды-оз'

Рх3SG -оз'а-з ~ -эз-оз'

Рх3PL -оз'а-зы ~ -зы-оз'

пролатив

Рх1SG -(э)ти-м ~ -ти-м

Рх1PL -эти-мы

Рх2SG -(э)ти-д ~ -эд-ти

Рх2PL -эти-ды

Рх3SG -(э)ти-з ~ -эз-ти

Рх3PL -эти-зы

адвербиаль

Рх1SG -э-йа ~ -йа-м

Рх1PL -мы-йа ~ -йа-мы

Рх2SG -эд-йа ~ -йа-д

Рх2PL -ды(-ты)-йа ~ -йа-ды

Рх3SG -эз-йа ~ -йа-з

Рх3PL -зы(-сы)-йа ~ -йа-зы

Насколько можно судить по материалам КУЯ, в современном удмуртском языке наблюдается варьирование позиции только суффикса адвербиала, причем преобладает модель с комбинацией RxCx, ср. *мылкыд* ‘мнение’: *мылкыдъ-я-м* – 3, *мылкыд-ы-я* – 27, *сюлэм* ‘сердце’: *сюлэмъ-я-м* – 22, *сюлэм-ы-я* – 69, *сюлэмъ-я-з* – 5, *сюлэм-ызь-я* – 78 (дата обращения: 12.10.2018):

удм. *Газеттылэн выль нимыз нырысь сюлэмъям ой вал.* (Удм. дунне, 2011.10.28) ‘Новое название вашей газеты сначала мне было не по сердцу’.

удм. *Тужгес сюлэмыя луэ графика.* (Удм. дунне, 2013.08.06) ‘Больше по сердцу мне графика’.

Как показывают результаты исследования, в настоящее время колебания в порядке следования Cx и Rx более характерны для коми языков, чем для удмуртского (ср. табл. 27–29). Общепермской чертой является варьирование позиции суффикса *аппроксиматива*, общеккоми – варьирование позиции показателей *абессива* и *эгрессива*. Колебание позиции суффикса *абессива* объединяет северные (косинско-камский) коми-пермяцкие диалекты с коми-зырянскими диалектами, вариативность позиции суффиксов *пролатива* и *терминатива* – южные коми-пермяцкие диалекты с удмуртским языком. В современных коми диалектах в линейной модели словоформы падежный суффикс может иметь:

1) *фиксированную* позицию, т. е. словоформа имеет только одну комбинацию суффиксов – RxCx или CxRx, изменение порядка следования суффиксов невозможно. Различаются: а) словоформы с комбинацией RxCx; б) словоформы с комбинацией CxRx; в) словоформы с комбинацией RxCx и CxRx, т. е. Cx имеет фиксированную позицию в словоформе, пре- или постпозицию относительно Rx. Представляется, что порядок следования суффиксов с комбинацией RxCx и CxRx является результатом угасания варьирования позиции Rx и Cx;

2) *свободную* позицию, Rx и Cx могут меняться местами друг относительно друга, словоформа имеет комбинации RxCx и CxRx;

3) *смешанную* позицию: в зависимости от лица или числа Rx позиция падежного показателя фиксированная или свободная.

В свете соответствий в родственных языках следует отметить, что в зависимости от позиции падежных и посессивных суффиксов

в линейной цепочке словоформы финно-угорские языки принято делить на три группы: 1) прибалтийско-финские, саамский, мордовские языки с порядком СхРх; 2) угорские языки с порядком РхСх; 3) пермские и марийский языки с порядком СхРх и РхСх. Между тем в большинстве финно-пермских языков можно наблюдать колебания в порядке следования Сх и Рх. Явную параллель в порядке следования Сх и Рх демонстрируют пермские и марийский языки. В марийском языке суффиксы субъектно-объектных падежей, за исключением датива, стоят после Рх, суффиксы местных падежей предшествуют Рх, суффиксы датива и еще некоторых падежей могут располагаться перед и после Рх [Галкин 1964: 72–73; Тужаров 1987: 72; Луутонен 1996]. Здесь уместно напомнить, что суффикс пермского аппроксиматива (-лань) и суффикс марийского датива (-лан) возникли по сходной модели [Основы 1974: 258]. Несмотря на имеющиеся расхождения в порядке следования падежных и посессивных суффиксов в современных финно-угорских языках, но с учетом данных самодийских языков долгое время господствовало мнение о первичности порядка СхРх в уральском (финно-угорском) праязыке [Основы 1974: 271; Хайду 1985: 238–239; Janhunen 1982: 33]. В лингвистических трудах конца XX в. получила развитие идея о зависимости порядка следования Рх и Сх от функции падежа: словоформы в грамматических падежах имели порядок СхРх, в неграмматических – порядок РхСх [Honti 1995: 77; Bartens 2000: 117–118; Csúcs 2005: 203]. Ш. Чуч предполагает, что в уральском (финно-угорском) праязыке доминировал порядок СхРх. Колебание в следовании суффиксов было обусловлено, скорее всего, низкой частотностью употребления словоформ с двумя словоизменительными суффиксами. Кроме того, он допускает, что при грамматических падежах вообще не могли выступать притяжательные суффиксы [Csúcs 2005: 203]. В таком случае пермские и марийский языки сохранили порядок следования Рх и Сх со времен финно-угорского праязыка или сходный порядок следования Рх и Сх в этих языках является результатом параллельного развития?

Относительно порядка следования Рх и Сх в прапермском языке имеются две основные гипотезы. Согласно одной из них, в составе именной словоформы порядок следования суффиксов мог быть разным, зависел от конкретного падежа: а) порядок РхСх в объектных

падежах и аппроксимативе, порядок СхРх в пространственных падежах и инструментале [Wichmann 1923–1924: 148–149]; б) порядок РхСх в генитиве, дативе, аблативе, консекutive, адвербиале, аккумулятиве, возможно, и абессиве; порядок СхРх – в инструментале и во всех пространственных падежах [Csúcs 2005: 203–204]. В соответствии с другой точкой зрения, в составе именной словоформы порядок следования суффиксов был единым во всех падежах: а) порядок СхРх, так как данный порядок преобладает в современных пермских языках и представлен в более древних по происхождению падежах [Uotila 1936: 476]; б) порядок РхСх, так как данный порядок сохранился в субъектно-объектных падежах; в местных падежах произошло изменение порядка следования суффиксов под влиянием послеложных конструкций [Серебренников 1963: 128]. Концепции совпадают друг с другом в трактовке порядка следования суффиксов как твердого, возможность альтернации положения отдельных падежей не исключает Ш. Чуч [Csúcs 2005: 203–204].

Уяснение исходного порядка следования Сх и Рх и направление его изменения осложняется тем, что остаются невыясненными вопросы, связанные с варьированием модели субстантивных словоформ: каковы факторы варьирования порядка следования Рх и Сх, существуют ли правила перестановки морфем в современных пермских языках и почему свободный порядок следования суффиксов не распространяется на все падежи. В этой связи необходимо уточнить наличие / отсутствие факторов, мотивирующих варьирование позиции Рх и Сх друг относительно друга, в современных пермских языках.

2.2.3.2. Факторы варьирования позиции падежных и посессивных суффиксов

Колебания в порядке следования Сх и Рх в морфологической структуре слова характерны в бóльшей степени для коми-зырянских диалектов. Поэтому на материале коми-зырянского языка были проверены несколько параметров, которые могли бы влиять на выбор позиции Сх и Рх, а именно семантика и форма Рх, наличие / отсутствие показателя множественности и лексико-грамматические свойства существительного (одушевленность / неодушевленность). Анализиро-

вались только те словоформы, в которых порядок следования падежных и посессивных суффиксов свободный – РхСх ~ СхРх.

1. *Семантика и форма посессивного суффикса и порядок следования Рх и Сх.* В пермских языках, как и в некоторых других финно-угорских языках, посессивные суффиксы 2-го и 3-го лица единственного числа, кроме выражения значения посессивности, используются также для маркирования определенности. Анализ субстантивных словоформ с комбинацией РхСх ~ СхРх показал, что функция посессивного суффикса не привязана к его позиции: Рх в разных функциях может занимать одну и ту же позицию относительно Сх, как и Рх в одной и той же функции может занимать разную позицию относительно Сх, ср. примеры из [УД: 38]:

(1) уд. *Т'ам'эй-ö-тöг* *вэтли.* 'Без своего ребенка [я] ходил'.

(2) уд. *Т'ам'эй-тöг-ö* *вэтли.* 'Без своего ребенка [я] ходил'.

(3) уд. *Горт-лан'-ыс* *муни.* 'Пошел [он] к своему дому'.

(4) уд. *Моски-лан'-ыс* *ус'ас.* 'Упадет [он] на этот тротуар'.

В словоформах *т'ам'эй-ö-тöг* и *т'ам'эй-тöг-ö* 'без моего ребенка' порядок следования Рх относительно Сх свободный: посессивный суффикс *-ö* стоит в пре- и постпозиции относительно суффикса абессива, при этом семантика словоформы не меняется. В словоформах *горт-лан'-ыс* 'к своему дому' и *моски-лан'-ыс* 'на этот тротуар' позиция посессивного суффикса *-ыс* относительно суффикса аппроксиматива *-лан'* одинакова, несмотря на то что посессивный суффикс в примере (3) выражает посессивное значение, в примере (4) он имеет определенно-указательное значение. На основе приведенного материала можно было бы заключить, что на позицию Рх в словоформе не влияет его функция. Как показали данные ККЯ, в литературном языке в формах аппроксиматива, эгрессива и абессива Сх имеет тенденцию располагаться перед Рх, за исключением Рх1.SG (см. табл. 26).

Структура Рх, за исключением Рх1.SG, в коми диалектах имеет незначительные расхождения, проявляющиеся в наличии / отсутствии гласного (VC // C) и чередовании / корреспонденции гласных *ы* и *и*. Средством выражения принадлежности предмета (лица) одному обладателю, которым является говорящий, в коми диалектах являются суффиксы *-ö/-э*, *-öй/-эй* и *-(ы)м/-(-и)м*, последний имеет по-

всеместное распространение (см. табл. 17). Большинство исследователей сходятся во мнении, что исходной формой Rх1.SG являлся суффикс *-*m*, функцию которого после его отпадения приняла конечная гласная основы [Лыткин 1977: 31; Wichmann 1923–1924: 152–153; Uotila 1933: 226; Csúcs 2005: 199; др.]. По мнению Б. А. Серебренникова, источником вокалического Rх1.SG явился уменьшительно-ласкательный суффикс, вытеснивший суффикс местоименного происхождения. Переходу суффикса более экспрессивного характера в посессивный могло предшествовать его употребление в вокативной функции. Развив значение посессивности, суффикс в результате унификации субстантивного словоизменения стал употребляться и с косвенными падежами [Серебренников 1963: 108–110]. Придерживаясь общепринятого мнения относительно происхождения вокалического Rх1.SG, все же отметим, что возможность развития вокативным суффиксом посессивного значения не исключается. Наглядным примером является развитие посессивного значения заимствованным из севернорусских говоров вокативным суффиксом *o* в контексте с существительными, выражающими родственные отношения, в отдельных южных коми-зырянских диалектах: сс. *ыджыд мамо* ‘моя бабушка’ [ССД: 34]. Более того, в лузско-летском диалекте произошла лексикализация словоформы с этим вокативным суффиксом: лл. (Об.) *мамo* ‘моя бабушка’: лл. (Об.) *Тэй мамo лактö* ‘Вот моя бабушка идет’.

В отдельных коми-зырянских диалектах разные по времени возникновения суффиксы Rх1.SG различаются позиционной характеристикой, образуя вариативные модели словоформ. Суффикс *-(ы)м/-(и)м* в абсолютном большинстве диалектов (исключение составляют летские говоры) всегда располагается после Sх, тогда как вариативные суффиксы могут занимать пре- и постпозицию относительно Sх. Rх предшествует Sх в верхневычегодском, присыктывкарском, печорском диалектах, свободная позиция Rх относительно Sх засвидетельствована в ижемском, удорском и вымском диалектах:

аппроксиматив: вв. *-эй-лан' ~ -лан'-им*; вым. *-лан'-ö ~ -лан'-ым ~ -ö-лан'*; уд. *-лан'-ö ~ -ö-лан'*; иж. *-лан'-э ~ -э-лан'*;

эгрессив: скр. *-öй-с'ан' ~ -сан'-ым*; уд. *-ö-с'ан' ~ -с'ан'-ö*;

иж. *-э-с'ан' ~ -с'ан'-э*;

терминатив: вым. *-öдз-ö ~ -öдз-ым*;

пролатив: вым. *-öд-ö ~ -öд-ым*.

Колебание в порядке следования Сх и Рх1.SG наблюдается в аппроксимативных и эгрессивных словоформах. В терминативных и пролативных словоформах препозиция посессивного показателя *-ö/-э* относительно падежного суффикса не допускается, так как она привела бы к слиянию посессивного и падежного суффиксов и развитию долгого гласного: *-ö-ödz > -öödz > -ödz* (в терминативе), *-ö-öd > -ööd > -öd* (в пролативе). В соответствии с фонетическими закономерностями коми языка долгие гласные не употребляются в суффиксах, поэтому при предполагаемом слиянии суффиксов одна гласная, скорее всего, бы отпала.

Варьирование позиции Рх1.SG зафиксировано также в коми-пермяцких диалектах, по крайней мере в косинско-камском, при этом обнаруживается явная связь позиции и формы суффикса: суффикс *-м* занимает постпозицию по отношению к Сх, вокалический Рх – препозицию [Дмитриева 1998: 86]:

абессив *-ö-tög ~ -tög'ya-м*;

аппроксиматив *-ö-лан' ~ -лан'а-м*;

эгрессив *-ö-с'ан' ~ -с'ан'а-м*.

Схожая ситуация наблюдалась и в удмуртском языке. В вариативных словоформах вокалический Рх представлен в препозиции по отношению к Сх, консонантный Рх – в постпозиции по отношению к Сх, ср. аппроксиматив *-э-лан' ~ -лан'а-м*, терминатив *-э-оз' ~ -оз'а-м*, адвербиаль *-э(ы)-йа ~ -йа-м*.

В современных коми диалектах выбор позиции посессивного суффикса не связан с его числом и лицом. Можно усмотреть только тенденцию к внутрипарадигматической унификации показателя Рх1.SG: хронологически более новый формант закрепляется по всей парадигме, вытесняя более раннюю форму. Остается неясным вопрос, могло ли формирование нового Рх1.SG и его закрепление в парадигме быть одним из факторов развития вариативности позиции Рх. Если принять во внимание особенности посессивного склонения летского говора лузско-летского диалекта, для которого характерно сохранение ранней формы Рх1.SG во всей парадигме и варьирование его позиции относительно суффиксов консекутива (*-ым-ла ~ -ла-ым*), аппроксиматива (*-ым-лан' ~ -лан'-ым*) и эгрессива (*-ым-с'ан' ~ -с'ан'-ым*), то можно допустить, что разная позиционная характеристика объект-

ных и местных падежей, вариативность позиции падежных суффиксов восходит к периоду до развития нового $Px1.SG$.

2. *Суффикс множественности и порядок следования Px и Sx* . В коми языке словоформы с тремя словоизменительными суффиксами встречаются довольно редко. В линейном ряду словоизменительных морфем суффикс множественности занимает крайне левую позицию. Такая позиция показателя множественности, проявляющаяся не только в финно-угорских, но и в других агглютинативных языках, мотивирована семантикой суффикса, его семантической связью с именем. Б. А. Серебренников отмечал, что ближе к корню слова располагаются морфемы с более конкретным значением, морфемы с более общим значением помещаются дальше от корня [Серебренников 1970: 247]. Суффикс множественности по сравнению с другими словоизменительными суффиксами существительного имеет более конкретное значение, указывая на множественность референтов.

Как показал поиск в ККЯ, колебания в порядке следования Px и Sx в составе аппроксимативной, абессивной и эгрессивной словоформ не связаны с показателем множественности: варьирование позиции Sx относительно Px характерно для обеих числовых парадигм. Что касается остальных падежей, то расположение их суффикса с введением показателя множественности сохраняется, исключение составляют одушевленные существительные в форме местных падежей. Суффикс множественности *-йас*, являющийся в своем основном значении показателем аддитивной множественности, с одушевленными существительными со значением лица может выражать значение ассоциативной множественности, когда в референцию входит совокупность из нескольких лиц. Если в основном значении он предшествует Sx и Px , то при выражении значения ассоциативной множественности возможны две комбинации – $PLPx$ и $PxPL$. Изменение позиции Px относительно PL отражается и на позицию Sx , который всегда занимает крайне правую позицию, ср. примеры:

нв. *Бат'-э-йас-ёс кёсйэны вэлöдны* 'Моего отца и других с ним хотят учить' [НВД: 35]; вв. (П.) *Рöттим да гөн'итим ыджыд мам-ис-йас-э, ыджыд бат'-ис-йас-э* 'Ехали рысью, ехали вскачь к бабушке-бабушке ('к своим бабушкам, к своим дедушкам')' [ОКЗР: 66].

В данном случае можно говорить не только о вариативности порядка следования Px и Sx , но и о семантическом взаимодействии сло-

воизменительных суффиксов существительного: изменение позиции морфем влияет на семантику словоформы.

Судя по материалам Ю. Вихманна, в печорском, удорском, при-сыктывкарском, нижневыхегодском, среднесыольском диалектах наблюдается колебание в порядке следования Rх и Сх при наличии показателя множественности вне зависимости от одушевленности / неодушевленности в комитативной, аппроксимативной, абессивной и терминативной словоформах. Существительные в единственном числе имеют строгий порядок следования Rх и Сх, во множественном числе – PLRхСх ~ PLCхRх. Ср. терминативные формы слова уд. *горт* 'дом' (другие примеры см.: [Wichmann 1942: 369, 383, 398–399]):

терминатив

СхRх

PLRхСх ~ PLCхRх.

1-е л. *горт-ödз-ным*

горт-йöс-ödз-ным ~ горт-йöс-ным-ödз

2-е л. *горт-ödз-ныд*

горт-йöс-ödз-ныд ~ горт-йöс-ныд-ödз

3-е л. *горт-ödз-ныс*

горт-йöс-ödз-ныс ~ горт-йöс-ныс-ödз

В монографических описаниях коми-зырянских диалектов изменение порядка следования падежного и посессивного суффиксов при показателе множественности не зафиксировано. Таким образом, в литературном языке суффикс множественности не регулирует порядок следования Сх и Rх в составе словоформы. Скорее всего, такая ситуация характерна также для диалектов, за некоторыми исключениями (если принять данные Ю. Вихманна).

3. *Лексико-грамматические свойства существительного и порядок следования Rх и Сх.* В коми языке одушевленность является одним из факторов, влияющих на выбор оформления прямого объекта, а также на употребление отдельных падежей (подробнее см.: гл. 3).

Для определения релевантности фактора одушевленности в выборе порядка следования Rх и Сх были рассмотрены единичные одушевленные и неодушевленные существительные, содержащие посессивные суффиксы Rх2.SG и Rх3.SG. Если судить по материалам ККЯ, то для аппроксимативной, эгрессивной и абессивной словоформ в целом характерна комбинация СхRх, что подтвердило результаты нашего предыдущего исследования (см. табл. 26). Одушевленность задает некоторую тенденцию изменения позиции посессивного суффикса относительно падежного. Комбинация RхСх в абсолютном

большинстве случаев характерна для одушевленных существительных, особенно показательны в этом отношении аппроксимативные словоформы (табл. 30–33) (дата обращения: 5 ноября 2021).

Таблица 30

Порядок следования Rх и Sх в аппроксимативных словоформах

Существительное	-ыдлань	-ыслань	-ланьыд	-ланьыс
<i>Мам</i> 'мама'	2	136	1	43
<i>Бать</i> 'отец'	2	121		30
<i>Ю</i> 'река'	–	3		151
<i>Керка</i> 'дом'	–	–	4	194
<i>Вөр</i> 'лес'	–	–	2	149
Всего	4	260	7	567

Таблица 31

Порядок следования Rх и Sх в эгрессивных словоформах

Существительное	-ыдсянь	-ыссиянь	-сяньыд	-сяньыс
<i>Мам</i> 'мама'	11	33	21	256
<i>Бать</i> 'отец'	13	37	30	266
<i>Ю</i> 'река'	–	–	–	120
<i>Керка</i> 'дом'	–	–	13	170
<i>Вөр</i> 'лес'	–	–	3	74
Всего	24	70	67	886

Таблица 32

Порядок следования Rх и Sх в абесивных словоформах

Существительное	-ыдтөг	-ыстөг	-төгыд	-төгыс
<i>Мам</i> 'мама'	1	7	74	78
<i>Бать</i> 'отец'	–	1	43	95
<i>Ва</i> 'вода'	–	–	27	20
<i>Керка</i> 'дом'	–	–	5	11
<i>Вөр</i> 'лес'	–	–	23	14
Всего	1	8	172	218

Порядок Sх и Rх может регулироваться фактором одушевленности в отдельных коми-зырянских диалектах. В ижемском и удорском диалектах при неодушевленных существительных показатель

аппроксиматива и эгрессива предшествует Rх, при одушевленных существительных Sх может стоять в пре- и постпозиции по отношению к Rх, предпочтительна последовательность RхSх: иж. *мам-э-лан'* 'в сторону моей матери', *кэрка-лан'-э* 'в сторону моего дома', *мам-э-с'ан'* 'от моей матери', *кэрка-с'ан'-э* 'от моего дома' [ИД: 51; 70]; уд. *ай-ыс-лан'* 'на своего отца (походит)', *горт-лан'-ыс* 'к своему дому', *моски-лан'-ыс* 'на тот тротуар'; *ныл-ё-с'ан'* 'от моей дочери', *пур-с'ан'-ё* 'с моего плота' [УД: 39]. Судя по опубликованным диалектным материалам, в ижемском диалекте такая последовательность суффиксов распространяется также на абессивные и комитативные словоформы: *мам-э-кэд* 'с моей матерью', *кэрка-кэд-э* 'с моим домом', *мам-э-тэг* 'без моей матери', *кэрка-тэг-э* 'без моего дома' [ИД: 51; 70].

В ряде диалектов (лузско-летском, среднесыольском, присыктывкарском) при падежном оформлении одушевленных существительных суффикс внутреннеместных падежей может следовать за посессивным:

кз. лл. *Соч-ым-ын ола*. 'Я живу у своей сестры' [ЛЛД: 43]; *Н'инаыс чистё бат'-ыс-ё*. 'Нина вся в своего отца' [ЛЛД: 42]; скр. *Мам-ыс-ыс' йона полёны*. 'Они очень боятся своей матери' [ПСД: 69]; *Бат'-ыд-ын коди оло?* 'Кто у твоего отца живет?' [ПСД: 71]; сс. *Мам-ыс-ын олёны*. 'Они живут у своей матери' [ССД: 31].

В таких случаях наблюдается модификация значения падежа, так как в базовом значении внутреннеместные падежи не употребляются с одушевленными существительными [СКЯ 1955: 138].

Таким образом, для коми литературного языка фактор одушевленности лишь отчасти влияет на порядок следования Rх и Sх, в большинстве случаев он игнорируется. Степень релевантности данного фактора для диалектов не установлена.

Насколько можно судить по примерам из [Минин 1962; Фадеев 1989; Федосеев 1994; Баталов], фактор одушевленности может быть релевантным для коми-пермяцкого языка. По крайней мере, одушевленные существительные в эгрессиве имеют только комбинацию RхSх, неодушевленные – RхSх и SхRх.

4. *Степень употребительности посессивных суффиксов*. В большинстве коми диалектов посессивная парадигма полная, дефект-

ность парадигмы засвидетельствована в верхнесысольском диалекте и лузских говорах, где сохраняются только **Rx2.SG** и **Rx3.SG**, остальные **Rx** вышли из употребления [ВСД: 61–62; ЛЛД: 39–41].

В верхнесысольском диалекте, обячевском говоре лузско-летнего диалекта, а также в говоре с. Палауз среднесысольского диалекта зафиксирован свободный порядок суффиксов в инструментале [ВСД: 65; ССД: 33; ЛЛД: 42]. Суффиксы *-над*, *-нас* осмысляются как показатель посессивности или падежа. В верхнесысольском диалекте и обячевском говоре дублируется значение падежа: стандартный падежный суффикс инструментала следует за кумулятивным суффиксом инструментала и посессивности: *-над-өн*, *-нас-өн*, при этом суффиксы *-над*, *-нас* воспринимаются носителями как посессивные:

лл. (Об.) *Сочлөн айкакыс йона куритлис **трубка-нас-өн***. ‘Свекор моей сестры постоянно курил трубку (‘с помощью трубки’)’ [ЛЛД: 45];

вс. (Кб.) *Вэдрас’ыд вавыд почлэс’о **карнан-над-өн***. ‘Вода из ведер выплескивается, когда несешь их на коромысле’; (Гр.) *Пуыс пөрёма **вуж-нас-өн***. ‘Дерево упало с корнем’; (Кг.) *Мийан С’эргэй вис’ө жө **кор-нас-өн***. ‘Наш Сергей корью тоже болеет’ [ВСД: 65].

В говоре с. Палауз дублируется значение посессивного суффикса: перед кумулятивным суффиксом инструментала и посессивности может употребляться посессивный суффикс (*-ыд-над*): сс. ***Н’ан’-ыд-над** с’а олыштны кутим*. ‘Хлебом-то затем хорошо стали жить’ [ССД: 33]. Кумулятивный суффикс в этом случае воспринимается как показатель инструментала.

Таким образом, в диалектах, в которых наблюдаются снижение употребительности и утрата посессивных суффиксов, кумулятивный суффикс инструментала и посессивности воспринимается либо как посессивный, либо как падежный суффикс, в каждом случае происходит изменение позиции **Sx** по аналогии с позицией **Sx** объектных падежей.

5. *Позиция Rx в несубстантивных единицах*. В пермских языках посессивные суффиксы могут присоединяться не только к существительным, но к единицам других частей речи (к наречиям, послелогам, инфинитным глагольным формам, местоимениям, числительным), занимая крайне правую позицию в слове, за исключением некоторых

местоименных форм. Конечная позиция R_x объясняется тем, что языковые единицы, диахронически восходящие к падежным словоформам, приобрели грамматические свойства иных частей речи, поэтому падежный суффикс в синхронии уже не может быть интерпретирован как падежный. Позиция посессивных суффиксов в отсубстантивных образованиях может отличаться от их позиции в формах существительных, что объясняется сохранением некоторых именных черт и формированием собственных. В качестве примера можно привести деепричастные формы с суффиксами кз. *-игö* и *-игöн*, восходящие соответственно к иллативным и инструментальным отглагольным именам. Посессивные формы иллатива (*-ам*, *-ад*, *-ас*) и суффиксы деепричастия на *-игам*, *-игад*, *-игас* проявляют сходство, тогда как посессивные формы инструментала (*-нам*, *-над*, *-нас*, *-наным*, *-наныд*, *-наныс*) и деепричастия на *-игöн* (*-игöн-ö*, *-игöн-ыд*, *-игöн-ыс*) различны. В образованиях, диахронически восходящих к субстантивным словоформам, содержатся преимущественно суффиксы пространственных падежей, в формах деепричастий – также суффиксы инструментала и абессива. Поэтому развитие колебаний в порядке следования S_x и R_x по аналогии с позицией R_x в отсубстантивных образованиях можно распространить только на суффикс абессива.

Таким образом, современные коми диалекты демонстрируют непоследовательные ареальные проявления различных факторов, результаты действия которых в разных диалектах не всегда совпадают. Порядок следования R_x и S_x отчасти определяется одушевленностью, наличием показателя множественности, формой R_x (только для R_{x1.SG}). **Можно предположить, что развитие относительно свободного порядка следования морфем следует ожидать при изменении модели и семантики словоформы, а также степени употребительности R_x.**

В связи с рассматриваемым вопросом следует обратить внимание на результаты исследования порядка следования S_x и R_x в марийском языке. Согласно исследованиям Й. Луутонена, в современном марийском языке на порядок следования суффиксов может влиять ряд факторов, а именно: а) функция посессивного суффикса (R_x в вокативной функции предшествует PL; R_x в посессивной и определительной функциях располагается после PL); б) лицо посессивного

суффикса (в словоформах с R_{x1}.PL и R_{x2}.PL доминирует комбинация S_xR_x, в остальных случаях наблюдается комбинация R_xS_x); в) «лексический разряд склоняемого слова», т. е. частеречная принадлежность словоформы (существительное, местоимение); г) диалект (колебания R_x и PL) [Луутонен 1996; Luutonen 1997: 199]. Факторы, влияющие на морфологическую структуру словоформы, в коми и марийском языках не совпадают, что свидетельствует о параллельном развитии вариативности морфопорядка в субстантивной словоформе в этих языках. Результаты исследования Й. Луутонена можно использовать лишь как косвенный довод в пользу того, что варьирование позиции R_x относительно S_x в пермских языках могло быть вызвано несколькими причинами.

В финно-угорском языкознании существуют различные объяснения причин вариативности порядка следования R_x и S_x в субстантивной модели словоформы. Б. А. Серебренников полагал, что в пермских языках порядок S_xR_x в пространственных падежах мог сформироваться под влиянием послелогов, оснащенных R_x [Серебренников 1963: 128]. Р. Бартенс, опираясь на идею Дж. Байби [Вубее 1985: 13] о взаимосвязи значения грамматического показателя и семантики имени, допускает, что в пермских языках порядок следования R_x и S_x зависит от семантических и грамматических функций падежей. Пространственные падежи имеют более конкретное значение, их суффиксы располагаются ближе к корню; объектные имеют более абстрактное значение, их суффиксы располагаются дальше от основы [Bartens 2000: 117]. И. С. Галкин аналогично объяснял особенности порядка следования S_x и R_x в марийском языке: «<...> в субъектно-объектных падежах основное внимание уделялось субъекту или объекту, его принадлежности какому-то лицу, поэтому притяжательный суффикс оказывался до падежного окончания; в пространственно-местных же падежах, очевидно, основное внимание уделялось не принадлежности предмета, а его местоположению, направлению и т. д., что, естественно, ставило на первый план падежное окончание» [Галкин 1964: 72–73]. По мнению С. В. Едыгаровой, определяющим фактором выбора позиции R_x в словоформе явилась его функция: в функции грамматического согласования R_x стоит в постпозиции относительно S_x, в функции посессивного специфика-

тора R_x предшествует S_x [Едыгарова 2010: 111]. Все предложенные объяснения имеют право на существование, однако ни одно из них не может быть признано вполне удовлетворительным, поскольку оставляют в тени причины расхождения морфопорядка в инструментальной и аппроксимативной словоформах, свободный порядок следования суффиксов отдельных падежей. Постпозиция суффикса инструментала относительно R_x выделяет его на фоне остальных объектных падежей. Сходство расположения суффиксов инструментала и местных падежей (посессивные суффиксы следуют за падежным) традиционно объясняется тем, что показатели инструментала и инессива восходят к общему источнику, которым явился локативный суффикс **-na/*-nä* [Серебренников 1963: 116]. С. В. Едыгарова считает, что «<...> порядку S_xR_x также способствует то, что имя в форме инструментала может функционировать в качестве обстоятельства, <...> при этом R_x в сочетании с именами объектов неотчуждаемой семантики выполняет функцию грамматического согласования с референтом – субъектом предложения» [Едыгарова 2010: 103]. В этой связи следует отметить, что исходно местными были еще некоторые объектные падежи (генитив, аблатив, датив, консекутив). Более того, в современном удмуртском языке аблатив и датив могут выступать в функции обстоятельства, выражая пространственные и темпоральные значения [Некрасова 2002: 58; 61–62; 75–78; 88]. Однако порядок следования суффиксов инструментала и объектных *л*-овых падежей различается. Связана ли такая ситуация с тем, что показатели инессива и инструментала были омонимичны в определенный период развития прапермского языка, или с тем, что *л*-овые падежи имеют более позднее происхождение по сравнению с инессивом и инструментом, однозначного ответа пока нет. Вне обсуждения оставался вопрос о расположении суффикса аппроксиматива. Представляется, что особенность его позиции можно объяснить действием законов системности и языковой аналогии. Формирование суффикса аппроксиматива происходило параллельно с суффиксами генитива, аблатива, датива, поэтому расположение суффиксов *л*-овых падежей в словоформе первоначально могло быть схожим. Действие закона аналогии можно усмотреть также в развитии вариативных моделей аппроксимативных и эгрессивных словоформ, что обуслов-

лено сходством структуры их суффиксов – *-сянь* и *-лань*. Вариативность порядка следования суффиксов аппроксиматива и эгрессива могла появиться в результате параллельно протекающих процессов: 1) выравнивания позиции аппроксиматива по аналогии с позицией пространственных падежей, и 2) выравнивания позиции эгрессива по аналогии с позицией аппроксиматива.

Учитывая особенности позиции падежных суффиксов в линейной модели словоформы в современных пермских языках, можно предположить, что в позднепрапермском языке суффиксы объектных падежей и аппроксиматива располагались после *Rx*, суффиксы пространственных падежей и инструментала – перед *Rx*. К этому периоду, скорее всего, можно отнести развитие вариативности порядка суффиксов *Rx* и отдельных падежей, по крайней мере, аппроксиматива. Порядок следования суффиксов, в общих чертах сформировавшийся в эпоху прапермского языка, претерпевает изменения в период самостоятельного развития языков. Скорее всего, эти изменения были обусловлены действием разных внутриязыковых факторов, из которых значительную роль могла сыграть языковая аналогия. Выступающая как значимый фактор развития и функционирования языка аналогия постепенно видоизменяла и видоизменяет модели отдельных словоформ.

Ввиду отсутствия релевантных древнекоми и древнеудмуртских текстов при определении основных тенденций изменения порядка следования *Sx* и *Rx* в субстантивных словоформах опираемся на данные современных пермских языков. В настоящее время одновременно действуют две противоположные тенденции: свертывание и развитие варьирования позиции *Sx*. При свертывании варьирования одна из альтернативных позиций суффикса постепенно закрепляется в речевом узусе как наиболее приемлемая. Дialectы (языки) проявляют различные результаты этого процесса: наблюдается полная или частичная унификация позиции *Sx*. Свертывание варьирования с полной унификацией позиции *Sx* происходит в удмуртском языке. Суффиксы аппроксиматива, терминатива и пролатива в современном удмуртском языке имеют устойчивую позицию в словоформе, по сравнению с ситуацией нач. XX в. Свертывание варьирования с частичной унификацией позиции *Sx* демонстрируют отдельные

коми-зырянские диалекты. Показательны в этом отношении модели абессивных и аппроксимативных словоформ в присыктывкарском диалекте, модели эгрессивных словоформ в верхневычегодском и печорском диалектах (см. табл. 27–29). Противоположная тенденция, которая проявляется в развитии варьирования позиции суффиксов внутреннеместных падежей и инструментала, характерна только для отдельных коми-зырянских диалектов. Учитывая отмеченные тенденции, для коми-зырянского языка можно прогнозировать, с одной стороны, последующее выравнивание позиции суффиксов аппроксиматива, эгрессива и абессива по аналогии с их позицией в структуре послелогов, наречий и деепричастий, с другой – тенденция к снижению частотности употребления посессивных суффиксов может привести к развитию варьирования позиции *Sx* в тех диалектах, в которых позиция падежных суффиксов в настоящее время еще устойчива. На сегодняшний день тенденции изменения морфопорядка субстантивной словоформы не имеют ясно очерченного направления, поэтому результаты их действия различны и во многом неопределенны.

2.2.3.3. Посессивность и алломорфное варьирование падежных морфем

В пермских языках падежи в сочетании с притяжательными суффиксами могут иметь иные, нежели вне этого контекста, суффиксы, наличие которых обусловлено только притяжательностью. В этом случае форма падежной морфемы зависит от грамматического контекста, содержание морфемы не меняется. В теоретической лингвистике такие суффиксы трактуются как контекстные варианты (или алломорфы) одной и той же единицы [Плунгян 2003: 53]. В пермских языках, как будет показано ниже, обусловленные посессивностью суффиксы сформировались в результате различных языковых процессов, некоторые восходят к иному, нежели в простом склонении, источнику, несмотря на это, в синхронном аспекте все они будут рассматриваться как морфологически обусловленные алломорфы (суффиксы).

Морфологически обусловленные алломорфы¹ имеют не все падежи, кроме того, они имеют устойчивую позицию: предшествуют possessивному суффиксу. После possessивных суффиксов употребляются стандартные падежные суффиксы. Описание морфологически обусловленных алломорфов будет проводиться в сопоставлении с функционально тождественными стандартными падежными суффиксами. Из рассмотрения исключены падежи послеложного образования (поверхностно-местные и приблизительно-местные падежи коми-пермяцкого и possessивно-местные падежи удмуртского языков), а также приблизительно-местные падежи, имеющие показатель с коаффиксом *-лань-*, ввиду того, что морфологически обусловленные суффиксы этих падежей образуются по аналогии с показателями общепермских падежей. Следует отметить, что некоторые падежи в possessивном склонении могут иметь несколько фонетически обусловленных алломорфов, условия их появления те же, что и в простом склонении, поэтому такие случаи не рассматриваются.

Можно выделить несколько типов обусловленных притяжательностью падежных алломорфов:

¹ Морфологически обусловленные алломорфы не всегда однозначно представлены в грамматических описаниях. Сегмент, составляющий различие суффикса простого и притяжательного склонений, трактуется как компонент падежного или притяжательного суффикса, не имеющий собственной функциональной нагрузки, или как отдельный суффикс, в большинстве случаев падежный и possessивный суффиксы даются синкретично. Ср., напр., эгрессив: *пон-сян-ям* (собака-EGR-Px1.SG) 'от моей собаки', *пон-сяня-ным* (собака-EGR-Px1.PL) 'от нашей собаки', *понн-эз-сяням* (собака-PL-EGR-Px1.SG) 'от моих собак', *понн-эз-сяня-ным* (собака-PL-EGR-Px1.PL) 'от наших собак' [КПРС: 600–602]. Вслед за В. К. Кельмаковым полагаем, что в диахроническом и синхронном аспектах при сегментации словоформы с падежным и possessивным суффиксами необходимо ориентироваться на формы possessивных суффиксов множественного обладателя, в абсолютном большинстве случаев зафиксированных или допускающих интерпретацию в виде стандартных удм. *-мы*, *-ды/-ты*, *-зы/-сы*, к. *-ным*, *-ныд/-ным*, *-ныс* [Кельмаков 2000: 82]. Притяжательные суффиксы единичного обладателя имеют вариативные суффиксы: 1-е л. к. *-ӧ(ӱ)*, *-ым*, *-м*, удм. *-э*, *-ы*, *-ым*, *-эм*, *-м*; 2-е л. к. *-ыд* /*-ыт*, *-д*, удм. *-ыд*, *-эд*, *-д*; 3-е л. к. *-ыс*, *-с*, удм. *-ыз*, *-эз*, *-з*, функционирование которых в большинстве диалектов связано с конкретными падежами и позицией Px.

1. Алломорфы со структурой (C)V₁ и (C)V₂, различающиеся в типах склонений качеством гласного, характерны для показателя иллатива, который в простом склонении имеет суффиксы кз. кп. -*ö*, удм. -*э/-е, -ы, ø*, в посессивном – суффиксы кз. кп. -*a*-, удм. -*a/-я-, ø*:

кз. *керка-ö* ‘в дом’, *керка-а-м* ‘в мой дом’, *керка-а-ныс* ‘в их дом’;

кп. *керку-ö* ‘в дом’, *керку-а-м* ‘в мой дом’, *керку-а-ныс* ‘в их дом’;

удм. *гурт-э* ‘в деревню’, *нюлэск-ы* ‘в лес’, *корка* ‘в дом’, *бакча-е* ‘в огород’,

гурт-а-зы ‘в их деревню’, *нюлэск-а-зы* ‘в их лес’, *корка-з* ‘в свой дом’, *бакча-я-зы* ‘в их огород’.

Существует гипотеза, согласно которой показатель иллатива в обоих типах склонений первоначально был одинаковым, формант -*a*- возник в результате стяжения гласных в словоформе с падежно-посессивным суффиксом: **kerka-ε-im* > *kerka-a-m* ‘в мой дом’, **kerka-ε-is* > *kerka-a-s* ‘в твой дом’¹ и т. п. [Серебрянников 1963: 117; Федунева 2008: 36]. В современных коми диалектах при стяжении гласных выпадает преимущественно узкий гласный, широкий гласный сохраняется, но изменение качества гласных, участвующих в стяжении, не наблюдается (подробнее см. выше). Поэтому предложенное объяснение можно было принять, если бы большинство основ имели конечный широкий гласный. Согласно другой концепции Б. А. Серебрянникова, иллативный суффикс -*a*- может восходить к показателю латива, который сохранился в ряде послелогов к. удм. *куз'-а* ‘по’, удм. *пал-а* ‘к’ [Серебрянников 1963: 117]. Не противоречит такой трактовке источника суффикса и предположение К. Редее, поддержанное Ш. Чучем: суффикс -*a*- можно рассматривать как один из алломорфов / вариантов суффикса иллатива [Rédei 1988: 386; Csúcs 2005: 184]. Как отмечает Ш. Чуч, в прапермском языке иллатив мог иметь три вариативных суффикса **-a*, **-j*, **-e*. К концу прапермского периода перед посессивным суффиксом мог находиться только формант -*a*-. Межпарадигматическое распределение алломорфов, начавшееся в период прапермского языка (суффикс -*a*- закрепляется за посессивной парадигмой), продолжилось в период самостоятельного

¹ В структуре приведенных словоформ гласные непервого слога приведены в соответствии с реконструкцией вокализма непервого слога В. И. Лыткина [Лыткин 1964: 239], иначе в цитируемых работах.

развития удмуртского языка, которое проявилось в распределении алломорфов *-э/-е* и *-ы* по числовым парадигмам: суффикс *-э/-е* сохраняется в парадигме единственного числа, суффикс *-ы* – в парадигме множественного числа [Csúcs 2005: 185]. Вариативность суффиксов илллатива демонстрируют в удмуртском языке также послелого, входящие к локативным существительным в илллативе. Послелого, содержащие илллативные суффиксы *-ы* и *-э*, при посессивных суффиксах имеют суффикс *-а-*, ср. послелого с посессивными суффиксами 1-го, 2-го, 3-го лица единственного числа:

<i>-ы:</i>	<i>доры</i> ‘к’: <i>дорам, дорад, дораз;</i>
<i>пушкы</i> ‘в, внутрь’: <i>пушкам, пушкад, пушказ;</i>
<i>борды</i> ‘за, к, о, об’: <i>бордам, бордад, бордаз;</i>
<i>шоры</i> ‘на; о, об’: <i>шорам, шорад, шораз;</i>
<i>-э</i>	<i>вылэ</i> ‘на’: <i>вылам, вылад, вылаз;</i>
<i>йылэ</i> ‘на’: <i>йылам, йылад, йылаз;</i>
<i>улэ</i> ‘под’: <i>улам, улад, улаз.</i>

Таким образом, обусловленный посессивностью суффикс илллатива мог развиваться из фонетически обусловленного алломорфа.

2. Алломорфы со структурой *VC* и *V* характерны для инессива. Существительные в инессиве без посессивного суффикса оформляются суффиксами кз. кп. *-ын*, удм. *-ын, -н*, существительные с посессивным суффиксом получают суффиксы кз. кп. *-а-*, удм. *-а/-я-, -ø*: кз. *керка-ын* ‘в доме’, *керка-а-ныс* ‘в их доме’; кп. *керку-ын* ‘в доме’, *керку-а-ныс* ‘в их доме’; удм. *гурт-ын* ‘в деревне’, *дӧдӧы-ын* ‘на санях’, *корка-н* ‘в доме’, *гурт-а-зы* ‘в их деревне’; *дӧдӧы-я-з* ‘на своих санях’; *корка-зы* ‘в их доме’.

В финно-угроведении устоялось мнение, что морфологическое выражение илллатива и инессива первоначально различалось только в простом склонении, в посессивном эти падежи имели омонимичные показатели. Развитие грамматической омонимии объясняется внутрипарадигматическим влиянием, а именно заимствованием суффикса илллатива инессивом, что якобы было вызвано выражением падежами сходных пространственных отношений [Серебренников 1963: 117; Федюнева 2008: 36; Csúcs 2005: 205]. Совпадение форм семантически близких падежей не исключается, подобный процесс, по

наблюдениям Ш. Чуча, происходит в разговорном венгерском языке [Csúcs 2005: 205]. Однако сфера употребления иллатива в значении местонахождения была ограничена четкими контекстуальными рамками: лативную валентность со времен прафинно-угорского языка имела только небольшая группа глаголов [Основы 1974: 205]. Такая ситуация сохраняется в современных пермских языках. Б. А. Серебренников формирование обусловленного посессивностью суффикса инессива объяснял также влиянием притяжательных местоимений, которые употреблялись перед инессивной словоформой: *менам керка-ын-ым* > *менам керка-ам* 'в моем доме' [Серебренников 1963: 113–114]. При этом он указывал на слабую сторону своей гипотезы, отмечая, что в современном коми языке инессивная группа с генитивным местоименным зависимым в большинстве случаев не принимает посессивного суффикса: *менам керкаын* 'в моем доме'. Кроме того, в составе именной группы могут быть субстантивные и местоименные зависимые в номинативе: кз. *ме керкаын* 'в моем доме', *бать керкаын* 'в доме отца'. Учитывая происхождение суффиксов инессива и инструменталья, К. Редеи допускал их омонимичность в посессивном склонении: **kerkanam* 'in meinem Haus' ~ **kerkanam* 'mit meinem Haus' [Rédei 1988: 386]. Логично предположить омонимию / близость морфологически обусловленных суффиксов этих падежей, однако поэтапное развитие инессивного показателя (а именно исчезновение носового согласного в суффиксе) до современного его состояния фонетически необъяснимо.

Появление суффикса *-а-* в инессиве посессивного склонения заманчиво было бы связать с генитивной формой местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа и выражением значения обладания / необладания в конструкциях с глаголом 'быть'. В прафинно-угорском языке не было глагола со значением 'иметь', поэтому для выражения посессивных отношений использовалась конструкция с глаголом 'быть' [Основы 1974: 391]. В современных финно-угорских языках при обозначении посессора в таких конструкциях используются посессивные или пространственные падежи: в прибалтийско-финских и саамском языках – генитив, датив, адессив или локатив; в пермских, марийском, мордовских – генитив, венгерском – датив [Паюсалу 1958: 25; Майтинская 1960: 189; Феоктистов 1963: 135;

ГФЯ: 87; СМЯ: 63; Хонти 2008]. Схожая ситуация могла быть и в праязыке, в конструкции с глаголом ‘быть’ значение обладателя передавалось адвербиальной словоформой [Хонти 2008: 166; Ravila 1965: 62; Lakó 1991: 28]. Если в прапермском языке до формирования генитива-адессива посессивные отношения в именной группе выражались номинативом (такая ситуация хорошо сохраняется в современных пермских языках, тогда как следы генитивного суффикса *-n в пермских и угорских языках не обнаруживаются), то какой падеж использовался для маркирования обладателя (внешнего посессора) в конструкциях с глаголом ‘быть’? Для выражения «отчуждаемой принадлежности» (исходного посессора) до формирования аблатива употреблялся элатив, что оставило следы в местоименных формах: кз. *менсьым*, кп. *менчим*, удм. *мынэсьтым* ‘у меня (взять)’. Мог ли локатив (-инессив), показатель которого принял участие в образовании суффикса адессива-генитива, использоваться для оформления посессора в конструкциях с глаголом ‘быть’? Здесь уместно отметить, что инессив в функции временного посессора зафиксирован в удорском диалекте: уд. (Чупр.) *Йуыс’ын дас кык шайт*. ‘У пьяницы (‘в пьянице’) двенадцать рублей’ [Сорвачева 1972: 239], более того, инессив в пространственно-посессивном значении (личный локатив) представлен во всех исследуемых языках (см.: гл. 4, раздел 4.2.). В случае выражения обладателя местоимением использовался генитив: *менам, тэнад эм* ‘у меня, у тебя есть’, суффикс которого восходит к посессивному суффиксу [Лыткин 1977: 44; Федюнева 2008: 38; Csúcs 2005: 230].

Из множества гипотез, выдвинутых для объяснения морфологически обусловленного суффикса инессива, ни одна не безупречна, они не дают исчерпывающего ответа на вопрос, почему аналогичны суффиксы иллатива и инессива, а не инессива и инструментала.

3. Алломорфы со структурой VC и CV имеют элатив (кз. *-ысь ~ -сьы-*, кп. *-ись ~ -си-*) и инструменталь (кз. кп. *-өн ~ -на-*) в коми языках: в простом склонении представлен суффикс с анлаутным гласным, в посессивном склонении – суффикс с аусллаутным гласным.

элатив: кз. *керка-ысь* ‘из дома’, *керка-сьы-ныс* ‘из их дома’;
кп. *керку-ись* ‘из дома’, *керку-си-ныс* ‘из их дома’;

инструменталь: кз. *керка-өн* 'домом', *керка-на-ныс* 'их домом';
кп. *керку-өн* 'домом', *керку-на-ныс* 'их домом'.

В коми-зырянских диалектах зафиксированы алломорфы / варианты показателя элатива. В вымском, нижневычегодском, печорском, присыктывкарском и удорском диалектах произошло изменение гласного *ы* в *и* после палатального согласного: вым. печ. скр. уд. *-с'ы-* ~ *-с'и-*, нв. *-с'и-* [НВД: 38–39; ССКЗД: 467], в ижемском диалекте при Rх1.SG и Rх1.PL появляется суффикс с огубленным гласным *у*: *-с'у-* ~ *-с'ы-*: *кэркас'ум* 'из моего дома', *кэркас'ыд* 'из твоего дома', *кэркас'унум* 'из нашего дома' [ИД: 52]. В среднесыольском диалекте при основах на взрывные согласные *т* и *д* sporadически употребляется суффикс с аффрикатой (*-чы-* ~ *-с'ы-*) [ССД: 33].

Суффиксы элатива, представленные в типах склонений, диалектически являются фонетически обусловленными алломорфами, которые отличаются друг от друга наращением в разную позицию своего состава гласной фонемы.

Развитие суффикса инструменталю притяжательного склонения, видимо, связано с морфологически обусловленным алломорфом инессива, что можно считать общепринятым мнением в финноугроведении. Предполагается, что развитие суффикса протекало по следующей схеме: присоединение притяжательного суффикса к стандартному суффиксу инструменталю, что вызвало изменение огласовки посессивного суффикса по аналогии с показателем инессива, далее произошло отпадение анлаутного гласного в суффиксе инструменталю: **kianis* > **kianas* > *kinas* 'его рукой' [Серебренников 1963: 116; Лыткин 1977: 33; Csúcs 2005: 204].

4. Алломорфы, различающиеся наличием / отсутствием дополнительного сегмента. Падежные форманты в посессивном склонении оканчиваются на гласный или на сочетание согласного с гласным.

4.1. Алломорфы, различающиеся отсутствием / наличием компонента *-тV-*, имеет элатив удмуртского языка (*-ысь*, *-сь* ~ *-(ы)сьты-*):

бусы-ысь 'с поля', *корка-сь* 'из дома'

бусы-ысьты-мы 'с нашего поля'; *корка-ысьты-з*, *корка-сьты-з* 'из своего дома'.

Согласный *т* представлен также в суффиксе аблатива 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа личных место-

имений (*мынэсьтым* ‘у меня’, *тынэсьтыд* ‘у тебя’, *милэсьтым* ‘у нас’, *тйлэсьтыд* ‘у вас’) и 1-го, 2-го, 3-го лица единственного числа усилительно-личных местоимений (*аслэсьтым* ‘у меня самого’, *аслэсьтыд* ‘у тебя самого’, *аслэсьтыз* ‘у него самого’). Ш. Чуч для прапермского элатива реконструирует два варианта: *-ысьт* ~ *-ысь*, из которых первый он считает более архаичным [Csúcs 2005: 205] (подробнее о происхождении суффикса элатива см.: гл. 4, раздел 4.4).

В отдельных южных и периферийно-южных говорах (граховском, кукморском, шошминском, бавлинском и др.), спорадически в бесермянском наречии элатив посессивного склонения, а также аблатив некоторых местоимений содержит согласный *к* вместо *т* других диалектов и литературного языка: бес. *гур-ъс'къ-м*, кукм. *гур-ис'къ-м*, шошм. *гур-ис'кы-м* ‘из моей печи’ [Кельмаков 1998: 122]; каз. *korkaškōm* ‘из моего дома’, *korkaškōd* ‘из твоего дома’, *korkaškōz* ‘из его (ее) дома’; *murtiškōm* ‘из моего человека’, *murtiškōd* ‘из твоего человека’, *murtiškōz* ‘из этого человека’; *asliškōm* ‘у меня самого’, *asliškōd* ‘у тебя самого’, *asliškōz* ‘у него (нее) самого’ [Aminoff 1896: 24; 33; 36]. По предположению В. К. Кельмакова, изменение согласного произошло, скорее всего, в результате регрессивной дистантной ассимиляции [Кельмаков 1998: 125].

4.2. Алломорфы, различающиеся отсутствием / наличием гласного *ы* в ауслауте, имеют инструменталь (*-эн* ~ *-эны/-ын* ~ *-ыны-*) и эгрессив (*-(ы)сен* ~ *-(ы)сены-*) в удмуртском языке:

инструменталь: *гурт-эн* ‘деревней’, *мугор-ын* ‘телосложением’;
гурт-эны-м ‘моей деревней’; *мугор-ыны-з* ‘своим телосложением’;

эгрессив: *гурт-ысен* ‘от деревни’, *корка-сен* ‘от дома’;
гурт-ысены-м ‘от моей деревни’; *корка-сены-м* ‘от моего дома’.

Как и в случае коми элатива, морфологически обусловленные алломорфы инструменталья и эгрессива диахронически представляют собой фонетически обусловленные алломорфы.

4.3. Алломорфы, различающиеся отсутствием / наличием гласного *а* в ауслауте, имеют аппроксиматив (*-лань* ~ *-ланы-*), эгрессив (*-сянь* ~ *-сяны-*) и альтитерминатив (*-ви* ~ *-виа-*) в коми-пермяцком языке; терминатив (*-озь* ~ *-озы-*) и аппроксиматив (*-лань* ~ *-ланы-*) – в удмуртском языке.

терминатив: удм. *гурт-озь* ‘до деревни’, *бакча-озь* ‘до огорода’;
гурт-озья-м ‘до моей деревни’, *бакча-озья-м* ‘до моего
огорода’;

аппроксиматив: кп. *пон-лань* ‘к собаке’, *пон-ланья-м* ‘к моей собаке’;
удм. *гурт-э-лань* ~ *гурт-ланья-м* ‘к моей деревне’;
удм. *бакча-лань* ‘в сторону огорода’, *бакча-ланья-м*,
бакча-е-лань ‘в сторону моего огорода’;

эгрессив: кп. *керку-сянь* ‘от дома’, *керку-сяня-м* ‘от моего
дома’;

альтитерминатив: кп. *кос-ви* ‘по пояс’, *кос-виа-м* ‘мне по пояс’.

Суффикс *-ланья-* имеет аппроксиматив усилительно-личных местоимений (во всех лицах) в коми-язьвинском наречии: *ас-лан'а-м* ‘в сторону меня самого’, *ас-лан'а-т* ‘в сторону тебя самого’, *ас-лан'а-с* ‘в сторону его самого’, *ас-лан'а-ним* ‘в сторону нас самих’, *ас-лан'а-нит* ‘в сторону вас самих’, *ас-лан'а-нис* ‘в сторону их самих’ [КЯД: 61–63], а также аппроксиматив личных местоимений в бесермянском наречии: *tonlan'am* ‘по направлению ко мне, в мою сторону’, *tonlan'ad* ‘по направлению к тебе, в твою сторону’, *solan'az* ‘по направлению к нему, в его сторону’, *milan'am* ‘по направлению к нам, в нашу сторону’, *tilan'ad* ‘по направлению к вам, в вашу сторону’, *sooslan'az* ‘по направлению к ним, в их сторону’ [Алатырев 1937: 7; 1937а: 29; Тепляшина 1970: 184; Кельмаков 1998: 136].

В пермском языкознании суффиксы с конечным *a* рассматриваются как составные, состоящие из стандартного падежного суффикса и суффикса инессива-иллатива посессивного склонения [Кельмаков 2000: 83; Усачева 2012: 208; 2012а: 188; Baker 1985: 231]. В современных пермских языках алломорфы с конечным *a* семантически не отличаются от консонантных алломорфов. Р. Бейкер относительно эгрессивного суффикса *-сяня-* отмечал, что конечный элемент этого суффикса, с одной стороны, не бывает непосессивным по форме и функции, с другой – не оказывает никакого влияния на синтаксические и семантические свойства начального элемента. Он выполняет функции определенности и притяжательности [Baker 1985: 232], т. е. суффикс с конечным гласным *a* является показателем эгрессива посессивного склонения. Аналогичное объяснение можно распространить и на другие суффиксы с конечным *a*, так как в каждом случае ко-

нечный гласный суффикса не влияет на семантико-функциональную характеристику падежного форманта. Согласно Б. А. Серебренникову, конечный *a* в составе суффиксов аппроксиматива и терминатива возник под влиянием инессива и илллатива [Серебренников 1963: 118–119, 122]. Иного мнения придерживается Ш. Чуч, который рассматривает гласный *a* в качестве огласовки суффикса [Csúcs 2005: 204]. Представляется, что суффикс илллатива-инессива посессивного склонения, присоединившись сначала к суффиксам лативного характера – аппроксимативу и терминативу, далее по аналогии к суффиксам эгрессива и пролатива, постепенно обобщился как показатель обусловленных посессивностью алломорфов. В составе суффикса этот гласный, подобно гласному *ы* в суффиксах удмуртского элатива и эгрессива, не несет никакой дополнительной семантической нагрузки, поэтому его можно рассматривать в качестве дифференциального показателя посессивного склонения.

4.4. Алломорфы, различающиеся отсутствием или наличием коаффикса *-йV-* (*V* – гласный *a* или *u*), представлены в коми диалектах.

В крайних коми-зырянских диалектах (верхнесыольском, удорском и ижемском) суффиксы с коаффиксом *-йV-* имеет абессив. В удорском диалекте вариативные суффиксы абессива обнаруживаются в сочетании с посессивными суффиксами 2-го лица единственного числа (*-тöг-ыд ~ -тöгйа-ыд*), 1-го (*-ным-тöг ~ -тöг-ным ~ -тöгйи-ным*) и 2-го лица множественного числа (*-ныд-тöг ~ -тöг-ныд ~ -тöгйа-ныд*), в верхнесыольском (*-тöг ~ -тöгйи ~ -тöгйа*) и ижемском (*-тöг ~ -тöгйа*) диалектах суффикс с конечным *-йV(-)* зафиксирован в простом и посессивном склонениях [ВСД 60–61; ИД: 44; 50–51; УД: 37]. В коми-пермяцком языке суффиксы с коаффиксом *-йV-* присущи пролативу (*-öтm'a- ~ -öт'm'u- ~ -öт'm'a-*) и терминативу (*-öдзä- ~ -öдзäи-*), при этом согласный *й* ассимилирован предшествующим согласным [КПЯ: 216; КПРС: 607; Дмитриева 1998: 86], исходная форма (*-өтйа-; -өдзйа-*) сохраняется в коми-зырянском наречии [КЯД: 46]. В косинско-камском диалекте вариативные суффиксы (*-тöгйа- ~ -тöгйи-*) имеет также абессив [Дмитриева 1998: 86]. В грамматике Н. Рогова зафиксированы обусловленные посессивностью алломорфы комитатива: *-кöттi-, -кöтjа-, -кöттi-: вон-кöттiм* ‘с братом моим’, *вонjес-кöттiм* ‘с братьями моими’ [Ро-

гов 1860: 41–42, 43], что позволяет распространить суффиксы с коаффиксом *-йV-* на комитатив.

В ряде коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов вариативные суффиксы характерны для абессива и комитатива личных и усилительно-личных местоимений [Майшев 1940: 56; Баталова 1990: 100–101; Баталова 1995: 94–95; КПЯ: 236; ВСД: 102–103; 108; ИД: 65; 71; УД: 50–52, 58–59; КЯД: 61–63]. Приведем некоторые примеры:

Абессив:

кз. уд. *мэ-төг* ~ *мэ-төгй-ө* ~ *мэ-төгйи* ~ *мэ-төг-ө* ~ *мэ-төгй* ~ *мэ-төгйа-ө* ‘без меня’, *ас-төг-ыд* ~ *ас-төгй-ыд* ~ *ас-төми-ыд* ‘без тебя самого’ [УД: 51; 58]; иж. *мэ-төгйа* ~ *мэ-төгйа-а* ‘без меня’, *тэ-төгйа-ыд* ‘без тебя’, *сы-төгйа* ‘без него’ [ИД: 64].

кп. *ас-төгйа-м* ‘без меня самого’, *ас-төгйа-т* ‘без тебя самого’, *ас-төгйа-с* ‘без него самого’, *ас-төгйа-ным* ‘без нас самих’, *ас-төгйа-ныт* ‘без вас самих’, *ас-төгйа-ныс* ‘без них самих’ [КПЯ: 236];

кя. *мэ-төг(йам)* ‘без меня’, *тэ-төг(йад)* ‘без тебя’, *мэ-төгйа-ним* ‘без нас’, *тэ-төгйа-нит* ‘без вас’; *ас-төг(йам)* ‘без меня самого’, *ас-төг(йад)* ‘без тебя самого’, *ас-төг(йас)* ‘без него самого’, *ас-төг(йаним)* ‘без нас самих’, *ас-төг(йанид)* ‘без вас самих’, *ас-төг(йанис)* ‘без них самих’ [КЯД: 61–63].

Комитатив:

кз. уд. *мэ-көт* ~ *мэ-көт-ө* ~ *ме-көти-ө* ~ *мэ-көт'т'а-ө* ~ *мэ-көт'т'и-ө* ‘со мной’ [УД: 50]; иж. *ас-кэдыа-а* ‘со мною самим’, *ас-кэдыа* ~ *ас-кэдыа-ыд* ‘с тобою самим’, *ас-кэдыа* ~ *ас-кэдыа-ыс* ‘с ним самим’ [ИД: 72];

кп. *ас-көт'т'а-м* ‘со мною самим’, *ас-көт'т'а-т* ‘с тобою самим’, *ас-көт'т'а-с* ‘с ним самим’, *ас-көт'т'а-ным* ‘с нами самими’, *ас-көт'т'а-ныт* ‘с вами самими’, *ас-көт'т'а-ныс* ‘с ними самими’ [КПЯ: 236];

кя. *мэ-көт(йам)* ‘со мной’, *тэ-көт(йад)* ‘с тобой’, *мэ-көтйа-ним* ‘с нами’, *тэ-көтйа-нит* ‘с вами’; *ас-көт(йам)* ‘со мною самим’, *ас-көт(йад)* ‘с тобою самим’, *ас-көт(йас)* ‘с ним самим’, *ас-көт(йаним)* ‘с нами самими’, *ас-көт(йанид)* ‘с вами самими’, *ас-көт(йанис)* ‘с ними самими’ [КЯД: 61–63].

Суффиксы с коаффиксом *-йа/-йи-* охватывают территорию распространения коми-пермяцкого языка и окраинных коми-зырянских

диалектов. Исходя из этого, Р. Бейкер полагает, что наращение *-йа/-йи-* к падежным суффиксам происходило в период пракоми языка, изначально такие суффиксы имели повсеместное распространение, позднее в большинстве зырянских диалектов они были утрачены [Baker 1985: 154]. Коаффикс *-йа-* формально отождествляется с суффиксом удмуртского адвербиала [Серебренников 1963: 28; Baker 1985: 154; Rédei 1988: 383; Csúcs 2005: 182], развитие варианта *-йи-* объясняется присоединением к суффиксу **-ја* лативного суффикса **-j* [Rédei 1962: 198; Rédei 1988: 383]. Представляется, что в случае различия *-йа(-)/-йи(-)* имеет место меж-/внутридиалектная корреспонденция гласных, что обнаруживается в непервых слогах отдельных слов, напр.,

-йи // -йа: кз. *пыр*, уд. *пырйи*, нв. *пырйа*, *пырйаыс*; кп. *пырйа*, кя. *пөр* ‘через’ [ССКЗД: 312; ЛЛД: 101; КЯД: 77];

-йи // -йа // -йö: вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *дырйи*, лл. *дырйö*, лл. иж. уд. *дырйа*, иж. *дырйас'* [ССКЗД: 117; ЛЛД: 102]; дрк. *дыр* (Л:22), *дырйэ* (Е:22) [Лыткин 1952: 129]; кп. *дырйи*, *дырйа* [КПРС: 135], удм. *дырйа* [УРС: 132] ‘во время’;

вв. вс. вым. нв. печ. скр. сс. *пыдд'у*, вым. уд. *пыд'д'ис'*, лл. уд. *пыд'д'ö*; вым. *пыд'д'а*, вым. уд. *пыд'д'ас'*, иж. *пыд'л'а*, иж. *пыд'л'ас'* [ССКЗД: 311]; дрк. *пыдйэ* (ЛЕ: 119, 123) ‘вместо’ [Лыткин 1952: 142];

а // и: иж. кп. скр. *коста*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. вс. скр. сс. уд. *кости* ‘между тем, через’ [ССКЗД: 166; КПРС: 187]; л. скр. сс. уд. *мыс'т'и*, вым. иж. *мыс'ти*, л. *мыс'ки*, уд. *мыс'ти*, уд. *мыс'та*, вв. (Бог.) уд. *мыс'та* ‘через’ [ССКЗД: 232; УД: 91]; кп. *куз'а* ~ *куз'и* ‘из-за’ [Баталова 1975: 199];

а // и (// ö): вв. вс. кп. л. скр. сс. *гол'а*, вв. (Крч.) вым. лет. нв. печ. *гол'и* ‘шея; горло’ [ССКЗД: 83; КПРС: 101]; уд. (Лат.) *пидзи* ~ *пидзö* ~ (Гл.) *пидза*: уд. (Гл.) *пидзакок йилас сувтис* ‘встал на колени’ [Сорвачева 1972: 179].

Приведенные вариативные языковые единицы не имеют семантико-грамматических различий, напр., вс. вым. *пыд'д'у* ~ *пыд'д'а* ‘вместо’: вс. (Кб.) *л'экарство пыд'д'и* ‘вместо лекарства’, *вый пыд'д'а* ‘вместо масла’ [ВСД: 145]; вым. *быдмём пыд'д'и* ‘вместо того, чтобы расти’, *койыштём пыд'д'а* ‘вместо того, чтобы закинуть’ [ВД: 158], лл. *дырйö* ~ *дырйа* ~ *дырйи*: лл. (Лет) *чэ'лад' дырйö*, (Гур.) *ичöт ды-*

рйа ‘в детстве’, (Сл.) *мороз дырйӧ*, (Пор.) *кӧдзыд дырйи* ‘в мороз’ [ЛЛД: 102].

Представляется, что при определении источника сегмента *-йV-* в составе послелогов и падежных суффиксов необходимо учитывать два момента: его семантическую нагрузку в диахронии и синхронии, а также его сочетаемостные свойства. В послелогох уд. *пыр-йи*, нв. *пыр-йа* ‘через, сквозь’ < к. *пыр* ‘через, сквозь’ и лл. *дыр-йи* ~ *дыр-йӧ* ~ *дыр-йа* ‘в, во время’ < *дыр* ‘время’ (в самостоятельном употреблении сохраняется в удмуртском языке) конечный *-йV* может быть рефлексом прапермского (про)латива **-jV* (подробнее см.: гл. 3, раздел 3.11).

В составе современных падежных суффиксов коаффикс *-йV-* не несет никакой семантической нагрузки. Если в падежных суффиксах этот компонент является рефлексом прапермского (про)латива **-jV*, то остается открытым вопрос, какая именно функция отводилась ему. Двойное падежное маркирование было характерно для грамматической системы прапермского языка, об этом свидетельствуют показатели, образованные в результате слияния двух суффиксов, напр., суффиксы эгрессива кз. кп. *-сянь*, удм. *-ысен* (об образовании суффиксов эгрессива подробнее см.: гл. 4, раздел 4.5). Однако нет абсолютной уверенности в том, что присоединение (про)лативного суффикса **-ja* было вызвано необходимостью изменения значения суффиксов объектных и пространственных падежей. Скорее всего, суффикс **-ja*, утрачиваясь из падежной системы пракоми языка и теряя свое пространственное значение, приобретает какие-то семантические коннотации, присоединяется первоначально к суффиксу пролатива, далее по аналогии распространяется на другие суффиксы.

Падежные суффиксы с наращением дополнительного сегмента различаются по ареалу распространения: суффиксы с конечным *-а* объединяют удмуртские и пермяцкие диалекты, суффиксы с конечными *-и*, *-йа* и *-йи* распространены только в коми диалектах, при этом в южных коми-пермяцких диалектах и коми-язьвинском наречии зафиксированы формы с конечными *-а*, *-йа*, в северных коми-пермяцких встречаются все варианты – с конечными *-а*, *-и*, *-йа*, *-йи*. В окраинных зырянских диалектах функционируют суффиксы с конечными *-и*, *-йа* и *-йи*: в верхнесысольском и ижемском диалектах с коаффиксом *-йа*, в удорском диалекте с конечными *-и*, *-йа* и *-йи*.

В синхронии сегментация этих элементов невозможна, так как они выступают в составе единого суффикса, не имея собственной семантики. Отсутствие суффиксов с коаффиксом *-iV-* в удмуртском языке объясняется сохранением прапермским пролативом падежного статуса в виде адвербиала.

5. Суффиксы аккузатива. В посессивном склонении, в отличие от простого, аккузатив всегда эксплицитно выражен. Он представлен унаследованными от общепермского праязыка суффиксами кз. кп. *-ōc*, *-ō*, удм. *-эс*, *-э*, которые восходят к разным источникам (о происхождении суффиксов см.: гл. 3, раздел 3.2). В современных пермских языках суффиксы проявляют различную дистрибутивную нагрузку. В удмуртском языке проявляется распределение суффиксов между числовыми парадигмами, что характерно также для некоторых падежей простого склонения: суффикс *-э* обобщился для единственного числа обладателя: *-м-е*, *-д-э* / *-т-э*, *-з-э* / *-с-э*, суффикс *-эс* – для множественного числа обладателя: *-м-ес*, *-д-эс*, *-з-эс*. В коми языках наблюдается распределение суффиксов по лицу обладателя: суффикс *-ōc* характерен для 1-го лица (кз. кп. *-ōc*, *-ным-ōc*), суффикс *-ō* – для 2-го (кз. кп. *-т-ō*, *-ным-ō*) и 3-го (кз. кп. *-с-ō*, *-ныс-ō*) лица. В летских говорах лузско-летского диалекта суффикс *-ōc* обобщился для всех лиц в обеих числовых парадигмах: лет. *-ым-ōc*, *-ыд-ōc*, *-ыс-ōc*, *-ныс-ōc*, *-ным-ōc*, *-ныс-ōc* [ЛЛД: 40–41], в вымском диалекте и нижневычегодских говорах, кроме говоров с. Гам, дер. Жешарт, во всех формах, за исключением 1-го лица единственного числа, обобщился суффикс *-ō*: *-ōc*, *-т-ō*, *-с-ō*, *-ным-ō*, *-ныд-ō*, *-ныс-ō* [ВД: 61; НВД: 38–39], что засвидетельствовано также в древнекоми текстах [Лыткин 1952: 107]. В отдельных диалектах в качестве показателя аккузатива 2-го и 3-го лица множественного числа обладателя выступают кумулятивные суффиксы *-тō* и *-сō*: иж. *-ныд-тэ*, *-ныс-сэ*, печ. *-ныд-тō*, *-ныд-сō* [ИД: 51; ПД: 24].

Морфологически обусловленные алломорфы, представленные в литературных языках и коми-язьвинском наречии, продемонстрированы в табл. 33.

Обусловленные посессивностью падежные алломорфы
в пермских языках*

Падеж	Коми-зырянский язык	Коми-пермяцкий язык	Коми-язьвинское наречие	Удмуртский язык
Аккузатив	- <i>ö</i> , - <i>öс</i>	- <i>ö</i> , - <i>öс</i>	- <i>ө</i> , - <i>өс</i>	- <i>э</i> , - <i>эс</i>
Инессив	- <i>а</i> -	- <i>а</i> -	- <i>а</i> -	- <i>а</i> -
Иллатив	- <i>а</i> -	- <i>а</i> -	- <i>а</i> -	- <i>а</i> -
Элатив	- <i>с'ы</i> -	- <i>с'и</i> -	- <i>с'и</i> -	- <i>ыс'ты</i> -
Инструменталь	- <i>на</i> -	- <i>на</i> -	- <i>на</i> -	- <i>эны</i> -, - <i>ыны</i> -
Аппроксиматив		- <i>лан'а</i> -	(- <i>лан'а</i> -)	- <i>лан'а</i> -
Эгрессив		- <i>с'ан'а</i> -	- <i>с'ан'а</i> -	- <i>ысены</i> -, - <i>сены</i> -
Терминатив		- <i>öдзä</i> - - <i>öдз'и</i> -, - <i>öдзä</i> - - <i>öдз'и</i> -	< - <i>өдз'и</i> -	- <i>оз'а</i> -
Пролатив		- <i>өтт'а</i> - < - <i>өт'и</i> -, - <i>өтт'и</i> - < - <i>өт'и</i> -, - <i>өт'м'а</i> - < - <i>өт'и</i> а-	- <i>өт'и</i> а-	
Абессив	*- <i>төг'и</i> а-, *- <i>төг'и</i> и-, *- <i>төг'и</i> -	*- <i>төг'и</i> а-, *- <i>төг'и</i> -	(- <i>төг'и</i> а-)	
Комитатив	*- <i>көт'и</i> -, *- <i>көт'и</i> и-, *- <i>көт'м'а</i> - < - <i>көт'и</i> а-, *- <i>көт'м'и</i> - < - <i>көт'и</i> и-)	(- <i>көт'м'а</i> - < - <i>көт'и</i> а-)	(- <i>көт'и</i> а-)	

Примечание. * Приведены падежные суффиксы субстантивного и местоименного (личных и усилительно-личных местоимений) склонений. В скобках даны суффиксы, присущие только местоимениям. Знак * указывает на то, что данный суффикс не встречается в литературном языке.

Таким образом, в пермских языках обусловленные посессивностью алломорфы, которые появляются в случае их предшествования посессивному суффиксу, различаются по способу формирования и ареалу распространения. Несмотря на то, что этимология отдельных суффиксов остается не до конца выясненной, тем не менее можно заключить, что морфологически обусловленные алломорфы развились на основе фонетически обусловленных алломорфов, этимологически различных суффиксов и в результате наращивания дополнительных сегментов. Кроме того, как отмечает В. К. Кельмаков, суффиксы в посессивном склонении сохранились в более ранней форме, нежели в простом [Кельмаков 2000: 82]. В посессивном склонении ряд падежей сохраняют форму без анлаутного гласного, тогда как их стандартный суффикс имеет гласный в анлауте. Можно отметить, что посессивные суффиксы в какой-то мере играют роль консервирующего фактора в сохранении исходной структуры падежных формантов.

Морфологически обусловленные алломорфы распространены во всех пермских языках и их диалектах. Сходства обнаруживают: а) алломорфы инессива, илллатива, аккумулятива во всех пермских языках; б) алломорфы инструменталю, элатива, абессива и комитатива в коми языках, в) алломорфы терминатива и аппроксиматива в коми-пермяцком и удмуртском языках. Ареал распространения морфологически обусловленных алломорфов, а также степень представленности различных их типов в пермских языках свидетельствуют о динамическом развитии посессивного склонения. Истоки дифференциации разновидностей склонения, как справедливо заметил В. К. Кельмаков [2000: 85], относятся к общепермскому периоду. В современных пермских языках противопоставление парадигм простого и посессивного склонений носит ограниченный характер: оно охватывает только часть падежей. В каждом языке сохраняются унаследованные от праязыка морфологически обусловленные алломорфы илллатива и инессива. Представляется, что в идиомах прапермского языка наметилась тенденция к оформлению показателя, выражающего взаимодействие категорий падежа и посессивности, в виде сегмента *a* в составе суффиксов. Такая ситуация характерна для пространственных падежей коми-пермяцкого языка и отдельных па-

дежей удмуртского языка. Исключением в коми-пермяцком языке покажется показатель элатива, который не содержит *a*. Однако в данном случае гласный дифференцирует показатели элатива и компаратива, ср. кп. *керку-ным-ся ыджыт* ‘больше, чем наш дом’ и *керку-си-ным петіс* ‘[он] вышел из нашего дома’.

Не вдаваясь в детальное сопоставление морфологически обусловленных алломорфов финно-пермских языков, отметим, что взаимодействие падежного и посессивного суффиксов в системе субстантивного склонения в разной степени присуще каждому языку. Так, в марийском языке алломорфное варьирование наблюдается вне зависимости от позиции падежного суффикса по отношению к посессивному. Взаимодействие падежного и посессивного суффиксов проявляется в выпадении конечной гласной падежного суффикса (ср. в показателях латива и локатива перед посессивными суффиксами 1-го и 2-го лица единственного числа), в изменении его огласовки (в формантах латива и локатива при посессивных суффиксах 3-го лица единственного числа и 1-го, 2-го, 3-го лица множественного числа), в варьировании алломорфов в зависимости от консонантного и вокалического ауслата посессивного суффикса (в генитиве, аккумулятиве), в выпадении суффикса аккумулятива при посессивном суффиксе 1-го лица единственного числа. Не имеют алломорфов суффиксы датива и адвербиаль [СМЯ: 57–60]. Ср. склонение слов *терем* ‘мои сани’, *корнына* ‘наша дорога’, *терышт* ‘их сани’:

номинатив	<i>тер-ем</i> ‘мои сани’	<i>корны-на</i> ‘наша дорога’	<i>тер-ышт</i> ‘их сани’
генитив	<i>тер-ем-ын</i>	<i>корны-на-н</i>	<i>тер-ышт-ын</i>
датив	<i>тер-ем-лан</i>	<i>корны-лан-на</i> (на-лан)	<i>тер-ышт-лан</i> (лан-ышт)
аккумулятив	<i>тер-ем-(ым)</i>	<i>корны-на-м</i>	<i>тер-ышт-ым</i>
локатив	<i>тер-ышт-ем</i>	<i>корны-шты-на</i>	<i>тер-ышт-ышт</i>
латив	<i>тер-ышк-ем</i>	<i>корны-шкы-на</i>	<i>тер-ышк-ышт</i>
адвербиаль	<i>тер-еш-ем</i>	<i>корн-еш-на</i>	<i>тер-еш-ышт</i>

В карельском языке в косвенных падежах (посессивный суффикс следует за падежным) суффиксы с конечным гласным сохраняются без изменения, только в суффиксе транслатива происходит переогла-

совка ($i > e$); суффикс иллатива в сочетании с посессивным суффиксом единственного числа употребляется с огласовкой *a*, *ä*, с посессивным суффиксом множественного числа – с огласовкой *i* [Зайков 1999: 47]. Ср. фрагмент склонения слова *jalka* ‘нога’ и *jalkani* ‘моя нога’:

иллатив	<i>jalka-h</i>	<i>jalka-ha-ni</i>
транслатив	<i>jala-ksi</i>	<i>jala-kse-ni</i>
инессив	<i>jala-ssa</i>	<i>jala-ssa-ni</i>
элатив	<i>jala-sta</i>	<i>jala-sta-ni</i>
адессив-аллатив	<i>jala-lla</i>	<i>jala-lla-ni</i>

В вепском языке в посессивном склонении наблюдается выпадение суффикса генитива, «во 2-м и 3-м л. совпадают формы номинатива и генитива», «в падежах, оканчивающихся на согласный (инессив-элатив, адессив-аблатив и партитив), перед притяжательным суффиксом 1-го и 2-го л. выступает гласный *e* ($< a$), перед суффиксом 3-го л. – *a*» и др. [Зайцева 1981a: 230].

Как показывают приведенные примеры, в родственных языках в сочетании с посессивными суффиксами могут употребляться как стандартные, так и морфологически обусловленные падежные суффиксы независимо от их позиции по отношению к посессивному суффиксу. Пока остается открытым вопрос, было ли противопоставлено склонение имен без посессивных суффиксов и имен, снабженных посессивным суффиксом, в допермский период развития языков. Предполагается, что посессивные суффиксы были представлены уже в уральскую (прафинно-угорскую) эпоху [Основы 1974: 267; Хайду 1985: 236], но посессивное склонение для праязыковых состояний не реконструируется.

Необходимо отметить влияние категории посессивности на преобразование парадигмы склонения. В отличие от простого, посессивное склонение может иметь меньшее количество падежей, оказаться редуцированным. В пермских языках совпадают суффиксы инессива и иллатива, в коми языках – суффиксы аппроксимативных падежей и импроксимэссива, в коми-пермяцком языке – суффиксы суперлатива и суперлокатива. Разное количество падежей в типах склонений представлено в мордовских языках: в мокшанском языке в простом склонении – 13 падежей, в посессивном – 10, в эрзянском языке

в простом склонении – 12, в посессивном склонении – 8 [ГМЯ: 151, 200]. В марийском языке одинаковы формы номинатива и аккузатива при посессивных суффиксах 1-го и 2-го лица единственного числа [СМЯ: 57–60]. В карельском языке посессивные суффиксы не принимает словоформа в инструктиве [Зайков 1999: 47], в вепском языке «во 2-ом и 3-ем лице совпадают формы номинатива и генитива» [Зайцева 1981а: 230].

Таким образом, взаимодействие категорий падежа и посессивности проявляется в изменении формы падежного или посессивного суффикса (выпадение / вставка гласного в падежный или посессивный суффикс, изменение огласовки суффикса, морфологическая нейтрализация падежных форм и др.) и в преобразовании парадигмы склонения (сокращение числа падежей).

Глава 3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ПАДЕЖЕЙ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Пермские языки, как и все финно-угорские, относятся к языкам номинативного строя, характерной особенностью которых является наличие оппозиции падежа для субъекта действия и падежа для объекта. Большинство объектных падежей в пермских языках являются общими: аккузатив, генитив, аблатив, датив, инструменталь, абессив. В коми языках в группу объектных входят также комитатив, консекутив и компаратив, в удмуртском языке – адвербиаль.

3.1. Семантическая структура номинатива

Номинатив является падежом, который маркирует первый актанта при глаголе и представляет собой исходную форму имен существительных. По своим функциям и форме он противопоставляется остальным, косвенным, падежам.

1. *Употребление номинатива в пермских языках.* Свойства номинатива, отличающие его от других падежей, определили его употребление. Существительное в номинативе может быть в позиции грамматического подлежащего, именной части составного сказуемого, атрибута.

1. Номинатив в позиции подлежащего. Номинатив является каноническим способом маркирования грамматического подлежащего в двусоставном предложении. Им выражается субъект действия, семантические разновидности которого зависят от семантики предиката [Клобуков 1986: 84; Шелякин 2001: 39; Золотова 2006: 23–24]. При каузативных глаголах, некоторых глаголах движения, перемещения, действия номинативом маркируется активный действующий субъект (агенс):

кз. *Сьöd мӧс нышйӧ, гӧрд мӧс вӧтӧдӧ.* (КМС: 245) ‘Черная корова убегает, красная корова догоняет’.

кп. *Айыс Ванёкыслӧн уджалӧ бурӧвӧй бригадаын.* (Баталов) ‘Отец Ванечки работает в буровой бригаде’.

удм. *Тӧдӧы йазегӧс кутсалозы, Митрей агай берыктоз.* ‘Белые гуси будут молотить, дядя Дмитрий будет ворочать’ [Перевозчикова 1982: 48].

В предложениях, выражающих отношения между объектом и субъектом или между объектом и другим объектом (отношение соответствия / несоответствия между субъектом и объектом; отношение сходства субъекта с объектом; отношения одновременности, следования или предшествования между субъектом и объектом и т. п.), в номинативе выступает субъект отношения:

кз. *И Прокѡ асьсѡ ѓні ѓткодяліс вуж вылас косьмѡм, пемдѡм тайѡ пуыскѡд.* (В. Напалков) ‘И Прокопий теперь сравнил себя с этим высохшим на корню, почерневшим деревом’.

кп. *А саревна леститчѡ сы дынѡ.* (Перем) ‘А царевна ласкается к нему’.

удм. *Мае ке данъякуз но дунъякуз, калык сое чѡшатэ зарниен.* (Удм. дунне, 2007.02.28) ‘При восхвалении и оценке чего-либо народ сравнивает его с золотом’.

В предложениях с именными предикатами номинатив обозначает носителя предикативного признака:

кз. *Батьыс чукля, мамыс гѡна, пыис дурак.* (КМС: 247) ‘Отец кривой, мать мохнатая, сын дурак’.

кп. *Юыс сэтѡн непыдын.* (Баталов) ‘Река там неглубокая’.

удм. *Лудкечлэн быжыз вакчи, пельыз сак.* ‘У зайца хвост короткий, уши чуткие’ [Перевозчикова 1987: 61].

При глаголах с пассивным значением номинативом выражается объект действия, который занимает центральную позицию в семантической структуре предложения, а семантический субъект, оформленный показателем косвенного падежа (датива, инструментала или генитива), вытесняется на периферию:

кз. *Ѡдзѡс тѡлѡн воссис – висьтав мукѡдлы.* (Куратов: 231) ‘Дверь открылась ветром – скажи остальным’.

кп. *Деревняыс вевттисис ойѡн.* (А. Ермаков) (Парма шы: 391) ‘Ночь покрыла деревню’; *Пишальыс Степаныслѡ быттьѡ гленитчис.* (Федосеев 1991: 59) ‘Ружье Степану вроде бы понравилось’.

удм. <...> *дунтэк билет сѣтйське висисез келясь муртлы.* (Удм. дунне, 2010.02.17) ‘<...> бесплатно билет дается сопровождающему большому человеку’; сред. *котыр инты со ад’амиослы укыр кэл’шэм.* ‘Окрестности очень понравились тем людям’ [Кельмаков 1990: 179].

2. Номинатив в составе именного сказуемого выражает дополнительную информацию об участнике ситуации. В современных коми

языках активную конкуренцию ему составляет инструменталь, который начинает входить в состав сказуемого, скорее всего, только с XIX в.:

кз. *Ния **пиян** енълонъ шусясны.* ‘Они сыновьями божьими наречены’ (Рум. 6) [Кузнецова 1967: 61]; *И вомысьть сэтче овмодчись карынъ, коды шусе **Назаретъ**, медъ лоасъ шудъмъ пророкъасон, мый Сьла **Назаретонъ** шусасъ.* (Шергин 1823: 5) ‘И придя туда, он поселился в городе, называемом Назарет, пусть сбудется предсказание пророков, что Он Назаретом наречется’.

кп. *И воктoнас ован керoм Назарет нимся гoрoдын, мед воас, мый висътавоm пророкъес серты, мыся сья **Назаретoн** шусяс.* (Евангелие 1882: 4) ‘И придя туда, он поселился в городе, называемом Назарет, пусть сбудется предсказание пророков, что Он Назаретом наречется’.

Выбор падежной формы именной части сказуемого определяет наличие / отсутствие связки и форма времени связочного глагола, но это не носит характер жесткого грамматического правила. В предложениях, описывающих ситуацию в настоящем времени, предпочтительно использование номинатива:

кз. *Да и вообщo, Яров, ме oтвечайта, ме **бригадирыс.*** (Ю. Васютов) ‘Да и вообще, Яров, я отвечаю, я бригадир’; *А ме совхозса **тракторист Гелиос Степанович Яров.*** (Ю. Васютов) ‘А я тракторист совхоза Гелиос Степанович Яров’; *Ме тай тэ моз абу **тракторист либo шофёр.*** (И. Изъюров) ‘Я же, как и ты, не тракторист или шофер’.

кп. *Ме **начальник.*** (Можяев) ‘Я начальник’.

При связочных глаголах (кз. кп. *вoвны* ‘быть’, *лоны* ‘стать, становиться’, *шусьыны* ‘называться’) в формах прошедшего и будущего времени номинатив значительно уступает инструменталю. Так, поиск по ККЯ показал, что из 250 примеров, содержащих личные формы глаголов *шусьыны* ‘называться’ и *лоны* ‘стать, становиться’, в 238 случаях предикатив оформлен показателем инструменталю (дата обращения: 20.02.2016). Аналогичная ситуация наблюдается в современном коми-пермяцком языке. Если в фольклорных текстах [Перем] при глаголе *шусьыны* ‘называться’ чаще использована номинативная форма имени (частотность употребления: номинатив – 6, инструменталь – 1), то в художественных текстах [Баталов; Можяев] доминирует уже инструментальная (частотность употребления: инструменталь – 28, номинатив – 2):

кз. *Степан Иванович вöлі бригадир, директор пыдди.* (А. Потолицын) ‘Степан Иванович был бригадиром, вместо директора’; *Ме вöлі бригадир – ус-тоиштом.* (И. Вавилин) ‘Я был бригадиром – еще без усов и бороды’; <...> *ме сэки на мыйлакө думайти, мый Вадоров лоас поэт либö артист.* (П. Шахов) ‘<...> я тогда еще почему-то подумал, что Вадоров будет поэтом или артистом’.

кп. *Егор вöлі баитысь морт.* (Баталов) ‘Егор был разговорчивым человеком’; <...> *нинкöма зонка лоас Лизаветалөн жёник.* (Перем) ‘<...> парень в лаптях станет женихом Елизаветы’.

В удмуртском языке номинативная форма именного сказуемого устойчиво сохраняется, существительное в номинативе выступает со связочными глаголами в разных временных формах и без связки:

удм. *Фрунзе туннэ Бишкек нимаське.* (Удм. дунне, 2010.04.16) ‘Фрунзе сегодня называется Бишкек’; *Со удмуртёс пöлысь нырысетйез математика удысысь доктор луэ.* (Удм. дунне, 2013.01.11) ‘Он является первым доктором математических наук среди удмуртов’; *Со туж визьмо, тыршись но лякыт адями вал.* (Удм. дунне, 2010.12.10) ‘Он был очень умным, трудолюбивым и скромным человеком’; *Настя врач луыны дасяське.* (Зечбур!, 2013.01.22) ‘Настя готовится стать врачом’; *Отын со огвакытэ школлэн директорез но вал.* (Удм. дунне, 2012.01.13) ‘Там она в одно время была и директором школы’.

В коми языках под влиянием русского языка наметилась тенденция к смысловой дифференциации между номинативной и инструментальной формами именного сказуемого, что более характерно для предикативных прилагательных. За номинативной формой начинает закрепляться указание на временный, изменчивый, случайный признак, за инструментальной формой – указание на постоянный, устойчивый, неизменный признак [Лудыкова 2010: 66–67]. Что касается предикативных существительных, то семантические различия между падежными формами не так явно выражены. В настоящее время происходит активизация инструменталя при параллельном разграничении контекстов между падежами.

3. Номинатив в составе именной группы

3.1. В пермских языках номинативом может оформляться зависимое в именных группах, при этом наблюдается простое соположе-

ние вершины (обладаемого) и зависимого (посессора) или вершинное маркирование посессивным суффиксом:

кз. *Өні бaть керкaын Машa чoйлөн семьяыс олө.* (И. Белых) ‘Теперь в отцовском доме живет семья сестры Маша’; *Унатор казьтылө бaть керкaыс Гришалы.* (В. Напалков) ‘О многом напоминает отцовский дом Грише’.

кп. *Ния локтисö Вaря керку дындө.* (Баталов) ‘Они подошли к дому Вари’; *Ай-мам керкуас некин эз ов.* ‘В родительском доме никто не жил’.

удм. *Комсомол секретарьзы жöген выльысь куаразэ сётиз* ‘Вскоре секретарь комсомола снова подал голос’ [Едыгарова 2010: 195].

Присубстантивный номинатив выражает широкий спектр значений [Бубрих 1949: 45; Вахрушев 1980: 134–140; Едыгарова 2010: 190–197; ÖКК: 65], в частности:

1) посессивные отношения (обладатель – обладаемое): кз. *бaть керка*, кп. *ай керку*, удм. *атай корка* ‘отцовский дом’;

2) отношения целого и части (отношения неотчуждаемой принадлежности): кз. кп. *пон бөж*, удм. *пуны быж* ‘хвост собаки’; кз. кп. *чери сьом*, удм. *чорыг сьом* ‘рыбья чешуя’; кз. *бедь пом*, кп. *бедь пон*, удм. *боды пум* ‘конец палки’; кз. кп. *петшөр кор*, удм. *пушнер куар* ‘лист крапивы’;

3) субъектные отношения (субъект события, состояния – событие, состояние, действие): кз. кп. *шонди петом*, удм. *шунды жужам* ‘восход солнца’; кз. кп. *пон увтом*, удм. *пуны утэм* ‘лай собаки’;

4) отношение содержания к форме (вещество – форма): кз. *турун зорөд*, кп. *турун зород*, удм. *турын зурод* ‘стог сена’; кз. *пызь мешок*, кп. *пизь мешок*, удм. *пызь мешок* ‘мешок муки’;

5) количественные отношения (количество вещества – вещество): кз. *мешок пызь*; кп. *мешок пизь*, удм. *мешок пызь* ‘мешок муки’; кз. кп. *додь турун*, удм. *воз турын* ‘воз сена’;

6) отношение материала (материал предмета – предмет): кз. *йи керка*, кп. *йи керку*, удм. *йө корка* ‘ледяной дом’;

7) отношение предназначения (предмет – предназначенный предмет): кз. кп. *забор поти*, удм. *кенер пуч* ‘жердь для изгороди’; кз. кп. *кань куд*, удм. *писэй куды* ‘короб для кошки’;

8) пространственные отношения (место – предмет, ситуация): кз. *вӧр керка*, кп. *вӧр керку* ‘лесная избушка’, кз. *вӧр турун*, удм. *нюлэс турын* ‘лесная трава’; *бусы сясыка* ‘полевой цветок’;

9) темпоральные отношения (время – предмет, ситуация): кз. *гожӧм кад* ‘летнее время’, *тулыс кад* ‘весеннее время’, удм. *гужем корка* ‘летник (‘летний дом’)', *жыт кыскон* ‘вечерняя дойка’, *нунал вераськон* ‘дневной разговор’, *тол дыр* ‘зимнее время’;

10) отношение членства (коллектив, организация, группа – представитель коллектива): кз. удм. *сельсовет секретарь* ‘секретарь сельсовета’; *колхоз председатель* ‘председатель колхоза’; *школа директор* ‘директор школы’;

11) наименование (собственное имя – лицо, предмет): кз. кп. *Микол дядь*, удм. *Миколай агай* ‘дядя Николай’, кз. *Эжва ю* ‘река Вычегда’, кп. *Иньва ю* ‘река Иньва’, удм. *Ува ёрос* ‘Увинский район’.

В удмуртском языке номинативные именные зависимые распространены шире, чем в коми языках, что особенно заметно при выражении значений места, времени и членства.

В коми-зырянском языке при выражении пространственных отношений существительное в номинативе варьирует с прилагательным с суффиксом *-са*. Количественное соотношение существительного в номинативе и прилагательного в одинаковых контекстах в абсолютном большинстве случаев в пользу прилагательного, ср. употребление в ККЯ именных групп со значением ‘сельская школа’: *сиктса школа* – 169, *сикт школа* – 0; со значением ‘школьная библиотека’: *школаса библиотека* – 17, *школа библиотека* – 4. Исключение составила передача значения ‘лесной’, ср. количество употребления в ККЯ словосочетаний со значением ‘лесная избушка’: *вӧр керка* – 910; *вӧрса керка* – 12; со значением ‘лесная дорога’: *вӧр туй* – 126, *вӧрса туй* – 80 (дата обращения: 20.04.2016). Примеры:

кз. *Лыдди ме школа библиотекасыс унджык нигасӧ*. (В. Чисталев) ‘Я прочитал большинство книг из школьной библиотеки’; *Мунӧны туй кузя витӧн, Мунӧны вӧр туйӧд, ягӧд*. (В. Лыткин) ‘Идут по дороге пятеро, идут по лесной дороге, по сосновому бору’.

кз. *Любаӧс босьтӧсны уджавны школаса библиотекаӧ*. (В. Тимин) ‘Любу взяли работать в школьную библиотеку’; *И со восьлала нин тӧдса вӧрса туйӧд*. (И. Белых) ‘И вот я шагаю уже по знакомой лесной дороге’.

В удмуртском языке номинативное именное зависимое конкурирует с элативным, соотношение между падежами меняется в зависимости от лексико-семантических условий, ср. частотность употребления словосочетаний со значением ‘сельская, деревенская школа’ в КУЯ: *гурт школа* – 111, *гуртысь школа* – 128; со значением ‘школьная библиотека’: *школа библиотека* – 24, *школаысь библиотека* – 10; со значением ‘сельский учитель’: *гурт дышетісь* – 3, *гуртысь дышетісь* – 42. Примеры:

удм. *Гурт дышетісьёслы льготаосты та дырлы утыны быгатім.* (Удм. дунне, 2010.01.26) ‘К данному времени мы сумели сохранить льготы сельским учителям’.

удм. *Станислав Гадиуллиович Максим гуртысь школаен кивалтэ.* (Ошмес, 2013.09.26) ‘Станислав Гадиуллиович возглавляет школу деревни Максим’; *Гуртысь дышетісь луиз участковой милиционер.* (Удм. дунне, 2010.07.21) ‘Сельский учитель стал участковым милиционером’.

Аналогичная ситуация наблюдается в коми-пермяцком языке, при выражении пространственных отношений номинатив варьирует с элативом:

кп. *Мужык мунас ойнас вёр туй кузя.* (Перем) ‘Мужик пойдет ночью по лесной дороге’; *Школаисъ жьрын вöлі пемыт ни* (Баталов) ‘Школьном кабинете было уже темно’.

Выражение темпоральных отношений соположением существительных характерно для удмуртского языка:

удм. *Одйг пол Зоя эшеным (али со Киясаын улэ) жьыт шудонысь бертійськом.* (Удм. дунне, 2007.11.28) ‘Однажды я с подружкой Зоей (сейчас она живет в Киясово) возвращались с вечерних игр’; *Собере тол дыре выжон уз луы ни.* (Мынам Удмуртие, 2011.03.25) ‘Затем в зимнее время переправы уже не будет’.

В коми языках в таких случаях употребляется прилагательное, образованное от существительного с помощью суффиксов кз. кп. *-ся*, кз. *-я*: кз. *гожся керка* ‘летний дом’, *рытья сёрни* ‘вечерний разговор’, кп. *рытсья шонді* ‘вечернее солнце’, *гожумсья кад* ‘летнее время’, и крайне редко существительное, ср. частотность употребления в ККЯ словосочетания ‘летнее время’: *гожём кад* – 9, *гожся кад* – 344 (дата обращения: 20.04.2016).

Пермские языки различаются в отношении выбора средства оформления зависимого в именной группе со значением ‘совокупность, коллектив, организация – член’. В коми языках смысловые отношения между компонентами осмысляются как пространственные: в коми-пермяцком представлено чаще всего элативное зависимое, в коми-зырянском языке – преимущественно прилагательное с суффиксом *-са*, реже – существительное в форме номинатива или элатива, ср. частотность употребления в ККЯ словосочетаний со значением ‘председатель колхоза’: *колхозса председатель* – 310, *колхозысь председатель* – 8, *колхоз председатель* – 6; со значением ‘директор школы’: *школаса директор* – 156, *школа директор* – 5, *школаысь директор* – 5 (дата обращения: 20.04.2016). Примеры:

кз. *Сійӧ – школа директор, локтіс урок кывзыны.* (Н. Куратова) ‘Он – директор школы, пришел послушать урок’; *Ме вои да председатель кабинетын тырыс нин пукалісны йӧз, варовитісны – начальнӧй школаясысь завъяс, среднӧй школаысь директор да завуч, исполкомса членъяс.* (П. Шахов) ‘Когда я пришел, в кабинете председателя было уже много людей, разговаривали – заведующие начальных школ, директор и завуч средней школы, члены исполкома’; *Но школаса директор, Николай Иванович Козлов, ыстӧ вӧлі менӧ педтехникумӧ.* (Ю. Васютов) ‘Но директор школы, Николай Иванович Козлов, отправлял меня учиться в педагогический техникум’.

кп. *Сэтчӧ локтіс сельсоветісь председатель.* (Баталов) ‘Туда пришел председатель сельского Совета’.

В удмуртском языке отношения между компонентами в именной группе со значением ‘совокупность, коллектив, организация – член’ чаще всего осмысляются как посессивные: наряду с номинативом зависимое оформляется показателем генитива, реже – суффиксом элатива, ср. частотность употребления в КУЯ словосочетаний со значением ‘директор школы’: *школа директор* – 37, *школаысь директор* – 10, *школалэн директорез* – 243; со значением ‘председатель колхоза’: *колхоз председатель* – 43, *колхозлэн председателез* – 21. Примеры:

удм. *Людае организаторын но, школа директорын но ужас.* (Удм. дунне, 2009.10.09) ‘Моя Люда работала и организатором, и директором школы’; *Школалэн директорез Ольга Михайловна Сорочкина – немец кылья дышетісь.* (Удм. дунне, 2010.02.03) ‘Директор

школы Ольга Михайловна Сорокина – учитель немецкого языка’; *Котныр школаысь директорлэн воштӱсез, удмурт кылья но литературая дышетӱсь Татьяна Емельяновна Краснова.* (Удм. дунне, 2010.11.17) ‘Заместитель директора Новотроицкой школы, учитель удмуртского языка и литературы Татьяна Емельяновна Краснова’.

удм. *Огпол колхоз председателен пумиськи.* (Удм. дунне, 2015.11.27) ‘Однажды я встретился с председателем колхоза’; *Ар но жьыны ужаме бере колхозлэн председателез шуэ: тонэ, пе, прокуратурае басьто.* (Удм. дунне, 2009.10.23) ‘После того, как я проработал полтора года, председатель колхоза сказал: тебя, мол, в прокуратуру берут’.

Связь между существительными при соположении более тесная, чем между компонентами именной группы с генитивным зависимым. Зависимое в номинативе занимает фиксированное положение слева от вершины и не может от него отрываться. Кроме того, такое зависимое не может осложняться показателями множественности и посессивности, но единичные примеры можно обнаружить в коми языках [СКЯ 1955: 140]. По нашим наблюдениям, показатели множественности (в большинстве случаев в значении ассоциативной множественности) и посессивности вводятся в случае, если вершинное имя выступает в форме косвенного падежа или с послелогом. Такие конструкции восходят к группам с генитивным зависимым, в которых формальный показатель синтаксической связи был опущен. Этим объясняется также употребление номинатива при референтности зависимого. Примеры:

кз. *Сійӧ дзик абу Колькаяс керкаын олысь нывбабаяс кодь.* (И. Изъюров) ‘Она совершенно не похожа на женщин, живущих в доме семьи Кольки’; *Отчӧд рытгорулӧ Кузьпелевьяс керка дорӧ сувтӧс «Волга» машина.* (А. Некрасов (Гамса)) ‘Однажды под вечер у дома Кузьпелевых остановилась машина «Волга»’; *Вера Алексеевна олӧ батъыс керкаын, уджалӧ учительницаӧн начальнӧй классъясын.* (Н. Попов) ‘Вера Алексеевна живет в доме своего отца, работает учительницей начальных классов’.

кп. *Гожумнас шондӱыс пуксьывлӱс Еремейыс керку весьтӱ.* (Баталов) ‘Летом солнце садилось над домом Еремея’.

В удмуртском языке осложнение номинативного зависимого показателем множественности и посессивности не зафиксировано

[Едыгарова 2010: 187], в материалах КУЯ такие примеры не обнаружены.

3.2. В пермских языках номинативная форма существительного широко представлена в послеложных конструкциях, что объясняется их развитием на основе посессивных конструкций. Послелогі восходят к существительным с локативной семантикой, которые в составе посессивной конструкции обозначали обладаемое [Майтинская 1982: 24]. Примеры:

кз. *Асывсыянь рытöдз кыскалі вöв вылын турун юръяс.* (И. Белых) ‘С утра до вечера я таскал копны сена на лошади’.

кп. *Серёжалö, конечно, охота вöлі гöняйтны вöв вылын.* (Баталов) ‘Сережке, конечно, хотелось кататься на лошади’.

удм. *Вал вылын гырыны мынйсько.* (Удм. дунне, 2009.04.21) ‘Я иду пахать на лошади’.

Единичные послелогі требуют косвенных падежей, в частности датива: удм. *пумит* ‘против, напротив, навстречу’, *быдэ* ‘на, по, еже-; каждый’, *луыса* ‘из-за, вследствие’, *шуыса* ‘для, за’; кз. *паныд, воча* ‘против’, *вылö* ‘для’; элатива: кз. *кындзи, öтдор, öприч* ‘кроме’; инструментала: удм. *çош* ‘вместе, совместно, с; одновременно; наряду’, *сэрен* ‘из-за; в силу, вследствие’, *йырин* ‘из-за’ [Майтинская 1982: 21; Ефремов 2009; 2013; Кельмаков 2014: 17; Rédei 1962: 204].

4. Номинатив в обособленных именных группах. Номинатив, в отличие от косвенных падежей, может формировать отдельные предложения и обособленные обороты.

4.1. Номинатив темы. Именная группа в номинативе фокусирует исходный предмет рассуждения, сообщение относительно которого содержится в остальной части конструкции или в следующем предложении. В составе следующего предложения употребляется личное местоимение 3-го лица или нарицательное существительное, замещающее обособленную именную группу:

кз. *Наперво, Модьö. Сійö медьён... Сэся Юльö. Юлий, мöд ногön кө, гöрдov юрсиа зонка, позьö шуны... Аким? Мый нö сы йыльсь висьтавны? Кывсьö, мый кывбуръяс гижö.* (В. Тимин) (МГЧ: 20) ‘Сначала, Модест. Он самый сильный... Потом Юлиан. Юлий, если по-другому, мальчишка с рыжеватыми волосами... Аким? Что же о нем можно сказать? Говорят, что стихи пишет’.

кп. *Варя. Сія медбасо́к ны́вка поса́дас.* ‘Варя. Она самая красивая девушка в селе’.

удм. *Дышетійсь. Му́кет профе́сиейез быръён сярысь ой ик малпалля – ноку.* (Удм. дунне, 2007.06.29) ‘Учитель. О выборе другой профессии я и не думал – никогда’.

4.2. Номинатив обращения. В пермских языках именная группа в номинативе употребляется в функции обращения. При идентификации одного из двух основных участников речи на номинативную функцию накладывается адресатно-оценочное значение, которое передается интонацией и формой глагольного предиката:

кз. *Петас, вокъяс, шонди-й тан! Ме нин аддза – рөммө ылын.* (Куратов: 70) ‘Братья, взойдет и солнце здесь! Я уже вижу – светлеет вдали’.

кп. – *Тэ, деду, кытчө мунан? – юалис внучекыс.* (Баталов 1990: 176) ‘– Ты, дедушка, куда идешь? – спросил [его] внучок’;

удм. *Мон тонэ утчай, атай.* (Удм. дунне, 2008.12.02) ‘Я тебя искал, отец’.

4.3. Изолированные именные группы в номинативе могут образовывать назывные, или номинативные предложения. Они представляют собой безглагольные конструкции, в которых описывается зафиксированная в момент речи ситуация. Такие предложения различаются по семантике и структуре (подробнее см.: [СКЯ 1967: 163; ГСУЯ 1970: 208–212]). Примеры:

кз. *Вашка ю, парма йир, кыддза рас.* (Ю. Васютов) ‘Река Вашка, простор тайги, березовая роща’.

кп. *Тулысья рыт. Март пом.* (Можаев) ‘Весенний вечер. Конец марта’.

удм. *Тол. Кезьыт нунал.* (Ошмес, 2015.01.29) ‘Зима. Холодный день’.

Сравнительно-исторический аспект

В пермских языках номинатив имеет семантические и синтаксические свойства, характерные для номинатива многих языков мира. Незначительные различия между сравниваемыми языками обнаружены в области его семантики и функционирования.

Выражение посессивных отношений простым соположением вершины (обладаемого) и зависимого (посессора), унаследованное

от прафинно-угорского языка, отмечается во многих финно-угорских языках, в том числе и в пермских (см.: [Лаанест 1959; Терешкин 1961: 44; Андуганов 1991: 27–29; др.]). В ряде языков (венгерском, финском, эстонском) именные группы с номинативным зависимым перешли в разряд сложных слов [Майтинская 1960: 21–22; Основы 1974: 237]. Различия в употреблении присубстантивного номинатива в современных финно-угорских языках обусловлены наличием/отсутствием генитива в падежной системе. В эпоху прапермского языка простое соположение имен существительных было, скорее всего, еще основным средством выражения посессивных отношений ввиду позднего развития генитива (о формировании суффикса генитива см.: гл. 3, раздел 3.3). Что касается прафинно-угорского генитивного суффикса *-n, то его следы в пермских языках не выявлены (подробнее об этом см.: [Основы 1974: 238; Хайду 1985: 228–229]). Как отмечается в ряде исследований по финно-угорским языкам, номинатив и генитив содержат «разную степень выражения определенности и конкретности», проявляя соответственно «виртуальное» (номинатив) или «актуализованное» (генитив) значение [Ravila 1945: 324–325; Itkonen 1966: 258–260; Kont 1973: 165]. П. Равила подчеркивал, что суффиксально оформленное слово всегда имело более самостоятельное и ясно подчеркнутое значение по сравнению с неформальным именем, которое имеет тенденцию утрачивать свое индивидуальное значение и становится общим понятием, ср. ф. *lohiostaja* означает человека, занимающегося покупкой лососей, в то время как *lohen ostaja* означает покупателя одного известного лосося [Ravila 1945: 324–325]. Свойства присубстантивного номинатива в финно-угорских языках коррелируют с его типологическими особенностями: выбор номинатива определяется нереперентностью, которая «блокирует выражение падежно-числовых граммем» [Плунгян 2003: 137]. Подобные особенности присущи номинативу во многих языках различных генетических групп (см.: [Гращенков 2007: 29]), в выборке Дж. Николс и Б. Бикеля, состоящей из 236 языков, такими являются 32 языка [Nichols, Bickel 2013]. В удмуртском языке номинативное зависимое сохраняет типологические черты, которые были присущи прапермскому языку: примыкает к существительному, не принимает грамматических (числовых, посессивных) форм. Кроме того, выбор

грамматической формы именного зависимого связан с его референциальным статусом: номинатив употребляется при нереферентности зависимого. В коми языке, в отличие от удмуртского, номинативное зависимое в составе посессивной именной группы может быть референтным, присоединять суффиксы посессивности и числа.

Различие между пермскими языками наблюдается также в отношении оформления именной части составного сказуемого. Удмуртский язык последовательно сохраняет номинативное именное сказуемое, что, очевидно, следует объяснять контактным влиянием тюркских языков, для которых характерно употребление именной части сказуемого в форме основного падежа [СРТЯ: 34; ГСБЛЯ: 134]. В коми языках под влиянием русского языка формировался новый тип сказуемого с инструментальным предикативным, в связи с чем значительно снизилась частотность и сократилась сфера употребления номинативного именного сказуемого. Отметим, что в самом русском языке процесс внедрения творительного падежа в область сказуемого протекал с разной интенсивностью при разных глаголах в XVII–XVIII вв. [Ломтев 1956: 114–115]. Семантические особенности предикативного именительного и творительного падежей: именительный падеж употребляется при указании на постоянный, устойчивый признак, творительный падеж – в случае, если этот признак временный [Николс 1984; Гиро-Вебер 1996; Михайлов 2012: 43–44], постепенно перенимаются падежами коми языков.

Праязыковые свойства номинатива лучше сохраняются в удмуртском языке, на что указывают более широкое употребление номинативного зависимого и сохранение им грамматических свойств.

3.2. Семантическая структура аккузатива

Аккузатив оформляет второй актанта при глаголе. Основной его функцией в пермских языках, как и в других аккузативных, является обозначение прямого объекта при переходных глаголах, к которым относятся глаголы со значением изменения, перемещения объекта; глаголы со значением восприятия, ощущения, эмоционального отношения, глаголы созидания, разрушения и др. Значительная часть переходных глаголов в пермских языках имеет каноническое кодирование актанта: в соответствии со стандартной переходной схемой

один из актантов представлен в номинативе, второй актант оформлен показателем аккумулятива.

кз. *Õльõи радейтõ и мустõмтõ Машаõс*. (В. Торопов) ‘Алексей любит и ненавидит Машу’.

кп. *Костик тожõ любитис Варясõ*. (В. Баталов) ‘Костик тоже любил Варю’.

удм. *Атай Пиэз яратэ, ваньзэ Солэн кияз сётйз*. (Иоаннлэсь жеч ивор, 1990–2010) ‘Отец любит Своего Сына, все отдал в Его руки’.

Есть также классы глаголов, которые отклоняются в плане средств кодирования актантов от канонической переходной, возможно нестандартное кодирование как первого, так и второго актанта предиката, кроме того, имеются глаголы, обладающие несколькими моделями управления. При глаголах, которые способны быть переходными и непереходными, аккумулятив проявляет вариативные отношения с другим падежом или послелогом. К числу таких глаголов в пермских языках относятся глаголы со значением движения (частей тела), глаголы речемыслительные, в удмуртском языке также глаголы созидания.

Варьирование аккумулятива и инструменталя допускают глаголы со значением движения в случае, когда объект выражен существительным, выражающим часть тела человека (или животного). Среди таких глаголов можно выделить две группы: 1) глаголы, допускающие существительные, обозначающие только часть тела (‘качать, кивать головой’); 2) глаголы, допускающие существительные, обозначающие не только часть тела, но и другие предметы (‘вертеть’, ‘вращать’, ‘двигать’, ‘качать’, ‘крутить’, ‘махать’, ‘шевелить’). Глаголы первой группы в коми-пермяцком языке (*гогинявны* ‘качать, кивать головой’, *гогынътны* ‘склонить, наклонить’) требуют инструментального оформления объекта, в коми-зырянском языке (*гогйõдлыны, гонъйõдлыны, довкиõдлыны* ‘качать, кивать’) предпочитают инструментальное оформление, допуская аккумулятивное. Если судить по данным ККЯ, то соотношение между падежами постепенно меняется в пользу инструменталя, ср. оформление суффиксами аккумулятива и инструменталя существительного *юр* ‘голова’ с глаголом *довкиõдлыны* ‘качать, кивать’ в текстах 1940–1960 гг.: аккумулятив – 12, инструменталь – 8; в текстах 2000–2018 гг.: аккумулятив – 4; инструменталь –

96 (выборку составили первые случайные 100 примеров; дата обращения: 25.11.2018):

кп. *Зоныс юрнас гонинялис*. (Федосеев 1991: 60) ‘Мальчик кивал головой’.

кз. *Юрсö нин гогйöдлыны сьöкыд*. (Юшков 2001: 190) ‘Головой кивать уж тяжело’; *Мöдыс гогйöдлис юрнас*. (Юшков 2001: 141) ‘Другой [манси] кивал головой’.

Глаголы второй группы могут употребляться в переходной и непереходной конструкциях. В коми-пермяцком языке они предпочитают непереходную модель управления. Так, в [Баталов; Можаяев; Фадеев 1989; Федосеев 1991; Федосеев 1994] глагол *легöтны* ‘(по)трясти, махать, замахать, вилять’ в каждом случае требует инструментального оформления актанта, глаголы *öвтны* ‘(по)трясти, махать, замахать, вилять’, *вöрöтны* ‘(по)шевелить, двигать’, *бергöтлыны* ‘крутить, вращать, вертеть’, допуская вариативное оформление объекта, предпочитают инструменталь, ср. общую частотность употребления падежей при перечисленных глаголах: аккузатив – 25, инструменталь – 313.

кп. *Митрейыс жö юрсö öвтö*. (Федосеев 1991: 65) ‘Митрей же головой трясет’; *Коля öвтышитис юрнас*. (Баталов) ‘Коля покачал головой’.

В коми-зырянском языке все глаголы этой группы имеют вариативное управление, но частотность употребления падежей при каждом из них различается. Как показывает поиск по ККЯ, глагол *öвтны* ‘махать, вилять, качать, кивать’ предпочитает инструментальное оформление актанта, ср. частотность оформления существительного *ки* ‘рука’: аккузатив – 1, инструменталь – 55; при глаголе *легöдны* ‘шевелить, вилять’ аккузатив незначительно уступает инструментально, ср. частотность оформления существительного *бöж* ‘хвост’: аккузатив – 10, инструменталь – 14 (дата обращения: 25.11.2018):

кз. *Пон надзöникöн легöдö бöжсö*. (Чисталев 2010: 391) ‘Собака лениво виляет хвостом’; *И бöжнас легöдышталö сылы*. (Юшков 2001: 629) ‘И хвостом повиливает ему’.

В современном удмуртском языке, как показывают данные КУЯ, при глаголе *шонаны* ‘махать, размахивать, качать, кивать’ используется чаще инструменталь, чем аккузатив. Остальные глаголы

(*сэзъяны* ‘качать, трясти’, *бергатыны* ‘крутить, вращать, вертеть’, *выретыны* ‘двигать, шевелить’) отдают предпочтение аккумулятиву, ср. частотность употребления падежей при отмеченных глаголах: аккумулятив – 121, инструменталь – 89 (дата обращения: 14.09.2014):

удм. *Ветеран йырзэ гинэ шоназ.* (Удм. дунне, 2008.05.08) ‘Ветеран только покачал головой’; *Соиз пумитаз йырыныз гинэ шоназ.* (Удм. дунне, 2007.04.25) ‘Тот ему навстречу только покивал головой’.

В коми-зырянском языке в двухактантных конструкциях допускается употребление как аккумулятива, так и инструменталья, с введением в конструкцию дополнительного актанта выбирается инструменталь.

кз. *Сійӧ юрнас / юрсӧ довкиӧдліс.* ‘Он кивал головой’.

кз. *Сійӧ юрнас / *юрсӧ довкиӧдліс батыслы.* ‘Он кивал головой отцу’.

Варьирование аккумулятива и послелога кз. *йылысь*, кп. *йылысь*, удм. *сярысь* ‘о’, который является основным средством выражения значения темы сообщения, наблюдается при речемыслительных глаголах. В большинстве коми и удмуртских диалектов аккумулятивное оформление чаще всего имеют местоимения и абстрактные существительные:

кз. *Уна пӧ ӧд ми тэкӧд асьыным тайнасӧ сёрнитім.* (Фольклор) ‘Долго, мол, ведь мы с тобой говорили о нашей тайне’.

кп. *Отырыс сёрмис бригадырыс керкуын, книгаись кывзисӧ олан.* (Федосеев 1991: 107) ‘Народ припозднился в доме бригадира, слушали книгу про жизнь’.

удм. сч. *кал' тин' кудзэ вэрас'ким ук, тин' со, дан'ил, вэрас тайэ.* ‘[Человек], о котором только что говорили, вот этот Данил рассказал об этом’ [Карпова 2005: 201]; сч. *сэрзэ мон солы вэрай кӥйон'н'осън пумис'кэмэ.* [Карпова 2005: 294] ‘Затем я ему рассказала о своей встрече с волками’.

В среднечепецком диалекте, как показывают данные из [Карпова 2005], еще нет отчетливого преобладания того или иного средства при выражении значения темы сообщения; при этом выбор средства говорящим, скорее всего, ничем не мотивирован:

удм. сч. *ишан калыкӥос вэд' вэрал'л'ало ук.* ‘О приведениях люди ведь рассказывают’ [Карпова 2005: 112]; *со т'ил'эд вэралос тин' со куд-йосты но.* ‘Она вам расскажет вот и о тех бологах’ [Карпова 2005: 420].

При одном и том же предикате возможно употребление актантов, оформленных показателем аккузатива и послелогом:

кз. *Кузь туяд быдторсö сёрнитисны, тиöтти и Жеб-Ёль йылысь*. (Юшков 1981: 54) ‘Во время долгого пути [они] говорили обо всем, и о Жеб-Ёле тоже’; нв. *Мöйсö сöмын иг с’орн’итö, ч’эл’ад’ йылыс’, удж йылыс’, горт йылыс’*. ‘О чем только [мы] не разговаривали, и о детях, и о работе, и о доме’.

В ранние периоды развития пермских языков аккузатив при речемыслительных глаголах использовался достаточно широко, об этом свидетельствуют биаккузативные объектные конструкции, представляющие собой сочетание переходного глагола с двумя независимыми друг от друга аккузативными объектами, выражающими дифференцированно объект и его тему:

удм. *Пересь-анай выжсы-кыл вераз кечен но кiонэнз*. ‘Бабушка рассказала сказку о козе и волке’ [Ислентьев 1889: 47].

Наличие двух аккузативов при глаголах речи позволяет предположить, что формой управления этих глаголов в пермских языках являлся аккузатив, обозначающий объекты, не дифференцированные по степени охваченности глагольным действием или близости к субъекту.

Варьирование аккузатива и аблатива представлено в удмуртском языке при глаголах созидания, изменения объекта. Аккузативом может оформляться объект, обозначающий предмет, существующий до начала ситуации и подвергающийся воздействию со стороны агенса, и предмет, полученный в результате физического воздействия на исходный предмет. Если судить по примерам из [Ислентьев 1889], то такие биаккузативные конструкции были широко распространены в языке XIX в. По крайней мере в указанном источнике объект, выражающий предмет, подвергающийся изменению, в каждом случае оформлен аккузативом:

удм. *Сапег суронз вуро*. ‘Сапоги шьют из кожи’ [Ислентьев 1889: 55]; *пузз лэсьтэмын*. ‘сделана из дерева’ [Ислентьев 1889: 63].

По наблюдениям Н. В. Кондратьевой, в современном удмуртском языке аккузатив в значении исходного объекта значительно уступает аблативу [Кондратьева 2011а: 52]. Как показывает поиск по КУЯ, объект, обозначающий материал изготовления, оформляется чаще всего суффиксом аблатива, в единичных случаях – суффиксом элатива.

В некоторых северных говорах сохраняется варьирование аккумулятива и аблатива, причем падежи могут использоваться параллельно при оформлении членов сочиненной группы: один из однородных членов может быть маркирован показателем аккумулятива, другой – показателем аблатива:

удм. сч. *лэс'тылим, маръмйостъ, доскаостъ корка*. 'Строили [мы], как это, из досок дом' [Карпова 2005: 142]; *ыж гонлэс', вал гонэз лэс'тылизы*. 'Из овечьей шерсти, из лошадиной шерсти катали [мячик]' [Карпова 2005: 104].

Конкурирующие конструкции с аблативным и аккумулятивным объектом описывают денотативно идентичные ситуации. В случае использования аккумулятива в фокусе внимания находится исходное состояние участника ситуации, в случае аблативного оформления объект осмысливается как материал для изготовления, при этом внимание сфокусировано на результативном объекте.

В пермских языках аккумулятивом может оформляться сентенциальный акт некоторых эмотивных и ментальных предикатов, а также предикатов речи и восприятия. Отглагольные имена с суффиксом кз. кп. *-ӧм*, удм. *-ем* (номинализации), которые употребляются в таких конструкциях, могут быть заменены зависимым предложением. Субъект номинализации оформляется аблативом, как и в именных группах:

кз. *Зорина кывзис Соковлысь висьталӧмсӧ*. (И. Пыстин) 'Зорина слушала рассказ Сокова' (> *Зорина кывзис, мый висьталис Соков*. 'Зорина слушала, что говорил Соков').

кп. *Варя унажыксӧ чӧлӧмӧн кывзис мамыслись да Вячеславыслись баитӧмсӧ*. (Баталов) 'Варя чаще всего молча слушала разговор матери и Вячеслава' (> *Варя унажыксӧ чӧлӧмӧн кывзис, мый баитисӧ мамыс да Вячеславыс* 'Варя чаще всего молча слушала, что говорили мать и Вячеслав').

удм. <...> *дышетскисьӧс сак кылзйзы Александр Волковлэсь мадемзэ* (Удм. дунне, 2007.02.27) '<...> учащиеся внимательно слушали рассказ Александра Волкова' (> <...> *дышетскисьӧс сак кылзйзы, мар мадиз Александр Волков* '<...> учащиеся внимательно слушали, что говорил Александр Волков').

Отдельного исследования требуют зафиксированные в удорских говорах конструкции, где зависимая предикация выступает в кон-

тексте, характерном для именной группы при глаголах речи. В таких конструкциях зависимый предикат, выраженный прилагательным или причастием, оформлен показателем *-õ*, который не характерен для аккузатива простого субстантивного склонения:

кз. уд. *сабрисõ чõвттõмõ висьталасны* (> *висьталасны, муй сабриыс чõвттõм*) ‘говорят, что стог еще не сметен’; *упакисõ гындытõмõ шуõны* (> *шуõны, муй упакыис гындытõм*) ‘говорят, что валенки еще не скатаны’; *чойõ здорвьесõ лёкõ гежõ* (> *чойõ гежõ, муй здорвьес лёк*) ‘сестра моя пишет, что ее здоровье слабое’ [ССКЗД: 488].

В этой связи необходимо отметить, что в коми-пермяцком языке суффиксом *-õ* оформляется прилагательное при эллипсисе вершинного существительного и при инверсии прилагательного и существительного в именной группе:

кп. *Ме сылõ городскõйõ бõрья*. (Можаяев) ‘Я ему городскую [невесту] подберу’; *Деревня шõрын клуб вильõ сувтõтõмась*. (Баталов) ‘В центре деревни построили клуб новый’.

В пермских языках аккузатив употребляется также для передачи темпоральных, пространственных, количественных и субъектных отношений.

1. Темпоральное значение. Аккузатив может выражать типологически характерные для таких падежей темпоральные значения, а именно: а) длительность немаркированной по завершенности ситуации; б) темпоральную локализацию; в) значения ‘количество раз’ и ‘каждый’; г) темпоральный этап (о типологии значений аккузатива см.: [Крысько 2006: 72–83; Эршлер 2009: 35–37]).

1.1. Длительность немаркированной по завершенности ситуации. В значении продолжительности протекания действия аккузатив конкурирует с послелогом кз. *чõж*, кп. *дырна*, удм. *чõже* ‘в течение’. Продолжительность протекания действия уточняется прилагательным, количественным числительным или наречием:

кз. *Быдса тõлысь нин сийõ велõдõ гырысьясõс*. (И. Коданев) ‘Целый месяц он уже обучает взрослых’; *Тõлыд войвылад кысьõ сизим тõлысь*. (Н. Козлов) ‘Зима на севере длится семь месяцев’.

кп. *Андрей быдса лун ветлõтис видззес да ыббез кузя*. (Баталов) ‘Андрей целый день ходил по лугам и полям’; *Кык час ни кысьõ баитõм*. ‘Беседа длится уже два часа’.

удм. *Быдэс толзэь Казакгуртысь пересь Романовъёс дорын улй.* (Удм. дунне, 2009.06.17) ‘Целый месяц я жил у старших Романовых из деревни Казаково’; *Райпотребсоюзэ отчётэн ветлй, куинь нунал возизы.* ‘Я ездил с отчетом в райпотребсоюз, три дня продержали’ [Перевощиков 1980: 41].

1.2. Темпоральная локализация. В пермских языках аккумулятив, наряду с иллативом, инструменталем и инессивом, используется для выражения отрезка времени, в период которого происходит действие. Показатель аккумулятива допускают почти все существительные с темпоральной семантикой (названия частей суток, времен года и дней недели, существительные кз. кп. *во*, удм. *ар* ‘год’, кз. *вежон*, кп. *неделя*, удм. *арня* ‘неделя’, кз. *тӧльсь*, кп. *тӧлйсь*, удм. *толзэь* ‘месяц’; кроме лексем *секунд* ‘секунда’, *минут* ‘минута’ и *час* ‘час’). В коми языках некоторые именные группы (преимущественно с лексемой *во* ‘год’) подверглись адвербиализации: кз. *мӧдво*, кп. *мӧдйгод* ‘в следующем году; на следующий год’ (‘второй год’), кз. кп. *таво* ‘в этом году’ (‘этот год’), *талун* ‘сегодня’ (‘этот день’):

кз. *Рытсӧ пач ломтылам, чай кыкысь заваритлам.* (Е. Афанасьев) ‘Вечером печку топим, дважды чай завариваем’; вв. (Бог.) *Мӧд лун сия ытас кыксӧ салдатэс корсьни Краснэй Марпидазс.* (ОКЗР: 89) ‘На другой день он отправит двести солдат на поиски Красной Марпиды’.

кп. *Ойсӧ эн узь да лунсӧ он узь, дак кок йӧлйсь пӧран.* (Климов 1991: 143) ‘Ночью не спала и днем не спишь, так с ног свалишься’.

удм. *Светлана Ручкина тазэ арзэ Финляндиын дышетсконо кариськиз.* (Удм. дунне, 2012.09.26) ‘Светлана Ручкина в этом году решила учиться в Финляндии’; <...> *ӧйытсэ пиосын вал вылын кошки.* (Удм. дунне, 2012.09.11) ‘<...> вечером я с парнями уехал верхом на лошади’.

1.3. Значение темпоральной повторяемости (‘каждый’). Семантику повторяемости придает именной группе в коми языках местоимение кз. кп. *быд* ‘каждый’, в удмуртском языке – послелог *быдэ* ‘еже-, каждый’, который управляет дативом:

кз. *Миян бать-мам уджалӧны Быд лун сёрӧдз.* (А. Ванеев) ‘Наши родители каждый день работают допоздна’.

кп. *Максим Афанасьевич шыасис: – Ме быд год ӧтік местаын пукавла, нюрланьсис ты конеңас.* (Баталов 1990: 188) ‘Вмешался

в разговор Максим Афанасьевич: – Я каждый год на одном месте сижу, в конце озера от болота’.

удм. *Толзэзлы быдэ нуныез учкыліз педиатр.* (Удм. дунне, 2009.02.20) ‘Каждый месяц ребенка осматривал педиатр’.

1.4. Темпоральный этап. Значение последовательности протекания времени вносится порядковыми числительными. В коми языках при обозначении очередного периода, наступившего в процессе протекания действия, именная группа в большинстве случаев не маркируется, в удмуртском языке оформляется суффиксом *-зэ*:

кз. нв. (Шеж.) *Коймод лун бара петукос кольас.* (ОКЗР: 9) ‘На третий день [кот] снова оставляет петуха [одного дома]’.

кп. *Миша нёльот год ветлө школаө.* (В. Баталов) ‘Миша четвертый год ходит в школу’.

удм. *Нылпиос толон кыкетй нуналзэ гинэ лагерьын уло вал ай.* (Удм. дунне, 2012.07.25) ‘Дети вчера только второй день еще находились в лагере’; *Ува каргуртын куинетй нуналзэ Гужем шудонъёс мыно.* (Удм. дунне, 2013.07.05) ‘В поселке Ува третий день проходят Летние игры’.

2. Пространственное значение. Типологической чертой аккумулятива является также выражение им ряда пространственных значений [Крысько 2006: 53–69; Эршлер 2009]. В пермских языках аккумулятив употребляется при указании на пространственный ориентир, пределы которого преодолеваются:

кз. *Вылын шондидзыс сылы [сюзьлы] позис на кытшиовтны матигөгөр вöрсö.* (Юшков 1981: 54) ‘До восхода солнца ей [сове] можно было еще облететь ближайший лес’; *Поскөдыс юсö вуджам.* (И. Торопов) ‘Реку перейдем по мосту’.

кп. *Семён Максимович гөгөртис тысö, джын час дырна пукалис осока коласын да пемдандорас мунис Максим Афанасьевичланьö.* (Баталов 1990: 189) ‘Семен Максимович обогнул озеро, в течение полчасы сидел в зарослях осоки и ближе к сумеркам пошел в сторону Максима Афанасьевича’.

удм. *Пехотаысь солдатъёслы Днепр шурез выжыны юрттйзы.* (Удм. дунне, 2008.07.29) ‘Солдатам пехоты они помогли перейти реку Днепр’.

В коми-зырянских диалектах при описании ситуации перемещения аккумулятив, наряду с пролативом и пролативными послелогоми, может указывать на траекторию движения:

кз. лл. (Об.) *Мельнича поссö лактö*. (ОКЗР: 157) ‘По мосту, находящемуся рядом с мельницей, [он] идет’; лл. (Об.) *Со мамыд поссö лактö*. ‘Вот твоя мать идет по мосту’.

Семантика преодоления пространства, выражаемая аккумулятивом и пролативными единицами, различается тем, что с помощью аккумулятива акцентируется преодоление пределов пространственного ориентира, пролативными единицами – путь движения. Внимание обращают конструкции с глаголами каузации движения, имеющие биаккумулятивную валентность. Одновременное введение двух аккумулятивных групп при таких глаголах в современных пермских языках не допускается. Как правило, одна из аккумулятивных словоформ эксплицитно не выражена, но она легко восстанавливается из предыдущего контекста, ср.

кп. *Воронкоыс <...> кыскис тыра додьсö керöсок вывсынь керöс вылö*, <...> *вуджötис логгез*. (Федосеев 1994: 222) ‘Воронко <...> вез нагруженные сани с пригорка на гору, <...> перетащил [их] через ложбины’.

В приведенном примере при глаголе *кыскыны* ‘тащить’ введена именная группа *додьсö* ‘сани’, при глаголе *вуджötны* ‘перевозить’ – *логгез* ‘ложбины’, вторая аккумулятивная группа, которая должна была быть при этом глаголе, опущена, но она известна из контекста – *додьсö* ‘сани’ (‘перевозить сани через ложбины’).

3. Дименсив. В функциональную нагрузку аккумулятива входит также выражение количественных отношений: значений пространственной протяженности (меры пройденного пространства), меры стоимости, веса, объема:

кз. *Кык километр быд час мунам*. (С. Ермолин) ‘Каждый час мы идем два километра’; *Силос вöчöма нельсё сизимдас тонна, колö план сerti сизимсё көкъямысдас*. (П. Шахов) ‘Заготовлено четыреста семьдесят тонн силоса, по плану надо семьсот восемьдесят тонн’; *Öти йöраыс вит тысяча шайт сулалö*. (В. Ширяев) ‘Один лось стоит пять тысяч рублей’.

кп. *А вöлокыс сулалö сизим руб.* (Перем) ‘А лошадка стоит семь рублей’; *Только мунисö кык-куим километр, и бöра ю*. (Баталов) ‘Только прошли они два-три километра, и снова река’.

удм. *Одйг нылпи площадка 250 сюрс манет котыр сылэ*. (Иднакар, 2013.03.14) ‘Одна детская площадка стоит примерно двести

пятьдесят тысяч рублей’; *Огром та проект 460 миллиард манет тыр кыске.* (Удм. дунне, 2010.06.30) ‘В целом этот проект тянет на 460 миллиардов рублей’; *Гуртын улыса 5 см будэм, йырсиэз но рос-прос кутыны но пуныны луэ ни.* (Ольга Игнатьева, 2014–2015) ‘Пока жила в деревне, выросла на пять сантиметров, и волосы ее уже получается как следует прихватывать и заплетать’.

4. Каузируемый субъект. В пермских языках аккумулятив параллельно с дативом употребляется для обозначения каузируемого участника ситуации. При каузативных глаголах предполагается наличие двух актантов с агентивными свойствами: каузирующий и каузируемый субъекты. В коми-пермяцком и удмуртском языках аккумулятивное оформление каузируемого участника наблюдается при морфологическом и аналитическом каузативе:

кп. *И Авдейыс сэсыя оз понды отирсö уджотны.* (Баталов) ‘И Авдей потом не будет эксплуатировать (‘заставлять работать’) людей’; *Михей тиöктис пырны челядьсö столовöйö, ачыс кытчöкö мунис.* (В. Климов) (Парма асыв: 271) ‘Михей велел детям зайти в столовую, сам куда-то ушел’.

удм. *Анатолий кузналзэ но ужатйз.* (Удм. дунне, 2012.12.01) ‘Анатолий и свою жену заставил работать’; *Атаймес нош кышно-яськыны косйм.* (Удм. дунне, 2007.03.23) ‘Своего отца мы попросили снова жениться’.

В коми-зырянском языке выбор падежа зависит от переходности / непереходности глагола. Оформление каузируемого участника аккумулятивом является единственно возможным при морфологическом каузативе, образованным от непереходных глаголов (*уджодис менö* ‘заставил меня работать’). При каузативе, образованным от переходных глаголов, и при аналитическом каузативе (*тиöктыны* ‘велеть, приказать’) предпочтительным является дативное маркирование:

кз. *Попыд вöлс моз уджодис Педөрс.* (Фольклор) ‘Поп-то заставлял Федора работать как лошадь’; *Поль тиöктис Ягсинлы кольччыны.* (Тимин 2012: 226) ‘Дедушка велел Ягсину остаться’.

Субъект каузируемого действия в коми-зырянских диалектах может быть выражен также комитативом и инструменталем (см.: гл. 3, разделы 3.7 и 3.8).

Сравнительно-исторический аспект

Аккузатив пермских языков имеет несколько морфологических маркеров, восходящих к разным источникам. Архаичным является суффикс кз. кп. *-ö*, удм. *-э*, который в современных языках представлен в формах существительных притяжательного склонения и некоторых местоимений (кз. кп. *мен-ö*, удм. *мон-э* ‘меня’, кз. кп. *тэн-ö*, удм. *тон-э* ‘тебя’, *нокин-э* ‘никого’). В удмуртском языке он образует также аккузативную форму существительного *мурт* ‘человек’ (*морт-э* ~ *морт-эз* ‘человека’), при наличии указательно-выделительных и притяжательных суффиксов присоединяется к прилагательным, причастиям, числительным, атрибутивным местоимениям [Кондратьева 2011а: 37–39]. Суффикс кз. кп. *-ö*, удм. *-э* восходит к этимологическому конечному гласному основы, который стал выполнять падежную функцию после отпадения аккузативного суффикса **-m* [Основы 1976: 146; Wichmann 1923–1924: 160; Rédei 1988: 282; Csúcs 2005: 175]. Г. В. Федюнева предполагает, что аккузативный показатель личных местоимений является «огласовкой местоименного суффикса **-m*, сохранившейся в силу своей функциональной значимости» [Федюнева 2008: 33]. В этой связи можно отметить, что развитие аккузатива и его форм остается дискуссионным вопросом в уральстике. Относительно происхождения и свойств прафинно-угорского суффикса аккузатива имеются две противоположные гипотезы. Согласно одной из них, в финно-угорском (уральском) праязыке выбор оформления прямого объекта зависел от определенности / неопределенности: неопределенный объект выступал в немаркированной форме, определенный объект принимал суффикс **-m* [Основы 1974: 242; Хайду 1985: 232; Szinyei 1922: 60; Wickman 1955: 145; Navas 2008: 1–33]. В соответствии с другой точкой зрения, аккузативный суффикс **-m* сомнительно возводить к прауральскому (прафинно-угорскому) языковому состоянию ввиду отсутствия его рефлексов в ряде современных уральских языков [Серебренников 1964: 71–72; Основы 1974: 241–245; Бубрих 2005: 188; Tauli 1952: 28; Künnap 1998: 66–69; 2003: 58–65; 2006: 161–166; 2006а: 21; Marcantonio 2002: 206–207; др.]. Учитывая результаты типологических исследований, что прямой объект может получать различное оформление в одном и том же языке [Николаева 2002], о чем свидетельствуют и современные

финно-угорские языки [Сердобольская, Толдова 2012; Рожанский 2017; др.], нельзя исключать наличие нескольких средств выражения прямого объекта уже в финно-угорском (уральском) праязыке.

Аккузативный суффикс кз. кп. *-õc*, удм. *-эс (-ыс)* восходит к посессивному суффиксу 3-го лица единственного числа [Емельянов 1927: 119–120; Серебренников 1963: 37–38; Основы 1976: 146; Лыткин 1977: 25; Wichmann 1923–1924: 160; Rédei 1988: 283; Bartens 2000: 80; Csúcs 2005: 176; др.]. Его развитие Ю. Вихманн объяснял следующим образом: после отпадения суффиксов иллатива (суффикс **-k*) и аккузатива (суффикс **-m*) морфологическое выражение падежей совпало. Поэтому посессивный суффикс 3-го лица единственного числа, развив детерминирующую функцию, начинает выступать в качестве маркера определенного прямого объекта. Позднее он был воспринят языковым сознанием в качестве суффикса аккузатива [Wichmann 1923–1924: 160]. Аналогично, видимо, произошло развитие суффикса удм. *-ты, -ды*, кз. нв. уд. *-дӧ, -тӧ, -тэ*, дрк. *-ды*, источником которого явился притяжательный суффикс 2-го лица единственного числа [Жуйков 1937: 35; Honti 1997: 79; Csúcs 2005: 176]. Было выдвинуто также предположение о его формировании на основе финно-угорского суффикса множественности **-t* [Емельянов 1927: 127; Серебренников 1963: 42].

Как уже отмечалось, для пермских языков характерно дифференцированное маркирование прямого объекта, при этом стратегия выбора морфологической формы прямого объекта различается: доминирующим фактором являются определенность в удмуртском языке и одушевленность в коми языках [ГСУЯ 1962: 93; Прокушева 1984; ÖKK: 69; Кондратьева 2002; Сердобольская, Толдова 2012: 120, 155; Некрасова, Сергеева 2018: 363–364; Winkler 2001: 20]. Б. А. Серебренников полагал, что изначально прямой объект оформлялся суффиксом для его «эмфатического выделения <...>, когда говорящий хотел его особо выделить или подчеркнуть, совершенно независимо от того, являлось оно определенным или же неопределенным» [Серебренников 1963: 37–39]. Позднее в коми языках наиболее значимым для оформления объекта стал фактор одушевленности. Возможность изменения основного параметра определенность → одушевленность в коми языках была связана, скорее всего, с категорией одушевлен-

ности, становление которой началось в прапермский период [Baker 1985: 148]. Следует отметить, что в современных финно-угорских языках факторы, влияющие на выбор маркирования прямого объекта, различны, ср. иерархию факторов, характерную для финно-волжских и пермских языков в работах [Сердобольская, Толдова 2007; 2012: 87, 104, 120, 155]:

Коми-зырянский язык (печорский диалект): одушевленность → коммуникативное членение → референциальный статус;

Удмуртский язык (бесермянское наречие): референциальный статус → коммуникативное членение → квантификация прямого дополнения;

Марийский язык (лугово-восточный): синтаксические ограничения → коммуникативное членение → референциальный статус;

Мордовские языки (шокишинский диалект): референциальный статус → коммуникативное членение → аспектуальные характеристики ситуации.

Для каждого из приведенных языков два фактора являются общими: референциальный статус и коммуникативное членение. Отмеченные факторы имеют разное положение в иерархической системе, но тот факт, что они значимы (хотя и в разной степени) для морфологического выделения прямого объекта, может свидетельствовать о том, что формирование аккузатива было связано с необходимостью не только актуализации определенного прямого объекта, но и с коммуникативным членением предложения. Можно предположить, что референциальный статус и коммуникативное членение могли определять выбор оформления имени в позиции прямого дополнения уже в финно-угорском праязыке.

В пермских языках аккузатив имеет типологические функционально-семантические свойства – служит для обозначения прямого объекта, выражает пространственное, темпоральное и дименсивное значения (о типологии семантики и употребления аккузатива см.: [Крысько 2006; Эршлер 2009]). Случаи конкуренции между аккузативом и другими грамматическими единицами (косвенным падежом или послелогом), наблюдаемые в современных языках, свидетельствуют о более широком употреблении аккузатива на ранних этапах развития пермских языков. Тенденция к сужению сферы употребления аккузатива вызвана, скорее всего, стремлением к семантической

дифференциации падежных и послеложных единиц. В настоящее время аккумулятив уступает по частотности употребления послелогу при речемыслительных глаголах во всех пермских языках, аблативу при глаголах созидания в удмуртском языке, инструментально при глаголах движения (частей тела) в коми-пермяцком языке.

На фоне финно-угорских языков прямые соответствия аккумулятиву пермских языков обнаруживаются в марийском языке, демонстрирующим сходное употребление аккумулятива при глаголах движения (частей тела), речи, глаголе ‘делать’: мр. *вуйым саваши* ‘кивать головой’; *вачым тарватылаш* ‘двигать плечом, пожимать плечами’; *Ужамат, (ачам) мыйым гармонистым ыштынеже улмаш*. (С. Николаев) ‘Как вижу, мой отец хотел сделать меня гармонистом’ (Марла Мутер), мр. сз. *Салашты ўлошо Ылькшым Семон келескӓлӓ*. ‘Семен рассказывает о сельской жизни’ [Иванов, Тужаров 1970: 107]. Принимая во внимание приведенные единичные параллели, можно предположить, что аккумулятив имел, скорее всего, широкое употребление в более ранний, допермский, период языковой истории.

Параллель к удорским конструкциям с сентенциальным актантом предоставляют прибалтийско-финские языки, где имеются конструкции, в которых зависимый предикат и его субъект оформлены одним и тем же падежом – партитивом и генитивом, ср. эст. *Mari arva-s Tooma/Toomas-t raamatu-t kirjuta-va-t*. [Мари:nom.sg думать-ptst.3sg Томас:gen.sg/ptv.sg книга-ptv.sg писать-prs.pa-ptv.sg] ‘Мари думала, что Томас пишет книгу’ [Аркадьев 2014: 31], ф. *Kuulutus kertoi juna-n saapu-va-n Tikkurilaan*. [объявление(nom.sg) сказать-ptst.3sg поезд-gen.sg прибыть-prs.pa-gen.sg Тиккурила:ill.sg] ‘Объявили, что поезд прибывает в Тиккурилу’ [Аркадьев 2014: 31]. Пока нельзя точно утверждать, являются ли удорские конструкции с сентенциальным актантом диалектной инновацией, имеющей параллели в прибалтийско-финских языках, или праязыковым наследием ввиду сохранности древнего аккумулятивного суффикса.

3.3. Семантическая структура генитива

В современных пермских языках генитив имеет два значения – посессивное и субъектное.

1. Посессивное значение. Генитив является одним из основных средств выражения атрибутивной и предикативной посессивности.

По синтаксической и информационной структуре различают предикативные конструкции обладания и принадлежности: в конструкциях обладания в фокусе находится объект обладания, а в конструкциях принадлежности – посессор [Едыгарова 2010: 241].

1.1. Стандартная конструкция обладания состоит из посессора (выражен генитивом), объекта обладания (представлен в номинативе) и бытийного предиката ‘есть, имеется в наличии’. Посессор может быть одушевленным и неодушевленным, обладаемое – отчуждаемым и неотчуждаемым. Конструкция выражает широкий спектр посессивных значений, чаще всего описываются отношения между посессором и объектом, социальные отношения, свойства обладателя:

кз. *Мишалён эм жё нин вэль малича да пими.* (В. Ширяев) ‘У Миши тоже есть уже новая малица и пимы’; *Крестьянилён вёлі кык пи да ёти ныв.* (КМС: 40) ‘У крестьянина было два сына и одна дочь’; *Нывлён вёлі сётём еджыд чужём и смоль съёд юрси.* (И. Торопов) ‘У девушки были чистое белое лицо и черные, как смоль, волосы’; *Быд коми сиктлён эм аслас вуж, аслас чужёмбан.* (А. Ульянов) ‘Каждое коми село имеет свою историю, свое лицо’.

кп. *Дедёлён эм пишалыс.* (Баталов) ‘У моего дедушки есть ружье’; *Вёлісё старик гозьялён куим зон.* (Оласё: 86) ‘У старика со старухой было три сына’; *Талун Таисьялён вёлі сэтиём бытиём да гажса настроеннё.* (Фадеев 1989: 274) ‘Сегодня у Таисии было такое хорошее и веселое настроение’.

удм. *Мумилэн вал гужем нуллон горд кышетэз.* (Удм. дунне, 2012.05.15) ‘У матери был летний красный платок’; *Кыкеті кузпалылэн вал ини 9 аресъем Миша пиез.* (Удм. дунне, 2009.10.23) ‘У моей второй супруги был уже девятилетний сын Миша’; *Али паймоно: Борисовлэн вал вьлі дышетскемез, Наговицынлэн – вить класс.* (Удм. дунне, 2015.11.3) ‘Сейчас удивительно: Борисов имел высшее образование, а Наговицын – пять классов’; *Котькыче ужлэн аслаз чеберез вань.* ‘В каждой работе есть своя красота’ [Перевозчикова 1987: 21].

В удмуртском языке встречаются конструкции, выражающие локализованное наличие объекта, которые семантически близки к бытийным локативным предложениям:

удм. *Гуртлэн вань аслаз покчи классёсын школаез, медпунктэз, клубез, магазинэз.* (Удм. дунне, 2010.08.20) ‘В деревне (‘у деревни’)

есть своя начальная школа, медпункт, клуб, магазин'; *Котькуд фер-малэн вал аслаз кормокухняез яке цехез*. (Удм. дунне, 2010.09.17) 'В каждой ферме ('у каждой фермы') была своя кормокухня или цех'.

удм. *Гуртын вань на бадзым школа*. (Удм. дунне, 2008.09.12) 'В деревне есть еще большая школа'.

Особенностью удмуртского языка является маркирование объекта обладания посессивным суффиксом, указывающим на число и лицо possessора [Едыгарова 2010: 231]. Ср. в приведенных выше примерах possessор выражен существительными *муми-лэн* 'матери', *комбинат-лэн* 'у комбината', объект оформлен посессивным суффиксом 3-го лица единственного числа: *кышет-эз* 'платок', *вуко-ез* 'мельница'. В коми языках объект обладания, как правило, не оформлен посессивным суффиксом, за редкими исключениями.

1.2. В конструкциях принадлежности характеризуется объект обладания через отношение к possessору. Генитивная группа находится в позиции предиката, употребляясь без связки или со связочным глаголом 'быть', подлежащее чаще всего оформляется посессивным суффиксом 3-го лица единственного числа:

кз. *Тайё керкаыс Косьта Мишкалён*. (И. Пыстин) 'Этот дом у Косьта Мишки'; *Õти кроватьыс вöли менам, а мöд вылас йöз ныр вежласисны*. (М. Игнатов) 'Одна кровать была моей, а на другой люди постоянно менялись'.

кп. *Нывка сорласьтöг вежöртis, что куканнес и былись мамыслён*. (Фадеев 1989: 21) 'Девочка правильно догадалась, что телята и на самом деле [принадлежат] ее матери'; *Эта керкуыс вöли айöлён* 'Этот дом принадлежал моему отцу'.

удм. *Соку вань уйёс мынам вал*. (Удм. дунне, 2011.09.19) 'Тогда все ночи были моими'; *Туспуктэмез А. Горбуновлэн*. (Удм. дунне, 2008.07.25) 'Фотография А. Горбунова'.

В коми языках генитивная словоформа в предикативной позиции может оформляться суффиксом множественности *-öсь*, если подлежащее выражено собирательным существительным, существительным во множественном числе, обобщенно-определятельным местоимением (кз. *мукöд* 'другой, иной', *став* 'весь, все'), а также личным местоимением множественного числа:

кз. *Сöмын чужöмыс да голяыс Питиримлён, ывла вылад уджалigөн, ёнакодь гожъялöмаöсь да тишупöдөн торъялöны туша-*

сьыс, быттьö мөд мортлөнöсь найö. (И. Торопов) ‘Во время работы на улице лицо и шея Питирима довольно сильно загорели и по цвету значительно отличались от туловища, как будто они принадлежат другому человеку’; *И шуöны, öти пö сöмын, медичöт нывкаыс, ас чужтöм-рöдитöм, мукöдыс йöзлөнöсь, мөд мамлөн.* (Н. Куратова) ‘И говорят, только, мол, одна, самая младшая дочка, родная, остальные чужие, у них другая мать’; *А ме чайтi, тэнадöсь жö куплетъясыс!* (И. Торопов) ‘А я думал, что эти куплеты тоже твои!’

кп. *Кагаокыс морт пиян кыз морт пиян, токо пеллес кöинлөнöсь.* (Перем) ‘Ребеночек похож на дите человеческое, только уши волчьи’; *Сэтчин небыт кучиккез вылын пукалö морт не морт, кукань не кукань: кизс, коккес – мортлөнöсь, да чужöмыс – гöна, мöслөн и эм.* (Перем) ‘Там на мягких шкурах сидит не то человек, не то теленок: руки, ноги человека, а лицо покрыто шерстью, как у коровы’.

1.3. В пермских языках генитив является одним из основных способов выражения именной посессивности. В типологических и конкретно-языковых работах типы посессивных отношений (внешняя/внутренняя, отчуждаемая/неотчуждаемая, активная/пассивная посессивность и др.) определяются различными факторами (семантические, синтаксические, дискурсивные) (см.: [Кибрик 2003: 307–319; Едыгарова 2010: 16–17; 42; Heine 1997: 17; др.]), чаще всего представлено семантическое описание, учитывающее лексико-семантический класс посессора и обладаемого [Лаанест 1959; Кибрик, Брыкина, Леонтьев, Хитров 2006; Леонтьев 2008; др.]. Приименный генитив в пермских языках выражает типологически стандартные для подобных падежей значения [Вахрушев 1980: 143–151; Некрасова 2002: 35–48; Едыгарова 2010: 42–53; Кондратьева 2011а: 71–77], он употребляется при выражении:

1) посессивных отношений (обладатель – обладаемое):

кз. *Кузьпелев Егорлөн овмöсыд абу дзöляник.* (Юхнин 1983: 9) ‘Хозяйство Кузьпелева Егора немаленькое’.

кп. *Нывкаыслөн керкуыс вöли лунлань ладорас.* (Федосеев 1991: 10) ‘Дом девушки был на южной стороне’.

удм. *Городын улйсьлэн коркаез кык полэс, нош пызез гöршокын.* ‘У горожанина дом двухэтажный, а мука в горшке’ [Перевозчикова 1987: 18].

2) социальных отношений (лицо – лицо):

кз. *Первой Василейлөн гөтырыс вурис, сэсся Педорлөн, медбёрын Светлана.* (КМС: 79) ‘Вначале сшила жена Василея, потом Федора, последней Светлана’.

кп. *Сэтчин олө айёлөн вон.* (Баталов 1990: 181) ‘Там живет брат моего отца’.

удм. сред. *нылын-пиэн тупало, аиз-мумиз мыно ныллэн аиз-мумиз доры кураны.* ‘Если парень с девушкой дружат, родители парня идут к родителям девушки сватать [ее]’ [Кельмаков 1990: 39].

3) параметрических отношений (лицо – параметр: признак, качество, свойство):

кз. *Быдёнлы төдса Иванлөн рамлуныс.* (Юхнин 1955: 65) ‘Всемирно известна кротость Ивана’.

кп. *Сылён мичыс, кыздз важ төлісьлөн, көдзыт.* (В. Климов) ‘Ее красота, как у убывающей луны, холодная’.

удм. сред. *вас'кис'ко, вас'кис'ко воз' куз'а, с'ас'калэн чэбэрэз бэздытоз'.* ‘Спускалась (спускаюсь), спускалась вдоль по лугу, Пока не поблекла цветочков краса’ [Кельмаков 1990: 273].

4) отношений целого и части (отношения неотчуждаемой принадлежности):

кз. *Люциялөн чужёмыс зумышмис.* (Куратова: 71) ‘Лицо Люции помрачнело’.

кп. *Эна кыввезсянь Тимкалөн чужёмыс гажтёмсяліс.* (Баталов 1990: 177) ‘От этих слов лицо Тимки стало грустным’.

удм. *Зеч, визьмо кышнолэн югыт бамыз чукна жужась шунды кадь ик, корка пушкын югыт жсуаса улись койтыл кадь ик.* ‘Лик доброй, умной жены под стать восходящему солнцу, ярко горящей свеचे’ [Перевозчикова 1987: 112].

5) субъектных отношений (субъект ситуации, состояния – ситуация, состояние):

кз. *Пипуныровёс садьмөдіс гөтырыслөн рөпкөдчөмыс.* (Пгор: 162) ‘Пипунырова разбудило ворчание жены’.

кп. *Лун и ой дугдывтөг кыліс машинаэзлөн гора гургём.* (Баталов 1990: 175) ‘День и ночь беспрестанно слышался громкий гул машин’.

удм. сред. *чуж учылэн кырзамйосыз с'икыс' с'икэ шуккис'кэ – шуттэм муртлэн бөрдэмйосыз гуртыс' гуртэ кылис'кэ.* ‘Трель жел-

того соловья раздаётся из леса в лес – плач разнесчастного человека слышится от деревни к деревне’ [Кельмаков 1991: 239].

Как и в случае номинатива, генитив при выражении отношений места и членства встречается чаще в удмуртском, чем в коми языках. В приведенных ниже примерах генитивным зависимым *Россилэн, сельсоветлэн* в коми-зырянском языке соответствуют относительные прилагательные с суффиксом *-са*: *россияса, сельсоветса*:

удм. *Со огазезь **Россилэн** каръёсаз дышетскись удмурт аспирантъёсты но студентъёсты.* (Удм. дунне, 2011.09.20) ‘Оно [научное общество «Бöляк»] объединило удмуртских аспирантов и студентов, обучающихся в российских городах’.

удм. *Пенсие потытозяз, **сельсоветлэн председателез** луыса тыришиз.* (Удм. дунне, 2013.05.17) ‘До выхода на пенсию он работал председателем сельского совета’.

В пермских языках генитивное зависимое занимает препозицию по отношению к именной вершине. Вершинное существительное может оформляться посессивным суффиксом, что особенно характерно для удмуртского языка (подробнее см.: [Вахрушев 1970; ГСУЯ 1970: 9–12; Едыгарова 2010: 165–175]. При наличии в именной группе других препозитивных зависимых (прилагательного, причастия, числительного) генитивное зависимое занимает первую позицию, остальные оказываются в позиции между ним и существительным:

кз. *Питирим <...> любöысла весиг пельбокнас ляскысис гармоньлөн парсасьём съöd пöв динö.* (Торопов 1976: 35) ‘Питирим <...> от радости даже ухом прильнул к расцарапанной черной доске гармонии’.

удм. *Алигес со **Пежыр Николайлэн вуж коркаез** вöзы, одйг азбаре, выль корка жутйз.* (Удм. дунне, 2010.06.30) ‘Недавно он построил новый дом возле старого дома Пежыр Николая, в одном дворе’.

В удмуртском языке при соподчиненных генитивных зависимых последующее зависимое оформляется посессивным суффиксом, указывающим на лицо и число референта первого:

удм. *Ас вакытаз со **партилэн райкомезлэн секретарез** луыса ужамын.* (Удм. дунне, 2010.09.15) ‘В свое время он работал секретарем райкома партии’; <...> *татын котькуд куно — гожъяськись, азбар но – **Писательёслэн корказылэн азбарез.*** (Удм. дунне,

2013.06.18) ‘<...> здесь каждый гость – писатель, и двор – двор Дома писателей’.

В коми языке в конструкциях с несколькими именными зависимыми суффикс генитива первого зависимого может опускаться:

кз. <...> *синсö веськöдiс Марина керкалöн сьöдасьöм öшинь тасьяс вылö.* (Я. Рочев) ‘<...> он направил взгляд на почерневшие рамы окон дома Марины’; *Ру пыр тыдовтчис Мельник Петыр ён керкалöн сьöд вуджёр.* (В. Латкин) ‘Сквозь туман показалась черная тень добротного дома Мельник Петыра’.

2. Субъектное значение. В пермских языках, являющихся языками аккумулятивными, прототипически субъект действия маркируется как номинативный, кроме которого, достаточно широко представлено неканоническое маркирование. Семантический субъект может быть оформлен показателями генитива, датива и инструменталю. Генитивное маркирование субъекта допускают:

а) инфинитивные глагольные формы (причастие, деепричастие), отглагольные существительные:

кз. <...> *и звöз вылын пукалысьяс унапöв удитiсны кывны тайö выльторсö детинкалöн на дiнö вотöдз.* (Юхнин 1955: 6) ‘<...> и сидевшие на помосте (для въезда на сеновал) успели несколько раз услышать эту новость до прихода к ним мальчика’; *«Кытчöкө тай мунан», – комсомольскöй путёвка серти Ухтакомбинатö Лидалöн мунiгöн дöжнасис сiйö.* (Г. Юшков) ‘«Куда и едешь», – твердила она перед отъездом Лиды в Ухтакомбинат по комсомольской путевке’; *Оз нин ёна пазöдны енмыслöн сетöм мича да сöстöм вөр-васö.* (Торопов 1976: 26) ‘Уже не так губят красивую и чистую природу, данную Богом’.

кп. *Миян вотöдз отыр татöн олисö.* (Баталов) ‘До нашего прихода здесь жили люди’; *Светланалöн локтöмыс нывкаöс гажöтышитiс* (Фадеев 1989: 200) ‘Приход Светланы немного поднял настроение девочки’.

удм. *Идна зучьёслэн та шаеръёсы вуытозязы улэм.* (Владыкина 1998: 210) ‘Идна жил до прихода русских в эти края’; *Сузэрмылэн верам кылыз вöй кадь, вöй кадь мед луоз, Сузэрмылэн ваем вуэз мусур кадь ик мед луоз, Сузэрмылэн пыжем няез дуно булкаос кадь мед луоз.* ‘Сказанное сестрою слово пусть будет, словно масло, Прине-

сенная сестрою вода пусть будет слаще медового пива, Выпеченный сестрою хлеб пусть будет дорогими булками' [Владыкина 1998: 136];

б) модальные глаголы. В коми языках генитивное маркирование субъекта обнаруживается в конструкциях с модальным глаголом *ковны* 'хотеть, быть нужным', смысловой глагол при этом находится в форме инфинитива. Активную конкуренцию генитиву в таких конструкциях составляет датив:

кз. *Уджалысь войтырлӧн (~ войтырлы) колӧ бурджыка отсасъны тан.* (Е. Колегов) 'В данном случае рабочие должны больше помогать'; *Менам (~ меным) колӧ котӧртны дялянкаясӧ.* (Юхнин 1983: 87) 'Мне надо бежать на дялянки'; *Колӧма на сэки мыйкӧ шуны менам (~ меным), мед нин кутиӧмкӧ помӧ воны.* (Юшков 1979а: 8) 'Надо было мне еще тогда что-то сказать, чтобы прийти уже к какому-то выводу'.

кп. *Менам (~ меным) колӧ тэрмасъны.* (Федосеев 1994: 218) 'Мне надо торопиться'; *Менам (~ меным) талун колӧ пыравны Егор Ильиччезӧ.* (Федосеев 1994: 189) 'Мне сегодня надо сходить в дом Егора Ильича'.

В удмуртском языке генитивное оформление получает субъект в конструкциях с глаголами *луыны* в значении 'мочь', *потыны* в значении 'захотеть, хотеть; пожелать, желать':

удм. *Солэн монэ ыштэмез уг поты вал.* (Удм. дунне, 2010.07.21) 'Он не хотел меня потерять'; *Мынам соосын шудэме но уг поты.* (Удм. дунне, 2007.02.09) 'Я не хочу с ними играть'; *Тонялэн суредась луэмез потэ вал.* (Удм. дунне, 2010.03.19) 'Тоня хотела стать художником';

в) глаголы с эвиденциальным значением. В пермских языках показателем генитива может оформляться субъект в перфектных конструкциях, описывающих ситуацию с точки зрения наблюдателя, когда внимание акцентируется не на субъекте, а на объекте действия и самом действии. В коми языках генитивный субъект параллельно с номинативным допускают глаголы в форме перфекта (суффикс *-ӧм*) и плюсквамперфекта (форма перфекта и вспомогательный глагол *вӧлі*), причем субъект, выраженный местоимением, всегда оформлен показателем генитива:

кз. *Пушкинскӧй стихъяс перевод дінӧ эпиграф пыдди Куратовлӧн босьтӧма Пушкинлысь кывъяс.* (А. Ванеев) 'Эпиграфом к переводам

пушкинских стихотворений Куратов взял слова Пушкина»; *Тöрыт мамлön ньöбöма мотоциклет, коляскаа.* (А. Размыслов) ‘Вчера мать купила мотоциклет, с коляской’:

кп. *Миян быдöс думайтöма ни.* (Можаев) ‘Мы уже все обдумали’; *Менам быдöс керöма ни.* (Климов 1992: 63) ‘Я уже все сделала’.

В удмуртском языке при аналогичных глагольных формах представлен субъект в номинативе [ГСУЯ 1962: 204–207; ГСУЯ 1970: 119–122]. Показатель генитива принимает субъект при перфектном предикате, состоящим из имени действия с суффиксом *-(э)м*, оформленного посессивным суффиксом, и вспомогательного глагола *вань* ‘есть’, а также при предикате, выраженным причастием на *-(е)мын*, обозначающим пассивное завершённое действие [Едыгарова 2010: 126; 249–251]:

удм. *Кин со Георгий Петухов, мынам кылэме но öвöл.* (Удм. дунне, 2009.02.20) ‘Кто такой Георгий Петухов, я и не слышал [о нем] даже’; *Со музей сярись мынам кылэме вал ини.* (Удм. дунне, 2007.07.06) ‘Об этом музее я уже слышал’;

г) рефлексивные глаголы. В коми языках субъект в форме генитива может выступать при рефлексивных глаголах с безлично-модальным, редко с пассивным значением:

кз. *Мишкалön эз сёйсьы и талун.* (В. Юхнин) ‘Мишке не хотелось есть и сегодня’; *Öтчыд Валерийлön узьсис.* (В. Егоров) ‘Однажды Валерий проспал’; уд. *Ван'алön гöрс'öма муыс* ‘Ваня закончил пахать поле’ [УД: 77].

кп. *Мыйкö колis керны, или Митрейытлön былъ эд оланыс овсяс и няньыс сёйсяс.* (Федосеев 1991: 102) ‘Что-то надо было делать, или у Митрея-то ведь на самом деле жизнь пройдет – не заметишь (‘жизнь пройдет и хлеб будет съеден’); *Минута-мöд бöрти Матвейколön сёйсис, а Аминьлön орссис.* (В. Климов) (Иньва 1992: 159) ‘Через минуты-две Матвейка закончил есть, а Аминь перестал играть’.

В современном коми-зырянском языке при глаголах настоящего времени генитив активно вытесняется дативом, ср. в ККЯ при глаголе *мöвпавсьö* ‘думается’ субъект оформлен показателем датива в 32 случаях, генитивом – в десяти (дата обращения: 24.05.2016). Тенденцию к вытеснению генитива дативом демонстрируют следующие примеры, извлеченные из разного издания одного и того же текста.

Генитив: кз. *Менам мөвпавсьё удж йылысь, кыдзи босьтча, артмас-ё мыйкё.* (М. Игнатов, 1969) ‘Я думаю о работе: как начну, получится ли что-то’.

Датив: кз. *Меным мөвпавсьё удж йылысь – кыдзи босьтча, кыдзи артмас, колёкё и, оз на артмы.* (М. Игнатов, 1988) ‘Я думаю о работе – как начну, как получится, может быть, и не получится’.

д) предикаты, выраженные некоторыми устойчивыми сочетаниями со значением эмоционального состояния:

кз. *Крыса Мишлён вежыс петис Турьев Гриш вылө.* (А. Некрасов) ‘Крыса Миш завидовал Грише Турьеву’.

кп. *Лөг менам өддьөн петё Зарымовыс вылө.* (Баталов) ‘Очень сердита я на Зарымова’.

удм. *Ладалэн вожез потйз.* (Удм. дунне, 2012.12.21) ‘Лада рассердилась’.

Сравнительно-исторический аспект

Показатель генитива сформировался в результате слияния суффикса **-l* и финно-угорского локативного суффикса **-na/*-nä* [ОФУЯ 1976: 149; Rédei 1988: 383; Bartens 2000: 82; Csúcs 2005: 177; др.]. Источником коаффикса *-l-*, который представлен также в суффиксах аблатива, датива, аппроксиматива, консекутива, явился словообразовательный суффикс **-l* [Хакулинен 1953: 89; Основы 1974: 262; Майтинская 1979: 118; Budenz 1884–1894: 196; Szinyei 1922: 62; Lehtisalo 1936: 149; Kövesi 1954: 100–101; Tauli 1956: 214; Collinder 1960: 291–292; Korhonen 1979: 9–10; др.]. Согласно альтернативной точке зрения, источником мог быть суффикс одного из прафинно-угорских падежей, реконструируемый как суперэссив [Серебренников 1963: 48], экстралокатив [Серебренников 1982: 82; Серебренников, Ермушкин, Майтинская 1989: 160–161], латив (аблатив) [Decsy 1965: 157], латив [Alvge 1986: 85–86] или инструменталь [Häkkinen 1983: 76]. По предположению Ш. Чуча, генитив возник первым из группы падежей, показатель которых содержит коаффикс *-l-* [Csúcs 2005: 177], что нельзя исключать, так как пространственное значение генитива не прослеживается в современных пермских языках, не засвидетельствовано оно и в древнекоми письменных источниках. Как отмечает Р. Бейкер, точная семантика генитива, а также

аблатива и датива не может быть установлена, возможно, они имели внешнеместное значение: генитив выражал значение локализации на ориентире, аблатив – направленность от ориентира, датив (аллатив) – направленность на ориентир. Первоначально они не имели ограничений на лексико-грамматический класс: в форме генитива, аблатива и датива могли употребляться одушевленные и неодушевленные существительные. Изменение их семантики и употребления было вызвано проявлением фактора одушевленности в парадигме склонения [Baker 1985: 148–149]:

+ local	→	- local
+ – animate		+ animate

Пространственное значение генитива восстанавливается на основе этимологического анализа составляющих его суффикса. В этой связи отметим, что аналогично, т. е. в результате слияния словообразовательного суффикса **-l* и суффикса локатива, сформировался показатель адессива в прибалтийско-финских языках [Основы 1974: 248; Майтинская 1979: 118; Kokla 1983]. Однако, несмотря на сходство модели формирования падежных маркеров, генитив пермских языков и адессив прибалтийско-финских языков демонстрируют различный сценарий семантической эволюции. Различие в развитии падежей можно объяснить, скорее всего, тем, что в прибалтийско-финских языках сохранился прафинно-угорский генитивный суффикс **-n*, поэтому не было необходимости в формировании нового суффикса генитива. Между тем адессив может употребляться при выражении значения внешнего посессора, в некоторых идиомах засвидетельствованы адессивные зависимые в именной группе, ср. эст. юж. *Mul' nānè tul' timä metsast lävi* ‘моя (‘у меня’) жена проходила через его лес’ [Паюсалу 1958: 26]. Эта особенность прибалтийско-финского адессива может служить одним из аргументов в пользу происхождения пермского генитива из адессива. Несмотря на то, что в современных пермских языках генитив не имеет других функций, кроме как посессивной и субъектной, нельзя исключать, хотя и нет прямых свидетельств, что он имел внутренние предпосылки для расширения своей семантики, подобно адессиву прибалтийско-финских языков, ср. семантическую структуру адессива в [Паюсалу 1958: 18–25; Räsänen 1972: 265–301]. Р. Бейкер семантическую эволюцию

коми генитива сравнивает со становлением семантики послелого *ордын* 'у', отмечая сходство их исходного значения. На основе внешнеместного значения развилась локально ориентированная посессивная функция, ограничивающаяся строго одушевленным употреблением, позднее – значение собственной принадлежности: *kod ordj̄n d'en'ga* 'who has the money' [Baker 1985: 151–152]. Представляется, что генитив довольно рано начал выражать посессивное значение, которое постепенно стало ведущим и вытеснило исходное пространственное значение. Предпосылкой к функционально-семантическим изменениям падежа явилось отсутствие в прапермском языке специального морфологического маркера для выражения посессивных отношений, чему способствовало также формирование пространственных послелогов, в том числе с адессивным значением, и лексико-грамматической категории одушевленности. Следует напомнить, что большинство послелогов сформировались в период общепермского языка [Майтинская 1982: 69; Rédei 1962: 201].

В современных коми и удмуртском языках генитив, имея сходные посессивную и субъектную функции, проявляет незначительные различия по контекстам употребления. В удмуртском языке посессор, выраженный генитивом, независимо от синтаксической позиции грамматически связан с объектом обладания, что проявляется в маркировании объекта посессивным суффиксом. В коми языках, особенно в коми-пермяцком, маркирование объекта посессивным суффиксом является необязательным. В удмуртском языке, в отличие от коми языка, генитивная словоформа имеет более широкое употребление в атрибутивной позиции, что проявляется в межъязыковой корреспонденции генитив (удмуртский язык) // номинатив или относительное прилагательное (коми языки) при выражении пространственных, темпоральных отношений, а также отношений «группа, коллектив – член». Проследить процесс семантической эволюции присубстантивного генитива невозможно, нельзя с уверенностью сказать, что какая-то одна из его значений более древняя. Потому выводы, сделанные А. Лаанестом в отношении развития семантики прибалтийско-финского генитива, что «большинство весьма разнообразных значений генитивного определения [прибалтийско-финских языков. – Н. Г.], несомненно, являются очень древними, и

мы не имеем никакого основания сводить их к одной единственной или двум первоначальным функциям» [Лаанест 1959: 23], можно экстраполировать на генитив как пермских, так и других языков. Генитивное маркирование – один из наиболее частых способов оформления посессивной зависимости не только в финно-угорских языках (особенно характерно для прибалтийско-финских языков¹), ср. описание семантики присубстантивного генитива в [Майтинская 1955а: 130–131; 1960: 25–27; Лаанест 1959; ГСУЯ 1962: 79–81; СМЯ: 63; Галкин 1964: 39; Вахрушев 1980; Зайцева 1981а: 179; Зайцева 1981б: 74–75; Учаев 1982: 61–62; ГМЯ: 161; Кудяев 1985; Räsänen 1972: 48–78], но и в языках мира. Согласно исследованиям Дж. Николс и Б. Бикеля, 98 из 236 языков имеют данную стратегию, в 22 языках представлено двойное маркирование посессивности – генитивным зависимым и посессивным суффиксом на вершине [Nichols, Bickel 2013].

Для выражения предикативных посессивных отношений пермские языки используют характерную для финно-угорских языков конструкцию с глаголом ‘быть’, унаследованную от раннего периода их истории [Основы 1974: 391]. Посессор в таких конструкциях маркируется показателем посессивного или пространственного падежа: в прибалтийско-финских и саамском языках – генитивом, дативом, адессивом или локативом; в пермских, марийском, мордовских – генитивом, венгерском – дативом [Паюсалу 1958: 25; Майтинская 1960: 189; Феоктистов 1963: 135; ГФЯ: 87; Хонти 2008; СМЯ: 63].

Субъектная функция генитива развилась, скорее всего, на основе посессивной. В прапермский период показателем генитива мог оформляться субъект причастных и деепричастных конструкций, которые возникли на основе именных групп с вершиной, выраженной отглагольным существительным [Серебренников 1963: 301–309; Основы 1976: 190–193; Лыткин 1977: 76–77]. К причастию прошедшего времени восходит форма перфекта в пермских языках [Серебренников 1963: 257; 301–306; 310; Лыткин 1977: 72–76; Rédei 1988: 391–392; Csúcs 2005: 265; др.], чем объясняется вариативное оформление субъекта при глаголах с эвиденциальным значением. К эпохе

¹ Подробно о семантических особенностях присубстантивного генитива в финно-пермских языках см. [Некрасова 1995].

прапермского языка относится развитие рефлексивных глаголов, но их семантические и синтаксические свойства в современных языках различаются [Лыткин 1995: 85; Цыпанов 2002: 82; 2005: 216–218; УКК 2011: 201–219]. Влияние русского языка усматривается в развитии пассивного значения возвратных глаголов [Цыпанов 2002: 82; 2005: 216–218], а также в калькировании конструкций с возвратными глаголами в безличном употреблении в коми языке [Иевлева 1984: 7; Rédei 1970: 213]. В. И. Лыткин ставит под сомнение возможность русского влияния в случаях, когда субъект представлен в генитиве [Лыткин 1971: 141]. Отметим, что в русском языке субъект возвратных глаголов при безличном употреблении выражается дательным падежом (*Мне не спится.*), при пассивном употреблении – предлогом *у* (*У меня дверь не закрывается.*). В этой связи действие ареального фактора в коми языках видится в выражении семантического субъекта дативом, а также генитивом при рефлексивных глаголах в пассивном употреблении.

В большинстве финно-угорских языков неканоническим средством выражения субъекта в безличных конструкциях является датив / аллатив, в прибалтийско-финских языках используются также адессив и дативный генитив [Паюсалу 1958: 27; Коведяева 1978: 146; ГМЯ: 163; Adler 1980]. Предполагается, что дативное оформление семантического субъекта явилось результатом влияния русского языка [Паюсалу 1958: 27; ГФЯ: 77; Ariste 1948: 23; Adler 1980: 162; Räsänen 1972: 71–74]. Однако Г. Стипа, вслед за ним Э. Адлер отмечали исконность дативного субъекта в финно-угорских языках при инфинитивах [Stipa 1960: 162–166; Adler 1980: 165]. Как показали типологические исследования, выбор средства оформления субъекта может зависеть от лексических и грамматических особенностей предиката. Чаще всего предикатами, допускающими неканоническое маркирование субъекта, являются модальные глаголы, а также глаголы пассивных эмоций, обладания, глаголы с эвиденциальным значением. Распространенным средством оформления семантического субъекта в языках мира является датив [Ландер, Выдрин 2010; Сай 2017: 736–739; 2018: 565; Onishi 2001]. Учитывая типологические наблюдения, можно заключить, что в развитии средств маркирования неканонического субъекта в пермских языках прослеживается взаимодействие генетических, ареальных и типологических факторов.

3.4. Семантическая структура аблатива

3.4.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

В современных пермских языках семантика аблатива значительно различается, общепермскими являются значения исходного посессора, источника информации и посессивное.

1. Значение исходного посессора. При глаголах отчуждения, изъятия (кз. кп. *босьтны*, удм. *басьтыны* ‘взять, брать, купить’, кз. *ньёбны*, кп. *небны* ‘купить’, кз. кп. *мырддыны*, удм. *таланы* ‘отобрать, отнять, захватить’, кз. кп. *гусявны*, удм. *вораны*, *лушканы* ‘украсть, похитить’) аблатив указывает на одушевленного участника ситуации, обладаемое которого переходит к другому участнику. Различаются два типа предложений с исходным посессором в зависимости от пассивности/активности субъекта действия: предложения с активным и пассивным субъектом (см.: на материале русского языка [Апресян 1995: 607–608]; на материале нахско-дагестанских языков [Ганенков 2005: 203–208]; на материале финских говоров [Федотов 2012: 383]). В удмуртском языке в обоих случаях исходный посессор оформляется аблативом, ср. примеры (а) и (б):

(а) удм. *Озыы дондыос вормизы но иднаослэсь басьтэм музьем-зэс Утэм шуыса нимазы*. (Владыкина 1998: 212) ‘Так дондинские победили и отобранную у иднакарских землю назвали Утэм’.

(б) удм. *Мае мон ачим тодйсько, валасько, ваньмыз со басьтэмын анаелэсь-атаелэсь*. (Удм. дунне, 2012.03.11) ‘Что я знаю, понимаю, все это я перенял от своих родителей’; *Огпол Ленинград улосысь кыче ке городысь Ириналэсь гожтэт вуиз*. (Удм. дунне, 2007.06.13) ‘Однажды из какого-то города Ленинградской области пришло письмо от Ирины’.

В коми языках исходный посессор «с активным субъектом» и исходный посессор «с пассивным субъектом» противопоставляются. Аблатив используется при описании ситуации с активным субъектом действия, который целенаправленно приобретает объект:

кз. *Дерт, эськё первой чай юны бурджык, да самоварыс абу, а йёзлысь талун он босьт, аслыныс колö*. (Юхнин 1955: 63) ‘Конечно, сначала лучше бы чай попить, но самовара нет, а у соседей (‘людей’) сегодня не попросишь, самим надо’.

кп. *Степаныс туй мортлісь небис тальянка, учёт, но гора гармошка*. (Федосеев 1991: 56) ‘Степан купил у прохожего тальянку, маленькую, но звонкую гармошку’; *Мырддис зверьыс челядыслісь йёв, семьялісь юрвердісьсё*. (Федосеев 1991: 63) ‘Зверь отобрал у детей молоко, у семьи главную кормилицу’.

В предложениях с пассивным субъектом значение исходного пессора выражается эггессивом (см.: примеры в гл. 4, раздел 4.5).

2. Источник информации (восприятия, получения сведений). При глаголах восприятия, получения сведений (кз. кп. *юавны*, удм. *юаны* ‘спросить’, кз. кп. *тёдмавын*, удм. *тодыны* ‘узнать’, удм. *кылыны* ‘слышать’) аблатив указывает на одушевленного участника ситуации, от которого другой участник получает информацию:

удм. *Худграфе лыктэм но секретарьлэсь юам Батыршин студент сярысь*. (Удм. дунне, 2011.09.09) ‘Он пришел на художественно-графический факультет и спросил у секретаря о студенте Батыршине’; *Ар ортчыса гинэ, Пётр Чернов писательлэсь кылй нылти садын малы монэ сокем яратымтээс*. (Удм. дунне, 2008.03.21) ‘Только спустя год от писателя Петра Чернова я узнал, почему так не любили меня в детском саду’; *Эшъёсылэсь тодй, средае но арня нуналэ академик дораз эскере шуыса, черодэз но, пе, ёжыт*. (Удм. дунне, 2013.06.14) ‘От своих друзей я узнал, что в среду и в воскресенье академик принимает (‘проверяет состояние здоровья’) у себя дома, и очередь, мол, небольшая’; *Со «Узы-боры» сярысь одйг жуч эшмылэсь тодэм*. (Удм. дунне, 2012.05.30) ‘Она о [фильме] «Узы-боры» узнала от одного нашего русского друга’; *Ксения Жуйкова та адъытон сярысь эшъёсылэсь кылйз*. (Мынам Удмуртие, 2011.08.25) ‘Ксения Жуйкова об этой выставке узнала от своих друзей’.

Выбор падежа при выражении значения источника информации в коми языке зависит от активности / пассивности субъекта, как и в предыдущем случае. Если субъект получает информацию намеренно, то используется аблатив; если информация получена случайно, ненамеренно или от кого-то, то выбирается эггессив:

кз. – *Мый нё тайё?* – *чойыслысь юалис Домна*. (Г. Федоров) ‘– Что же это? – спросила Домна у своей сестры’; *Прамйй кужысь йёзлысь тёдмавын коліс*. (М. Игнатов) ‘Надо было узнать у хороших умельцев’.

кп. – *Тэ и дудіэсö адззылін?* – юаліс **зонкаокылісь** мастер. (Баталов) ‘– Ты и голубей видел? – спросил у мальчишки мастер’.

3. Посессивное значение. В современных пермских языках аблатив маркирует зависимое в именной группе, занимающей позицию прямого дополнения. Он выражает тот же спектр посессивных отношений, что и генитив [Вахрушев 1980: 143–151; Некрасова 2002: 67–69; Кондратьева 2011а: 87–91]:

1) собственно посессивные отношения (обладатель – обладаемое):

кз. *Журавскийлысь керкасö вуджөдісны Усть-Цильмаö.* (В. Дуркин) ‘Дом Журавского перевезли в Усть-Цильму’.

кп. *Казяліс [көк] пу вылісь, тишөк уввез коласісь Уркайлісь керкуок.* (Баталов 1990: 202) ‘На дереве, среди густых ветвей, заметила [кукушка] домик Клеста’; *Ошыс джагөтіс Степаннэзісь мөснысö.* (Федосеев 1989: 63) ‘Медведь растерзал корову семьи Степана’.

удм. *Возьматіз Мера Сергейлэсь корказэ но кырыжам мунчозэ.* (Удм. дунне, 2012.01.11) ‘Он показал дом и покосившуюся баню Мера Сергея’.

2) социальные отношения (личность – социальный партнер личности):

кз. *Проня некыдзи эз думайт аддзыны татысь Домналысь мамсö.* (Г. Федоров) ‘Проня никак не ожидал встретить здесь мать Домны’.

кп. *Васис царьыс пондöма корасыны аслас зон сайö вöрись царьлісь ныв-красавицасö.* (В. Баталов) (Парма шы: 135) ‘Водяной царь стал сватать за своего сына красавицу-дочь лесного царя’.

удм. *Ирод экэй озыы быдтыны малтаз вал Ин Атайлэсь пизэ – Иисусэз.* (Удм. дунне, 2011.12.29) ‘Царь Ирод так думал погубить сына Небесного Отца – Иисуса’.

3) параметрические отношения (сущность – параметр сущности: признак, качество, свойство):

кз. *Сиктса учитель казяліс зонкалысь сюсьлунсö да зільлунсö.* (А. Туркин) ‘Сельский учитель заметил способности и усердие мальчика’.

удм. *Сяськалэсь чеберзэ валалоз сяська будэтись гинэ.* (Удм. дунне, 2013.10.14) ‘Красоту цветка поймет только цветовод’.

4) отношения целого и части (отношения неотчуждаемой принадлежности):

кз. *Ош гыжнас вирödз парсышитис понлысь нырсö.* (Юхнин 1955: 106) ‘Медведь когтем до крови расцарапал нос собаки’.

кп. *Митрок сувтис пидзöс вылас, лэбтис мортлись юрсö.* (В. Климов) (Парма шы: 165) ‘Митрок опустился на колени, приподнял голову человека’.

удм. *Мушлэсь сизэ адзиз – чечы сиёнлы пумит луиз.* ‘Увидел жало пчелы – не захотел есть мед’ [Перевозчикова 1987: 30].

5) субъектные отношения (субъект события, состояния – событие, состояние, его действие):

кз. *Лиза весиг эз кыв мамыслысь пырöмсö.* (В. Юхнин) ‘Лиза даже не слышала приход матери’.

кп. *Кин и оз вежöрт төвлись да нуэзлись шушкöмсö, а пöрись мортлö сия вежöртана.* (В. Климов) (Парма шы: 161) ‘Может быть, кто-то и не понимает шепот ветра и деревьев, а старому человеку он понятен’.

удм. *Пинальёсыз, атайзылэсь бертонзэ тодыса, лумбыт сямен ульчаын возьмаса уло ни.* (Удм. дунне, 2008.10.01) ‘Дети, зная о возвращении отца, почти целый день уже ожидают его на улице’.

В удмуртском языке присубстантивный аблатив распространен значительно шире, чем в коми языках, свидетельством чему могут быть следующие соответствия: удм. *школалэсь директорзэ*, кз. *школаса директорöс*, кп. *школаись директорöс* ‘директора школы’, удм. *парткомлэсь секретарьзэ*, кз. *парткомса секретарöс*, кп. *парткомись секретарьöс* ‘секретаря парткома’:

удм. *«Монэ, школалэсь директорзэ, та ужспум туж сюлэмшугъяськытэ», – шуиз егит депутат.* (Удм. дунне, 2009.12.08) ‘«Меня, директора школы, эта проблема очень беспокоит», – сказал молодой депутат’; *Сое, парткомлэсь секретарьзэ, обкоме öтё.* (Удм. дунне, 2011.04.19) ‘Его, секретаря парткома, приглашают в обком’.

В пермских языках аблативное зависимое может занимать позицию непосредственно перед вершинным существительным, но может отделяться от него глаголом или наречием. В каждом случае обязательным условием для введения аблативного зависимого является синтаксическая позиция вершинного существительного – позиция прямого дополнения:

кп. *Кык месяц мужикыс гортын уджсö керис ассис и иньыслись.* (Федосеев 1991: 217) ‘Два месяца муж выполнял домашнюю рабо-

ту свою и жены?; *Вөралісьлісь кытёнкө Уролка йыввезын туйсö поперёгаліс ош.* (С. Федосеев) (Парма шы: 270) ‘Где-то в верховьях р. Уролка дорогу охотника пересек медведь’.

В истории пермских языков выбор падежной формы зависящего не всегда был связан с позицией вершинного имени. В коми-зырянских текстах XVII в. для оформления зависящего в именной группе, занимающей позицию прямого дополнения, использован показатель генитива:

кз. *кыласныс горасö йэн пилэн* (совр. *пилысь*) ‘услышат глас сына божьего’; *ог кор’с гажöс, чöчкө айлөн гажсö мэнö ыстысь’лөн* (совр. *айлысь, ыстысьлысь*) ‘не ищу воли моя, но воли пославшего мя отца’ [Лыткин 1952: 118].

В текстах XVIII в. выбор падежа зависящего не привязан к синтаксической позиции вершинного имени, аблатив употребляется при тех же условиях, что и генитив:

кз. *бур воляыс Иисус Христослысь* (совр. *Иисус Христослөн*) ‘благодать Иисуса Христа’; *государыня миянлысь императрица восна* (совр. *миян*) ‘о государыне нашей императрице’ [Кузнецова 1967: 147]; *готырсо сылонь медь казътас* (совр. *сылысь*) ‘супругу его да помянет’ [Кузнецова 1967: 147].

Аналогичное явление можно обнаружить в удмуртских текстах XIX в.: зависящее в именной группе, занимающей позицию прямого дополнения, оформлено показателем аблатива (а) и генитива (б):

(а) удм. *Со соёлы пуныт верам тиледлы инь дунелзсь ватемзэ тодыны сётыськем, соё сётыськемте* (Евангелие 1882а: 36) ‘И он сказал в ответ: Вам дано познать тайны Царства Небесного, им же этого не дано’ (Мф. 13:11) (Библия: 889).

(б) удм. *Мынам иуміс Атайелэн косэмзэ карэм мурт мыным агай, вын, апай, сузэр, анай но иуэм* (Евангелие 1877: 33) ‘Да, тот, кто исполняет волю Отца Моего небесного – Мой брат, сестра и мать!’ (Мф. 12:50) (Библия: 889); *Со сойослы жауаб сотыса взрам: тиледлы иу эксеилыклэн ватэйтоссэ тодыны сотыськем, сойослы сотыськэтэ* (Евангелие 1877: 33). ‘И он сказал в ответ: Вам дано познать тайны Царства Небесного, им же этого не дано’ (Мф. 13:11) (Библия: 889).

Смешение употребления генитива и аблатива наблюдается в современном коми-пермяцком языке, который подвергается интенсивному влиянию русского языка. Генитивное зависящее спорадически

представлено в составе именной группы в позиции прямого дополнения (а); аблативное зависимое – при вершине, оформленной показателями других косвенных падежей (б):

(а) кп. «*Восточной финно-угорской литературалён хрестоматияё*» *пыртёмаёсь В. Баталовлён* кум миниатюра. (В. Пахорукова) (Баталов 1990: 206) ‘В «Хрестоматию по восточной финно-угорской литературе» вошли три миниатюры В. Баталова’.

(б) кп. *И эшö отик öшын торья жырись, кодö Агрипина Прокопьевна шуö Кузьмичлсь служебной кабинетон, петö посёлкляньö.* (В. Баталов) (Парма шы: 133) ‘И еще одно окно отдельной комнаты, которую Агрепина Прокопьевна называет служебным кабинетом Кузьмича, смотрит в сторону поселка’; *Марина казяліс врачлісь коккезсис гожся туфлиз.* (Баталов 1990: 133) ‘На ногах врача Марина заметила летние туфли’.

3.4.2. Межъязыковые различия

Коми-пермяцкий язык

1. Значение стимула эмоций (при глаголе ‘бояться’). В коми-пермяцком языке аблатив параллельно с элативом и эгрессивом используется в моделях управления глаголов *повны* ‘бояться’, *повзыьны* ‘испугаться’. В южных диалектах отмечено варьирование элатива и аблатива, на выбор падежа влияют лексико-грамматические свойства имени: одушевленные существительные принимают суффикс аблатива, неодушевленные – суффикс элатива. В северных диалектах данная тенденция не выдерживается, бесспорно доминирует элатив. Указанные диалектные различия нашли отражение в художественных текстах, написанных носителями разных диалектов. В текстах [Баталов; Можаяев] одушевленные существительные и местоимения, соотносящиеся с одушевленными именами, представлены в форме аблатива, неодушевленные существительные и местоимения – в форме элатива:

кп. – *А мийö огö полö Михайло Ивановичыслсь, – ошшасьёмон шуис Афоня.* (В. Баталов) (Парма шы: 154) ‘– А мы не боимся Михайло Ивановича, – хвастливо сказал Афоня’; *Ярашко полис кодö Микешыслсь и кывзис сійö.* (В. Климов) (Парма шы: 201) ‘Ярашко

побаивался Микеша и слушался его’; – *Сьёкытісь огö повзёь, – шуис Таня.* (В. Баталов, Парма шы: 128) ‘– Мы не испугаемся трудностей, – сказала Таня’; *Шоныта пасьтасьём пуокыс тöвбыт эз пов кöдзыт ой тöввезісь да тшын мороззэзісь.* (Баталов 1990: 135) ‘Тепло одетое деревце всю зиму не боялось холодных северных ветров и сильных морозов’.

В текстах [Минин 1962; Фадеев 1989; Федосеев 1991; 1994] последовательно (за редкими исключениями) используется элатив:

кп. *Таняыс тэрмасис, полис айсис.* (Федосеев 1994: 15–16) ‘Таня торопилась, боялась отца’; *Немись и некинлісь эз пов Мититыс.* (Федосеев 1994: 77) ‘Ничего и никого не боялся Митит’; *Меным охота вöлі вежёртны, мыля сія «кыдз биись полö председателісь».* (Минин 1962: 10) ‘Мне хотелось узнать, почему она боится председателя, как огня’.

Соотношение аблатива и элатива при глаголе ‘бояться’ в текстах разных авторов представлено в табл. 34.

Таблица 34

Частотность употребления надежей в оформлении второго актанта глагола ‘бояться’ в письменных источниках XX в.

Источник	Аблатив		Элатив		Эгрессив	
	ОД	НОД	ОД	НОД	ОД	НОД
Баталов	50	1	10	79	–	–
Можаев	13	1	2	4	–	–
Фадеев 1989	–	–	5	13	–	1
Федосеев 1991	–	–	32	21	–	–
Федосеев 1994	2	–	12	19	–	–
Всего	65	2	61	136	–	1

Примечание. ОД – одушевленное существительное, НОД – неодушевленное существительное.

По наблюдениям Е. С. Гуляева, аблативное оформление актанта глагола ‘бояться’ имеется в ижемском диалекте: иж. *сія никодлысь из поо* ‘он никого не боялся’ [Гуляев 1961: 244]. Однако в описаниях ижемского диалекта [ИД], а также в опубликованных диалектных текстах [Фольклор 2014; ST 2] такое употребление аблатива не зафиксировано. В этой связи можно еще добавить, что в современных коми диалектах актант глагола *повны* ‘бояться’ может быть оформ-

лен показателем элатива (большинство коми-зырянских диалектов, коми-пермяцкие диалекты), эгрессива и аблатива (коми-пермяцкие диалекты), а также послелогом (коми-язвинское наречие, удорский диалект):

уд. (Венд.) *Ош вӧдзись повзьӧма и мырйыс вӧдзись полан*. ‘Напуганный медведем и пня боится’ [ОКЗР: 265].

кя. *Сиа йӧзс'ан' бӧдӧн з'вирийӧз пондис верӧн пулнӧ кан' шогис'*. (КЯД: 212) ‘С этих пор все звери в лесу стали бояться кошки’.

Удмуртский язык

В удмуртском языке аблатив выражает ряд значений, которые в современных коми языках входят в семантическую зону элатива и эгрессива.

1. Точка отсчета в пространстве. Аблатив может указывать на ориентир, по отношению к которому определяется нахождение или положение объекта, измеряется расстояние. Ориентир может быть одушевленным и неодушевленным:

удм. *Милям коркамы клублӧсь кыдӧке интыяськемын*. (Удм. дунне, 2009.03.20) ‘Наш дом располагался далеко от клуба’; *Копаськом Кам шурлӧсь 100 метрлы вылйын – городищеос гурезь вылӧ интыяськылӧзы*. (Удм. дунне, 2013.06.25) ‘Раскопки ведем на 100 метров выше от реки Камы – городища располагались на горе’; *Но Олеглӧсь кыдӧке кылемын*. (Удм. дунне, 2009.12.15) ‘И от Олега далеко отстали’; сред. *вал воз'ылон мэстамы гуртлӧсь кыд'окын гинэ вал, пичи с'ик с'эрын*. ‘Место, где пасли лошадей, находилось довольно далеко от деревни, за перелеском’ [Кельмаков 1981:159].

2. Значение нежелательного участника ситуации / нежелательной ситуации. При глаголах *пегзыны* ‘убегать; скрываться, спрятаться’, *висъяны* ‘перегородить; отделить’, *мозмыны* ‘освободиться, избавиться’, *ватскыны* ‘спрятаться’, *утыны* ‘защитить’ аблатив указывает на участника, присутствие которого нежелательно в ситуации, или на ситуацию, которая не желательна для основного участника:

удм. *Зэмлыклӧсь уд пегры ук*. (Уд. дунне, 2008.05.20) ‘От правды ведь не убежишь’; <...> *соку Белоруссия немецьёслӧсь мозмытэмын вал*. (Удм. дунне, 2007.11.07) ‘<...> тогда Белоруссия была освобождена от немцев’; *Чкалов карын басьтэм тодон-валанэз сое кулонлӧсь*

утьылйз. (Удм. дунне, 2010.06.29) ‘Знания, полученные в городе Чкалов, уберегли его от смерти’.

3. Значение стимула эмоционального или ментального состояния. При глаголах, описывающих эмоциональное состояние участника ситуации (*мӧзмыны* ‘скучать, тосковать, соскучиться’, *кышканы* ‘испугаться, бояться, трусить’, *кепыраны*, *возьдаськыны* ‘стыдиться, стесняться’), аблатив указывает на источник воздействия на внутреннее состояние участника ситуации:

удм. *Сьӧд пилемлӧсь кышкаса, зорлӧсь азьло ик эн пегӧзы*. ‘Испугавшись черной тучи, раньше грозы не убегай’ [Перевозчикова 1987: 40]; *Удмурт кыллӧсь мӧзмисько, – шуэ со*. (Удм. дунне, 2008.09.02) ‘[Я] скучаю по удмуртскому языку, – говорит он’; *Анае, удмурт кыллӧсь въздаськыса, будэмын*. (Удм. дунне, 2013.06.21) ‘Моя мать росла, стесняясь удмуртского языка’.

4. Источник, исходное состояние участника ситуации. При глаголах *кылдыны* ‘возникнуть, появиться, образоваться’, *пӧрмыны* ‘превратиться, стать’, *пӧрмытыны* ‘превратить, преобразовать, создать’ аблатив указывает на исходное состояние участника ситуации:

удм. *Пичи тысьлӧсь сьӧд нюлӧс но будӧ*. ‘И лес из маленького семени вырастает’ [Перевозчикова 1987: 160]; *Пичи шурилӧсь зарезь кылдӧ*. ‘Из речушки образуется море’ [Перевозчикова 1987: 160].

5. Значение материала изготовления. В удмуртском языке аблатив является основным средством выражения значения материала (вещества или объекта), используемого для создания нового предмета:

удм. *Пызьлӧсь кеньыр уд кары ни*. ‘Из муки крупу уже не сделаешь’ [Перевозчикова 1987: 39]; *Пуны быжлӧсь пуж уд лӧсьты*. ‘Из хвоста собаки решета не сделаешь’ [Перевозчикова 1987: 161]; *Дышетскем излӧсь ӧиры лӧсьтоз, куролӧсь дӧрем вуроз*. ‘Грамотный из камня петлю для дверей сделает, из соломы рубаху сошьет’ [Перевозчикова 1987: 135].

6. Значение исходного количественного ориентира. Аблатив используется при указании на приблизительное количество, превышающее количественный ориентир:

удм. *Лыдӧськыны яратӧсьӧслэн лыдзы сюрслӧсь ортче*. (Удм. дунне, 2012.11.19) ‘Число любителей чтения превышает тысячу’; *Уждунзы но 20 сюрслӧсь ортче*. (Удм. дунне, 2008.11.21) ‘И заработок больше 20 тысяч’.

7. Значение стандарта сравнения. В удмуртском языке аблатив может употребляться для указания на участника ситуации, который выступает в качестве стандарта сравнения при определении подобных ему свойств, качеств у другого участника:

удм. *Куректон но бёрдон пуртлэсь но лэчит*. ‘Горе и печаль острее ножа’ [Перевозчикова 1987: 45]; *Кызыпу куар нетаклэсь паськыт ке, ю кизыны бер луэ ини*. ‘Если березовые листья шире пятка, то сеять уже поздно’ [Владыкина 1998: 303]; *Ужрадэ пыриськизы далэсь уно командаос*. (Иднакар, 2015.10.08) ‘В мероприятии принимали участие больше десяти команд’.

На основе сравнительных развились конструкции усиления качества, которые образуют модель «прилагательное в аблативе + *но* + прилагательное»:

удм. *тöддылэсь но тöдды (кышет)* ‘белее белого (платок)’, *ческытлэсь но ческыт (чечы)* ‘слаще сладкого (мед)’.

8. Значение причины действия, состояния. Аблатив может указывать на объективную внешнюю причину ситуации:

удм. <...> *музьем ик кезытлэсь пилиськылэмын вал <...>* (Мария Векшина, 2013–2014) ‘<...> даже земля потрескалась от мороза <...>’; *Чигиськоно кадь векчи куараослэсь сюлэм шымырске*. (Удм. дунне, 2008.02.27) ‘От ломающихся тонких голосов щемит сердце’.

Лексемы, содержащие каритивный суффикс *-тэм*, в аблативе указывают на причину, связанную с отсутствующими условиями:

удм. *Чорыгтэмлэсь со но чорыг*. ‘На безрыбье и это рыба’ [Кондратьева 2011а: 102].

9. Темпоральное значение. Аблатив может использоваться при указании на последующий за темпоральным ориентиром неопределенный период времени:

удм. *Мыным соку куамынлэсь орчемын ни вал*. (Удм. дунне, 2011.10.28) ‘Мне тогда было уже за 30’.

В письменных источниках, написанных на казанском диалекте, зафиксированы случаи употребления аблативной именной группы в составе конструкции, обозначающей непрерывность, длительность действия, состояния:

удм. *Ҷижым ар орчем бере сутэмлык лұыны кускэм, арлиҫ арэ кужмаяҫкем*. (СИ: 24) ‘По прошествии семи лет начался голод, из года в год [он] усиливался’.

Древнекоми язык

В древнекоми языке функциональная нагрузка аблатива была выше, чем в современных коми языках. Как показывает материал ранних письменных источников, он выражал ряд значений, которые к настоящему времени им утрачены, но имеют прямые параллели в удмуртском языке.

1. Исходный пункт движения. Случаи употребления аблатива в пространственном значении обнаружены в письменных источниках XIV–XV вв.:

кз. *сэс' мунадныд ту туйö, кодудлыс' кэ(е)жидныд ас взр ордö.* 'и посем минете на путь свой, с него же свратитесь семо к рабу своему' (Надпись на иконе «Троица», XIV–XV вв.) [Лыткин 1952: 39–40]; *сэс' кэ(е)жтöмас' вэ(е)ллис' буакылы кучöмкö ноллöм с'ыл полтöс.* 'и бысть внезапно с небесе шум яко носиму дыханию бурну' (Надпись на иконе «Сошествие св. духа», XV в.) [Лыткин 1952: 42–43].

В текстах последующего периода (Лепехинско-Евгеньевские тексты, XVII в.) аблатив (а) в пространственных контекстах варьирует с элативом (б), падежи параллельно использованы в одних и тех же лексико-семантических условиях:

(а) кз. *ач'ис мээöс йэнлөн чöктöмөн и с'ур гумён, борда идöглөн гораён лэ(е)тч'ас вэ(е)ллыс'.* 'сам господь по велению бога и рожка, по голосу крылатого ангела спустится с небес' (ЛЕ 25–29) [Лыткин 1952: 65–66].

(б) кз. *ми ви́зан ныд(й)э лэ(е)тч'öм вэ(е)лтыдаланиныс'* (ЛЕ 119–121) 'мы спустились с небес ради спасения' [Лыткин 1952: 67].

В более поздних источниках, а также в современных коми диалектах аблатив в значении исходного пункта движения не представлен, он полностью вытеснен другими единицами, имеющими аблативно-элативную семантику.

2. Точка отсчета в пространстве. В текстах XIV–XV вв. обнаружен единичный пример, в котором аблатив выражает значение исходной точки отсчета:

кз. *матыд сылыс'* 'недалеко от него' (надпись на иконе «Троица») [Лыткин 1952: 118].

В письменных источниках более позднего периода, а также в современных коми диалектах в таких контекстах параллельно используются элатив и эгрессив.

3. Значение нежелательного участника ситуации. Единичные примеры, зафиксированные в древнекоми письменных источниках, а также в текстах более позднего периода, свидетельствуют о том, что аблатив в значении нежелательного участника ситуации употреблялся, по крайней мере, в нижневычегодском и вымском диалектах вплоть до нач. XX в.:

кз. *чӧчкӧ мынты мийанды варкӧслыс* 'но избавь нас от лукавого' (ЛЕ 191) [Лыткин 1952: 69].

кз. *ni-nem̄en mi silis* (V: *sijis*) *og-m̄ine* VU V 'wir werden ihn auf keine Weise (eig. mit nicht)' [Fokos-Fuchs: 653].

4. Значение стандарта сравнения. В древнекоми текстах не представлены сравнительные конструкции с существительными в аблативе, но встречаются усилительные конструкции, являющиеся производными от сравнительных:

кз. *йугыдлыс* 'йугыд 'светлее светлого' (Лепехинский текст) [Лыткин 1952: 118].

3.4.3. Сравнительно-исторический аспект

В финно-угроведении устоялось мнение, что суффикс аблатива сформировался в результате слияния словообразовательного суффикса **-l* и элативного **-s'(t)* (о происхождении суффиксов элатива см.: гл. 4, раздел 4.4) [Гуляев 1960: 157; Серебренников 1963: 10; Основы 1976: 145; Кондратьева 2011: 773; Uotila 1933: 199; Bartens 2000: 82; Csúcs 2005: 180; др.]. Значительные различия в семантике аблатива между современными пермскими языками допускают рассмотреть два возможных сценария развития падежа. Как отмечал Е. С. Гуляев, в прапермский период аблатив мог иметь: 1) широкий семантический диапазон, но в коми языке он, видимо, утратил какие-то значения, а в удмуртском языке сохранил свою многозначность; 2) очень узкий семантический диапазон, но в удмуртском языке мог расширить объем значений, а в коми языке сохранить прежнюю однозначную семантику. Более вероятным ученый считал второй путь развития падежа, обосновывая это тем, что генитив, датив и аблатив

исходно сформировались как посессивные падежи. Он писал: «принадлежностные падежи (родительный и дательный) в современных пермских языках выступают как падежи с одним грамматическим значением: имя в родительном обозначает предмет, которому что-либо принадлежит, имя в дательном падеже обозначает предмет, которому что-либо дается, в интересах которого что-либо делается», «и третий член системы принадлежностных падежей – принадлежностный падеж – в общепермскую эпоху был также однозначен и возник непосредственно для того, чтобы обозначать предмет, у которого что-либо берется, отчуждается» [Гуляев 1961: 242–243]. Непосессивные значения древнекоми аблатива Е. С. Гуляев рассматривал как результат тенденции к расширению значений аблатива в коми языке, которая по каким-то причинам была приостановлена. Учитывая, что в формировании суффикса аблатива принял участие деривационный суффикс, кажется вполне закономерным, что исходная аблативная словоформа представляла собой существительное с деривационным суффиксом *-l* в элативе. Надо полагать, что ко времени формирования суффикса аблатива как показателя отдельного падежа элатив употреблялся не только в пространственных значениях, но и развил ряд непространственных. Кроме того, до появления аблатива элативом выражались значения исходного посессора и одушевленного источника информации. Как отмечал Б. А. Серебренников, «конструкция с элативной словоформой типа *босьта морт-ысь пурт* ‘возьму у человека нож’ предшествовала конструкциям с аблативной словоформой типа *босьта морт-лысь пурт* ‘возьму у человека нож’», позднее аблатив в таких конструкциях развил посессивное значение [Серебренников 1958: 193–196; Серебренников 1963: 51]. Предположение Б. А. Серебренникова подтверждают аблативные формы 1-го и 2-го лица единственного числа личных (кз. *менсьым*, кп. *менчим*, удм. *мынэсьтым* ‘у меня’, кз. *тэнсьыд*, кп. *тэнчит*, удм. *тынэсьтыд* ‘у тебя’ (взять)) и 1-го, 2-го, 3-го лица единственного и множественного числа усилительно-личных местоимений (кз. *ассьым*, кп. *ассим* ‘у меня самого’, кз. *ассьыд*, кп. *ассит* ‘у тебя самого’, кз. *ассьыс*, кп. *ассис* ‘у себя самого’ и т. п.), которые содержат суффикс элатива. Представляется, что первоначально суффикс аблатива употреблялся в схожих с элативом

контекстах. Сравнивая семантические параллели аблатива в пределах пермских языков, учитывая материал древнекоми языка, видимо, можно допустить междиалектное варьирование элатива, аблатива и послеложных конструкций с аблативной семантикой в прапермском языке. Это касается как исходного пространственного значения, так и отдельных непространственных. В отличие от генитива, аблатив sporadически сохраняет пространственное значение после распада прапермского языка, что нашло отражение в современном удмуртском и древнекоми языках, хотя в основной массе он был уже вытеснен в пространственных контекстах послеложными конструкциями, частично эгрессивом. К периоду прапермского языка Ш. Чуч относит ряд значений современного аблатива: пространственное, источника и причины, роль при глаголах «просить, спрашивать, отнимать» [Csúcs 2005: 179]. Насколько можно судить по сохранившимся материалам древнекоми языка, несмотря на недостаточную его документацию, для прапермского состояния аблатива могут быть реконструированы следующие значения: пространственное, источника информации, исходного possessора, нежелательного участника ситуации, стандарта сравнения. Что касается значений причины и источника, то достоверных свидетельств о функционировании аблатива в этих значениях в древнекоми языке нет. Допустимо предположить, что оформление зависимого в именной группе первоначально не было связано с позицией вершинного имени. Осваивая присубстантивную позицию, аблатив варьирует с генитивом и постепенно закрепляется в позиции перед прямым объектом, вытесняя с этой позиции генитив. Снижение семантической нагрузки аблатива в коми языках происходило в процессе формирования лексико-грамматической категории одушевленности и становлением аблатива как отдельного падежа, что сопровождалось дифференциацией семантики аблатива и элатива. В коми языках утрачивались прежде всего значения, в реализации которых участвовали неодушевленные существительные. В настоящее время выбор падежа в зависимости от одушевленности/неодушевленности обнаруживается в южнокоми-пермских диалектах при выражении единичных значений: одушевленные существительные и личные местоимения маркируются суффиксом аблатива, неодушевленные существительные и неличные местоимения – суффиксом элатива. Неясно, насколько такое явление было распространено в пра-

коми языке, по крайней мере древнекоми тексты его не отражают. Данные родственных языков однозначно свидетельствуют о том, что выражение значения исходного посессора и источника информации в прапермском (пракоми) языке изначально не зависело от фактора активности/пассивности субъекта, их дифференцированное выражение развилось в коми языках под влиянием русского языка, ср. *взять, узнать у кого, получить, услышать от кого*. Удмуртский язык сохраняет в этом отношении свойства прапермского аблатива, тем самым он проявляет сходство с марийским и прибалтийско-финскими, а также с тюркскими языками, где значения исходного посессора и источника информации выражаются одним грамматическим маркером: в марийском языке – послелогом *деч* ‘от’, в диалектах – аблативом, в прибалтийско-финских языках – аблативом, в татарском и башкирском – элативом [Паюсалу 1958: 37; Коведяева 1978: 145; 147–148; ГСБЛЯ: 146; ТГ: 52; МарлаМутер]. Следует отметить, что аблатив является самым распространенным способом выражения значения исходного посессора в языках Европы [Заика 2019: 426].

Если обратиться к материалу других финно-угорских языков, то, судя по грамматическим описаниям, соответствием пермскому аблативу может выступать как аблатив, так и элатив, а также партитив (восходит к прафинно-угорскому аблативу) и послелоги с аблативной семантикой (примеры см.: [Хакулинен 1953: 86; Майтинская 1955а: 138, 141; 1960: 180, 192, 193; Паюсалу 1958: 32, 35–37; Гуляев 1961: 210–222; ГСУЯ 1962: 95–98; Иванов, Тужаров 1970: 190–192; ГСУЯ 1970: 173–174; КПЯ: 185, 190; Коведяева 1978: 132, 147–148; Зайцева 1981а: 180–184; Зайцева 1981б: 99–100, 117; Учаев 1982: 72; ГМЯ: 164–166, 170, 390; ГФЯ: 79, 82–84, 88–90; Alvre 1969: 196–197; Räsänen 1972: 154, 227–230, 233–236, 239, 322–323; Larsson 1983: 107; Palmeos 1983: 71]). В некоторых языках одно и то же значение может иметь различное морфологическое выражение. Так, в марийском языке наблюдается междиалектное варьирование аблатива с суффиксом *-леч* и послелогов *деч // дорц, гыц* ‘от’ [Коведяева 1978: 147–148]; в диалектах прибалтийско-финских и мордовских языков отмечается частичное варьирование аблатива и элатива [Ермушкин 1978: 247; Федотов 2012]. Довольно значителен параллелизм между системами значений аблатива удмуртского и марийского языков. В марийском языке аблатив (суффикс *-леч*), функционирующий толь-

ко в отдельных диалектах, имеет значения нежелательного участника ситуации/нежелательной ситуации, стимула эмоционального или ментального состояния, точки отсчета в пространстве, причины, стандарта сравнения, исходного possessора, источника информации, ср. мр. *Письма акамлеч толын* ‘Письмо пришло от моей старшей сестры’; *кӧлеч кольыч?* ‘от кого слышал?’; *тый мылечем шенгелнырак улат* ‘ты несколько позади меня находишься’, эм шинча *коритымо-леч* ‘лекарство от боли в глазах’, *поролеч поро* ‘лучшее из лучшего’ и др. [Коведяева 1978: 147–148]. Соответствия удмуртскому аблативу обнаруживаются также в мордовских языках [ГМЯ: 164–166; Ермушкин 1978: 244–255], где, как и в удмуртском языке, в значении материала наряду с элативом может употребляться аблатив, ср. мдЭ *Пря чернедест пикскетъ поныть ловажадост сэднетъ теить, ир-дескедест балясатлацить, эсь вернедест чуди ведь нолдыть*. ‘Из собственных волос веревки вьют, из своих костей мосты строят, из своих ребрышек перила налаживаю, из своей кровушки реки пускают’ [Ермушкин 1978: 247]. В прибалтийско-финских языках, как и в коми, значительная часть функций удмуртского аблатива передается элативом, примеры см.: [Хакулинен 1953: 86; Паюсалу 1958: 32, 35–37; Гуляев 1961: 210–222; КПЯ: 185, 190; ГФЯ: 79, 82–84, 88–90; Зайцева 1981а: 180–184; Зайцева 1981б: 99–100, 117; Alvre 1969: 196–197; Räsänen 1972: 154, 227–230, 233–236, 239, 322–323; Larsson 1983: 107; Palmeos 1983: 71]. Материал родственных языков демонстрирует возможность развития сходных семантических функций аблативом и элативом, на основании чего можно заключить, что в развитии непространственных значений у элативных падежей ведущая роль принадлежит компоненту ориентации. Конкуренция элатива и аблатива, которая была актуальна в прапермском языке и частично оставила следы в удмуртском и коми-пермяцком языках, закончилась закреплением элатива в коми языках, чему способствовали, с одной стороны, действие фактора одушевленности на употребление падежей в пракоми языке, с другой – контактно-ареальное развитие коми и ряда прибалтийско-финских языков; и аблатива в удмуртском языке, что могло быть обусловлено конвергентным развитием языков Волжско-Камского региона.

Редкой чертой пермских языков на фоне финно-угорских языков является possessивное значение аблатива.

3.5. Семантическая структура датива

3.5.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

Датив является одним из самых полисемантических падежей в пермских языках. Его функциональная нагрузка значительно выше в удмуртском, чем в коми языках, тем не менее подавляющее большинство составляют значения, характерные для всех сравниваемых языков.

1. Значение адресата получения объекта (реципиент, получатель). При глаголах со значением передачи, дарения, предоставления (кз. кп. *сетны*, удм. *сётныны* ‘дать’, кз. кп. *козьнавны*, удм. *кузьманы* ‘подарить’ и т. п.) датив выражает значение адресата предоставления объекта, получателем может быть как одушевленный, так и неодушевленный участник ситуации:

кз. – *А дзоридзьяссё кодлы сета? Учительницалы, да?* (Куратов: 73) ‘– А цветы-то кому я отдам? Учительнице, да?’

кп. *Сетас кӧзйяка стариклӧ курича.* (Перем) ‘Отдаст хозяйка старику курицу’.

удм. *Спартакиадаын вормисьёслы сётйзы котыр кунян.* (Иднакар, 2015.05.29) ‘Всем победителям в спартакиаде дали по теленку’; *«Лудорвай» музейлы кузьмалоз бесерман волынка.* (Удм. дунне, 2012.10.30) ‘Музею «Лудорвай» он подарит бесермянскую волынку’.

2. Значение адресата информации (адресат). При глаголах речи, передачи сигналов (кз. кп. *висьтавыны*, удм. *вераны* ‘сказать’, кз. *довкнитны*, удм. *шонтыны* ‘кивнуть’, кз. *нюмъявны*, кп. *шынняявны*, удм. *пальпотыны* ‘улыбаться’ и т. п.) датив указывает на получателя информации:

кз. *Пашколы да Матреналы довкнитис юрнас да пуксис джоджӧ.* (В. Юхнин) ‘[Он] кивнул головой Пашко и Матрене и сел на пол’; *Мамыс нывлы висьталис ассьыс важ олӧмсӧ.* (Н. Попов) ‘Мать рассказала дочери о своей прежней жизни’.

кп. *Сэтчин быдӧс висьтасим аймамӧлӧ да дядьӧлӧ.* (Баталов 1990: 185) ‘Там обо всем мы рассказали своим родителям и дяде’; *Спиридон Афанасьевич мигнитис Андрейлӧ.* (Баталов) ‘Спиридон Афанасьевич подмигнул Андрею’.

удм. *Антонлэн эшгёсыз Леналы веразы плен, Селима но снайпер сярысь*. (Удм. дунне, 2009.12.31) ‘Друзья Антона рассказали Лене о плене, Селиме и снайпере’; *Туннэ мыным Юлия Волкова жингыртiз*. (marjamoll.blogspot.ru) ‘Сегодня мне позвонила Юлия Волкова’.

3. Значение адресата содействия/противодействия (бенефактив/малефактив). При глаголах содействия/противодействия (кз. кп. *отсавны*, удм. *юрттыны* ‘помогать’, кз. кп. *торкны* ‘испортить, расстроить’, кз. кп. *мешайтны*, удм. *люкетыны* ‘мешать’ и т. п.) датив указывает на участника, в пользу или во вред которому совершается действие:

кз. *Сандрö Петыр отсалiс Мишкалы öшиньяс тупкавны*. (И. Пыстин) ‘Сандра Петыр помог Мишке закрывать окна’; *Зэрьяс мешайтiсны көрым заптысьяслы*. (И. Изъюров) ‘Дожди мешали заготовителям сена’.

кп. *Июль медбөрья луннэзö быд гожум ме ветлывла городсянь деревняö отсавны аймамöлö керны турун*. (А. Ермаков) (Парма шы: 400) ‘В последние дни июля я каждое лето езжу из города в деревню помочь родителям в заготовке сена’; *Нiя унажык мешайтiсö миянлö, нежöли ужалисö*. (Можаев) ‘Они больше мешали нам, чем работали’.

удм. *Геннадий Ганьковлы юрттiз баянист Александр Медведев*. (Удм. дунне, 2011.10.25) ‘Геннадию Ганькову помогал баянист Александр Медведев’; *Музьем ужасьлы люкетiз сiззыл-тол куазь*. (Удм. дунне, 2010.07.20) ‘Земледельцу мешала осенне-зимняя погода’.

4. Дестинатив (лицо предназначения). Датив используется для указания на будущего посессора, т. е. на участника, в интересах которого совершается действие, которому предназначается объект действия:

кз. *Велиума энькалы и айкалы, деверьяслы и невесткаяслы вайис шöвк паськöм-пöдарки*. (КМС: 133) ‘Велиума свекрови и свекру, деверя и невесткам привез в качестве подарка шелковую одежду’.

кп. *Федор Кузьмич пишалсьö небис зоньслö нимлун кежö*. (В. Баталов) (Парма шы: 124) ‘Федор Кузьмич купил своему сыну ружье на именины’.

удм. *Куке но та роялез карысь купец Васильев нылызлы басьтэм вылэм*. (Иднакар, 2015.04.24) ‘Когда-то этот рояль покупал городской купец Васильев для своей дочери’.

В коми-зырянском языке для актуализации значения предназначения допускается двойное маркирование – датив и послелог *вылӧ* ‘на’, в коми-пермяцком языке датив в этом значении конкурирует с послелогом *понда* ‘для’:

кз. *Черитӧ кыйлис и ростӧ вӧчавлис аслыс вылӧ медсясӧ.* (А. Попов) ‘Рыбу-то ловил и веники заготовливал больше для себя’.

кп. *Сэтчӧ жӧ Тима сюйышитис вӧв понда зӧр мешӧчок.* (Баталов) ‘Туда же Тима положил мешочек овса для лошади’.

5. Каузируемый субъект, адресат каузируемого действия. При глаголах волеизъявления (кз. кп. *тиӧктыны*, удм. *косыны* ‘велеть, приказать, заставлять’, кз. кп. *прикажитны* ‘приказать’, удм. *чектыны* ‘предложить, рекомендовать’) датив указывает на непосредственного исполнителя действия, назначенного каузатором (о варьировании аккузатива и датива см.: гл. 3, раздел 3.2):

кз. *Борис <...> тиӧктис налы мыссыны.* (Юхнин 1983: 24) ‘Борис <...> велел им умыться’; *Локтигкежлӧ ме тиӧкти гортсяслы ломтыны пывсян.* (С. Раевский) ‘К своему приходу я велел домохозяину затопить баню’.

кп. *Тиӧктас чӧрт аслас увтырлӧ петкӧтны пизь.* (Оласӧ: 57) ‘Приказал черт своим чертятам вынести муку’.

удм. *Песянаезлы косӧ пинальӧссӧ эскерыны.* (Удм. дунне, 2010.04.21) ‘Она просит бабушку присмотреть за детьми’; *Бератаз бадӟым эскей удмуртлы косӧз вӧсяськыны.* ‘Напоследок великий царь заставил удмуртов молиться’ [Владыкина 1998: 202].

В коми-зырянских диалектах дативом может выражаться каузируемый субъект при двуобъектных понудительных глаголах:

кз. скр. (З.) *Пал'тоӧс вурӧди Ӧн'ӧ Тамаралы.* ‘Пальто я пошла у Тамары Андреевны’ [ПСД: 64]; сс. (В.) *Мӧ пуртсӧ дорӧда куз'н'эчлы.* ‘Нож сковать дам кузнецу’ [ССД: 34].

6. Посессивное значение. При выражении посессивных отношений датив употребляется в целях повышения коммуникативного статуса посессора, конструкции выражают чаще всего отношение «целое – часть», родственное или социальное отношение. Именная группа в дативе может быть посессором для объекта, занимающего разную синтаксическую позицию (подлежащего, предиката, прямого дополнения, обстоятельства):

кз. *Асныров вöлишти сэки видзöдлис сылы чужöмас.* (Юхнин 1983: 10) ‘Асныров только тогда посмотрел ему в лицо’; *Пода морт верзöмалы абу ёрт.* (С. Морозов) ‘Пеший конному не товарищ’.

кп. *Орёл пуксьывлис челядльö пельпоннэз вылö, кишь корис сёян.* (Баталов 1990: 136) ‘Орел садился детям на плечи в надежде получить из их рук еду’.

удм. *Кыче со офицер, егит солдатлы ымныраз шукке ке.* (Иднакар, 2012.03.06) ‘Какой он офицер, если молодому солдату в лицо бьет’; *Музьем ужасылы зеч судья – сйзбыл.* ‘Земледельцу хороший судья – осень’ [Перевозчикова 1987: 23].

Позиция посессора и объекта обладания в структуре предложения варьируется, чаще всего посессор располагается непосредственно перед объектом обладания, но между ними могут находиться и другие компоненты предложения:

кз. *Тэрыб Коклы öти Кузь Гöна чеччыштлис нин голяас.* (Торопов 1976: 23) ‘Тэрыб Коку [олененку] один Кузь Гена [волк] запрыгивал уже на шею’.

кп. *Ся [Давидыс] тöдис, кыт Лёнялö пырö карманас деньгаыс и кыт нетö.* (Федосеев 1989: 25) ‘Он [Давид] знал, откуда появляются деньги у Лени в кармане и как тратятся’.

удм. сред. *салдатпилы чöчкон поно вал чыртыйаз.* ‘Новобранцу на шею вешали полотенце’ [Кельмаков 1990: 174].

В удмуртском языке показателем датива оформляются также существительные, называющие должность или учреждение, при этом дативная словоформа имеет смысловой оттенок предназначения: *совхозысь парторганизацылы секретаре бырийзы* ‘избрали секретарем совхозной партийной организации’ < ‘секретарем для совхозной партийной организации’:

удм. *1983-тй арын бригадире пуктйзы, 1991-тй арын совхозысь парторганизацылы секретаре бырийзы.* (Удм. дунне, 2012.09.18) ‘В 1983 году назначили меня бригадиром, в 1991 году избрали секретарем совхозной партийной организации’; *2011-тй арын 10-тй сентябре юнматэмын министрлы воштйсе.* (Удм. дунне, 2012.03.16) ‘10 сентября 2011 года его утвердили заместителем министра’; *Кун Кенешлы тöрое мукет кандидатъёс чөктэмын öй вал.* (Удмурт элькунлэн Кун кенешез, 2013.06.25) ‘Другие кандидаты на должность председателя Государственного Совета не были выдвинуты’; *Та-*

тын пуктйзы райсоветлэн **исполкомезлы инструкторе**. (Удм. дунне, 2011.08.22) ‘Здесь его назначили инструктором исполкома райсовета’.

В коми языках в таких контекстах употребляются иллатив (отношения осмысляются как пространственные) и аккузатив (вершинное имя, выраженное отглагольным существительным, сохраняет управление исходного глагола):

кз. <...> *сийӧс бӧрйисны беднота комитетӧ юралысьӧн*. (В. Юхнин) ‘<...> его избрали председателем комитета бедноты’; **Министрӧс везжысь мейсь оз артмы**, – *ышловзис Галина Сергеевна*. (Н. Куратова) ‘Из меня не получится заместитель министра, – вздохнула Галина Сергеевна’.

кп. *А год бӧрті сійӧ, том коммунистӧс, бӧрйисӧ ни райпартком бюроӧ членӧн*. (Баталов) ‘А через год его, молодого коммуниста, избрали уже членом бюро районного парткома’.

7. Значение объекта соответствия/несоответствия. При глаголах со значением соответствия (кз. кп. *лӧсявны*, удм. *лӧсяны* ‘соответствовать, годиться, подходить к лицу’, кз. кп. *туйны* ‘(при-) годиться’, *мунны* ‘соответствовать, идти, подходить к лицу’; удм. *тупаны*, *укшаны* ‘походить, иметь сходство’), а также при предикативных прилагательных, наречиях со значением сходства/различия датив указывает на объект соотношения, соответствия/несоответствия:

кз. *Вышивайтчан уджыд, дерт, ёнджыка нывъяслы лӧсялӧ, но Вова эз дӧзмы таысь*. (Г. Федоров) ‘Вышивание, конечно, больше подходит для девушек, но Вову это не расстраивало’.

кп. *Вот сія вӧрисикаыс лӧсяліс бы тэныт!* (Климов 1987: 78) ‘Вот эта лешая подошла бы тебе [в жены]’.

удм. *Куас сюресьӧс татын Европалэн куроньёсызлы тупало*. (Удм. дунне, 2007.02.22) ‘Лыжные трассы здесь соответствуют европейским требованиям’.

8. Значение стимула эмоций. При эмотивных глаголах, а также безлично-предикативных словах датив указывает на объект или ситуацию, которые воспринимает или на которые реагирует субъект действия:

кз. **Виторлы радлыштӧ туйвывса мудзӧм морт**. (Юхнин 1955: 145) ‘Огоньку радуется уставший путник’; *Шуи тадэтӧ и нерад лои шуӧмыслы*. (Торопов 1982: 28) ‘Сказал так [я] и не рад стал сказанному’.

кп. *Зонка эз верит аслас пеллезлӧ*. (В. Климов) (Парма шы: 166) ‘Мальчик не верил своим ушам’; *Асывлӧ быдыс рад*. (А. Ермаков) (Парма шы: 400) ‘Утру каждый рад’.

удм. *Сютэм кион лылы но шумпотэ*. ‘Голодный волк и кости рад’ [Перевозчикова 1987: 40]; *Пельыдлы эн оскы, оскы синмыдлы*. ‘Не верь ушам своим, верь глазам своим’ [Перевозчикова 1987: 142].

9. Субъектное значение. В пермских языках датив активно употребляется для выражения субъекта, который не контролирует ситуацию:

1) при предикатах, выраженных глаголами, прилагательными и устойчивыми сочетаниями со значением восприятия, эмоционального или ментального состояния:

кз. *Некодлы вӧрпункткодяс абу мусмӧма сійӧ* [лучкӧвӧй пила]. (Юшков 1981: 152) ‘Во всем лесопункте никому она [лучковая пила] не понравилась’; *Питиримлы ӧні сьлӧн пыр сӧдзӧн овлысь чужӧмыс кажитчис жар лунӧ нетшышитӧм, лӧсмунӧм дзоридз кодӧн*. (Торопов 1976: 59) ‘Ее всегда чистое лицо теперь казалось Питириму увядшим цветком, выдернутым в жаркий день’; *Кыкнаныслы тӧд вылас усины праздник лунъяс*. (Юхнин 1955: 86) ‘Обоим вспомнились праздничные дни’.

кп. *Митиперыслӧ талун сизимись ни тӧд вылас усьлісӧ войнабӧрся годдэс*. (Федосеев 1991: 196) ‘Митипер сегодня уже семь раз вспоминал послевоенные годы’; *Дималӧ тӧд вылас усис дядя Кузьмичлӧн ӧтік рассказ*. (В. Баталов) (Парма шы: 147) ‘Дима вспомнил один рассказ дяди Кузьмича’; *Пишалыс Степаныслӧ быттӧ гленитчис*. (Федосеев 1991: 59) ‘Ружье вроде бы понравилось Степану’.

удм. сч. *кӧшинойзэль но, родн'аосзэль но инты йарам*. ‘И его жене, и родственникам это место понравилось’ [Кельмаков 1998: 177]; сред. *котыр инты со ад'амиослы укыр кэл'шэм*. ‘Окрестности очень понравились тем людям’ [Кельмаков 1990: 179]; *Асьме туган асьмелы мусо, ятӧёслы мусо уз лу*. ‘Наши родственники нам, а не чужим милы’ [Перевозчикова 1987: 110]; *Нош эшезлы кылӧськем вуч-вуч пул куям куара*. (Удм. дунне, 2012.01.11) ‘А другу послышался звук бросания досок’;

2) при модальных предикатах со значением долженствования, необходимости, возможности (кз. кп. *ковны* ‘требоваться, понадо-

биться, быть нужным’, *позьны* ‘мочь’, кз. *быть* ‘обязательно, неизбежно, неминуемо’, *должен* ‘должен’, удм. *кулэ* ‘надо, необходимо, нужно, следует’, *яра* ‘можно’):

кз. **Куканьяслы колö веж турун.** (Н. Попов) ‘Телятам нужна свежая трава’.

кп. **А Митиперыслö отирыскöт колö пантасьны быд лун.** (Федосеев 1991: 207) ‘А Митиперу надо каждый день встречаться с людьми’.

удм. **Удмуртъяслы кулэ ог-огзэс гажаны.** (Удм. дунне, 2012.01.25) ‘Удмуртам надо уважать друг друга’; **Гижыосыныз курадзись адямилы уг яра мунчоын, бассейнын, шурын пыласькыны.** (Удм. дунне, 2010.12.09) ‘Людам, страдающим грибковыми заболеваниями ногтей, нельзя мыться в бане, купаться в бассейне, реке’;

3) при предикативах, употребляющихся самостоятельно или в сочетании со связками (кз. кп. *гажтöм* ‘скучно, тоскливо’, кз. *кокни*, кп. *кокнит*, удм. *капчи* ‘легко’, кз. кп. *яндзим*, удм. *возьыт* ‘стыдно’, кз. *сьöкыд*, кп. *сьöкыт*, удм. *секыт* ‘тяжело’ и т. п.):

кз. **Сьöкыд и гажтöм Мишкалы.** (Юхнин 1955: 126) ‘Тяжело и грустно Мишке’; **Öтнамлы меным сэтшöм гажтöм вöли.** (И. Торопов) ‘Одному мне так скучно было’.

кп. **Эшо гажтöмжык лоис Ярашкölö.** (В. Климов) (Парма шы: 204) ‘Еще скучнее стало Ярашке’.

удм. **Чорыглы вуын капчи, тöллы – кырын.** ‘Рыбе легко в воде, ветру – в поле’ [Перевозчикова 1987: 68].

4) при глаголах с пассивным значением (кз. кп. *сюрны*, удм. *сюрны* ‘попасться, попасть, найти, отыскаться’, кз. кп. *шедны* ‘попасть, попасться, найти’, удм. *йöтыны* ‘попасть, достаться’, кз. кп. *дöнзьыны* ‘доставаться, достаться’ и т. п.):

кз. **Сэсса знькаыд меным шань веськалис.** (Юшков 1979а: 13) ‘К тому же свекровь мне добрая досталась’; **Челядьлы сюрисны ягсерьяс да ельдöгьяс.** (А. Махотина) ‘Дети нашли волнушки и грузди’.

кп. **Кызд меным сюрны сар Иван Грозной дынö?** (Перем) ‘Как мне попасть к царю Ивану Грозному?’; **Педöт көбыласянь Тималö дөнзис чань.** (Баталов) ‘Тиме достался жеребенок лошади Федота’.

удм. **Пичи пияшлы сюриз паймымон шудон – уен-нуналэн арганэз кыскалляз.** (Удм. дунне, 2008.05.06) ‘Маленький мальчик нашел удивительную игру – днем и ночью он играл на гармошке’;

Дышетӱсьёслы но отын одно ик инты сюроз, медаз сюлмаське. (Удм. дунне, 2013.09.06) ‘И учителям там обязательно место найдется, пусть не беспокоятся’.

В коми языках дативное оформление субъекта представлено также при безлично-пассивных глаголах, выражающих непроизвольные, неуправляемые действия, совершающиеся вопреки воле и желанию субъекта. В таких контекстах датив находится в отношении варьирования с генитивом (см.: гл. 3, раздел 3.3):

кз. *Ок и уджавсьӧ том мортылды татшӧм лунад!* (И. Торопов) ‘Ох и работаете молодому человеку в такой день!’; *Оз эскысьы Каневлы, мый нин вои тулыс.* (Е. Рочев) ‘Каневу не верится, что уже наступила весна’.

кп. *Дималӧ думайтсис, что быд тылӧн пыдӧссэс пыр овлӧны небытӧсь, зыбунаӧсь.* (Баталов 1997: 150) ‘Дима полагал, что дно всех озер всегда бывает мягким, зыбким’.

В удмуртском языке дативный субъект встречается также в модальных конструкциях, в которых позицию предиката занимает безличный глагол с суффиксом *-оно/-ёно*, отрицательное деепричастие с отрицательной частицей (*ӧвӧл/ӧйлась*) и отрицательным глаголом (*уг луы*) [Кондратьева 2010: 108–109]:

удм. *Куддыр душеслы но курег сюры вьлэ пуксёно луэ.* ‘Иногда и ястребу на куриный насест сесть приходится’ (УФ 38); *Угось Леллы школае дыртоно.* (Удм. дунне, 2010.03.30) ‘Ведь Леле надо спешить в школу’; *Мыным аспирантурае мыноно вал.* (Удм. дунне, 2009.01.16) ‘Мне нужно было поступить в аспирантуру’; *«Хакерлы» вазиськытэк ӧйлась: зӱч шрифтен клавиатура кулэ.* (Удм. дунне, 2008.06.18) ‘Пришлось обратиться к «Хакеру»: нужна клавиатура с русским шрифтом’; *Песянайлы соосья кариськытэк уг луы.* (Удм. дунне, 2010.12.28) ‘Бабушке пришлось согласиться с ними’.

10. Точка отсчета в пространстве. В контексте с пространственными наречиями со значением расстояния (удм. *кыдӧкын* ‘недалеко’, кз. удм. *матын* ‘близко’ и др.), а также с существительными со значением единицы измерения расстояния (удм. *иськем* ‘километр’, *метр* ‘метр’) датив используется для выражения значения оценки близости объекта к ориентиру от говорящего или с точки зрения говорящего:

удм. *Со [курорт] Сьӧд зарезьлы 250 иськемын.* (Удм. дунне, 2007.04.06) ‘Он [курорт] в 250 километрах от Черного моря’;

Малпасько, со [Василий Платонов] *улӱз Москвалы матын.* (Удм. дунне, 2012.05.11) ‘Думаю, он [Василий Платонов] жил вблизи Москвы’; *Гуртэлы матын Булда гурезь вань.* (Удм. дунне, 2007.09.26) ‘Близко к моей деревне есть гора Булда’; *Гуртлы палэнын сылӱсь корка син кустын гомзиз.* (Удм. дунне, 2010.08.03) ‘Дом, стоящий на краю (поодаль от) деревни, вмиг вспыхнул’.

В коми-зырянском языке датив в этом значении варьирует с аппроксимативом. Распределение падежей происходит по признаку одушевленности. Одушевленные существительные допускают параллельное оформление – как суффикс аппроксиматива (редко), так и суффикс датива; неодушевленные существительные – только суффикс аппроксиматива. Модель с дативом реализуется преимущественно в метафорических контекстах:

кз. *Веськыдладорын, видзӱдысьяслы матын, креста кокъяса кузьмӱс пызан.* (Г. Юшков) ‘С правой стороны, ближе к зрителям, продолговатый стол с крестовидными ножками’; *Тӱдтӱм космос лои челядьлы матындыжкӱн.* (Йӱлӱга) ‘Неизвестный космос стал ближе к детям’.

удм. *Нырысь ик, муниципалитетъёс калыклы матын мед луозы.* (Удм. дунне, 2012.02.10) ‘В первую очередь, пусть муниципалитеты станут ближе к народу’.

11. Пространственный ориентир. В современных пермских языках датив не представлен в типичных для лативных падежей контекстах, т. е. при глаголах направленного движения. Значение направленности можно выделить в контекстах, в которых описывается характеристика пространственного положения или перемещения участника ситуации относительно пространственного ориентира, при этом дативная группа употребляется в сочетании с инструментальной, обозначающей ориентирующую часть участника ситуации (‘лицо’ и ‘спина’):

кз. *Сӱйӱ пукаліс ӱшиньлы мышкӱн.* (И. Изъюров) ‘Он сидел спиной к окну’; *Салдат повзӱмӱн сувтӱ Быстряковлы мышкӱн.* (Н. Дьяконов, С. Ермолин) ‘Солдат боязливо встает спиной к Быстрякову’.

кп. *Сӱя пукаліс меным мышкӱн.* ‘Он сидел спиной ко мне’.

удм. *Сӱрем муртэ пуктэ мудорлы ымнырын.* (Удм. дунне, 2012.01.17) ‘Искалеченного человека посадите лицом к иконе’; *Ӑслы*

мышкин сылэ, кышнозэ уг адзы. (Удм. дунне, 2012.11.27) ‘Стоит [он] спиной к двери, не видит свою жену’.

В коми языках датив в этом значении конкурирует с аппроксимативом. Жестких правил выбора между падежами нет, отчасти выбор коррелирует с одушевленностью / неодушевленностью объекта. Как показывает поиск в ККЯ, при слове *мышкӧн* ‘спиной’ в количественном отношении несколько преобладает датив, ср. датив – 135, аппроксиматив – 122. В других лексико-семантических условиях (в контексте с существительными *чужӧмӧн* ‘лицом’, *нырӧн* ‘носом’) предпочтительно употребление аппроксиматива (дата обращения: 15.06.2017):

кз. *Антониалӧн ичӧт чойыс, Магдалина, сувтӧма ёлкалань мышнас, видзӧдысьяслы чужӧмӧн.* (Г. Федоров) ‘Младшая сестра Антонины, Магдалина, встала спиной к елке, лицом к зрителям’.

кп. *Ся пукаліс аслас койка вылын, пырысьыслань мышкнас.* (Фадеев 1989: 32) ‘Она сидела на своей кровати, спиной ко входящему’.

Для характеристики пространственного положения или перемещения участника ситуации используется также конструкция с послелогами кз. *паныд*, кп. *паныт*, удм. *пумит*, кз. *воча* ‘навстречу’. В коми-зырянском языке датив в таких контекстах также варьирует с аппроксимативом, при этом он имеет значительное количественное преимущество, ср. соотношение падежных форм: датив – 6 092, аппроксиматив – 13 (дата обращения: 15.06.2017):

кз. *Шӧр улича вылын быд керкалы паныд стрӧитӧны виль аптека.* (Н. Пунегов) ‘По центральной улице напротив каждого дома строят новую аптеку’.

кп. *Вдруг Варяыслӧ паныт петіс Андрей Кларин.* (Баталов) ‘Вдруг навстречу Варе вышел Андрей Кларин’.

удм. *Коммунаров урамын (медицина академилы пумит) Лихвинцев урамысен Красногеройскаяозь.* (Удм. дунне, 2013.04.17) ‘На улице Коммунаров (напротив медицинской академии) от улицы Лихвинцева до Красногеройской’.

12. Участие суффикса датива в оформлении имени в позиции подлежащего и прямого дополнения. В вымском, ижемском, удорском, среднесысольском и косинско-камском диалектах, а также в летском говоре лузско-летского диалекта в двусоставном предложении, наряду с каноническим грамматическим подлежащим в но-

минативе, может употребляться неканоническое в дативе. Как показали исследования Р. Бейкера, выбор оформления имени в позиции подлежащего зависит от коммуникативного членения предложения: дативное маркирование получает именная группа, которая является темой высказывания [Baker 1985: 214–215]:

кз. вым. (Онеж.) *Куйим куз' пал'толлы вöли*. 'Было три длинных пальто' [ВД: 58]; иж. *Тамаралы кучас вэлэт'чыны*. 'Тамара будет учиться' [ИД: 47]; лл. (Лет.) *Бат'лö öтиг арöсөн кол'лöма мамс'ыс*. 'Мой отец годовалым ребенком остался без матери' [ЛЛД: 45]; уд. (Разг.) *Шыдылы виим пачас*. 'Суп есть в печке' [Сорвачева 1972: 214].

кп. кк. *йагöдлö быдмö: чöдлö, вэжйагöдлö, сэтöрлö*. 'ягоды растут: черника, морошка, смородина'; *Камаын чэрилö тыр эм*. 'В Каме рыба водится' [Дмитриева 1998: 84].

В вымском, ижемском, лузско-летском, среднесысольском и северных пермяцких диалектах, кроме мысовско-лупьинского, а также в егоровском и лопанском говорах южного наречия коми-пермяцкого языка показатель датива sporadически используется также для оформления прямого объекта [Баталова 1975: 141–144; Лобанова 1993: 11; Дмитриева 1998: 84]:

кз. вым. *Чэрилы мэ сэс'с'а и кати д'эдлы*. 'Рыбу я потом и деду отнес' [Фролова 1950: 120]; иж. *Иванлы вайисны государ дорэ*. 'Ивана привели к государю' [ИД: 46]; лл. (Пр.) *Вомлö сотö пан'ыс*. 'Ложка жгет мне рот' [ЛЛД: 44].

кп. чур. *кагалö киас ваис*. 'ребенка на руках принес' [Баталова 1975: 142]; коч. *коклö эн тал'* 'мою ногу не топчи' [Лобанова 1993: 11].

В ряде исследований отмечается, что выбор дативного оформления прямого объекта зависит от референциального статуса: суффикс *-лы (-лö)* служит для выражения «определенности, выделительности, некоторой конкретности» [Ляшев 1977: 94–95; ВД: 57]. По наблюдениям Р. Бейкера, дативный суффикс обладает слабой определенностью по сравнению с суффиксами *-öс*, *-тö* и *-сö*, но имеет большую определенность, чем нулевая морфема [Baker 1985: 210–212], т. е. суффиксом *-лы (-лö)* маркируются слабо определенные именные группы. Г. Клумпп, исследовав особенности маркирования прямого объекта в вымском диалекте, пришел к выводу, что в данной идиоме выбор оформления именной группы в позиции прямого дополнения

регулируется двумя факторами – коммуникативным членением предложения и референциальным статусом. Прямой объект, выраженный местоимением, в топике получает аккузативно-дативное оформление, в фокусе – аккузативное оформление. Определенные именные группы в фокусе оформляются аккузативным суффиксом, неопределенные не маркируются. Датив используется в случае, если прямое дополнение составляет вторичный топик (табл. 35) [Klumpp 2009: 346].

Таблица 35

*Средства и факторы маркирования прямого объекта
в вымском диалекте*

DO referent	topical	focal definite	focal indefinite
	pro-drop	–	–
DO expression	pronoun: ACC-DAT	pronoun: ACC	–
	lexical: DAT	lexical: ACC	lexical: NOM

Без дополнительного исследования материала осмелимся экстраполировать отмеченные закономерности на другие коми диалекты, в которых показатель датива используется для оформления прямого объекта.

В современном удмуртском языке дативное оформление именной группы в позиции подлежащего и прямого дополнения не представлено. Между тем в бесермянском наречии, нижнечепецком диалекте, ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта зафиксированы вариативные формы аккузатива усилительно-личных местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа, в структуре которых В. К. Кельмаков и вслед за ним Л. Л. Карпова выделяют две падежные морфемы – суффиксы датива (*-лы /-лə*) и аккузатива (*-e*) [Кельмаков 2003: 126; Карпова 2018: 261], ср. бес. *asəme ~ asləme* ‘меня самого’, *asəme ~ asləde* ‘тебя самого’, *asəme ~ asləze* ‘его (ее) самого’ [Тепляшина 1970: 187–188]. Сравнение структуры аккузативных и дативных форм усилительно-личных местоимений (табл. 36, данные из [Карпова 2018: 523–529]) показывает, что аккузативные формы сформировались, скорее всего, на основе дативных, присоединив в единственном числе суффикс *-э*, во множественном – суффикс *-эс (-ты)*.

Аккузативные и дативные формы усилительно-личных местоимений (среднечепецкий диалект, ярский говор)

Лицо/число	Аккузатив	Датив
1-е лицо ед. ч.	<i>аслымэ, асмэ</i>	<i>аслым</i>
2-е лицо ед. ч.	<i>аслыдэ, астэ</i>	<i>аслыд</i>
3-е лицо ед. ч.	<i>аслызэ, ассэ</i>	<i>аслыз</i>
1-е лицо мн. ч.	<i>аслэмэс, аслэмэсты</i>	<i>аслэм</i>
2-е лицо мн. ч.	<i>аслэдэс, аслэдэсты</i>	<i>аслэд</i>
3-е лицо мн. ч.	<i>аслээс, аслээсты</i>	<i>аслээ</i>

В ранних письменных источниках можно обнаружить параллельное использование аккузатива и датива в одних и тех же контекстах:

удм. *Тон матынэдлэн сиңмиш уллы усқиқкод, ас сиңмиşкыд корээ уд шодыşкы.* (Евангелие 1877: 17) ‘Почему ты замечаешь соринку в глазу ближнего своего, а у себя в глазу не замечаешь бревна?’ (Библия 1993: 883).

удм. *Малы матынэдлэн синьмысьтыз улзэ уськыськод, ас синьмысьтыд корээ уд шодыськы?* (Евангелие 1912: 18) ‘Почему ты замечаешь соринку в глазу ближнего своего, а у себя в глазу не замечаешь бревна?’ (Библия 1993: 883).

В самых ранних коми письменных источниках дативная именная группа в позиции подлежащего и прямого дополнения не представлена, однако это еще не свидетельствует о том, что данное явление отсутствовало в языке этого периода, так как сохранившиеся тексты XIV в. были написаны на нижневыхегодском диалекте. Случаи маркирования показателем датива имени в позиции прямого дополнения зафиксированы в некоторых коми-зырянских текстах XVIII в.: *восьтаь ниялы евангелье веськыдло* ‘откроет им евангелие правды’; *лосяломло мээслысь корамь* ‘мира у господа просим’ [Кузнецова 1968: 12], а также в коми-пермяцких текстах XIX в.:

кп. *Війом звиррезльсь яйон коми вердчом, а кучиклө ныльсь нойиллөмась насъкөм туйө.* (Стефан 1899: 11) ‘Коми употребляли в пищу мясо диких зверей, а их шкуры служили одеждой’; *Сэк жө вайөмась би, өзтөмась пустой керкулө.* (Стефан 1899: 31) ‘Тогда же принесли огонь, подожгли пустой дом’; *С’ия любитіс ассис учениккелө, кыз ай любитө ассис кагаэз.* (Щапов 1909: 64) ‘Он лю-

бил своих учеников, как отец любит своих детей'; *Воньтлө эн жö дeньгалö сeт?* (Щапов 1909: 64) 'Своему брату деньги не отдал ведь?'

13. Экспрессивная функция. Датив используется для усиления экспрессивности высказывания, подчеркивания участника коммуникативной ситуации (говорящего или слушающего). В такие конструкции вводится чаще всего местоимение 2-го лица:

кз. *Вот тэныд и Вөркута, вот тэныд и көрт туй сэтчö!* (Юшков 1979б: 74) 'Вот тебе и Воркута, вот тебе и железная дорога туда!'

кп. – *Вот и нимлун тэныт... Эж-кө-көй, – шы ловзисис ачыс* [Вадимер Петрович] (В. Климов) (Парма асыв: 294) '– Вот тебе и именины... Эх-эх-эх, – вздохнул сам [Владимир Петрович]'

удм. *Вот тыныд Дöдьы куштон!* (Удм. дунне, 2015.0217) 'Вот тебе Благовещение!'

Коми-пермяцкий и удмуртский языки

1. Объект цели действия. Датив в значении цели действия охватывает ареал распространения южнокоми-пермяцких диалектов, южноудмуртских и некоторой части срединных говоров, представлен он и в литературных языках:

удм. *Нюрмульылы – нюрeз колано, мульылы – киез нярзöтоно.* 'Клюкву собирать – по болоту бродить, орехи собирать – руки мозолить' [Перевозчикова 1987: 15]; удм. *Нылаш ульчае вулы потэ – нош татын колонкаос но öвöл.* (Удм. дунне, 2012.01.13) 'Девушка на улице за водой выходит, а здесь даже колонок нет'.

кп. *А тэ валö лэдзчин? – паныт юалис Фома.* (Баталов) 'А ты за водой спустился? – в ответ спросил Фома'; *Не ваыслö мунас, а ворожейка ордö котортас.* (Перем) 'Не за водой [он] пойдет, а к колдунье побежит'.

Дативу в значении цели соответствуют в среднечепецком, нижнечепецком диалектах послелог *понна* 'за, для, ради', в верхнечепецких говорах – послелог *дуре* 'в, на, за': нч. сч. *ву понна мьниз* 'за водой она пошла', вч. *ву дурэ н'эвэстэз ысто вал* 'За водой невесту отправляли' [Карпова 2018: 186], в коми-зырянском языке, северных коми-пермяцких диалектах и коми-язьвинском наречии – консекутив.

2. Значение причины действия. В литературном коми-пермяцком языке датив в значении причины встречается довольно редко, по

крайней мере, в текстах [Баталов; Можаяев; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1991] обнаружены единичные примеры:

кп. *Но кык ведрасис ваыс эта билд немымда эз тддчы.* (Баталов) ‘Но из-за такого освещения совсем не было видно, есть ли вода в этих двух ведрах’; вл. *не отик пиян тшыгдд эз кул.* ‘ни один ребенок от голода не умер’ [Баталова 1975: 147]; кк. (Пор.) *дышыслд н'экычдд эз мун талун.* ‘из-за лени он никуда сегодня не прошел’ [Дмитриева 1998: 84].

В коми-зырянском языке следы употребления датива в причинном значении можно обнаружить в наречии *тшыглы* ‘с голоду, от голода’, имеющим вариант с суффиксом консекутива – *тшыгла* ‘с голоду, от голода’. Если судить по данным ККЯ, в настоящее время еще преобладает вариант с дативным суффиксом, ср. *тшыглы* – 271, *тшыгла* – 221 (дата обращения: 15.06.2017).

В современном удмуртском языке дативная словоформа при выражении значения причины может осложняться послелогом *луыса* ‘из-за, благодаря’:

удм. *Шонер верамлы кымысад уз шукке.* ‘За правду по лбу не ударят’ [Перевозчикова 1987: 93]; *Таё юрттэтлы луыса удмурт, пор, мордва но коми кылгёсь берыктэмын вал уно термингёс.* (Удм. дунне, 2011.12.06) ‘Благодаря такой помощи много терминов было переведено на удмуртский, марийский, мордовские и коми языки’; *Кезытлы луыса Шаркан ёросысь Петуныки школаысь пинальгёс дышетскыны дз ветлэ.* (Мынам Удмуртие, 2013.01.18) ‘Из-за мороза школьники д. Петуныки Шарканского района не ходили на учебу’.

3.5.2. Межъязыковые различия

Коми-зырянский язык

1. Пространственно-посессивное значение. В вымском и лузско-летском диалектах для выражения значения личного пространства (места жительства) могут употребляться одушевленные существительные и личные местоимения в форме датива. В лативном значении датив указывает на направленность в место жительства лица, при этом он варьирует с иллативом и послелогом *ордд* ‘к’. В локативном значении, что зафиксировано в лузско-летском диалекте, он

указывает на пребывание в месте жительства, варьируя с инессивом и послелогом *ордын* ‘у’:

кз. вым. *silj vetla* S. ‘ich gehe (zu) ihm hin’ [Fokos-Fuchs: 893]; вым. *aikalj oz-mun* ‘zum Schwiegervater geht er nicht’ [Fokos-Fuchs: 549]; лл. (Пр.) *Мортлө* (скр. *морт ордө*) *он пустө кйөн мун*. ‘К человеку с пустыми руками не пойдешь’ [ЛЛД: 45].

кз. лл. (Лет.) *Соччасыслө* (скр. *чойяс ордас*) *гөс’т’итис*. ‘Она гостила у сестер’ [ЛЛД: 45].

Удмуртский язык

Семантическая структура датива в удмуртском языке содержит ряд пространственных и непространственных значений, которые в коми языках выражаются другими падежами и послелогам. Можно выделить следующие группы межъязыковых соответствий:

1. Соответствие «удм. датив ↔ кз. кп. аппроксиматив». В удмуртском языке при глаголе со значением ‘приблизиться, приближаться’ (*матэктыны, матэс кариськыны*) датив может указывать на направленность к ориентиру:

удм. *Владивостокекен пөртэм улосъёсы, городъёсы кожаса*, [универсиадалэн тылыз] *Казаньлы матэктэ*. (Удм. дунне, 2013.06.06) ‘Начиная с Владивостока, заезжая в разные области, города, [огонь универсиады] приближается к Казани’; *Казань ханство-ен чошатыса, Зуч государство азинскемезъя Европаыс странаослы матэктыліз ни*. (Удм. дунне, 2008.05.16) ‘Русское государство, по сравнению с Казанским ханством, приблизилось уже по уровню развития к европейским странам’.

2. Соответствие «удм. датив ↔ кз. кп. иллатив». В удмуртском языке датив употребляется при глаголах со значением превращения, преобразования (*пөрмытыны* ‘превратить, преобразовать’) для указания на результат каузации превращения:

удм. *Пеле шыпыртэм но гырлы жуземлы пөрме*. ‘Даже сказанное шепотом превращается в звон колокола’ [Перевозчикова 1987: 142]; *Фольклор праздниклэн кыкеті люкетаз ньылпиос артистъёслы пөрмизы*. (Удм. дунне, 2008.12.17) ‘Во второй части фольклорного праздника дети превратились в артистов’; *Малпанъёсын вань Перог-*

гурт медпунктэз больницылы пӧрмытыны. (Удм. дунне, 2010.07.09) 'Есть соображения преобразовать медпункт Пирогово в больницу'.

3. Соответствие «удм. датив ↔ кз. кп. иллатив¹ и послелог *вылӧ* 'на'» наблюдается при выражении следующих значений:

1) дестинатив (значение предназначения). Датив употребляется при указании на целевое назначение предмета:

удм. *Книгалы материал люкан – секыт но кема уж.* (Удм. дунне, 2010.04.02) 'Сбор материала для книги – тяжелая и долгая работа'; *Чеберзэ кидыслы кисьто, кылемез фуражлы мынэ.* (Удм. дунне, 2013.08.30) 'Качественное [зерно] на семена высыпают, остатки идут на фураж'.

Единичные случаи употребления датива в этом значении, появившиеся в результате калькирования соответствующей русской модели, можно обнаружить в языке коми переводной литературы и периодической печати:

кз. *Романы материал корсьӧмыс, а сэсся гижӧмыс нюжаліс матӧ кызь во.* (А. Елфимова) 'Поиски материала для романа, а затем его написание продлились около двадцати лет'.

2) цель действия (овладение специальностью). Датив параллельно с иллативом используется для указания на специальность, в целях овладения которой осуществляется действие:

удм. *Нина Геннадьевна Ижысь гурт удысья институтын агрономлы дышетскемын.* (Удм. дунне, 2015.03.23) 'Нина Геннадьевна обучалась в Ижевском сельскохозяйственном институте на агронома'; *Виталий со городысь ик одйгаз профтехучилищеын каменщике дышетскиз.* (Удм. дунне, 2013.05.24) 'Виталий учился на каменщика в одном из профтехучилищ этого же города'.

3) значение стандарта сравнения. Датив указывает на внешнее и внутреннее сходство объекта сравнения со стандартом сравнения:

удм. *Общежитие лагерьлы кельше.* (Удм. дунне, 2015.09.22) 'Общежитие похоже на лагерь'; *Ассэ гинэ тодйсь адыми огназ сыйсь майыглы укша.* 'Думающий только о себе человек схож с одиноким колом' [Перевозчикова 1987: 81].

4. Соответствие «удм. датив ↔ кз. кп. послелог *вылӧ* 'на'» наблюдается при выражении следующих значений:

¹ Соответствия из коми языков приведены в гл. 4, раздел 4.3.

1) дистрибутив. Датив употребляется для выражения предмета по количеству его потенциальных потребителей с оттенком назначения:

удм. *Но озьы луиз: гуртысьтымьы начальной школаьсь ньыль **класслы** одйг дышетйсь кылиз.* (Удм. дунне, 2010.10.05) 'И так случилось: в нашей деревне на четыре класса начальной школы остался один учитель'; *Дышетскизы куинетй классын – кык **класслы** одйг дышетйсьмы вал.* (Удм. дунне, 2010.08.03) 'Учились в третьем классе – на два класса был один наш учитель'.

кз. *Нель морта **семья вылӧ** вит комната.* (С. Морозов) 'На семью, состоящую из четырех человек, пять комнат'.

кп. *Готов ни **дас морт вылӧ** виль пывсян.* 'Уже готова новая баня на десять человек'.

2) мера количества. При глаголах, обозначающих повышение, ограничение, недостижение нормы, датив употребляется для указания на количественную разницу между объектами при их изменении или сравнении. Признаком сравнения могут быть расстояние, температура, возраст, стоимость, вес, время и т. п.:

удм. *Ньыльдонэ потэм бере, вамыш одйг **чиньылы** вакчи луэ.* 'После сорока [лет] шаг на один палец короче становится' [Перевозчикова 1987: 53]; *Нош толон куинь час чӧже температура **11 градуслы** усиз.* (Мынам Удмуртие, 2012.05.24) 'А вчера в течение трех часов температура упала на 11 градусов'; *Кылем арен чӧшатоно ке, со **375 млн. манетлы** тросгес луэ.* (Ошмес, 2013.09.26) 'Если сравнить с прошлым годом, то это на 375 млн. рублей больше'.

кз. *Пӧлинӧ, кольӧм вонас вӧлі эз куймсӧ квайтымын вит лун, а быдса **лун вылӧ** унджык.* (И. Изъюров) 'Действительно, в прошлом году было не 365 дней, а на один день больше'.

кп. ***Тонна да джын вылӧ** куканнас месячнас содӧмӧсь.* (Фадеев 1989: 258) 'За месяц телята прибавили в весе на 1,5 тонны'.

3) обменный эквивалент. При глаголах, обозначающих обменные процессы, датив используется для выражения равноценного объекта обмена или его соответствия в денежном отношении:

удм. *Коргид сиге тубе, отысен дйсьсэ **удмурт дӧремлы** воштэ.* (Удм. дунне, 2013.03.13) 'Поднимается на чердак конюшни, там свою одежду на удмуртское платье меняет'; *Со **коньдонлы** ик али библиотека узьirme виль книгаосын.* (Иднакар, 2012.06.07) 'На эти деньги же библиотека пополняется сейчас новыми книгами'.

кз. *Мед эг кулдой, бөръя платтьёсö Сёян вылö вежис.* (А. Тимусhev) ‘Чтобы мы не умерли, она последнее платье на еду обменяла’; *Шудтö сьöм вылö он ньöб!* (Ф. Щербаков) ‘Счастье на деньги не купишь!’

кп. *Шедтöм денъя вылö ньöбис виль пишал.* (Баталов) ‘На заработанные деньги [он] купил новое ружье’; *Сэк пушинасö пизь вылö вежасö.* (Баталов) ‘Тогда пушнину на муку они обменяли’.

4) значение ограничения признака. В удмуртском языке датив употребляется при указании на сферу или область, по отношению к которым проявляется признак:

удм. *Гольык но кыллы лэчйт.* ‘Беден, да на язык остер’ [Перевозчикова 1987: 183]; сред. *кот'марлы маст'ор вал.* ‘На все руки был мастер’ [Кельмаков 1990: 258]; *л'укозы табэрэ, ой, ас'мэмыз кыллы но устойэс' калыкйос.* ‘Разлучат теперь, ой, нас языкастые [острые на язык] люди’ [Кельмаков 1990: 289].

кз. *Мелі менам Öвдöттяйд сьöлöмнас, көть кыв вылас скөр.* (И. Изьюров) ‘Моя Авдотья-то сердцем добрая, хоть и злая на язык’.

5) значение стимула эмоций. В удмуртском языке датив варьирует с послелогом *вылэ* ‘на’ при глаголах со значением ‘сердиться, жаловаться’ для обозначения каузатора проявления отрицательных эмоций:

удм. *Тямыстон ньыль аресъем кышномурт тазалыкезлы уг жöжөтйськы.* (Ошмес, 2013.11.21) ‘Женщина восьмидесяти четырех лет не жалуется на здоровье’; *Шöкычлы вожез потэ.* (Удм. дунне, 2014.02.07) ‘Злится на шершня’; *Василий Иванович вылэ куддыр туж вожпотэ, куддыр жаль но потэ – ужез секыт.* (Удм. дунне, 2011.03.11) ‘На Василия Ивановича [она] иногда очень сержусь, иногда и жалею – работа у него тяжелая’.

кз. *Ме олöм вылö элясьны ог мöд.* (А. Ванеев) ‘Я на жизнь жаловаться не буду’.

кп. *Ме вылö мам ныр скöралö.* ‘На меня мать постоянно злится’.

б) пространственное значение. В некоторых диалектах, по крайней мере в шошминском (малмыжском) и южном (елабужском), было зафиксировано употребление датива в значении направленности на внешние пределы (поверхность) пространственного ориентира:

удм. *lës-vu uz üsë, pužmer uz üs bayëtänöz turnam turëmlë.* ‘Ни роса, ни иней не упадут на скошенную вовремя траву’; *töd'i kis-puui piš poni.* ‘Тамгу я положил на белую берёзу’ [Емельянов 1927: 139].

5. Соответствие «удм. датив ↔ кз. кп. иллатив, послелогои *вылӧ* ‘на’ и *пельӧ* ‘на’». При глаголах, обозначающих деление (*люкыны* ‘делить, разделить’, *вандыны* ‘резать’, *висъяны* ‘отделять’ и т. п.), датив используется для указания на часть целого, получаемую в результате каузации деления:

удм. *Пӧйшуран вакыт люкисъке кыклы: сӧзьыл но тол.* (Удм. дунне, 2008.11.18) ‘Охотничье время делится на два периода: осень и зима’; *Табере кык сантиметр кузьда люкетъёслы вандылэ.* (Удм. дунне, 2010.02.03) ‘Теперь нарежьте [раскатанное тесто] на части длиной два сантиметра’; сев. *гурт кык л’укэтлы л’укэмын вылэм.* ‘Деревня была разделена на две части’ [Кельмаков 1981: 158]; сред. *кыкэти интызэс воштыку, вачкалаос л’укис’кил’л’ам кык гуртлы.* ‘Когда переселялись со второго места [жительства], предки разделились на две деревни’ [Кельмаков 1990: 229].

6. Соответствие «удм. датив ↔ послелог кз. *кежлӧ*, кп. *кежӧ* ‘к, на’» наблюдается при выражении темпоральных отношений:

а) темпоральный ориентир. Датив указывает на границу периода времени, предшествующую осуществлению действия:

удм. *Толлы гужем дасясько.* ‘К зиме летом готовятся’ [Перевозчикова 1987: 163]; *Толалтэ нунал гужемлы дасяське, нош гужем – толалтэлы.* ‘Зимний день к лету готовится, а летний – к зиме’ [Перевозчикова 1987: 175].

кз. *Вой кежлӧ лӧсьӧдчӧ му.* (Торопов 1976: 65) ‘К ночи готовится земля’.

кп. *А неделя бӧрті шумковчи лӧсьӧтчисӧ ни свадьба кежӧ.* (Баталов) ‘А спустя неделю жители деревни Шумкова готовились уже к свадьбе’.

б) локализация в пределах темпорального ориентира. Датив указывает на промежуток времени, в пределах которого длится действие:

удм. *Кык нуналлы вуылӧз Москваысь искусствоведения доктор, профессор Евгений Левашов.* (Удм. дунне, 2008.03.21) ‘На два дня приезжал из Москвы доктор искусствоведения, профессор Евгений Левашов’.

кз. *Миян рабочейяс окотитисны кык-куим лун кежлӧ лӧччывны гортӧ.* (Юхнин 1983: 66) ‘Наши рабочие изъявили желание на два-три дня сходить домой’.

кп. *Выхӧднӧй кежӧ Музекир ветліс гортас.* (Баталов) ‘На выходные Музекир съездил домой’.

3.5.3. Сравнительно-исторический аспект

Формирование показателя датива происходило подобно показателям генитива и аблатива: он развился в результате слияния суффикса *-l и лативного суффикса *-k, который впоследствии отпал [Серебрянников 1963: 10–11; Основы 1976: 145, 149; Wichmann 1923–1924: 161; Uotila 1933: 199; Rédei 1988: 383; Bartens 2000: 82; Csúcs 2005: 180; др.].

В пермских языках датив имеет развитую семантическую структуру, но сфера его употребления в коми языках значительно уже по сравнению с ситуацией, представленной в удмуртском языке. Семантическое различие позволяет рассмотреть два сценария развития падежа: 1) в удмуртском языке семантическая структура прапермского датива сохранилась; в коми языках некоторые значения падежа утратились; 2) в удмуртском языке семантическая структура датива расширилась. При определении эволюции семантики датива древнекоми тексты оказались нерелевантными; употребление и семантика падежа в текстах XIV–XVIII вв. не отличаются от языка современного состояния. Однако нельзя не заметить, что различие в семантике датива коми и удмуртского языков составляют значения, в реализации которых принимают участие неодушевленные существительные. В этом отношении датив напоминает аблатив, оба падежа в коми языках тяготеют к существительным с одушевленным референтом. Общепермскими являются типологически распространенные значения датива, а именно: обозначение реципиента, адресата, бенефактива, объекта сопоставления, значения каузируемого субъекта, предназначения, посессивности, объекта соответствия/несоответствия, стимула эмоций, а также различные субъектные значения.

Значения, которые присущи только дативу удмуртского языка, в коми языках передаются разными грамматическими единицами, имеющими или имевшими лативное значение, в частности послелогами *кежлӧ*¹ ‘к’ (темпоральное значение) и *вылӧ* ‘на’ (значения дистрибутивное, меры количества, обменного эквивалента, огра-

¹ Послелоги *кежӧ*, *кежлӧ* ‘к’ возводятся к падежной форме слова **kež*, имевшего значение ‘промежуток (времени, пространства)’ [Лыткин 1952: 132], компонент *-ӧ* возводится к суффиксу иллатива, компонент *-лӧ* – к суффиксу датива [Rédei 1962: 161].

ничения признака, пространственное, стимула эмоций), иллативом (пространственно-посессивное, транслативное значения), аппроксимативом (пространственное значение) и консекутивом (значения цели и причины действия). Для выражения отдельных значений (дестинативного, дименсивного (результата деления), цели действия (овладение специальностью), стандарта сравнения) в коми языках параллельно используются иллатив и послелог *вылӧ* 'на'. Употребление коми аппроксиматива и удмуртского датива в сходных пространственных контекстах можно объяснить моделью образования их суффиксов (-l + LAT). В двух случаях дативу соответствует иллатив, причем датив в транслативном значении представлен в удмуртском языке, в пространственно-посессивном значении – в коми диалектах. Пространственно-посессивное значение в пермских языках стандартно выражается иллативом и послелогом, в удмуртских диалектах – домуслативом. Представляется, что сохранение дативом пространственно-посессивного значения в отдельных коми идиомах обусловлено фактором одушевленности. Межъязыковое варьирование датива и иллатива при выражении транслативного значения указывает на то, что в развитии этого значения существенна роль параметра ориентации: «направленность» осмысляется как «изменение в новое качество». При выражении цели действия (овладение специальностью) иллатив конкурирует с дативом в удмуртском языке и с послелогом *вылӧ* 'на' в коми языках. Исходным средством выражения этого значения являлся иллатив, появление конкурирующих средств обусловлено в коми языках влиянием русского языка, в удмуртском языке – влиянием тюркских языков, ср. тат. *Хәейдар исә армиягә киткәнчә ук комбайнга укыды* 'Еще до ухода в армию Хайдар учился на комбайнера' (ТР: 50). Параллель «удмуртский датив и коми консекутив» возникла в результате расщепления прапермского аллатива (подробнее см.: гл. 3, раздел 3.9).

Значительная часть специфических значений датива удмуртского языка в коми языках передается послелогом *вылӧ* 'на', что можно было бы объяснить влиянием русского языка на коми, так как послелог *вылӧ* 'на' соответствует в русском языке винительный падеж с предлогом *на*. Между тем датив удмуртского языка имеет прямые параллели в языках Волжско-Камского региона. Значения времени,

причины, цели, обменного эквивалента, меры количества выражаются в башкирском языке дательным падежом, в татарском языке – на-правительным падежом, ср. тат. *өч көнгә китте* ‘ушел на три дня’, *ипигә китте* ‘ушел за хлебом’, *ун сүмгә сату* ‘продать за десять рублей’; баш. *айға китеү* ‘отправиться на месяц’, *утынга ағас* ‘дерево на дрова’, *биш һүмгә һатты* ‘продал за пять рублей’, *еләккә йөрөү* ‘ходить за ягодами’, *эсеге курьлыу* ‘треснуть от холода’ [ТГ: 50–51; ГСБЛЯ: 141–144; Сагдиева 2015: 153–155]. И. В. Тараканов допускал появление значений цели, причины, времени действия датива в удмуртском языке под влиянием татарского языка [Тараканов 1990: 180]. Как и в случае аблатива, значителен параллелизм между системами значений датива удмуртского и марийского языков, ср. мр. *ик тылзылан отпуск* ‘отпуск на один месяц’, *вудлан каяш* ‘пойти за водой’, *пальтолан материал* ‘материал на пальто’, *кок еглан ылышаш* ‘комната на двух человек’, *лу тенгелан налаш* ‘купить за десять рублей’, *кумытлан пайлаш* ‘разделить на три’ и др. [Коведяева 1978: 142–147; Тужаров 1987: 82–87]. Контактным влиянием татарского языка Н. И. Исанбаев объяснял развитие эссивного (в качестве кого работать, являться) и пространственного значений датива в марийском языке [Исанбаев 1978: 173–174]. Из приведенных соответствий вырисовывается следующая картина: возможное влияние русского языка на коми языки и тюркских языков на удмуртский язык. Остается выяснить исходное средство выражения значений, которые в настоящее время имеет только датив удмуртского языка: они генетически унаследованы или ареально-контактного возникновения. Учитывая данные коми-пермяцкого языка и этимологию послелога *кежлӧ* ‘к, на’, можно допустить, что прапермский датив (-аллатив), кроме пространственного, имел некоторые непространственные значения, не свойственные дативу в современных коми языках. С достаточной долей уверенности можно сказать, что, по крайней мере, значения цели, причины и времени были унаследованы от прапермского языка. Тюркские языки, скорее всего, способствовали сохранению дистрибутивных свойств и семантики прапермского датива в удмуртском языке. Диахронический сценарий семантической эволюции датива мог быть следующим: категория одушевленности накладывает ограничения на лексическую сочетаемость датива, в результате

чего он утрачивает исходное пространственное значение, в коми языках – также отдельные непространственные значения, в реализации которых участвовали неодушевленные существительные. Исходя из этого можно заключить, что удмуртский язык демонстрирует взаимодействие генетических и ареальных факторов в семантической эволюции датива.

Редкой чертой пермских языков на фоне уральской семьи языков является маркирование показателем датива имени в позиции прямого дополнения и грамматического подлежащего. Ареал распространения прямого объекта в дативе в настоящее время охватывает отдельные территориальные разновидности коми языков (северные коми-пермяцкие и некоторые зырянские диалекты). Следы дативного суффикса в аккузативных формах местоимений в бесермянском наречии и северноудмуртских диалектах подтверждают предположение В. И. Лыткина и Р. М. Баталовой о прапермском наследии этого явления [Баталова 1975: 144; 1982: 103; Лыткин 1977: 21]. Р. Бейкер, исходя только из материала коми языков, расширение употребления датива на прямой объект относил к периоду пракоми языка [Baker 1985: 220–221]. В этой связи заслуживает внимания типологическое обобщение, что в языках мира прямой объект может получать два альтернативных грамматических кодирования. Такая ситуация, по мнению И. А. Николаевой, объясняется тем, что «с одной стороны, прямой объект является типичным выражением вторичного топика, с другой стороны, для него свойственна роль фокуса. Это приводит к тому, что объект-вторичный топик должен минимально отличаться по форме от фокусного объекта, иначе говоря, он должен иметь специальное морфосинтаксическое маркирование» [Николаева 2002: 279]. Косвенные падежи, в их числе и датив, могут участвовать в оформлении прямого объекта, например, датив в диалектах хантыйского языка [Терешкин 1961: 46; Русская 1962: 261; Klumpp 2012], дательно-направительный падеж в ненецком языке (для обозначения неполноты или неопределенного количества объекта) [Терещенко 1973: 187], дательно-винительный падеж в чувашском языке [Павлов 2017: 88–89]. Синкретизм морфологического выражения цели движения и оформления прямого объекта засвидетельствован в латинском, древнерусском языках, ср. лат. *Ego silvam video* ‘Я вижу

лес' и *Roman ire* 'идти в Рим' [Серебренников 1981: 195], дррус. *До-стъеша палату, Поступили Константинъ град* [Ломтев 1956: 238; Крысько 2006: 58–64]. В. И. Лыткин полагал, что употребление суффикса *-лы (-лӧ)* в функции аккузатива – результат сохранения функции былого объектного падежа на *-лы (-лӧ)*, который выполнял функции современных датива и аккузатива [СКЯ 1955: 141]. Синкретизм выражения аккузатива и датива допускает Иерархия падежей, сформулированная Б. Блейком: «Nom > Acc > Gen, Dat > остальные периферийные падежи» [Blake 2001: 157–162]. П. М. Аркадьев отмечает, что «Иерархия допускает синкретизм ядерных падежей (NomAcc), «маркированного» ядерного падежа с одним из «грамматических» периферийных (AccGen или AccDat)» [Аркадьев 2005: 215]. Можно предположить, что дативное оформление прямого объекта развилось в период между отпадением аккузативного суффикса **-m* и до формирования новых аккузативных маркеров на основе посессивных суффиксов, на что указывают аккузативные формы удмуртских местоимений с двойным падежным маркированием, в структуре которых суффикс датива предшествует аккузативному.

Функциональным эквивалентом дативу пермских языков в родственных языках являются объектные и пространственные падежи (см.: [Майтинская 1955а: 130–132; 1960: 81, 186–191; Паюсалу 1958: 12–18; Терешкин 1961: 46–48; ГСУЯ 1962: 98–100; Галкин 1964: 41–43; Цыганкин 1977: 132–133; Коведяева 1978: 142–147; Перовщиков 1980: 44–48; СМЯ: 64–66; ГМЯ: 163–164; Зайцева 1981б: 184–185; Räsänen 1972: 327–344]). Датив в марийском, мордовских, венгерском языках демонстрирует тот же самый путь семантического развития, что и пермский датив: пространственные значения утрачиваются, спорадически сохраняясь в отдельных идиомах [Майтинская 1955а: 132; Цыганкин 1977: 132; Коведяева 1978: 139; Ермушкин 1978: 186]. В языках, в которых датив отсутствует, адресатное значение выражается лативными падежами: в прибалтийско-финских языках – аллативом, в обско-угорских – лативом [Паюсалу 1958: 8–13; Терешкин 1961: 46–48]. В ряде случаев дативу/аллативу функционально соответствуют падежи нелативного характера, в частности, в прибалтийско-финских языках адессив (при выражении субъектного, дименсивного значений), партитив (исторически аблатив) (при

выражении значений адресата каузируемого действия, адресата содействия / противодействия), в коми языке генитив (при выражении субъектного значения). В отдельных финно-угорских языках, по крайней мере в вепсском, карельском, водском, отмечается расширение сферы употребления датива / аллатива под влиянием русского языка [Паюсалу 1958: 17–18; Зайцева 1981б: 121; Алвре 1986: 156].

Как и в случае аблатива, на фоне родственных языков значительный параллелизм обнаруживает система значений датива удмуртского и марийского языков. Датив коми языка функционально сближается с дативом мордовских и аллативом прибалтийско-финских языков. Редкими чертами пермского датива является употребление дативной словоформы в позиции грамматического подлежащего и прямого дополнения.

3.6. Семантическая структура абессива

3.6.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

1. Каритивное значение. Абессивом выражается отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника. В значении отсутствия второстепенного агенса абессив противопоставляется в коми языках комитативу, в значении отсутствия объекта – инструментально (подробнее о противопоставлении семантики абессива и инструментала, комитатива см.: [Намари 2011: 43–49]):

кз. *Выль во коллялі отнам, муса нывтӧг.* (А. Тимушев) ‘Новый год встретил один, без любимой девушки’; *Кытчӧ нӧ тӧвнад пышьян лызьтӧгыд да чертӧгыд, биватӧгыд да пурттӧгыд, ньӧти сӕянтӧгыд да?* (Г. Юшков) ‘Куда же убежишь зимой без лыж и топора, без огнива и ножа, да совсем без еды?’

кп. *Тян годдэсӧ ме айтӧг ни, отнам, пишальӧн вӧрӧттяс бродитли.* (В. Баталов) ‘В вашем возрасте я с ружьем уже один без отца бродил по лесу’; *Посадӧт мунӧ вузасись, пустой коробьяӧн ни, товартӧг.* (Перем) ‘По селу идет торговец, с пустыми коробками уже, без товара’.

В удмуртском языке абессиву в обоих случаях семантически противопоставлен инструменталь:

удм. *Нырысь операцияез лэсьтӱзы Кузнецовтэк.* (Удм. дунне, 2009.07.10) ‘Первую операцию сделали без Кузнецова’; *Нош Ямщик Алялэн чебер куараез аргантэк но учкисьёслэсь сюлэмзэс вырӱзытылӱз.* (Удм. дунне, 2007.08.22) ‘А красивый голос Али Ямщика и без гармошки тронул сердца зрителей’; *Пежъянтэк сапег уд кышъя, сиктантэк кут уд кута.* ‘Без шила валенки не подошьешь, без коточика лапти не сплетьшь’ [Перевозчикова 1987: 15].

В пермских языках абессивная группа, занимая предикативную, депиктивную и атрибутивную позиции, может варьировать с каритивным прилагательным, образованным при помощи суффикса *-тӱм*.

В составе предиката существительное в абессиве представлено со связочным и полусвязочным глаголом, редко встречаются бессвязочные конструкции, причем в коми языках в таких случаях стандартно используется каритивное прилагательное.

Абессив:

кз. *Геня коли батьтӱг-мамтӱг.* (А. Микушев) ‘Теня остался без родителей’; уд. (Чупр.) *Сийа чун’тӱг и коктӱг.* ‘Он без пальцев и ног’ [Сорвачева 1972: 342].

кп. *Айматтӱг кольччис Илькаыс.* (Баталов) ‘Без родителей остался Илька’; вк. *сийа кӱмтӱг, кышӱдтӱг.* ‘Он не обут, не одет (‘без обуви, без одежды’)’ [Сажина 2012: 194].

удм. *Пичшысен атайтэк кыли.* (Удм. дунне, 2010.08.18) ‘С детства остался я без отца’; *Кин ужтэк – со няньтэк.* ‘Кто без работы – тот без хлеба’ [Перевозчикова 1987: 34; 21].

Каритивное прилагательное:

кз. *Сійӱ ӱд батьтӱм-мамтӱм кольӱма, коньӱрӱй.* (В. Иванова) ‘Он ведь без родителей остался, бедняжка’; *Натӱг колхоз китӱм и коктӱм.* (Ю. Васюттов) ‘Без них колхоз [как] без рук и без ног’.

кп. Коля. – *Мамтӱмӱсь кольчимӱ, Нину.* (Можаев) ‘Коля. – Без матери мы остались, Нина’; *Вӱвтӱм крестьяниныс дзик китӱм да коктӱм.* (Баталов) ‘Безлошадный крестьянин совсем без рук и без ног’.

удм. *Азътэмъяськод – няньтэм кылӱд* ‘Поленишься – без хлеба останешься’ [Перевозчикова 1987: 36].

При копредикативном, или депиктивном употреблении абессивная группа, являясь синтаксически зависимым глагола, семантически характеризует существительное, занимающее позицию подлежащего.

В коми-зырянском языке она варьирует с каритивным прилагательным, как и в случае ее предикативного употребления:

кз. *Геля сулаліс клуб кильчö вылын шапкатöг*. (Ю. Васютов) ‘Геля стоял на крыльце клуба без шапки’; *Сійö котöртис шапкатöм, важмыштöм нин матроскöй бушлата, кузь гöленя сьöд гын сапöга*. (Г. Федоров) ‘Он бежал без шапки, в уже поношенном матросском бушлате, в высоких черных валенках’; *Войтырыс сулалöны шапкатöмсь*. (Фольклор) ‘Люди стоят без шапок’.

кп. *Отіклөн вешьяныс бырöм, мöдик йöрнöстöг ветлötö*. (Федосеев 1994: 195) ‘У одного штаны изнасились, другой без рубашки ходит’.

удм. *Гуртысь нылкышноос ураме кышеттэк уг потало*. (Удм. дунне, 2009.07.10) ‘Деревенские женщины не выходят на улицу без платка’; *Пиез атаез бöрсьы бызиз изьытэк*. ‘Сын бежал за отцом без шапки’.

Атрибутивная позиция существительным в форме абессива не свойственна, так как значение отсутствия предметного признака стандартно выражается каритивным прилагательным. Между тем при отглагольных существительных каритивное прилагательное и существительное в абессиве могут находиться в отношении свободного варьирования:

кз. *Понтöг олöмыд вöрад – абу олöм*. (В. Тимин) ‘Жизнь без собаки в лесу – не жизнь’; *А понтöм олöмыд вöрад – абу олöм*. (Я. Рочев) ‘А жизнь без собаки в лесу – не жизнь’.

удм. *Няньтэк улон – кулон*. ‘Жизнь без хлеба – смерть’ [Перевозчикова 1987: 124].

В удмуртском языке встречается абессивное зависимое в именной группе с вершиной, выраженной конкретным существительным:

удм. *Дöдъыысь со адзиз погоньёстэк шинелен муртэ*. ‘Из саней он увидел человека в шинели без погон’ [Вахрушев 1980: 157].

Значительное варьирование каритивного прилагательного и абессивной словоформы демонстрирует удорский диалект, ср. уд. *гöтыртöг вок* (Пучк.) ‘неженатый брат’, (Чупр.) *йуртöм улöс, йуртöг улöс* ‘табурет, стул без спинки’ [УД: 47]:

кз. уд. *Кушмö сикт, сьöкыд видзöдны битöг öшиньяс вылö*. (Н. Калинина; Выль туйöд, 2014) ‘Село вымирает, тяжело смотреть

на окна, в которых не горит свет’; *Шондiтöг дун вылö видзöдтöг гаж мунiс ывлаын*. (Н. Калинина; Выль туйöд, 2013) ‘Несмотря на пасмурный день, праздник проводился на улице’.

2. Значение добавления участника. В пермских языках абессив может употребляться в конструкциях, описывающих добавление нового к выделенным участникам, которые чаще всего выражены существительным во множественном числе или имеющем собирательное значение:

кз. *Метöг нин сэни тырмö уджалысьыд*. (И. Белых) ‘Кроме меня уже хватает там рабочих’; *Мича нывъяс чужан муын Метöг уна эм*. (А. Размыслов) ‘Помимо меня есть много красивых девушек на родине’.

кп. *Метöг сылön отсалiссез уна эмöсь*. ‘Кроме меня у него есть много помощников’.

удм. *Ёросын бухгалтеръёс монтэк но тымиськемын*. (Удм. дунне, 2011.09.23) ‘В районе бухгалтеров и помимо меня пруд пруди’; *Ува ёросын монтэк но тырмо кужмо спортсменъёссы*. (Удм. дунне, 2009.06.26) ‘В Увинском районе и помимо меня хватает сильных спортсменов’.

Абессив в этом значении конкурирует в коми-зырянском языке с послелогом *кындзи* ‘кроме’, в удмуртском языке – с послелогом *сяна* ‘кроме’, в коми-пермяцком – с компаративом:

кз. *Ме кындзи ещö на эм кык ныв да öти пи*. (В. Лапшина) ‘Кроме меня есть еще две дочери и сын’; *Ме кындзи тырмö лимзалысь да няргысь*. (А. Ванеев) ‘Кроме меня хватает кричащих (вопиющих) и хныкающих’.

удм. *Мон сяна но кандидатураос вал*. (Удм. дунне, 2011.10.28) ‘И помимо меня были кандидатуры’.

3. Значение причины. Отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания может быть причиной изменения состояния участника ситуации:

кз. *Меным колö удж, уджтöгыс гажтöм*. (П. Доронин) ‘Мне нужна работа, без работы скучно’.

кп. *Меным сьтöг гажтöм лоис*. (Перем) ‘Мне без него стало скучно’.

удм. *Милемлы тонтэк мözмыт луоз*. (Удм. дунне, 2012.11.27) ‘Нам без тебя будет скучно’.

4. В пермских языках имеются адвербиализировавшиеся абессивные формы со значением образа действия, которые выражают отсутствующий признак, определяющий характер действия:

кз. *Паром сибодчис берег дорё шытӧг, быттьӧ шыр кыйысь кань.* (Торопов 1982: 53) ‘Паром приблизился к берегу бесшумно, как будто охотящаяся за мышью кошка’.

кп. *Полӧмӧнкодъ, кок шытӧг Таисья кайис поспузэ кузя.* (Фадеев 1989: 79) ‘Побаиваясь, Таисия тихонько поднялась по лестнице’.

удм. *Кин, вылды, мылкыдтэк кылзэ тылобурдо чирдэмез, тудву ӧрлэсь жильыртэмзэ.* [Перевошиков 1980: 53] ‘Кто же не без удовольствия слушает пение птиц, журчание весеннего ручья’.

Удмуртский и коми-зырянский языки

В коми-зырянском и удмуртском языках абессив может указывать на количество времени, недостающее до целого темпорального ориентира. Абессивная словоформа выступает в качестве зависимого в именной группе, располагаясь линейно слева от вершины:

удм. *Училище вуыкум, 1 минуттэк 9 вал.* (Удм. дунне, 2009.10.30) ‘Когда я пришел в училище, было без одной минуты девять’; *Солы одӧг толзъттэк кык арес вал.* (kerics.tumblr.com Ольга Игнатъева, 2014–2015) ‘Ему было два года без одного месяца’; *Ӧкна дастэк укмыс но жыт дас куать ноль-ноль.* (Удм. дунне, 2015.09.17) ‘Утром без десяти девять и вечером в шестнадцать ноль-ноль’.

кз. *Алексей Федорович видзӧдліс дзояник тумба вылын сулалысь часі вылӧ: вит минуттӧг квайт час.* (Б. Шахов) ‘Алексей Федорович посмотрел на часы, стоящие на маленькой тумбе: было без пяти шесть’.

Такое употребление абессива весьма продуктивно в удмуртском языке и достаточно редкое в коми-зырянском языке. Как показывает поиск по ККЯ, абессив в значении времени значительно уступает каритивному прилагательному, на что указывает частотность их употребления: обнаружено 29 примеров с каритивным прилагательным (*минутатӧм*) и восемь примеров с существительным в абессиве (*минутатӧг*) (дата обращения: 18.09.2018):

кз. *Ӧні кызь минуттӧм квайт час, Юрийӧ.* (П. Шахов) ‘Теперь без двадцати минут шесть, Юрий’; *Кык лунтӧм тӧлысь Михадзекӧд*

ми олім Вологдаын, а сэсся мөддөдчим Питерө. (Я. Рочев) ‘Месяц без двух дней мы с Михадзе жили в Вологде, а потом отправились в Питер’; *Кык арбстөм сизимдас, Павел Сергеевич.* (Г. Федоров) ‘Семьдесят без двух лет, Павел Сергеевич’.

В современном коми-пермяцком языке для указания на количество времени, недостающее до целого темпорального ориентира, используется русская конструкция с предлогом *без*: *Кадыс без пяти шесть/кватъ.* ‘Время 5 часов 55 минут’, или указываются точные координаты временной оси: *Кадыс 5 час 55 минута.* ‘Время 5 часов 55 минут’.

Коми-зырянский и коми-пермяцкий языки

В коми языках абессив может указывать на явление (действие, событие), до наступления которого совершается действие. Такое употребление абессива является крайне редким, в ККЯ можно обнаружить примеры только с существительным *шонді* ‘солнце’:

кз. – *Иванөс босьтам: шондітөг чеччө, удж вылө петтөдз горт гөгöрыс пöсятөдзис тотшкөдчө.* (В. Торопов) ‘– Ивана возьмем: встает до восхода солнца, перед работой стучит-работает дома в поте лица’.

кп. *Айыс чеччис шондітөг, крыша бердись лэдзис оглобля понда заптөм кыдзовой шест.* (Баталов 1990: 7) ‘Отец встал до восхода солнца, спустил с крыши березовый шест, приготовленный для изготовления оглобли’; *Давидыс одзалис чеччыны быдөннысö, шондітөг кесліс чер, петіс өтөрө и пондіс тиупны баня.* (Федосеев 1989: 74) ‘Давид встал раньше всех, до восхода солнца поточил топор, вышел на улицу и начал рубить баню’.

В таких контекстах абессив противопоставляется инструментально и комитативу, ср. кз. *чеччыны шондіён* и *шондікөд* ‘встать с восходом солнца (‘вместе с солнцем’)’ и *чеччыны шондітөг* ‘встать до восхода солнца (‘без солнца’)’.

3.6.2. Межъязыковые различия

Коми-зырянский язык

1. Значение меры полноты. В коми-зырянском языке абессив может указывать на отсутствие минимально возможной единицы состава объекта, актуализируя количественную полноту охвата объекта

действием. При эллипсисе существительного, обозначающего минимальную единицу, абессивный показатель принимает числительное *öти* ‘один’:

кз. *Чулльытöм на кө шабдыд көнкö öшас вылын, зэв регыдöн öти көйдыс тусьтöг кояс.* (Г. Юшков) ‘Если еще остался где-то на навесе неочищенный лен, то очень скоро он сбросит все до единого зернышка’; вс. (Кг.) *Д’эн’га бырис көпэйкатöг.* ‘Деньги кончились до единой копейки’ [ВСД: 68]; <...> *куталöй став разбойникъяссö öтитöг* <...>. (Чисталев 2010: 260) ‘<...> поймайте всех преступников до единого <...>’.

Абессив в значении меры варьирует с терминативом, при употреблении последнего минимальная единица осмысливается как предельная. Поиск в ККЯ показал, что в современном коми языке значение ‘до единого’ в абсолютном большинстве случаев выражается абессивом, ср. частотность употребления *öтитöг* – 307, *öтиöдз* – 5 (дата обращения: 15.05.2020). В коми-пермяцком языке терминатив является единственно возможным способом выражения этого значения:

кз. *Гашкö, татысь, матисьыс, бура корсисны да öтиöдз ставсö вундалисны?* (И. Торопов) ‘Может быть, здесь, вблизи, внимательно искали и все [грибы] до единого срезали?’

кп. <...> *кыдзкö улицясяняс ставеннесö игнассöм, а то бы öшыннэсö öтикöдз лэдзис.* (В. Климов) (Парма: 203) ‘Как-то догадались ставни с улицы закрыть, а то окна все до единого бы разбил’.

В удмуртском языке значение отсутствия минимальной единицы состава объекта выражается наречием *одйгтэм* ‘до единого’, образованным от числительного *одйг* ‘один’ с помощью каритивного суффикса *-тэм*, а также деепричастием *кельтытэк* ‘не оставив’:

удм. *Григорий Степанович вань кенешгёсы одйгтэм ветлылйз.* (Удм. дунне, 2014.10.21) ‘Григорий Степанович ходил на все собрания без исключения (‘без единого’)’; *«Кенеше» вуэм вань рукописьгёсты одйгтэм лыдзылй.* (Удм. дунне, 2012.09.19) ‘Я читал все рукописи без исключения (‘без одного’), поступавшие в редакцию журнала «Кенеш»’.

удм. *Одйг букваз но кельтытэк лыдзе удмурт изданиосты: «Иднакар» но «Удмурт дунне» газетгёсты, «Кенеш» журналэз.* (Иднакар, 2013.03.12) ‘Он читает все издания на удмуртском языке

без исключения ('без единой буквы'): газеты «Иднакар» и «Удмурт дунне», журнал «Кенеш»; *Одйг нуналзэ но кельтытэк тыришим.* (Удм. дунне, 2007.08.22) 'Работали все дни без исключения ('без единого')'.

2. Темпоральное значение. В коми-зырянском языке абессив в конструкциях с отрицательным глаголом употребляется для указания на количество времени, необходимое для совершения действия:

кз. *«Кытчөкө тай эбөсыд быри: тайö туй косттö эськө тай водзын вöли öти лунöн катла, а öни куим лунтöг ог во», – мөвнышитс аслыс.* (В. Чисталев) '«Куда-то ведь сила пропала: этот путь раньше я проплывал за один день, а теперь за три дня ('без трех дней') не дойду», – подумал он про себя'; *Кулөмдинöдз сэки лёк туйöн кык-куим лунтöг эз волены.* (В. Лодыгин) 'До Усть-Кулома тогда по плохой дороге раньше, чем за два-три дня не доходили'.

Удмуртский язык

1. Значение меры полноты. Абессив используется для указания на единицу состава объекта, недостающую до полного объема:

удм. <...> *вуоно араз вить копейкатэк ньыль манет.* (Удм. дунне, 2008.11.07) '<...> в год приходится четыре рубля без пяти копеек'.

В коми-зырянском языке в таких конструкциях используется каритивное прилагательное, но чаще всего описывается точное количество с указанием конкретных денежных единиц, что характерно и для коми-пермяцкого языка:

кз. *Благустроитöм олан керкаса öти квадратной метрысь колö вештыны 2 көпейкатöм 4 шайт, а шоныдысь – 34 шайт 9 көпейка.* (Коми му, 2005) 'За один квадратный метр благоустроенной квартиры надо платить 4 рубля без 2 копеек, а за тепло – 34 рубля 9 копеек'.

кп. *Няныс сулалö дас руб 48 копейка.* 'Хлеб стоит 10 рублей 48 копеек'.

2. Темпоральное значение. В конструкциях с отрицательным глаголом абессив выражает значение периода времени (явление, событие), без наступления которого не совершается действие:

удм. *Жыт вить-куать частэк доре уз вуэ.* (Удм. дунне, 2010.06.18) 'Вечером раньше пяти-шести часов домой не придут'; *Пинал адямылы дас тямыс арестэк сюлэм уг пыр.* [Перевозчикова

1987: 58] ‘Молодой человек раньше восемнадцати лет не влюбляется (‘В молодого человека без восемнадцати лет сердце не входит’)’.

3.6.3. Сравнительно-исторический аспект

В уралистике общепринятым является мнение, согласно которому показатель абессива возник в результате слияния двух суффиксов. Коаффикс *-m-* восходит к каритивному суффиксу ф.-у. **-tt* (< ур. **-pt(V)*), имевшему в отыменном словообразовании значение «лишенный чего-либо», «не обладающий чем-либо» [Основы 1974: 358; Лыткин 1977: 30; Tauli 1956: 201; Rédei 1988: 383; Bartens 2000: 85; Csúcs 2005: 181; др.]. Относительно источника второго компонента имеются две основные гипотезы: он возводится к деривационному суффиксу **-k* или **-ŋk* [Uotila 1933: 129; Györke 1934: 66–67; Kövesi 1965: 379; др.] или лативному суффиксу **-k* [Лыткин 1977: 30; Tauli 1956: 201; Rédei 1988: 383; Bartens 2000: 85; Csúcs 2005: 181]. Более вероятной видится вторая версия, из которой следует, что абессивная словоформа изначально представляла собой каритивный дериват в лативе [Korhonen 1981: 226]. На основе соответствий в саамском, прибалтийско-финских, пермских и марийском языках абессив с суффиксом **-ttak/*-ttäk* реконструируется для финно-пермского праязыка. В мордовских языках этот суффикс был вытеснен другим каритивным суффиксом финно-пермского происхождения, имевшим в ауслaute согласный **-m*: **-ttam/*-ttäm*, который характерен для адъективного словообразования финно-пермских языков [Основы 1974: 358; Майтинская 1979: 122–123; Tauli 1956: 201].

В эпоху прапермского языка вслед за конечными гласными основы произошло отпадение некоторых согласных, в том числе и суффиксальных, напр., суффиксов илллатива (**-k*) и аккузатива (**-m*), оказавшихся в абсолютном конце слова [Лыткин 1957: 86; Кельмаков 2003: 225; Wichmann 1923–1924: 160–161; др.]. Однако этот процесс не коснулся каритивных суффиксов, оканчивающихся на подверженные к отпадению согласные. Сохранение формы суффиксов было обусловлено, скорее всего, необходимостью дифференциации согласными их функциональной нагрузки – употребления каритивных образований в приименной (прилагательные и причастия с суффиксом к. *-тӧм*, удм. *-тэм*) / приглагольной позиции (деепричастие и

падеж с суффиксом к. *-тӧг*, удм. *-тэк*) [Uotila 1933: 132; Серебренников 1963: 13; Цыпанов 1990: 12; Кондратьева 2011: 107; Csúcs 2005: 182]. Высказывалось также мнение, согласно которому причиной сохранения конечного согласного в каритивных суффиксах могли быть: 1) порядок следования падежного и посессивного суффиксов, в случае предшествования падежного суффикса [Uotila 1933: 132], и 2) непоследовательность отпадения согласных [Rédei 1988: 383].

В современных пермских языках семантика и употребление абессива в целом, за некоторыми исключениями, совпадают. Различия между языками составляют значения меры и времени. В коми-зырянском языке абессив используется для указания на отсутствие минимально возможной единицы состава объекта, актуализируется полнота, тогда как в удмуртском языке – для указания на недостающей до полной меры единицы состава объекта, актуализируется неполнота. В обоих языках абессивная именная группа в конструкциях с отрицательными глаголами выражает время завершения ситуации: в удмуртском языке актуализируется конечная граница темпорального ориентира, в коми языке – весь период времени, полностью совпадающий с осуществлением действия.

Различия в употреблении абессива проявляются во внутриязыковом и межъязыковом варьировании абессивной именной группы и каритивного прилагательного. Синтаксические функции существительного в абессиве и каритивного прилагательного пересекаются: для каритивного прилагательного характерны три типа употребления – атрибутивное, предикативное и депиктивное, все эти три типа релеванты и для существительного в абессиве. В коми языках каритивное прилагательное и абессивная именная группа могут выступать в составе предикатов и депиктивов. В удорском диалекте каритивное зависимое в именной группе маркируется суффиксами каритивного прилагательного и абессива, что объясняется наложением функций каритивных формантов в ходе развития диалекта [Цыпанов 1990: 12]. Представляется, что такое явление могло быть вызвано сходством некоторых синтаксических свойств каритивного прилагательного и существительного в форме абессива, а также влиянием русского языка, где каритивному прилагательному коми языка чаще всего соответствует предложная группа, ср. *шапкатӧм* – без шапки. В удмуртском

языке, в отличие от коми, абессивная словоформа употребительнее каритивного прилагательного в позиции предиката как без связки, так и со связочным глаголом, а также в атрибутивной позиции.

Судя по грамматическим описаниям, в некоторых финно-угорских языках абессив, кроме каритивного значения, может выражать значения времени, меры полноты, причины [Керт 1971: 164; Зайцева 1981б: 86–87; Тужаров 1987: 96; Зайков 1999: 46; ГМЯ: 177–179]. Абессив удмуртского языка находит семантические параллели в марийском языке при выражении значений времени и меры полноты:

мр. *Коклы минутде лу чӓс ылеш*. ‘Без двадцати минут десять часов’; *А ӓзӓтым ик ӓрняде мӓ ана колты* ‘А ребенка твоего мы еще одну неделю не отпустим’ [Тужаров 1987: 96]; *Икте кодде совым кыраш тунгалыч*. ‘Все до единого стали аплодировать’ (МарлаМутер); мр. сз. *оксам уло лу манетте шӓдӓ*. ‘Денег у меня без десяти рублей сто’ [Иванов, Тужаров 1970: 109].

В современных финно-угорских языках абессивная именная группа может выполнять различные синтаксические функции. В составе сказуемого она может выступать со связочными глаголами и без них (а), в атрибутивной позиции широко представлена только в мордовских языках (б):

(а) мр. сз. *Пӓртишӓ левӓкките, йышыжы озаде* ‘Дом без крыши, семья без хозяина’ [Иванов, Тужаров 1970: 109]; эст. *Kiri on aadressita*. ‘Письмо без адреса’.

(б) мдЭ. *Лопавтомо чувтнӓ сюконякшность вейке-вейкененьды кежейстӓ рангстӓ*. ‘Толые (‘без листьев’) деревья кланялись друг другу и сердито шумели’ [ГМЯ: 177–178].

Ввиду того что эпоха финно-пермского праязыка имеет непродолжительные временные рамки и характеризуется незначительными изменениями в грамматической системе, к числу которых относится развитие каритивных образований и прилагательных [Основы 1974: 214; 358], можно предположить, что в это время только наметилась тенденция формирования каритивных единиц, их функциональная нагрузка определилась в период последующего развития языков.

3.7. Семантическая структура инструменталья

Инструменталь является одним из полисемантических падежей пермских языков. В одном показателе совмещаются функции, которые находятся в полюсах комитативно-инструментального континуума, что является типологически распространенным явлением (см.: [Архипов 2005: 20–30; Schlesinger 1979; Stolz 1996; 2001]). Спектр выражаемых инструменталем значений в современных пермских языках различен, что обусловлено наличием в коми языках комитатива. При описании комитативной ситуации в удмуртском языке используется инструменталь, в коми языках – инструменталь и комитатив. Для установления сходств и различий между системами значений инструменталья в изучаемых языках будет рассмотрено его употребление в типах комитативных конструкций, выделенных Т. Штольцем для немецкого предлога *mit* ‘с’ [Stolz et al. 2006: 41–43].

3.7.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

1. Обязательный соучастник ситуации (RECIPROCAL)¹. Обязательного введения второго участника требуют симметричные глаголы, обозначающие взаимность действия (глаголы речи, борьбы, встречи и др.). В реципрокальных конструкциях оба участника могут быть вовлечены в событие одинаково активно и пассивно:

удм. *Солэн Крестина внучкаеныз Лида зшъяськиз берло.* (Удм. дунне, 2010.10.01) ‘С ее внучкой Кристиной Лида подружилась позже’; *Мон армия бере но Лина Григорьевнаен адзиськи на.* (Удм. дунне, 2013.03.29) ‘Я и после армии виделся еще с Линой Григорьевной’.

В современных коми языках, особенно в коми-зырянском, инструментальная группа при симметричных глаголах встречается довольно редко и воспринимается как архаичная. Примеры такого употребления сосредоточены преимущественно в фольклорных и диалектных текстах:

¹ В скобках указаны обозначения семантических типов комитативных конструкций, выделенных Т. Штольцем на основании отношений между сопровождающим и сопровождаемым для немецкого предлога *mit* ‘с’ [Stolz et al. 2006: 41–43].

кп. *Оласö, оласö, öтлаын дзескыт лоас, и шуас Юкся янсöтчыны зоннэзнас.* (Оласö: 273) ‘Жили-были они, вместе им тесно стало жить, и решил Юкся разъехаться с сыновьями’.

кз. лл. (Сл.) *Гöтрас'ис мöд бабайн.* ‘Он женился на другой женщине’ [ЛЛД: 46].

2. Сопровождаемый участник ситуации (ACTIVE COMITATIVE/HUMAN COMPANION). При описании ситуации совместного действия, когда вовлеченность участников в ситуацию разная, участники находятся в отношении сопровождения. Инструменталь используется для указания на лицо, сосуществующее по отношению к основному участнику действия. Оба участника вовлечены в действие, однако один из участников ситуации обладает бóльшим контролем над ситуацией:

удм. *Озыы частяз Корепанов вуиз кышноен.* (Удм. дунне, 2010.05.12) ‘Так Корепанов пришел в свою часть с женой’.

кз. *Вот воис Иван Матрена чойыс динö, невестайн воис.* (КМС: 42) ‘Вот пришел Иван к своей сестре Матрене, пришел с невестой’; *Розаыс каганас ывлаö гуляйтны петöма.* (Н. Куратова) ‘Роза со своим ребенком вышла гулять на улицу’.

кп. *Старуха зэгыяс-мунас ягöдавны внучекнас да öйтас зонкасö.* (Оласö: 140) ‘Старуха пошла со своим внуком в лес за ягодами и потеряла мальчика’.

В коми языках в таких конструкциях возможно употребление инструменталья и комитатива, распределение которых обусловлено параметром активности/пассивности соучастника действия. Инструменталь выбирается для описания пассивного соучастника действия, когда один из участников ситуации полностью контролирует другого участника. Семантическое различие сказывается на лексическую сочетаемость падежей. Комитатив допускают все одушевленные существительные со значением лицо, инструменталь – только ограниченная группа одушевленных существительных, преимущественно названия лиц младше по возрасту (‘сын’, ‘дочь’, ‘ребенок’ и т. п.), по статусу (‘жена’, ‘заместитель’). Различие в семантике и лексической сочетаемости между падежами позволяет дополнить типы конструкций, выделенных Т. Штольцем, конструкцией PASSIVE COMITATIVE / HUMAN COMPANION, которая характерна для

коми инструменталю. В литературных коми языках в конструкциях ACTIVE COMITATIVE / HUMAN COMPANION представлен комитатив.

3. Пассивный соучастник (нелицо) (PASSIVE COMITATIVE / ANIMATE COMPANION). Один из участников ситуации полностью контролирует другого участника:

кз. *Семен лун дырийыд да понйён вёлі ветла.* (Е. Шахов) ‘В Семенов день с собакой бывало я гулял’; *Иван свёякыскөд да ыджыд пиыскөд, Васькөд, куим понйён локтісны.* (А. Шебырев) ‘Иван со своим старшим сыном, Василием, с тремя собаками пришли’.

кп. *Челядь понён мунисё вөрө.* ‘Дети пошли в лес с собакой’.

удм. *Мон пуныен чук но жьыт калги.* ‘Я утром и вечером гулял с собакой’.

В современных коми языках инструменталь остается типичным средством выражения этого значения, в качестве его активного конкурента выступает комитатив.

4. Значение сопроводительного неодушевленного участника (CONFECTIVE / INANIMATE COMPANION). Инструменталь может указывать на объект, который перемещает или имеет при себе главный участник ситуации. В таких контекстах в коми языке инструменталь нельзя заменить комитативом, так как описываются отношения между одушевленным и неодушевленным участником ситуации:

кз. *Аддза: пищальён со мунё Съёла кыйны коми морт.* (М. Лебедев) ‘Вижу: вот с ружьем идет охотиться на рябчиков коми человек’.

кп. *Отпыр учётжык нылыс пондас аймамыслісь юасыны ветлыны сойыс ордө печканён.* (Оласё: 27) ‘Однажды младшая дочь будет просить разрешения у родителей сходить к сестре, взяв с собой прялку’.

удм. *Буш янчикен базаре уд мыны.* ‘С пустым кошельком на базар не пойдешь’ [Перевозчикова 1987: 176].

5. Социативный объект (COMBINATION). В конструкциях сочетания представлены два участника, причем оба являются неодушевленными:

кз. *Өні быд асыв кофе юанныд выя няньён!* (Г. Юшков) ‘Теперь каждое утро вы кофе пьете с хлебом с маслом’.

кп. *Тима чөлөмөн юис чай няньён.* (Баталов) ‘Тима молча пил чай с хлебом’.

удм. *Пельнянез но нянен сииськомы.* (Удм. дунне, 2011.02.09) ‘И пельмени с хлебом едим’.

6. Инструмент (TOOL). При переходных глаголах инструменталь указывает на предмет, посредством которого совершается действие, переходящее на объект, при непереходных глаголах – на средство выполнения глагольного действия безотносительно к объекту действия:

кз. *Сигудёкён¹ ворсысь чирк съёлөмяньыс съылё.* (А. Некрасов (Гамса)) ‘Играющий на скрипке кузнечик душевно поет’.

кп. *Кытёнкё съылёны, орсёны гармонняён.* (Можаев) ‘Где-то поют, играют на гармошке’.

удм. *Зарезез кобыен уд омыръя.* ‘Ковшом море не вычерпаеш’ [Перевозчикова 1987: 150]; *Со уго арганэн но, гитараен но шудэ.* (Удм. дунне, 2012.06.27) ‘Он же играет и на гармошке, и на гитаре’.

Под влиянием русского языка в функциональную сферу инструменталь вторгаются элатив и послелог *вылын* ‘на’, что особенно заметно в коми языках. Конкуренция между инструменталем и элативом наблюдается при глаголах со значением ‘стрелять’, в качестве инструмента используются огнестрельные орудия. Как показывают данные ККЯ и КУЯ, в коми языках элатив употребительнее инструменталь, в удмуртском языке, наоборот, доминирует инструменталь, ср. в ККЯ существительное *ружьё* ‘ружье’ оформлено показателем элатива в 112 случаях, показателем инструменталь – в четырех (дата обращения: 15.03.2017); в КУЯ существительное *пычал* ‘ружье’ представлено в инструментале в 14 примерах; в элативе – в 10.

В коми языках послелог *вылын* ‘на’, наряду с инструменталем, используется с существительными, обозначающими устройство (музыкальные инструменты, компьютер, станок):

кз. *Батьыс гудёк вылын ворсё, Ичёт Наста съылё.* (В. Лодыгин) ‘Отец играет на гармошке, а Маленькая Настя поет’.

кп. <...> *ёни принцлсь орсёмсё позис кывны быд коста, кызд гортын гармоння вылын, сідз и школаын, баян вылын, орсны кёда вылын сія тожё велалис.* (Федосеев 1991: 167) ‘<...> теперь игру

¹ Сигудэк – музыкальный инструмент со струнами и лучковым смычком из конского волоса.

принца можно было слышать всегда, как дома на гармошке, так и в школе на баяне, на котором он тоже научился играть’.

В таких контекстах инструменталь устойчиво сохраняется, ср. частотность оформления существительного *баян* при глаголе *ворсны* ‘играть’ в ККЯ: инструменталь – в 84 примерах, послелог *вылын* – в семи (дата обращения: 15.03.2017). В текстах [Баталов; Можаяев; Фадеев 1989; Федосеев 1991; Федосеев 1994] актант глагола *орсны* ‘играть’ оформлен показателем инструменталь в 23 случаях, послелогом – в пяти.

7. Средство передвижения (MEANS OF TRANSPORTATION). Инструменталь в пермских языках последовательно употребляется при указании на средство передвижения как при переходных (‘везти’ что чем), так и непереходных (‘ехать’ на чем) глаголах:

кз. *Печора карөдз лэбисны самолётөн. Сэтысянь колө кывтны теплоходөн суткиысь дырджык.* (Торопов 1976: 58) ‘До Печоры [они] летели самолетом. Оттуда более суток надо плыть на теплоходе’; *Тайё керёс йывсяньыс ми иславлим лямпаён.* (И. Изьюров) ‘С этой горки мы катались на лямпах’.

кп. *Ыббез вылись незьдөм туйез вевтисисё ён коркаён да сідз чорзисё, нельки ны кузя эз позь мунны дортөм вёлён.* (Баталов 1990: 193) ‘Размокшие дороги на полях покрылись твердой наледью да так затвердели, что по ним нельзя было ехать на неподкованной лошади’.

удм. бт. *солдатэз валэн гурт күз’а нулдо.* ‘Новобранца возят по деревне на лошади’ [Кельмаков 1998: 263].

При описании ситуации передвижения, которая связана с местом нахождения передвигающегося на поверхности предмета (открытые виды транспортных средств: кз. *лызь, лыжи*, кп. *лыжа*, удм. *куас* ‘лыжи’, кз. кп. *дадь* ‘санки’, *додь* ‘сани’, удм. *дөды* ‘сани, санки’, *коньки* ‘коньки’), инструменталь конкурирует с послелогом *вылын* ‘на’. Вариативные конструкции появились в результате калькирования соответствующих конструкций русского языка:

кз. *Нелямын верст пö лямпа вылын кысси.* (И. Коданев) ‘Сорок верст, говорит, тащился на лямпах’.

кп. *Отлаын ния* [Таня да Дима] *ветлёны тиакьявны, ягöдавны, ысласьöны лямпаэз вылын.* (Баталов) ‘Они [Таня и Дима] вместе ходят собирать грибы, ягоды, катаются на охотничьих лыжах’.

удм. *Толалтэ нискыласьком вал асьме лэсьтэм куасьёс вылын, пу конькиосын.* (Удм. дунне, 2009.03.31) ‘Зимой катались на самодельных лыжах, деревянных коньках’.

8. Значение средства, направленное на наделение им участника ситуации:

кз. *А сэся [Тэрыб Кок] чӧсмасьліс небыдик пожӧм йывъясӧн да том пипуяслӧн томиник корйӧн.* (Торопов 1982: 21) ‘А потом [Тэрыб Кок] лакомился мягкими верхушками сосен и свежими листьями молодых осин’.

кп. *Нывка мавтыштас пожсӧ глинаӧн.* (Оласӧ: 151) ‘Девочка помажет решето глиной’.

удм. *Вӧез вӧен уг зырало.* ‘Масло маслом не мажут’ [Перевозчикова 1987: 119].

В коми языках при глаголах, обозначающих процесс одевания, помимо инструменталю, под влиянием русского языка получает распространение иллатив:

кз. *Веж паськӧм-ӧн [одежда-INSTR] вӧччасны коръя пуяс.* (И. Коданев) ‘В зеленые одежды облачатся лиственные деревья’; *Орчӧн кывтӧны эзысь паськӧм-ӧ [одежда-ILL] вӧччӧм кызд пуяс.* (Н. Куратова) ‘Рядом плывут в серебристых нарядах березовые бревна’.

кп. *Да сэтчӧ жӧ ай-мамныс нійӧ ӧткодь паськӧм-ӧн [одежда-INSTR] пасьтӧтӧны.* (Баталов) ‘Да к тому же родители одевают их в одинаковую одежду’; *Удӧс-вердӧс Певруньӧс, бур паськӧм-ӧ [одежда-ILL] пасьтӧтӧсӧ.* (Перем) ‘Покормили Певруня, в праздничную одежду одели’.

9. Значение средства как основа (способ) осуществления действия. Инструменталь указывает на предмет, служащий условием функционирования или существования предмета. В этом значении инструменталь последовательно употребляется в удмуртском языке, в коми языках он заметно уступает послелогю *вылын* ‘на’:

удм. *Предмылэн ведь огпол но юамез ӧвӧл: кызьы со быдӓа гинэ уждунэн улӧськӧды?* (Удм. дунне, 2011.03.11) ‘Ведь наш председатель ни разу и не спросил: как вы живете на такую зарплату?’; *Берло арӧёсы уноез котельнойӧс ужсало газэн.* (Удм. дунне, 2008.08.01) ‘В последние годы многие котельные работают на газе’; *Бензинэн ужсась «Дружба», «Урал», «Сибирь» пилаос уг тырмо.* (Удм. дунне,

2007.09.11) ‘Не хватает пил «Дружба», «Урал», «Сибирь», работающих на бензине’.

кз. *Шоныд жыръясын олоны том нывъясыс: пес ни ва оз ков, ванна эм, позьё газён пусьыны.* (В. Безносиков) ‘Молодые девушки живут в теплых квартирах: ни дров, ни воды не надо, есть ванна, еду можно готовить на газе’; уд. (Чупр.) *Мэ ас н’ан’нам воа во гӱгрӱс.* ‘Я своим хлебом проживу год’ [Сорвачева 1972: 229]; *Йӱзлӱн эм бензин вылын уджалысь асланыс электростанцияяс.* (Парма гор) ‘У людей есть свои электростанции, работающие на бензине’.

кп. *Ас няньнас олісӱ тӱвбыт.* ‘Своим хлебом они прожили целую зиму’; *Ва вылат коккесӱ нюжӱтан.* ‘На воде ноги протянешь’.

10. Средство осуществления речемыслительных действий. Инструменталь употребляется при обозначении языка как средства осуществления речемыслительных действий при глаголах, обозначающих устную и письменную речь. В этом значении он последовательно встречается в удмуртском языке, в коми языках активно вытесняется послелогом *вылын* ‘на’:

кз. *Дзоньнас тайӱ ичӱтик поэмасӱ Владимир Попов гижӱма шыльыд коми кывйӱн.* (А. Ванеев) ‘В целом эту небольшую поэму Владимир Попов написал на хорошем коми языке’; *Сэки газетыс петіс рочӱн и комиӱн лун кост мысьт: ӱти лунӱ роч кыв вылын, мӱд лунас коми кыв вылын.* (Н. Попов) ‘Тогда газета выходила на русском и коми языках через день: в один день – на русском языке, на другой день – на коми языке’.

кп. *Ме тӱянлӱ коми кылӱн висьталӱ.* (Фадеев 1989: 296) ‘Я вам на коми языке сказал’; *Сыктывкарас петаліс роч кыв вылын менам торъя книга «Нехоженой тропой».* (Баталов) ‘В Сыктывкаре была издана моя книга «Нехоженой тропой» на русском языке’.

удм. *Маши туж чебер вераське удмурт кылын.* (Удм. дунне, 2013.03.07) ‘Маша очень красиво говорит на удмуртском языке’.

Как показывает поиск по ККЯ, в современном коми-зырянском языке инструменталь по частотности употребления уступает послелогу, ср. количество употребления инструментала и послелога *вылын* ‘на’ при выражении значения ‘на русском языке’: *роч кыв вылын* – 346, *роч кывйӱн* – 45; при выражении значения ‘на коми языке’: *коми кыв вылын* – 610, *коми кывйӱн* – 280 (дата обращения: 15.12.2018).

11. Значение обменного эквивалента (объект обмена). При глаголах со значением обмена один из объектов оформлен аккумулятивом, другой – инструменталем; при описании эквивалентного обмена в конструкцию вводится только объект, оформленный показателем инструментала:

кз. *Дӱзмис мортыд да еджыд кысансӧ вежис ыргӧн **паньӧн***. (В. Безносиков) ‘Рассердился человек и белую блесну обменял на медную ложку’.

кп. *Миянлись нывнымӧс эшӧ чужан лунас вежӧмась мӧдик **кагаӧн***. (Климов 1992: 192) ‘Нашу дочь еще при рождении подменили другим ребенком’.

удм. *Быркытӓз **пелӧкучыранэн** уд вошты*. ‘Беркута филином не заменишь’ [Перевозчикова 1987: 64]; *Со сяна, куд-ог пиос спортзалӓз воштӧзы компьютерен*. (Удм. дунне, 2009.04.28) ‘Кроме этого, некоторые мальчики спортзал заменили на компьютер’.

Как показывает материал ККЯ, в коми языках инструменталь постепенно вытесняется послелогом *вылӧ* ‘на’, ср. примеры (а) и (б), в которых представлено разное оформление именной группы в одном и том же тексте, опубликованном в изданиях 1961 и 1991 гг.:

(а) кз. *Мӧстӧ ӧд **порсьӧн** вежи*. (Фольклор, 1961) ‘Корову-то я ведь на свинью обменял’.

(б) кз. *Ме **порсь** **вылӧ** вежи*. (Фольклор, 1991) ‘Я на свинью обменял’.

кп. *Панӧм нинкӧмӧс вежи **курича** **вылӧ***. (Перем) ‘Плетеную основу лаптя обменял я на курицу’.

В удмуртском языке инструменталем оформляется как объект обмена, так и один из участников ситуации, совершающий обменный процесс:

удм. *Крыловлэн басняысьтыз эичы **роленыз** воштӧське **Куакаен***. (Удм. дунне, 2011.09.21) ‘В басне Крылова лиса поменялась ролью с Вороной’.

12. Тематив (термин из [Золотова 2006: 286]), или участник с уточненной ролью (термин из [Архипов 2005: 166]). При глаголах кз. *лоны*, удм. *луыны* ‘происходить, случаться, приключаться’, кз. *вӧчны*, удм. *лэсьтыны* ‘делать’, нередко при наличии вопросительного местоимения инструменталь выражает участника, связанного с описы-

ваемой ситуацией. В коми языках в случае одушевленного участника ситуации инструменталь конкурирует с комитативом (см.: гл. 3, раздел 3.8):

кз. *Мый ме кута отнамён вочны кум челядьнас?* – нюжйёд-лёмён, ыджыд гёлёсён бёрдис сійё. (И. Изьюров) ‘Что я буду делать одна с тремя детьми? – протяжно, громко плакала она’; – *Ме ог тёд, мый вочны сапёгъясён,* – туй вылё петігён норасис Женя. (И. Козлов) ‘– Я не знаю, что мне делать с сапогами, – жаловалась Женя, выходя на дорогу’.

кп. *Тоня эз тёд, мый керны деньганас.* ‘Тоня не знала, что делать с деньгами’.

удм. *Ма лэсьтыны со уксьён?* (Удм. дунне, 2010.02.16) ‘Что делать с этими деньгами?’; *Уг валаськы, ма соин луиз.* (Удм. дунне, 2012.11.21) ‘Не понимаю, что с ним случилось’.

13. Значение объекта. В значении объекта инструменталь употребляется при глаголах, которые характеризуются «информативной недостаточностью» семантики [Крысько 2006: 10]. К таким глаголам относят глаголы руководства, движения (частей тела) (см. гл. 3, раздел 3.2), наделения и др. [Золотова 2006: 243–247, Крысько 2006: 135–160]:

кз. *Сійё тёдис – Павел ёні веськёдлө ыджыд колхозён.* (И. Изьюров) ‘Он знал – Павел теперь руководит большим колхозом’; *Вавила пырис йёлён да яйён вузасян магазинё.* (И. Симпелев) ‘Вавила зашел в магазин, где торговали молоком и мясом’.

кп. *Обоз сувтчис лавка одзё, кытён вузасьлісё винаён.* (Баталов) ‘Обоз остановился перед магазином, где торговали вином’.

удм. *Собере ыстйзы Кыкваысь фельдшер пунктэн кивалтыны.* (Удм. дунне, 2008.07.30) ‘Потом его отправили заведовать фельдшерским пунктом д. Кыква’; *Театрысь потыса, городысь книгаен вузкарысь магазинъесті бызьбылі.* (Удм. дунне, 2009.03.27) ‘Выйдя из театра, я пробежался по книжным магазинам города’.

14. Субъектное значение. Инструменталь в пассивных и причастных конструкциях указывает на участника, воздействующего на ситуацию и изменяющего ее. Участник ситуации может быть одушевленным, контролирующим ситуацию (агенса), и неодушевленным, неконтролирующим ситуацию (природная сила, обладающая некоторыми агентивными свойствами) (эффектор):

кз. *Батьён на лэптылём важиник пывсян.* (М. Елькин) ‘Старенькая баня, построенная еще отцом’; *Тэрыб Кок асывбыд нин ризьялис-котраліс югыд шондён серёдём, войся зэрён сөстөммөдём вёрын.* (Торопов 1976: 117) ‘Тэрыб Кок целое утро уже бегал-резвился в лесу, освещенном ярким солнцем и очищенном ночным дождем’.

кп. *Нельнанныс пуксисё төлөн пөрөтөм сись пу вылө.* (Баталов) ‘Все четверо сели на поваленное ветром прогнившее дерево’.

удм. *Йыгась луиз, Төлэн усьтйз осьёсме.* (Ваньмон дыр, 2013.02.24) ‘Послышался стук, ветром открыло мои двери’; *Отын [журналын] жыныезлэсь тросэз произведениос гожтэмын вал асэныз К. Гердэн.* (Ф. Ермаков) (Герд: 5) ‘Там [в журнале] больше половины произведений было написано самим К. Гердом’; *Иван Грозный зуч эксэй ассэ Инмарен ыстэм эксэен ялйз.* (Удм. дунне, 2008.06.02) ‘Русский царь Иван Грозный объявил себя посланным Богом царем’.

15. Значение стимула эмоций. При глаголах эмоционального отношения (кз. *нимкодясьны* ‘восхищаться, наслаждаться’, *шензьөдны* ‘удивлять’, кз. *чуймөдны*, кп. *чуймөтны*, удм. *паймытъяны* ‘удивлять’, удм. *куаныны* ‘восхищаться, радоваться’ и др.) инструменталь указывает на источник, воздействующий на внутреннее состояние участника ситуации:

кз. *Быдён дженъыд войыввса гожёмө зильө <...> нимкодясьышитны гежөд гожся шоныднас, гажнас, мичлуннас.* (И. Белых) ‘В период короткого северного лета каждый старается <...> наслаждаться редким летним теплом, весельем, красотой’.

кп. *Гленитчас Көстө пөрись мортыслө басөкнас и баснинас.* (Перем) ‘Понравился Костя старому человеку своей красотой и разговором’.

удм. *Аслаз ужъёсыныз паймытъя Елена Сараматова.* (Удм. дунне, 2009.04.17) ‘Своими работами удивляет Елена Сараматова’.

16. Значение причины действия, состояния. Инструменталь для выражения причинных отношений последовательно используется в удмуртском языке, при этом встречаются случаи двойного маркирования – суффиксом инструменталю и причинным послелогом *йырин* ‘из-за’ или *сэрен* ‘из-за’. Как показывают материалы КУЯ, в современном языке предпочтительным является послелог *сэрен*, ср. частотность употребления послелогов с инструментальной словоформой: *йырин* – 175, *сэрен* – 396:

удм. *Узырен губырес уд луы*. ‘От богатства не сгорбишься’ [Перевозчикова 1987: 185]; *Секыт ужен уд губырмы*. ‘От тяжелой работы не сгорбишься’ [Перевозчикова 1987: 24]; *Кризисэн сэрен югдур эшишо уродмиз*. (Удм. дунне, 2009.06.05) ‘Из-за кризиса обстановка еще ухудшилась’; *Кризисэн йырин Россилтэсь бюджетсэ но выльысь эскероно луиз*. (Удм. дунне, 2009.06.26) ‘Из-за кризиса пришлось пересмотреть бюджет России’.

В коми языках инструменталь довольно редко употребляется в значении причины, в основном при описании изменения состояния участника ситуации:

кз. <...> но Гриш некеыдз эз вермы веритчыны пельшар кывъясö, а кыскис ассъыс, мый гöтырыс сълöн кулис биа **висьöмöн** либö кулан **пöрöсöн**, некутшöм воспаление сълöн эз вöв. (Доронин: 58) ‘<...> но Гриша никак не мог поверить словам фельдшера, а твердил свое, что его жена умерла от тифа или от смертельной болезни, никакого воспаления легких у нее не было’; *Кык вок чöскыд сурнад, тыдалö, неуна гажмыштитисны да юасисны и юасисны*. (И. Торопов) ‘Оба брата, видимо, немного опьянели от вкусного пива и все спрашивали, спрашивали’.

кп. *Öтик тури лэбзыны оз вермы – сыбура винанад коддзöма*. (Перем) ‘Один журавль не может взлететь – настолько опьянел от вина’.

17. Значение ограничения признака. Инструменталь указывает на объект, суживающий сферу проявления признака, выделяя тем самым одну из сторон участника ситуации:

кз. *Коймöд пыис Куршайт Гришилöн вокъяс костын кöть вöли арлыдöн медся ичöт, но тушаöн став вокъяссö сийö ордийс дзонь весътöн*. (Доронин: 13) ‘Третий сын Куршайт Гриши хоть и был по возрасту самым младшим из братьев, но ростом он обогнал всех братьев на целую пядь (четверть аршина)’.

кп. *А бөръяыс, Ваней, и мыгöрнас, и воззнас учöтöв*. (Перем) ‘А последний, Ваня, и ростом меньше, и возрастом младше’.

удм. *Тылобурдо умой тылыеныз, нош адями – визьмыныз*. ‘Птица хороша оперением, а человек – умом’ [Перевозчикова 1987: 143]; *Туала школа узыр котькыче техникаен*. (Иднакар, 2014.04.24) ‘Современная школа богата всякой техникой’.

18. Дистрибутивное значение. Инструменталь используется при указании на равномерное распределение предметов (числовых совокупностей). При эллипсисе существительного суффикс падежа принимает числительное. В удмуртском языке инструменталь в этом значении варьирует с предлогом *быдэн* ‘по’:

кз. *Вöла войтыр сэні жуö, трактор муркöдчö лунтыр: кыкё керйöн öтпыр нуö, гора шыöн ветлігтыр.* (Лебедев: 32) ‘Там люди с повозками снуют, трактор работает целый день: по двести бревен за рейс перевозит, грохоча’.

кп. *Кöчпияннэз садитасö сёртни: öтыслö и мöдыслö öтiкөн.* (Оласö: 32) ‘Зайчата посадили репку: каждому по одной’.

удм. *Быдэн кык мурт пыриське Москваись, Санкт-Петербургысь но Ижысь.* (Удм. дунне, 2008.07.30) ‘Участвуют по два человека из Москвы, Санкт-Петербурга и Ижевска’; *Кыкетй туре 80 объектёс пыризы – котькуд округысь быдэн дасэн.* (Мынам Удмуртие, 2013.07.01) ‘Во второй тур прошли 80 объектов – с каждого округа по десять’.

19. Значение образа действия. В пермских языках инструменталь широко используется для выражения качественной и количественной характеристики действия:

кз. *Кöка вой ымраліс шоныдөн да быдпöлöс небыд шыясөн.* (А. Вурдов) ‘Белые ночи веяли теплом и разными нежными звуками’; *Чукөрөн сэся мунісны Марпа пöч йөрö.* (В. Иванова) ‘Потом они ватагой пошли во двор бабушки Марфы’.

кп. *Öтпыр вичкоас локтіс пемытсорөн [Андрей], небыт кокшыöн пырис пышкас.* (Федосеев 1994: 12) ‘Однажды [Андрей] пришел в церковь под вечер, тихо (‘тихими шагами’) вошел внутрь’.

удм. *Куалдэм Пинь котыр учкиз кузё сингёсын.* (Удм. дунне, 2012.08.08) ‘Куалдэм Пинь осмотрел вокруг хозяйским взглядом’; *Доразы йыгмыт вamyшен пыриз пинал педагог.* (Удм. дунне, 2010.10.29) ‘К ним домой уверенной походкой зашел молодой педагог’.

20. Сравнительное значение. В конструкциях, обозначающих аналогичность стандарта и объекта сравнения, сближаемых на основе сходства характера их движения или пространственного расположения, инструменталем выражается значение стандарта сравнения:

кз. *Прокопей вёрканьөн матыстчыліс ветымын воськов выйöдз, синнас пасйыштіс местасö.* (Юхнин 1983: 73) ‘Прокопий, подобно

рыси, приблизился на расстояние пятидесяти шагов, приметил это место’.

кп. *Кокнит пѳткаѳн ѳшын дынись ныв чепѳссис паныт том зон одзѳ*. (Оласѳ: 109) ‘Как легкая птица, девушка бросилась от окна на встречу молодому парню’; *Поткѳтас русѳ гора шутнѳвтѳм, шера кымѳрѳн уськѳтчас му вылас змей*. (Оласѳ: 265) ‘Разорвет воздух громкий свист, как туча с градом бросится на землю змей’.

удм. *Лобе со беркытэн*. (Ошмес, 2014.05.22) ‘Он летит как орел’.

В удмуртском языке инструменталем управляет глагол со значением сравнения, сопоставления (*ѳошатыны* ‘сравнить’):

удм. *Котькыѳе музеез ѳошатыны луоз кныгаен*. (Удм. дунне, 2008.11.11) ‘Любой музей можно сравнить с книгой’; *Бадяр ке – бадяр, пуппыен уд ѳошаты*. ‘Клен – так уж клен, с лутошкой не сравнишь’ [Перевозчикова 1987: 64].

В коми языках глагол с таким значением требует комитатива.

В пермских языках инструментальная словоформа послужила основой ряда сравнительных послелогов: кп. *мозѳн*, удм. *музэн* ‘как; словно, точно’, кз. *сямѳн*, удм. *сямен* ‘по-’, кз. *ногѳн* ‘по-’, *этиѳн* ‘как, подобно’, а также сравнительной частицы нв. *медзчен*, вым. *меччен*, уд. *метѳн* ‘наи-, самый’ [ССКЗД: 216].

21. Темпоральное значение. Инструменталь может выражать несколько разновидностей темпорального значения.

21.1. Значение темпоральной локализации. В этом значении инструменталь представлен в коми-пермяцком языке и нижневычегодском диалекте коми-зырянского языка. В остальных зырянских диалектах функционируют только лексикализованные посессивно-инструментальные словоформы, которые близки к переходу в наречия:

кз. нв. *Сийа тулысѳн кули*. ‘Он умер весной’ [НВД: 37]; *Лэбѳны луннас и войнас дас-дас вит лыда кельѳбъясѳн*. (А. Ракин) ‘Летят они и днем, и ночью стаями по десять-пятнадцать особей’.

кп. *И закажитѳмась мянлѳ: васѳ босѳтны только лунѳн, югытѳн, а ойѳн оз ков вѳрѳтны*. (Оласѳ: 283) ‘И наказали нам: брать воду только днем, когда светло, а ночью ее нельзя трогать’.

Н. В. Кондратьева отмечает процесс лексикализации инструментальных словоформ со сходным значением в современном удмуртском языке [Кондратьева 2011а: 131]:

удм. *Нырысь ик, кезьыт толэн океанъёс туж зол сйязы.* (Мынам Удмуртие, 2010.07.16) ‘Во-первых, в холодную зиму океаны очень сильно остыли’; *Пичи дыръяз но студент вакытаз нуналэн-нуналэн сиськытэк улэмын.* (Удм. дунне, 2011.04.19) ‘В детстве и во время студенчества он целыми днями жил без еды’.

На основе инструментальных словоформ сформировались темпоральные наречия: кз. *важён* ‘давно, раньше’, кз. кп. *сёрён* ‘поздно’, удм. *вазен* ‘раньше, прежде’; в коми языках также деепричастия со значением одновременности: кз. *сёйигён*, кп. *сёйтён* ‘во время еды’, кз. *мунигён*, кп. *мутён* ‘во время ходьбы’.

21.2. Социативно-темпоральное значение. Инструменталь употребляется при указании на время, событие, явление, с наступлением которого имеет место ситуация, развивается действие, выраженное глаголом. В значении хорошо просматривается идея совместности, связь с комитативным значением падежа:

кз. *Чужан сиктас том гозъя локтисны асья биясён.* (Юхнин 1983: 48) ‘В родное село молодые супруги пришли ранним утром (‘вместе с утренними огнями’)’.

кп. *Асывся дзарньёвнас мийё мунимё ягёдавны.* ‘С утренней зарей мы пошли за ягодами’.

удм. *Чебер ныл чукна шундыен чош ик султэ.* (Вуюись: 185) ‘Красивая девушка с утренним солнцем вместе встает’; *Азьтэм кёлыны куреген чош выдэ ке, ужез яратйсь адыми куреген чош султэ.* ‘Ленивый вместе с курами спать ложится, трудолюбивый человек вместе с курами встает’ [Перевозчикова 1987: 33].

21.3. Дистрибутивно-темпоральное значение. Существительное в инструментале, осложненное показателем множественности, указывает на повторяющуюся через определенные промежутки времени ситуацию:

кз. *Везонъясён чишкалис кёдыдыс.* (А. Одинцов) (МГЧ: 69) ‘Целыми неделями обжигал мороз’.

кп. *Удж бёрсянь, рыттэзён Андрей пукавліс председатель ордын аслас комнаткаын, гижис контрольнойез нето лыддьотіс книгаз.* (Баталов) ‘После работы по вечерам Андрей проводил время у председателя, в своей комнатке, писал контрольные или читал книги’.

удм. *Кытын вурисько, отын ик арняосын, толзъёсын* уло. (Удм. дунне, 2008.12.17) ‘Где занимаются шитьем, там же живут неделями,

месяцами»; *Со азъвыл но арняен-арняен доразы куноялляз.* (Иднакар, 2012.09.13) 'Он и раньше целыми неделями у них гостил'.

22. Предикативный признак. В описаниях семантики инструментала (творительного падежа) отдельно выделяется значение предикативного признака [Шелякин 2001: 47; Михайлов 2012: 33; др.]. В. А. Плунгян, описывая падежи, встречающиеся в языках мира, выделяет «*предикатив*, выражающий класс объектов, свойства которых приписываются другому имени (*работать учителем*)», и «*трансформатив*, выражающий класс объектов, свойства которых начинают приписываться другому имени (*стать учителем*)» [Плунгян 2003: 170]. Особый падеж для выражения предикатива имеется в прибалтийско-финских языках – эссив, значение трансформатива выражается в этих языках другим падежом – транслативом. В пермских языках инструменталь может выражать функции эссива и транслатива. В рамках настоящей работы термин предикативный интерпретируется широко: включает предикативные, депиктивныи и комплементаривныи употребления падежа.

В функции депиктивного предиката употребляются преимущественно прилагательные, причастия, реже существительные в инструментале при глаголах движения, состояния, изменения состояния, представляя временный признак (физическое или психическое состояние), приписываемый участнику основной ситуации (выраженным подлежащим или прямым дополнением):

кз. *Сэся Гришалён батъыс ратникён мунис война вылө.* (Юхнин 1955: 43) 'Потом отец Гриши ратником ушел на войну'; *Медводдзавысь ыджыд мамө моздорас арөса кагаён Яга ёльөдз нулөма.* (В. Лодыгин) 'Первый раз моя бабушка относала меня на руках до речки Ягаель годовалым ребенком'.

кп. *Айыс фронт вывасын локтис инвалидён.* (И. Шадрин) (Пармаын асыв: 61) 'Его отец вернулся с фронта инвалидом'.

удм. *Солдат дораз лулоен бертйз.* (Удм. дунне, 2011.11.08) 'Солдат вернулся домой живым'.

При комплементаривном употреблении существительное (прилагательное, причастие) в инструментале заполняет семантическую валентность глаголов восприятия, а также мыслительной деятельности (кз. кп. *лыддъыны*, удм. *лыдъяны* 'считать', кз. кп. *чайтны*

‘считать, чаять’, *кывны*, удм. *шӧдыны* ‘чувствовать’, кз. *петкӧдчыны* ‘проявляться’, *кажитчыны* ‘казаться’, *шусьыны* ‘называться’ и др.):

кз. *Кырув грездын Степанӧс лыддьӧны медьӧн уджалысьӧн*. (В. Безносиков) ‘В селе Кырув Степана считают самым сильным рабочим’.

кп. *Евдокимлӧ тырис ни шестьдесят год, но сия сӧ эшӧ крепты да боӧк и лыддиссьӧ асланыс деревняын медбур вӧралісьӧн*. (Баталов 1990: 134) ‘Евдокиму исполнилось уже шестьдесят лет, но он все еще крепкий и бравый, считается самым лучшим охотником в своей деревне’; *Ӧні Таисья кыліс асьсӧ ыджыт мортӧн, керкуись кӧзьяйкаӧн*. (Баталов) ‘Теперь Таисия чувствовала себя взрослой, хозяйкой дома’.

удм. *Эстониын но Финляндиын «Инвожоез» тужгес кие кутымон журналэн лыдьяло*. (Инвожо, 2013.03.07) ‘В Эстонии и Финляндии «Инвожо» считают журналом, который приятно держать в руках’; *Мон асме гурт адямиен шӧдӧсько*. (Удм. дунне, 2015.02.16) ‘Я себя чувствую деревенским человеком’.

23. Значение социативного признака. Инструментальная группа в значении социативного признака может выступать в атрибутивной, предикативной и депиктивной позициях, но только в депиктивной позиции она представлена во всех сравниваемых языках. В коми-зырянском языке она находится в отношении варьирования с прилагательным, образованным с помощью суффикса *-а*:

кз. *Став йӧзыс шапкатӧмӧсь, а ми тӕкӧд кыкӧн шапкаӧн сулалам*. (Фольклор) ‘Все люди без шапок, а мы с тобой в шапках стоим’; *Сійӧ абу на удитӧма пӧрччысьны, пальтоа да кӧр ку шапкаа сулалӧ, мамыскӧд сӧрнитӧ*. (Г. Федоров) ‘Он еще не успел раздеться, стоит в пальто и в шапке из оленьего меха, разговаривает со своей матерью’.

кп. *Сыбӧрын Спиридон Афанасьевич чеччис да улӧсь голубӧй йӧрӧсӧн тырис Андрей дынӧ*. (Баталов) ‘После этого Спиридон Афанасьевич встал и в нижней рубашке голубого цвета зашел к Андрею’.

удм. *Туала вакытэ егит ныльӧс керттэм изыюсын-беретьӧсын ветло*. (Зечбур! 2013.10.23) ‘В настоящее время молодые девушки ходят в вязаных шапках-беретах’; *Толалтэ пальтоен пукылӧз*. (Удм. дунне, 2008.09.05) ‘Зимой [он] сидел в пальто’.

24. Значение материала. Типичным средством выражения значения материала в коми языках является элатив, в удмуртском языке – аблатив.

Инструменталь в сравниваемых языках встречается при обозначении вспомогательного материала при глаголах ‘выложить’, ‘обшить’, ‘вымостить’ и т. п.:

кз. *Посниа поткөдліс нес, ломтіс керкасыс кирпичён эжём ичөтик көрт пачсө.* (В. Напалков) ‘Он мелко наколол дрова, затопил маленькую буржуйку, обложенную кирпичом’.

удм. *Соин ук Шоргуртын скал гидлэсь липетсэ профнастилэн вөлдйм.* (Удмурт дунне, 2010.09.29) ‘И поэтому в Шоргурте крышу коровника покрыли профнастилом’.

Единичные примеры с инструменталем можно обнаружить, обратившись к КУЯ, при глаголах ‘сделать’, ‘строить’, ‘возвести’, ‘создать’. В этом случае он варьирует с аблативом:

удм. *Интыен-интыен борддоръёсты но выль кирпичен эжудо.* (Удм. дунне, 2012.08.17) ‘Местами и стены возведены из нового кирпича’.

удм. *Борддорез эжутыны луэ излэсь яке зол сутэм кирпичлэсь.* (Удм. дунне, 2011.11.09) ‘Стена будет сооружена из камня или сильно обожженного кирпича’.

Инструменталь в значении материала, скорее всего, имеет более широкое распространение в диалектах:

удм. MU. *katjžen korka mi les'tim* ‘wir bauten eine Hütte aus Schilfrohr’ [Wichmann 1893: 281]; *ukojen uris mi p^{uu}nimj* ‘wir flochten eine Peitsche aus Tressen’ [Wichmann 1893: 119].

Коми-зырянский и коми-пермяцкий языки

1. Значение меры. В сравнительных конструкциях инструменталь может употребляться для указания как на стандарт сравнения, так и на величину различия между стандартом и объектом сравнения. Признаком сравнения могут быть расстояние, протяженность, возраст, стоимость, вес, время:

кз. <...> и *нелямын кум ар пыдди кажитчө вөлі сійö ар дасөн кымын пöрысьджыкөн.* (Доронин: 48) ‘<...> и вместо сорока трех лет он казался примерно на десять лет старше’; *Кольём во дорысь три копейкиён донöнджык ньöбала, а тiян купеч Ласей Спиридонович сертиыд пять копеекён донаджык.* (В. Юхнин) ‘В этом году

покупаю на три копейки дороже, чем в прошлом году, а у вас на пять копеек дороже, чем у купца Власия Спиридоновича’.

кп. *Сія [фельдшер] кык годдн томжык Максим Афанасьевичысса, но мыгөрнас быдса юр сувда вылынжык сысса, ёнжык да и пельпоннез паськытжыкось.* (Баталов 1990: 187) ‘Он [фельдшер] на два года младше Максима Афанасьевича, но телосложением на голову выше его, сильнее, да и плечи шире’.

2. Срок действия, отрезок времени, полностью совпадающий с осуществлением действия. При актуализации точного срока действия в состав именной группы вводятся зависимые, выраженные числительными, количественными наречиями:

кз. *Пинегайдзыд ми өти лундн и воам.* (В. Тимин) ‘До Пинегиды мы за один день дойдем’; *Куим төлысьдн сийё эз на вермы помавны тайё съёкыд уджсё.* (Юшков 1979а: 62) ‘За три месяца он еще не смог закончить эту тяжелую работу’.

кп. *Кык лунысьдн аслас куим сажень кузя лямпаздн локтас [Пера-богатырь] змей дындз.* (Оласё: 265) ‘За два дня на своих лыжах длиной в три сажени [Пера-богатырь] доберется до змея’.

Указанные темпоральные отношения в удмуртском языке передаются наречиями, образованными от существительных или числительных с помощью суффиксов *-ой (-ёй)*, *-ойскын (-ёйскын)*, *-скын*: *арскын* ‘за год, в течение года’, *ныльёй* ‘в четыре дня, в течение четырех дней’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней, за пять дней’ [ГСУЯ 1962: 307; Шибанов 2012: 80–81]. Структура двух последних суффиксов явно указывает на вторичность их образования, сегмент *-ын* восходит к показателю инессива [Серебренников 1963: 353].

удм. *ТУ-134 самолёт часкын 750 иськем ортче.* (Удм. дунне, 2009.05.13) ‘Самолет ТУ-134 за час пролетает 750 километров’; *Ми 7 нуналскын кизиськом, нош араськом 3 арняскын.* (Удм. дунне, 2010.01.29) ‘Мы сеем за 7 дней, а жнем за 3 недели’.

3. Пространственное значение. В коми языках инструменталь может употребляться при указании на траекторию, по которой проходит движение, либо на пространство, через которое совершается движение, чаще всего, когда речь идет о способе передвижения, а также о метафорическом пути, способе для достижения цели:

кз. *Отчыд коть, мися, ва туйдн колё катны.* (И. Изьюров) ‘Хоть один раз надо по реке (‘водным путем’) подняться’; *Збыльысь,*

ыджыд шудлун, кор олмөдыс мунан ас туйён. (В. Лыткин) ‘На самом деле, большое счастье, когда идешь по жизни своей дорогой’.

кп. *Ния мунисö вөрён.* ‘Они шли лесом’ [Майшев 1940: 39].

4. Предикативный признак (эссив/транслатив). Инструменталь в составе сказуемого со связочными глаголами (кз. кп. *лоны* ‘стать, становиться’, *вөвны* ‘быть’) конкурирует с номинативом и инессивом, при полу- и полнознаменательных глаголах (кз. кп. *уджавны* ‘работать’, кз. кп. *овны* ‘жить’ и др.) – с инессивом.

На выбор номинатива и инструменталья влияет наличие/отсутствие глагольной связки и время этого глагола. Инструменталь доминирует при глаголах прошедшего и будущего времени (подробнее см.: гл. 3, раздел 3.1):

кз. *Вералён мамыс вөлі Чамаш Пеклалён воча чойён.* (Юхнин 1955: 19) ‘Мать Веры была двоюродной сестрой Чамаш Пеклы’; *Макар Савельевич көсийс нин шуны, мый сылён ныла-пиаыс фермаын уджалысьясён оз лоны.* (Безносиков 1985: 20) ‘Макар Савельевич хотел уже сказать, что его дети не станут рабочими на ферме’.

кп. *Старикыт вөлөма мельникён и стрась радейтөма чериавны.* (Перем) ‘Старик-то был мельником и очень любил рыбачить’; *Петкөтис царевна пызандөрасө, Асывко каттис сийө бедь вылас да вачкис бедьнас угов кузяс: керкуыс кульк-мельк керис и лоис курөг кольтён.* (Оласө: 60) ‘Вынесла царевна скатерть, Асывко намотал ее на палку да ударил палкой по углу: дом перевернулся и превратился в куриное яйцо’.

Выбор инструменталья и инессива ничем не мотивирован, в литературных коми языках наблюдается активное вытеснение инессива инструменталем:

кз. *Сэки ме уджалі Волсяын велөдысьён.* (А. Мальцев) ‘Тогда я работал учителем в Вотче’; *И курсьяс бөрын ме кута уджавны трактористён!* (И. Пыстин) ‘И после курсов я буду работать трактористом!’.

кп. *Дед Ефим колхозас уджалө стөрөжён.* (Баталов) ‘Дед Ефим работает сторожем в колхозе’.

В конструкциях с бессвязочным сказуемым инструменталь употребляется в основном для обозначения временно занимаемой должности, на месте отсутствующей связки подразумеваются формы связочных глаголов:

кз. *А кодi пö начальникнас?* (И. Ногиев) ‘А кто, мол, начальник?’; *Талун стрöг начальникнас ачыс көзйайкаыс, Мишö Нина.* (Н. Куратова) ‘Сегодня строгим начальником является сама хозяйка, Миш Нина’.

При глаголах со значением избрания или назначения участника ситуации на новую должность инструменталь варьирует с иллативом:

кз. *Комплекция сертийс сйöс непöштö бригадирö – императорö позьö бөрйыны.* (И. Торопов) ‘Если учесть его комплекцию, то его можно избрать не только бригадиром, но императором’; *Бригадирöн бөрйим Юраöс.* (Л. Огнев) ‘Бригадиром выбрали Юру’; *Михеева ассьыс мужикö көсйö пуктыны бригадирöн.* (А. Коми) ‘Михеева своего мужа хочет назначить бригадиром’.

кп. *Кинöс отрядö командирöн, а комдедö председательöн бөрьямö?* (Можаев) ‘Кого выберем командиром отряда, а в комитет бедноты председателем?’.

Коми-пермяцкий и удмуртский языки

1. Соучастник ситуации (CO-OPERATIVE). Комитативная ситуация предполагает наличие двух и более участников действия, которые выполняют одно и то же действие. В таких конструкциях инструменталь широко представлен только в удмуртском языке, спорадически встречается в коми-пермяцком языке:

удм. *Собере буйгаз, аслаз эшгёсыныз концерт возьматйз.* (Удм. дунне, 2012.12.26) ‘Потом он успокоился, со своими друзьями по-казал концерт’.

кп. *Мужик лун-лун вильса керö, а инька ныввезнас горт гöгöрас уджалö.* (Оласö: 19) ‘Муж целыми днями целину обрабатывает, а жена со своими дочерьми домашнюю работу выполняет’.

В удмуртском языке инструментальная группа может употребляться в конструкциях с поглощением референта. В этом случае референт местоимения включает референт инструментальной словоформы:

удм. *Львовын ми эшгёсыным мынймы почтае, доре посылка келяны.* (Удм. дунне, 2007.05.18) ‘Во Львове мы с моими друзьями пошли на почту, отправить домой посылку’; удм. сч. *околзэ л'изайэн тулыс вуэн бэртыс'ком н'улэскыс'.* ‘Однажды с Лизой во время ве-

сеннего паводка возвращаемся [домой] с лесозаготовок ('из леса') [Карпова 2005: 155].

В отличие от коми-пермяцкого, в удмуртском языке показателем инструментальности могут оформляться семантически связанные компоненты сочиненной именной группы:

удм. *Та семьяын, кышноен картэн сяна, вал на одйг пизы но пестайзы.* (Удм. дунне, 2008.01.29) 'В той семье, кроме жены и мужа, были еще один сын и бабушка'.

2. Значение социативного признака. В удмуртском, реже в коми-пермяцком языках инструментальная группа, обозначающая признак, может занимать атрибутивную и предикативную позиции. Рассматривая средства выражения посессивности в удмуртском языке, С. В. Едыгарова отмечает, что именные группы, в составе которых зависимым является существительное в инструментале, и именные группы, в качестве определения в которых выступает прилагательное с деривационным суффиксом *-о*, синонимичны. Различие между ними составляет то, что инструментальность выражает «отчуждаемую ограниченную во времени физическую посессивность», прилагательное – «постоянную физическую близость или перманентное обладание и, как правило, неотчуждаемую посессивность» [Едыгарова 2010: 214]. Инструментальность используется чаще всего при указании на признак по содержанию и составу, а также на внешний вид участника ситуации.

2.1. Признак по содержанию и составу (COMBINATION). Инструментальность употребляется при указании на предмет, содержащийся в другом предмете. Примеры:

удм. *Турынэн чай интые кофе пайдаёгес луоз.* (Удм. дунне, 2007.03.16) 'Вместо чая с травами кофе будет полезнее'; *Корказьысь но верандаьсь выж вылын сылалтэм помидоръёсын но озречъёсын банкаос сыло.* (Удм. дунне, 2010.08.11) 'На полу в сенях и на веранде стоят банки с солеными помидорами и огурцами'; *Кубистаен, губиен, сйлен перепеч пöрамы.* (Иднакар, 2015.10.08) 'Мы приготовили перепечи с капустой, грибами, мясом'.

Как показывает материал КУЯ, в современном удмуртском языке инструментальность в таких контекстах редко конкурирует с номинативом и прилагательным с суффиксом *-о*:

удм. *Юбо йылын вӧй тусьты*. ‘На столбе тарелка с маслом’ [Перевозчикова 1982: 153]; *Гербер понна чорыго нянь коть пыжоно вал*. (Удм. дунне, 2008.05.21) ‘В честь праздника Гербер надо хоть рыбник испечь’.

В коми-пермяцком языке инструменталь в значении признака употребляется значительно реже прилагательного на *-а*, ср. в текстах [Баталов; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1994] значение ‘с маслом’ выражено инструменталем – один раз, прилагательным – семь раз. Примеры:

кп. *Руч кытіськӧ гусялӧма виӧн доз и котӧртӧ гортас*. (Оласӧ: 31) ‘Лиса где-то украдала банку с маслом и бежит к себе домой’; *Дима пӧрччаліс ассис мешӧкӧ, кыкис сьись сьӧд нянь и яӧн консервнӧй банка*. (В. Баталов) (Парма шы: 142) ‘Дима развязал свой мешок, достал из него черный хлеб и банку мясных консервов’.

кп. *Тупӧсьсӧ, шыдӧса шаньгасӧ, виа анькытти кисельсӧ нылӧ джоджулӧ лэдзӧ*. (Перем) ‘Булочку, шаньгу с крупой, гороховый кисель с маслом она им в подполье спускает’.

В коми-зырянском языке значение социативного признака передается адъективом с суффиксом *-а*, в диалектах встречаются единичные случаи калькирования русских конструкций «с + творительный падеж». Примеры:

кз. *Радейтӧ коми пӧжас: нӧкъя шаньга, капустаа пирӧг*. (Парма гор) ‘[Он] любит коми выпечку: шаньги со сметаной и пирог с капустой’; *Коми шаньгаяс – картофельӧн да шыдӧсӧн, курникъяс, колобокъяс, манникъяс, вареннӧн да капустаӧн пирӧгъяс*. (Л. Александрова) (Выль туйӧд) ‘Коми шаньги с картошкой и с крупой, рыбники, колобки, манники, пироги с вареньем и капустой’.

2.2. Признак по наличию социативного предмета (POSSESSION). В удмуртском языке инструменталь используется при описании внешнего вида (предметы одежды и аксессуары к ним) одушевленного участника ситуации:

удм. *Мон городысь вуэм ныл, тӧдды пальтоен, чияльсь сапегӧсьсын, буртчин кышетэн*. (Удм. дунне, 2008.10.17) ‘Я городская девушка, в белом пальто, блестящих сапогах, шелковом платке’; *Бадӟым сумкаен кышномурт велик вӧзын сылэ*. (Удм. дунне, 2008.09.24) ‘Женщина с большой сумкой стоит возле велосипеда’.

В отличие от удмуртского, в коми языках для описания участника по наличию при нем социативного объекта употребляется прилагательное с суффиксом *-а*, в коми-пермяцком sporadически встречается также инструментальная группа:

кп. *Кин тӧдӧ, мый шогмис бы эшӧ одзлань, если бы тышкасикас вдруг эз пыр трактирас кучиковӧй курткая, портупейӧн да папаха вылас гӧрд ленточкаӧн морт.* (Баталов) ‘Кто знает, что бы еще случилось дальше, если бы во время драки не вошел в трактир человек в кожаной куртке, с портупеей и с красной ленточкой на папаче’.

кз. *Машинаысь петісны кыкӧн: виж курткаа шопер да кучик пальтоа дядьӧ, начальник, буракӧ.* (В. Безносиков) ‘Из машины вышли двое: шофер в желтой куртке и мужчина в кожаном пальто, начальник, видимо’.

Инструментальная словоформа, выражающая признак предмета, лица или ситуации, может входить в состав предиката без связки или с глагольной связкой (кп. *вӧлі*, удм. *вал* ‘был’):

удм. *Ельцов кузь чиль-чиль сурон пальтоен, тӧдды дэремен, галстукен, модной картузэн.* (Удм. дунне, 2010.04.02) ‘Ельцов в длинном блестящем кожаном пальто, в белой рубашке, в галстуке, в модном картузе’; сев. *мон урод бот'инкаэн вал.* ‘Я был в худых ботинках’ [Кельмаков 1981: 164].

кп. *Тӧдтӧм морттэс вӧлісӧ шинеллезӧн.* (Баталов 1990: 110) ‘Незнакомцы были в шинелях’; *Сія вӧлі кузь чочком йӧрнӧсӧн покротӧг.* (Баталов) ‘Он был в длинной белой рубашке без пояса’.

В коми-зырянском языке в предикативной позиции выступает прилагательное с суффиксом *-а*, что характерно также и для коми-пермяцкого языка:

кз. *Йӧзыс пальтоаӧсь, фуфайкааӧсь.* (И. Белых) ‘Люди в пальто, в фуфайках’; *Сійӧ вӧлі пальтоа да шляпаа нин.* (Н. Улитин) ‘Он был уже в пальто и в шляпе’.

кп. *Сія вӧлі гӧрд йӧрнӧса, покрӧмасьӧм гаруснӧй покрӧмӧн.* (Баталов) ‘Он был в красной рубашке, обвязанный гарусным поясом’.

2.3. Постоянные признаки участника ситуации (PART-WHOLE/PERMANENT PROPERTY). При описании постоянных признаков участника ситуации в пермских языках используется прилагательное с суффиксом кз. кп. *-а*, удм. *-о/-ӧ*: кз. *лӧз синма ныв*, кп. *лӧз сина*

ныв, удм. лыз **синмо** ныл ‘голубоглазая девушка’. Единичные именные группы в инструментале со значением постоянного признака, обнаруженные в КУЯ, являются результатом калькирования соответствующих русских конструкций:

удм. *Тузикез, тодьы дйсен, вож **синьёсын** шайтанэз адъыса, визьтэмиз, утыны кутскиз.* (Удм. дунне, 2009.09.01) ‘Его Тузик, увидев шайтана с зелеными глазами в белой одежде, обезумел, начал лаять’.

3. Обменный эквивалент (стоимость). При глаголах, обозначающих куплю-продажу на деньги, инструменталь употребляется при указании на меру, в пределах которой осуществляются обменные процессы:

кп. *Донён я меринсё босьтлит? Сизим **рубён.*** (Перем) ‘За сколько покупал мерина-то? За семь рублей’; *Сто **рубнас** виль керку керан.* (Климов 1993: 46) ‘За сто рублей новый дом постройшь’.

удм. *Озыы 5 сюрс **манетэн** нырысетй машиназэ басьтйз.* (Удм. дунне, 2012.09.28) ‘Так за пять тысяч рублей он купил первую машину’; *Куйнь литръем ведраез **200 манетэн** вузало.* (Иднакар, 2015.07.30) ‘Трехлитровое ведро продают за 200 рублей’; *Улмону вузаське **200 манетэн**, груша – **250-эн.*** (Иднакар, 2012.07.05) ‘Яблоня продается за 200 рублей, груша – за 250’.

В современном коми-зырянском языке инструменталь в контекстах, описывающих стоимость при купле-продаже, не употребляется. Он, скорее всего, был вытеснен элативом, на что указывают вариативные наречия *донён* [цена.INSTR] ‘дорого’ и *доньсь* [цена.EL] ‘дорого’:

кз. *Матыстчис сы дорё карса купеч да и юалё: **донён-ё** пö ур куюстö вузалан?* (А. Некрасов (Гамса)) ‘Подошел к нему городской купец да и спрашивает: почем, мол, беличьи шкурки продаешь?’

Как показывают данные ККЯ, наречие с элативным суффиксом имеет более широкое распространение, ср. количественное соотношение наречий при выражении вопроса ‘за какую цену’: *донён* – 10, *доньсь* – 78 (дата обращения: 20.12.2018).

3.7.2. Межъязыковые различия

Коми-зырянский язык

Субъект каузируемого действия. В присыктывкарском, лузско-летском и верхнесысольском диалектах зафиксировано оформление показателем инструменталю субъекта каузируемого действия при двуобъектных понудительных глаголах:

кз. скр. (Ш.) *Плат'т'э вурöди Вас'ка Палöөн*. ‘Платье я пошила у Пелагеи Васильевны’ [ПСД: 66]; лл. (З.) *Мöй нö Öл'öкс'эйнас эн вöчöд чöрссö*. ‘Почему же ты не попросила Алексея сделать веретено’ [ЛЛД: 46]; вс. (Крв.) *Кагаыд кө вис'ö, куйм дöваöн пылс'öдöныс*. ‘Если ребенок болеет, его моют пользуют в бане три вдовы’ [ВСД: 68].

Удмуртский язык

Пространственное значение. В удмуртском языке инструментальная словоформа с послелогом *артэ* ‘рядом’ указывает на ориентир, по отношению к которому совместно расположен объект:

удм. *Трос этажсьем улоно коркаосын артэ отын эжужа эшишо одйгез нылти сад*. (Удм. дунне, 2013.06.05) ‘Там рядом с многоэтажными жилыми домами возводится еще один детский сад’.

3.7.3. Сравнительно-исторический аспект

В уралистике устоялось мнение, что суффикс инструменталю, как и суффикс инессива, восходит к прауральскому локативному суффиксу **-na/*-nä* [Основы 1974: 248–249; 1976: 144; Кондратьева 2011: 28–29; Rédei 1981: 279; Bartens 2000: 84–85; Csúcs 2005: 183–185; др.]. Высказывалась также гипотеза, согласно которой источником инструменталю мог быть генитив-инструктив [Itkonen 1966: 72] или генитив [Rédei 1981: 279; Rédei 1988: 382]. Локативное происхождение инструменталю подтверждается рядом известных фактов, прежде всего сходством структуры падежных суффиксов (VC): инессив *-ын*, инструменталь к. *-өн*, удм. *-эн/-ен*, *-ын*. Различная огласовка суффиксов объясняется сохранением особенностей вокализма непервого слога слов прапермского языка (подробнее см.: гл. 2, раздел 2.1). В этой связи уместно еще раз напомнить, что вариативные суффиксы инструменталю (*-эн/-ен*, *-ын*) сохраняются в современном удмурт-

ском языке. Суффиксы, различающиеся огласовкой, были характерны для древнекоми языка: суффикс инструменталя функционировал с огласовками *õ, ы, а*: *-õн, -ын, -ан*; суффикс инессива – с огласовками *ы, õ*: *-ын, -õн* [Лыткин 1952: 103]. Кроме того, инструменталь и инессив проявляют внутриязыковую и межъязыковую вариативность при выражении темпорального значения (темпоральная локализация) и предикативного признака. Частичное сходство морфологического выражения и семантики падежей поднимает вопрос о времени расщепления локатива на два отдельных падежа – инессив и инструменталь. В большинстве реконструкций субстантивного склонения прапермского языка инструменталь и инессив представлены самостоятельными падежами [Лыткин 1952: 105; Серебренников 1963: 83; Лыткин 1977: 26; Csúcs 2005: 184]. Р. Бартенц для прапермской падежной системы восстанавливает только локатив [Bartens 2000: 84]. По мнению Ш. Чуча, в прапермском языке инструменталь и инессив существенно не различались между собой ни по форме, ни по функции [Csúcs 2005: 184]. Описывая развитие инструменталя из локатива, Б. А. Серебренников отмечал, что инструментальное значение возникло на основе комитативного; семантическая эволюция протекала по следующему сценарию: местонахождение около предмета → рядом с предметом → с предметом [Серебренников 1963: 56–57]. Такое развитие семантики падежа возможно в случае, если локатив имел широкое пространственное значение, употреблялся не только для выражения локализации во внутренней зоне ориентира, что характерно для инессива современных пермских языков, но и для выражения неконтактных локализаций типа *anyd*. На основе значения неконтактной локализации развивается комитативное значение, на основе которого далее – инструментальное значение и расщепление многозначного падежа на два отдельных падежа. Нельзя исключить также связь комитативного значения со значением контактной локализации: сопостранственность и контактность осмысляются как совместность; нахождение в пределах ориентира одновременно предполагает совместность объекта с ориентиром. Возможность развития инструментального значения на основе комитативного подтверждают типологические исследования [Архипов 2005: 29–30; Stolz 1996: 39].

В семантическом развитии инструментал пермских языков можно выделить два основных направления: дифференциация функций инструментал и инессива, падежей, имеющих этимологически общий показатель, и дифференциация семантически связанных языковых единиц в коми языках – комитатива и инструментал. В коми языках инессив и инструментал морфологически самостоятельны, в удмуртском языке дифференциация их морфологического выражения до конца не завершилась. Допустимо предположить, что расщепление локатива на два отдельных падежа в диалектах прапермского языка протекало разными темпами, более быстрыми в протокоми диалектах. В современных пермских языках инессив и инструментал семантически самостоятельны, единичные случаи их варьирования, имеющие место в современных коми языках, следует объяснить влиянием русского языка. Семантическая дифференциация падежей к концу прапермского периода, скорее всего, в целом уже завершилась. Представляется, что к прапермскому периоду следует отнести также конкуренцию инструментал и прилагательного на *-а > кз. кп. -а, удм. -о. В современном удмуртском языке она проявляется в дифференциации ограниченной во времени и перманентной посессивности [Едыгарова 2010: 220], в коми-зырянском и коми-пермяцком (непоследовательно) языках – в распределении средств выражения комитативного значения по синтаксическим функциям: присубстантивное (прилагательное) / приглагольное употребление (инструментал) (подробнее см.: [Некрасова 1997: 27–31]). Несмотря на то, что семантические и дистрибутивные свойства прилагательного на кз. кп. -а, удм. -о в диалектах современных пермских языков не выявлены, поэтому вопрос о его функциональной значимости в прапермском языке не может быть решен однозначно, нельзя отрицать того факта, что свойства прапермского инструментал лучше сохраняются в удмуртском языке. Если принять во внимание предположение Б. А. Серебренникова, что исходно такое прилагательное употреблялось только при одушевленных существительных, а затем распространилось и на неодушевленные [Серебренников 1963: 175], то функциональное распределение инструментал и прилагательного, характерное для удмуртского языка, может быть экстраполировано на прапермский язык, по крайней мере на его протоудмуртские диа-

лекты. Б. А. Серебренников не исключает, что источником суффикса прилагательного мог быть падежный формант с комитативным значением [Серебренников 1963: 174].

Современные пермские языки демонстрируют неравномерное развитие семантики инструменталю, различие проявляется в выражении комитативного значения. В удмуртском языке инструменталь употребляется во всех типах комитативных конструкций. В коми языках выбор инструменталю и комитатива регулируется двумя факторами – одушевленностью/неодушевленностью и активностью/пассивностью. Инструменталь коми-пермяцкого языка проявляет значительное семантическое сходство с коми-зырянским инструменталем, что обусловлено наличием в языке комитатива, но спорадически употребляется в комитативном значении, а также при выражении социативного признака, сближаясь тем самым с удмуртским инструменталем. В связи с рассмотрением семантического развития пермского инструменталю интерес представляет предложенная Т. Штольцем схема, иллюстрирующая типичные этапы грамматикализации МПТ-показателей в различных языках мира [Stolz 1996: 39]:

КОМ [+ одуш] ► КОМ (INS) [\pm одуш] ► INS [- одуш] ► INS (КОМ) [\pm одуш] ► КОМ [+ одуш]

Согласно этой схеме, удмуртский инструменталь находится на втором этапе семантического развития, комитативное и инструментальное значения различаются по критерию одушевленности/неодушевленности. Инструменталь коми языков переходит на третью стадию, когда инструментальная функция уже доминирует. Устойчивому сохранению комитативного значения инструменталю в удмуртском языке способствует выражение одним маркером комитативного и инструментального значений в контактных языках – в марийском (послелог *дене* ‘у, около, с’) и татарском (послелог *белән* ‘с, вместе с, посредством, по’) [Коведяева 1978: 65; МарлаМутер; ТГ: 309]. Под влиянием тюркских языков в удмуртском языке развилось морфологическое оформление компонентов сочиненной именной группы, контактное влияние усматривается также в развитии значений времени, совместности, причины и материала [Тараканов 1998: 201; Веке 1914–1915: 43–61]. Однако в развитии комитативного, темпорального и причинного значений воздействие контактных языков видится несколько сомнительным, более вероятным представляется сохранение

прапермских особенностей падежа, так как комитативное и причинное значения присущи и инструментально коми языков. Что касается значения материала, то в коми языке инструменталом выражается только значение вспомогательного материала, в удмуртском языке, подобно марийскому, он может выражать значение материала изготовления вообще, ср. мр. *кермыч дене ыштыме* ‘сделан из кирпича’; *муш дене пунымо* ‘свитый из пеньки’; *писте дене ышташ* ‘сделать из липы’ (МарлаМутер).

Специфические черты инструменталю, характерные только для коми языков, находят параллели в русском языке. В истории русского языка творительный падеж широко использовался для выражения значений меры стоимости (*этот стул рублем дороже того*) и срока действия (*Одним днем не сделать*) [Михайлов 2012: 231, 244], последнее сохраняется в севернорусских говорах, ср. *Днём окно делал*. КАРГ. Лдн. *А кашляйеи, дак уи не днём остановицца, это пока перекашляеи*. ШЕНК. ЯГ. [АОС 2001: 28]. Семантическая структура и употребление инструменталю в коми языках претерпевают определенные изменения под воздействием русского языка, что проявляется в спорадической замене инструменталю в значении средства речемыслительного действия, средства передвижения и способа осуществления действия послелогом *вылын* ‘на’, в значении обменного эквивалента (объект обмена) – послелогом *вылӧ* ‘на’, в значении объекта одевания – иллативом, а также в развитии пространственного значения и новой формы именного сказуемого. Что касается значения обменного эквивалента, то в коми-зырянском языке инструменталю в этом значении был вытеснен элативом, скорее всего, под влиянием прибалтийско-финских языков (подробнее см.: гл. 4, раздел 4.4). Учитывая результаты типологических исследований, представляется возможным, что значение субъекта каузируемого действия могло развиваться на основе комитативного. А. В. Архипов отмечает, что «наличие двух агентивных участников (которые могут различаться по некоторым другим признакам, ролевым или коммуникативным) составляет возможное общее основание для объединения функций комитатива и каузатива» [Архипов 2005: 159]. Согласно обобщениям Б. Комри, выбор падежа каузируемого участника зависит от того, в какой степени этот участник сохраняет свойство контроля. Ученый

формулирует взаимосвязь между степенью контроля каузируемого участника над ситуацией и средством его оформления в виде иерархии «инструменталис > датив > аккузатив», при этом степень контроля каузируемого участника над каузируемой ситуацией уменьшается слева направо [Comrie 1981: 174]. Возможно, что выбор инструментальности и датива при оформлении субъекта каузируемого действия в отдельных коми диалектах регулировался определенными семантическими параметрами, но в настоящее время выбор падежа, скорее всего, уже ничем не мотивируется, более того, в речи молодого поколения инструментальность в этом значении уже не представлен.

На фоне родственных языков синкретизм выражения комитативного и инструментального значений наблюдается в ливском, мансийском, хантыйском (инструментальность), эстонском (комитатив), венгерском (социатив) языках, вместе с тем имеются языки, в которых комитативное и инструментальное значения покрываются несколькими показателями. Так, в мордовских языках значения инструментальной зоны передаются инессивом, комитативные значения – послелогом *марто* ‘с’ и суффиксом *-нек/-нэк*, в финском языке инструментальное значение выражается адессивом, комитативное – послелогом *kanssa* ‘с’. В диалектах хантыйского языка параллельно функционируют два инструментальных падежа: инструменталис-комитатив и инструменталис-объектив [Мырина 2006: 11–13]. Инструментальные (комитативные) падежи (послелогии) в финно-угорских языках различаются спектром комитативных/инструментальных значений (см.: [Терешкин 1961: 51–52; Керт 1971: 163–164; ГМЯ: 166–168; Рягов 1977: 64–65, 92, 94; Коведяева 1978: 64–65; Зайцева 1981б: 123–129; Тужаров 1987: 89; Зайков 1999: 46; Halling 1998]), они выражают типологически распространенные, характерные для инструментальности / комитативности значения (значения инструмента, средства передвижения, агенса в активной и пассивной конструкциях, источника, обладателя, стандарта сравнения, адресата, образа действия, средства, причины, времени и др.) (о типологии семантики комитативности/инструментальности см.: [Архипов 2005: 150–169; Narrog, Ito 2007]).

К редким чертам пермских языков на фоне родственных языков можно отнести значения субъекта каузируемого действия (коми-зырянские диалекты) и материала (удмуртский язык).

3.8. Семантическая структура комитатива

3.8.1. Межъязыковые сходства

В современных коми языках комитатив выражает ряд значений, содержащих идею совместности.

1. Активный соучастник ситуации (CO-OPERATIVE). Комитативная ситуация предполагает наличие двух и более участников действия, которые одинаково активно участвуют в ситуации:

кз. *Арбыд пӧлыс менам вӧраліс Тяныдкӧд*. (Торопов 1982: 119) ‘Целую осень мой дедушка охотился с Тяном’.

кп. *Тима воныскӧт ӧтлаын вӧраліс кык неделя*. (Баталов) ‘Тима вместе с братом охотился две недели’.

В конструкциях, в которых употребляется комитативная группа с личным местоимением множественного числа, референт комитатива включен в референт местоимения. Комитативом уточняется второй участник действия:

кз. – *Но молодец! – Ошкышитіс ыджыд вокыс, – Ӧні вай петавлы васыс, а то лӧзӧдӧмыд нин. А ми Шуриккӧд гудйысьыштам*. (Торопов 1982: 12) ‘– Ну молодец! – похвалил [его] старший брат. – Теперь давай выйди ненадолго из воды, а то уж посинел. А мы с Шуриком покопаем’.

кп. *Мийӧ Архипкаыскӧт керку крыша улӧ дзевсимӧ*. (Баталов) ‘Мы с Архипкой спрятались под крышей дома’.

2. Обязательный соучастник действия (RECIPROCAL). Как отмечалось выше, обязательного введения второго участника требуют симметричные глаголы, обозначающие взаимность действия (глаголы речи, борьбы, встречи и др.). Участник ситуации может быть одушевленным и неодушевленным (в метафорических контекстах):

кз. *Эжва нӧрысын сулалысь ныв Лӧмкӧд, донакӧд, вапкӧдчӧ, кылӧ*. (А. Некрасов (Гамса) 1998: 13) ‘Слышно, как стоящая на высоком берегу Вычегды девушка шепчется с черемухой, с дорогой’; *Аддзӧдчывны батькӧд-мамкӧд, Чужанінкӧд – муса Гамкӧд Меным вывті ёна колӧ, Да и муслунӧй сэн олӧ*. (А. Некрасов (Гамса) 1998: 12) ‘Встретиться со своими родителями, Со своей родиной – с любимым Гамом мне очень хочется, Да и там живет моя любовь’.

кп. *Варя эз тӧд, кыз эшӧ мамыскӧт баитны, мый керны, медбы сія вежӧртіс нывсӧ*. (Баталов 1990: 54) ‘Варя не знала, как еще го-

ворить с матерью, что делать, чтобы она поняла свою дочь'; *Деревня бокись вөр дорын Егорок прощайтчис соседдэзкөт, а райцентрын – и Аннакөт*. (Баталов 1990: 139) 'Возле опушки леса около деревни Егорка попрощался с соседями, а в райцентре – и с Анной'.

3. Сопровождаемый участник ситуации (ACTIVE COMPANION / HUMAN COMPANION). Один из участников ситуации обладает большим контролем над ситуацией:

кз. *1939 вося март төлысьын Выборов актриса-гөтырыскөд да пиыскөд локтис Изьваё*. (Н. Митюшева, Н. Хатанзейский) 'В марте 1939 г. Выборов с женой-актрисой и сыном приехали в Ижму'; *Пи менам гөтырыскөд Питирё лөсьөдчө мунны*. (Г. Федоров) 'Мой сын со своей женой собирается ехать в Санкт-Петербург'.

кп. *Саймис Иван, иньдөтчисө нывкакөт туйё*. (Оласё: 78) 'Проснулся Иван, отправились с девушкой в путь'; *Пестерин кык офицеркөт пырис Авдей ордё*. (Баталов) 'Пестерин вместе с двумя офицерами зашел к Авдею'.

4. Пассивный комитативный участник (нелицо) (PASSIVE COMPANION / ANIMATE COMPANION). Один из участников ситуации полностью контролирует другого участника:

кз. *Детинка понийыскөд мөдөдчисны сиктлань*. (Е. Козлова) 'Мальчишка вместе с собакой направился в сторону села'; *Ми Лыско понкөд кайим Ертым ю сайё көчасьны*. (А. Некрасов) 'Мы с собакой Лыско поехали за реку Ертым охотиться на зайцев'.

кп. *Тима поныскөт дыр ветлөтлис вөрөт*. 'Тима с собакой долго бродил по лесу'.

5. Значение посредника осуществления действия (HUMAN INSTRUMENT). В данном значении идея совместности проявляется опосредованно: основной участник ситуации предопределяет действие, фактическим исполнителем которого является второстепенный участник, тем самым он приобретает добавочный оттенок средства:

кз. *Ёртъяскөд ысті юөр Лилялы, мед оз виччысь менё*. (Ю. Васютов) 'Через друзей я передал Лиле, чтобы она меня не ждала'.

кп. *Көдакөт юөрсө иньдасө, сия комиэс дынөдз оз ешты локны: көиннэз сёясө*. (Оласё: 245) 'Тот, с кем отправили сообщение, не сможет дойти до народа коми: волки съели'.

6. Тематив. При глаголах *лоны* ‘происходить, случаться, приключаться’, *вӧчны* ‘делать’ комитатив выражает одушевленного участника, связанного с описываемой ситуацией:

кз. *Но ӧтчыд, тадзисӧ сӕйӧм бӧрын, мыйкӧ друг лоис мян ичӧт воккӧд, Шуриккӧд.* (И. Торопов) ‘Но однажды, после такой еды, вдруг что-то случилось с нашим младшим братом, с Шуриком’.

кп. *Тэ юалан, мый сы бӧрын Пера-богатыркӧт лоис?* (Оласӧ: 272) ‘Ты спрашиваешь, что после этого стало с Пера-богатырем?’

7. Значение ограничения признака. При адъективных предикатах комитатив указывает на лицо, являющееся объектом пространства признака. Идея совместности в данном случае проявляется как отношение субъекта действия с другими участниками ситуации:

кз. *Серамбан чужӧма Зарань Быдӧнкӧд мелі да варов.* (Лыткин: 82) ‘Улыбающаяся Зарань Со всеми любезна и приветлива’; *Мамук мянкӧд мелі, варов, быдтор сиктса вьльторьястӧ юасяс.* (Курадова: 49) ‘Мамочка с нами ласкова, разговорчива, про все сельские новости расспросит’.

кп. *Тима микӧт ӧддӧн бур.* ‘Тима с нами в очень хороших отношениях’.

8. Значение стандарта сравнения. При глаголах сравнения, а также при предикативных прилагательных со значением равенства признака (*ӧттиӧтшигья* ‘одного возраста’, *ӧткодь* ‘одинаковый’, *ӧткыза* ‘одной толщины’) комитатив выражает значение стандарта сравнения, которому функционально уподобляется или с которым сопоставляется участник ситуации:

кз. *Пӧтап никӧд асьтӧ ӧткодялан! – век на бызгис Тикӧн.* (В. Безносиков) ‘Сравниваешь себя с сыном Потапа! – все еще шумел Тихон’; *Сійӧ ӧд важ вичкокӧд ӧттиӧтшигья нин.* (КМС: 238) ‘Он ведь со старой церковью одного возраста’.

кп. *Лобозниккӧт да зутурункӧт, кӧднӧ ваялісӧ куканнезлӧ ой кежас, сувтӧтны ордчӧн зӧранькытисӧ эз позь.* (Фадеев 1989: 289) ‘С лабазником и короставником, что привозили на ночь телятам, нельзя сравнить горохо-овсяную смесь’; *Косокыс голяыскӧт ӧткыза.* (А. Ермаков) (Парма шы: 395) ‘Ее талия и шея одинаковой толщины’; *Камаас усьӧ сыкӧт ӧтпасьта, а может, и ӧтпыдына ю Весляна.*

(В. Баталов) (Парма шы: 130) ‘В Каму впадает одинаковой ширины с ней, а, может быть, и одинаковой глубины река Весляна’.

9. Пространственное значение. Комитатив при словах со значением соположения: кз. *орччён*, кп. *ордчён* ‘рядом с’, *отлаын* ‘вместе’, кз. *орчча*, кп. *ордча* ‘соседний, находящийся рядом’ может указывать на ориентир, по отношению к которому совместно расположен или в сторону которого направлен объект:

кз. *Библиотекаыс клубкөд орччён*. (Безносилов 1985: 69) ‘Библиотека рядом с клубом’.

кп. *Менам Илья дедё <...> мунёма горт вөрө, көда Кудымкарыскөт ордчён, а петёма Пожва дынө*. (Оласё: 320) ‘Мой дед Илья <...> пошел в ближайший лес, который рядом с Кудымкаром, а вышел к Пожве’; *Ордчён часовняыскөт чочкоммес гарйисё лымас непыдын окоппез, гуддисисё, кыз йикиын воробейез*. (Баталов 1990: 115) ‘Рядом с часовней белые выкопали в снегу небольшие окопы, копались как воробьи в мякине’.

В выском, верхневыхегодском, коми-пермяцких диалектах комитатив может употребляться с послелогоми кз. *паныд*, кп. *паныт*, кз. *воча* (*водзча*) ‘навстречу’, которые указывают на направление движения или изменение положения объекта в пространстве в сторону ориентира:

кз. вым. (С.) *Чэл'ад' пышйисны мамныскөд водзча*. ‘Дети побежали навстречу матери’ [ВД: 66]; вв. *Педөр Киронёй, роч му кутысьёй, Роч багатырёй! Тэнё нө вед корёны Гымкөд воча, Чардкөд паныд*. (КМС: 190) ‘Федор Кирон, защитник русской земли, русский богатырь! Тебя ведь зовут сражаться против Грома, против Молнии’.

кп. *Машинаын бёра Давидкөт паныт пукалө Миколыс*. (Федосеев 1989: 76) ‘В машине напротив Давида опять сидел Микола’.

В большинстве коми диалектов в таких контекстах употребляется датив (см.: гл. 3, раздел 3.5).

10. Темпоральное значение. Комитатив употребляется при указании на ситуацию, с наступлением которой (= совместно с которой) совершается действие:

кз. *Сөмын вой шёр бёрын первой петук шыяскөд локтө сійö* [Микол] *рытйысянінысь*. (Доронин: 14) ‘Только после полуночи с первыми петушиными криками он [Николай] приходит с посиде-

лок’; *Kodi кыаккӧд чеччӧ, сьлӧн олӧмыс судзсьӧ.* (КМС: 219) ‘Кто с зарей встает, у того жизнь удается’.

В вымском, нижневыхегодском и верхневыхегодском диалектах именная группа в комитативе с послелогоми кз. *паныд*, кп. *паныт*, кз. *воча* (*водзча*) ‘навстречу’ употребляется для указания на предшествующий событию период времени:

кз. вым. (Онеж.) *Пэ́кн'ичакӧд водзча томансӧ жугӧдисны бан'кас'ыс.* ‘Накануне Пятницы (название церковного праздника) в баньке сломали замок’ [ВД: 66]; <...> *тайӧ каднас Демитлы кажитчӧ муннысӧ некытчӧ: шондӧыс нин лэччӧма дай талун празниккӧд паныд.* (Доронин: 92) ‘<...> в это время Демиду казалось идти некуда: солнце уже спустилось, да и канун праздника сегодня’.

3.8.2. Межъязыковые различия

В ряде коми-зырянских диалектов комитатив вторгается в семантическую зону инструментала.

1. Совместный объект (COMBINATION). В удорском диалекте комитатив указывает на предмет, сосуществующий с объектом действия:

кз. уд. (Лат.) *Ме кос н'ан'кӧт тиайсӧ йуа.* ‘Я с сухарями чай буду пить’ [Сорвачева 1972: 234]; (Разг.) *Выйкӧт иг жарит чэрисӧ.* ‘На масле не жарил рыбу’ [Сорвачева 1972: 233].

2. Значение обменного эквивалента. В вымском, удорском и печорском диалектах комитатив используется для указания на один из объектов обмена, получаемого или отдаваемого. Ситуация обмена предполагает множественность участников, совершающих совместное действие, а также соответствие объектов обмена друг другу:

кз. печ. (Тр. Печ.) – *Сене-кане, кытсьӧ ветлін? – Енмӧ кайлі. – Мый нӧ сетісны? – Эзысь чашаӧн вина. Вӧлкӧд вежи, мӧскӧд вежи, куканькӧд вежи, черкӧд вежи.* (ОКЗР: 296) ‘– Сеня-каня, куда ходил? – К богу ходил. – Что дали? – Вино в серебряной чарке. Променял на коня, променял на корову, променял на теленка, променял на топор’; уд. (Чупр.) *Мэ пыжӧс вэжи мӧскӧт.* ‘Я лодку обменял на корову’ [Сорвачева 1972: 234]; вым. (Онеж.) *Кукан' колӧ бос'тны, да д'эн'гаӧ абу, н'ан'ӧкӧд лоӧ вэжны.* ‘Надо купить теленка, но денег нет, придется на хлеб выменять’ [ВД: 66].

3. Субъект каузируемого действия. В присыктывкарском и лузско-летском диалектах комитатив параллельно с инструменталем употребляется для обозначения субъекта каузируемого действия при понудительных глаголах:

кз. скр. (В.) *Тайё джодждёрасё Карпё Аннакёд кыёдди*. ‘Этот половик соткала Анна Карповна’; *Плат'т'э вурёди Вас'ка Палёкёд*. ‘Платье я пошила у Пелагеи Васильевны’ [ПСД: 66]; лл. (Зан.) *Ус'т'а Кол'акыд кёз'аин вёчёдлис трубасё*. ‘Трубу по просьбе хозяина (мужа) сделал Коля, сын Устины’ [ЛЛД: 46].

3.8.3. Сравнительно-исторический аспект

Выдвинутые в отношении источника суффикса комитатива гипотезы можно свести к двум наиболее общим:

1) суффикс комитатива имеет составной характер. Он сформировался в результате слияния двух языковых единиц, которыми могли быть: а) основа послелого, этимологически связанная с марийским суффиксом комитатива, и суффикс просекутива [Wichmann 1923–1924: 152–153]; б) формант *-ke* и локативный суффикс *-t* [Серебренников 1963: 84]; в) усилительно-присоединительная частица, тождественная с элементом *k-* в составе ф. *-kin* ‘и’, и частица *-t/-d*, тождественная с мр. *-t/-at* [Серебренников 1968: 258–259];

2) суффикс восходит к полнозначному слову, этимологически связанному: 1) с ф. *kunta* ‘община’, вен. *had* ‘семья’, саам. *godde* ‘вместе’, мс. *χont* ‘отряд’ [Лыткин 1995: 37; Budenz 1873–1881: 65–66]; 2) с порядковым числительным к. *kikēd* ‘второй’ [Fokos-Fuchs 1966: 78–79]; 3) с мдМ. *kod'ama* ‘подобный’, к. *kod'*, *kojd* ‘подобно’ (Х. Паасонен) [Майтинская 1979: 110–111].

В работах последних лет не отдается предпочтение какому-то одному из имеющихся гипотез [Rédei 1988: 383; Bartens 2000: 89–90; Csúcs 2005: 193–194]. К. Редей допускает возможность развития суффикса по сценарию, предложенному Ю. Вихманном и Й. Буденцом [Rédei 1988: 383], Р. Бартенс отдает предпочтение гипотезам Ю. Вихманна и Д. Фокош-Фукса [Bartens 2000: 89–90]. Ш. Чуч считает недостаточно убедительным объяснение как Ю. Вихманна, так и Й. Буденца. Если принять гипотезу Ю. Вихманна, то в прапермском языке должен был функционировать послелог с комитативной функцией,

однако суффикс просекутива возник только в пракоми период. Если верна теория Й. Буденца, то комитативная функция суффикса развилась только в коми языке [Csúcs 2005: 193–194]. Таким образом, на сегодняшний день нет вполне исчерпывающих доказательств как в подтверждение гипотезы о суффиксальном происхождении маркера комитатива, так и в пользу агглютинации послелого. По этой причине вопрос представляется далеко нерешенным и требующим дополнительного, отдельного изучения. Оба предположения не исключают друг друга в плане развития семантики суффикса: предполагаемый источник имел комитативное (социативное) значение. Однако, если проследить фонетические изменения послелого, основа которого должна восходить, по крайней мере, к прафинно-угорскому языковому состоянию и этимологически была связана с лексемами ф. *kunta* ‘община’, вен. *had* ‘семья’, саам. *godde* ‘вместе’, мс. *χont* ‘отряд’, то в результате деназализации содержащегося в структуре послелого сочетания согласных *-nt-* (данный процесс коснулся сочетания назальных со смычными/аффрикатами [Лыткин 1957: 90–92; Основы 1976: 138–139; Тепляшина 1978: 288–291; Кельмаков 2003: 222–223; др.]) должен был появиться звонкий консонант *d*, который представлен в ауслaute суффикса в большинстве зырянских диалектов. В этом случае осталось бы необъяснимым наличие глухого коррелята в суффиксе комитатива, что имеет место в коми-пермяцком языке и удорском диалекте, а также в суффиксе *-кõти-* усилительно-личного местоимения *ас-кõти-ыс-кõд*, зафиксированного в вымском диалекте. Отдавать решительное предпочтение какой-либо одной из имеющихся на сегодняшний день гипотез относительно происхождения комитатива было бы неоправданным, но все же допустимым представляется предположение Ю. Вихманна при всей его дискуссионности.

Семантическая структура комитатива в диалектах не имеет значительных различий, большинство значений падежа являются общекоми. Ареал распространения отдельных значений ограничивается одним или группой диалектов: прерывистую изоглоссу имеет значение субъекта каузируемого действия (присыктывкарский и лузско-летский диалекты), изоглосса значения обменного эквивалента объединяет вымский, удорский и печорский диалекты, значение

совместного объекта зафиксировано только в удорском диалекте, при этом в каждом из этих случаев комитатив конкурирует с инструментом. При параллельном употреблении комитатива и датива в сочетании с послелогом *паныд, воца* ‘навстречу’ имеет место различное осмысление ситуации. Комитатив используется для описания совместного соположения участников друг относительно друга, датив – для описания пространственной (темпоральной) характеристики. В настоящее время наблюдается тенденция к расширению сферы употребления комитатива с неодушевленными существительными под влиянием русского языка.

За пределами группы пермских языков комитатив представлен в прибалтийско-финских (финском, карельском, вепском, эстонском, ливском, водском), саамском, марийском, эрзянском языках [Керт 1971: 163–164; Рягоев 1977: 64–65; Зайцева 1981б: 123–129; Тужаров 1987: 89; Зайков 1999: 46; Мосина 2013: 107]. Наиболее развита семантика комитатива в эстонском и саамском языках, который совмещает значения семантической зоны комитатива и инструменталя, как и инструменталь удмуртского языка.

Редкой чертой коми языка на фоне родственных языков является лексическое ограничение комитатива на его сочетаемость с неодушевленными существительными.

3.9. Семантическая структура консекутива

Консекутив имеет только два значения – цели и причины действия. В значении цели этот падеж употребляется в зырянских и северных коми-пермяцких диалектах, в значении причины он не зафиксирован в вымском и нижневычегодском диалектах [ВД: 66; НВД: 40], а также в коми-пермяцком языке.

1. Значение цели действия. Для выражения цели действия в форме консекутива употребляются преимущественно конкретные одушевленные и неодушевленные существительные, редко абстрактные существительные:

кз. *Ӧтчыд сійӧс да нӧшта кык зонмӧс ытісны колхозсяньыс карӧ куканясла.* (Юшков 1979а: 70) ‘Однажды его и еще двух парней послали от колхоза в город за телятами’; *Вот босьтіс Иван чер да гез и мунӧ несла.* (КМС: 40) ‘Вот взял Иван топор и веревку и идет за дровами’.

кп. *Мунисö невестазла воннэс ылö-ылö*. (Оласö: 70) ‘Отправились братья за невестами далеко-далеко’; *Таисья петкötис пытшикись посöдзись гоз ведра да коромысла, иньдöтчис öшымöс дорö вала*. (Фадеев 1989: 24) ‘Таисия вынесла из сеней два ведра и коромысло, направилась к колодцу за водой’.

В современных южных коми-пермяцких диалектах консекутив не представлен, однако единичные примеры можно обнаружить в ранних письменных источниках, язык которых близок к современному кудымкарско-иньвенскому диалекту:

кп. <...> *ведз отирöс сёянва*. (РассказыНЗ 1900: 21) ‘<...> отпусти людей за едой’; *Ме муні вöвва*. ‘Я ушел за лошадью’ [Рогов 1860: 143].

В удорском, ижемском и верхневычегодском диалектах консекутив при выражении значения цели варьирует с иллативом (см.: гл. 4, раздел 4.3), в северо-западных диалектах – с послелогом *дорö (динö)* ‘к’:

уд. (Важ.) *Корла ветлыны* ‘Сходить за ветками’ [Сорвачева 1972: 252]; (Гл.) *Вотыс дорö мунны* ‘Идти за ягодами’ [ССКЗД: 111].

В южных коми-пермяцких диалектах соответствием консекутиву является датив, в удмуртском языке – датив, послелогои *понна* и *дуре* ‘к, на, по; за’ (см. гл. 3, раздел 3.5).

2. Значение причины. Для выражения значения причины в форме консекутива употребляются существительные, обозначающие эмоциональное состояние (*радысла, нимкодъысла* ‘от радости’, *чуймöмла* ‘от удивления’, *виччысьтöмла* ‘от неожиданности’, *гажтöмла* ‘от скуки’), явление природы и состояние окружающей среды (*кöдзыдла* ‘от, из-за холода’, *пемыдла* ‘от темноты’, *зэрысла* ‘из-за дождя’), действие (*лэбалöмла* ‘из-за полета’, *велöдчöмла* ‘из-за учебы’), редко конкретные неодушевленные существительные:

кз. *Найö, пемыдысла сера чужöмаöсь, повзьöмön видзöдiсны Микит ылö*. (Юхнин 1973: 106) ‘Они с испугом смотрели на Николая, из-за темноты их лица были узорчатыми’; кз. <...> *а сэсся шогысла мöдiс юны*. (Юхнин 1983: 14) ‘<...> а потом от горя он начал пить’; *Мортыс нöбысла оз тыдав*. (КЛП: 54) ‘Из-за вязанки не видно человека’.

В современном коми языке основными средствами выражения причины в именных конструкциях являются элатив, консекутив и послелогои *понда* и *вöсна*. По семантическим параметрам наблюда-

ется следующее распределение причинных показателей: консеккутив употребляется для выражения объективной и субъективной внутренней непосредственной причины; элатив – для выражения объективной внешней непосредственной причины; послелогои – для выражения объективной внешней и внутренней опосредованной причины. В табл. 37 продемонстрирована частотность употребления некоторых именных причинных конструкций в ККЯ (дата обращения: 19.06.2016).

Таблица 37

*Частотность употребления средств выражения причины
в коми-зырянском языке*

Существительное	Консеккутив	Элатив	Послелог <i>вöсна</i>	Послелог <i>понда</i>
<i>Повзьём</i> ‘испуг’	473	15	6	–
<i>Шог</i> ‘горе’	306	57	12	–
<i>Кöдыд</i> ‘холод’	191	82	23	–
<i>Виччысьтём</i> ‘неожиданность’	151	5	1	–
<i>Дыш</i> ‘лень’	37	2	1	3
Всего	1158	161	43	3

В коми-пермяцком языке, как отмечалось выше, консеккутив в значении причины не употребляется. Обращают на себя внимание варианты вопросительного местоимения со значением ‘зачем, почему’, представленные в ранних письменных источниках: *мыйвö*, *мыйва* и *мыля* (<*мый-ла*) [Евангелие 1882; РассказыНЗ 1900; РассказыВЗ 1900]. Суффиксы *-ва* и *-ля*, содержащиеся в составе этих местоимений, восходят к суффиксу *-ла*. Местоимение *мыля* ‘почему, отчего’ функционирует в современных северных и южных коми-пермяцких диалектах:

кп. коч. *Мыля нö эн локлы?* ‘Почему же [ты] не приходила?’, оньк. *Ошыс лöгалö, пианнэсö вартö, мыля пырöнö мортыс дынö?* ‘Медведь злится, бьет своих детенышей за то, что [они] подходят к человеку’ [Баталова 1975: 242, 237–238].

Сравнительно-исторический аспект

Согласно устоявшейся в пермистике гипотезе, консеккутив развился в результате расщепления прапермского аллатива. Как было уже

отмечено выше, суффикс аллатива сформировался при слиянии словообразовательного суффикса **-l* и лативного суффикса **-k* [Серебренников 1963: 49; Основы 1976: 149; Лыткин 1977: 24; Wichmann 1923–1924: 161; Rédei 1988: 383; Bartens 2000: 88; др.]. Б. А. Серебренников полагал, что «первоначальное *Muna pesla* ‘Иду (еду) по направлению к дровам’ могло быть в дальнейшем легко переосмыслено в ‘Еду за дровами (т. е. чтобы привезти дрова)’» [Серебренников 1963: 49]. По мнению Ш. Чуча, суффикс аллатива-дativa **-lek* после отпадения конечного согласного был представлен в трех вариантах **-le / *-le / *-la*, которые различались огласовкой. Варианты грамматических морфем, как правило, не сохраняются долго, так как они повышают избыточность, затрудняющую коммуникацию. Поэтому язык склонен к избавлению от вариантов либо путем вытеснения одних вариантов другими (как это произошло в удмуртском языке, где форма *-li* сохранилась как падежный суффикс, форма *-la* ограничена наречиями, форма *-le* полностью исчезла), либо путем распределения функций между различными вариантами (так произошло в территориальных разновидностях коми языка, где функция цели закрепились за формой *-la*, что обеспечило ее сохранение в качестве падежного форманта) [Csúcs 2005: 181]. Расщепление аллатива на два отдельных падежа, начавшееся в протокоми диалектах прапермского языка, завершилось в пракоми языке [Bartens 1993: 24; Csúcs 2005: 181]. Зафиксированные в южнокоми-пермяцких письменных источниках единичные примеры в консекutive, а также функционирование в коми-зырянском языке вариантов *тиыглы* и *тиыгла* ‘сголоду, от голода’ свидетельствуют о продолжительной конкуренции между вариативными суффиксами. Формирование консектива можно связать с действием фактора одушевленности. Между тем остается необъяснимым вопрос, почему самостоятельное морфологическое выражение получили только значения цели и причины? Представляется, что после разделения аллатива на два отдельных падежа суффикс *-la* мог употребляться еще в пространственном значении, о чем свидетельствуют конструкции с послелогом кз. кп. *дорӧ* ‘к’, удм. *пала* ‘к’ (см. гл. 1, раздел 1.2.1). В этой связи стоит обратить внимание на вариативные наречия удорского диалекта *бӧр-ла*, *бӧр-лань*, *бӧр-ань*, *бӧр-а* ‘снова, опять’ [УД: 86], демонстрирующие в своем составе суффиксы

разных по времени происхождения и функционирования лативных падежей: аппроксиматива (-лань), иллатива (-а), утраченного пермскими языками латива (-ань < *-п'), а также консекутива (-ла), которые в данном контексте изначально имели пространственное значение.

Специальный падеж для выражения финально-каузальных отношений в языках мира встречается довольно редко. В финно-угорских языках такой падеж, кроме как в коми, есть в венгерском языке (каузалис-финалис). В парадигме основного склонения мокшамордовского языка, а также в северо-западном и горном наречиях марийского языка имеется каузатив [Майтинская 1955а: 140; Тужаров 1984; ГМЯ: 178]. В каждом из языков причинный падеж является поздним образованием, восходящим к периоду самостоятельного развития языков (о происхождении суффиксов падежей см.: [Майтинская 1979: 134–135]). Для финно-угорских языков характерно выражение значения причины элативно-аблативными падежами [ГМЯ: 164, 171, 177; ГСУЯ 1962: 97, 99, 103; ГФЯ: 81, 84–85, 90; КПЯ: 192; СМЯ: 65; 134, 143, 150; Майтинская 1955а: 140, 141, 138; 1960: 180–182; Хакулинен 1955: 207, 213; Баталова 1975: 147, 151–152; Коведяева 1978: 131; Зайцева 1981а: 181,182; Зайцева 1981б: 100, 106], что является типологически распространенным явлением и связано с осмыслением причины как источника ситуации [Ганенков 2005: 186–187]. Значение цели передается преимущественно единицами лативного характера, направленность к пространственному ориентиру осмысляется как цель движения. В прибалтийско-финских и мордовских языках, в диалектах коми языка таким средством является иллатив, в диалектах прибалтийско-финских языков – аллатив, в мансийском и хантыйском языках – латив, в пермских и марийском языках – лативные послелогои (подробнее см.: [Некрасова 2008]). Следует отметить, что в языках мира значения цели и причины действия часто выражаются одной и той же грамматической единицей.

3.10. Семантическая структура компаратива

Функционально-семантические свойства компаратива в коми-пермяцком и коми-зырянском языках совпадают. Он употребляется для выражения сравнительного и выделительного значений.

1. Сравнительное значение. Показателем компаратива маркируется стандарт сравнения в конструкциях сравнения неравенства, т. е. в конструкциях, в которых описывается различная степень проявления признака объекта и стандарта сравнения. Частотны конструкции, в которых сопоставляются внешние или внутренние характеристики объекта и стандарта сравнения:

кз. *А сійӧ, ошкӧс муртса на чергӧдысь Сергей Огнёв, воча видзӧдіс ичмонь вылӧ, кодӧ вӧлі медся том **нивсяыс** на том да мича.* (И. Торопов) ‘А он, только что заваливший медведя Сергей Огнев, смотрел на женщину, которая была еще моложе и красивее самой молодой девушки’.

кп. *Быдӧс [посёлоккез] ня томӧсь, нельки унаӧн томжыкӧсь **челядысья**, но ыджытӧсь и басӧкӧсь – школазӧн, магазиннэзӧн, клубезӧн.* (В. Баталов) (Парма шы: 130) ‘Все [поселки] молодые, даже намного моложе детей [проживающих в них], но большие и красивые – со школами, магазинами, клубами’.

При сопоставлении ситуации стандарт сравнения выражен отглагольным существительным с суффиксом *-ӧм*, объект сравнения – глагольной формой:

кз. *Перйӧ табак кӧшельсӧ, гартӧ чигарка [Салдат Иван]. Сёйӧмсяыс на чӧскыдджыка куритчӧ.* (Торопов 1976: 79) ‘[Салдат Иван] достает кошель с табаком, крутит сигару. Для него курение приятнее, чем принимать пищу’.

При сравнении темпоральных отношений показатель падежа присоединяется к существительным, обозначающим промежутки времени:

кз. *А сэсса и воча вок гозья тані олісны <...>, буракӧ, кызь **восяыс** на дыр.* (И. Торопов) ‘А потом и двоюродный брат с семьей здесь жил <...>, скорее всего, более двадцати лет’.

кп. *Чулаліс годся унажык ни, кыздз Светлана уджаліс главнӧй зоотехникӧн горт колхозын.* (Фадеев 1989: 201) ‘Прошло уже более года, как Светлана работала главным зоотехником в родном колхозе’.

При сравнении количественных отношений суффиксом компаратива оформляются существительные, выражающие количественные отношения, а также числительные:

кз. *Ведра **дассяыд**, дерт, кӧнкӧ, унджык овлӧ.* (И. Торопов) ‘Конечно, бывает где-то более десяти ведер’.

кп. *Вөрмös дынödз кольччис не унажык тридцать метрася.* (В. Баталов) (Парма шы: 131) ‘До лося оставалось не более тридцати метров’; *Мунаныс покос вылödдзас не дженыт – веськыта вöррезöt дас километрася унажык.* (А. Ермаков) (Парма шы: 400) ‘Путь до покоса долгий – прямо по лесу более десяти километров’.

2. Выделительное значение. В коми-пермяцком языке, а также в верхнесысольском диалекте и лузских говорах компаратив используется для выражения значений исключения и добавления участника ситуации, который выделяется на фоне других участников. В основе формирования этого значения лежит сравнительное: исходный предмет сравнения выделяется из числа других предметов.

2.1. Значение исключения. В конструкции, содержащей глагол с отрицанием и/или отрицательное местоимение (*нем* ‘ничто’, *некин* ‘никто’), компаратив используется для выражения участника, который исключается из множества других участников ситуации. В таких конструкциях действие (состояние) выделенного участника противопоставляется действию (состоянию) множества участников:

кз. вс. (Кг.) *Талун мэнам н'эн'с'а н'эмтор абы.* ‘Сегодня, кроме хлеба, у меня ничего нет’ [ВСД: 72]; лл. (Ч.) *Öтиг сочс'а мэнам сэс'с'а н'экод абы.* ‘Кроме одной сестры, у меня больше никого нет’ [ЛЛД: 37].

кп. *Но эд ваяя да черися котёлокас нем эз вöв.* (Баталов) ‘Но ведь, кроме воды и рыбы, в котелке ничего не было’; *Öтпырысь шойччисьöмся кад мужиккезлö сэссия эз петав.* (Фадеев 1989: 283) ‘Кроме одного перерыва, у мужчин не было времени отдохнуть’; <...> *ötik обезьяннöй любопытствося и казавнытö вöли нем.* (Фадеев 1989: 195) ‘<...> кроме одного обезьяньего любопытства, он ничем не отличался’; *Бöртiжык, учительскöяс ни, кötön ныся кыкысса сэссия некин эз вöв, Парасковья Андреевна пуксöтiс нывкасö пызан сайö.* (Фадеев 1989: 214) ‘Немного позже, уже в учительской, где, кроме них двоих, никого не было, Парасковья Андреевна посадила девушку за стол’.

2.2. Значение добавления. Компаратив употребляется в конструкциях, описывающих добавление нового участника к выделенному участнику ситуации, при этом действие, выраженное глаголом, относится одинаково ко всем участникам. Семантика добавления часто актуализируется словом кп. *эшö* ‘еще’:

кп. *Миянся да пуёвöй турися Лапьяас вöли эшö нельöт олиць – кöчтиян.* (Климов 1992: 147) ‘Кроме нас и журавля на дереве, в Лапья был еще четвертый житель – зайчонок’.

Стандартным средством выражения значений исключения и добавления в пермских языках является послелог кз. *кындзи*, кп. *киння*, удм. *сяна* ‘кроме’:

кз. *Вышка вылын, стöрöжысь кындзи, вöли нöшта кодкö.* (Юхнин 1983: 137) ‘На вышке, кроме сторожа, был еще кто-то’.

кп. *Председатель кабинетын юрались киння пукалисö и гаражись механик, и фермаись заведующöй, и бригадир.* (Фадеев 1989: 295) ‘В кабинете председателя, кроме руководителя, сидели и механик гаража, и заведующий фермой, и бригадир’.

удм. *Ёрос центрын улйсьёс сяна, гуртоос но удмурт книгаосын тодматскыны быгато.* (Удм. дунне, 2009.02.25) ‘Кроме жителей районного центра, с удмуртскими книгами могут ознакомиться и деревенские жители’; *Атай сяна, оgez но öз берытскы.* (Удм. дунне, 2009.02.27) ‘Кроме отца, никто и не вернулся’.

3. Суффикс компаратива может использоваться для выражения интенсивности при редупликации прилагательного (а), наречия (б), реже существительного (в):

(а) кп. *Рытыс вöли лёнься-лёнь и öддöн шоньт, кызд частö овлö июль шöрын.* (В. Климов) (Парма шы: 184) ‘Вечер был тихий-тихий и очень теплый, как часто бывает в середине июля’;

кз. сс. *Нылыс мичася мича* ‘Девушка очень красивая’; *Ачыс саженьысь кузьджык, мышкыс доддьысь паськыдджык, нинкöмьясыс – ыджыдся-ыджыд кöрзинаяс.* (В. Пахорукова) ‘Сам ростом больше сажени, спина шире саней, лапти – большие-пребольшие корзины’.

(б) кп. [дядя Кузьмич] – *Ветлö отир коласын сэтшöм легенда, бытьтö коркö важынся-важын олöм-вылöм вöрас царь.* (В. Баталов) (Парма шы: 135) ‘[дядя Кузьмич] – Есть такая легенда среди людей, как будто давным-давно жил-был в лесу царь’.

(в) кп. *Пороз Микол <...> асьсö посадас талун лыддис медыджыт мортöн – начальникся начальник и уна оз баит.* (Федосеев 1994: 30) ‘Пороз Микол <...> сегодня считал себя самым главным человеком в селе – начальником начальников и много не разговаривал’; *Гортас пырис [Авдей] зверься зверь, но иньсö керкусис эз адззы.*

(С. Федосеев) (Парма шы: 300) ‘Домой [Авдей] зашел злой-презлой, но жену в доме не увидел’.

кз. *A möd susedys эськӧ быттьӧ и рамник гортас, но мунас кӧ вӧрӧ, зверсяс зверӧн лод.* (И. Торопов) ‘А другой сосед дома вроде бы и спокойный, но если в лес пойдет, то становится злым-презлым’.

В первых двух случаях, примеры (а)–(б), имеет место интенсификация признака предмета и действия; при редупликации существительного проявляется идентификация качества с интенсификацией. Формирование редулицированных сочетаний происходило на основе сравнительных конструкций, значение интенсификации поддерживается редупликацией.

Сравнительно-исторический аспект

Вопрос о формировании компаратива не раз поднимался в работах сравнительно-исторического характера в контексте исследований падежной системы коми и финно-угорских языков. В большинстве выдвинутых гипотез относительно источника суффикса компаратива подчеркивается его связь с элативом. Суффикс *-s'a* рассматривался как: 1) вариант показателя элатива [Uotila 1933: 314–315]; 2) сложный суффикс, образовавшийся в результате слияния: а) лативного суффикса **-s'*, имевшего в момент развития компаратива уже элативное значение, и лативного **-a* [Серебренников 1963: 64]; б) элативного **-s'* и ограничительно-сравнительного суффикса *-a* [Гуляев 1960: 159–160]; в) элативного суффикса *-is'* и слова *jana* ‘отдельно’, ‘обособленно’ [Майтинская 1979: 102; 135]; г) элативного суффикса **-s'* и лативного **-k* [Rédei 1988: 383], элативного суффикса **-s'* и лативного *-a* (< ур. **-k*) [Csúcs 2005: 194]. **Существует также гипотеза, согласно которой суффикс компаратива восходит к послелогу с отделительно-сравнительным значением, который этимологически был связан с удм. *сяна* ‘кроме’, мд. *сяда* ‘более’ [Гуляев 1960: 159–160; КПЯ: 196; Основы 1976: 148]. При наличии нескольких гипотез возникает задача выбора одной из них на основании совокупности имеющихся языковых данных, а также дополнительного материала, который ранее не включался при рассмотрении этого вопроса.**

Структура суффикса компаратива близка к морфологически обусловленному алломорфу элатива, различаются они только огласовкой,

ср. суффиксы *-с'ы-* (элатив) и *-с'а* (компаратив). Обусловленные посессивностью алломорфы в пермских языках имеют местные падежи и инструменталь, особенно характерны они для коми-пермяцких диалектов. Отличительным признаком морфологически обусловленных алломорфов является наличие конечного гласного. В коми-пермяцких диалектах в ауслауте падежных алломорфов могут быть гласные *а*, *и* и *ы*, причем *а* содержится во всех суффиксах пространственных падежей, кроме элатива, ср. кп. эгрессив *-с'ан'а-*, аппроксиматив *-лан'а-*, пролатив *-õt'm'a-*, терминатив *-öðзðза-*, иллатив/инессив *-а-*, элатив *-с'ы-*, а также в суффиксе инструменталю *-на-* [Баталова 1990: 87–88; Дмитриева 1998: 86; КПЯ: 200]. По всей вероятности, элатив не мог быть исключением, в посессивной парадигме он мог быть представлен суффиксом с конечным гласным *а*. В этой связи следует обратить внимание на вариативные формы элатива посессивного склонения, зафиксированные в грамматике Н. Рогова [Рогов 1860: 41].

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	<i>-с'ым ~ -с'ам ~ -с'им</i>	<i>-с'ыным ~ -с'аным</i>
2-е лицо	<i>-с'ыт ~ -с'ат ~ -с'ит</i>	<i>-с'ыныт ~ -с'аныт</i>
3-е лицо	<i>-с'ыс ~ -с'ас ~ -с'ис</i>	<i>-с'ыныс ~ -с'аныс</i>

Судя по приведенным суффиксам, в определенный период развития пермских языков, по крайней мере коми-пермяцких диалектов, морфологически обусловленный алломорф элатива мог иметь две огласовки – узкий и широкий гласный – *-с'ы/-с'а-*. Если на каких-то этапах развития коми-пермяцкого языка элатив, действительно, имел вариативные суффиксы, различающиеся огласовкой, то формирование компаратива можно представить как процесс расщепления элатива. Такой способ развития падежа не чужд для пермских языков, аналогичным образом образовались инессив и инструменталь, а также датив и консекүтив [Некрасова 2004: 80]. Однако остается без ответа вопрос, почему самостоятельный морфологический статус получил алломорф элатива посессивного склонения, а не простого, как в случае инессива и инструменталю или датива и консекүтива?

Представляется, что развитие компаратива необходимо рассматривать в системе с другими вторичными падежами, показатели которых содержат коаффикс *-с'*. Под вторичными в данном случае понимаются падежные форманты, образованные на основе элатив-

ного – суффиксы эгрессива и аблатива. К этой группе падежей следует отнести, скорее всего, и компаратив, суффикс которого мог сформироваться в результате сращения суффиксов элатива (*-s') и латива (*-k) > *-s'ak. Образование суффикса компаратива можно объяснить аналогией и системностью развития падежных формантов. При возникновении вторичных падежей в прапермском языке употреблялись еще большинство первичных местных падежей финно-угорского происхождения, суффиксы которых приняли участие в формировании показателей так называемых л-овых (генитива, аблатива, датива, аппроксиматива) и сь-овых (аблатива, эгрессива, элатива) падежей. Латив с суффиксом *-k в этот период функционировал как самостоятельный падеж, а также участвовал в образовании суффикса аллатива(-датива). Этот суффикс не мог остаться в стороне при возникновении серии сь-овых падежей. Скорее всего, все вторичные суффиксы с элементом -s' могли сформироваться путем сращения суффикса элатива и суффиксов первичных местных падежей:

удм. -is'ti < *-s' (EL?) + *-ta/*-tä (ABL)

кз. кп. удм. -s'an' < *-s' (EL) + *-n' (LAT)

кз. кп. -s'a < *-s' (EL) + *-k (LAT)

удм. -js'en < *-s' (EL) + *-na/*-nä (LOC)

Фонетические процессы (утрата конечных гласных, отпадение отдельных консонантных суффиксов, в частности аккузативного *-m и лативного *-k и др.), протекавшие в прапермский период, обусловили развитие различных фонетических и морфологических инноваций, в том числе и в падежной системе [Лыткин 1957: 86; Кельмаков 2003: 204, 216–217; 223–226]. Изменения коснулись и структуры падежных формантов. Если принять, что в прапермском языке функционировал элативный падеж, имевший суффикс с конечным *-k, то этот суффикс после отпадения конечного согласного мог совпасть с суффиксом посессивного склонения элатива. Омонимия падежных показателей не поддерживается падежной системой, что и объясняет утрату морфологически обусловленного алломорфа элатива с огласовкой *a*.

В финно-угроведении компаратив принято считать южнокоми инновацией, при этом учитывается ареал его распространения [Лыткин 1977: 21; Серебrenников 1983: 83–84; Baker 1985: 155–156; Csúcs

2005: 194; др.]. Появление компаратива как единицы падежной системы (именно падежа, а не образование суффикса), видимо, следует отнести к пракоми периоду, но структура суффикса (CV) явно указывает на прапермское его происхождение. Если бы суффикс этого падежа сформировался в период самостоятельного развития коми языка, то он должен был быть с инициальным гласным, подобно суффиксу эгрессива II *-ысьöдз*, так как, по крайней мере, в конце общепермского языка показатель элатива имел гласный в анлауте. Кроме того, в позднепрапермском в результате отпадения лативного **-k* его функцию взял на себя конечный гласный основы (см.: гл. 4, раздел 4.3).

При реконструкции семантической эволюции падежа в качестве исходного рассматривались следующие значения: а) 'движение от предмета' [Серебренников 1963: 64]; б) отделительно-сравнительное [Гуляев 1960: 160]; в) значение 'от чего-то отдельно', которое далее могло перейти в значение 'кроме', а также 'в сравнении с чем-то' [Майтинская 1979: 135]. В этой связи следует отметить, что суффикс *-с'а* законсервировался в структуре пространственных (а), темпоральных (б) и сравнительных (в) послелогов и наречий:

(а) вв. вс. л. печ. скр. сс. *бörся*, вым. иж. уд. *бörсянь*, уд. *бörсяньöд*, нв. *бörсень*, вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *бörысь*, вв. уд. *бörись* 'за' [ССКЗД: 26]; вв. (Крч.) вс. лл. печ. *сьörся-бörся*, вв. (Бог.) *сьörся-бörсяан*, вс. скр. сс. *сьörсьöн-бörсьöн*, вв. (Крч.) *сьörсен-бörсен* 'гуськом, вереницей' [ССКЗД: 357; УД: 151];

(б) вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. уд. (Гл.) *сэсься*, скр. сс. *сэсься*, скр. *сесься*, скр. *сеся*, вв. сс. *эсься*, вв. (Дер.) сс. *эся*, вв. (Крч. Клд.) печ. *тэсься* 'потом' [ССКЗД: 338];

(в) л. нв. уд. *тасься*, печ. скр. сс. *таысь*, вв. уд. *таись* 'по сравнению с этим' [ССКЗД: 367]; вв. вс. лет. печ. скр. сс. *медся*, нв. *медзче* нв. *медзчен*, л. *мется*, уд. *метче*, уд. *метчöн*, вым. иж. *мечча*, вым. *меччен* 'наи-; самый' [ССКЗД: 219].

В приведенных адвербиальных и послеложных образованиях варьируют суффиксы элатива, эгрессива, компаратива, при этом ареал распространения языковых единиц с разными суффиксами не совпадает: образования с суффиксом *-ыс'* имеют почти повсеместное распространение, с суффиксом *-с'а* представлены в южных и восточных зырянских диалектах, с суффиксом *-с'ан'* – в северо-западных зырянских диалектах. Е. С. Гуляев отметил, что «все сь-овые падежи

в пермских языках объединены общностью происхождения элемента *сь*, который содержит элативно-аблативное значение. Поэтому указанное значение сохраняется в той или иной степени во всех *сь*-овых падежах» [Гуляев 1960: 162]. Первичным значением эгрессива, а также одним из пространственных значений элатива предположительно было аблативное – «удаление от предмета» [там же, 161]. Сходное значение, скорее всего, мог иметь первоначально и суффикс *-с'а*. Значение послелога *бõрся* 'за' «движение за ориентиром», «движение по направлению удаляющегося участника ситуации» можно интерпретировать еще как «движение на расстоянии от ориентира». Ориентир при уточнении расстояния является критерием оценки, сравнения расстояния пространственной локализации объекта, ср. конструкции с эгрессивом и элативом *сысянь неылын, сыысь неылын* 'недалеко от него'.

Таким образом, формирование суффикса компаратива могло происходить в эпоху прапермского языка аналогично суффиксу эгрессива. В этот период функционировало, скорее всего, большее число падежей и падежеобразных форм, чем восстанавливается. Однако процесс развития некоторых из них был приостановлен. Пользуясь распространенным в лингвистике понятиями «центр» – «периферия», можно предположить, что центральную часть прапермской падежной системы составляли те падежи, которые являются в настоящее время общепермскими, периферию – неразвившиеся падежи или падежеобразные формы, оставившие рефлексy в структуре наречий и послелогов, а также падежи, имевшие локально ограниченное распространение, к их числу следует отнести и падеж с суффиксом *-ся*.

Компаратив имеется в марийском и мордовских языках, однако в отличие от коми, он характеризуется выражением сравнительных отношений равенства [Тужаров 1987: 92–94; ГМЯ: 176–177]. Сравнительные отношения неравенства в финно-угорских языках выражаются элативно-аблативными падежами (аблативом, элативом, партитивом) [ГМЯ: 165; СКЯ 1955: 144; Коведяева 1978: 148; Зайков 1999: 40; Некрасова 2002: 74; Кондратьева 2011а: 96–100]. Эта типологическая особенность может быть косвенным подтверждением функционального развития коми компаратива на основе падежа с элативно-аблативным значением.

3.11. Семантическая структура адвербиала

В современном удмуртском языке адвербиаль выражает ряд значений, содержащих идею соответствия/несоответствия.

1. Значение координатива. Адвербиаль указывает на норму, образец, на который ориентируется участник ситуации при совершении действия:

удм. *Вань колхозъёс ужало чурьт **планъя***. (Удм. дунне, 2010.04.16) ‘Все колхозы работают по строгому плану’; *Солэн узыр пуш дуннеез шӧдӱськыз вылтусаз но – со котьку но кельышлы, туал**а модая дӱсяськылӱз***. (Удм. дунне, 2011.10.18) ‘Ее богатый внутренний мир отражался и в ее облике – она всегда одевалась красиво, в соответствии с современной модой’.

2. Значение оценки соответствия/несоответствия. Адвербиалем выражается значение основания, согласно которому оценивается объект. Существительное в адвербиале выступает в позиции предиката, оцениваемый участник ситуации занимает позицию подлежащего:

удм. ***Арезя** куарнянез*. ‘По году и сочень’ [Перевозчикова 1987: 145]; ***Ведрезья** – шобретэз, **кузӱезья** – эрвалэз*. ‘По ведру крышка, по хозяину кобыла’ [Перевозчикова 1987: 105].

3. Значение основания сравнения. Адвербиаль указывает на признак (возраст, размер), на основе которого устанавливается сходство (соответствие) или различие (несоответствие) участников ситуации:

удм. *Бен, Полинаен Алиса **туссыя** чылкак кисьтэм-басьтэм ка-десь*. (Удм. дунне, 2007.10.05) ‘Да, Алиса с Полиной по облику совершенно одинаковы’; *Валера **арлыдызья** мынэсьтым бадӱымгес вал бере, соин, лэся, ки йылаз нуллыны дась вал*. (Удм. дунне, 2011.10.25) ‘Валера по возрасту был старше меня, поэтому, наверное, готов был носить [меня] на руках’; *Котькуд пилы **пасьталаезья 22 метр, кузьдалаезья 40 метр** музъем висъязы*. (Удм. дунне, 2010.06.22) ‘Каждому парню выделили земельный участок в 22 метра шириной, в 40 метров длиной’.

4. Значение основания действия. При глаголах *тодыны* ‘знать, узнать’, *валатскыны* ‘догадываться’ адвербиаль употребляется при указании на признак, по которому идентифицируется участник ситуации:

удм. *Адымиез вераськемезъя тодманы луэ (кылызъя тодоно)*. ‘Человека познаешь по его словам’ [Перевозчикова 1987: 130]; *Табере куараезъя ик валатске ини, кытйэзэ учконо-эскероно шуыса*. (Иднакар, 2012.04.03) ‘Теперь уже и по звуку догадывался, что где смотреть-исследовать’; *Ымнырызъя ик тодмо, кӧня арес пилы*. ‘По лицу же видно, сколько парню лет’ [Перевозчикова 1987: 119]; *Вылтусъя судить эн каре, шонерлыко судэн судить каре*. (Иоаннлэсь жеч ивор, 1990–2010) ‘Не судите по внешности, судите правдивым судом’.

5. Признак. В современном удмуртском языке адвербиаль является одним из основных средств оформления субстантивного атрибута, при этом конкуренцию ему могут составить номинатив, инструменталь, реже – элатив. Так, существительные, обозначающие учреждение, организацию, предприятие по области деятельности (*министерство, институт, кафедра* и т. п.), могут иметь при себе зависимые, оформленные адвербиалем и номинативом, в количественном отношении адвербиаль значительно преобладает над номинативом. Ср. оформление зависимых в именных группах, вершиной которых являются существительные *министерство, институт*, в КУЯ (табл. 38, дата обращения: 17.11.2015):

удм. *Сое Юстицияя министерствоын но пусйим ни вал*. (Удм. дунне, 2009.07.03) ‘Ее [партию] мы уже зарегистрировали в Министерстве юстиции’; *Иже бертыса, Юстиция министерствоын ужаз на*. (Удм. дунне, 2010.05.07) ‘По возвращении в Ижевск он работал еще в Министерстве юстиции’.

Таблица 38

Частотность употребления адвербиала, номинатива, инструментала при оформлении субстантивного атрибута

Лексема	Адвербиаль	Номинатив	Инструменталь
<i>Министерство</i>	2923	10	–
<i>Институт</i>	785	18	–
<i>Урок</i>	331	123	9
<i>Олимпиада</i>	79	3	4
Всего	4118	154	13

При существительных, обозначающих мероприятия, сферы деятельности (*кружок, олимпиада, урок*), а также письменные источники

информации (*книга, альбом, материал, документ*), субстантивный атрибут может быть оформлен показателями адвербиала, номинатива и инструментала, соотношение частотности их употребления с существительными *урок* и *олимпиада* представлено в табл. 38.

Адвербиаль: *Кылем арня вискын ортчиз удмурт кылъя но литература олимпиада.* (Удм. дунне, 2012.02.08) ‘На прошлой неделе прошла олимпиада по удмуртскому языку и литературе’; *Дышетскисьёссы чем пыриськыло математикая но физикая олимпиадаосы.* (Удм. дунне, 2010.02.26) ‘Их учащиеся часто участвуют в олимпиадах по математике и физике’; *Мынэ математикая урок.* (Удм. дунне, 2011.09.02) ‘Идет урок по математике’; *Медициная книгаосын верамын таё учыр.* (Удм. дунне, 2007.05.30) ‘В книгах по медицине описан такой случай’.

Номинатив: *Кепыран сямме вормыны отйязгес юрттйз химия олимпиадаосын нырысетй интыюсты басьтылыны кутскеме но.* (Удм. дунне, 2011.11.11) ‘Перебороть стеснительность в дальнейшем помогли мне завоеванные первые места в химических олимпиадах’; *Физкультура урок мынэ вылэм.* (Удм. дунне, 2011.04.26) ‘Шел урок физкультуры’; *Эшъёсыз рогатка, нукиё лэсьто, нош со история книгаосысь суредья арбалет пörмытэ.* (Удм. дунне, 2011.11.21) ‘Его друзья делают рогатку, лук, а он по картинке из книги по истории делает арбалет’.

Инструменталь: *Районын физикаен олимпиадаосы пыриськылэ.* (Удм. дунне, 2010.02.26) ‘[Он] участвует в районных олимпиадах по физике’; *Со историен урокёсты туж лад-лад, паймымон тунсыко ортчытьяз.* (Удм. дунне, 2013.08.09) ‘Уроки истории он проводил очень основательно, удивительно интересно’; *Со сяна, географие но литератураен книгаосты гужем каникулъёс дыръя лыдзылй.* (Удм. дунне, 2009.05.22) ‘Кроме этого, книги по географии и литературе я читал во время летних каникул’.

Параллельное употребление адвербиала и элатива обнаруживается при описании лица по его связям и отношениям. Так, например, существительное *эш* ‘друг, товарищ’ может иметь при себе атрибут, выраженный существительным *уж* ‘работа’ в форме адвербиала и элатива, если судить по данным КУЯ, количественное соотношение в пользу адвербиала: адвербиаль – 23, элатив – 4:

Тау шуисько ужъя эшелы Юра Наговицынлы, кудйз машинаеныз нуиз монэ Яре но тодматйз Русланэн. (Иднакар, 2012.07.05) ‘Говорю спасибо своему товарищу по работе Юре Наговицыну, который отвез меня на своей машине в Яр и познакомил с Русланом’.

Чыжы-выжыоссэ, ужысь эшгёссэ но отчы ик отёмы, малпамы. (Удм. дунне, 2013.08.02) ‘И родственников, друзей по работе туда же пригласим, подумали’.

Отглагольные существительные, сочетающие глагольные и именные свойства, допускают субстантивный атрибут, оформление которого совпадает с оформлением актанта исходного глагола. Так, при существительном *дышетйсь* ‘учитель’ может быть зависимое, оформленное показателем адвербиала, датива и аккузатива.

Адвербиаль: *Милям школаямы, пе, зуч кылъя но литература дышетйсь кулэ.* (Удм. дунне, 2013.08.09) ‘В нашей школе, мол, нужен учитель по русскому языку и литературе’.

Датив: *Анаез – удмурт кыллы но литературалы дышетйсь, атаез – ужъя урокёсты нуись.* (Удм. дунне, 2009.12.16) ‘Его мать – учитель удмуртского языка и литературы, его отец – учитель уроков труда’.

Аккузатив: *Малпасько, кнйгалэсь та локетсэ ужазы кутозы школаосын литератураез дышетйсьёс но тодосчиос.* (Удм. дунне, 2008.03.25) ‘Я думаю, что эту часть книги будут использовать в своей работе школьные учителя литературы и ученые’.

6. Инструмент, средство осуществления действия. При указании на предмет, посредством или с помощью которого осуществляется действие, адвербиаль варьирует преимущественно с инструменталем, что вполне ожидаемо, так как инструменталь в удмуртском языке является основным способом выражения орудия и средства осуществления действия.

Адвербиаль: *Каллен-каллен Алевтина Журавлёвалэн «Анай кыл» учебникезъя дышетскыны кутскимы.* (Удм. дунне, 2010.12.10) ‘Потихоньку стали учиться по учебнику Алевтины Журавлевой «Родной язык»»; <...> одйгёсыз вьль **словарья** ужало. (Удм. дунне, 2011.04.15) ‘<...> одни работают по новому словарю’.

Инструменталь: *Удмурт кылъя учебникеныз дышетско кунгож сёрысь.* (Финляндийсь, Венгрийсь) студентъёс. (Удм. дунне,

2012.01.13) ‘По его учебнику удмуртского языка учатся зарубежные студенты (из Финляндии, Венгрии)’; *Нылпиос шумпотыса ужало словарьн.* (Удм. дунне, 2011.12.07) ‘Дети с радостью работают со словарем’.

С существительными, обозначающими средства связи (*телефон, рация*), наблюдается свободное варьирование адвербиала, инструментала и пролативных единиц, предпочтительным является послелог *пыр* ‘по, через’, который допускают все существительные этого класса (табл. 39, дата обращения: 17.11.2015).

Таблица 39

Частотность употребления падежей и послелогов с существительными, обозначающими средства связи

Существительное	Адвербиаль	Инструменталь	Пролатив	Послелог <i>пыр</i> ‘по’
<i>Телефон</i>	117	40	1	309
<i>Почта</i>	2	41	–	103
<i>Рация</i>	1	1	–	7
<i>Радио</i>	–	–	–	188
<i>Телевизор</i>	–	–	–	156
<i>Телевидение</i>	–	–	–	43
Всего	120	82	1	806

Адвербиаль: *Вазиськыны луоз 52-53-50 номеро телефонъя.* (Удм. дунне, 2008.04.23) ‘Обратиться можно по номеру телефона 52-53-50’.

Инструменталь: *Та вакытэ ог-огмылы телефонэн жингыртылыськом.* (Удм. дунне, 2007.09.12) ‘В это время звоним друг другу по телефону’.

Послелог: *Милиционер, телефон пыр вераськыса, протокол гожъяз.* (Удм. дунне, 2008.08.05) ‘Милиционер писал протокол, разговаривая по телефону’.

Пролатив: *Вылаз ик, Кион Веня телефонэти вераськем каре, шораз уг ик учкы.* (Удм. дунне, 2013.06.21) ‘К тому же, Кион Веня делает вид, что говорит по телефону, на него и не смотрит’.

При глаголах со значением ‘узнать’, ‘найти’ адвербиаль конкурирует с элативом. В данном случае выбор грамматических средств зависит от различного осмысления описываемой говорящим ситуации. При использовании элатива объект осмысляется как источник по-

лучения информации, объект, из которого извлекается информация. При использовании адвербиала объект осмысливается как средство получения информации, при помощи которого уточняется искомая информация. Значение траектории движения осмысливается как последовательный поиск информации.

Адвербиаль: *Архивысь документъёсья тодмо: 1822-тй арын со дышетскыны пыриз Вяткаысь духовной семинарие.* (Удм. дунне, 2008.04.01) ‘Из архивных документов известно: в 1822 году он поступил учиться в Вятскую духовную семинарию’; *Розыскын ужасъёс ышемъёслэн архивзыа дась суреды тупась туспуктэм утчало.* (Удм. дунне, 2008.09.26) ‘Работники уголовного розыска, используя архив пропавших людей, ищут похожую на фоторобот фотографию’.

Элатив: *Вашкала удмуртъёслэсь но мукет калыкъёслэсь улэм-вылэмзэс асьмеос тодыны быгатйськом пöртэм книгаосысь, газетъёсысь, научной журналъёсысь но документъёсысь.* (Удм. дунне, 2011.09.30) ‘О жизни древних удмуртов и других народов мы с вами можем узнать из различных книг, газет, научных журналов и документов’; *Чапак солэсь гожъямъёссэ шедьтйзы Ленинград архивысь.* (Мынам Удмуртие, 2010.10.19) ‘Именно его записи нашли в Ленинградском архиве’.

7. Условия протекания действия. Адвербиаль употребляется при указании на явление, событие, определяющее условие, обстановку, при которых протекает действие:

Зубис усътэм öсэти Володь толэзь югытъя кема учкыса сьлйз изись Катя шоры. (Удм. дунне, 2009.01.13) ‘Через приоткрытую дверь при свете луны Володя долго стоял и смотрел на спящую Катю’; *Толэзь югытъя укно дураз туж трос лыдзйське, пе, вал.* (Удм. дунне, 2012.08.21) ‘При свете луны у окна, мол, он очень много читал’; *Нош бадзъм юж луэм лымыен бусы толэзья чия.* (udmurto4ka.blogspot.ru Марина Сергеева, 2013–2016) ‘А большое поле, покрытое превратившимся в наст снегом, сверкает при луне’.

Показателем адвербиала могут маркироваться отглагольные существительные при указании на процесс, протекающий параллельно с действием, выраженным предикатом, при этом акцентируется постепенность протекания действия, изменения состояния:

Пересьмемъя мылкыд вужме. ‘По мере старения и желания стареют’ [Перевозчикова 1987: 57]; *Пересьмемъя пинал визь гинэ пыре*

на. 'По мере старения только детский ум добавляется' [Перевозчикова 1987: 53]; *Пинь быремья кыл но шенгыльме*. 'По мере выпадения зубов – начинаешь шепелявить' [Перевозчикова 1987: 54].

П. Н. Перовщиков, отмечая синонимичность оформленных показателем адвербиала отглагольных существительных и деепричастий на -ку, а также конструкций с послелогоми *дырья*, *сямен*, *кусын*, указывал на их семантические расхождения: деепричастие и послелог *дырья* подчеркивают одновременность действия, адвербиаль «обычность действия, в условиях которого совершается другое действие», послелог *сямен* и *кусын* подчеркивают «вторичность действия (как действия между прочим), в обстановке которого совершается действие» [Перовщиков 1980: 56–57].

8. Пространственное значение. В описаниях семантической структуры падежа пространственное значение чаще всего не упоминается или отмечается его низкая частотность, ограниченность дистрибуции с «существительными типа *шурья* 'по реке', *вуя* 'по воде'» [ГСУЯ 1962: 100–101; Перовщиков 1980: 57; Кондратьева 2011а: 145]. Как показывает материал из КУЯ, в современном языке адвербиаль может употребляться в пролативных контекстах, в частности при выражении значений маршрута и сцены.

8.1. Значение маршрута. В современном удмуртском языке адвербиаль в этом значении факультативен: он используется преимущественно в конструкциях, в которых траектория движения описывается метафорически, при этом тип отношений между объектом и ориентиром хорошо сохраняется. Кроме того, адвербиаль находится в отношении варьирования с пролативом, а также с пролативными послелогоми *кузя* 'по' и *вылтй* 'по':

«Эгра–Чутыр» *сюресья ветлісь автобусьёс пумысен ке верано, таиз маршрут пыре Эгра ёрос муниципал кылдытэтэ*. (Удм. дунне, 2013.10.18) 'Если говорить об автобусах, курсирующих по маршруту «Игра–Чутыр», то этот маршрут входит в муниципальное образование Игринского района'; *Советской Союзьсь шурьёсья арлы быдэ уно сюрс пурьёс келясько*. 'По рекам Советского Союза ежегодно сплавляется много тысяч плотов' [Архипов 1978: 57]; *Прокуратураын следствиез радъязы кык сюресья*. (Удм. дунне, 2010.02.12) 'Расследование в прокуратуре было организовано по двум направлениям'.

Мар карод, пиёк тодмо сюрестий вamyштэ. (Удм. дунне, 2011.01.28) 'Что поделаешь, сынок идет по проторенной дороге'.

Кыче малпанэн улон сюрес кузя вamyшьяськоды? (Удм. дунне, 2009.01.30) 'С какими мыслями идете по жизненному пути?'

Солэн маршрутёсыз «Эгра–Ижевск» сюрес вылтй ортчо. (Удм. дунне, 2013.10.18) 'Его маршруты проходят по дороге «Игра–Ижевск»'.

При выражении значения маршрута адвербиаль значительно уступает другим средствам по частотности употребления (табл. 40, дата обращения: 17.11.2015).

Таблица 40

Частотность употребления надежей и послелогов при выражении значения маршрута движения

Существительное	Адвербиаль	Пролатив	Послелог кузя 'по'	Послелог вылтй 'по'
<i>Сюрес</i> 'дорога'	62	231	208	114
<i>Урам</i> 'улица'	–	196	70	–
<i>Ульча</i> 'улица'	–	155	77	–
<i>Коридор</i> 'коридор'	–	26	26	–
<i>Шур</i> 'река'	–	9	89	3
<i>Трасса</i> 'трасса'	–	2	2	–
Всего	62	619	472	117

С существительными, обозначающими водную и воздушную среду передвижения (*ву* 'вода', *тёл* 'ветер'), пространственное значение адвербиала осложняется указанием на способ движения. В этом случае траектория задается движением ориентира, относительно которого перемещается объект. В современном языке прослеживается тенденция к закреплению за определенным существительным определенной формы: в КУЯ существительное *тёл* 'ветер' представлено только в форме адвербиала, существительное *омыр* 'воздух' – в форме пролатива, существительное *ву* 'вода' чаще всего употребляется с послелогом *вылтй* 'по' (табл. 41, дата обращения: 17.11.2015):

Тёлъя лобзись ёрзи ваньмыз та шоры лулзъса учкиз. (Удм. дунне, 2012.08.08) 'Летающий по ветру орел на все это посмотрел со вздохом'; сю. *вуйа кошкиз* 'по течению ('по воде') ушло'; *со вис'он омырийа вуэ* 'эта болезнь по воздуху распространяется' [Архипов 1978: 22].

Калыкез самолётэн нуон-ваён туэ йыліз 44 процентлы, грузь-ёсты **омыретій** вуттон – 15 процентлы. (Удм. дунне, 2013.11.08) ‘Перевозка людей самолетом в этом году увеличилась на 44 процента, перевозка грузов по воздуху – на 15 процентов’.

Ву вылтій уя толэзь. (Удм. дунне, 2007.11.28) ‘По воде плывет месяц’.

Таблица 41

Частотность употребления надежей и послелогов с существительными, обозначающими среду передвижения

Существительное	Адвербиаль	Пролатив	Послелог кузя ‘по’	Послелог вылтій ‘по’
Тёл ‘ветер’	89	–	–	–
Омыр ‘воздух’	–	28	–	–
Ву ‘вода’	–	14	11	37
Всего	89	42	11	37

8.2. Значение сцены. В современном удмуртском языке адвербиаль в значении сцены, скорее всего, уже не употребляется, по крайней мере, в КУЯ такие примеры мы не обнаружили. Встречаются конструкции, в которых траектория движения описывается метафорически, при этом адвербиаль конкурирует с инессивом и пролативом.

Адвербиаль: **Районъя** та сельсовет «дано» куинетій интыын мынэ. (Удм. дунне, 2012.06.08) ‘Этот сельсовет по району идет на «почетном» третьем месте’.

Инессив: **Ю-тысь** будэтэмезья «Июльское» **Вотка ёросын** нырысетій интыын мынэ. (Удм. дунне, 2007.11.27) ‘По выращиванию зерновых «Июльское» в Воткинском районе идет на первом месте’.

Пролатив: **Владимир Путин** понна дурбасьтон матысь нунальёсы бадзым тулкымен ортчоз быдэс **странаетіі**. (Удм. дунне, 2007.11.13) ‘В ближайшие дни по всей стране пройдет волна в поддержку Владимира Путина’.

Конкуренция между адвербиалем и инессивом прослеживается также в конструкциях с бытийными глаголами, с глаголами активно-го действия, местонахождения:

Адвербиаль: **Вазь** чукна ик быдэс **страная** 100 сюрслэсь трос участок усътійськыз. (Удм. дунне, 2011.12.06) ‘Уже рано утром по всей стране открылось более 100 тысяч участков’; **2006-тіі арын**

ортчем быръёнъёсын районъя 26 округ вал. (Удм. дунне, 2011.12.06)
'На прошедших в 2006 году выборах по району было 26 округов'.

Инессив: <...> *соку быдэс странаын туж трос коркаос, фермаос, школаос, нылли юртъёс жутскылызы.* (Удм. дунне, 2010.08.)
'<...> тогда по всей стране строилось очень много домов, ферм, школ, детских садов'.

В таких контекстах в количественном отношении адвербиаль заметно уступает инессиву. Семантическое различие между падежами заключается в том, что в конструкциях с адвербиальной словоформой обобщается ситуация, локализуемая на множестве мест пространственного ориентира. Значение адвербиала содержит дистрибутивно-множественный оттенок. При использовании инессива актуализируется локализация ситуации в пределах пространственного ориентира.

В письменных источниках XIX в. можно обнаружить единичные случаи употребления адвербиала в пролативном значении:

so vetliz kyrja 'hän kulki aromaita myöten' [Aminoff 1896: 26].

Сравнительно-исторический аспект

В истории пермского языкознания относительно времени и источника развития показателя адвербиала было выдвинуто несколько предположений, которые при всех различиях можно свести к двум наиболее общим. Согласно одному из них, суффикс адвербиала простой, он может восходить к лативному суффиксу *-j [Основы 1976: 148; Toivonen 1944] или деривационному суффиксу *-ja, который связан с суффиксом относительных прилагательных [Кондратьева 2011: 36]. Согласно другому предположению, суффикс адвербиала сложный, возникший в результате сращения двух компонентов: а) лативных суффиксов *-j и *-k (> *-a) [Uotila 1945: 331; Rédei 1962: 198; Rédei 1988: 383; Rédei 1996: 261] или б) словообразовательного суффикса *-j и суффикса *-a относительных прилагательных [Емельянов 1927: 125]. Словоизменительные, как и словообразовательные, суффиксы неоднократно подвергались к структурным и функциональным преобразованиям в разные периоды истории пермских языков, что нередко затрудняет этимологизацию некоторых из них. В случае суффикса адвербиала сложность вызывают отсутствие падежа с аналогичным суффиксом в коми языке и незначительные реф-

лексы лативного суффикса *-j в современных финно-угорских языках (см.: [Основы 1974: 263–264]).

На первый взгляд формальное (ср. алломорфы прилагательного удм. -o/-ë, к. -a/-я¹) и семантическое (в синхронии адвербиаль «главным образом участвует в выражении посессивных отношений») сходство суффикса адвербиала и относительного прилагательного вроде бы позволяет генетически связать эти суффиксы (подробнее см.: [Кондратьева 2011: 36]). Однако исторически суффикс относительных прилагательных исходно не содержал компонента *й*, его прапермская форма *-a может быть рефлексом: а) финно-угорского суффикса *-p, который в общепермском языке перешел в *-β, затем вокализировался [Lehtisalo 1936: 25], или б) деривационного суффикса *-k [Основы 1976: 155; Rédei 1958: 80–81]. Кроме того, позиционное распределение алломорфов относительных прилагательных в пермских языках не совпадает. В удмуртском языке алломорф с инициальным согласным *й* появляется после основ на гласный, ср. удм. *шундыё*, кз. *шондіа* ‘солнечный’; удм. *кизилиё*, кз. *кодзула* ‘звездный’, удм. *шудо*, кз. *шуда* ‘счастливый’. В коми языке согласный *й* появляется после основ, оканчивающихся на некоторые согласные (ср. кз. *изья*, удм. *изо* ‘каменистый’, кз. *понья* ‘с собакой’), которые в большинстве случаев восходят к основам на *-i (о типах основ см.: [Лыткин 1957: 79; Лыткин 1964: 241]). Таким образом, в сравниваемых языках согласный *й* в составе суффиксальной / корневой морфемы вторичен: он является эпентетическим согласным (в удмуртском языке) или рефлексом гласного *-i (в коми языках [Лыткин 1957: 79; Лыткин 1964: 241]), поэтому вряд ли его развитие можно экстраполировать на прапермский язык.

В современном удмуртском языке адвербиаль имеет характерные для пролативных показателей непространственные значения (подробно о типологии и семантике пролатива см.: [Ганенков 2002]), его исходное пролативное значение сохранялось вплоть до XIX в. В этой связи уместно было бы еще раз привести послелогии коми языка, содержащие в своей структуре суффикс -jV (который предположительно

¹ В коми языке представлена различная сегментация относительных прилагательных, оканчивающихся на -я: *й* приписывается к корневой [СКЯ 1955: 171] или к суффиксальной морфеме [Основы 1976: 155; ОЖК: 110–111].

но этимологически связан с адвербиальным суффиксом) и имеющие следующие значения:

а) пролативное значение (значение прохода): кз. *пыр*, уд. *пырийи*, нв. *пырья*, *пырьяыс*, кп. *пырья*, кя. *пөр* ‘через’ [ССКЗД: 312; ЛЛД: 101; КЯД: 77];

б) темпоральное значение (темпоральная локализация): вв. вым. иж. лл. нв. печ. вс. скр. сс. уд. *дырийи*, лл. *дырийö*, иж. лл. уд. *дырья*, иж. *дырьяс'*, дрк. *дыр* (Л:22), *дырийэ* (Е:22); кп. *дырийи*, *дырья*; удм. *дырья* ‘во время, при’ (от *дыр* ‘время’) [КПСР: 135; Лыткин 1952: 129; ССКЗД: 117; ЛЛД: 102; УРС: 132];

в) каузативное значение: кп. *увйа*, *улыа* ‘из-за’: *лög увйа* ‘со злости’; *вылыа* ‘из-за’: *ин'ыс вылыа* ‘из-за жены’; *шогйа* ‘из-за’: *зэр шогйа* ‘из-за дождя’, лл. *вылыаыс'* ‘из-за’: *шог вылыас'ыс* ‘с горя’ [Баталова 1975: 199; ЛЛД: 104].

Послелого с пространственным и темпоральным значением охватывают весь коми диалектный континуум, послелого с каузативным значением представлены в коми-пермяцком языке и лузско-летском диалекте.

Принимая во внимание семантику удмуртского адвербиала, а также рефлекс суффикса в структуре послелогов коми языка, можно допустить функционирование в прапермском языке по меньшей мере двух пролативных суффиксов **-ja* и **-ti*, которые, возможно, различались частотностью употребления и оттенком выражаемого пространственного значения. Учитывая ареал распространения суффикса *-ja* и его незначительные рефлекс в коми языке, заманчиво предположить, что этот суффикс, по крайней мере в пракоми диалектах, мог быть суффиксом одного из зарождавшихся падежей. Удмуртскому адвербиалу в коми языке соответствуют единицы, имеющие или имевшие пролативное значение: значение координатива выражается послелогом *серти* ‘согласно, по’, в структуре которого представлен суффикс пролатива *-ti*; значение признака передается пролативным послелогом *кузя* ‘по’, значение средства – послелогом *пыр* ‘по’, пространственное значение – пролативом и послелогом *пасьта(ла)* ‘по всей’.

Глава 4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

4.1. Вступительные замечания

Пространственные падежи составляют основную часть падежной системы пермских языков. Ядро этой группы образуют общепермские падежи: иллатив, инессив, элатив, пролатив, эгрессив, аппроксиматив, терминатив. К числу пространственных иногда относят еще аблатив [Kraht 2005: 148] и консекутив [Усачева 2012: 143; 2012а: 125]. Однако консекутив в современных коми языках в пространственном значении не употребляется; аблатив, подобно дативу и адвербиалу, крайне редко встречается в пространственных контекстах в удмуртском языке, поэтому при синхронном описании падежной системы оба этих падежа не следует включать в группу пространственных.

В типологических и конкретно-языковых исследованиях при рассмотрении семантики пространственных падежей учитывается выражение ими двух основных параметров – локализации и ориентации. Ориентация «характеризует направление развертывания данного события по отношению к данному объекту» [Великорецкий 2002: 13]. Выделяются четыре базовых типа ориентации [Великорецкий 2002: 14; Плунгян 2002: 65]:

- 1) эссив (нахождение объекта в покое по отношению к ориентиру);
- 2) латив (перемещение объекта к пространству, связанному с ориентиром);
- 3) элатив (перемещение объекта из пространства, связанного с ориентиром);
- 4) пролатив (перемещение объекта через пространство, связанное с ориентиром).

М. Крахт к указанным типам добавляет аппроксиматив [Kraht 2001: 160], И. А. Мельчук – терминатив и рецессив [Мельчук 1998: 58–59]. В пермских языках находят падежное выражение все типы ориентаций, выделенные И. А. Мельчуком:

- латив ‘в X’ (= к. удм. иллатив),
- элатив ‘из X-а’ (= к. удм. элатив),

аппроксиматив ‘к X-у (= к. удм. аппроксиматив),
 рецессив ‘от X-а’ (= к. удм. эгрессив),
 терминатив ‘до X-а’ (= к. удм. терминатив),
 пролатив ‘через X’ (= к. удм. пролатив),
 эссив ‘нейтральность [отсутствие перемещения = состояние по-
 коя]’ (= к. удм. инессив).

Локализация указывает на область пространства относительно ориентира, в которой находится участник ситуации [Кибрик 1970; Мельчук 1998: 52–55; Плунгян 2002: 67–68; Великорецкий 2002: 19–25; Усачева 2012: 165; др.]. Конкретные типы локализаций В. А. Плунгян объединяет в две группы: (а) внешние локализации, (б) внутренние и контактные локализации, исходя из того, что «окрестность ориентира делится на внутреннюю зону (включающую сам ориентир и, если ориентир объемный, пространство внутри ориентира) и внешнюю зону <...>. Во внутренней зоне различаются поверхность (контактные локализации) и внутренняя часть ориентира» [Плунгян 2002: 67]:

Внешние локализации		Внутренние и контактные локализации	
APUD	‘пространство рядом с ориентиром / вблизи ориентира’	IN	‘пространство внутри ориентира’
ULTRA	‘пространство далеко от / вне сферы действия ориентира’	INTER	‘пространство между элементами множества или совокупности, служащих ориентиром’
CIRCUM	‘пространство вокруг ориентира’	PART	‘периферийная часть ориентира’
SUPER	‘пространство выше ориентира’	AD	‘поверхность ориентира’
SUB	‘пространство ниже ориентира’	SUPER-C	‘верхняя поверхность ориентира’
ANTE	‘пространство перед ориентиром’	SUB-C	‘нижняя поверхность ориентира’
POST	‘пространство позади ориентира’	LAT-C	‘боковая поверхность ориентира’
LAT	‘пространство сбоку ориентира’		

Пространственные падежи пермских языков могут выражать различные типы локализации (см.: [Кондратьева 2011а: 151; Кузнецов 2012: 101–126]). В настоящей работе при описании семантики падежей будет дана только общая характеристика локализаций, по [Плунгян 2002: 67]: внешняя локализация (окрестность ориентира), внутренняя локализация (внутренняя часть ориентира) и контактная локализация (поверхность). Такой подход к описанию вызван тем, что в пермских языках пространственные падежи, за исключением эгрессива, имеют сходные пространственные значения. Кроме того, в случае употребления падежей физические свойства ориентира не всегда релевантны, что отличает их от послелогов, выбор которых часто задается типом ориентира, ср., напр., типичным ориентиром при употреблении послелогов с основой кз. *пытш(к)*- является вместилище, послелогов с основой кз. *пи-* – вещество, с основой кз. *пöвст-* – нерасчлененная совокупность.

В языках мира параметры ориентации и локализации могут выражаться отдельными граммами и кумулятивно. Так, многие нахско-дагестанские языки обладают развитой системой пространственных показателей, которые состоят из граммем падежа и локализации. Падеж выражает ориентацию движения, локализация выделяет конкретную топологическую зону ориентира (подробнее см.: [Кибрик 1970; Ганенков 2005]). Пространственные падежи пермских языков в отношении морфологического выражения семантики локализации и ориентации могут быть разделены на две группы. Общепермские пространственные падежи эти параметры выражают кумулятивно, одной грамемой, которая диахронически неразложима, ср. иллатив (к. *-ö*, удм. *-э/-е, -ы*), инессив (*-ын*), элатив (кз. удм. *-ысь*, кп. *-ись*). Структура показателей вторичных падежей (приблизительно-местных, поверхностно-местных, посессивно-местных) прозрачна. Компонент, выражающий локализацию, предшествует компоненту, выражающему ориентацию движения. М. Н. Усачева рассматривает его как «серийный» показатель локализации [Усачева 2012а: 88, 150–151]. В грамматических описаниях финно-угорских языков локализация, как правило, не выделяется в отдельную грамматическую категорию; элемент, указывающий в составе суффикса на локализацию, рассматривается как коаффикс, напр., коаффиксы *-s-* и *-l-* в показателях соответственно внутреннеместных и внешнеместных падежей в

прибалтийско-финских языках. Эта традиция выдерживается в данной работе.

Пространственные падежи в пермских языках имеют примерно одинаковый набор пространственно-метафорических значений, что обусловлено развитием большинства общепермских падежей по сходной модели. При описании пространственно-метафорических значений в настоящей работе использована в основном терминология, разработанная в монографии [Всеволодова, Владимирский 1982: 74–82]: пространственно-событийное значение (класс ориентира: общественная организация времени в определенном месте: ‘собрание’, ‘экзамен’); пространственно-посессивное значение (локализация DOMUS) (класс ориентира: лицо); пространственно-социативное значение (класс ориентира: общность людей, животных, предметов), пространственно-ситуативное значение (класс ориентира: условия, характеризующие место, в котором происходит действие (‘холод’, ‘темнота’, ‘жара’), пространственно-количественное значение (класс ориентира: мера пространства (‘километр’, ‘верста’).

В работе описывается семантика падежей, которые представлены в литературных формах пермских языков, а именно: общепермских пространственных падежей, приблизительно-местных падежей, распространенных в коми языках, и альтитерминатива, вне рассмотрения остаются падежи, сфера функционирования которых ограничена диалектами.

4.2. Семантическая структура инессива

4.2.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

1. Пространственное значение. Инессив в пермских языках употребляется для выражения ситуации местонахождения во внутренней зоне ориентира.

1.1. Местонахождение, внутренняя локализация. Инессив указывает на расположение объекта, протекание ситуации во внутренней части ориентира. Ориентиром являются трехмерные, замкнутые пространства, которые имеют ограничивающую поверхность (или по крайней мере видимые границы) и, соответственно, внутреннюю и

внешнюю области, вместилища (закрытые и открытые), участки пространств, вещество или совокупность однородных элементов:

кз. *Епим дядь керкаын кык вой узим.* (Е. Афанасьев) ‘Две ночи [мы] переночевали в доме дяди Ефима’; *Кылö кос турунын Тöчитö шырангяс чирк.* (С. Попов) ‘Слышно, как в сухой траве кузнечик точит ножницы’; *Сэни, машина бөрвылын, коскөдзыс ваын сулалис да горзис Маша.* (И. Изъюров) ‘Там, за машиной, стояла по пояс в воде и кричала Маша’.

кп. *Мамöлөн сундукын куйлисö важ деньгазз, тэчи нийö горшокö да тырті то этчö.* (А. Ермаков) (Парма шы: 393) ‘В сундуке моей матери лежали старые денежные купюры, [я] положил их в горшок и закопал вон туда’; *Пуджөм вешьян коккеза зонка пидзöсви сулалис ваын.* (Баталов) ‘Мальчик с закатанными штанинами стоял по колено в воде’.

удм. *Кеносын ке вань, коркан но шуныт.* ‘Если [что-то] есть в амбаре, и в избе тепло’ [Перевозчикова 1987: 20]; *Кык нунал но кык уй пукизы разведчикъёс вуын.* (Удм. дунне, 2009.05.19) ‘Два дня и две ночи сидели разведчики в воде’.

1.2. Местонахождение, контактная локализация. Инессив указывает на расположение объекта на внешних пределах пространственного ориентира. Ориентиром являются плоские, визуально необъемные предметы (‘пол’, ‘стена’) или предметы, функциональная часть которых является плоской:

кз. *Пукалöны быдлаын: скамьяяс вылын и джоджын.* (В. Безносиков) ‘Сидят [они] везде: на скамьях и на полу’.

кп. *Джоджын куйлисö кынымкö солдат.* (Баталов) ‘На полу лежали несколько солдат’.

удм. *Выж вылын линолеум, борддоръёсын – суредъёс, вöлдэтын – люстра, укноын – жалюзи.* (Удм. дунне, 2009.08.28) ‘На полу линолеум, на стенах – картины, на потолке – люстра, на окне – жалюзи’.

Пермские языки представляют пример языка с расщепленным кодированием поверхности, эта топологическая зона может быть обозначена как инессивом, так и послелогом *вылын* ‘на’:

кз. *Видзöда: мамö пызандорса лабич вылын пукалö да сёла куштö.* (А. Одинцов) ‘Смотрю: моя мать сидит на лавке возле стола и рябчика ощипывает’.

кп. *Семён ружтёмён куйліс койка вылын.* (Баталов 1990: 132) 'На кровати, постанывая, лежал Семен'.

удм. *Ческытэз – жёк вылын.* 'Сладкое – на столе' [Перевозчикова 1987: 29].

2. Пространственно-количественное значение. В сочетании с существительными, выражающими протяженность в пространстве, инессив указывает на местонахождение объекта через обозначение расстояния:

кз. <...> эм Рудник посёлок – Занульесьянь Спаспурублань мунигён сизимёд километраын. (В. Юхнин) '<...> есть поселок Рудник – на седьмом километре от Зануля в сторону Спаспуруба'.

кп. *Туй кузя, Богатейской дынёдз квать мымда верстаын, вёр пытихкись чукыльын Тималё да Кузьмалё казявтёг паныдасис кузь обоз.* (Баталов) 'По дороге, примерно на шестой версте до Богатейского, на повороте из леса Тима и Кузьма случайно повстречали длинный обоз'.

удм. «Удмурт дуннелэн» редакциез кызь арлэсь кема уліз город пумын, Вотка шоссесысь 10-тй иськемын. (Удм. дунне, 2008.09.17) 'Редакция газеты «Удмурт дунне» более двадцати лет располагалась в конце города, на десятом километре Воткинского шоссе'.

В современном коми-зырянском языке инессив в таких контекстах активно вытесняется послелогом *вылын* 'на', ср. частотность употребления в ККЯ конструкции «числительное + километр вылын 'на'» – 6, «числительное + километр.INESS» – 1 (дата обращения: 11.12.2018):

кз. *Кёкъямысёд километра вылын эм кыр.* (А. Ванеев) 'На восьмом километре есть гора'.

3. Пространственно-социативное значение. Инессив употребляется при указании на группу, коллектив, в состав которого входит участник ситуации:

кз. *А йёз чукёрын кылсны разной сёрнияс.* (Рочев 1951: 176) 'А в толпе людей слышались разные разговоры'.

кп. *Ния годдэзён, коднё Семён чулётис пограничной отрядын, Шордор ештём мёдкодьсявны.* (Баталов 1990: 210) 'За те годы, которые Семен провел в пограничном отряде, с. Шордор успело измениться'.

удм. *Тупамтэ семьяын жёк съёрын но ваче тыбыр пуко*. ‘В недружной семье даже за столом спиной друг к другу сидят’ [Перевозчикова 1987: 118].

4. Пространственно-ситуативное значение. Инессив указывает на условия, обстоятельства, характеризующие место, в котором происходит ситуация:

кз. *Дзонь вежон чёж нин быттьё дзурс пемыдын олам*. (В. Юхнин) ‘Уже целый месяц живем как будто в беспросветной тьме’.

кп. *Горизонт эшо чочкомкодъ-голубой тишынокын*. (В. Баталов) (Парма шы: 146) ‘Горизонт еще в беловато-голубой дымке’.

удм. сев. <...> *фосфор, пэ, кулэм муртлэн лыосыс'тыз оз'ы потэ но пэймытын жэуа*. ‘<...> фосфор-де из костей выделяется и светится (‘горит’) в темноте’ [Кельмаков 1981: 161].

5. Пространственно-посессивное значение. При глаголах пребывания инессив может употребляться с одушевленными существительными, чаще всего оснащенными показателем множественности, и с личными местоимениями множественного числа, выражая локализацию в названном через лицо месте:

кз. *Первойсё олісны ыджыд мамъясын – Яков Матрен керкаын*. (В. Лодыгин) ‘Вначале жили у бабушки – в доме Яков Матрены’; сс. (Ч.) *Мамысын олоны*. ‘Живут у своей матери’ [ССД: 31].

кп. *Сідз гөститіс Митиперыс Гаврил дяддезын, топ роднойёс панталісё и кольлалісё*. (Федосеев 1991: 216) ‘Гостил Митипер у дяди Гавриила так, словно родного встретили и проводили’.

удм. сев. *соку-ай санкоос романійосын чош уло на вал*. ‘Тогда еще семья Санко жила в одном доме (‘вместе’) с семьей Романа’ [Кельмаков 1981: 127].

6. Пространственно-событийное значение. В удмуртском языке инессив последовательно используется при указании на участие лица в ситуации и ее местонахождение:

удм. *Медакадемиысь профессор экзаменын умой оценка пуктон понна студентлэсь 5 сюрс манет уксё курем*. (Удм. дунне, 2007.09.18) ‘На экзамене профессор медакадемии попросил у студента пять тысяч рублей за хорошую оценку’; *Конференциын пöртэм докладъёс лыдзёмын луозы*. (Удм. дунне, 2015.09.29) ‘На конференции будут зачитаны разные доклады’; *Завуч вань урокъёсам пуке, планъёсме*

эскере. (Удм. дунне, 2011.11.25) ‘Завуч сидит на всех моих уроках, проверяет мои планы [уроков]’.

В коми языках инессив в этом значении активно заменяется послелогом *вылын* ‘на’:

кз. *Войпукын оз пукавсьы, Чёрсыс кыись гылалё, Печканыссё ислалё, Кудель тошкыс тіралё.* (КМС: 172) ‘На вечеринке не сидится, веретено из рук падает, прялка скользит, кудель дрожит’.

кз. *Войпук вылын коть пир вылын сійё нывъясёс гажёддö.* (Н. Куратова) ‘Хоть на посиделках, хоть на пиру он развлекает девушек’.

кп. *Быд собраннё вылын нійö ошкёны.* (Баталов) ‘На каждом собрании их хвалят’.

Как показывает поиск в ККЯ, соотношение между послелогом и инессивом в абсолютном большинстве случаев в пользу послелога, ср. соотношение между послелогом и инессивом с существительными *конференция* – 457:26; *экзамен* – 37:0; инессив доминирует только с существительным *войпук* ‘посиделки’, ср. инессив – 44, послелог – 17 (дата обращения: 11.12.2018).

7. Мера пространства (площадь). С существительными, выражающими протяженность в пространстве, инессив может указывать на пространственную протяженность ориентира, в пределах которого осуществляется действие:

кз. *Чупрова Домна Андреевна: «Картупель вёдитöмыс воысь-во содіс. 1944 воын сійöс быдтім 64 гектарын».* (Коми му, 2015) ‘Чупрова Домна Андреевна: «Из года в год увеличивались посевы картофеля. В 1944 году его [мы] выращивали на 64 гектарах».

удм. *Гуртсы туж бадзым – 4-5 иськемын интыяськемын оз 300 юрт.* (Удм. дунне, 2008.09.02) ‘Их деревня очень большая – на четырех-пяти километрах располагается около 300 домов’; *Балезиноос со вакытэ 12,5 гектарын емышгёс будэтійллям, шаркангёс – 45 гектарын, эграос – 28 гектарын.* (Удм. дунне, 2013.05.31) ‘В ту пору жители Балезино выращивали фрукты на 12,5 гектарах, жители Шаркана – на 45 гектарах, жители Игры – на 28 гектарах’.

В современном коми-зырянском языке инессив в этом значении, как и в предыдущем случае, варьирует с послелогом *вылын* ‘на’, ср. количественное соотношение между инессивом и послелогом со словом *гектар* в ККЯ – 8:207 (дата обращения: 11.12.2018). В коми-

пермяцком языке инессив в таких контекстах, скорее всего, уже вышел из употребления, уступив место послелогу *вылын* 'на':

кз. *Кызь гектар вылын анькытш сора зёр.* (П. Шахов) 'На двадцати гектарах горохо-овсяная смесь'.

кп. *Нель гектар вылын быдмё зёр-анькытш.* 'На четырех гектарах растет горохо-овсяная смесь'.

8. Темпоральное значение. В коми-зырянском и удмуртском языках инессив используется для указания на темпоральную локализацию, на период времени, в один из моментов которого происходит действие:

кз. *Тулысын узян, арын шогё усян.* (КМС: 219) '[Если] весной проспишь, осенью горевать будешь'; сс. (Пд.) *Кос повод'д'аын колё турунтё куртны.* 'Сено надо заготавливать в сухую погоду' [ССД: 31].

удм. *Арын кык гужем уг луы.* 'Дважды в год лета не бывает' [Перевозчикова 1987: 145]; *Уин кёттэ уд тыр.* 'Ночью не едят' [Перевозчикова 1987: 126].

При выражении темпоральных отношений инессив варьирует с иллативом. Как отмечает Н. В. Кондратьева, в удмуртском языке выбор падежа зависит от семантики существительного. Названия месяцев, дней недели, праздников, как правило, маркируются показателем иллатива; названия времен года, частей суток, а также существительные со значением 'секунда', 'минута', 'неделя', 'месяц', 'год' и др. могут принимать суффиксы иллатива и инессива [Кондратьева 2011а: 158–159]. В коми-зырянском языке инессивное оформление предпочитают существительные, обозначающие названия месяцев, времен года, показатель иллатива – названия дней недели. С названиями частей суток падежи используются параллельно, ср. соотношение употребления инессива и иллатива в ККЯ с лексемами *март* – 355:1; *май* – 398:4; *гожём* 'лето' – 1103:159; *пекнича* 'пятница' – 8:170; *серёда* 'среда' – 1:32; *рыт* 'вечер' – 1109:1044; *асыв* 'утро' – 984:819 (дата обращения: 15.12.2018). В коми-пермяцком языке инессив в темпоральном значении встречается крайне редко. В текстах [Баталов; Можаяев; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1991] можно обнаружить единичные случаи употребления в инессиве названий месяцев и лексемы *месяц*, что является результатом калькирования русской конструкции «предлог *в* + предложный падеж»:

кп. *Вöлі эта историяыс девятнадцатой годись февральын.* (Баталов) ‘Эта история случилась в феврале девятнадцатого года’; *Таво мартын <...> тяжёлöй атлетика съöрти Емельян босьтис первой места.* (Баталов) ‘В марте этого года <...> Емельян занял первое место [в соревнованиях] по тяжелой атлетике’; *Февраль месяцын сулалисö 50 градуса мороззээ.* (Баталов) ‘В феврале месяце стояли 50-градусные морозы’.

9. Пребывание в ситуации. С отглагольными именами, а также с существительными, обозначающими ситуацию, инессив указывает на пребывание участника в ситуации:

кз. *Сийö пыр кöйис лоны зонпосниясысь збойджыкөн, и эз сетчыв налы ни уджын, ни ворсöмын, ни велöдчöмын.* (И. Избуров) ‘Она все время хотела быть шустрее мальчишек и не уступала им ни в работе, ни в игре, ни в учебе’.

кп. *Отсалис меным эта уджын руч.* (Перем) ‘В этом деле мне помогла лиса’.

удм. *Котькудйзлэн луонлыкез вань ассэ дышетсконын, ужын, мукет удысын возматыны.* (Удм. дунне, 2012.02.29) ‘Каждый имеет возможность показать себя в учебе, в работе, в другой сфере’.

10. Пребывание в состоянии. Инессив используется для указания на эмоциональное и физическое состояние, в которое субъект оказывается погружен. Существительное в форме инессива входит в состав сказуемых бессвязочных и со связочными глаголами. В коми языках такие конструкции встречаются довольно редко:

кз. *Йöзлөн олöмыс, дерт, важкодь жö курыд шогын.* (Н. Попов) ‘Жизнь людей, конечно, как и прежде, нерадостная (‘в горькой печали’)’; скр. (З.) *Шогын пö зэв вöлöма сэки.* ‘Говорят, тогда у него было большое горе (‘он был в большом горе’)’ [ПСД: 67].

кп. *Нывкаыт олис аслас кышын, аслас шогын, аслас зубытын.* (Климов 1987: 24) ‘Девушка жила замкнуто, в своем горе, в своей печали’.

удм. *Россияен чош кайгуын но данын Тон, Удмуртие мынам!* (Удм. дунне, 2008.10.31) ‘Вместе с Россией в печали и радости Ты, моя Удмуртия!’; *Шумпотонын но, куректонын но тii кузпалды вöзын вал.* (Удм. дунне, 2007.09.03) ‘И в радости, и в горе вы были рядом со своим мужем’.

11. Эссивное значение. В пермских языках инессив употребляется при указании на занимаемое участником ситуации положение в социуме. В этом случае существительное в форме инессива выступает в составе сказуемого, чаще всего со связочными глаголами (кз. кп. *лоны* ‘стать, становиться’, *вöвны* ‘быть’), а также с полу- и полнознаменательными глаголами кз. кп. *уджавны*, удм. *ужаны* ‘работать’, *тыршыны* ‘трудиться’, кз. кп. *овны*, удм. *улыны* ‘жить’ и др. Такое употребление падежа больше характерно для удмуртского, чем для коми языков, между тем в современном удмуртском языке активную конкуренцию инессиву составляет послелог *луыса*:

удм. *Егит кузпальёс кыксы но быдэс даурзэс колхозын ужазы: Николай Павлович бригадирын ветлiз, Руфима Николаевна – рядовойын.* (Удм. дунне, 2010.07.23) ‘Молодые супруги оба всю свою жизнь работали в колхозе: Николай Павлович был бригадиром, а Руфима Николаевна – рядовой колхозницей’; *Кытын ужаз? Колхозын бригадирын но, кладовщикын но.* (Удм. дунне, 2008.09.12) ‘Где он работал? В колхозе и бригадиром, и кладовщиком’; *Юралэн Виталий агаез Ижысь автозаводын директор луыса ужаз.* (Удм. дунне, 2011.12.07) ‘Старший брат Юры Виталий работал директором на Ижевском автозаводе’.

Сравнительный анализ частотности употребления падежа и послелога с произвольными существительными на материале КУЯ показал, что в современном языке наблюдается количественный перевес в пользу послелога, но в некоторых случаях инессив используется еще чаще послелога (табл. 42).

Таблица 42

Частотность употребления инессива и послелога *луыса*

Существительное	Инессив	Послелог <i>луыса</i>
<i>Дышетiсь</i> ‘учитель’	79	113
<i>Бригадир</i>	38	15
<i>Тракторист</i>	23	29
<i>Директор</i>	19	20
<i>Журналист</i>	10	10
<i>Экономист</i>	8	21
<i>Программист</i>	2	6
Всего	179	214

В отличие от удмуртского языка, в коми языках инессив в эссивном значении отходит на периферию, по частотности употребления он значительно уступает инструменталю. В ККЯ и коми-пермяцких текстах [Баталов; Можаев; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1991; Федосеев 1994; Шапов 1909] удалось обнаружить единичные примеры с инессивной группой:

кз. *Тэ өд бригадирын жö вöлін.* (В. Леканов) ‘Ты ведь тоже бригадиром был’; *Да öні пö ог жö мун, кор тэ, менам друг, бригадирын.* (Н. Попов) ‘Да ведь теперь же, говорит, не уйду [с работы], когда ты, мой друг, бригадир’.

кп. *Кин солдатын эз вöв, сия и горё эз адззыв.* (Баталов) ‘Кто не был солдатом, тот и горя не видал’.

В диалектах инессив сохраняет еще свои позиции, однако, как и в литературном языке, наблюдается тенденция к его вытеснению инструменталем:

кз. скр. *Стөрöжын уджалö.* ‘Работает сторожем’ [ПСД: 67]; иж. *Сылön бабыс рöбитэ чом рöбэт'н'ичаын.* ‘Его бабушка работает работницей чума’ [ИД: 44]; уд. *Вокö рöбитö утшиит'эл'ын.* ‘Брат работает учителем’ [УД: 34]; печ. *Н'ол' во пэкарын уджали.* ‘Четыре года я работал пекарем’ [ПД: 23]; вв. (Ст.) *Нылэй качэгарин уджалэ.* ‘Дочь работает кочегаром’ [ВВД: 75]; вс. (Кб.) *Шофэрын уджалö.* ‘Работает шофером’ [ВСД: 68].

кп. коч. *трактористкаын уджалö* ‘работает трактористкой’; оньк. *уджаліс куреньшикын* ‘работал лесорубом’ [Баталова 1975: 150–151].

4.2.2. Межъязыковые различия

Коми-зырянский язык

1. Посессивное значение. В удорском диалекте инессив, наряду с послелогом *ордын* ‘у’, употребляется для указания на временного посессора, т. е. временного нахождения объекта в распоряжении обладателя:

кз. уд. (Чупр.) *Йуыс'ын дас кык шайт.* ‘У пьяницы [находится] двенадцать рублей’ [Сорвачева 1972: 239].

2. Пространственно-объектное значение. В верхневычегодском, вымском, ижемском, печорском, присыктывкарском, удорском диа-

лектах при глаголах действия, преимущественно при глаголе *уджавны* 'работать', инессив обозначает место через объект, на который направлено активное действие субъекта. Показатель инессива принимают существительные, обозначающие предметы растительного и животного мира. В данном случае можно усмотреть метонимический перенос «объект действия → место действия, направленного на объект»: заготавливать бревна ('работать с бревнами') → работать на лесозаготовках:

кз. вв. *Бат'э кэрийн уджалэ*. 'Мой отец работает на лесозаготовках' [ВВД: 77]; вв. *Марья кукаун'ин уджалэ*. 'Мария ухаживает за телятами' [ВВД: 79]; вым. (К.) *Кэрийн дыр рөбити*. 'Я долго работал на лесозаготовках' [ВД: 68]; скр. (З.) *Коли кык норма сэки уджавны. Картунэл'ас өд шоньд диньн*. 'Надо было тогда по две нормы отрабатывать. Ведь картофель (перебирать) в тепле' [ПСД: 68].

В отношении свободного варьирования с инессивом находится послелог *дорын* 'у'. Конструкции *кер дорын* 'на лесозаготовках' и *көр дорын* 'в оленеводческой бригаде' претерпели лексикализацию:

кз. *А уджалысны нывбабаяс кер дорын, чибөяс пыдди кыскалысны вөр*. (Н. Куратова) 'А работали женщины на лесозаготовках, таскали дрова вместо лошадей'.

3. Пребывание в состоянии. В удорском диалекте инессив употребляется при описании ситуации, характеризующей субъект состоянием его отношений с другим лицом, а также состоянием его родства:

кз. уд. (Лат.) *Ми л'окын з'ат'ыскөт*. 'Мы в ссоре с зятем'; (Косл.) *Матыс рөд на тайа, коди кыкын да н'ол'ын*. 'Близкой родней [является] еще этот, который во втором-четвертом поколении'; *Осипыскөт ми квайтын да ог рөдас'ө*. 'Мы с Осипом [родственники] в шестом поколении и не поддерживаем родственных связей' [УД: 34].

4. Значение стандарта сравнения. В вашкинских говорах удорского диалекта, а также в кольских говорах ижемского диалекта инессив употребляется при выражении сравнительных отношений, сходства пространственного расположения и признака участника ситуации со стандартом сравнения. Соответствием инессиву в других диалектах являются инструменталь и послелог *моз* 'как':

уд. (Пучк.) *С'интөм мырйө, мырйын пукалан*. 'Слепой пень, сидишь подобно пню'; (Важ.) *Гөл'өкын куйли*. 'Лежал как колода'

[Сорвачева 1972: 240]; иж. (Лов.) *Понйыс калачын куйлõ*. ‘Собака лежит, свернувшись (‘калачиком’)’ [Сахарова, Сельков 1960: 140].

Удмуртский язык

Мера пространства (расстояние). Инессив указывает на расстояние, отделяющее местонахождение участника ситуации от пространственного ориентира, являющегося исходной/конечной точкой отсчета:

удм. *Берлинлэсь 200 иськемын Вормон Нуналэз пумитаз*. (Удм. дунне, 2008.08.20) ‘В 200 километрах от Берлина он встретил День Победы’; *Константина город интыяськемын Средиземной зарезьлы ог 100 иськемын*. (Удм. дунне, 2010.09.29) ‘Город Константинополь [Стамбул] расположен примерно в 100 километрах от Средиземного моря’.

В коми языках для обозначения меры расстояния используются послелог кз. кп. *сайын* ‘за’, *ылнаын*, кз. *выяын* ‘на расстоянии’:

кз. *Месянь воськов дас сайын ньõжйõникõн гонялис-ветлõдлис сьõд дозмõр*. (И. Торопов) ‘Примерно в шагах десяти от меня медленно расхаживал-озирался глухарь’; *Емдінсянь 18 верст ылнаын – Серёгов*. (Г. Торлопов) ‘В 18 километрах от Усть-Выми находится Серегово’; <...> *вõрпунктянь кык-куим километр выяын орчõн нельõд местаын нин кыпõдчõ сьõд тшын*. (В. Юхيني) ‘<...> в двух-трех километрах от лесопункта уже на четвертом месте подряд поднимается черный дым’.

кп. *Нія [петухес] саймõtõны не только ассиныс отирсõ, но и Виль Гублянсис, а сiя эд кык километр сайын*. (Климов 1987а: 109) ‘Они [петухи] будят не только свою деревню (‘своих людей’), но и Виль Гублян, а он ведь в двух километрах [от этого места] находится’; *Куим километр ылнаын посёлок дынсянь нiя сибõtчисõ вылын пожарнõй вышка дынõ*. (Баталов) ‘Они приблизились к высокой пожарной вышке, которая находится в трех километрах от поселка’.

4.2.3. Сравнительно-исторический аспект

Показатель инессива восходит к локативному суффиксу **-на/ *-нiя*, который является одним из наиболее достоверных прафинно-угорских падежных формантов [Основы 1974: 247; Лыткин 1977: 26;

Collinder 1960: 286; Rédei 1981: 279; Rédei 1988: 380; Bartens 2000: 84–85; Csúcs 2005: 183–185; др.]. Несмотря на праязыковой источник суффикса, этот падеж в современных пермских языках не обладает развитой семантической структурой, что, видимо, связано с расщеплением прапермского локатива на два самостоятельных падежа – инессив и инструменталь, отчетливые следы такого процесса сохраняются в каждом из родственных языков (см. раздел 3.7). В пространственном значении инессив употребляется при выражении местонахождения объекта во внутренней зоне ориентира, совмещая значения внутренней и контактной локализации, т. е. локализации на поверхности и во внутренней части ориентира. Основную часть непространственных значений составляют типологически распространенные пространственно-метафорические, развившиеся на основе значения внутренней локализации. В современных пермских языках наблюдается некоторое снижение семантической нагрузки инессива. В коми языках он почти уже вытеснен послелогом *вылын* ‘на’ в пространственно-событийном и пространственно-количественном значениях, в значении меры пространства (площадь); послелогом *сайын* ‘за’, *ылнаын* ‘на расстоянии’ – в значении меры пространства (расстояние); в предикативной (эссивной) функции заменяется инструменталем в коми языках и послелогом *луыса* в удмуртском языке. Прямые параллели обнаруживает инессив коми-зырянского и удмуртского языков в темпоральном значении, соответствием которому в коми-пермяцком языке является инструменталь.

Специфические значения падежа, присущие для ряда коми-зырянских диалектов, находят семантические параллели в дальнеродственных и неродственных языках. В пространственно-объектном значении инессив обнаруживает параллель в прибалтийско-финских языках, ср. ф. *Poika on karjassa*. ‘Мальчик пасет скот (‘Мальчик находится в скоту’)’; *Ukko on tuohessa, sammalessa*. ‘Старик собирает бересту, мох (‘в бересте, во мху’)’ [Хакулинен 1955: 213–214]. Л. Хакулинен отмечал, что «внутриместные падежи указывают на нахождение в процессе собирания, добывания и т. д. того, что выражает соответствующее слово» [Хакулинен 1955: 214]. Тем не менее нельзя говорить о полном параллелизме конструкций, так как в прибалтийско-финских языках инессив указывает одновременно

на ситуацию и объект, затронутый этой ситуацией (глагол ф. *olla* ‘быть’: *Miehet ovat kalassa* ‘Мужчины находятся на рыбной ловле (‘в рыбе’)’ [Хакулинен 1955: 213]), тогда как в коми-зырянском языке – на объект и место протекания ситуации, само действие привносится лексической семантикой глагола (*уджавны* ‘работать’, *овны* ‘жить’). Представляется, что такое употребление инессива является, скорее всего, праязыковым наследием, сохранившимся в северо-западных и центральных диалектах, в остальных территориальных разновидностях коми-зырянского языка инессив был заменен послелогом *дорын* ‘у’. Другие семантические особенности, которые характерны только для инессива окраинного удорского диалекта, также имеют параллели за пределами пермских языков как в родственных языках, ср. ф. *Taivas on pilvessä* ‘Небо покрыто облаками (‘в облаке’)’ [Хакулинен 1955: 216], кар. *Ukko on humalassa* ‘Старик пьян’ [Зайков 1999: 42], мр. сз. *тӱгӱр-йалаки шимӱитӱ* ‘белье грязное или бельё в грязи’ [Иванов, Тужаров 1970: 114], так и в севернорусских говорах, ср. *Когда в ругани, дак мужык скажэт: гордишся йеишо, голодыра пришла* (ХОЛМ. Кзм.) [АОС 1983: 12], *В тебе копейка* [за тобой копейка] (Волог); *В тебе* есть *должок*. (Арх.) [СРНГ 1969: 6]. В данном случае можно усмотреть взаимодействие ареальных и ареально-генетических факторов, которые сыграли важную роль в эволюции грамматической системы удорского диалекта.

Отметим, что инессив представлен в падежной системе большинства финно-угорских языков: в пермских, марийском, мордовских, прибалтийско-финских, венгерском; в обско-угорских языках функционирует локатив. В родственных языках инессив имеет достаточно схожую семантическую структуру [ГМЯ: 166–168; Хакулинен 1955: 213–216; Иванов, Тужаров 1970: 113–114; Данилов 1973; Ермушкин 1978: 187–197; Коведяева 1978: 134; Зайцева 1981б: 93–94; Тужаров 1987: 98–101; Зайков 1999: 42]. Наиболее развита его семантика в мордовских языках, где он реализует также значения инструментальной зоны (значения инструмента, средства передвижения, вспомогательного предмета и др.) [ГМЯ: 166–168; Ермушкин 1978: 187–197]. Данные мордовских языков могут быть косвенным подтверждением развития инструменталия и инессива из единого праязыкового источника в пермских языках.

4.3. Семантическая структура илллатива

4.3.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

1. Пространственное значение. Илллатив употребляется при указании на конечный пункт направленности, выражая различные значения параметра локализации.

1.1. Конечный пункт направленности, внутренняя локализация. Илллатив указывает на направленность во внутреннюю часть ориентира:

кз. *Керкай пырис дзодзогти.* (М. Игнатов) ‘В дом вошел гусенок’; *И дзебсьылас кӧ кытчӧкӧ, ляк баддьӧ пыралас пыжнас.* (Г. Юшков) ‘Если куда-то [он] и спрячется ненадолго, то на лодке в мелкий ивняк заезжает’; *Ёкмьльнас вӧлӧма джынвийӧ няйтӧ вӧйӧм рация.* (М. Игнатов) ‘Свертком оказалась наполовину погрузившаяся в грязь рация’.

кп. *Куимнанныс пырисӧ учӧтик керкуокӧ.* (Баталов) ‘Все трое зашли в маленький домик’; *Быдӧс сӧя жар коста турунӧ да кусттэз увтӧ дзебсисьӧ.* (Баталов) ‘Во время этой жары все спрячутся в траву и под кусты’.

удм. *Кузё но депутат коркае пыризы.* (Удм. дунне, 2009.08.26) ‘Начальник и депутат вошли в дом’; *Чорыг кутэмед потэ – пыр вуэ.* ‘Хочешь поймать рыбу – лезь в воду’ [Перевозчикова 1987: 15].

1.2. Конечный пункт направленности, контактная локализация. Илллатив употребляется при выражении направленности на горизонтальную и вертикальную поверхность пространственного ориентира:

кз. *Илья повзьӧмысла усьӧ джоджӧ.* (Н. Дьяконов, С. Ермолин) ‘Илья от испуга падает на пол’; *Машинаӧн кытӧдӧм бусыс надзӧник пуксис керка стеньӧ.* (В. Безносиков) ‘Поднятая машиной пыль медленно оседала на стену дома’.

кп. *Ая-зона водисӧ узыны джоджӧ.* (Баталов) ‘Отец с сыном легли спать на пол’.

удм. *Бордоре ошемын Грак ёрослэн аспӧртэм картаез.* (Удм. дунне, 2010.01.15) ‘На стену повешена своеобразная карта Граховского района’.

Параллельно с иллативом в таких контекстах используется послелог кз. кп. *вылӧ*, удм. *вылэ* ‘на’ (о конкуренции между иллативом и послелогом в коми языках подробнее см.: [Некрасова 2015; 2020]):

кз. *Ласей пуксис лабичӧ*. (В. Юхнин) ‘Влас сел на лавку’; *Пуксим фонтандорса лабич вылӧ*. (Н. Куратова) ‘Мы сели на скамейку возле фонтана’.

кп. *Нія ордчӧн пуксисӧ лабич вылӧ*. (Баталов) ‘Они сели рядом на скамейку’; *Пуксяс лабичӧ* [Иван Саревич], *юрсӧ бӧшӧтас и тӧждисӧ*. (Перем) ‘Сядет [Иван Царевич] на лавку, голову повесит и запечалится’.

удм. *Мамык лымы, каллен бергаса, пеймыт инмысь усе кынмем музьем вылэ*. (Удм. дунне, 2013.01.10) ‘Пушистый снег, медленно кружась, падает с темного неба на мерзлую землю’; *Оля катӧтэм пуксиз, кысьтыз телефонэз выж вылэ усиз*. (Удм. дунне, 2012.11.27) ‘Оля, обессиленная, села, телефон упал из ее рук на пол’.

1.3. Конечный пункт направленности, внешняя локализация. В пермских языках иллатив может указывать на направленность к ориентиру с последующим контактом с ним. В качестве ориентира выступают водные пространственные объекты (‘река’, ‘ручей’, ‘колодец’, ‘родник’), которые осмысляются как объекты с функциональным назначением: место, где можно поймать рыбу; место, где можно взять воду; место, где можно осуществлять разные действия, связанные с водой (стирать, полоскать, купаться и т. п.). В таких контекстах обязательным является наличие компонента с целевым значением, которым является инфинитив или именная группа в консекutive в коми языках и послеложная группа в удмуртском языке:

кз. *Меным и юкмӧсӧ вала оз ков мунны*. (Н. Куратова) ‘Мне и к колодцу за водой не надо идти’; *Кӧлуй пожъявны шорӧ мӧдӧ*. (Н. Куратова) ‘Белье полоскать [я] отправилась к ручью’.

кп. *Асывнас менӧ саймӧтис Семён да нӧтис миссьыны ключӧ*. (Климов 1992: 208) ‘Утром меня разбудил Семен и повел к роднику умываться’.

удм. *Ву понна шуре ветлоно луылӧзы*. (Иднакар, 2014.03.20) ‘За водой к ручью им приходилось ходить’; *Пересез но егитэз ву понна ошмесэ васько*. (Иднакар, 2014.04.10) ‘Старые и молодые за водой спускаются к роднику’.

В значении направленности к ориентиру иллатив находится в отношении свободного варьирования с послелогом к. *дорö*, удм. *дуре* ‘к’: кз. *Ме шор дорö пожъясьны лэччыла*. (Н. Куратова) ‘Я схожу к ручью полоскать’.

кп. <...> *ведразён вала шор дорö эз лэдзчö инькаэз*. (Баталов) ‘<...> женщины с ведрами не спустились к ручью за водой’.

удм. *Чылкыт вулы – ошмес дуре*. (Удм. дунне, 2010.08.24) ‘За чистой водой – к роднику’.

Представляется, что в более ранние периоды истории пермских языков, по крайней мере, в прапермском языке, иллатив в этом значении был представлен шире, чем в настоящее время, о чем свидетельствуют следующие примеры:

удм. *Ой шуре дас иськеме пыдын мынйськом*. (Удм. дунне, 2007.08.22) ‘К реке Иж десять километров мы пешком шли’; *Игнатий Гаврилович жöк сёрысьтыз султэ но, киоссэ кусказ тырыса, кабинетэтиз сэрегысь сэреге ветлэ*. (Удм. дунне, 2012.03.27) ‘Игнатий Гаврилович встает из-за стола и ходит из угла в угол по кабинету, положив руки на пояс’.

кз. *Со и ветла вошöм юрöн стеньсь стеньö*. (В. Тимин) ‘Вот и хожу от стены к стене растерянный’.

1.4. Директивно-локативное значение. В пермских языках, помимо глаголов движения и перемещения, иллатив требуют глаголы, которые кажутся не совсем типичными для лативных падежей: ‘спрятаться’, ‘забыть’, ‘оставить’, ‘остаться’, ‘заснуть’, ‘заблудиться’, ‘замочить’, ‘утонуть’:

кз. *Семён Иванович сэки карö кольччис*. (И. Белых) ‘Семен Иванович тогда в городе остался’.

кп. *Öтик инь менам гортö колис*. (Перем) ‘Одна жена у меня дома осталась’.

удм. *Та концерт понна мон кыли Иже*. (Ваньмон дыр, 2013.12.02) ‘Из-за этого концерта я осталась в Ижевске’.

Ситуация, описываемая указанными глаголами, в пермских языках представляется как директивно-локативная, а не как ситуация локализации, что имеет место, напр., в русском языке. Различие в оценке ситуации можно объяснить характером самой ситуации, которую можно интерпретировать как ситуацию пространственного перемещения (акцентируется развитие события во времени) и как ситуа-

цию локализации (акцентируется достигнутый в процессе движения, действия, изменения состояния результат). Семантика отмеченных глаголов: перемещение, завершающееся нахождением в определенном месте, не всегда четко выражена, не просматривается преимущественно направительный компонент. Поэтому в современных пермских языках под влиянием русского языка обнаруживаются случаи замены иллатива инессивом. Между тем иллатив и инессив могут употребляться в одних и тех же контекстах, что демонстрируют примеры (а)–(г):

(а) кз. *Вёрын Петя дзэбсис ош гуё*. ‘[Находясь] в лесу, Петя спрятался в берлоге медведя’.

(б) кз. *Пуртыс воишс вёрын нин*. ‘Нож потерялся уже в лесу [т. е. когда участник ситуации находился в лесу]’.

(в) кз. *Петя пуртсё вёрё воштёма*. ‘Петя потерял нож в лесу [т. е. Петя, находясь в лесу, потерял там нож]’.

(г) кз. *Петя воишс вёрё*. ‘Петя [находясь в лесу] потерялся в лесу’.

В примере (а) инессив указывает на местонахождение участника во время ситуации, описанной глаголом, иллатив – на перемещение участника в пределах этого пространства. В примерах (б)–(в) описывается ситуация потери ножа, но в первом предложении в центре внимания место нахождения (в лесу) субъекта во время ситуации, описываемой глаголом (при потере ножа); во втором примере акцентируется место потери ножа. Ситуацию, описываемую в примере (г), можно интерпретировать следующим образом: ‘Петя пришел в лес и, находясь там, потерялся’. М. Н. Усачева, описывая аналогичные конструкции в бесермянском наречии, опирается на динамический подход к семантике языковых единиц: в случае инессива «фокус внимания говорящего сосредоточен на внутренней фазе ситуации, для говорящего главным является тот факт, что субъекты высказывания находятся в лесу»; в случае иллатива «говорящий обращает внимание на динамический аспект ситуации: субъекты заходят в лес и теряются в нем» [Усачева 2012а: 167].

2. Пространственно-социативное значение. Иллатив употребляется при указании на коллектив, в состав которого включается, входит участник ситуации:

кз. *Ми радпырысь примитам тэно асланым коллективё*. (Безносиков 1985: 7) ‘Мы с радостью примем тебя в наш коллектив’.

кп. *Арнас, кор Захар первуись локтіс бригадой, буровой мастер ас пондасис думайтіс: «Этишмось и колёны мяянлө рабочейяс».* (Баталов 1976: 69) ‘Осенью, когда Захар впервые пришел в бригаду, буровой мастер подумал про себя: «Такие нам и нужны рабочие»’.

удм. сев. *кол'л'эктивэ ми пырим, трос бусыйэн отын ужас'ком.* ‘В коллектив мы вступили, Многопольем там трудимся’ [Кельмаков 1981: 74].

3. Пространственно-посессивное значение. С одушевленными существительными и личными местоимениями множественного числа иллатив указывает на направленность участника ситуации в названное лицом место:

кз. печ. (Тр.-П.) – *Сене-Кане, кытсьö жö ветлін? – Енмö кайлі.* [ОКЗР: 296] ‘– Сеня-Каня, куда же ты ходил? – К богу поднимался’; уд. (Важ.) *Тöдісьö ветлöма.* ‘Сходил к знахарю’ [Сорвачева 1972: 246].

кп. – *Пыксьы, эн пыксьы, колас пыравны пöрисьжыккесас, мычавны асьтö Гаврил дядь иньлө.* (Федосеев 1991: 214) ‘– Упирайся, не упирайся, а придется зайти в дом к пожилым людям, показать себя жене дяди Гавриила’; *Эта лунсянь татчö кыдз колис сьöлөмсö, кыдз рыт, сідз и шыбыльтö Гавриллэзö.* (Федосеев 1991: 216) ‘С этого дня он как будто свое сердце здесь оставил, как вечер, так и тянет его в дом Гавриила (‘к Гавриилам’)’.

удм. (Киз.) *сэрэ кошкон нуналаз ини кэл'ас'кыны мынис'ком, кажнойэз өт'э, родн'айосазы но вэтло, мукэт гуртэ но.* [Загуляева 1982: 16] ‘В день отъезда все идем провожать его, все приглашают [его]: ездят к родственникам и в другие деревни’.

Основным средством выражения пространственно-посессивного значения в коми языках является послелог к. *ордö* ‘к’, в удмуртском языке – послелог *доры* ‘к’:

кз. *Тюп-тяп нюрöd Тури мунö Рака ордö корасьны.* (Куратов: 170) ‘Топ-топ по болоту Цапля идет к Вороне свататься’.

кп. *Асывсяняс Ош Миков ордö локтіс бригадир Семён Кустов да пондіс иньдыны сійö вартны.* (Баталов 1990: 42) ‘С утра к Ош Микову пришел бригадир Семен Кустов и стал отправлять его [на гумно] молотить’.

удм. *Атаймы доры ветлыны мон кыл сётій.* (Иднакар, 2015.04.30) ‘Я обещал сходить к нашему отцу’.

4. Пространственно-событийное значение. Иллатив употребляется при указании на вовлеченность участника в ситуацию и вхождение в определенное место. В этом значении иллатив последовательно используется в удмуртском языке, в коми языках он заметно вытеснен послелогом *вылӧ* ‘на’:

удм. сред. *с'уанэ мыним луззылэ*. ‘Ездили мы на свадьбу в Лудзил’ [Кельмаков 1998: 209]; *Школае собраниосы но со котьку ачиз ветлылӧиз*. (Удм. дунне, 2012.06.18) ‘И в школу на собрания он всегда сам ходил’.

кп. *Собраннӧ мунӧ*. (Федосеев 1994: 62) ‘На собрание [он] идет’; *Видзӧтис-керис отирыс вылӧ, кӧда пасьтасьӧм, дзик праздникӧ мунӧ*. (Федосеев 1991: 237) ‘Долго смотрел на людей, которые приоделись так, как будто на праздник идут’; *Председательным собраннӧ вылӧ мунис*. (Баталов) ‘Наш председатель ушел на собрание’.

кз. в.с. (Кг.) *Пирӧ кориныс талун*. ‘Сегодня пригласили на пирушку’ [ВСД: 70]; вв. (Вольд.) *Мэнэ пэ тиӧтти нули свад'бад*. ‘Меня, мол, тоже своди на свадьбу’ [ВВД: 77]; *Батьӧ да кык вок мунисны собраннӧ вылӧ*. (П. Попова) ‘Мой отец и два брата пошли на собрание’.

В коми-зырянском языке преимущество иллатива сохраняется только с существительным *войтук* ‘посиделки’, ср. количество примеров в ККЯ: *войтукӧ* ‘на посиделки’ – 75, *войтук вылӧ* ‘на посиделки’ – 35, *собрание вылӧ* ‘на собрание’ – 350, *собраниеӧ* ‘на собрание’ – 2 (дата обращения: 17.02.2018). Примеры:

кз. *Дерт, войтукӧ мунны сӧр нин вӧли*. (В. Юхнин) ‘Конечно, идти на посиделки было уже поздно’; *Мылькдор сиктысь том йӧз векджык чукӧртчылӧны войтук вылӧ сикт помӧ*. (Н. Куратова) ‘Молодежь села Мылькдор чаще всего собирается на посиделки в конец села’.

5. Включение в ситуацию. В пермских языках при глаголах, обозначающих начало действия (кз. *кутчысьны*, удм. *кутскыны* ‘начинать, приступать’, кз. *пырны*, удм. *пырыны* ‘приступать’ и др.), иллатив используется для обозначения действия, к которому приступает участник ситуации:

кз. *Ковмас общественнойӧй уджӧ кутчысьны, мам-батькӧд зыкӧ пырны*. (И. Изьбуров) ‘Придется взяться за общественную работу, с родителями конфликтовать’.

кп. *Не быдӧн жӧ кутчисьӧ эта уджӧ*. (Федосеев 1994: 185) ‘Не каждый же берется за эту работу’.

удм. *Уже пыриськызы волонтеръёс но.* (Мынам Удмуртие, 2012.10.31) ‘В работу включились и волонтеры’; *Семёнов общественной уже кутскыны пумит ёвл.* (Удм. дунне, 2012.12.12) ‘Семёнов не против взяться за общественную работу’.

При глаголах со значением ‘взяться, браться’ иллатив варьирует с послелогом кз. кп. *бердö*, удм. *борды* ‘за’:

удм. *Ми но кутскымы со уж борды.* (Иднакар, 2014.12.05) ‘И мы взялись за эту работу’.

кп. *И чуддэз кутчисисö удж бердö.* (Перем) ‘И чуди взялись за работу’.

кз. *Öнi позьö и удж бердö кутчысьны.* (И. Ногиев) ‘Теперь можно и за работу взяться’.

В коми-зырянском языке, как показывает материал ККЯ, сохраняет преимущество иллатив. Так, из 1152 случаев употребления существительного *удж* ‘работа’ при глаголах *босьтчыны*, *кутчисьны* ‘браться, взяться’ на долю иллатива приходится около 70 %, ср. соотношение иллатива и послелога – 785:367 (дата обращения: 12.10.2018). В коми-пермяцком и удмуртском языках, наоборот, предпочтительным является послелог, ср. соотношение между иллативом и послелогом при глаголе кп. *кутчисьны* ‘браться, взяться’ в текстах [Баталов; Можаяев; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1994]: *удж бердö* – 35, *уджö* – 1; при глаголе удм. *кутскыны* ‘приступить, взяться’ в КУЯ: *уж борды* – 96, *уже* – 12.

6. Вхождение в состояние. Иллативная словоформа с глаголами кз. кп. *усьны*, удм. *усьыны* ‘впасть’, кз. *воны* ‘прийти’, *вöйны* ‘погрузиться, утонуть’ образует лексикализованные сочетания, обозначающие вхождение в состояние: кз. *шогö уськöдны*, удм. *жсöже уськытыны* ‘огорчить’; кз. кп. *шогö усьны*, удм. *жсöже усьыны* ‘огорчиться’:

кз. *Кузь төв водзвылын шогö усины катиша да рака.* (И. Коданев) ‘В преддверии продолжительной зимы сорока и ворона пригорюнились’; *Шогö усьлöны, но палялöны да бара гажö сетчöны.* (В. Тимин) ‘[Они] впадут в уныние, но придут в себя и снова веселятся’.

кп. *Инька шогö усис.* ‘Женщина пригорюнилась’.

удм. *Малпаськонэ уси: ма кароно.* (Удм. дунне, 2008.07.09) ‘Я задумался: что делать’; *Тон монэ туж жсöже уськытйд.* (Удм. дунне, 2009.11.03) ‘Ты меня очень огорчила’.

7. Значение точки приложения. Значение объекта, локализирующего контактно-направленное действие, иллатив последовательно реализует при глаголах контактного воздействия на объект (кз. *люкасъны* ‘стукнуться’, кз. *вартны*, удм. *шуккыны* ‘ударить, стукнуть’, *йыггетыны* ‘стучать, постукивать’, кз. *инмӧдчыны*, удм. *йӧтскыны* ‘притронуться, дотронуться, прикоснуться’, *жабырскыны* ‘уцепиться, вцепиться’, кз. *кутчысьны*, удм. *кутыны* ‘поймать, схватить’):

кз. *Ӧта-мӧд вылысь лым пыркӧдӧм бӧрын игӧдчисны кильчӧ ӧдзӧсӧ*. (В. Юхнин) ‘Отряхнув снег друг с друга, они постучали в дверь крыльца’; *Чолӧмасисны кинаныс, тапкӧдышитисны ӧта-мӧдыслы мышкас*. (В. Напалков) ‘Обменялись рукопожатием, хлопали друг друга по спине’.

кп. *Ӧтік рытӧ уличаӧт пондӧс котрасъны Якуня Ванялӧн айыс, <...> торскӧтӧс быд ӧшыньӧ бедӧкӧн*. (Федосеев 1994: 62) ‘В один вечер начал бегать по улице отец Якуня Вани, <...> стучал в каждое окно палочкой’; *Вартӧ аслас морӧсӧ*. (Можаев) ‘[Он] бьет себе в грудь’.

удм. *Со вискын кин ке пельнумаз йӧтскиз*. (Удм. дунне, 2013.05.08) ‘Между тем кто-то дотронулся до его плеча’; *Лопатаез кутӧй но кы-месаз шукки*. (Удм. дунне, 2013.08.27) ‘Схватил лопату и стукнул его в лоб’; *Каллен гинӧ йыггетӧйз пиезлэн улон комнатаяз*. (Удм. дунне, 2009.09.09) ‘Она тихонько только постучала в комнату своего сына’.

В удмуртском и коми-пермяцком языках, а также в южных зырянских диалектах для выражения значения точки приложения активно используются послелогии: лл. кп. *бердӧ* ‘к, о, об’, удм. *шоры* ‘на; о, об’, *борды* ‘за, к, о, об’:

кз. лл. (Пор.) *Бэд’д’ӧн колӧдӧ с’т’эн бэрдад*. ‘Стучит палкой по стене’ [ЛЛД: 98].

кп. *Быдӧнныс кутчисисӧ – кин куканьыс голя бердӧ, кин пеллес бердӧ, а кин и дженытник бӧжок бердас*. (В. Баталов) (Парма шы: 131) ‘Каждый ухватился – кто за шею теленка, кто за уши, а кто и за короткий хвостик’.

удм. *Кӧня озьы пукысал, ӧй тод, но тани кин ке солэн пельнум бордаз йӧтскиз*. (Удм. дунне, 2008.07.09) ‘Не знаю, сколько бы так он просидел, но вот кто-то тронул его за плечо’; *Чечыен нянь сиemed потӧ ке, куй борды кутскы*. ‘Если хочешь отведать хлеба с медом, берись за лопату’ [Перевозчикова 1987: 15].

8. Транслатив (изменение социального положения лица). При глаголах со значением избрания или назначения на должность (кз. удм. *пуктыны* ‘назначить’, кз. *индыны* ‘назначить’, к. *бөрйыны*, удм. *бырйыны* ‘избрать’, к. *пырны*, удм. *пырыны* ‘устроиться’) иллатив указывает на участника ситуации, у которого меняется социально значимая характеристика в результате его целенаправленного действия или действия каузатора:

кз. *Локтіс карӧ – Сыктывдінӧ, велӧдысьӧ пырис, муртса тырман удждон вылӧ вӧзйысис да ышитс.* (Г. Юшков) ‘Приехал он в город – в Сыктывкар, устроился учителем, попросился и польстился на мизерную зарплату’.

кп. *Бригадирӧ бы Надясӧ пуктісӧ, а сія абу.* (Федосеев 1991: 181) ‘Бригадиром назначили бы Надю, но она отсутствует’.

удм. *Соку ик колхоз председателе пуктізы.* (Удм. дунне, 2010.03.23). ‘Тогда же [его] назначили председателем колхоза’; *Геры ке секыт, писаре пыр.* ‘Если соха тяжела – работай писарем (‘иди в писари’)’ [Перевозчикова 1987: 17].

Сюда следует отнести также употребление иллатива при глаголе кз. *велӧдчыны*, кп. *велӧтчыны*, удм. *дышетскыны* ‘учиться, выучиться’:

кз. *Быдмас нывка, учительӧ велӧда!* (Н. Куратова) ‘Вырастет дочка, на учителя ее выучу!’

кп. *Айыт оишасьліс: учительшаӧ, шуӧ, ме сійӧ велӧта.* (Баталов 1976: 100) ‘Твой отец хвастался: я ее, мол, на учительницу выучу’.

удм. сред. *сокы ик правл'э-н'имы ыстиз монэ дышэткыны городэ мэкан'иза-торэ.* ‘Поэтому правление направило меня в город учиться на механизатора’ [Кельмаков 1990: 46].

9. Объект интеграции. При глаголах соединения (кз. кп. *чукӧртны*, удм. *люканы* ‘собрать’, кз. кп. *ӧтувтны* ‘объединить’ и др.) иллатив употребляется для указания на создаваемый объект, являющийся результатом соединения частей в целое:

кз. *Кор страдна пансис, Пыр аддзис сійӧ плансьыс <...> Кор куртны турунсӧ, кор зорӧдыясӧ тэчны.* (Лебедев: 165) ‘Когда началась страда, он всегда действовал по плану <...> когда сгребать сено, когда его в стога складывать’.

кп. *Видзес вылісь турунсӧ куртісӧ да тэчисӧ зорӧддэзӧ.* (Федосеев 1991: 206) ‘Сено с лугов сгребли и складывали в стога’.

удм. *Туж кельше уриськыны но пильылэм пуэз артанае тырыны, зезяны.* (Удм. дунне, 2007.07.20) ‘Очень нравится заниматься прополкой и складывать расколотые дрова в поленницу, собирать малину’; *Куд-огез турынзэс зуродэ люкаськом, шуо.* (Удм. дунне, 2010.07.27) ‘Некоторые говорят, что сено в стог собирают’.

10. Темпоральное значение. В значении временного периода, в один из внутренних моментов которого совершается действие, иллатив варьирует с инессивом (подробнее см.: гл. 4, раздел 4.2):

кз. *Кодкё кодзула войё дорис енэжё кош.* (А. Некрасов (Гамса) 1998: 6) ‘Кто-то в звездную ночь сковал на небе ковш’.

кп. *Выходной луннзё шондiлiсь мыччiсьöмсö сiя любитö пантавны вöр дорын нето видзез вылын.* (Баталов 1990: 187) ‘В выходные дни он любит встречать восход солнца на опушке леса или на лугу’.

удм. *Ортчем сiйзылэ Нина апай куатьтон арессэ пусйиз.* (Ошмес, 2014.03.20) ‘Прошлой осенью старшая сестра Нина отметила свое шестидесятилетие’; ср. *Ка:жной жьитэ сычэ шулдыр лулэ вал.* ‘Каждый вечер было очень весело’ [Кельмаков 1990: 214].

Коми зырянский и коми-пермяцкий языки

В коми языках иллатив выражает значения, которые в удмуртском языке входят в семантическую зону датива.

1. Транслатив (результат каузации превращения). Иллатив употребляется при указании на участника ситуации, в который он превращается в результате самопревращения или действия каузатора:

кз. *Мужикöс пöртiс көрö, ачыс көрö жö пöртчис, пияньяссö юсьясö.* (КМС: 149) ‘Мужа превратила в оленя, сама тоже в оленя превратилась, а сыновей – в лебедей’.

кп. *Золотой борд берездасис юр вевдöрöттяс – нывкай пöртчис.* (Оласö: 75) ‘[Орел] Золотое Крыло кувыркнулся через голову – в девушку превратился’.

2. Дистрибутив. При глаголах со значением деления иллатив указывает на часть объекта, получаемую в результате деления целого:

кз. *Ковмис взорвитны метр кызта йи пластъяс посьныдик торпыригъясö да лэдзны опораяс костöд.* (В. Ширяев) ‘Пришлось взорвать пласты льда шириной в метр на маленькие куски и пустить их между опорами моста’; *Посни торъясö пыригтöм пирöг дыр*

тырмис чӧсмӧдлыны вӧлӧс. (А. Одинцов) ‘Пирога, разделенного на мелкие куски, надолго хватило для угощения лошади’.

кп. *Деревнясӧ кык торйӧ торйӧтӧ учӧтик шорок Ваюкан.* (Климов 1992: 52) ‘Деревню делит на две части маленький ручеек Ваюкан’.

Стандартным средством выражения этого значения являются в коми-зырянском языке послелого *вылӧ* ‘на’ и *пельӧ* ‘на’, в коми-пермяцком – послелог *вылӧ* ‘на’:

кз. *Кык команда вылӧ юксӧмӧн кутисны котравны ӧтар вортасянь мӧдарӧдзыс.* (И. Белых) ‘Разделившись на две команды, они начали бегать от одних ворот до других’.

кп. *Мед не янсӧтны табунсӧ кык тор вылӧ, кольчӧммесӧ ковсис вӧтчӧтны одзиссэс сьӧрӧ.* (Фадеев 1989: 59) ‘Чтоб не разделить табун на две части, оставшихся пришлось подогнать к впереди идущим’.

4.3.2. Межъязыковые различия

Коми-зырянский язык

В коми-зырянском языке иллатив выражает ряд значений, которые в удмуртском языке входят в семантическую зону датива, в коми-пермяцком языке – в семантическую зону послелого *вылӧ* ‘на’ и консекутива:

1. Дестинатив (значение предназначения). Иллатив параллельно с послелогом *вылӧ* ‘на’ употребляется при выражении целевого назначения объекта:

кз. уд. (Чупр.) *Силосӧ кӧдзас гӧрӧк.* ‘Посеет горох на силос’ [Сорвачева 1972: 248]; кз. *Гусьӧн на содтис, суседьяслӧн керкаын пӧ, кӧдӧс регыд пексӧ пилитасны, кысян стан сулалӧ.* (Йӧлӧга, 2014) ‘Еще тихо добавил, мол, в доме соседей, который скоро распилят на дрова, есть ткацкий станок’; *Миян бӧрийӧм шобдӧн кӧсийӧны таво кӧдзны кӧть ӧти му, кӧйдыс вылӧ.* (Куратова 1983: 48) ‘Отобранными нами семенами пшеницы в этом году обещают засеять хотя бы одно поле, на семена’.

кп. *Корас Кудым Ош кӧдзыс вылӧ нвна сю.* (Перем) ‘Попросит Кудым Ош на семена немного зерна’.

Как показывают данные ККЯ, в современном языке наблюдается лексическая избирательность иллатива и послелого. Так, в форме

иллатива последовательно используется существительное *пес* ‘дро-ва’ (соотношение иллатива и послелого – 52:0), с послелогом *вылӧ* ‘на’ – существительные *кӧйдыс* ‘семена’ (соотношение иллатива и послелого – 1:125) и *силос* ‘силос’ (соотношение иллатива и послелого – 0:85) (дата обращения: 28. 04. 2020).

2. Значение стандарта сравнения. Иллатив параллельно с послелогом *вылӧ* ‘на’ используется при указании на внутреннее и внешнее сходство участника ситуации с другим участником, который находится с ним в родственных отношениях:

кз. <...> *рӧдсыс абу торъялӧма, пӧль-пӧчас, ай-мамас* мунӧ. (Н. Никулин) ‘<...> от родственников не отличается, похож на дедушку-бабушку, на родителей’; *Пызан саяс на ме казялі, кутиӧма Гриша мунӧ батыс вылӧ* <...> (Г. Юшков) ‘Еще за столом я заметил, как Гриша похож на своего отца’.

Если судить по данным ККЯ, иллатив в этом значении используется довольно редко, ср. частотность употребления иллатива с существительными *бать* ‘отец’ – 10, *мам* ‘мать’ – 2.

3. Объектно-целевое значение. В верхневычегодском, вымском, ижемском, нижневычегодском, среднесыольском и удорском диалектах иллатив может указывать одновременно на объект, являющийся целью действия, и действие, направленное на этот объект. В данном случае иллативная группа синонимична целевой инфинитивной конструкции при глаголах движения, ср. уд. *Пувйӧ мунны* ‘Идти за брусникой’ и *Мунны пув вотны* ‘Идти собирать бруснику’. Форму иллатива принимают чаще всего существительные, обозначающие растения и животные:

вв. (Вольд.) *Кукан'э пыри*. ‘Нанялась ухаживать за телятами телятницей’ (‘вошла в теленка’) [ВВД: 76]; вым. (К.) *Кол'чча мэ тэ кагаӧ!* ‘Останусь я с твоим ребенком!’ [ВД: 68]; нв. (Т.-К.) *Тӧлыс' мэ кол'т'ча мӧскӧ*. ‘На целый месяц я остаюсь ухаживать за коровой’ [НВД: 40]; уд. (Косл.) *Пувйӧ мунны*. ‘Идти за брусникой’ [Сорвачева 1972: 248]; иж. (Сиз.) *Мэ урас ог вэтлы*. ‘Я охотиться на белок не хожу’ [ИД: 45]; сс. (В.) *Нувӧны вӧли уджалны том йӧзтӧ т'эрийасӧ*. ‘Отправляют, бывало, молодежь на лесозаготовки’ [ССД: 31].

Параллельно с иллативом в сходных лексико-семантических условиях используется послелог *дорӧ* ‘к’:

вв. (Вочь) *Бат'э чэри дорэ мунис*. 'Отец ушел рыбачить'; (Вольд.) *Кукан' дорэ пыри*. 'Нанялась телятницей' [ВВД: 76]; вым. (К.) *Айкао чэри дорё муни*. 'Свекор уехал на рыбалку ('к рыбе')' [ВД: 151].

Послеложные конструкции *кер дорё*: *кер дорё мунны* 'идти на лесозаготовки ('к бревну')', и *көр дорё*: *көр дорё мунны* 'идти пасти оленей ('к оленю')', претерпели лексикализацию и получили распространение во всех диалектах и в литературном языке:

кз. *Кер дорё тэнё оз и ыстыны*. (Г. Юшков) 'Тебя на лесозаготовки и не пошлют'; *Гозья уна во ветлёмаось көр дорё*. (А. Попов) (Коми му, 2013) 'Супруги много лет ездили пасти оленей'.

Послелог *дуре* 'к, за' в значении объекта цели зафиксирован также в удмуртском языке (см.: гл. 3, раздел 3.9.).

Удмуртский язык

В удмуртском языке иллатив широко употребляется для выражения пространственно-количественного значения. В коми языке значение меры пространства, в пределах которого осуществляется действие, выражается разными послелогам.

1. Значение пространственной протяженности, количественной характеристики преодолеваемого пространства:

удм. *Пленнойёслэн колонназы вить ыськеме кыстйське*. (Удм. дунне, 2010.04.02) 'Колонна пленных растянулась на пять километров'; *Лондонын Елена 5 ыськеме бызьылйз ни*. (Удм. дунне, 2012.08.09) 'В Лондоне Елена бежала уже на пять километров'; *2008-тй арын 870 ыськеме газ кыскемын*. (Удм. дунне, 2009.03.11) 'В 2008 году газопровод протянули на 870 километров'.

В коми-зырянском языке удмуртскому иллативу в таких контекстах соответствует послелог *вылё* 'на', в коми-пермяцком языке – послелог *ылына* 'на':

кз. *Первой лунас котёртисны 15 километра вылё*. (А. Ванеев) 'В первый день бежали на 15 километров'; *Уна сё километр вылё нюжодчёма пемыд кодзыд парма*. (Н. Аникин) 'На многие сотни километров растянулась темная холодная тайга'.

кп. *Матын Пикансянь дас верста ылына нюжалом паськыт лог*. (Баталов) 'Близко от Пикана на десять верст растянулся широкий лог'.

2. Значение меры преодолеваемого пространства. В удмуртском языке иллатив употребляется при указании на расстояние, которое отделяет конечный пункт направленности от пункта, выступающего в качестве исходной точки отсчета. Указание на точку отсчета в большинстве случаев отсутствует, она определяется на основе предшествующего контекста:

удм. *Пинальёс Зура школае – 11 иськеме – дышетскыны ветлйзы.* (Удм. дунне, 2010.07.28) ‘Дети в Зуринскую школу – за 11 километров – учиться ходили’; *Дышетскыны Пурое 3 иськеме нуналлы быдэ ветлймы.* (Удм. дунне, 2012.07.31) ‘Каждый день мы ходили учиться в Пуро за три километра’.

В коми языках значение расстояния между пространственными ориентирами передается послелогом *сайö* ‘за’:

кз. *Быдса кык во тэ ветлöдлн мöд сиктö, вит километр сайö.* (С. Раевский) ‘Целых два года ты ходил в другое село, за пять километров’.

кп. *Мöдйккöt бы öтик верста сайö эг мун.* (Баталов) ‘С другим бы я (за) одну версту не прошла’.

4.3.3. Сравнительно-исторический аспект

Суффикс иллатива восходит к этимологическому конечному гласному основы, который перенял функцию прафинно-угорского (< прауральского) лативного суффикса **-k* после его отпадения [Се-ребренников 1963: 17; Основы 1974: 255; Лыткин 1977: 27; Майтинская 1979: 93–94; Rédei 1988: 382; Bartens 2000: 85; Csúcs 2005: 185; др.].

В пермских языках иллатив, унаследовав пространственное значение от праязыкового источника, выражает значения направленности в пределы, на поверхность ориентира и к ориентиру. Общепермскими являются большинство пространственно-метафорических и непространственных значений. В каждом языке наблюдается активное варьирование иллатива с послелогоми, следствием чего стала тенденция к сужению сферы функционирования этого падежа. Вытеснение иллатива послелогоми обнаруживается при выражении следующих значений: а) пространственного (контактная локализация) и пространственно-событийного значений в коми языках, б) дестинатива в коми-зырянском языке; в) значения точки приложения в

коми-пермяцком и удмуртском языках. Значения, характерные только для иллатива коми языков, в удмуртском языке передаются дативом. Следует заметить, что оба падежа, один в диахронии (датив-аллатив), другой (иллатив) в синхронии, являются лативными падежами, чем можно объяснить возможность развития ими сходных непространственных значений. Представляется, что в случае межъязыкового варьирования датива и иллатива исходным средством выражаемых ими сходных значений был иллатив, суффикс которого принял участие в формировании суффикса датива(-аллатива) (о функциональной взаимосвязи датива и иллатива подробнее см.: гл. 3, раздел 3.5).

Внимания заслуживают значения иллатива, характерные только для одного из исследуемых языков. Значение объекта цели, представленное в ряде коми-зырянских диалектов, является, скорее всего, наследием прапермского иллатива. Его сохранение обусловлено взаимодействием генетических и ареальных факторов, так как иллатив в этом значении находит прямые параллели как в прибалтийско-финских и мордовских языках, ср. ф. *Lähdettiin joukolla marjaan*. 'Отправились (все) компанией по ягоды ('в ягоду')', *pantiin karjaan*. '[Мальчика] послали пасти скот ('в скот')' [Хакулинен 1955: 213–214]; мдЭ. *Мольсть тейтернетне вирев умарьс*. 'Пришли девочки в лес за яблоками ('в яблоки')' [ГМЯ: 171], так и в севернорусских говорах, ср. *Я ходил в ягоды. Мы пойдем в грибы. Пойдем в рыбу*. (Холм. Пек.) [СРНГ 1969: 6]. Конструкции с иллативным стандартом сравнения возникли, скорее всего, в результате калькирования русской конструкции «в + винительный падеж» при глаголах *пойти, уродиться*, ср. *сын в отца пошел*. Иллатив в пространственно-количественном значении, представленный в настоящее время только в удмуртском языке, можно экстраполировать на коми, даже и прапермский язык. В коми языке под влиянием русского языка иллатив в этом значении, скорее всего, был вытеснен послелогом, являющимися семантическими параллелями к русским предлогам *на* и *за*.

Отметим, что основное семантическое различие иллатива в финно-пермских языках заключается в выражении транслативных и терминативных значений. Транслативное значение, характерное для иллатива коми языков, находит самостоятельное морфологическое выражение в прибалтийско-финских и мордовских языках; терминативное значение, присущее иллативу прибалтийско-финских и

мордовских языков, находит самостоятельное морфологическое выражение в пермских языках, ср. семантику иллатива мордовских и прибалтийско-финских языков в [Хакулинен 1955: 213–216; Ермушкин 1978: 226–235; Зайцева 1981б: 105–107; Зайков 1999: 42; ГМЯ: 170–172].

4.4. Семантическая структура элатива

4.4.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

1. Пространственные значения падежа связаны с выражением направленности движения из внутренней зоны ориентира.

1.1. Исходный пункт направленности, внутренняя локализация. Элатив употребляется при выражении направленности из внутренних пределов ориентира. В качестве ориентира могут выступать трехмерные, замкнутые пространства, которые имеют ограничивающую поверхность (или по крайней мере видимые границы) и, соответственно, внутреннюю и внешнюю области – вместилища (закрытые и открытые), вещество или совокупность однородных элементов: кз. *Прошка кыв шутöг усйысис керкаысь*. (Рочев 1951: 145) ‘Прошка, не сказав ни слова, улизнул из дома’; *Гудыр ваысь чери кыйны лосьыдджык*. (КМС: 232) ‘В мутной воде рыба ловится лучше’.

кп. *Петис керкуись пöрись вöрались*. (Баталов) ‘Вышел из дома старый охотник’; *Урыс <...> чеччöвтис ваись мыччисьöм йы пласт вылö*. (Баталов) ‘Белка <...> прыгнула на выплывающую из воды льдину’.

удм. *Анай тури-пари дйясыськиз, мешокъёссэ кутйз но коркась потйз*. (Удм. дунне, 2008.12.24) ‘Мать быстро оделась, схватила свои мешки и вышла из дома’; *Лена уг тоды ни, кин сое вуысь поттйз*. (Удм. дунне, 2015.04.6) ‘Лена уже не помнит, кто ее вынес из воды’.

1.2. Исходный пункт направленности, контактная локализация. Элатив употребляется при выражении направленности с поверхности ориентира:

кз. *Рак джоджысь чеччышитис пызан вылö и лоис зарни блюд*. (КМС: 63) ‘Рак прыгнул с пола на стол, и золотое блюдце появилось’.

кп. *Фомка джоджысь лэбтис котомка*. (Баталов) ‘Фомка поднял с пола котомку’.

удм. *Дьякон солэн йырысьтыз изьызэ басьтӱз.* (Петров 1987: 38) ‘Дьякон снял шапку с его головы’.

1.3. Исходный пункт направленности, внешняя локализация. Элатив употребляется при выражении направленности от границы пространственного ориентира. В конструкцию, описывающую траекторию движения, одновременно с элативной вводится иллативная словоформа, указывающая на конечный пункт движения:

кз. *Стенысь стенӧ кутис ветлӧдлыны, но мунӧгас бара кевмысис.* (И. Коданев) ‘Он начал ходить от стены к стене, а при ходьбе снова помолился’.

кп. *Пельӧсӱсь пельӧсӧ ветлис пӧрись инька.* ‘Из угла в угол ходила пожилая женщина’.

удм. *Туж шаплы, пе, со, сэрегысь сэреге шатыр поттыса бызьылэ.* (Удм. дунне, 2007.09.25) ‘Говорят, что он [кот] очень шустрый, резво бегаёт из угла в угол’.

1.4. Исходное местонахождение объекта. В пермских языках глаголы отчуждения, нахождения (кз. кп. *босьтны*, удм. *басьтыны* ‘взять, купить’, кз. кп. *кутны*, удм. *кутыны* ‘поймать’, кз. кп. *корсьны* ‘искать’, кз. кп. *сюрны*, удм. *шедьтыны* ‘найти’, кз. кп. *перйыны* ‘достать’) требуют элативного оформления актанта. Как отмечал Е. С. Гуляев, в конструкциях с указанными глаголами одновременно сообщается место совершения действия и место, откуда изъят, удален предмет [Гуляев 1961: 43]. Поэтому характер самой ситуации находит различие в оценке ситуации, в различном кодировании выражаемых отношений в разных языках. В пермских языках, как и в случае с иллативом, имеет место национально детерминирующее осознание ситуации, унаследованное от финно-угорского праязыка:

кз. *Вӧрысь аддзис кушин, а кушин шӧрас сувтӧдӧма зысь двореч.* (К. Жаков) ‘В лесу он увидел поляну, а посреди поляны построен серебряный дворец’.

кп. *Бой бӧрас Егорша да Архипка лэдзчисӧ керӧс увтӧ да лымысь адззисӧ пустӧй винтовочной гильзаэз и наган.* (Баталов 1990: 109) ‘После боя Егорка и Архипка спустились под горку и увидели в снегу пустые гильзы для винтовок и наган’.

удм. *Шуддэ сандыкысь эн утча.* ‘Счастья в сундуке не ищи’ [Перевозчикова 1987: 47]; *Тэльысь пу ӧд ке шедьты, луд вылысь утча.*

‘Если ты не нашел дров в лесу, ищи в поле’ [Перевозчикова 1987: 176].

2. Пространственно-ситуативное значение. Элатив указывает на внешние обстоятельства, характеризующие исходный ориентир:

кз. *Друг войся **пемыдысь**, съод пуяс сайысь петё сан.* (В. Ануфриев) ‘Вдруг из ночной темноты, из-за черных деревьев выходит росамаха’.

кп. ***Пемытись** мыччисисё керкуэз, керёс дорись пуэз.* (Баталов 1990: 126) ‘Из темноты показались дома, растущие возле возвышенности дерева’.

удм. ***Пеймытысь** кылдйз котырес ымныр.* (Удм. дунне, 2015.07.6) ‘Из темноты показалось круглое лицо’.

3. Пространственно-событийное значение. Элатив употребляется при указании на действие, событие как исходный пункт направленности участника ситуации:

удм. *Тодады вае ай, кызы тй потйды **спектакльысь**.* (Удм. дунне, 2008.04.28) ‘Вспомните-ка, как вы вышли со спектакля’; *Уйин **концертысь** бертыкум, руль съёрын умме усиськем.* (Удм. дунне, 2012.04.27) ‘Возвращаясь ночью с концерта, я, оказывается, заснул за рулем’.

кз. *Том йёз водз разёдчавлісны **войпукусь**.* (А. Лыуров) ‘Молодежь рано расходилась с посиделок’.

кп. *Инька жагёна локтё **собранныёись**.* ‘Женщина медленно идет с собрания’.

В отличие от удмуртского, в коми языках элатив в этом значении почти полностью вытеснен послелогом кз. *вылысь*, кп. *вылісь* ‘с’:

кз. *Юр тыр выль мёвпён петіс **собрание вылысь** Остап.* (И. Изъюров) ‘Переполненный новыми идеями вышел Остап с собрания’.

кп. *Таисья **заседаннё вывсис** пылшиис.* ‘Таисья сбежала с заседания’.

В коми-зырянском языке в элативе последовательно употребляется только существительное *войпук* ‘посиделки’, ср. частотность примеров в ККЯ: *войпукусь* – 57, *войпук вылысь* – 3; *собрание вылысь* – 62, *собраниеысь* – 1 (дата обращения: 27.11.2019).

В удмуртском языке, редко в коми-зырянском, показателем элатива маркируются отглагольные существительные для указания на исходную ситуацию и (метонимически) на исходное место, где про-

текала эта ситуация. В коми-пермяцком языке в таких случаях употребляется эгрессив (см.: гл. 4, раздел 4.4):

удм. **Чорыганысь бертись мотоциклист коръёс вылэ пырем.** (Удм. дунне, 2009.04.15) ‘Мотоциклист, возвращающийся с рыбалки, врезался в бревно’; **Кышноос нылтиосынызы чош берто арамысь.** (Удм. дунне, 2012.09.05) ‘Женщины вместе со своими детьми возвращаются с жатвы’.

кз. **Сочё локтё войпукусь, вокё локтё ворсанысь.** (Фольклор) ‘Сестра идет с посиделок, брат идет с игрищ’.

4. Пространственно-социативное значение. Элатив употребляется при указании на выход из общественной организации, коллектива:

кз. **Батьсё партияысь муртса эз вётлыны.** (И. Изьюров) ‘Его отца чуть было не исключили из партии’.

кп. **А тэ петан комсомолісь и пондан мекот уджавны.** (Можаев) ‘А ты выйдешь из комсомола и будешь со мной работать’.

удм. **Со партияысь поттэмын.** (Удм. дунне, 2008.10.17) ‘Он исключен из партии’.

5. Исходная ситуация. В пермских языках при глаголах прекращения действия существительные в форме элатива, чаще всего отглагольные имена на кз. кп. -*ом*, удм. -*эм*, указывают на ситуацию, которая прекращается:

кз. **Калина юбмысь дугдас? Сідзкё, шондіыс мёдарын петас.** (Рочев 1951: 169) ‘Калина пить перестанет? Значит, солнце с другой стороны взойдет’; **Өньё видліс жё кусок, но регыд дугдис сёйёмысь.** (Е. Уляшев) ‘Андрей тоже попробовал кусок, но скоро перестал есть’.

кп. **Иван петіс керкусис да дзик узьёмись саймис.** (Перем) ‘Иван вышел из дома и совсем отошел ото сна’; – **А сысянь, медбы эзё лыддьё менё пöрисьён, уджалёмись эзё орётö.** (Баталов) ‘– А из-за того, чтобы меня не сочли старым, не отстранили от работы’.

удм. **Мон висемысь ик дугдй.** (Удм. дунне, 2010.03.16) ‘Я даже болеть перестала’; **Тон чалмид, дыбыртэмысь, йыггетэмысь дугдй.** (Герд: 170) ‘Ты замолк, перестал греметь, стучать’.

Сюда следует отнести также употребление в элативе существительных, обозначающих должность при глаголах кз. кп. *петны*, удм. *потыны* ‘выйти’, кз. *мунны*, удм. *мыныны* ‘идти, уйти’, кз. *эновтчныны*, кз. кп. удм. *дугдыны* ‘перестать’, в конструкциях, описывающих

ситуацию прекращения выполнения служебных полномочий, уход с должности:

кз. *Директорысь мунём бёрын вежсон мысти и лэччис видз-му овмёс министерствоё удж корсьны.* (В. Куратов) ‘Через неделю после того, как ушел с должности директора, он поехал в Министерство сельского хозяйства искать работу’.

кп. *Лучше менё чапкы бригадирсис.* (Можаев) ‘Лучше отстрани меня от должности бригадира’.

удм. *Директорысь потыкум, 63 арес вал ни.* (Удм. дунне, 2011.04.08) ‘Когда я оставил пост директора, мне было уже 63 года’; сч. *ул'л'а-зы н'и монэ кон'укус'.* ‘Отстранили (‘погнали’) меня из конюхов’ [Карпова 2005: 444].

6. Источник информации. Элатив употребляется при указании на неодушевленный источник, из которого извлекается информация:

кз. *Ванё татшётторьяс йывсьыд уна нин лыддьылис романьясысь и тёддө, кызд да мый лючкисё колё вёчны.* (Торопов 1982: 176) ‘Ваня об этом уже много читал в романах и знает, как и что лучше делать’; *Григорий Матвеечкөд сылөн сёрниясысь Геня тёдис, мый Изьваё вайөдтөдзыс сийё вёлёма кутшйөмкө Вологодскöй губернияын ссылкаын.* (Рочев 1951: 167) ‘Из разговоров с Григорием Матвеевичем Гена знал, что до отправки на Ижму он был в ссылке где-то в Вологодской губернии’.

кп. – *Лыддьөті ме өтік книгаись, – шуис сэк варыш, – бытьтө тэ хищник, пичиккезёс сёян.* (Баталов) ‘– Прочел я в одной книге, – сказал тогда ястреб, – как будто ты – хищник, трясогузок ешь’.

удм. *Книгаись тодыны луоз фин-угор но самоди калыкёслэсь историзэс.* (Удм. дунне, 2013.09.05) ‘Из книги можно узнать об истории финно-угорских и самодийских народов’.

7. Темпоральное значение. В пермских языках элатив используется для указания на последующий за темпоральным ориентиром неопределенный период времени, преимущественно при обозначении часовых интервалов и возраста. При эллипсисе существительного показатель падежа принимает числительное:

кз. *Вит часысь нин петёма да.* (С. Морозов) ‘Время было уже после пяти часов’; *Өні сийё петис арлыдысь да пенсия босьтө.* (И. Изьюров) ‘Теперь он уже в возрасте (‘вышел из возраста’) и получает пенсию’.

кп. *Кадыс нёль часісь петёма*. 'Время было после четырех часов'.
удм. Дыр 11 *часысь потэмын*. (Удм. дунне, 2012.05.30) 'Время было после одиннадцати'; *Тямыстоньсь выжем ветеран али но лэчит кыллы кисыяз уг пыры*. (Удм. дунне, 2007.09.12) 'Ветеран, которому за восемьдесят, и сейчас в карман за словом не полезет'.

В темпоральном значении элатив представлен в устойчивых сочетаниях, обозначающих повторяющиеся временные отрезки, в период которых непрерывно совершается действие. Такие конструкции образуют элативная и иллативная формы существительных со значением периода времени, чаще всего 'год' и 'день': кз. *воысь во ~ воысь воо*, удм. *арысь аре* 'из года в год', кз. *лунысь лун ~ лунысь лунё*, кп. *лунись лун ~ лунись лунё*, удм. *нуналысь нуналэ* 'изо дня в день':

кз. *Тайё виж дзоридзьяса курыд турунсё некутшом скот оз йир, да со воысь-во содö-паскалё видзьяс вылад*. (Безносииков 1964: 10) 'Эту горькую траву с желтыми цветами никакое домашнее животное не ест, вот поэтому из года в год они [эти цветы] все шире распространяются на лугах': *Көн Педьё сяма войтыр уна, выль олём сэні ёнмё лунысь лунё*. (Лебедев: 160) 'Там, где много таких людей, как Федя, новая жизнь упрочивается изо дня в день'.

кп. *Лунись лунё да ойись ойё пуок сё кызжыка каттисис йыа пасьён*. (Баталов 1990: 135) 'Изо дня в день и из ночи в ночь деревце все толще покрывалось ледяной шубой'; *Годісь годё кузь бёжа зверёккес лоисё сё унажык и унажык*. (Баталов 1990: 146) 'С каждым годом численность длиннохвостых зверьков росла'.

удм. «Ижмаш» завод *арысь аре* *вельдйське но паськыта*. (Удм. дунне, 2008.06.17) 'Из года в год завод «Ижмаш» обновляется и расширяется'.

8. Деструктив. Элатив употребляется для обозначения целого предмета, нарушенного или разрушенного отделением части:

кз. *Федя нетиышитіс керйысь кырсь тор, лэдзис ваё, мед стöчдэжыка тöдмавны, кытчö визулыс нуё*. (Торопов 1982: 12) 'Федя отодрал от бревна кусок коры, пустил его на воду, чтоб точнее узнать, куда направлено течение'.

кп. *Лэчит төв <...> нетикас баня или керку крышаись тёссэз*. (Баталов) 'Резкий ветер <...> снесет с крыши бани или дома доски'.

удм. *Тёл кызьнуысь берпум куарзэ ишкалтійз*. (Удм. дунне, 2013.02.14) 'Ветер сорвал последний листок с берёзы'.

В лузско-летском, коми-пермяцких и удмуртских диалектах элатив в значении деструктива варьирует с послелогом лл. *дiньись*, кп. *бердiсь*, удм. *бордысь* ‘от’:

кз. лл. (Сл.) *С’умöдсö кызд диньис’ кос’öнö*. ‘Бересту сдирают с березы’ [ЛЛД: 47].

кп. *Сувтiс* [Егорша], *öтiк граната бердiсис нетшкöвтiс кольцо, шупкис гранатасö жугалöм öшынö*. (Баталов 1990: 126) ‘Встал он [Егорша], выдернул кольцо из одной гранаты, бросил гранату в разбитое окно’.

удм. *Пуэз бордысь капчиен шикалтiсьске, тусызъя вуэмын – ул-моз бичано*. (Удм. дунне, 2009.09.02) ‘Если [яблоко] от дерева легко отрывается, на внешний вид уже спелое – пришло время собирать яблоки’.

9. Источник превращения / исходное состояние участника ситуации. Элатив в этом значении последовательно используется в коми языках; в удмуртском языке он находится в отношении варьирования с аблативом:

кз. *Посни шоръясысь ыджыд юяс артмöны*. (КМС: 228) ‘Из маленьких ручьев большие реки образуются’.

кп. *Зонкаись петас бур бригадир*. ‘Из парня получится хороший бригадир’.

удм. *Кыёе выжыосысь кылдэмын гурт ниммы?* (Удм. дунне, 2013.06.07) ‘Из каких (родовых) имен возникло название нашей деревни?’

10. Значение материала, источника изготовления. Как и в предыдущем случае, элатив в этом значении последовательно употребляется в коми языках, в севернoudмуртских диалектах он варьирует с аблативом:

кз. *Став керкаыс öти судта, тишупöма сус пуысь*. (И. Торопов) ‘Все дома одноэтажные, построены из лиственницы’.

кп. *Горыс тэчöма изззiсь и вачкисьö паськыт пеласян öр вылö*. (В. Климов) (Парма шы: 198) ‘Печь была сложена из камней и походила на широкое стиральное корыто’.

удм. <...> *пайёклы сётэм зег пызъысь нэйiмы чуж кушманэн кутэм нянь пыжылiз, нуналлы быдэ картошкалэсь пунем лэсьтылiз*. (Яшина: 75) ‘<...> из очередного пайка ржаной муки наша мать пекла пирожки с морковью, каждый день готовила картофельное пюре

(‘пюре из картофеля’); сев. *А гондыр куыс' дак шуба вурил'л'ам-зы.* ‘А из медвежьих шкур шубу [они] сшили’ [Кельмаков 1981: 61].

11. Инструмент. Показатель элатива принимают существительные со значением орудия, имеющего внутреннюю сферу (преимущественно разные виды оружия). (О варьировании элатива и инструмента см.: гл. 3, раздел 3.7):

кз. *Пбжбм йблбн сюрись вердан, косджык рузум корсян.* (Савин: 69) ‘Топленным молоком из рожка кормишь, посуше пеленку ищешь’.

кп. *Эта коста кысянькб боксянь кылс винтовкаись лыйбм шы.* (Баталов 1990: 125) ‘В это время откуда-то со стороны послышался звук выстрела из винтовки’; *Сайгортчи <...> асывсянь лунишбрдбз полбмбн кывзисб пулембттзись и винтовказись лыйсббм шыэз.* (Баталов 1990: 109) ‘Жители Сайгорта <...> с утра до полудня боязливо прислушивались к звукам выстрелов из пулеметов и винтовок’.

удм. *Биатлонъя чбшатско, 1 иськеме бызб, ыбылйськб винтовкаись – шарбс шоры.* (Удм. дунне, 2014.02.20) ‘Они участвуют в соревнованиях по биатлону, бегут один километр, стреляют из винтовок – в шары’.

12. Посессивное значение. В пермских языках элатив наряду с номинативом, генитивом и аблативом может употребляться для выражения посессивных отношений. Типично использование элатива при выражении принадлежности по пространственной отнесенности объекта:

кз. *Республикаись черикыйысь-прбмыслбвикъяс дасббсьунджык кыйны сир-кеббс, и миян ю-тыясын черыс эм, но прбмышляйтны оз вермыны, – висьталс видз-му овббс да сбян-юан министрствоись главббй специалист-эксперт Владимир Ошибов.* (Коми му, 2011) ‘Рыболовы-промысловики Республики готовы ловить рыбу в большом объеме, и в наших водоемах рыба есть, но [рыболовы] не могут вести промысловый лов, – рассказал главный специалист-эксперт Министерства сельского хозяйства и продовольствия Владимир Ошибов’.

удм. *Удмурт Республикаись Ужъя министрствоись специалистбс ивортэмъя, вуоно арын чакламын 2 сюрс 200 пала муртб палэнысь бтыны.* (Удм. дунне, 2009.10.20) ‘По сведениям специалистов Министерства труда Удмуртской Республики, в следующем году намечено пригласить около двух тысяч 200 человек со стороны’.

Элативное именное зависимое широко представлено в коми-пермяцком и удмуртском языках, в коми-зырянском языке ему чаще всего соответствует прилагательное, образованное от существительных с помощью суффикса *-са*, ср. кп. *вõрысь царь*, кз. *вõрса царь* ‘лесной царь’, кп. *школаысь директор*, кз. *школаса директор* ‘директор школы’:

кп. *Васис царьыс пондõма корасьны аслас зон сайõ вõрись царьлись ныв-красавицасõ*. (В. Баталов) (Парма шы: 135) ‘Водяной царь начал сватать за своего сына красавицу-дочь лесного царя’.

удм. *Кык ар удмурт гимназиен кивалтiз 21 номеро школаысь директор*. (Удм. дунне, 2007.06.22) ‘Два года удмуртской гимназией руководил директор школы № 21’.

Кроме пространственных отношений, элативом может выражаться значение принадлежности части к целому:

кз. *А õни, дона ёртъяс, ми тiянлы петкõдлам “Малиновкаын свадьба” опереттаысь нейджыд юкõн*. (Безносиков 1985: 67) ‘А теперь, дорогие друзья, мы покажем вам небольшой отрывок из оперетты «Свадьба в Малиновке»’.

кп. *Дима сибõtчис айыс пызан дынõ, бергõтiс телефонись ручка, вайõtиc трубкаcõ пель одзас*. (В. Баталов) (Парма шы: 126) ‘Дима подошел к столу отца, повернул ручку телефона, поднес трубку к уху’.

удм. *Ог кык час чõже соос шудiзы пõртэм пьесаосысь локетъесты – бадзым локетэз удмурт кылын*. (Удм. дунне, 2011.10.28) ‘Около двух часов они играли отрывки из разных пьес – в основном на удмуртском языке’.

13. Значение причины. Элатив в значении причины представлен в зырянских, окраинных северно-пермяцких (гаинском, исаевском, мысовско-лупьинском) говорах. Он выражает широкий спектр причинных отношений, может указывать на внутреннюю и внешнюю причину, вызывающую неосуществление действия или нежелательное действие, а также на причину произвольного состояния; на повод, основание для осуществления действия (для награды, благодарности или осуждения, наказания):

кз. *Иван Петровичлõн кõдзыдсыыс измõма пась воротникыс*. (Е. Рочев) ‘Воротник шубы Ивана Петровича заledenел от мороза’; *Исласьõмысь мудзõм ойдас*. (А. Некрасов) ‘От катания на лыжах сильно устал’; *Ыдджыдджыкыслы бур уджысь сетiсны Трудõвõй*

Гөрд Знамя орден. (С. Терентьев) ‘Старшего [брата] за хорошую работу наградили орденом Трудового Красного Знамени’.

кп. мыс. *Полъмись кӧинись пола.* ‘От страха (боязни) боюсь волков’; вл. *Полъмись эг мун.* ‘Из-за боязни я не ушел’ [Баталова 1975: 151–152].

В большинстве коми-зырянских диалектов элатив употребляется для выражения непосредственной причины, в пермяцких и южных зырянских диалектах – также для выражения опосредованной причины:

кз. вс. (Крв.) *Поныс пис'ыс н'экодос оз лэдз.* ‘Собака из-за щенка никого не подпускает’ [ВСД: 264]; сс. (К.) *Бат'ыд Вовас'ыд оз лыс' гортад мунны.* ‘Из-за Вовы отец не смеет идти домой’ [ССД: 31].

кп. гаин. *Сиа аймамсис понас горзыны.* ‘Он из-за родителей будет плакать’ [Баталова 1975: 151].

В удмуртском языке элатив в значении причины используется крайне редко [Кондратьева 2011а: 185]:

удм. *Но чӧнап со мучоловьсь, сисьмем картофкавьсь, сурон сапегысь, пумтэм-йылтэм кылтышьёсысь ӧз жужжа-а солэн сюлэмтэм вамышез.* ‘А не из-за этой ли тряпки, сгнившей картошки, кирзовых сапог, бесконечных упреков он совершил свой бессердечный поступок’ [Кондратьева 2011а: 185].

Коми-зырянский и коми-пермяцкий языки

1. Значение стимула эмоций. При глаголах, описывающих эмоциональное состояние участника ситуации (*вежавидзны* ‘стесняться’, *повны* ‘бояться’, *яндысьны* ‘стыдиться’ и т. п.), а также слов категории состояния (*яндзим* ‘стыдно’, *гажтӧм* ‘скучно’) элатив указывает на объект или ситуацию, которые воспринимает или на которые реагирует субъект действия:

кз. *Сёйӧмысь эн яндысь, уджысь эн дӧзмы.* (КМС: 220) ‘За столом не стесняйся, а работы не чурайся’ (букв. ‘Не стесняйся еды, не злись из-за работы’); *Ӧні Памайс серам выв лэптӧны: биысь повзис, ваӧ эз пыр.* (В. Тимин) ‘Теперь смеются над Памой: огня испугался, в воду не полез’.

кп. *Нывка повзяс эна кыввезісь да чоужжык пӧлянсӧ сетас пӧрисьжык сойыслӧ.* (Перем) ‘Девочка испугалась этих слов и быстро отдала дудку старшей сестре’.

2. Значение нежелательного участника ситуации / нежелательной ситуации. При глаголах кз. кп. *дорйыны* ‘защищать’, *мездмыны* ‘освободиться’, *мынны* ‘освободиться, уйти’, кп. *сайөвтны* ‘спрятать, прятать’, *сайласьны* ‘прятаться, избегать’ элатив указывает на факультативного участника, присутствие которого в ситуации нежелательно, а также ситуацию, которая нежелательна для участника:

кз. *Лукавöйысь молитваöн мынан, омöль мортись некыдз он мын.* (КМС: 234) ‘От лукавого молитвой избавишься, а от плохого человека никак не избавишься’.

кп. *Сэтöн нывкакыс кыдзкö эд мезмис «варышыс» гыжжезись.* (Федосеев 1991: 14) ‘Там девочка как-то ведь сумела вырваться из когтей «ястреба»»; *Мунасö [кöчпияннэз] юасьны, паныталасö кöдзылöс: – Кöдзыв-кöдзылнöй, мезды мянöс бедаись* (Оласö: 32) ‘Отправились [зайчата] за помощью, встретили муравья: – Муравей, муравьишка, выручи нас из беды’.

В коми-пермяцком языке в таких контекстах параллельно с элативом используются эгрессив (см.: гл. 4, раздел 4.5) и послелог *шогья* ‘из-за, от’:

кп. *Ния ме шогья дзесисьöмась.* (Баталов) ‘Они спрятались от меня’.

3. Значение стандарта сравнения. В зырянских диалектах, а также в мысовско-лупьинских говорах элативная именная группа представлена в сравнительных конструкциях при указании на участника ситуации, который выступает в качестве стандарта сравнения при определении подобных ему свойств, качеств у другого участника:

кз. *Лунын мортись ыджыд, а войын байдöгысь дзоля.* (мегыр) (Загадка) (КМС: 247) ‘Днем выше человека, а ночью меньше куропатки (дуга)’; уд. (Венд.) *Ин серав, пиньсид еджыд он ло, тырпсид мыча он ло.* ‘Не смейся, белее зубов не будешь, краснее губ не станешь’ [ОКЗР: 265].

кп. вл. *тэ томжык мамöись.* ‘ты моложе моей матери’ [Баталова 1975: 152].

В мысовском говоре элатив находится в отношении варьирования с компаративом: кп. мыс. *пöрисьжык тэись* (~ *тэся*) ‘старше тебя’, *вынажык кöинись* (~ *кöинся*) ‘сильнее волка’ [Баталова 1975: 152].

В коми-зырянском языке элатив используется для выражения усилительного значения в конструкциях с редупликацией, суффикс падежа присоединяется к первому слову:

кз. *Оліс-выліс кыйсьысь гозъя. Налӧн быдмис куим зон – сюсьысь-сюсь да ёнысь-ён.* (Лыткин: 60) ‘Жила-была семья охотника. Было у них три сына – очень толковые (‘толковее толкового’) и очень сильные (‘сильнее сильного’).

4. Значение темы сообщения. В ряде коми-зырянских (лузско-летском, удорском) диалектов элатив может выражать передаваемую, получаемую информацию при речемыслительных глаголах:

кз. *Сбылышта ме частушкаяс Аслам ӧнья олӧмысь.* (КМС: 201) ‘Спою я частушки о своей сегодняшней жизни’; лл. (Пр.) *Ӧринс'ыс муйкӧ кыллин-ӧ?* ‘Слышала ли ты что-нибудь об Арине?’ [ЛЛД: 47]; уд. *Уджалан кадрьясысь мый верманнӧд шуны?* (Виль туйӧд, 2004. 07. 28) ‘Что можете сказать вы о работающих специалистах?’

Как показывает материал ранних письменных источников, элатив в значении темы содержания был характерен для коми-пермяцкого языка XIX в., по крайней мере, для северных диалектов:

кп. *Любимӧй книгаезӧн сьлӧн вӧлӧмась лыдьдетны Енысь и святӧйеусь.* (Стефан 1899: 4) ‘Его любимыми книгами были книги о Боге и святых’; *Зыряннэз висъталлӧмась сьлӧ асланъись вераусь, оланъись и обычайезъись.* (Стефан 1899: 4) ‘Зыряне рассказывали ему о своей вере, жизни и обычаях’.

В современных пермских языках стандартным средством выражения значения темы сообщения являются послелого кз. *йылысь*, кп. *йылысь*, удм. *сярысь* ‘о’, которые развились на основе элативных словоформ:

кз. *Сэсся сватъяс сёрни панісны сиктса вьльторьяс йылысь.* (Е. Афанасьев) ‘Затем сваты завели разговор о сельских новостях’.

кп. *Сэсся сія висътасис Костик йылысь.* (Баталов 1990: 100) ‘Затем она рассказала о Костике’.

удм. *Адямилэн урод лэсьтэмез сярысь эн вераськы, ас кырыжед сярысь малта.* ‘Не говори о чужом плохом поступке, подумай о своих недостатках’ [Перевозчикова 1987: 130].

Коми-зырянский и удмуртский языки

1. Исходная точка отсчета расстояния. Элатив указывает на ориентир, от которого начинается измерение расстояния. В удорском диалекте зафиксированы конструкции, описывающие расстояние с указанием исходной и конечной точек отсчета:

кз. *Лӧсьыд и патера веськаліс Михаил Коноплӧвлы: бусӧсь туйысь бокын, вадорын, лӧнинын.* (В. Безносиков) ‘Хорошая и квартира досталась Михаилу Коноплеву: в стороне от пыльной дороги, на берегу реки, в тихом месте’; уд. (Лопт.) *Юаныбсис да Вашка Погостӧдзис лӧй верст кыксӧйс вӧдзӧджык.* ‘От Юаныба до Погоста на Вашке будет более двухсот верст’ [ОКЗР: 235].

удм. *Ярдурьсь 15–20 метр кемьн мур интыез – 3 метр гуэз – вань.* (Удм. дунне, 2010.07.23) ‘От берега на расстоянии 15–20 метров есть глубокое место – яма в три метра’.

2. Исходная точка отсчета времени. В удмуртском языке и ряде коми-зырянских диалектов элатив параллельно с эгрессивом употребляется при указании на темпоральный ориентир, от которого начинается отсчет времени. В удорском диалекте зафиксированы конструкции, в которых обозначаются исходная и конечная точки отсчета времени:

кз. уд. (Чупр.) *Пйат'ыс' пйат'ӧ.* ‘С пяти до пяти’; (Венд.) *Пӧрвӧйӧ маййаис' да пйатӧйӧ маййаэдз.* ‘С первого по пятое мая’ [Сорвачева 1972: 243].

В присыктывкарском диалекте элативная словоформа при лексеме *аски* ‘завтра’ реализует значение ‘последующий день после временного ориентира’:

кз. скр. (Ш.) *Майс'ус аскийӧ пӧ выкоднӧй.* ‘Говорят, что на второй день Мая (т. е. второго мая) выходной’; *Талун ӧд он жӧ пӧчкы, талун ӧд Микӧлаыс' аски.* ‘Не будешь же сегодня прясть, сегодня ведь второй день Николы’ [ПСД: 69].

В удмуртском языке элатив, актуализируя начальный ориентир времени, может употребляться при указании на локализацию ситуации между двумя временными ориентирами:

удм. *Соин ик 6-тӧй январьысь 7-тӧй январе выжон уез но пумитано быдӧс семьяен.* (Удм. дунне, 2009.12.31) ‘Поэтому ночь с 6 на 7 января надо встречать всей семьей’.

4.4.2. Межъязыковые различия

Коми-зырянский язык

1. Пространственно-посессивное значение. Элатив употребляется при указании на названный через лицо исходный ориентир. Дистрибуция падежа ограничена именами собственными, одушевленными существительными со значением ‘лицо’ и личными местоимениями множественного числа:

кз. *Ульяна, кодї бõрря луньясас омõля петавлис Патовьясысь.* (И. Изъюрв) ‘Ульяна, которая в последнее время редко выходила от Патовых’; скр. (Ш.) *Õни на нывс'ис вõли локтõ, а бара-н мунõ.* ‘Он только что шел от дочери, а опять уже (к ней) идет’ [ПСД: 71]; уд. (Пыс.) *Мишкаис' каас Анõй ата.* ‘Вон Анна идет от Миши’ [Сорвачева 1972: 241].

В современных пермских языках основным средством выражения этого значения являются послелогои кз. *ордысь*, кп. *ордись*, удм. *дорысь* ‘от’:

кз. *Машõ тьõт ордысь петõ Кирõ.* (Е. Рочев) ‘Из дома тети Маши выходит Кирилл’.

кп. *И петас родной сой ордись оров бур кывсõ кывтõг.* (Перем) ‘И выйдет от родной сестры орел, не услышав доброго слова’.

удм. *Лыктйсько Петыр дорысь.* ‘Иду от Петра’. [Верещагин 1924: 29].

2. Значение объекта возмещения. В коми-зырянском языке элатив употребляется при указании на объект (услугу), в возмещение которого вносится плата:

кз. *Оланйнысь мынтйм некымын ур.* (Е. Афанасьев) ‘За жилье заплатили несколько копеек’; – *Галина, мынтысь со ёртыслы дас сыв пескысь.* (Е. Афанасьев) ‘– Галина, заплати вон товарищу за десять саженой дров’.

В коми-пермяцком и удмуртском языках это значение передается послелогом кп. *понда*, удм. *понна* ‘за’:

кп. *Кучиккез понда Пестерин вештисис аслас тõварõн.* (Баталов) ‘За шкуры Пестерин расплатился своим товаром’.

удм. *Уй-нунал улэм понна тыроно ог 4 сюрс манет.* (Удм. дунне, 2007.10.16) ‘За сутки проживания должны платить примерно 4 тысячи рублей’; *Огреч дуномиз 8 манетлы, табере 69 манет сылз,*

помидор понна тыроно ни 55,8 манет, нои чай понна кисыысь поттоно луоз 3,5 манетлы тросгес. (Иднакар, 2014.10.17) ‘Огурцы подорожали на 8 рублей, после чего стоят 69 рублей, за помидоры платили уже 55,8 рублей, а за чай надо выкладывать из кармана на 3,5 рублей больше’.

3. Обменный эквивалент (средство оплаты, стоимость). При глаголах, обозначающих обменные процессы (куплю-продажу), элатив указывает на меру, в пределах которой осуществляется действие:

кз. *Кум во сайын кымын Демит ньоблис тайё важ ыргён самоварсё сойваса Пока Иванлысь кум шайтысь.* (Доронин: 61) ‘Примерно три года назад Демит покупал этот старый медный самовар за три рубля у Пока Ивана из Сойвы’.

В этом значении коми-зырянскому элативу в удмуртском и коми-пермяцком языках соответствует инструменталь (см.: гл. 3, раздел 3.7).

4. Значение темы (содержание игры). В коми-зырянском языке элатив используется для выражения темы игры, но по частотности употребления он значительно уступает инструменталю, ср. соотношение употребления в ККЯ элатива и инструменталья с существительными *футбол* – 204:488, *лапта* – 3:10, *домино* – 1:64 (дата обращения: 19.03.2019):

кз. *Отув ворсёмайсь футболысь, рингоысь, шегйысь, челядьлы дасьтём «Пермские образки» пызанывьса ворсёмысь.* (Е. Морохина) (Йёлёга, 01.2011) ‘Вместе играли в футбол, в ринго, в шег, настольную игру «Пермские образки»’.

5. Партитивный объект. В верхнесысольском и летских говорах лузско-летского диалекта показателем элатива может оформляться существительное в позиции прямого дополнения в случае, когда ситуация трактуется как партитивная. В современных пермских языках нет специализированного средства выражения партитивности. В коми-зырянском языке аспектуальная характеристика ситуации не является основным фактором при выборе средств оформления прямого объекта. Партитивную интерпретацию допускает неоформленный прямой объект (а), а также объект, оформленный суффиксом *-сё* (б), который может употребляться также при выражении ситуации с полным охватом объекта действием (в), ср. примеры:

(а) кз. *Вася сёйис рок.* ‘Вася ел кашу’.

(б) кз. *Вася сёйис роксё вит минут*. ‘Вася ел кашу в течение пяти минут’.

(в) кз. *Вася сёйис роксё вит минутон*. ‘Вася съел кашу за пять минут’.

В оформлении прямого объекта элатив засвидетельствован преимущественно в вопросительных предложениях с местоимением *мõй* ‘почему’, в которых выражена цель получения сведений говорящим у собеседника:

вс. (Кг.) *Мõй чипанйасс’ыс полõшитан*. ‘Почему пугаешь кур?’; (М.) *Мõй сә мында вас’ыс вайан*. ‘Почему так много воды несешь’ [ВСД: 69]; лл. (Пор.) *Мõй бы мэ нылс’ыс витчыс’а*. ‘Сама не знаю, почему жду дочь’ [ЛЛД: 46].

В других коми диалектах в подобных конструкциях существительное оформляется кумулятивным суффиксом *-сõ* или не маркируется, ср. примеры:

нв. (Гам) *Мõй курõгйассõ повз’эдлан?* ‘Почему ты пугаешь кур?’; *Мõй нõ кõза видзан?* ‘Что ты козу держишь?’

На выбор оформления прямого объекта в вопросительных предложениях влияет смысл, вкладываемый говорящим в ходе речевого акта. В предложении с немаркированным прямым объектом вопрос совмещается с утверждением, употребляется преимущественно при приветствии говорящим собеседника. Прямой объект и предикат имеют одинаковый коммуникативный статус: оба относятся к реме. Прямой объект, оформленный с суффиксом *-сõ*, является темой высказывания независимо от референциального статуса. Элативный объект соотносится с объектом, маркированным с суффиксом *-сõ*, являясь темой высказывания. Конструкция, в которой прямой объект оформлен стандартным суффиксом элатива, без посессивного суффикса, не зафиксирована.

Удмуртский язык

1. Мера удаленности. В сочетании с существительными, обозначающими меру измерения расстояния, элатив указывает на удаленность от ориентира:

удм. *Кызьы сое Шарикез кызь иськемысь гуртэзлэсь шедьтэм?* (Ваньмон дыр, 2012.12.23) ‘Как его нашел Шарик за 20 километров’

от деревни?»; Виктор бачко татчы 60 **иськемысь** вуылэ. (Удм. дунне, 2011.10.28) 'Батюшка Виктор приезжает сюда за 60 километров'; Татчы со 12 **иськемысь**, Шабердйысь, больницае лыктэм, капельницаос лэсьтйсько, пе. (Удм. дунне, 2009.04.03) 'Сюда, в больницу, она приехала за 12 км, из Шабердино, капельницы, мол, ей ставят'.

В коми языках в значении меры удаленности употребляются послелогич. кз. *сайсянь*, *сайысь* 'за', кп. *ылынасянь*, *ылынаись* 'за':

кз. *Карской губа дорё бушкала войын воисны кёр видзысьяс*, – *локтысны сё километр сайсянь нянь-совла Каравомё*. (С. Попов) 'К Карской губе приехали оленеводы, – приехали за 100 километров в Каравом за продуктами'; *Урчитём кад кежлё медалём машинаён сьбылысьяс локтысны 20 километр сайсянь*. (Г. Горчаков) 'К назначенному сроку на арендованной машине артисты приехали за 20 километров'; *Мукёдыс весиг некымын сё километр сайысь локтыны*. (М. Ладанов) 'Некоторые даже за несколько сот километров приезжают'.

кп. *Но матын ваыс эз вёв, сйё тракторён цистернаён ваялісё вит километра ылынасянь*. (Баталов) 'Но близко воды не было, ее привозили в цистернах на тракторе за пять километров'.

2. Значение исходного количества. Элатив параллельно с эгрессивом употребляется при указании на исходную или минимальную величину, объем, размер. При определении изменения диапазона количества в конструкцию с элативной словоформой вводится терминативная:

удм. *Озыы одйг литр соляркалэн дуныз 27 манетысь 12,8 манетозь лэзькиз*. (Удм. дунне, 2012.10.12) 'Так цена одного литра солярки снизилась с 27 рублей до 12,8 рублей'; *Скаллы быдэ йёл кыскон ар кусын 3 сюрс 560 килограммысь жутскиз 4 сюрс 600 килограммозь*. (Удм. дунне, 2007.11.13) 'В течение года удой молока с каждой коровы вырос с 3 тысяч 560 килограммов до 4 тысяч 600 килограммов'; *Килограмм сйль 198 манетысь 210 манетозь вуиз*. (Удм. дунне, 2012.02.10) 'Цена за килограмм мяса возросла с 198 рублей до 210 рублей'; *Вакчи кужлэн дуныз 27 манетысь лэзиськиз 17 манетозь*. (Удм. дунне, 2010.11.19) 'Стоимость короткой пакли снизилась с 27 рублей до 17 рублей'.

В современном удмуртском языке элатив в этом значении значительно уступает эгрессиву, ср. соотношение этих падежей с суще-

ствительными *килограмм* ‘килограмм’: элатив – 1, эгрессив – 4; *манет* ‘рубль’: элатив – 18, эгрессив – 124.

4.4.3. Сравнительно-исторический аспект

Источник и время происхождения суффикса элатива остаются пока достоверно невыясненными. Долгое время показатель элатива рассматривался как палатализованный вариант лативного суффикса **-s*, возникший в финно-пермский период [Аристэ 1955: 30; Серебренников 1963: 61; Budenz 1870: 44; Fokos 1906: 210; Szinyei 1922: 66–67; Collinder 1965: 125]. Однако Е. С. Гуляев, учитывая регулярные соответствия согласных фонем в финно-угорских языках, убедительно доказал, что суффикс пермского элатива этимологически не может быть связан с показателем финно-волжского латива. По его предположению, он возник спонтанно в эпоху прапермского языка на основе односложной лексемы с локативной семантикой [Гуляев 1960: 135–137; 1961: 123]. В. В. Понарядов, включающий в состав уральской языковой семьи монгольские языки, восстанавливает для урало-монгольского праязыка аблатив с суффиксом **-s'z*, рефлексом которого, по его мнению, может быть и суффикс пермского элатива [Понарядов 2011: 26]. В современном финно-угроведении преобладает точка зрения, согласно которой источником элативного форманта послужил деривационный суффикс *nomen possessi* [Лыткин 1977: 27; Майтинская 1979: 100–101; Кондратьева 2011: 89; Rédei 1981: 282–283; 1988: 381–382; Csúcs 2005: 187]. Его функциональный переход, т. е. изменение словообразовательного суффикса в падежный, который протекал в прапермский период, объясняется: а) изменением семантики финно-угорского аблативного суффикса **-ta/*-tä* [Rédei 1981: 282–283; 1988: 381; Bartens 2000: 85] (см. гл. 4, раздел 4.7) и б) необходимостью устранения омонимии, возникшей в результате отпадения лативного суффикса **-k(V)* и аблативного суффикса **-t(V)* [Кондратьева 2011: 90].

Для прапермского элатива реконструируются два суффикса – **-s'* и **-s't*. В компоненте *t* второго суффикса одни исследователи усматривают рефлекс аблативного суффикса **-ta/*-tä* [Гуляев 1960: 161; Серебренников 1963: 61; Szinyei 1922: 66–67; Wichmann 1923–1924: 163; Uotila 1933: 314; Rédei 1988: 380–382; Csúcs 2005: 204], другие –

рефлекс локативного суффикса **-tt* [Основы 1976: 147; Лыткин 1977: 27]. В настоящее время суффикс **-s't* имеет элатив удмуртского языка в посессивном склонении; в коми языке он сохраняется в ряде адвербиальных и послеложных образований: *вӧлшти* 'только, потом'; *мысьти* 'через, спустя, по истечении (времени)'. Н. В. Кондратьева допускает для прапермского языка наличие вариативных суффиксов в обоих типах склонения. Позже, в период самостоятельного развития коми языка, в качестве элативного маркера закрепляется только вариант **-j's'* [Кондратьева 2011: 90]. Есть предположение, что функции вариативных суффиксов элатива были дифференцированы: суффикс **-s't* выражал комплекс общеотделительных значений, суффикс **-s'* – конкретное местно-исходное значение [Гуляев 1960: 140; Серебренников 1963: 14; Основы 1976: 147]. Однако документальных свидетельств в подтверждение этой гипотезы нет. Представляется вероятным, что элативный суффикс **-s'* мог возникнуть в результате упрощения **-s't*, а элативное значение деривационный суффикс унаследовал от аблатива, рефлексом которого является коаффикс *-m-*.

Как показало межъязыковое сопоставление семантики элатива, кроме значений, присущих всем родственным языкам, он имеет еще специфические, которые свойственны двум или только одному из языков. Составившие элативу соответствия распадаются на две группы: а) единицы с элативно-аблативной семантикой; и б) единицы с незлативной семантикой. К первой группе относятся аблатив, эгрессив и послелог, диахронически восходящие к элативным словоформам. Межъязыковое варьирование элативно-аблативных единиц обнаруживается при выражении пространственного (исходная точка отсчета расстояния), пространственно-посессивного и отдельных непространственных значений: значения стимула эмоций, нежелательного участника ситуации, стандарта сравнения, темы сообщения, исходной точки отсчета времени, исходного количества, меры удаленности. Распределение параллелей к элативу между языками следующее: удмуртский язык – аблатив, эгрессив, послелог; коми-пермяцкий язык – эгрессив, компаратив, аблатив, послелог; коми-зырянский – эгрессив, послелог. В основе развития вариативности элативных (имеются в виду эгрессива, элатива и аблатива) падежей лежит параметр ориентации, выражающий значение направленности от ориентира, носителем которого является компонент *сь*, содержа-

щийся в суффиксе каждого из этих падежей. В случае, если в вариативный ряд средств выражения значения входит элатив, то можно полагать, что он являлся первичным средством его выражения, так как аблатив и эгрессив по сравнению с элативом являются диахронически более поздними. Обращает на себя внимание внутриязыковое варьирование падежей с участием элатива. В коми-зырянском языке элатив параллельно с эгрессивом может употребляться при выражении следующих значений: исходной границы пространственного ориентира, исходной точки отсчета расстояния (удорский диалект), исходной точки отсчета времени (удорский диалект), причины (в южных диалектах). В коми-пермяцком языке отмечается: а) варьирование элатива и эгрессива при выражении значения нежелательного участника ситуации/нежелательной ситуации, причины; б) варьирование элатива, эгрессива и компаратива при выражении сравнительных отношений; в) варьирование элатива, эгрессива и аблатива при выражении значения стимула эмоций. В удмуртском языке наблюдаются вариативные отношения: а) между элативом и аблативом при выражении значения материала, б) между элативом и эгрессивом при выражении значений исходной границы пространственного ориентира, исходной точки отсчета расстояния и исходного количества. Следовательно, значения, вошедшие в первую группу, можно экстраполировать на прапермский язык и реконструировать исходное пространственное значение элатива как элативно-аблативную. В этом контексте уместно отметить, что сходная с пермскими языками ситуация частичного варьирования элативных падежей зафиксирована в отдельных родственных языках: элатива и аблатива в ингерманландском финском диалекте [Федотов 2012], эгрессива и элатива/аблатива в вепском языке [Зайцева 1981б: 144–145; Ревинский 2000: 23–24].

Вторая группа включает послелог кп. *понда*, удм. *понна* (при выражении значения объекта возмещения), инструменталь (при выражении значений темы игры, обменного эквивалента) и аккумулятив (при обозначении партитивного объекта), что выделяет элатив коми-зырянского языка на фоне удмуртского и коми-пермяцкого языков. При определении более раннего средства выражения конкретного значения следует учитывать данные как близкородственных, так и дальнеродственных языков. Во всех пермских языках при выраже-

нии партитивного объекта используется аккузатив, значение темы игры передается инструменталем. В этом случае аккузатив и инструменталь следует считать более ранними средствами выражения указанных значений. Учитывая функционирование наречия *донён* в коми-зырянском языке, можно допустить, что изначально средством выражения значения обменного эквивалента в пермских языках мог быть инструменталь. Что касается послеложного соответствия элативу, то этимологически тождественный послелог представлен и в коми-зырянском языке. Семантическая структура послелога в коми-пермяцком и коми-зырянском языках (если учесть диалекты) в целом совпадает, различие составляет значение замещения, ср. семантику послелога в [КПРС: 356; СДКЯ: 152; Rédei 1962: 182–186]. Стоит обратить внимание на то, что в обоих коми языках этот послелог употребляется для указания на лицо, вместо (за) которого выполняет действие участник ситуации, ср. кз. сс. (Кур.) *ме тэяд понда ватё ог вай* ‘я за тебя воду не принесу’ [СДКЯ: 152]; кп. *тэ понда керны удж* ‘работать вместо (за) тебя’ [КПРС: 356]. В коми-пермяцком языке он выражает значение замещения одушевленного и неодушевленного участника ситуации, в коми-зырянском языке – только одушевленного участника ситуации. В общекоми период этот послелог, скорее всего, не имел ограничений на лексическую сочетаемость с существительными, на что указывают другие его значения.

Рассмотрим параллели к коми-зырянскому элативу за пределами пермских языков. Значение темы игры в прибалтийско-финских языках выражается партитивом, который развился на основе прафинно-угорского аблатива [Основы 1974: 253], ср. эст. *mängida malet*, ф. *pelata shakkia* ‘играть в шахматы’, в марийском языке – комитативно-инструментальным послелогом *дене: футбол дене модаш* ‘играть в футбол’, в мордовских языках – инессивом: мдЭ. *Ещё минек велесэ эйкакитне налксекинэть кончкинесэ, каринесэ, чакикесэ, чернесэ* ‘Еще в нашем селе ребяташки играют в жмурки, в журавлики, в горшочки, в мышки’ [ГМЯ: 168]. Коми-зырянский элатив в значении темы игры находит параллели в севернорусских говорах: *Из шарика да из мячика играем.* (Холмог. Арх., Грандильевский) [СРНГ 1977: 82].

Для выражения партитивного значения используется в мордовских языках аблатив [ГМЯ: 164], в прибалтийско-финских языках – партитив [Kiparsky 2001; Tamm 2012]. В эстонском языке, по материалам

А.-Р. Хаузенберг, в конструкциях с вопросительным местоимением *mis* ‘что’ прямой объект оформляется суффиксом элатива: эст. *mis me ajast raiskame* ‘what are we waisting our time’ [Hausenberg 1981].

Значение объекта возмещения в эстонском языке передается послелогом *eest* ‘за’, в финском языке – элативом: эст. *Kui palju sa selle kleidi eest maksid?*, фин. *Paljonko maksoit sitä leningistä* ‘Сколько ты заплатил за это платье?’ [Pool 1999: 64], в марийском языке – дативом: *тунеммылан тўлаш* ‘платить за учёбу’ (МарлаМутер).

Значение обменного эквивалента (стоимость) выражается в эстонском языке послелогом *eest* ‘за’ и комитативом, в финском языке – адессивом: эст. *Anu ostis raamatu ainult viie kroni eest / viie kroniga, Anu osti kirjan vain viidellä kruunuulla*. [Pool 1999: 76]; в ингерманландском финском диалекте – элативом: *Pekko osti Matilt krandasin viijest rūpläst* ‘Пекко купил у Матти карандаш за пять рублей’ [Федотов 2012: 413], в марийском языке – комитативно-инструментальным послелогом *дене*: мар. *Окса дене налаш* ‘купить за деньги’ (МарлаМутер), в мордовских языках – аблативом: мдМ. *Вейхкса сятта мизе айгоронц* ‘За девятьсот продал своего жеребца’ [ГМЯ: 166].

Продемонстрированные примеры из родственных языков свидетельствуют о том, что рассматриваемые значения могут передаваться элативными и неэлативными падежами и послелогоми, причем элативные средства характерны для прибалтийско-финских и мордовских языков, неэлативные – для марийского языка. В какой мере сходство выражения этих значений является результатом независимой эволюции падежей в различных родственных языках, а в какой они обусловлены языковыми контактами, – вопрос, который, по-видимому, пока не может быть решен однозначно. Принимая во внимание наблюдения А.-Р. Хаузенберг о функциональном сходстве элатива коми и эстонского языков при выражении пространственного значения, источника, причины, сравнительных отношений, темы сообщения, обменного эквивалента (стоимость), объекта возмещения и при оформлении прямого объекта в конструкциях с вопросительным местоимением *mis* ‘что’ [Hausenberg 1981], можно предположить, что поздние контакты коми и ряда прибалтийско-финских языков способствовали консервации прапермского состояния семантики отдельных падежей и дальнейшему ее развитию в коми языке. Кро-

ме того, напрашивается вывод о том, что некоторые специфические значения коми-зырянского элатива могли возникнуть в результате длительных и интенсивных контактов с севернорусскими говорами.

К редким чертам пермских языков можно отнести выражение элативом значения темы игры.

4.5. Семантическая структура эгрессива

4.5.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

1. Пространственное значение. Эгрессив относится к падежам, выражающим исходный пункт движения.

1.1. Исходный пространственный ориентир, внешняя локализация. Эгрессив употребляется при описании ситуации удаления от ориентира, при этом ориентир, выступающий в качестве исходного пункта, абстрагируется от своих геометрических характеристик и воспринимается как единое целое:

кз. *Сэк бересянь пуръяслань Тойышта пыж.* (В. Латкин) ‘Тогда я оттолкну лодку от берега в сторону плотов’.

кп. *Сай ладор бересянь сия жагёна уйис челядьлө паныт.* (Баталов) ‘С другого берега он быстро плыл навстречу детям’.

удм. *Тани чапак Алексей Кириллович пуктыса вайиз <...> самой станцисен.* ‘Вот как раз Алексей Кириллович привез меня <...> от самой станции’ [Перевошиков 1980: 67].

При указании на траекторию движения с актуализацией исходного и конечного пунктов эгрессив употребляется в контексте с иллативом или терминативом:

кз. *Автобус мөдөдчө вөлі Сыктывкарсянь Визинё.* (Торопов 1982: 16) ‘Автобус отправлялся из Сыктывкара в Визингу’.

кп. *Юпомсянь Сайгортөдз джын туй вылын, нюр дорын, Афанасий да Антон тиёктисё зонкаоккесё шоччисьыштны.* (Баталов 1990: 124) ‘На полпути от Юпома до Сайгорта, у болота, Афанасий и Антон велели мальчишкам немного отдохнуть’.

удм. бт. *төзы но ла камлэн шыкыйосыз Зарис'эн но Зарэ шуккис'кэ; мил'ам но шол кырзам кұарайосмы эл'ис'эн но эл'э шуккис'кэ.* ‘Пены белой Камы бьются от берега к берегу; голоса наших песен раздаются’.

ся из края в край’ [Насибуллин 1982: 158]; *Карысен нюлэскозь автобусэн мынізы*. (Сипсик Эно Рауд, 2013) ‘От города до леса ехали на автобусе’.

1.2. Исходный пространственный ориентир, внутренняя локализация. При глаголах, указывающих на движение из внутренних пределов ориентира, наблюдается варьирование элатива и эгрессива. Такое употребление эгрессива чаще всего встречается в коми-пермяцком языке.

Эгрессив: кп. *Митрейыс вёрсянь петіс пишалён*. (Федосеев 1991: 55) ‘Митрей вышел из леса с ружьем’; *Сэтён комсяняс мыччисис Гаврил дядьыслён нылыс*. (Федосеев 1991: 215) ‘Тогда из кухни показалась дочь дяди Гавриила’.

Элатив: кп. *Сёр рытён мийё петавлім вёрись мыдзёмось и тишыгось*. (Баталов) ‘Поздно вечером мы выходили из леса уставшие и голодные’; *Комись мыччисис Анастасия Степановна, нейджыт мыгёра, ён да боёк инька*. (Баталов) ‘Из кухни показалась Анастасия Степановна, небольшого роста, крепкая и бойкая женщина’.

Е. С. Гуляев, объясняя семантическое различие падежей с элативной семантикой, используемых в одинаковых контекстах (кз. *локтіс вартанін-ысь/вартанін-сянь* ‘пришел с молотьбы’), отмечал, что элатив указывает на исходный пункт как на место завершения ситуации, выход из определенного процесса (из процесса молотьбы), эгрессив – на исходный пункт движения, пункт, от которого начинается движение [Гуляев 1960: 147]. Кроме того, он подметил, что эгрессив, в отличие от элатива, указывает на большую близость действия во времени и большую очевидность действия [Гуляев 1960: 147]. По нашим наблюдениям, эгрессив оказывается предпочтительным, а в некоторых случаях единственно допустимым в конструкциях с наречиями, указывающими на темпоральную смежность (кп. *выльён* ‘только что’, кз. *веськыда*, кп. *веськыта* ‘прямо’), а также при фазисных глаголах (кз. *мёдны*, кп. *заводитны* ‘начать’, кз. *мёддчыны* ‘отправиться’), ср. кз. *Школасянь* (*школаысь) *ме веськыда котёрті библиотекаё*. ‘Прямо из школы я побежал в библиотеку’. На выбор падежа в каждом конкретном случае может оказывать влияние различное осмысление ситуации. При использовании элатива внимание акцентируется на направленность движения из пределов ориентира,

тогда как при употреблении эгрессива описываемая ситуация связана с вовлечением в пространственную конфигурацию не внутренней части ориентира, а ориентира в целом:

кз. лл. *Коркө ме кузьнечасень мөдi гортö*. ‘Однажды я направился из кузницы домой’ [ОКЗР: 152]; вым. *Мэ выл’өн на гортс’ан’ö пэти*. ‘Я только что вышел из своего дома’ [ВД: 63].

кп. *Митиперыс рытнас петис заводсянь и веськыта иньдöтчис Германнэзлань*. (Федосеев 1991: 223) ‘Вечером Митипер вышел с завода и направился прямо в сторону дома Германа’.

Эгрессив в значении движения из внутренних пределов ориентира зафиксирован также в бесермянском наречии, в среднечепецком диалекте и слободском говоре нижнечепецкого диалекта [Тепляшина 1970: 172; Карпова 2016: 111; 2018: 185]:

удм. бес. *vikogurtös'en tölöse koškemön bes'erman'n'os*. ‘Из Татарских Ключей бесермяне выехали в Тылыс’ [Тепляшина 1970: 172]; нч. (НМоч.) *муми шурыс’эн ву тубыт’т’аз карнанэн*. ‘Моя мама из речки воду носила (‘поднимала’) на коромысле’ [Карпова 2016: 111].

1.3. Исходная точка отсчета расстояния. Эгрессив используется для указания на пространственный ориентир, который является исходной точкой при измерении расстояния. В конструкцию вводятся количественные сочетания, а также наречия, прилагательные с квантитативной семантикой. Конечная точка отсчета расстояния выражается иллативом или терминативом:

кз. *Райцентрсянь Угдымөдз матö кыксё километр вöли*. (Юшков 1981: 54) ‘От райцентра до Угдыма было почти двести километров’.

кп. *Городсянь вит километра мымда менö чапкис машина – шофёрыс төдса лöсялис*. (А. Ермаков) (Парма шы: 400) ‘Примерно в километрах пяти от города меня подхватила машина – шофер знакомым оказался’.

удм. *Ижысен Сарапулöзь – 63 километр*. (Сарапул, 2013.10.05) ‘От Ижевска до Сарапула – 63 километра’; сч. *дондыкар гуртыс’эн со одик киломэ-тыр ис’кэмын, шуизы, ван’инты*. ‘В километре от деревни Дондыкар, [как] рассказывали, имеется то урочище (‘место’) [Карпова 2005: 119].

1.4. Исходное место действия. При глаголах действия, а также речи и восприятия эгрессив может употребляться для указания на

пространственный ориентир, который является местом, откуда производит действие участник ситуации или с которого возможно зрительное, звуковое восприятие. Эгрессивом выражается место локализации субъекта действия, сам субъект действия не меняет своего пространственного положения, но конечная точка направления его действия находится вне ориентира:

кз. *Деда-внука пондісны чѳсмасьны сэтѳрѳн, веськыда пыжсянныс.* (Торопов 1982: 77) ‘Дед с внуком начали лакомиться смородиной, прямо с лодки’.

кп. *Тѳн кѳчыслѳ ѳшынсяняс лыи.* (Федосеев 1991: 34) ‘Вчера я в зайца из окна выстрелил’; *Нельки вертолетсянъ шоча казялан кытшѳмкѳ кушинок.* (Баталов) ‘Даже с вертолѳта редко заметишь какой-нибудь пустырь’.

удм. *Адѳи пристаньысен:* *ѳуж дынялѳсь кѳмзѳ нуѳ тулкымѳѳслы пумит визыл.* (Чылкыт сѳлѳмын) ‘С пристани (‘находясь на пристани’) [я] увидел: корку желтой дыни несет течение против волн’; *Тодмо луиз:* *пияшьѳс ярдурьысен чорьгазы.* (Удм. дунне, 2010.05.26) ‘Стало известно, что мальчишки ловили рыбу с берега’.

В таких контекстах параллельно с эгрессивом употребляется инессив, но только в случае описания локализации ситуации в пределах пространственного ориентира, ср. кз. *чѳсмасьны сэтѳрѳн пыжын* ‘лакомиться смородиной в лодке’ (ягоды собраны, находятся в лодке) и кз. *чѳсмасьны сэтѳрѳн пыжсянъ* ‘лакомиться смородиной с лодки’ (ягоды не собраны, они находятся вне лодки).

2. Темпоральное значение. Эгрессив используется при выражении исходного временного ориентира, в качестве которого могут быть календарные, возрастные, функционально-событийные моменты времени:

кз. *Дыр нин ѳз волы сійѳ [сѳюз] татчѳ, тувсовѳя чарѳмсянъ.* (Юшков 1981: 8) ‘Давно уже не прилетала сюда она [сова], со времен весеннего наста’; вс. (Кг.) *Мѳ пѳкн’ичас’ѳн’ нин гортын.* ‘Я уже с пятницы дома’ [ВСД: 71].

кп. *ѳта минутасянъ Ульянлѳн сѳѳлѳмыс пондіс повны быд шагын.* (Федосеев 1991: 78) ‘С этой минуты сердце Ульяны с каждым шагом наполнялось страхом’.

удм. *Со дырысен, октябрь толѳзълѳн куинетѳ субботаысеныз кутскыса, быдѳс арня ѳѳже пусйиськом ѳыжы-выжы луисъ*

калыкъёсмылэсь нунальёссэс. (Удм. дунне, 2007.10.23) ‘С этого времени, начиная с третьей субботы октября, в течение целой недели отмечаем дни родственных народов’; сев. *дас н'ыл' арэсьс'эн тракторън ужань кутскиз.* ‘С четырнадцати лет он начал работать на тракторе’ [Кельмаков 1981: 41].

При указании на интервал времени, в пределах которого протекает действие, в конструкцию, кроме эгрессивной, вводится терминативная словоформа, выражающая время завершения ситуации:

кз. *Обедсянь пажынодз найö гызисны качай дорын либö вадор кыр йылын.* (Рочев 1951: 180) ‘С обеда до ужина они резвились у качелей или на крутом берегу реки’.

кп. *Быдыс төдö, что тулыссиянь пьд арöдз Егор оз новйы фуражка.* (Баталов 1976: 58) ‘Каждый знает, что с весны до поздней осени Егор не носит фуражку’.

удм. сев. *аз'выл дыриа толсурис'эн йöвылсоноз' туж л'эк вожо шуозы вал.* ‘Раньше [период] между рождением и крещением называли [периодом] злого вожо’ [Кельмаков 1981: 117].

В темпоральном значении эгрессив может конкурировать с инессивом, что связано с различным осмыслением ситуации. Инессив используется для описания локализации ситуации в пределах временного ориентира, тогда как эгрессив – при описании исходного момента продолжающейся ситуации.

Эгрессив: кз. *Оліс сійö сэки Полтаваын нин, кытчö овмöдчис 1900 восянь.* (С. Раевский) ‘Тогда он жил уже в Полтаве, где поселился с 1900 года’.

удм. *1727-тй арысен Кузон губернилэн люкетэз луиз.* (Киров карлэн историез, 2013.03.08) ‘С 1727 года он стал частью Казанской губернии’.

Инессив: кз. *Пенсия вылас петöм бöрын 1995 воын овмöдчис Сереговö.* (И. Бельх) ‘После выхода на пенсию в 1995 году [он] поселился в Серегово’.

удм. *1918-тй арын Ижевск луиз город.* (Удм. дунне, 2008.02.20) ‘В 1918 году Ижевск стал городом’.

3. Исходное состояние участника ситуации. Показателем эгрессива маркируются имена, обозначающие должность, статусное положение, при описании исходного статуса участника ситуации:

кз. *Тані Николай Пантелеев трактористсянь быдмис механик-рационализатородз.* (С. Морозов) ‘Здесь Николай Пантелеев прошел путь от тракториста до механика-рационализатора’; *Управляющойсянь директородз вайодасны?* (Н. Белых) ‘С управляющего на должность директора назначат?’

кп. *Тима бригадирсянь быдмём директородз.* ‘Тима прошел путь от бригадира до директора’.

удм. *Туж жоюг будйиз ассистентысен деканозь.* (Удм. дунне, 2009.06.17) ‘Очень быстро из ассистента он дорос до декана’; *Кема аръёс ужаз «Июльское» хозяйствоын – шофёрысен будйиз валтйись инженерозь.* (Удм. дунне, 2012.10.31) ‘Долгое время он работал в хозяйстве «Июльское» – прошел путь от шофёра до главного инженера’.

4. Значение исходного количества. Эгрессив при описании диапазона количества (вес, стоимость, размер) указывает на исходное или минимальное количество:

кз. *Медводз уськөдчöны гырысь комъяс – квайтсё граммсянь килодз.* (Б. Шахов) ‘Вначале набрасываются [на наживку] крупные хариусы – от 600 граммов до килограмма’; *Луннас пуръялöны сöмын вит кубометрсянь дас вит да кызь кубометрöдз морт вылö.* (И. Пыстин) ‘В день сплачивают только от пяти до пятнадцати-двадцати кубометров бревен на человека’; *Ставыс вöли вöзийöма 115 вакансия, а вöзийöм удждоныс – 5.554 шайтсянь 57 сюрс шайтöдз.* (Йöлöга) ‘Всего было предложено 115 вакансий, а предложенный размер зарплаты – от 5.554 до 57 тысяч рублей’.

кп. *Шөгди няньлөн доныс 20 рубсянь 25 рубöдз.* ‘Цена пшеничного хлеба варьирует от 20 рублей до 25 рублей’.

удм. *Жыт причёска – 1 сюрс манетысен.* (Удм. дунне, 2015.06.23) ‘Вечерняя причёска – от одной тысячи рублей’; *Куличъёслэн быдзалазы но туж пöртэмлыко луэ – 300 грамммысен 3 килограммозь.* (Удм. дунне, 2010.04.02) ‘И размер куличей очень разный – от 300 граммов до трех килограммов’; *Коммунальщикъёслы штрафъёс – 500 манетысен 1 миллион манетозь.* (Удм. дунне, 2011.11.23) ‘Штрафы для коммунальщиков – от 500 рублей до одного миллиона рублей’.

Коми-зырянский и коми-пермяцкий языки

1. Исходный посессор. В коми языках, в отличие от удмуртского языка, наблюдается дифференцированное выражение исходного посессора (см.: гл. 3, раздел 3.4). Эгрессив выражает значение активного исходного посессора в предложениях с пассивным субъектом:

кз. *Сідз лун бӧрся лун, тӧлысь бӧрся тӧлысь челядьсяннысь письмӧ виччысьӧмӧн и оліс.* (Б. Шахов) ‘Так изо дня в день, из месяца в месяц жил он только в ожидании письма от детей’; *Школасянь бура велӧдчӧмсьыс мӧйму тӧв кежлӧ гынкӧм гоз сетісны.* (А. Ануфриева) ‘В прошлом году за хорошую учебу от школы дали пару валенок на зиму’.

кп. *Этӧ тэныт подарок Архипкаысянь да Егоршаысянь.* (Баталов) ‘Это тебе подарок от Архипки и Егорши’.

2. Источник информации. Эгрессив при глаголах восприятия (кз. кп. *кывны* ‘слышать’, *тӧдмавны* ‘узнать’) указывает на активный источник информации:

кз. *Ылыс рӧдъяс пӧ найӧ, мамӧсянь кывлі.* (В. Тимин) ‘Дальние родственники, мол, они, об этом я от матери слышал’; *Коми йӧзлы коми кывйыс дона медводз кыдзи чужан кыв, ай-мамсянь тӧдмалӧм сёрни.* (Е. Цыпанов) ‘Коми язык дорог коми народу, прежде всего, как родной язык, унаследованный от родителей’.

кп. – *Кывлі ме умнӧй отирсянь, – шуис Пестерин, – бытъӧ пӧ кӧркӧ важсын ни татӧн шаманнӧз олӧмась.* (В. Баталов) ‘– Слышал я от знающих людей, – сказал Пестерин, – как будто бы здесь когда-то давно шаманы жили’; *Этӧ нывкаыс кыліс отирсянь, а ачыс нырсӧ поліс мыччавны ӧтӧрын: ветлас уджавны и гортас.* (Федосеев 1991: 22) ‘Об этом девочка слышала от людей, а сама боялась показываться на улице: сходит на работу и домой’.

3. Значение причины. В коми-пермяцком языке эгрессив является основным падежным средством выражения причинных отношений, в то время как датив и элатив в этом значении факультативны. Эгрессив может указывать на внутреннюю и внешнюю причины, вызывающие нежелательное действие, а также состояние, связанное с влиянием внутренних ощущений лица или природных явлений:

кп. *Ярашко бура мыдзис лунся котрасьӧмсянь да кузь думасянь.* (В. Климов) (Парма шы: 203) ‘Ярашко сильно устал от дневных забот

и долгих размышлений'; *Вöлі сэк няньтöм год – тиыгсяняс отирыс кулис, тину качсянь и туруннэзянь дундiс да пыктiс.* (В. Климов) (Парма шы: 199) 'Тогда был неурожайный год – народ умирал с голода, от осиновой коры и травы вздувался и опухал [живот]'; *Гожумнас номмезсянь оланыс абу.* (Федосеев 1991: 53) 'Летом житья нет от комаров'; *Катялö Алексейсянь бур оланыс абу.* (Федосеев 1989: 83) 'У Кати не ладится жизнь с Алексеем ('из-за Алексея')

В южных коми-зырянских (лузско-летском, среднесысольском, верхнесысольском) диалектах эгрессивом выражается, скорее всего, только внешняя опосредованная причина:

кз. лл. *Кырымйас д'эздöнö вас'ан'ыс.* 'Руки мерзнут от воды' [ЛЛД: 47]; сс. *Кранс'ан'ыс сийö кулöм.* 'Он умер от крана (при несчастном случае)' [ССД: 31]; вс. *Стöканыс пöс' вас'эн'ыс пазэс'с'ас.* 'Стакан от горячей воды лопнет' [ВСД: 71].

4.5.2. Межъязыковые различия

Коми-пермяцкий язык

1. Пространственно-событийное значение. С существительными, образованными с помощью суффикса *-ан*, эгрессив указывает временно на исходную ситуацию и исходное место, где она протекала:

кп. *Гожся мича лунö ме кайи чериалансянь гортö.* (Баталов 1990: 186) 'В погожий летний день я шел домой с рыбалки'; *Митипер уджалансянь мунiс гортö.* (Федосеев 1991: 298) 'Митипер шел с работы домой'.

В коми-зырянском языке существительные на *-ан* не получили распространения. Параллель прослеживается в удмуртском языке, где имеются семантически сходные имена на *-он/-н*, но при глаголах движения они оформляются показателем элатива (см.: гл. 4, раздел 4.4).

2. Исходная ситуация. В коми-пермяцком языке эгрессив при глаголах прекращения действия употребляется при описании ситуации, которая временно или совсем прекращается. Показатель эгрессива принимают существительные с суффиксом *-öм*, с остальными именами со значением 'действие' используется послелог *бердiсь* 'от':

кп. *Санко недырик кежö орöтчыйтiс гижсьöмсяняс да дзарнитiс бумагаэс вылö.* (А. Ермаков) (Парма шы: 411) 'Санко ненадолго оторвался от письма и взглянул на бумаги'; *А вот кыздз орöтчыйштан*

удж бердсит – быд шыыс ошынат пырö. ‘А вот как оторвешься от работы – все звуки с улицы слышны’.

3. Нежелательный участник ситуации/нежелательная ситуация. В коми-пермяцком языке при глаголах *дорйыны* ‘защищать’, *сайöвтны* ‘спрятать, прятать’, *сайласьны* ‘прятаться, избегать’, *мездмыны* ‘освободиться, избавиться’ эгрессив параллельно с элативом и послелогом *шогья* ‘от’ употребляется для указания на факультативного участника, присутствие которого в ситуации нежелательно, а также на ситуацию, которая нежелательна для участника ситуации:

кп. – *Тэ мездін менö лёк волшебниксянь, но эта эшö не быдöс.* (Оласö: 79) ‘Ты освободил меня от злого волшебника, но это еще не все’; *Быдкодь бедасянь мездывлöма отирсö Пера-богатырь.* (Оласö: 265) ‘От любой беды Пера-богатырь спасал свой народ’; <...> *юрсö не зрсянь, не лымсянь, не шондисянь, не лёк төвсянь абу сайöвтлöма.* (Перем) ‘<...> голову не прятал он ни от дождя, ни от снега, ни от солнца, ни от сильного ветра’.

Если судить по выборке примеров из текстов [Баталов; Можаев; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1994], то предпочтительными являются эгрессив и послелог *шогья* при выражении нежелательного участника ситуации, элатив – при выражении нежелательной ситуации.

4. Значение стимула эмоций. В коми-пермяцком языке эгрессив sporadически допускают актанты глаголов *повны* ‘бояться’, *повзыны* ‘испугаться’. Как показал материал из текстов [Баталов; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1991; Федосеев 1994], эгрессив используется в случае, когда глагол ‘бояться’ принимает в качестве объекта обозначение ситуации, т. е. эгрессивом оформлено отглагольное существительное, обозначающее действие. В таких контекстах предпочтительной формой является элатив, ср. соотношение употребления элатива и эгрессива в [Фадеев 1989] – 7:1:

кп. *Му бердöт литовказöн öвтышталöмсянь ня эз полö.* (Фадеев 1989: 225) ‘Они не боялись взмахов косою по самую землю’.

кп. *Зэв сибöтчöмись да киззöн öвтыштöмись куканьнез эз полö.* (Фадеев 1989: 95) ‘Телята не боялись приближения [людей] и взмахов их рук’.

В языке XIX – нач. XX в. выбор падежа актанта отмеченных глаголов не был обусловлен лексико-семантическими условиями, эгрессив находился в отношении свободного варьирования с элативом, но

последний был более частотной формой (табл. 43) (подробнее см.: [Некрасова 2016б]):

кп. <...> *н'ія полёны ёта-мёдсянь, полёны и мортясьнь*. (Щапов 1909: 26) ‘<...> они боятся друг друга, боятся и человека’; *Ныв Марія повзис эна шыезсянь*. (РассказыНЗ 1900: 5) ‘Дева Мария испугалась этих звуков’.

Таблица 43

Частотность употребления падежей в оформлении второго аттанта глагола ‘бояться’ в письменных источниках XIX – нач. XX в.

Источник	Аблатив	Элатив	Эгрессив	Аккузатив
Евангелие 1882	–	–	–	4
Завещание 1899	–	–	2	–
Неговение 1899	–	3	–	–
Стефан 1899	–	5	–	–
РассказыНЗ 1900				
РассказыВЗ 1900	–	–	3	–
Попов 1904	–	–	1	–
Щапов 1909	–	19	6	–
Проповедь 1915	–	1	–	2
Всего	–	28	12	6

5. Инструмент. Основным средством выражения инструментального значения в пермских языках является инструменталь. При описании ситуации, когда используется огнестрельное оружие, воздействующее на объект с помощью средства, направленного из внутренней части оружия, в коми-пермяцком языке параллельно с элативом спорадически встречается эгрессив:

кп. *Педёт Тима пё сылё сидзёма пулемётсянь*. (Баталов) ‘Федот Тима, говорят, стрелял в него из пулемета’.

6. Значение стандарта сравнения. Р. М. Баталова, описывая семантику падежей коми-пермяцких диалектов, отмечала использование эгрессива при выражении сравнительных отношений в верхнекамском наречии [Баталова 1975: 153]:

кп. вк. *Месянь не шаньжыка*. ‘Не лучше меня’; *Банясень шо-ныдджык*. ‘Теплее бани’ [Баталова 1975: 153].

В последующих описаниях падежной системы этого наречия указанное значение эгрессива не отмечено, см.: [Сажина 2012: 194; 2021: 40].

Коми-зырянский язык

Объект защиты. В удорском диалекте, а также в кольских говорах ижемского диалекта зафиксировано употребление эгрессива при указании на позицию субъекта в ситуации. Эгрессивом выражается участник, способствующий субъекту действия:

кз. уд. (Чупр.) *Сийа вэк мэс'ан'ö*. 'Он всегда за меня (на моей стороне)'; *Айыс бабаыс вылö, а тыыд мамыдс'ан'*. 'Его отец [кидается] на жену, а сын-то на стороне матери'; (Пучк.) *Муй нö мэнö пин'аланыт, пурланыт пон моз, мэс'ан'ö н'экод он шуö*. 'Что же вы меня ругаете, поедом едите, никто за меня ни слова не вымолвите' [Сорвачева 1972: 162].

кз. иж. *тэсяньыд* 'за тебя', *мисяньнум* 'за нас' [Сахарова, Сельков 1960: 147].

Средством выражения данного значения в коми диалектах является послелог *понда, дор* 'за', в удмуртском языке – послелог *понна* 'за'.

Удмуртский язык

В удмуртском языке эгрессив может варьировать с инессивом в одних и тех же контекстах при выражении пространственного, пространственно-метафорического и темпорального значений. Описывая семантическое различие между эгрессивом и инессивом при выражении пространственного значения, Н. В. Кондратьева отмечает, что в случае употребления эгрессива обнаруживается «отенок нарративности», указывается «на то, что местоположение субъекта действия изменилось по отношению к его локализации к началу действия». Инессив употребляется при описании локализации «действия в пространстве безотносительно к его протяженности во времени» [Кондратьева 2011а: 190–191]. Эгрессив в удмуртском языке, в отличие от коми, может указывать на временное (исходное) местонахождение участника ситуации. Он употребляется для описания последовательности событий, актуализируя связь предшествующей с последующей ситуацией, когда происходящее представляется как цепь ситуаций. Говорящий осмысливает протекание действия во времени, акцентируя определенные аспекты ситуации. Значение формируется из двух компонентов: эссивного (нахождение в определенном месте) и элативного (удаление из этого места). Элативный

компонент, скорее всего, может редуцироваться, в этом случае эгрессивный показатель приобретает стилистическую маркированность – эмоционально-экспрессивное выделение, о чем можно судить по описанию семантики эгрессива в отдельных северноудмуртских диалектах, ср. эгрессив «более конкретнее указывает на место, как бы выделяя его» [Алашеева 1992: 17].

1. Пространственное значение. Эгрессив указывает на отнесенность исходной ситуации к определенному месту, продолжение может иметь как исходная ситуация, так и вызванная ею иная ситуация:

удм. *Соин тодматским Ижысен, студент вакытам.* (Удм. дунне, 2013.05.27) ‘С ним мы познакомились в Ижевске, в студенческие годы’; *Армиысь бертыкум, Пермьысен васьки эшелоньсь. Собере Кам кузя – дор палам, Менделеевске, отійяз гуртозям – пыдын.* (Удм. дунне, 2010.05.07) ‘Возвращаясь из армии, в Перми [я] вышел из эшелона. Потом по Каме – в сторону своего дома, в Менделеевск, оттуда до своей деревни – пешком’.

2. Пространственно-событийное значение. Эгрессив указывает на ситуацию как место ее протекания:

удм. *Милям Ленинградьсь А. Островский нимо театральной институтамы одйг грузинлэсь экзаменысен юало: мар со сыче «система Станиславского»?* (Удм. дунне, 2007.04.27) ‘В нашем Ленинградском театральном институте им. А. Островского у одного грузина на экзамене спрашивают: что это такое «система Станиславского»?’; *Одйг пол мон сое сцена вылысен но лыдзи (родительской собраниысен, школаын).* (burdjios.ru Мария Золотарёва, 2010–2015) ‘Однажды я это прочитала и со сцены (на родительском собрании, в школе)’; *Фронтысен ик Мария Боярова партие но пыриз.* (Удм. дунне, 2012.01.17) ‘На фронте же Мария Боярова и вступила в партию’.

3. Темпоральное значение. Эгрессив указывает на отнесенность ситуации к определенному моменту времени, сама эта ситуация является источником последующей ситуации:

удм. *2003-тй арысен вуи Австриысь Инсбрук городэ. Татысь университет бордын Европаысь этнология но фольклоръя институтын ужай.* (Удм. дунне, 2011.02.25) ‘В 2003 году [я] приехала в австрийский город Инсбрук. Работала в Европейском институте этнологии и фольклора при этом университете’; *Нош собере, 1918-тй*

арысен, партийной билет басътиз. (Удм. дунне, 2011.03.02) ‘А затем, в 1918 году, [он] получил партийный билет’; *Александр пизэс берпумзэ аджи Ижысен, 1945-тй арысен. Собере та сузэр-вынъёслэн пытьызы ышиз.* (Удм. дунне, 2010.12.10) ‘Их сына Александра последний раз я видела в Ижевске, в 1945 году. Потом след этих сестер-братьев потерялся’.

4.5.3. Сравнительно-исторический аспект

В современных пермских языках структура (количественный состав, качество фонем) суффикса эгрессива значительно различается, что легло в основу различного истолкования его происхождения. Существует точка зрения, согласно которой современные суффиксы эгрессива восходят к единой праформе, представляющей собой сложный суффикс, сформировавшийся на основе суффикса элатива. В качестве источника второго компонента суффикса рассматривались: 1) эмфатическая частица [Budenz 1884–1894: 385]; 2) суффикс инструменталю [Aminoff 1896: 26]; 3) лативный суффикс **-n'* [Основы 1976: 149; Vászolyi 1968a: 382; Bartens 2000: 89]. Согласно другой точке зрения, суффиксы эгрессива коми и удмуртского языков имеют разное происхождение. Первый компонент обоих суффиксов возводится к суффиксу элатива, источником второго в суффиксе *-сянь* усматривается лативный суффикс **-n'*, в суффиксе *-ысен* – суффикс инессива, восходящий к локативному суффиксу **-на* /**-nä* [Гуляев 1960: 151; Некрасова 2004: 95; Кондратьева 2011: 93; Rédei 1988: 383;]. Ш. Чуч отмечает, что такая этимология суффиксов фонетически безупречна, и, кроме того, отвечает на вопрос, почему удмуртский суффикс имеет структуру VCVC. Сомнение вызывают два момента: роль инессивного суффикса, а также семантическое сходство суффиксов *-сянь* и *-ысен* [Csúcs 2005: 192–193]. Нет единого мнения и в отношении хронологии развития эгрессивных суффиксов. Исследователи, усматривающие единый источник суффиксов, относят развитие эгрессива к прапермскому периоду, объясняя наличие велярного согласного в суффиксе удмуртского эгрессива депалатализацией конечного *-n'*. Сторонники второй точки зрения предполагают, что эгрессивные суффиксы пермских языков хронологически разного происхождения: суффикс *-сянь* возник в общепермскую эпоху; суффикс *-ысен* –

в период самостоятельного развития удмуртского языка. Рассмотрение семантики удмуртского эгрессива показало, что в его семантической эволюции явно выделяются две линии, демонстрирующие развитие на основе *элативного* и *элативно-эссивного* параметров. Семантический параллелизм между коми и удмуртским эгрессивом очевиден в выражении значений, которые развились на основе элативного параметра, а именно: значений исходного пространственного ориентира, исходной точки отсчета расстояния, исходного темпорального ориентира, исходного состояния участника, исходного количества. Значения, свойственные только удмуртскому эгрессиву, в коми языках передаются инессивом и послелогом *вылын* 'на'. Кроме того, в самом удмуртском языке эгрессив варьирует с инессивом. Такие нетривиальные соответствия явно указывают на то, что часть значений эгрессива в удмуртском языке развилась на основе элативно-эссивного параметра. Поэтому вполне вероятно, что в формировании суффикса *-ысен* участвовал суффикс локативного падежа, которым мог быть инессив/локатив. Следует согласиться с Е. С. Гуляевым, что исходно суффиксы *-ысен* и *-сянь* семантически должны были различаться. Позднее, в период развития удмуртского языка, произошла нивелировка и обобщение функций суффиксов [Гуляев 1960: 149]. Суффикс *-сянь* в современном удмуртском языке представлен в послелого *-ласянь* и единичных наречиях: *азьласянь* 'спереди; с передней (лицевой, фасадной) стороны', *берласянь* 'сзади, с задней стороны, с тыла, с тыльной стороны', *пушласянь* 'внутри, изнутри; с внутренней стороны' [УРС: 24; 45; 253] и др. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в ранний период исторического развития удмуртского языка имелись оба показателя эгрессива (*-ысен* и *-сянь*), после утраты одного из них (*-сянь*) оставшийся формант начинает функционировать в качестве обобщенного показателя, переняв значения утраченного.

Развитие значений эгрессива в коми языках происходило только на основе элативного параметра. Значения, которые характерны только для эгрессива коми-пермяцкого языка, в коми-зырянском и удмуртском передаются элативом. Кроме того, в коми-пермяцком языке эгрессив варьирует с элативом и аблативом (см.: гл. 4, раздел 4.4). Функциональную вариативность эгрессива и элатива Е. С. Гуляев

объяснял процессом разгрузки многозначного элатива [Гуляев 1960: 143]. Представляется, что в основе развития межъязыковой функциональной корреспонденции падежей лежит объединяющий их параметр ориентации, который сыграл существенную роль в развитии непространственных значений. Между тем не имеет элативных соответствий в пределах пермских языков эгрессив в значении объекта защиты, который представлен в удорском и ижемском диалектах. Из внешних параллелей можно привести послелого, сформировавшиеся на основе элативно-аблативных субстантивных словоформ: мр. *верч* ‘за, для, из-за, по’: **Нужна верч тыршышат уло дыр, но тыште нуно огыт кой.** (А. Эрыкан) ‘Наверное, есть и такие, кто за бедняков, но их здесь не видно’ (МарлаМутер) (о происхождении послелога см.: [Коведяева 1978: 102]; эст. *eest* ‘от, за’: ***venna eest*** ‘за брата’ [Hausenberg 1981: 380], фин. *puolesta* ‘за’: ***rauhan puolesta*** ‘за мир’. Принимая во внимание функциональное сходство элатива коми и эстонского языков, а также варьирование послелога *eest* и элатива при выражении значений материала, стоимости, возмещения в эстонском языке [Hausenberg 1981: 380], значение объекта защиты эгрессива можно отнести к явлениям, возникшим в результате языковых контактов с прибалтийско-финскими языками.

Эгрессив – типологически редкий падеж. Среди финно-угорских языков такой падеж представлен только в пермских, вепсском языках, диалектах карельского языка, в остальных родственных языках функции, выражаемые пермским эгрессивом, передаются аблативом или элативом, а также послелогоми. В вепсском и карельском языках эгрессив является малоупотребительным, наблюдается его замещение аблативом и элативом [Зайцева 1981б: 144–145; Ревинский 2000: 23–24].

К редким чертам пермских языков на фоне финно-угорских языков следует отнести аспектуальные свойства эгрессива удмуртского языка.

4.6. Семантическая структура терминатива

4.6.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

1. Пространственное значение.

1.1. Конечный пространственный ориентир. Терминатив указывает на конечный пункт движения, который достигается/не достигается относительно длительным перемещением участника ситуации:

кз. *Кык лунён Лука воёдчис вёр керкайдзыс.* (А. Вурдов) ‘За два дня Лука добрался до лесной избушки’.

кп. *Тима мөдiс өтiк лунён локны Пиканөдз.* (Баталов) ‘Тима хотел за один день дойти до Пикана’.

удм. сред. *кол'а шуиз мыным: «айда, ижевскоз' бэртом подножкаын.* ‘Коля сказал мне: «Давай, до Ижевска поедем на подножке»’ [Кельмаков 1981: 162].

Конечным пунктом движения может быть как внешняя, так и внутренняя зона ориентира. При выражении значения направленности во внутреннюю зону ориентира терминатив варьирует с иллативом. Различие между этими падежами состоит в том, что терминатив указывает на длительное преодоление пространства до ориентира и проникновение во внутреннюю часть ориентира, тогда как иллатив – только на момент проникновения во внутреннюю часть ориентира. Так, в приведенных ниже примерах сообщается о распространении сигналов (запаха и звука), которые преодолевают внешнее пространство по отношению к ориентиру и проникают в его пределы:

кз. *Чөскыд юква дукуыс пырис керкайдзыс.* ‘Запах вкусной ухи проник в дом’.

кп. *Кытөнкө кыліс машиналөн шы, сія пырис керкуөдз.* (Федосеев 1991: 34) ‘Где-то гудела машина, ее шум доносился до дома’.

Семантика преодоления пространства хорошо просматривается в контекстах с отрицательными глаголами, ср. примеры (а) и (б). В примере (а) конечный пункт движения выражен иллативом, описывается ситуация отсутствия участника в конечном пункте движения. В примере (б) конечный пункт движения выражен терминативом, описывается ситуация, в которой участник не смог преодолеть пространство до ориентира.

(а) кз. *Асывнас Педёсьлөн верёсыс эз во гортас.* (А. Вурдов) ‘Утром муж Федосии не пришел домой’.

(б) кз. *Кодкё татчёс: румка-мёд лишной пёрёдис и эз во гортёдыс.* (Н. Дьяконов) ‘Кто-то из местных: пару рюмок лишних выпил и не смог дойти до дома’.

Терминатив может употребляться при указании на траекторию движения с актуализацией конечного и начального пунктов движения. Для выражения исходного пункта движения используется эггессив:

кз. *Карсянь Княжпогостёдз воёдчим подён жё.* (А. Ульянов) ‘Из города до Княжпогоста добирались тоже пешком’.

кп. *Кытчёдз тракторыс мунас ёт межасянь мёд межаёдз, пёттёдз панялан бусё.* (Федосеев 1991: 261) ‘Пока трактор проедет от одной межи до другой, досыта наглогаешься пыли’.

удм. *Ижевскысен Москваозь гужем толэзьёсы нуналлы быдэ пассажирской поезд ветлэ.* ‘Из Ижевска до Москвы в летние месяцы ежедневно ходит пассажирский поезд’ [Первошиков 1980: 72].

1.2. Конечная точка отсчета расстояния. Терминатив указывает на пространственный ориентир, который является конечной точкой при измерении расстояния. Начальная точка отсчета может выражаться эггессивом, элативом и послелогом с аблативно-элативной семантикой. Для уточнения расстояния в конструкцию вводятся числительные, а также наречия, прилагательные с квантитативной семантикой:

кз. *Районной больничайёдз Лёмьяшор сиктсынь квайтымын километр гёгөр.* (Безносиков 1985: 14) ‘От [села] Лемьяшор до районной больницы около шестидесяти километров’.

кп. *Медматісь деревняёдз дас верста, а районёдз нель сыным.* (В. Климов) (Парма шы: 165) ‘Расстояние до ближайшей деревни десять верст, а до района в четыре раза больше’.

удм. *Моторка гуртысен Бадзым Учаозь ньыль километр вал.* (Удм. дунне, 2009.07.03) ‘От [деревни] Моторка до [деревни] Большая Уча было четыре километра’.

1.3. Конечная точка отсчета размера (уровень). Терминатив употребляется для указания на уровень глубины, высоты объекта по отношению к пространственному ориентиру:

кз. *Сэні коскёдыс лымыйн лёня узё вёр керка.* (В. Напалков) ‘Там по пояс в снегу тихо спит лесная избушка’.

кп. *Фермаыс дынын асьным нятыс **коскӧдзаным** вӧялам, а мӧссэс **кынӧммезӧдзаныс** броддӧны.* (Федосеев 1991: 256) ‘Возле фермы мы сами утопаем по пояс в грязи, а коровы ходят, увязая в грязи по брюхо’.

удм. *Куд-ог интыын со **пыдесозь** пельтэмын вал.* (Удм. дунне, 2007.02.13) ‘В некоторых местах она [дорога] занесена снегом по колено’.

В коми-пермяцком языке терминатив в этом значении варьирует с альтитерминативом, который в текстах (Перем; Баталов; Фадеев 1989; Федосеев 1994) использован в два раза чаще, чем терминатив.

2. Темпоральное значение. Терминатив употребляется при указании на локализацию ситуации перед наступлением временного ориентира.

2.1. Конечный темпоральный ориентир. Терминатив указывает на границу (предел) времени, которой ограничивается протекание действия. Ситуация заканчивается с наступлением последующего отрезка времени:

кз. *Бара на **сёр войӧдз** пилитчисны да поткӧдчисны кум вок.* (Торопов 1982: 15) ‘Три брата снова до поздней ночи пилили и кололи [дрова]’; вв. (Керч.) *Сиз’им арэс лови да йӧзэ этти, ар дас **кыкйасӧдз-дас кумйасӧдз** вэк йӧзин оли – кага видзи.* ‘Как исполнилось мне семь лет, пошла в люди, до двенадцати-тринадцати лет все время жила в людях – нянчила детей’ [ВВД: 224].

кп. *Ӧдва-ӧдва Санко видзсис **навжунӧдз**, а сы бӧрын сӧжӧ адззис петансӧ шогмӧм бедаись.* (А. Ермаков) (Парма шы: 410) ‘Едва-едва Санко дождался обеда (‘до обеда’), а потом все же нашел выход из сложившейся ситуации (‘беды’); *Андрейыс уджалис **пемытӧдз**, кытчӧдз эз лок иньыс.* (Федосеев 1994: 105) ‘Андрей работал до наступления темноты, пока не пришла жена’.

удм. *Со ошӧёсын 1952-тӧй **арозь** ужазы, собере соосты вандӧйзы.* (Азьлане (Хезмӧт), 2015.01.22) ‘На этих быках работали до 1952 года, потом их закололи’.

Для указания на интервал времени, в пределах которого совершается действие, с актуализацией начальной и конечной точек отсчета, используются терминатив и эгрессив:

кз. *И тадзи во бӧрся во, арсянь **тӧлӧдз**, тӧвсянь **тулысӧдз.*** (А. Ульянов) ‘И так из года в год, с осени до зимы, от зимы до весны’.

кп. *Арсянь тулысöдз Варя велöтис челядьöс.* (Баталов 1990: 139) ‘С осени до весны Варя учила детей’.

удм. *Арня чöже, 3-тйысен 10-тй апрелёзь, гриппен 2 висисьёс пусьемын.* (Удм. дунне, 2013.04.15) ‘В течение недели, с 3 по 10 апреля, было зарегистрировано двое больных гриппом’.

2.2. Конечный темпоральный ориентир без фиксации точной границы. Терминатив употребляется при указании на локализацию ситуации перед наступлением временного ориентира, протяженность действия не маркируется:

кз. *Порфирий Иванович институтъяс эз помавлы, коркö революцияöдз на нель во ветлöдлiс школаö.* (И. Торопов) ‘Порфирий Иванович институты не заканчивал, когда-то еще до революции четыре года ходил в школу’; *Колхозьясöдз вежьюдинсаяс быд во сэнi пуктывлöмаöсь уна дас додь турун.* (И. Изьюров) ‘До образования колхозов жители д. Вежью каждый год заготавливали там десятки возов сена’.

кп. *Войнаöдззас эшö мунис татись и сэсся эз мыччась.* (Федосеев 1991: 108) ‘Еще до войны он ушел из этих мест и потом не появлялся’.

удм. *Ачиз грамотной адями вал, войнаозь сельсоветын ужалляз, маме – колхозын.* (Иднакар, 2015.12.24) ‘Сам он был грамотным человеком, до войны работал в сельсовете, моя мать – в колхозе’.

В коми-пермяцком языке в этом значении параллельно с терминативом используется послелог *вотöдз* ‘до’, который в конструкциях с отглагольными именами конкурирует с деепричастием на *-тöдз*:

кп. *Эшö кум год бөрланьын, войнаыс вотöдз, мам вöли том да öддьöн боёк.* (И. Минин) (Парма асыв: 90) ‘Еще три года назад, до войны, мать была молодой и очень бодрой’; *Виль кукань картаыс вöли пондöтöм эшö Светлана локтöм вотöдз.* (Фадеев 1989: 201) ‘Новый телятник был готов уже до приезда Светланы’.

кп. <...> *орвлөн сой абу тиöктöма кыскыны пиись коробьяоксö гортас локтöдз.* (Перем) ‘<...> сестра орла не велела достать из-за пазухи коробок по пути (‘до прихода домой’)’.

2.3. Значение меры (длительности) времени. Терминатив может употребляться при указании на интервал времени, в течение которого длится ситуация:

кз. *Мукӧдлаас да Усть-Сысольскын татийӧм гажыс лоліс кум лунӧдз.* (А. Елфимова) ‘В других местах и в Усть-Сысольске такие праздники длились до трех дней’.

кп. *Кум лунӧдз ня воныскӧт вӧралісӧ.* ‘До трех дней они с братом охотились в лесу’.

удм. *Куд-ог интыосын гинэ дас нуналозь жӕганъӕс кылдылізы.* (Удм. дунне, 2008.12.17) ‘Только в некоторых местах задержки [зарплаты] были до десяти дней’.

3. Значение предела как результата действия, изменения состояния, социального положения участника ситуации:

кз. *Кӧнкӧ ӧд кывлінныд жӧ: армия пӧ велӧдӧ путьтӧм зонъясӧс да прамӧй мортӧдз вайӧдӧ.* (Безносиков 1985: 122) ‘Вы ведь тоже, наверное, слышали, что армия учит беспутных парней и делает [их] настоящими людьми’; вс. (Кг.) *Чардбиыс пожӧмсӧ жэл’нӧгӧдз кэрӧма.* ‘Молния расщепила сосну до мелких щепок’ [ВСД: 71].

кп. *Хозяинӧдзас ылынокдӧ эшӧ, уна эшӧ колас тшыгыявны, йӧзлӧ уджавны.* (Федосеев 1991: 44) ‘Стать хозяином (букв. ‘до хозяина’) еще проблематично, много еще придется голодать, работать на людей’.

удм. *Со дыр ӧже, оло, директорозь будӧды?* (Удм. дунне, 2010.07.23) ‘Вы, может быть, за это время до директора доросли?’

Встречаются конструкции, в которых описывается исходное и конечное состояние участника ситуации (см.: гл. 4, раздел 4.5).

4. Значение меры количества. Терминатив употребляется для обозначения верхнего предела количества объекта. Диапазон количественного изменения с указанием исходного и конечного количества маркируется соответственно эгрессивом и терминативом:

кз. *Кывлі ме: витсӧ сюрс гозӧйӧдз пӧ сэки сьӧлатӧ кылӧмаӧсь коми муын, быд во.* (Торопов 1982: 80) ‘Я слышал: до пятисот тысяч пар, мол, ловили рябчиков в Коми крае, ежегодно’; вв. *Ӧт’и луннас вӧли куйим рынышӧдз вартам.* ‘За один день, бывало, обмолотим до трех овинов [зерно в трех овинах]’ [ВВД: 224].

кп. *Быд килограмм ягӧдӧсь позьӧ получитны 700 граммӧдз сок.* ‘Из каждого килограмма ягод можно получить до 700 граммов сока’.

удм. *Ар ортчыса, таослэн лыдзы йыліз 12 муртозь.* (Удм. дунне, 2011.11.23) ‘Через год их [фельдшеров] число увеличилось до

12 человек’; *Штрафъёс сюрсысен 3 сюрс манетозь юнматэмын.* (Мынам Удмуртие, 2011.12.12) ‘Штрафы утверждены от одной до трех тысяч рублей’.

5. Значение предельной меры полноты. Терминатив употребляется при выражении полной исчерпанности действия:

кз. *Сэки найö вьль олöмыс дор медбöръя вур войтöдзыс пондасны сулавны!* (Торопов 1995: 28) ‘И тогда они за новую жизнь до последней капли крови будут стоять!’

кп. *Сэтшöма ме сысьяли остаткйöдз мужиккес юрись сомненнёнисьö.* (А. Ермаков) (Парма шы: 412) ‘Так я до конца развеял все сомнения у мужиков (‘из головы мужиков’)’.

удм. *Берпуметй шапыкозь ныйлйз.* (Удм. дунне, 2009.12.22) ‘До последней капли она проглотила [лекарство]’.

6. Предельная степень проявления действия. Терминатив указывает на каузированное интенсивностью действия предельное состояние участника ситуации:

кз. *Картасьыд скöттö мырддигöн ыджыд мамыд да предыд тышкöдз воёмайсь.* (В. Напалков) ‘Когда забирали скот, бабушка с председателем до драки дошли’.

кп. *Серёжа вежöртис, что этиöм басныс вермас лöгалöмöдз вайöтны, и бергöтис сйö мöдорö.* (Баталов 1976: 24) ‘Сереза понял, что такой разговор может довести до ссоры, и повернул его в другое русло’.

удм. *Нош таçe дыръя керетонозь но вуыны кема öвöл.* (Удм. дунне, 2008.09.16) ‘А в такое время недолго и до ссоры дойти’; *Британийсь командаен шудыкузы, керетонозь но вуылйзы.* (Удм. дунне, 2010.02.24) ‘Во время игры с командой Британии они и до ссоры доходили’.

В коми-пермяцком языке терминатив в этом значении варьирует с альтитерминативом, но только в определенных лексико-семантических условиях. Показатели обоих падежей допускают только отглагольные имена с суффиксом *-öм*, напр., *лöгалöм-ви* ‘до ссоры’ и *лöгалöм-öдз* ‘до ссоры’; остальные существительные, которые могут обозначать крайнюю степень состояния, напр., *синва* ‘слезы’, принимают только показатель терминатива. Конкуренцию терминативным именным группам составляют деепричастия с суф-

фиксом *-тöдз*, способные обозначать высшую степень действия, выраженного финитным глаголом:

кп. *Максимкалö горзытöдз вöли жаль – пышиис зверёкыс*. (Перем) ‘Максимке было до слез жалко – зверек убежал’.

4.6.2. Межъязыковые различия

Коми-зырянский язык

Пространственно-посессивное значение. В коми-зырянском языке терминатив, наряду с иллативом, спорадически встречается при указании на направленность к месту проживания лица:

кз. *Ваняясöдз петны абу и дыр*. (Н. Куратова) ‘До дома семьи Вани идти не так и долго’; *Кыдзкö Альбинаясöдз кыссьыны нöшта колö*. (Н. Куратова) ‘Как-то еще до дома Альбины и ее семьи надо доплестись’.

По сообщению В. К. Кельмакова, в удмуртском языке терминатив в этом значении не используется, приведенные в грамматике Г. Е. Верещагина примеры являются искусственно созданными:

удм. *Кытцы мынод? – Анаэозь ветло. Анаэдозь-а ветлод? – Анаэозь*. ‘Куда пойдешь? – До сестры (своей) схожу (я). До сестры (твоей) что ли сходишь ты? До сестры своей’ [Верещагин 1924: 35].

4.6.3. Сравнительно-исторический аспект

Существуют две основные гипотезы относительно происхождения суффикса терминатива. Согласно одной из них, суффикс падежа восходит к самостоятельному слову **ož* ‘перед’, ‘передний’, ‘место перед кем-(чем-)либо’ [Лыткин 1977: 29; Основы 1976: 148; Budenz 1884–1894: 384], согласно другой, источником суффикса терминатива мог стать прауральский лативный суффикс **-ć(з)* [Хайду 1985: 233; Кондратьева 2011: 45–46; Wichmann 1923–1924: 162; Rédei 1988: 382; Bartens 2000: 87; Csúcs 2005: 190]. Предполагается, что латив на **-ćз* являлся периферийной единицей падежной системы [Csúcs 2005: 190], имевшей лативно-транслативно-эссивное значение [Хайду 1985: 233]. Рефлексы этого суффикса обнаружены в отдельных финно-угорских и самодийских языках [Основы 1974: 265]. В пользу гипотезы о суффиксальном источнике показателя терминатива сви-

детельствует семантика падежа: терминатив и латив выражают значение конечного пункта движения.

Семантическая структура терминатива, в отличие от других пространственных падежей, в пермских языках почти не имеет расхождений, в чем прослеживается не только преемственность семантики прапермского терминатива, но и типологическое развитие терминативных единиц. В каждом значении падежа проявляется идея предела, отличающая терминатив от остальных лативных падежей и лежащая в основе развития его непространственных значений, в которых предел осмысливается как мера и степень.

Терминатив представлен также в венгерском и ряде прибалтийско-финских языков – в водском, вепсском, эстонском, ингерманландских говорах финского языка, в сойкинском и нижнелужском диалектах ижорского языка, олонцом и людиковском диалектах карельского языка. В каждом из перечисленных языков он довольно позднего происхождения, источником его суффикса в прибалтийско-финских языках явился послелог с терминативным значением [Основы 1975: 58], в венгерском языке суффикс терминатива сформировался в результате слияния суффиксов лативных падежей [Основы 1976: 385]. В языках, в которых терминатив не имеет самостоятельного морфологического выражения, значение предела движения передается лативными падежами: в мордовских языках иллативом: мд. *модас* ‘до земли’, *валскес* ‘до утра’; в мансийском языке лативом: мс. *ākwe koln* ‘до дома своей бабушки’; или послелогоми: мр. *марте* ‘до’: ял *марте* ‘до деревни’, эр *марте* ‘до утра’; ф. *saakka* ‘до, по’; саам. *raija* (*roiije*) ‘до’, ‘к’: сår *raija* ‘до царя’ [Ромбандеева 1973: 45; Керг 1971: 214; МарлаМутер]. Терминативные послелогии и падежи в финно-угорских языках имеют типологически распространенные значения: пространственное, темпоральное значения и значение результата действия, редко значения меры и степени [Зайцева 1981б: 138–140; Майтинская 1950: 20; 1955: 140; МарлаМутер]. При всех различиях между устройством падежных систем пермских и русского языков нельзя не отметить сходство семантики терминатива и предлога *до* с родительным падежом, что очевидно из переводов на русский язык приведенных из пермских языков примеров.

4.7. Семантическая структура пролатива

1. Пространственное значение. В пермских языках пролатив совмещает пролативное и локативное значения.

1.1. Пролативное значение. Пролатив выражает траекторию движения, пространство, которое последовательно занимает объект, перемещаясь от исходного к конечному пункту. Как уже отмечалось, в пермских языках он употребляется при выражении значений маршрута, прохода и сцены, что характерно для пролативных показателей некоторых языков мира.

1.1.1. Значение маршрута. При глаголах, обозначающих движение в одном направлении (глаголы однонаправленного движения) (кз. кп. *мунны*, удм. *мыныны* ‘идти’, кз. кп. *котортны*, удм. *бызыны* ‘бежать’ и т. п.), пролатив выражает движение, направленное по траектории, которую задает ориентир. Типичным ориентиром является путь сообщения (к. *туй*, удм. *сюрес* ‘дорога’, к. ю, удм. *шур* ‘река’):

кз. *Кузь бѳжа, шылъыд гѳна вѳв надзѳникѳн рѳдтѳ буса туйѳтѳ*. (И. Коданев) ‘Гладкошерстная лошадь с длинным хвостом медленно бежит рысцей по пыльной дороге’; *Оз лѳчы гортас мѳча туйѳдыс, а вѳсѳталас лежнѳвка туйѳтѳ*. (А. Льюров) ‘Домой он идет не по хорошей дороге, а прямо по лежневке’.

кп. *Юрсѳ чатыртѳмѳн да ѳтмѳдѳрѳ нѳджжасѳѳмѳн сѳя шагнаѳлѳс пасѳкыт улиѳаѳт*. (Баталов 1976: 124) ‘Гордо запрокинув голову и пошатываясь из стороны в сторону, он шагал по широкой улице’.

удм. *Машинаысь потыса, тодмо сюрестѳи мынѳсько*. (Удм. дунне, 2015.09.22) ‘Выйдя из машины, я иду по знакомой дороге’.

В этом значении пролатив находится в отношении варьирования с послелогом к. удм. *кузя* ‘по’, к. *вывѳтѳ*, удм. *вылтѳи* ‘по’, в удмуртском языке еще с адвербиалем. Пролативные суффиксы являются семантически немаркированными, послелог содержит дополнительный семантический компонент: послелог *вывѳтѳ* выражает движение по поверхности ориентира, послелог *кузя* – движение вдоль, по длине, в продольном направлении. Как показывает материал из ККЯ, в коми-зырянском языке значение маршрута чаще всего передается послелогом *кузя* ‘по’, вслед за ним следует суффикс *-ѳд* (дата обращения: 21.01.2019) (табл. 44).

Частотность употребления пролативных единиц
в коми-зырянском языке

Существительное	Суффикс - <i>ӧд</i>	Суффикс - <i>ті</i>	Послелог кузя 'по'	Послелог вывті 'по'
Туй 'дорога'	1 903	101	1 751	200
Пос 'мост'	221	22	489	63
Ордым 'тропа'	197	35	84	1
Улич(а) 'улица'	128	96	554	56
Ю 'река'	90	19	567	68
Всего	2 539	273	3445	388

Аналогичная картина обнаруживается и в удмуртском языке (см.: гл. 3, раздел 3.11).

1.1.2. Значение прохода. В данном случае объект в ходе движения по ориентиру пересекает его границы, ориентир является промежуточным этапом движения [Ганенков 2002: 40]. Пролативные словоформы употребляются при глаголах направленного движения (кз. кп. *пырны*, удм. *пырыны* 'зайти, проходить', кз. кп. *петны*, удм. *потыны* 'выйти'). В качестве типичного ориентира выступают проемы, сквозные отверстия (кз. *ӧдзӧс*, удм. *ӧс* 'дверь', кз. *ӧшинь*, удм. *укно* 'окно', кз. *розь* 'щель'):

кз. *Восьса ӧдзӧсӧд пырис праздничной кумач дӧрӧма Иван. (П. Доронин) 'Через открытую дверь зашел Иван в праздничной красной рубашке'; Недыр мысти ывла ӧдзӧсти пырӧ зонка. (Н. Дьяконов, С. Ермолин) 'Через некоторое время во входную дверь заходит мальчик'.*

кп. *Комись ӧшинӧт пырӧны асывся шондӧлӧн гажа югӧррез и югтӧтӧны бель чочкӧма белитӧм горӧдз. (Баталов 1976: 109) 'В окно кухни заходят веселые лучи утреннего солнца и освещают покрашенную добела печь'.*

удм. *Шуд укноетӧй пыре, ишан – ӧсетӧй. 'Счастье в окно заходит, несчастье – в двери'* [Перевозчикова 1987: 48].

В значении прохода параллельно с пролативными суффиксами употребляются послелог к. удм. *пыр*, удм. *пыртӧй* 'через, сквозь'. Как показывают данные ККЯ, в современном коми-зырянском языке

ке бóльшей частотностью обладает суффикс *-öd*, чем послелог и суффикс *-mi* (дата обращения: 21.01.2019) (табл. 45).

Таблица 45

*Частотность употребления пролативных единиц
в значении прохода в коми-зырянском языке*

Существительное	Суффикс <i>-öd</i>	Суффикс <i>-mi</i>	Послелог <i>пыр</i> 'через, сквозь'
<i>Öшинь</i> 'окно'	875	10	739
<i>Öдзöс</i> 'дверь'	554	43	133
<i>Розь</i> 'щель'	168	22	34
Всего	1 597	75	906

Схожая ситуация обнаруживается в удмуртском языке: употребление пролативного суффикса предпочтительнее послелогов *пыр* и *пыртii* 'сквозь, через, по' (табл. 46).

Таблица 46

*Частотность употребления пролативных единиц
в значении прохода в удмуртском языке*

Существительное	Пролатив	Послелог <i>пыр</i>	Послелог <i>пыртii</i> 'сквозь, через, по'
<i>Укно</i> 'окно'	87	34	4
<i>Öс</i> 'дверь'	47	5	1
<i>Капка</i> 'ворота'	19	5	—
Всего	153	44	5

1.1.3. Значение сцены. Это значение «связано с обозначением ориентира-участка пространства, который не задает строго траекторию движения объекта, а только включает ее в себя, т. е. дает указание на то, где происходит движение» [Ганенков 2002: 40]. Пролатив употребляется при глаголах разнонаправленного движения, т. е. при глаголах, обозначающих действие, совершаемое в разных направлениях или регулярно повторяющееся (кз. *ветлöдлыны*, кп. *ветлötлыны*, удм. *ветлылыны* 'ходить, гулять', кз. *шöйтны* 'бродить', *келавны* 'бродить (по воде)', кп. *бродитны*, кз. кп. *котравны*, удм. *быззыны* 'бегать', кз. кп. *уявны*, удм. *уяны* 'плавать'). Типичным ориентиром являются ограниченные участки пространств:

кз. *Кымын во нин пармаöд ветлöдла да эг на ылавлы*. (И. Белых) 'Сколько лет уже я хожу по тайге, но еще ни разу не заблудился'; *Вын*

сылён вöлі на, вöрöд ветлöдлыны ыджыд эбöс эз ков. (И. Изъюров) ‘Силы у него еще были, ходить по лесу много сил не надо’; *Шöйтa, ветлöдла сьöд вöртi, кынми, мудзи.* (Г. Горчаков) ‘Брожу, хожу я по дремучему лесу, замерз, устал’.

кп. *Пыр, ой и лун, бродита вöрöт, нюррезöт, тыэз да юэз дорöт.* (Баталов 1976: 314) ‘Всегда, день и ночь, брожу по лесу, по болотам, возле озер и рек’.

удм. *Ваньмон дыръя ми соин трос ветлiськомы нюлэскытiй.* (Удм. дунне, 2008.01.11) ‘В свободное время мы с ним долго ходим по лесу’.

1.2. Локативное значение. В контекстах с предикативным прилагательным, а также с глаголами состояния пролатив указывает на место проявления признака. В отличие от инессива, пролатив применяется при описании частичного охвата пространства ситуацией:

кз. *Сергей здук кежлö бöбмыліс, пöсь вир ыткöбтiс гожъялöм чужöмас, весиг голяöдыс ньылöдiс.* (В. Безносиков) ‘Сергей ненадолго опешил, горячая кровь хлынула в загорелое лицо, даже шея вспотела’; *А талун тшолкъялö моски кузя райцентрын еджыд кыз кепка, голятiыс еджыд кытшиа лöз спортивнöй дөрöма.* (П. Шахов) ‘А сегодня [он] ходит по мостовым райцентра в белой толстой кепке, в синей спортивной рубашке с белой полоской на воротнике’.

кп. *Ньöр кутан мeстaйтыс оз чег.* ‘Прут на том месте, где его держат, не ломается’.

удм. *Ньöр кутэм интытiй уг чигы.* ‘Прут на том месте, где его держат, не ломается’ [Перевозчикова 1987: 158].

В коми-зырянском языке в этом значении используются оба пролативных суффикса, но определить соотношение суффиксов не представляется возможным из-за малого количества примеров.

Согласно наблюдениям Л. Л. Карповой, в ярском говоре средне-чепецкого диалекта пролатив параллельно с инессивом может употребляться в значении локализации ситуации в пределах пространственного ориентира:

удм. сч. (Дзяк.) *д'эрэвн'аыт' умой вэрало.* ‘В деревне хорошо говорят’; (Ел.) *ми пинал дырйа ул'чаыт' шудылым с'а-ко шудонэн.* ‘Мы в детстве на улице играли в разные игры (‘во всякую игру’)’ [Карпова 2018: 185].

2. Точка приложения. Значение точки приложения (предмета, на поверхность которого контактно воздействует другой предмет) пролатив может реализовать в двух типах контекстов: при глаголах статического и динамического действия (к. *кутны* ‘держать’, удм. *кутыны* ‘взять’, удм. *возыны* ‘держать’, к. удм. *кыскыны* ‘тянуть’, кз. *малавны* ‘гладить’). Контексты сохраняют пространственное осмысление ситуации: воздействие на определенную часть объекта представляется в виде линии или ограниченного участка поверхности:

кп. *Айыс часто малавліс сійö юрсійттыс*. (Можаев) ‘Отец часто гладил его по волосам’; *Фимка кутіс сійö кидттыс, нуөтіс мөдік козок дынө*. (Баталов 1976: 60) ‘Фимка взял его за руки, отвел к другой ели’.

удм. *Писэйпиез сільсьөртійз кутійз но чабкиз*. (Удм. дунне, 2012.03.14) ‘Котенка он схватил за загривок и шлепнул’.

Как показывает выборка примеров из ККЯ, при глаголах статического действия в коми-зырянском литературном языке используется суффикс *-өд*, только в верхнесысольском диалекте употребителен суффикс *-ті*:

кз. *Видзөдө, а понъясыд ручтө кыскөны бөжөдыс*. (Фольклор) ‘Смотрит, а собаки лису-то за хвост тащат’; вс. *кырымти мэнö кутис*. ‘за руку меня держал’ [Попова, Сажина 2014: 123].

Динамические глаголы (*малышитны*, *шылькнитны* ‘погладить, провести’, *босьтны* ‘взять’) допускают употребление обоих суффиксов, но суффикс *-ті* значительно уступает суффиксу *-өд* (см. табл. 10). Единичные примеры с суффиксом *-ті* обнаружены в подкорпусах Переводная литература (семь примеров), Художественная проза (пять примеров), Газетный (два примера) (дата обращения: 20.08.2018):

кз. *Оліс-оліс, сёйис-юис, велөдчис, сьыліс, купайтчис, лыддъысис, мамыс сійөс юрсійөдыс шыльөдіс*. (И. Торопов) ‘Жил-был, елпил, учился, пел, купался, читал, мать его по головке гладила’; – *Вердышта туй выв йөзөс, – мамыс меліа шылькнитіс Воваөс юрситіыс*. (Е. Козлова) ‘– Покормлю путников, – мать нежно погладила Вову по волосам’; – *Нөшта өд и соссьө, а ноко разь кабыртө, – босьтіс Аннаөс китіыс Рита*. (Е. Козлова) ‘– Еще ведь и отрицает, а ну-ка раскрой кулак, – взяла Анну за руки Рита’.

В художественных текстах пролативные суффиксы, а также пролативные послелогои могут использоваться при оформлении компонентов сочиненных именных групп:

кз. *Сійö кыкысь воськовтіс крöватьяльнь, сувтіс пидзöсчань вылас, надзöникöн шылькнитіс писö небыд юрси кузяыс, кымöстібыс, чужёмöдыс, зіліс вöтлыны на страшнöй лоёмтор йывсьыс мöвпьяссö, малышитіс писö туша кузяыс, кокъясöдыс.* (М. Игнатов) ‘Он сделал два шага к кровати, встал на колени, медленно провел [рукой] по мягким волосам сына, по лбу, по лицу, старался отогнать мысли о страшном происшествии, погладил сына по всему туловищу, по ногам’; *Степан бара малышитіс сійöс юрöдыс, голя кузяыс, мыш вывтібыс.* (М. Игнатов) ‘Степан снова погладил ее по голове, шее, по спине’.

Статические и динамические глаголы проявляют вариативность управления: глаголы со значением ‘гладить, поглаживать’, ‘взять’, ‘держатъ’ допускают пролатив и аккузатив, глаголы со значением ‘ударить’, ‘стучать’ – пролатив и иллатив:

кз. *Дзикöдз лöнис Вöрса, пукалö, юрсö малалö.* (Фольклор) ‘Со всем притих леший, сидит, по голове гладит’.

кз. *Чолöмасисны кинаныс, тапкöдышитісны öта-мöдыслы мышкас.* (В. Напалков) ‘Обменялись рукопожатием, похлопали друг друга по спине’.

Употребление пролатива обнаруживается в конструкциях с внешним посессором, т. е. в конструкциях с двумя синтаксически независимыми именными группами, соподчиненными предикату. Именная группа, выражающая посессора, оформлена аккузативом:

кз. *Ванька тапкöдіс Ёгорöс мышкöдыс да ошкис Крестинаöс.* (Ю. Васютов) ‘Ванька хлопал Егора по спине и хвалил Кристину’.

В коми-зырянском языке при глаголах со значением ‘ударить’, ‘стучать’, ‘хлопать’ предпочтительно употребление иллатива, ср. значение точки приложения при глаголе *тапкöдны* ‘хлопать, шлепать’ в ККЯ передается иллативом в 184 случаях, пролативом – в 31 (дата обращения: 20.08.2018). Схожая ситуация просматривается в удмуртском языке. Как показывают материалы КУЯ, при глаголе *маялляны* ‘гладить, поглаживать’ употребляется аккузатив, при глаголе *йыгаськыны* ‘стучать, постукивать’ – иллатив (дата обращения: 20.08.2018):

удм. *Питырскем кӧтсэ маялляса, сузэрезлэн картэз шоры кыныз возьматӱз: лэзе, пе, вал кузпалме.* (Удм. дунне, 2010.05.25) ‘Поглаживая округлившийся живот, она показала рукой на мужа сестры: отпустите, мол, моего супруга’.

удм. *Одӱг нуналэ Катялэн укнояз йыгаськись луиз.* (Удм. дунне, 2009.04.21) ‘Однажды в окно Кати постучали’.

Представляется, что употребление пролатива при глаголах физического воздействия развилось под влиянием русского языка.

3. Инструмент. В КУЯ и ККЯ можно обнаружить единичные именные группы в пролативе со значением инструмента передачи сообщения, возникшие в результате калькирования русской конструкции «предлог *по* + дательный падеж»:

кз. *Том журналистъяслы мойвиис лоны уджетас нуӧдысьӧн, операторӧн да весиг висьтавны радиоӧд поводдя йылысь юӧр.* (Йӧлӧга, 2015) ‘Молодым журналистам посчастливилось поработать ведущим передачи, оператором и даже передать по радио прогноз погоды’.

кп. *И кыдз овлӧ арнас колхозын, <...> эта йылысь ешитӧӧ ӧшшасьны ни газетын и радиоӧт.* (Федосеев 1991: 208) ‘И как бывает осенью в колхозе, <...> об этом успели похвастаться и в газете, и по радио’; *Джын часся унажык начальниккыс трингис да баитӧс телефонӧт.* (Федосеев 1991: 71) ‘Больше получаса начальник звонил и говорил по телефону’.

В КУЯ зафиксирован только один пример на употребление пролатива в значении инструмента, он приведен при описании семантики адвербиала (см.: гл. 3, раздел 3.11).

Сравнительно-исторический аспект

Происхождение пролативных суффиксов остается одним из нерешенных вопросов в финно-угорском языкознании. Выдвинуты две противоположные гипотезы, различающиеся неоднозначным подходом к объяснению разных по структуре суффиксов в коми-зырянском языке. Существует точка зрения, согласно которой современные суффиксы пролатива восходят к единой праформе, источником мог быть аблативный суффикс **-ta/*-tä* [Beke 1911–1912: 271–272; Vartens 2000: 87] или мог образоваться в результате слияния

аблативного суффикса **-tV* и лативного суффикса **-j* [Vászolyi 1968: 84–85; Csúcs 2005: 189; Кондратьева 2011: 101]. В соответствии с другой точкой зрения, современные пролативные суффиксы следует возводить к разным источникам: они являются наследием двух отдельных падежей – просекутива и транзитива. Суффикс просекутива (*-öd*) возводится к суффиксу **-nte*, к которому восходят также суффикс порядковых числительных и сегмент *-nne(k)* в составе прибалтийско-финских лативных словоформ *kunne(k)* ‘куда’, *sinne(k)* ‘туда’ и т. п. [Серебренников 1963: 20–21; Wichmann 1923–1924: 155], либо к аблативному суффиксу **-ta/*-tä* [Основы 1976: 148; Лыткин 1977: 28; Rédei 1988: 382]. Суффикс транзитива (*-mi*) реконструируется как составной, в его структуре одни исследователи усматривают локативный суффикс **-t* и лативный **-i* [Серебренников 1963: 20–21; Wichmann 1923–1924: 158–159; Uotila 1933: 99–102; Tauli 1956: 206]; другие – локативный суффикс **-tz* и лативный суффикс **-j* [Основы 1976: 147; Rédei 1968: 172; Korhonen 1979: 11; Rédei 1988: 383]. Ю. Вихманн, вслед за ним Б. А. Серебренников и В. И. Лыткин отмечали, что просекутив обозначал движение через что-либо или вдоль чего-либо; транзитив указывал на место протекания действия, отвечая на вопрос где? каким путем? благодаря чему? [Лыткин 1977: 28; Wichmann 1923–1924: 155; Серебренников 1963: 20–21]. В исследованиях последних лет доминирует идея о едином источнике суффиксов пролатива и появлении вариативных суффиксов в период самостоятельного развития отдельных пермских языков. Ш. Чуч для прапермского пролатива реконструирует алломорфы *-ti* и *-Vti* (V изначально относился к основе), последний присоединялся к существительным, оканчивавшимся на сочетание согласных [Csúcs 2005: 189]. Ссылаясь на работу Т. Уотилы [Uotila 1933: 92], он отмечает, что в коми(-зырянском) языке есть многочисленные примеры, в которых прапермский конечный согласный **t* озвончился, а конечный гласный, сохранившийся в удмуртском языке, исчез [Csúcs 2005: 189]. В этой связи следует отметить, что в структуре большинства коми и удмуртских послелогов, наречий, адвербиальных местоимений представлен суффикс со структурой CV (к. *-mi*, удм. *-mü*): кз. кп. *вывтi* ‘над’, *увтi* ‘под’, *матi* ‘близко’, *тамi* ‘здесь’; удм. *бертiü* ‘сзади’, *азьпалтiü* ‘спереди’, *вылтiü* ‘сверху’ [УРС: 50; 45; 24; 102].

Суффикс *-öd* параллельно с суффиксом *-ti* чаще встречается в более поздних адвербиальных образованиях, напр., вс. сс. *бокти*, вым. иж. *бökти*, лл. *бокöд*, нв. *бököd*, иж. *бökэд* ‘стороной’ [ССКЗД: 23]. Ср. частотность употребления вариантов в современном коми-зырянском языке: *бокти* ‘стороной’ – 991, *бокöд* ‘стороной’ – 1 183, *татъясти* ‘по этим местам’ – 12; *татъясöd* ‘по этим местам’ – 9, *сэтъясти* ‘по тем местам’ – 20, *сэтъясöd* ‘по тем местам’ – 2 (дата обращения: 13.02.2019). Кроме того, следует обратить внимание на распространенные в удмуртских диалектах вариативные суффиксы пролатива, структура (VC ~ VCV ~ CV) которых демонстрирует отпадение конечного гласного суффикса и наращение гласного в анлаут суффикса: удм. сч. *-эт' ~ -ыт'и ~ -ыт' ~ -т'и // -ыт'*: *шур-ыт' ~ шур-эт' ~ шур-ыт'и ~ шур-т'и* ‘по реке’ [Карпова 1997: 91]. Приведенные примеры могут свидетельствовать в пользу гипотезы о едином источнике суффиксов пролатива и неравномерном его развитии в отдельных пермских языках.

Отдельный интерес в связи с этимологией суффикса пролатива представляет элатив с суффиксом *-ти*, функционирующий в красноуфимском говоре удмуртского языка:

удм. круф. *шо карти* *лъктиж*. ‘Он вернулся из города Красноуфимска’ [Насибуллин 1978: 93]; *тэбэтти бас"тэм но пийаж понэм*. ‘снял с пеленок и сунул в пазуху’ [Насибуллин 1978: 142].

Суффикс *-ти* в элативном значении содержится также в составе послелогов и наречий: удм. круф. *гурт палти* *машина* *лъктэ*. ‘со стороны деревни машина идет’ [Насибуллин 1978: 102]; *кийокти* *лъктэм* ‘издалека приехал’ [Насибуллин 1978: 119].

Семантическая структура красноуфимского элатива подробно не описана, поэтому нет возможности проследить его семантическое развитие. Между тем наличие в диалекте местоименных форм *мънэс"тэм* ‘у меня’, *тънис"тит* ‘у тебя’ [Насибуллин 1978: 98], содержащих элативный суффикс, а также падежей (эгрессива и аблатива), показатель которых сформировался с участием элативного суффикса, позволяет утверждать, что общепермский элатив имелся в этом диалекте, но он был вытеснен падежом на *-ти*. Можно выдвинуть два сценария развития элатива с показателем *-ти*, которые соответствуют двум возможным альтернативам: либо суффикс изначально имел элативное значение, либо элативное значение возникает

в результате семантических изменений под влиянием тюркских языков, в которых элативное и пролативное значения совмещены в одном показателе (см. семантику элатива в татарском и башкирском языках: [ГСБЛЯ: 146; ТГ: 52]). Если допустить, что пролативный суффикс пермских языков является продолжением прауральского аблатива *-ta/*-tä, то нельзя исключить возможности совмещения суффиксом -mi элативного и пролативного значений. К. Редей предполагал, что аблативный суффикс в прапермском языке развил просекутивную функцию, которая стала основной его функцией [Rédei 1988: 381–382]. В этой связи уместно привести вариативные коми послелогои со сходным значением, в составе которых содержатся суффиксы пролатива и элатива:

кз. лл. *вывттыыс* ~ *вылс'ыс*: лл. (Об.) *Йӧз вывттыыс кывли*; (3.) *Йӧз вылс'ыс кылли*. 'Я от людей слышала'; *вылтти* ~ *мыс't'u*: (3.) *Во вылтти [мыс't'u] гортас волӧ*. 'Домой приезжает через год' [ЛЛД: 99].

Следует добавить, что в языках мира аблатив и пролатив образуют наиболее частотную модель совмещения пространственных значений, возможность чего допускает наличие в семантике этих падежей компонента пересечения границ ориентира [Ганенков 2002: 42–43]. Такая ситуация характерна для хантыйского, многих тюркских языков [Терешкин 1961: 54; ГСБЛЯ: 146; ТГ: 52].

Пролатив, как показали типологические исследования, может развить различные непространственные значения, а именно: значения точки приложения, инструмента, средства передвижения, цены, обменного эквивалента, темы, причины, признака, координатива, времени, посредника, уровня [Ганенков 2002: 47–56]. В пермских языках пролатив имеет только одно непространственное значение – точки приложения, чем отличается от остальных общепермских пространственных падежей, имеющих развитую семантическую структуру.

Непространственные значения, типологически характерные для пролатива, в удмуртском языке выражаются адвербиалем (см.: гл. 3, раздел 3.11), в коми языках – послелогом кз. *серти*, кп. *сьӧрті* 'по', восходящим к пролативной форме слова *сьӧр* 'пространство, находящееся за чем-л., зад, задняя часть чего-л.' [Rédei 1962: 109], ко-

торое как самостоятельное слово сохранилось только в удорском и вымском диалектах: уд. *керка съөр* ‘место за домом’, вым. *съөр өдзёс* ‘задняя дверь, ведущая в сарай’ [ССКЗД: 357], а также в удмуртском языке: *съөр* ‘зад; задний’. Послелог употребляется в значениях координатива (кз. *закон серти*, кп. *закон съөрті* ‘по закону’), признака (кз. *төдмавны гөлөс серти*, кп. *төдмавны голос съөрті* ‘узнать по голосу’), причины (иж. *Сы с’өрти из волы* ‘Из-за него не приходил’ [ИД: 110]). Суффикс пролатива содержится также в составе нескольких наречий и послелогов с темпоральным значением:

кз. вв. л. (Пор.) нв. печ. скр. л. (Пор.) *бөрт’инас*, вс. вым. иж. л. (Об.) лет. кп. сс. уд. *бөрти*, вым. *бөртин*, уд. (Удор.) *бөртт’и*; кя. *бэрт’и* ‘потом’, удм. *бертй* ‘после’ [КЯД: 89; КПЯ: 304; ССКЗД: 26; УРС: 45]; вв. вым. нв. скр. *водзти*, лл. *воз’ти*, вс. *одзти*, удм. *азьвыл* ‘прежде’ [ССКЗД: 55; УРС: 23]; удм. *тол вылтй* ‘в течение зимы’ [УРС: 102].

Приведенные наречия и послелого, сформировавшиеся на основе пролативных форм локативных существительных, свое значение могли развить на основе пространственного, будучи уже не именами. В этой связи уместно отметить, что послелого, возникшие на основе темпоральных существительных, содержат суффикс другого прапермского пролатива – суффикс *-йV* (см.: гл. 3, раздел 3.11).

Древнекоми письменные источники не дают документального материала, необходимого для исследования семантической эволюции этого падежа: употребление и значения пролатива со времен древнекоми языка не изменились. Поэтому вопрос о происхождении прапермского пролатива представляется весьма сложным, в том числе из-за невозможности проследить развитие его семантики. Не имея прямых доказательств, все же предположим, что суффикс пролатива сформировался на основе аблатива **-ta/*-tä*, но регенерация элативного значения суффикса *-ти* в красноуфимском говоре могла произойти под влиянием тюркских (башкирского и татарского) языков.

В финно-угорских языках значение траектории движения выражается пролативом (в мордовских, вепском и хантыйском языках), послелогоми или другими пространственными падежами, которые демонстрируют дифференцированное и совмещенное выражение различных пролативных значений. Пролатив в мордовских языках

совмещает значения маршрута, прохода, сцены [ГМЯ: 173–174; Ермушкин 1978: 255–260], тогда как, напр., в марийском языке в выражении пролативных значений задействованы различные послелого и иллатив: в значении прохода употребляется иллатив: *окнаш(ке) лекташ* ‘выйти в/через окно’; и послелог *гоч* ‘через’: *окна гоч лекташ* ‘выйти через окно’, в значении маршрута – послелого *дене* ‘по’: *корно дене каяш* ‘идти по дороге’; и *мучко*: *урем мучко ошкылаш* ‘шагать по улице’; в значении сцены – послелог *мучко* ‘по’: *пӧлем мучко кошташ* ‘ходить по комнате’ [МарлаМутер]. В родственных языках, в отличие от пермских, пролатив имеет ряд типологически характерных непространственных значений, в частности, в мордовских языках он реализует значения времени, уровня, признака и координатива [ГМЯ: 173–174; Ермушкин 1978: 255–260], в вепском языке – значения времени и точки приложения (‘ударить по’) [Зайцева 1981б: 133].

4.8. Семантическая структура аппроксиматива

4.8.1. Межъязыковые сходства

Пермские языки

1. Пространственные значения.

1.1. Конечный пространственный ориентир, внешняя локализация. Аппроксиматив употребляется для указания на общее направление движения в сторону ориентира, без непосредственного приближения к нему. В отличие от других лативных падежей, его семантика осложнена семой проксимативности (неконтактности, несопространственности). Этим объясняется его использование для описания ситуации, где ориентир не является обязательной целью движения:

кз. *Сэсся чеччышитіс вӧв вылӧ и гӧнитіс пӧжарлань*. (Юхнин 1983: 137) ‘Потом он вскочил на коня и поскакал в сторону пожара’.

кп. *Женяыс лэдзчис сеялка вылісь да иньдӧтчис межалань*. (Федосеев 1991: 261) ‘Женя спустился с сеялки и направился в сторону межи’; *Митрейлӧн киас литовка и везйӧ-мунӧ кузь шагӧн гортланяс*. (Федосеев 1991: 75) ‘Митрей с литовкой в руках большими шагами идет в сторону дома’.

удм. «Россия» *теплоход, портысь потыса, Одессалань кошкыз*. ‘Теплоход «Россия», выйдя из порта, отправился в сторону Одессы’

[Перевощиков 1980: 74]; – *Ю кенослань төл пельтйз ке, алям тыл кушитйськоз со кенос вылэ, – шуиз пересь дышетйсь.* ‘– Если ветер подует в сторону хлебного амбара, то разбушевавшийся огонь перейдет на этот амбар, – сказал старый учитель’ [Перевощиков 1980: 74].

1.2. Пространственный ориентир. При описании дистантного положения объекта в пространстве аппроксиматив указывает на ориентир, относительно которого расположен ориентирующий объект. В конструкции с аппроксимативной словоформой обычно вводится инструментальная словоформа или относительное прилагательное для описания положения ориентируемого объекта в пространстве, при этом ориентирующей частью объекта являются чаще всего лицо и спина, если участник ситуации одушевленный, и видимая часть объекта (фасад, окна и т. п.), если участник неодушевленный:

кз. <...> *Микулайлань веськыда нырөн исышитис гоз-мёдысь сынёдсё.* (Юшков 1979а: 82) ‘<...> повернувшись в сторону Николая, он несколько раз понюхал воздух’; *Панев, мелань чужёма нин, посныдыка сыркялис жё.* (Юшков 1979а: 118) ‘Панев, уже повернувшись лицом ко мне, тоже дрожал мелкой дрожью’; *А керкаыс Вераяслөн юсяньыс абу ылын, Эжваланыс ёшиньяснас видзёдö.* (В. Напалков) ‘А дом семьи Веры находится недалеко от реки, окнами на Вычегду смотрит’.

кп. *Ся [мамыс] пукалис аслас койка вылын, пырисыслань мышкнас.* (Фадеев 1989: 32) ‘Она [мать] сидела на своей кровати, спиной к входящему’.

удм. *Корка ведун мурт пыриз ке, пуртэз йылыныз коркалань понйськод ке, ведун мурт потыны уг быгаты.* (Владыкина 1998: 41) ‘Если в дом зашел колдун, если нож кладешь кончиком [от двери] по направлению к комнате, тогда колдун не может выйти’.

В коми языках аппроксиматив варьирует с дативом, в современном удмуртском языке, как показывает материал КУЯ, в контексте с инструментальными словоформами употребляются чаще всего именные группы в дативе и с послелогом *пала* ‘в сторону’ (см. гл. 3, раздел 3.5):

удм. *Мыным возыт потйз – ымнырын борддор пала кариськи но кёлэм улэ аналски.* (Яшина 1997: 89) ‘Мне стало стыдно, я повернулась лицом к стене и притворилась спящей’; «*Корка, корка,*

берытскы, ми пала ёсэнёд, нош нюлэс пала укноеныд кариськы». (Удм. дунне, 2012.12.26) 'Изба, изба, повернись, к нам дверью, а к лесу окнами'.

2. Темпоральное значение. Аппроксиматив используется при выражении значений темпоральной локализации и конечного темпорального ориентира с оттенком приблизительного, неточного момента времени.

2.1. Конечный темпоральный ориентир. Аппроксиматив указывает на приближенность к временному ориентиру, изменение ситуации в направлении момента времени:

кз. *Тёвлань нин ар помыс сынё, Оз юав: жугыль-ё, рад?* (А. Некрасов (Гамса) 1998: 29) 'К зиме уж близится конец осени, не спрашивая: расстроен ли ты, иль рад?'

кп. *Кадыс тарёвтчис рытлань*. 'Время-то катилось к вечеру' [КПЯ: 192].

удм. *Куазь сйзыллань ке но кариське ини, жьыт туж шуныт*. 'Хотя погода приближается уже к осени, вечер очень теплый' [Первошиков 1980: 74]; сч. (Кор.) *kāntonlan' karis'ke, vot sa-moj soku rižmer lue*. 'К заморозкам [погода] идет, вот именно тогда бывает иней' [Карпова 1997: 90].

2.2. Темпоральная локализация. Аппроксиматив указывает на локализацию ситуации перед наступлением временного ориентира, на приблизительность, неточность в определении момента действия:

кз. <...> *рытланьыс вётёдны кёсийысис*. (Юшков 1979а: 70) '<...> под вечер [он] обещался догнать'.

кп. *Тулыслань погоддяыс вежсис*. 'К весне погода изменилась' [КПЯ: 192].

удм. *Ог жьытэ сйзыллань пельпумаз ошем сьёд сумкаеныз ужан интыям пыриз – «Вордскем кыл» журналэн редакцияз*. (Удм. дунне, 2007.02.16) 'В один вечер под осень с черной сумкой на плечах он зашел ко мне на работу – в редакцию журнала «Вордскем кыл»'; *Нош жьытлань пилемъёс люкен-люкен бабыльскизы но син азын сылмыны кутскизы*. 'К вечеру облака сгрудились и на глазах начали рассеиваться' [Первошиков 1980: 74].

Коми-зырянский и коми-пермяцкий языки

1. Пространственные значения

1.1. Конечная точка отсчета расстояния. Аппроксиматив может указывать на ориентир, по отношению к которому уточняется расстояние расположения объекта. В конструкциях с пространственными наречиями он варьирует с дативом. Выбор падежа обусловлен одушевленностью/неодушевленностью ориентира: при неодушевленном ориентире используется аппроксиматив, при одушевленном – датив и аппроксиматив (редко):

кз. *Лыйсян эрд помас, Пелым юлань матынджык, сулаліс чом ыджда из.* (В. Тимин) ‘В конце стрельбища, ближе к реке Пелым, лежал камень величиной с шалаш’; *Борис – латикыд тушаа крепид том морт, вёлдьстань нелямын километр выяын, Вөрью йывланьын, пöчинокын олысь Хуторков Прокопейлön пи.* (Юхнин 1983: 13) ‘Борис – невысокого роста крепкий молодой человек, сын Прокопея Хуторкова, живущего в починке, примерно в сорока километрах в сторону волости, вблизи верховья Вэрюя’; *Миянлань матынджык уджаліс руд халата нывбаба.* (А. Шарапов) ‘Ближе к нам работала женщина в сером халате’.

Функциональным эквивалентом аппроксимативу в удмуртском языке является датив (см. гл. 3, раздел 3.5).

1.2. Локализация за пределами ориентира. В коми языках аппроксиматив может указывать на локализацию объекта в окрестности ориентира, без непосредственного контакта с ним:

кз. *Шорланьыс домавла.* (Безносиков 1964: 70) ‘Пушу [лошадь] на прикол возле ручья’; <...> *меддзоля воксö, Ионасö, тайö племяыс кутöмаöсь да и виöмаöсь. Больнича горулас, Эжваланьыс.* (КЛП: 71) ‘<...> самого младшего брата, Иону, это племя поймало и убило. У подножья [горы, где располагается] больница, около Вычегды’.

кп. *Избушкаыслань сэсся некин эз тыдав и нем эз кыв.* (Федосеев 1991: 113) ‘Около избушки потом никого не было видно и ничего не слышно’; *Графскöй граньыс кольччас Лопанлань.* (Оласö: 271) ‘Графская просека осталась в стороне Лопана’.

В удмуртском языке в таких контекстах используется послелог *палан* ‘около, в направлении от’:

удм. *Отчы люкасъякылйзы Дэбес палан улйсь но улэм калыкъёс.* (Удм. дунне, 2007.01.31) ‘Там собирались проживающие и проживавшие в Дебесском районе люди’.

2. Значение стандарта сравнения. В сравнительных конструкциях показателем аппроксиматива может оформляться стандарт сравнения, при этом подчеркивается приблизительное, отдаленное сходство объекта сравнения со стандартом сравнения:

кз. «*Сідз, сідз. Провокациялань оз мун*», – *бара думышитіс учитель.* (Юхнин 1979б: 68) ‘«Так, так. На провокацию не похоже», – снова подумал учитель’; *Тыдалё, мамыс рёдö мунöма, көть эськö и тушанас батъыслань кыскöма: ыджыд, ён, паськыд пельпомъяса.* (И. Изъюров) ‘Видимо, она в мать пошла, хотя и фигурой в отца: высокая, сильная, с широкими плечами’.

кп. *Зоныс вачкисьö мамыслань, а нлыс – айыслань.* ‘Сын ходит на мать, а дочь – на отца’; *Зоныс айыслань мунöм.* ‘Сын похож на отца’.

3. Значение цели. В коми языках аппроксиматив может указывать на участника ситуации, чьи интересы учитываются. В настоящее время аппроксимативные именные группы в этом значении зафиксированы только в удорском диалекте:

кз. уд. (Венд.) *Чой-воклан'ыс сийа кулö и олö.* ‘Ради (в интересах) братьев и сестер он готов умереть’ [УД: 35].

В остальных диалектах отмечаются лексические ограничения на употребление аппроксиматива. Для подчеркивания личной заинтересованности участника ситуации используются усилительно-личные местоимения при глаголах кз. кп. *кыскыны* ‘тянуть’, *босьтны* ‘брать’, *кужны* ‘уметь’, а также при предикативах, выраженных прилагательными с оценочным значением:

кз. *Максим, көть и председательöн лоö, всё равно асланьыс кутас кыскыны.* (Н. Дьяконов) ‘Максим, хоть и будет председателем, все равно будет действовать в своих интересах (‘тянуть на себя’)’; *А сійö öд абу жö асланьыс йöй. Асланьыс сійö дас пöв на мянысь мудер.* (Юшков 1979б: 143) ‘А он ведь в своих интересах тоже не глуп. Если ему выгодно, то он в десять раз умнее нас’.

кп. *аслань керны* ‘настаивать на своем, гнуть в свою сторону’.

Учитывая удорские примеры, можно предположить, что в более ранний период истории коми языков аппроксиматив в этом значении

не имел лексических ограничений, сужение его сочетаемости, скорее всего, было связано с заимствованием из русского языка послелого *ради*, ср.:

кз. *А найё од челядь радиыс нин и олоны*. (А. Мишарина) ‘А они ведь ради детей уже и живут’.

В удмуртском языке значение цели, связанной с назначением действия, передается конструкцией с послелогом *пала* ‘в сторону, в направлении’ и *понна* ‘за, ради, из-за’: *асьсэ понна* ‘они сами за себя; ради самих себя; для себя’; *Куараоссы, шуламзы, тапыртэмзы жюриез соку ик ас палаз кыскиз*. (Иднакар, 2015.08.13) ‘Их голоса, свист, топот сразу же привлекли жюри на свою сторону’.

4.8.2. Межъязыковые различия

Коми-зырянский язык

1. Точка приложения. В нижневьчегодском и удорском диалектах аппроксиматив параллельно с иллативом может употребляться при глаголах физического воздействия (нв. *лукёдны, вартны*, уд. *шучкыны* ‘ударить, стукнуть’), падения (кз. *усьны* ‘упасть’). Разная стратегия выбора падежа объясняется различием в оценке ситуации: при употреблении аппроксиматива актуализируется идея направленности к ориентиру, при этом неважно, достигнет ли объект действия ориентира; в случае употребления иллатива актуализируется контакт с ориентиром:

кз. нв. (Гам) *С'т'энлан'ис сийэс лукёдис*. ‘Ударил его головой об стену’; *Ном Вас' вэлоп'эднас лукас'эма кэрка с'т'энас*. ‘Ном Вась на велосипеде врезался об стену дома’; уд. (Разг.) *Москилан'ыс ус'ас*. ‘Упадет на тротуар’ [УД: 38];

2. Каузативное значение. В вашкинских говорах удорского диалекта зафиксировано употребление аппроксиматива в значении причины ситуации или состояния:

кз. уд. (Венд.) *Штшайлан'ыс пэмдёма стёканйэсыс*. ‘От чая потемнели стаканы’; *Кёдзыдлан'ыс йурё вис'мис*. ‘От холода разболелась голова’ [Сорвачева 1950: 60]; *Мэ гэжи, гэжи да, вэс' киё пас'нэти ручкалан'ыс*. ‘Я писал, писал, и руки онемели от ручки’ [УД: 35].

4.8.3. Сравнительно-исторический аспект

Не вызывает сомнений, что суффикс аппроксиматива сформировался в результате слияния суффикса *-l и лативного суффикса *-n' [Основы 1976: 149; Майтинская 1979: 121; Лыткин 1977: 26; Rédei 1988: 383; Bartens 2000: 84, 87–88; Csúcs 2005: 184; др.]. Несколько иного мнения придерживался Д. В. Бубрих, согласно которому, суффикс *-лань* является редуцированным вариантом суффикса *-ланьö* [Бубрих 1949: 51]. Ш. Чуч полагает, что аппроксиматив в прапермском языке был представлен суффиксом только с огласовкой *a*, тогда как другие *л*-овые падежи имели два-три варианта с различной огласовкой. В этом он усматривает влияние обусловленного посессивностью алломорфа иллатива на суффикс аппроксиматива [Csúcs 2005: 184]. Предположение Ш. Чуча, сколь бы привлекательным оно ни казалось, является скорее сомнительным. Вряд ли алломорф посессивного склонения мог повлиять на сохранение огласовки суффикса простого склонения. Скорее всего, здесь можно усмотреть аналогию с суффиксом *-ла*, который в прапермском языке после расщепления аллатива на два отдельных падежа мог функционировать в пространственном значении. Сходный с показателем аппроксиматива способ образования имеют суффиксы датива в марийском и аллатива в прибалтийско-финских языках [Основы 1974: 255–258; Kokla 1983], которые получили иное и более широкое семантическое развитие. Кроме того, они проявляют функциональное сходство с пермским дативом, в формировании показателя которого участвовал лативный суффикс *-k. Семантика праязыковых лативных суффиксов *-k и *-n' остается до конца невыясненной. Б. А. Серебренников полагал, что *-n' изначально имел аллативное значение [Серебренников 1964: 44]. Анализируя рефлексy этого суффикса в пределах уральской языковой семьи, И. С. Галкин отмечал, что ввиду того, что в современных языках он сохраняется преимущественно с дативно-направительным или приблизительно-местным значением, то его первичным значением могло быть терминативное [Галкин 1979: 115]. Создается впечатление, что праязыковые лативы не были дифференцированы в отношении локализации. Если в праязыковой падежной системе лативные падежи семантически не различались, то прапермские аллатив и аппроксиматив исходно могли иметь сходные простран-

ственные значения, находясь в отношении свободного варьирования. В пользу этого могут говорить: 1) варьирование аппроксиматива и датива в коми-зырянском языке при выражении значения направленности расположения объекта относительно ориентира с указанием или без указания расстояния; 2) функциональные параллели: а) употребление аппроксиматива в коми языке и датива в удмуртском языке при глаголе 'приближаться'; б) аппроксиматив в удорском диалекте, датив в удмуртском языке и в южных коми-пермяцких диалектах при выражении значения причины. Кроме того, следует отметить, что в отдельных прибалтийско-финских языках, по исследованиям Э. Паюсалу, аллатив параллельно с послелогом, образованным от иллативной формы слова *pool* 'сторона', может выражать «направление действия: в каком направлении идут, двигаются» [Паюсалу 1958: 12], т. е. характерное для пермского аппроксиматива пространственное значение. Значит ли это, что в определенный период развития прапермского языка два *л*-овых падежа с лативным значением могли выражать сходные пространственные значения, которые характерны в настоящее время для прибалтийско-финского аллатива? Развитие падежа с проксимативным значением было связано, скорее всего, с языковой необходимостью выражения общего направления движения без указания на вхождение или невхождение в пределы ориентира, чему должно было предшествовать развитие падежей иллативного и аллативного характера. В пермских языках аппроксиматив является единственным из группы так называемых *л*-овых падежей, последовательно сохраняющим пространственное значение. В отличие от падежей группы, на его употребление и семантическое развитие не оказала влияние категория одушевленности, что, видимо, было обусловлено более поздним возникновением падежа, а также семантикой проксимативности, которая сдерживает развитие непространственных значений.

Общепермскими являются пространственное и темпоральное значения, общекоми – сравнительное и цели. Изоглосса значения причины очерчивает островной ареал на территории распространения удорского диалекта. Как было уже отмечено, значение причины в финно-угорских языках выражается преимущественно элативно-аблативными падежами (см. гл. 3, раздел 3.9), но встречаются также

случаи выражения значений цели и причины исторически лативными падежами, напр., коми консекутив и марийский датив.

Аппроксиматив, как и эгрессив, – типологически редкий падеж, он имеется в диалектах вепсского, карельского и хантыйского языков [Основы 1976: 306; Зайцева 1981а: 150; Зайцева 1981б: 140–145; Ревинский 2000: 23; Мырина 2006: 20–21]. В отдельных хантыйских говорах наблюдается смешение употребления аллатива и аппроксиматива [Мырина 2006: 20–21]. Согласно грамматическим описаниям языков, характерными для аппроксиматива являются пространственные и пространственно-метафорические значения [Основы 1976: 306; Зайцева 1981а: 150; Зайцева 1981б: 140–145; Ревинский 2000: 23; Мырина 2006: 20–21].

4.9. Семантическая структура приблизительно-местных падежей

Семантика приблизительно-местных падежей в зырянском и пермяцком языках в целом, за редкими исключениями, совпадает.

Импроксимэссив

1. Пространственное значение. Этот падеж указывает на локализацию ситуации в окрестностях пространственного ориентира:

кз. *Керка кӧтшасланьын лӧня куйлис Чангыр.* (В. Тимин) ‘Где-то в задней части избы тихо лежал Чангыр’; *Мойдъяс кывзӧм бӧрын нывкаяс выль ног кутисны видзӧдны и вылын кывтысь кымӧръяс, и эзысьӧн дзирдалысь Сыктыв, и енӧжтасланьын лӧзалысь парма-яг вылӧ.* (В. Тимин) (МГЧ: 25) ‘После чтения сказок девочки иначе стали воспринимать и плывущие в небе облака, и сияющую серебром Сысолу, и синеющую на горизонте тайгу’.

кп. *Ӑтик лунӧ пажнайттӧнныс видзланьын поннӧс пондӧсӧ вувтны зверьӧс.* (Федосеев 1991: 124) ‘Однажды во время обеда вблизи лугов собаки начали преследовать зверя’; *Кывсис, что Ошибланьын гӧрддӧс да чочкӧммес кутчисьӧмась оча морӧс.* (Федосеев 1991: 13) ‘Дошли слухи, что недалеко от Ошиба красные и белые вступили в бой’.

2. Темпоральное значение. Импроксимэссив употребляется для указания на темпоральную локализацию, близкую ко временному ориентиру:

кз. *Сөмын менам сьёлөм Тулысланын нормө, Ассьыс муса пөвсө Виччысьны оз вермы.* (С. Попов) ‘Только мое сердце к весне загрустит, свою милую половинку не может дожидаться’.

Экспроксиматив

1. Пространственное значение.

1.1. Исходный пункт движения. Экспроксиматив указывает на направленность со стороны окрестности пространственного ориентира:

кз. *Тайё ляшкё кашкигөн Пöрысь мамыс сэтиём сёрөн лавканысь пöнарөн.* (Куратов: 147) ‘Это бабушка с фонарем, кряхтя, идет так поздно со стороны магазина’; *Перемена дырйи Коля казяліс школа öшинь пырыс Вислысь гортланысь гөнитөмсө.* (И. Тимушев) ‘Во время перемены Коля, глядя в школьное окно, заметил стремительный бег Виса со стороны дома’.

кп. *Керкуэзланысь локтіс тöдтөм морт.* ‘Со стороны домов шел незнакомец’.

В контекстах, характеризующих лицо по его происхождению из неопределенного для говорящего или слушающего места, этот падеж чаще всего употребляется с неопределенным местоимением *кыськө* ‘откуда-то’:

кз. *Николай Андреевич Космортов, кыськө карланысь.* (И. Коданев) ‘Николай Андреевич Космортов, откуда-то [приехал] со стороны города’; *Палев кыськө Удораланысь, коми морт жö.* (Н. Мальцев) ‘Палев откуда-то из Удоры, тоже коми’.

кп. ки. *мэ ач'ым таван'ис'жык, Кудымкарван'ис'жык, вöи нывканам.* (Лыткин 1955: 47) ‘Я сама из мест, находящихся ближе сюда, со стороны Кудымкара (‘я девушкой была более здешняя, более кудымкарская’)’.

1.2. Исходное местонахождение объекта. Экспроксиматив при глаголах восприятия, нахождения указывает на локализацию объекта в окрестности пространственного ориентира:

кз. *Конюшня лэбув пельёсланьысь Олёксея казяліс рудов му комёкъяс.* (В. Безносиков) ‘Где-то в углу навеса конюшни Алексей увидел сероватые комки земли’.

кп. *Керку пельёсланись зонка адзём ыджыт черань.* ‘Где-то в углу дома мальчик увидел большого паука’.

2. Признак по пространственной отнесенности. В коми-пермяцком языке экспроксиматив, как и элатив, может выражать значение признака по месту расположения объекта относительно пространственного ориентира:

кп. *Гортланись берегыс вылын да крут.* (Баталов 1976: 21) ‘Берег со стороны деревни высокий и крутой’; *Ме быд год оти местаын пукавла, нюрланысьис ты конецас.* (Баталов 1976: 219) ‘Каждый год я сиживал на одном месте, в конце озера со стороны болота’.

В коми-зырянском языке в таких контекстах используется прилагательное, образованное на основе аппроксимативной словоформы с помощью суффикса *-са*:

кз. *Ламбей мыйкё мургис аслыс да вель дыр эз аддзы вочасён югдысь Изланыса небесасё.* (В. Юхнин) ‘Ламбей что-то напевал про себя и не сразу заметил, как постепенно посветлело небо со стороны Урала’; *Керкаясыс быттьё сикётшалісны важгортсаяслысь юланыса му-видзё.* (Юхнин 1955: 23) ‘Дома, как бусы, осыпали прибрежные уголья жителей Важгорта’.

Депроксиматив

Этот падеж имеет только пространственное значение. Он указывает на направленность со стороны окрестности пространственного ориентира:

кз. *А мёдарсянь, ыбьясланысьянь, локтёны жё батыс Педёр дядькёд.* (М. Игнатов) ‘А с другой стороны, со стороны полей, возвращаются его отец с дядей Федором’; *Ыбьясланысьянь пёсялём вёв вылын скачён локтё ар дас вита зонка.* (В. Юхнин) ‘Со стороны полей на взмыленной лошади скачет мальчишка лет пятнадцати’.

кп. *Но сэтён гортланысьянь мыччысис Женяыс и овтчытён пондіс сибётчыны ёрттэслань.* (Федосеев 1991: 263) ‘Но там со стороны дома показался Женя и, махая, стал приближаться к друзьям’.

В целях уточнения траектории движения, обозначения начального и конечного пунктов движения в контексте с ним может употребляться аппроксиматив:

кз. *Гөгрөс колонная парадной кильчөланыянь ограда вороталань котөртис верстыө мужичөй.* (В. Юхнин) ‘Со стороны парадного крыльца с круглыми колоннами в направлении ворот ограды бежал мужчина’.

кп. *Немымда кадыс эз чулав, кыздз вөрланыянь деревнялань ыбыс кузтыа веськыта суйиис-котөртис лось.* (Федосеев 1991: 124) ‘В это же время со стороны леса в сторону деревни прямо по полям галопом пробежал лось’.

Антепроксиматив

1. Пространственное значение. Этот падеж указывает на направленность в сторону ориентира и достижение его окрестностей:

кз. *И быд здукөн матысмө пыжсын пукалысь юлөн кыргья берегланьөдз.* (Ульянов 2001: 9) ‘И с каждым мгновением сидящий в лодке приближается к крутому берегу реки’; *Но татөн мян, катыдын, мунан вөлөсьт помланьөдзисдэжык, зэв частө бергөдлө вөлі.* (фольклор) ‘Но здесь у нас, в верхней части [села], [если] пойдешь на окраину, очень часто [кто-то как будто] сбивает с пути’; *Воёма нин сийө кукань карталаньөдзис да сысянь матын нин сулалысь зорөдсянь чеччыштөма ыджыд көин.* (Е. Цыпанов) ‘Дошел он уже почти до телятника, но от находящегося вблизи него стога выпрыгнул большой волк’.

2. Темпоральное значение. Антепроксиматив может указывать также на приблизительную конечную границу темпорального ориентира:

кз. *Рытланьөдзис удж мунис лочки.* (И. Пыстин) ‘Почти до вечера работа спорилась’; *Степан оліс пөрысьланьөдз, оліс честнөя* (Юхнин 1955: 87) ‘Степан дожил почти до преклонного возраста, жил честно’; *Смена помланьөдз рычага дорын Иван Максимович уджаліс ачыс.* (И. Пыстин) ‘Почти до конца смены у рычага Иван Максимович работал сам’.

Перпроксиматив

1. Пространственное значение.

1.1. Пролативное значение. В отличие от пролатива, который употребляется при выражении значений маршрута, прохода и сцены, этот падеж имеет только одно пролативное значение – значение обочины: пространственный ориентир не включается в траекторию движения, движение происходит около пространственного ориентира, недалеко от него:

кз. ***Берегляньтісджык** кылдчисны да, син водзын вёліны и ва весьтё копыртчём бадьяс, и вылынджык сулалысь козьяс да ньывьяс.* (В. Лодыгин) ‘Плоты сплавливали вдоль берега, поэтому видны были и склонившиеся к воде ивы, и повыше стоящие ели и пихты’; ***Сиктланьдд** Ёгора өддзёдышитіс вёвсё.* (И. Сажин) ‘Ближе к селу Егор пришпорил коня’.

1.2. Локализация за пределами пространственного ориентира. Пролативный падеж при прилагательных, функционирующих в качестве именной части составного сказуемого, и при глаголах состояния указывает на приблизительное место проявления признака:

кз. *Зёрйыс веж на вёлі, **вужланьддыс** пёшти лёз, но сылён кудриа юрьясыс заводитісны нин вижёдны.* (Я. Рочев) ‘Овес был еще зеленый, ближе к корням почти синий, но его раскидистая метелка начала уже желтеть’; *Кымёрьяс гырысьсёсь, **шонділаньтіс** еджыд бокаёсь, а улысныс кодлён сёддов, кодлён руд.* (М. Игнатов) ‘Облака большие, со стороны солнца белобокие, а нижняя часть у одних черноватая, у других серая’.

2. Точка приложения. Этот падеж, как и пролатив, может использоваться для описания воздействия на часть объекта:

кз. *Сійё <...> менё велёдіс кутны потисё **помланьддыс.*** (И. Торопов) ‘Он <...> научил меня держать жердь за конец (‘за ту часть, которая ближе к концу’)’.

Аппроксиматив II

Употребление и семантика второго аппроксиматива совпадают с общепермским аппроксимативом, что обусловлено образованием его суффикса на основе суффиксов двух лативных падежей, отли-

чающихся друг от друга параметром локализации: *-лань* – направленность в сторону ориентира, *-õ* – направленность во внутренние пределы ориентира. Г. А. Нечаев отмечал некоторое семантическое различие аппроксимативных суффиксов: суффикс *-лань* выражает общее направление движения, суффикс *-ланьõ* имеет более конкретную семантику, актуализирует бóльшую близость действия во времени [Нечаев 1948: 95]. Однако в литературных коми языках эти суффиксы функционируют практически как синонимы, о чем отмечено также в [Кузнецов 2012: 168]. Сходство семантики суффиксов дает основание рассматривать их в качестве вариативных. Однако ввиду того, что функционирование и семантическая нагрузка приблизительно-местных падежей в коми диалектах не изучены¹, суффиксы *-лань* и *-ланьõ* в рамках данной работы представлены как показатели самостоятельных падежей. Семантическая структура аппроксиматива II содержит пространственное, темпоральное и сравнительное значения. В отличие от общепермского аппроксиматива, не зафиксировано употребление аппроксиматива II в значении объекта заинтересованного лица.

1. Пространственное значение.

1.1. Конечный пространственный ориентир, внешняя локализация. Аппроксиматив II выражает общее направление движения в сторону ориентира, но без непосредственного приближения к нему:

кз. *Рытъявылыс нин, вör керкаланьõ мõдõдчигõн, воштас понсõ.* (В. Юхнин) ‘Уже под вечер, отправляясь в сторону лесной избушки, он потеряет свою собаку’.

кп. «*Только бы ашын оджык саймыны и победаыс лоас ме сайын*», – *чорыта висьталіс Петя да кузя шагньõвтис ыбõсланьõ.* (Багалов) ‘Только бы завтра раньше проснуться, и победа будет за мной, – твердо сказал Петя и широко шагнул в направлении к двери’.

1.2. Пространственный ориентир. Аппроксиматив II указывает на ориентир, относительно которого расположен ориентирующий объект. В конструкцию с аппроксимативной словоформой вводится инструментальная словоформа для описания положения ориентируемого объекта в пространстве:

¹ В монографии [Попова, Сажина 2014: 100], включающей описание фонетической системы и грамматического строя коми-зырянских диалектов, приблизительно-местные падежи не рассматриваются.

кз. *Скамья вылын Печора юланьё чужёмён пукалө мундирён навгысьём Витя Рочев.* (П. Шахов) ‘На скамье лицом к реке Печоре сидел накинувший на себя мундир Витя Рочев’; – *Коле! – тувкнитис Вась сиктланьё мышкён сулалысь Кольёлы.* (П. Шахов) ‘– Коля! – Вася стукнул стоявшего спиной к селу Колю’.

1.3. Конечная точка отсчета расстояния. Аппроксиматив II может указывать на ориентир, по отношению к которому устанавливается расстояние расположения объекта. В конструкции вводятся пространственные наречия (*матын* ‘близко’, *матё* ‘близко’ и др.), а также существительные со значением единицы измерения расстояния (‘километр’):

кз. *Сёмын кухняланьё матын пызан сайын пукалисны кык нывбаба.* (П. Шахов) ‘Только за столом, стоящим вблизи кухни, сидели две женщины’; *Паслотчөмыс Висерсяньыс дас кык кымын километр, сийө водзын, Одыбланьё.* (КЛП: 80) ‘Пасвомын находится на расстоянии около двенадцати километров от Богородска, он дальше, в сторону Нившеры’.

2. Темпоральное значение. Аппроксиматив II используется при выражении значений темпоральной локализации и конечного темпорального ориентира с оттенком приблизительного, неточного момента времени.

2.1. Конечный темпоральный ориентир. Этот падеж указывает на приближенность ко временному ориентиру, изменение ситуации в направлении момента времени:

кз. *Гожёмыс сэки арланьё нин катовтис.* (А. Ульянов) ‘Лето тогда уже повернуло к осени’; *Бёлаыс тулысланьё катовтис, шондявліс да турёбавліс.* (Г. Юшков) ‘Погода к весне повернула, то потеплеет, то метелит’.

кп. *Эта лунсянь вөр-ваыс пондөтчө вежны ассис гожся паськөмсө и бергөтчө арланьё.* (Баталов) ‘С этого дня природа начинает менять свой летний наряд и поворачивает к осени’.

2.2. Темпоральная локализация. Аппроксиматив II указывает на локализацию ситуации перед наступлением временного ориентира:

кз. *Өтчөд рытланьё ты бокын тыдовтчис морт.* (А. Мальцева) ‘Однажды под вечер возле озера появился какой-то человек’; *Коркө май помланьё миянлысь кык экипаж мөддөдिसны Киевө*

танкъясла. (В. Осипов) ‘Где-то ближе к концу мая два наших экипажа отправили в Киев за танками’.

3. Значение стандарта сравнения. В сравнительных конструкциях показателем аппроксиматива **II может оформляться стандарт сравнения**, при этом подчеркивается приблизительное, отдаленное сходство объекта сравнения со стандартом сравнения:

кз. *Сõмын юрсиыс Гришалõн мамысланьõ мунõ, нярмыны кутõм лыс кодь гõрдõв, да банбокъясыс беринõсь нõшта.* (Юшков 1979а: 105) ‘Только волосы Гриши немного похожи с материнскими – рыжеватые, как увядающая хвоя, и щеки в веснушках еще’; уд. *Айысланьõ нырвомыс ветлõ.* ‘Похож лицом на отца’ [Сорвачева 1950: 61].

кп. – *Вешьян коккетõ лэдз, – горõтчис Таня, – а то витгодся зонкаокланьõ вачкисян.* (Баталов) ‘– Спусти штанины, – крикнула Таня, – а то похож на пятилетнего мальчишку’.

Сравнительно-исторический аспект

Прозрачная структура показателей приблизительно-местных падежей указывает на то, что они возникли в результате слияния суффикса аппроксиматива с суффиксами других местных падежей. Формирование значения этих падежей происходило на основе исходной семантики слившихся суффиксов: один из них (*-лань*) теряет параметр ориентации (указание на конечный пункт движения), сохраняя параметр локализации, и начинает выступать только как носитель значения локализации; присоединившийся к нему другой суффикс, сохраняя значение ориентации, теряет значение локализации. При слиянии суффиксов, имеющих одинаковое значение ориентации, семантика нового суффикса и одного из исходных суффиксов может совпасть, что и произошло при формировании суффикса аппроксиматива **II**. Выступая в качестве коаффикса, суффикс *-лань-* теряет значение ориентации – лативный характер, а присоединившийся к нему формант иллотива утрачивает значение локализации, сохраняя и вместе с тем придавая лативное значение новому суффиксу, чем объясняется сходство семантики суффиксов *-лань* и *-ланьõ*.

Ареал распространения приблизительно-местных падежей, охватывающий коми диалекты, позволяет предположить, что в период общекومی языка эти падежи могли уже функционировать. Обраща-

ют внимание вариативные формы аппроксиматива, зафиксированные в говоре с. Старая Игра Граховского района, относящегося к южному диалекту: *гурт-лан'*, *гурт-лан'ти*, *гурт-лан'ис'эн*, *гурт-лан'ис'*, *коркалан'*, *коркалан'ти* [Атаманов 2005: 175]. В других описаниях удмуртских диалектов падежи с коаффиксом *-лань-* или аппроксиматив с вариативными суффиксами не упоминаются. На сегодняшний день вопрос о функционировании и распространении приблизительно-местных падежей в удмуртских диалектах не может быть решен окончательно. Опираясь на приведенные примеры (несмотря на отсутствие их переводов) и принимая во внимание структуру суффиксов, осмелимся предположить, что отдельные приблизительно-местные падежи функционируют или функционировали по крайней мере в одном из удмуртских говоров. Скучные эмпирические данные не позволяют однозначно трактовать, являются эти падежи результатом независимой эволюции сходных явлений в отдельных родственных языках или восходят к эпохе прапермского языка. В этой связи необходимо отметить, что в удмуртском языке сложные суффиксы с коаффиксом *-лань-* содержат наречия: *азьлане* 'вперед', *азьланьэзэ* 'в будущем, в дальнейшем, далее'; *азьланьлы* 'на будущее'; *азьланьын* 'впереди', *выллантьи* 'поверху'; *вылланьын* 'вверху, наверху, повыше'; *вылланьысен*, *вылланьысь* 'с верхней стороны, сверху'; *уллаптыи*, *уллаптьи* 'по низовью; понизу', *уллапъэ* 'до низовья, до низовьев', *уллапъын* 'в низовьях, в низовье'; *уллапъысен*, *уллапъысь* 'с низовьев, с низовья' [УРС: 23–24; 101; 447–448]. Второй суффикс в структуре адвербиальных образований представлен типично удмуртскими суффиксами пространственных падежей, аккузатива и датива: *-лане;* *-ланьын;* *-ланьти;* *-ланьысь;* *-ланьысен;* *-ланьозь;* *-ланьэзэ;* *-ланьлы*. В составе послелогов и наречий нередко сохраняются суффиксы утраченных и недоразвившихся падежей (см. об этом подробнее: [Основы 1974: 246–266; Ермушкин 1978: 156; Коведяева 1978: 50; Майтинская 1982: 22; др.]), поэтому начало формирования по крайней мере наречий со сложными суффиксами с коаффиксом *-лань-* можно отнести к концу прапермского языка.

Большинство приблизительно-местных падежей одно-двузначны, в то время как исходные компоненты их суффиксов в самостоятельном употреблении многозначны. Развитие непространственных значений

сдерживает параметр локализации ‘окрестность пространственного ориентира’. В языках мира специализированные показатели с проксимативным значением являются редкими, из такой серии падежей получил распространение только аппроксиматив.

4.10. Семантическая структура альтитерминатива

1. Пространственное значение. Альтитерминатив употребляется при указании на конечный пространственный ориентир (уровень глубины, высоты распространения действия):

кп. *Сѳтас зонкаыс – змейыс голяви муас пырас.* (Перем) ‘Ударит [ее] мальчик – змей по шею провалится в землю’; *Бурсийс пидзѳссзви ѳшалѳ.* (Баталов 1990: 57) ‘Грива-то до колен свисает’; *Пуктан сійѳ [кос пикан] гырас дорресви, пондан тьюкѳтны, дак только бус кайѳ, кыдз былнѳй мельницаын.* (И. Минин) (Парма асыв: 88) ‘Положишь его [сухой борщевик] в ступу до краев, будешь толочь, только пыль поднимается, как в настоящей мельнице’; *Мужиккес вунданѳдз Митрейѳ керкусѳ тишуписѳ матицазсви.* (Федосеев 1991: 50) ‘Мужики до жатвы срубили Митрею дом до матицы’.

В этом значении альтитерминатив находится в отношении свободного варьирования с терминативом в контекстах, в которых ориентир выражен существительными, обозначающими части тела (*кос* ‘пояс’, *пель* ‘уши’, *син* ‘глаза’, *пельпон* ‘плечо’, *голя* ‘шея’, *синкым* ‘брови’ и др.), вертикально ориентированные предметы и их части, преимущественно верхние (*керку* ‘дом’, *вевт* ‘крыша’, *матица* ‘матица’, *рама* ‘рама’), части целого (*джын* ‘половина’, *дор* ‘край’).

2. Предельная степень проявления действия. Альтитерминатив, как и терминатив, употребляется при указании на предельное состояние субъекта/объекта, каузированное интенсивностью действия. Интенсивность действия описывается через проявление состояния субъекта:

кп. <...> *а мѳдыс пышишаліс, пиньласис быднѳж да керсис и горзѳмви керис ѳртсѳ.* (Климов 1992: 56) ‘<...> а тот убегал, всячески изворачивался и кривлялся, до слез довел друга’.

В коми-зырянском языке, кроме терминатива, в таких контекстах допускаются послелогои *выйѳ* ‘до’ и *выйѳдз* ‘до’:

кз. *Татиѳм поводдянад и скѳтлѳн вытьыс кык ыджда – кѳрымыс быран выйѳ воис.* (А. Одинцов) ‘В такую погоду-то и аппе-

тит скота двойной – корм на исходе (‘пришел до исхода’); *Вежсис Калина, тӱдтӱм вийӱдз вежсис.* (Я. Рочев) ‘Калина изменился, до неузнаваемости изменился’.

3. Предельное состояние. В отличие от терминатива, альтитерминатив используется при описании состояния, близком к предельному, при этом внимание акцентируется не на процессе, связанном с достижением предельного состояния, а на результате этого процесса:

кп. *Аслас тырппес вӱрӱны, бытъӱ горзӱмви.* (А. Ермаков) (Парма шы: 410) ‘У самого губы дрожат, как будто [он находится] в состоянии плача’; *Тэ тӱдан, кӱр ме вӱлі кулӱмви, <...> ме кеймиси врачеслӱ.* (Климов 1987: 232) ‘Ты знаешь, когда я был при смерти, <...> я молился врачам’.

Семантической параллелью к альтитерминативу в коми-зырянском языке является послелог *вийын* ‘при’:

кз. *Аннаӱс бригадир аддзӱ кулӱм вийын, спаситӱ сійӱс.* (Г. Беляев) ‘Анну бригадир застаёт при смерти, спасает её’.

4. Нежелательная ситуация / нежелательный участник ситуации. Альтитерминатив употребляется для указания на факультативного участника, присутствие которого в ситуации нежелательно, а также на ситуацию, которая нежелательна для участника ситуации:

кп. *И Кикимора вились пондӱс тӱждӱсьны, не гажӱтчӱмви, не ваксӱмви сьлӱ лоис.* (Климов 1993: 23) ‘И Кикимора снова начала тревожиться, ей стало не до веселья, не до смеха’; *Олявкӱлӱ, конечно, не Котӱрокви вӱлі: сы моросын, сы юрын, сы син одзын – Андрей Никитич.* (Климов 1987: 51) ‘Олявке, конечно, не до Которока было: в ее груди, в ее голове, перед ее глазами – Андрей Никитич’.

5. Значение стандарта сравнения. Альтитерминатив может употребляться при сопоставлении объекта со всем множеством объектов соответствующего класса. Стандарту сравнения приписывается исключительный (предельной степени) признак, между тем этот признак эксплицитно часто не выражаен, но он известен из предыдущего или последующего контекста. В целях усиления значения исключительности в состав конструкции вводится отрицательное местоимение (*некин* ‘никто’, *некытшӱм* ‘никакой’) или числительное *ӱтік* ‘один’:

кп. *Утка йӱысви некытшӱм йӱ абу: чӱскыт да страсть пӱтӱса.* (В. Климов) (Бичирок: 43) ‘Нет [лучше] никакого мяса, чем утиное:

вкусное и очень сытное»; *Пөвсин гуддьыштас синсө, видзөтас нывка вылө, ошкас сылсь басөккө*: – *О-О, сыви татөн* некин абу! (Оласö: 254) ‘Певсин поковырялся в глазах, посмотрел на девочку, похвалил ее красоту: – О-о, здесь нет никого [краше], чем она’; *Только вот тэныт менам мөдйк приказ: медбы асылдөз ештін строитны менам горт весьтө аслыт виль дворец, кöда басөккви паськыт му вылын эз бы вермы лоны сидз жө öтйк дворец*. (Оласö: 109) ‘Только вот у меня есть другой приказ для тебя: чтобы до утра перед моим домом успел построить себе новый дворец, который по красоте не уступал бы ни одному такому дворцу во всем белом свете’.

Развитие сравнительного значения падежа происходило в результате метафоризации пространственного значения, что просматривается в контекстах с глаголами *пуктыны* ‘ставить’, *судзны* ‘доставать’: ‘(не) ставить на один уровень’, ‘достигнуть одного уровня’ осмысляется как сравнение, установление сходства. Примеры:

кп. <...> *сия керöма дубись да бронзаись и сийö мортысви оз позь пуктыны* (Климов 1992: 44) ‘<...> они [часы] изготовлены из дуба и бронзы и их нельзя сравнивать с человеком (‘ставить на один уровень’); *Но тэнат жө жеребечыт Петраыслö чальви оз судз*. (Можаев) ‘Но твой «жеребец-то» мизинца Петра не стоит’.

Сравнительно-исторический аспект

По предположению В. И. Лыткина, источником суффикса альтитерминатива явилось существительное *ви* (< *вий*) ‘конец, предел’ [Основы 1976: 145; КЭСК: 73], которое в современных коми языках в самостоятельном употреблении не встречается. На его основе сформировались послелого с терминативным значением: кз. вым. скр. сс. *вийöн*, вв. (Крч.) *выен*, вс. *вийон*, иж. *виен*, печ. (Медв.) скр. *выя*, вв. (Бог.) *выяан*, вв. (Бог.) *вийкаан*, вв. (Дер.) *выньти*, вв. (Дер.) *выньки* ‘до; по’; вым. печ. скр. сс. *вийöдз*, вв. нв. *выедз*, вс. л. (Об.) *вийöдз* ‘до’ [ССКЗД: 72], кп. *вийöдз* ‘до’ [КПРС: 75], кя. *вийөн* ‘по’, *вийөдз* ‘до’ [КЯД: 97]. Семантика альтитерминатива и его функциональные соответствия в коми-зырянском языке дают основание полагать, что суффикс *-ви* сформировался на основе двух послелогов – *виын* ‘при’ и *виö* ‘до’. Из послелогов апокопировался сегмент, выражавший значение ориентации: *виын* > *-ви*, *виö* > *-ви*, как и в случае формирования

суффикса *-дын*. Насколько можно судить по имеющимся у нас материалам (источники подверглись сплошной выборке), из серии послелогов с основой *ви-* в литературном коми-пермяцком языке употребляется, скорее всего, только *вийӧдз*, но в значении вертикального предела он представлен значительно реже, чем альтитерминатив. В текстах [Баталов; Можаяев; Перем; Фадеев 1989; Федосеев 1991; Федосеев 1994] обнаружено только 18 случаев употребления послелога, из них трижды в пространственном значении (только в фольклорных текстах [Перем]) и 15 в темпоральном значении, и 48 примеров в альтитерминативе. В современном языке наблюдается тенденция к семантической дифференциации послелога и суффикса *-ви*: послелог специализируется для выражения темпоральных отношений, падеж – для выражения пространственных отношений. Развитие непространственных значений падежа происходило на основе параметра предела, что просматривается в каждом его значении. Дальнейшую семантическую эволюцию альтитерминатива сдерживает параметр «вертикального уровня» в значении предела. Он не может иметь все те значения, которые присущи терминативу (напр., пространственно-посессивное значение). Терминатив, наоборот, скорее всего, может развить те значения, которые присущи в настоящее время только альтитерминативу, напр., значение стандарта сравнения. Однако ни в одном из родственных языков сравнительное значение не выражается терминативом.

Альтитерминатив – типологически редкий падеж. Специальный падеж для выражения значения вертикального предела в финно-угорских языках, кроме как в коми-пермяцком, насколько нам известно, и в языках мира не представлен. Значение вертикального предела выражается лативными падежами (терминативом, иллативом): эст. *võõni lumme vajuma* ‘провалиться по пояс в снег’; фин. *vajota polviaan tuõten suohon* ‘по колено провалиться в болото’, и послелогоми: кз. *вийӧдз* ‘по, до’: *кос вийӧдз* ‘по пояс, до пояса’; удм. *ӧож* ‘по’: *кускын ӧож вуын* ‘по пояс в воде’; *ӧожозь* ‘по’: *кус ӧожозь вуын* ‘по пояс в воде’, мр. *дангыт* ‘по, до’: *кыдал дангыт* ‘по пояс’ и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Формирование падежных систем пермских языков происходило в течение продолжительного хронологического периода. В современных языках прослеживаются общие черты, сложившиеся в прапермский период и обособившие пермские языки от других финно-угорских языков, а также специфические черты, приобретенные ими в ходе самостоятельного развития и обособившие их друг от друга.

1.1. Общепермскими в синхронии являются 14 падежей, составлявшие центр падежной системы в эпоху прапермского языка: номинатив, аккузатив, генитив, аблатив, датив, инструменталь, абессив, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, аппроксиматив, пролатив, терминатив. Их грамматический статус постепенно определялся в период между раннепрапермским и позднепрапермским состоянием языка, который характеризовался процессом свертывания и изменением функциональной нагрузки отдельных падежей финно-пермского (-угорского) праязыка, а также формированием новых падежных единиц. Адвербиаль, компаратив и консекутив, имеющие прапермские истоки, представлены только в отдельных пермских языках.

1.2. Большинство падежей в современных пермских языках морфологически самостоятельны. Падежные форманты сохраняют следующие прапермские черты: наличие двоякой огласовки и вариантов (суффиксы инструменталья, пролатива, иллатива в удмуртском языке); отсутствие огубленных гласных (коми языки), наличие глухих согласных (удмуртский и коми-пермяцкий языки).

1.3. В пермских языках представлена сходная линейная модель субстантивной словоформы, унаследованная из прапермского языка: суффиксы пространственных падежей и инструменталья предшествуют посессивному суффиксу, суффиксы объектных падежей располагаются после посессивного суффикса. Колебание позиции отдельных падежных показателей, характерное для коми языков, имеет, скорее всего, прапермские истоки (суффикс аппроксиматива). К общепермскому языку восходит начало развития морфологически обусловленных алломорфов. Тенденция к распространению морфологически обусловленных алломорфов в числовых парадигмах получила фрагментарное продолжение в удмуртском языке. Взаимодействие кате-

горий падежа и посессивности проявилось в противопоставлении типов склонения, а также в развитии морфологического показателя посессивного склонения на основе суффикса илллатива-инессива в ареалах прапермского языка.

1.4. Основные черты семантической структуры падежей сформировались в прапермский период, последующие изменения были обусловлены типологическими, генетическими и ареальными факторами. Для общепермских падежей характерна неравномерность функционально-семантического развития. Степень сходства и различия семантической структуры падежей между языками различна. Наибольшая семантическая устойчивость свойственна номинативу, аккумулятиву, генитиву, инессиву, илллативу, терминативу, пролативу.

2. Падежные системы пермских языков, наряду с общими чертами, имеют особенности, объединяющие только два родственных языка, и черты, присущие только одному из языков.

2.1. Падежные системы коми языков имеют следующие общие черты, отсутствующие в удмуртском языке: 1) наличие комитатива, консекутива, компаратива, приблизительно-местных падежей; 2) сходство морфологического выражения падежей: а) суффикс эгрессива *-сянь*; б) суффикс терминатива с аффрикатой (*-õдз*); в) рефлексия прапермского гласного **ε* в виде *õ* в суффиксах; г) отсутствие огубленных гласных в составе падежных суффиксов (в большинстве коми диалектов); д) отсутствие вариативности суффиксов в литературных языках; 3) колебание позиции эгрессива, абессива в линейной модели словоформы; 4) роль одушевленности как основного фактора выбора оформления прямого дополнения; 5) значительное сходство семантической структуры большинства падежей; 6) употребление инструментальной словоформы в предикативной функции. Прямые параллели обнаруживают смежные коми-зырянские и севернокоми-пермяцкие диалекты, в частности: а) сходные фонетически обусловленные алломорфы (косинско-камский, мысовско-лупьинский, верхневычегодский (эловые, вз-эловые и смешанные говоры, а также говоры сел Дон и Усть-Нем), лузско-летский (говоры сел Обьячево, Прокопьевка) диалекты и коми-язьвинское наречие); б) суффикс датива *-лõ* (коми-пермяцкий язык, лузско-летский и верхнесысольский диалекты); в) значение причины эгрессива (коми-пермяцкий язык и южные коми-зырянские диалекты).

2.2. Коми-пермяцкая падежная система имеет ряд параллельных общих черт с удмуртской, которые не свойственны коми-зырянскому языку: 1) наличие падежей, суффиксы которых развились в результате агглютинации послелогов с основой кп. *дын-*, удм. *дйнь-*; 2) сходство морфологического выражения падежей: а) суффикс пролатива с глухим согласным: кп. *-õt*, удм. *-ытй̆, -этй/-етй̆, -тй̆*; б) палатализация согласного в суффиксе пролатива: ки. *-õt'* ~ *-õt*; удм. сч. *-ыт'й ~ -т'й ~ эт'й ~ ыт' ~ эт'* (кудымкарско-иньвенский диалект и североудмуртские говоры); в) суффикс терминатива с фрикативным согласным: удм. *-озь*, вк. *-өзь*, кп. кз. *-ödz* (удмуртский язык и верхнекамское наречие); г) фонетически обусловленные алломорфы генитива, датива, аблатива, аппроксиматива (нижнеиньвенский, кудымкарско-иньвенский диалекты и некоторые средневосточные удмуртские говоры); д) морфологически обусловленный суффикс терминатива с конечным гласным *a* в посессивном склонении; 3) колебание позиции суффиксов терминатива, пролатива в линейной модели словоформы; 4) сходство семантики падежей: значения цели и причины действия датива; значение стимула эмоций (при глаголах 'бояться', 'испугаться', 'стесняться') аблатива; значение обменного эквивалента (стоимость) инструменталю и др.

2.3. Коми-зырянская падежная система имеет некоторые параллельные черты с удмуртской, не свойственные коми-пермяцкому языку: 1) сходство морфологического выражения падежей: суффиксы датива (*-лы*) и элатива (*-ысь*), *т*-овые суффиксы аккузатива (кз. уд. *-дö, -ты*, удм. сев. *-ты*); 2) отдельные значения элатива (исходная точка отсчета расстояния и исходная точка отсчета времени).

2.4. Специфические черты, характерные для падежной системы коми-зырянского языка: 1) наличие эгрессива с суффиксом *-ысьödz* (ижемский, лузско-летский и удорский диалекты), социатива (удорский диалект); 2) структура суффиксов: звонкие согласные в суффиксах комитатива (*-кöд*) и пролатива (*-öд*); 3) семантика падежей: отдельные значения датива (пространственно-посессивное значение); инструменталю (значение субъекта каузируемого действия), консекутива (значение причины), комитатива (значение субъекта каузируемого действия); аппроксиматива (значение причины), некоторые непространственные значения иллатива, инессива, элатива, эгрессива.

2.5. Специфические черты, характерные для падежной системы коми-пермяцкого языка: 1) наличие поверхностно-местных падежей, суффиксы которых возникли в результате агглютинации послелогов с основой *выв-*; 2) морфологическое выражение значения вертикального предела (альтитерминатив); 3) структура суффиксов: алломорфы, различающиеся качеством инициального согласного (альтитерминатив в оньковском диалекте) и наличием одиночного/двойного согласного (поверхностно-местные падежи в южных диалектах); 3) морфологически обусловленные суффиксы эгрессива, терминатива, пролатива в посессивном склонении; 4) семантика падежей: ряд непространственных значений эгрессива.

2.6. Специфику падежной системы удмуртского языка составляют следующие черты, отсутствующие в коми языках: 1) наличие адвербиала (< прап. пролатив **-ja*), посессивно-местных падежей (среднечепецкие и нижнечепецкие говоры, бесермянское наречие); 2) структура суффиксов: суффикс терминатива с лабиальным гласным (*-озь*); суффиксы с коаффиксом *-ла-* (отворшудные топонимы); вариативные суффиксы инструментала, пролатива, иллатива и аккумулятива в литературном языке и диалектах; междиалектное варьирование огласовки (*э ~ и*) аблатива; алломорфы генитива, аблатива, датива с инициальным согласным *н* (шошминский и буйско-таньпский говоры); суффикс элатива *-ыс'ты-* (< прап. **-s't*) в посессивном склонении; 3) семантика падежей: пространственные и некоторые непространственные значения датива, аблатива, семантика пролативного/элативного суффикса *-ti*; 4) роль референциального статуса как основного фактора выбора оформления прямого дополнения.

3. В развитии пермских языков немаловажную роль сыграли разновременные контакты с родственными и неродственными языками, влияние которых сказалось в бóльшей степени на употреблении падежей, что проявляется в калькировании моделей управления глагола, перераспределении значений между падежами, а также между падежами и послелогоми, в консервирующем воздействии на употребление падежей. Структура падежных форм подвержена внешним воздействиям в меньшей степени. Изменения в суффиксах связаны в основном с влиянием на фонетическом уровне, в частности с изменением артикуляционно-акустического качества и дистрибуции фонем, с развитием гармонии гласных и т. д.

3.1. Удмуртский язык имеет ряд общих черт с марийским и тюркскими языками, которые могли сохраниться/сложиться в ходе их исторического развития в составе Волго-Камского языкового союза: 1) двойное падежное маркирование; 2) оформление показателем инструменталя компонентов сочиненной группы; 3) совмещенное выражение пролатива и элатива в одном показателе (красноуфимский говор); 4) совмещенное выражение комитативного и инструментального значений в одном показателе; 5) некоторые семантико-синтаксические функции датива (значения причины, цели, времени, обменного эквивалента, предназначения), инструменталя (значение материала, причины). В падежных суффиксах получили отражение фонетические процессы, протекавшие в удмуртских диалектах под влиянием контактных языков: замена свистящих согласных *з* и *с* шипящими *ж* и *ш*, шепелявых согласных (*с'* и *з'*) свистящими (*с''* и *з''*) (красноуфимский говор) и развитие гармонии гласных (татышлинский говор).

3.2. Русское влияние на падежную систему коми языков обнаруживается в следующих случаях: 1) дифференцированное выражение значения исходного посессора в зависимости от активности/пассивности субъекта действия; 2) развитие инструментальной формы именного сказуемого; 3) сокращение употребления внутренне-местных падежей в пространственно-метафорических значениях и их замещение послелогоми; 4) вытеснение генитива дативом при оформлении семантического субъекта при модальных и возвратных глаголах; 5) вытеснение инструменталя элативом в значении инструмента при глаголе 'стрелять'; 6) расширение дистрибуции комитатива и др. Параллельные явления представлены в коми языке и севернорусских говорах: вокативный суффикс *-о*, выражение значений темы игры (кз. элатив, северус. предлог *из*), временного посессора (кз. инессив, северус. предлог *в*) и др.

3.3. Отдельные черты, характерные только для коми-зырянского языка, особенно для удорского диалекта, находят параллели в прибалтийско-финских языках: употребление и значения инессива (объектное значение), иллатива (объектно-целевое значение), элатива (значение объекта обмена (стоимость), оформление прямого объекта), падежное оформление предиката сентенциального актанта.

4. Редкими, в некоторых случаях уникальными, на фоне финно-угорских языков являются следующие черты пермских языков: 1) посессивно-местные (удмуртский язык) и приблизительно-местные падежи (коми языки); 2) морфологическое выражение значения вертикального предела (коми-пермяцкий язык), значения собирательности (удорский диалект); 3) дифференцированное оформление зависимого в именной группе при переходных и непереходных глаголах; 4) дативное оформление имени в позиции прямого дополнения (пермские языки) и грамматического подлежащего (коми диалекты); 5) аспектуальные свойства эггессива (удмуртский язык); 6) роль одушевленности как основного фактора выбора оформления имени в позиции прямого дополнения (коми языки); 7) специфическое употребление падежей: комитатив и инструменталь в значении субъекта каузируемого действия (коми-зырянские диалекты), аппроксиматив в значении причины (удорский диалект), элатив в значении темы игры, эггессив в значении объекта защиты (удорский диалект) и др.

Падежи пермских языков демонстрируют развитие падежей по типологическим моделям, сохранение черт, унаследованных от праязыка, и заимствование черт контактных языков.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки: вен. – венгерский; дрк. – древнекоми; дррус. – древнерусский; кар. – карельский; кз. – коми-зырянский; кп. – коми-пермяцкий; лат. – латинский; мдМ. – мокша-мордовский; мдЭ. – эрзя-мордовский; мр. – марийский; мс. – мансийский; прап. – прапермский; рус. – русский; саам. – саамский; саам. кильд. – кильдинский саамский; удм. – удмуртский; ф. – финский; ф.-у. – прафинно-угорский; эст. – эстонский.

мр. сз. – северо-западное наречие марийского языка, северус. – севернорусские говоры, эст. юж. – южно-эстонские говоры

Коми-зырянские диалекты: вв. – верхневычегодский диалект; вс. – верхнесельский диалект; вым. – вымский диалект; иж. – ижемский диалект; лл. – лузско-летский диалект; нв. – нижневычегодский диалект; печ. – печорский диалект; скр. – присыктывкарский диалект; сс. – среднесельский диалект; уд. – удорский диалект.

Коми-пермяцкие наречия, диалекты и говоры: вк. – верхнекамское наречие; вл. – верх-лупьинский говор; ки. – кудымкарско-иньвенский диалект; кк. – косинско-камский диалект; коч. – кочевский диалект; куд. – кудымкарский говор; кя. – коми-язьвинское наречие; мл. – мысовско-лупьинский диалект; мыс. – мысовский говор; нерд. – нердвинский диалект; ни. – нижеиньвенский диалект; оньк. – оньковский диалект; южн. – южное наречие.

Удмуртские наречия, диалекты и говоры: бавл. – бавлинский говор; бес. – бесермянское наречие; бт. – буйско-таньпский говор; вч. – верхнечепецкий диалект; каз. – казанский диалект; канл. – канлинский говор; кркм. – кырыкмасские говоры; круф. – красноуфимский говор; кукм. – кукморский говор; нч. – нижнечепецкий диалект; св. – средне-восточные говоры; сев. – северное наречие; сред. – срединные говоры; сч. – среднечепецкий диалект; сю. – среднеюжный говор; татш. – татышлинский говор; шошм. – шошминский говор; юж. – южный диалект; южн. – южное наречие.

Названия памятников древнекоми письменности: ЛЕ – Лепехинско-Евгеньевские тексты; Рум. – Румянцевский список «Божественной литургии»; Сав. – Савvaitовский список «Божественной литургии»; Сош. – надпись на иконе «Сошествие святого духа»; Тр. – надпись на иконе «Троица».

Периодические издания: СФУ – Советское финно-угроведение, Tallinn (1965–1989); Удм. дунне – Удмурт дунне, Ижевск; ALHung – Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest; FUF – Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki; JSFOu – Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki; LU – Linguistica Uralica, Tallinn; MSFOu – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki; NyK – Nyelvtudományi Közlemények, Budapest;

SKST – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, Helsinki; UAJb – Ural-Altäische Jahrbücher, Wiesbaden.

Глоссы: 1. – 1-е лицо, 2. – 2-е лицо, 3. – 3-е лицо, ABES – абессив, ABL – аблатив, ACC – аккумулятив, COM – комитатив, DAT – датив, GEN – генитив, EGR – эгрессив, EL – элатив, IN – инессив, INSTR – инструменталь, PL – множественное число, POSS – посессивность, SG – единственное число, VOC – вокатив.

ИСТОЧНИКИ

Алашеева, А. А. Верхнечепецкие говоры I / А. А. Алашеева // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 91–105.

АОС 1983 – Архангельский областной словарь. Вып. 3. (В– Вёсновой) / под ред. О. Г. Гецовой. – Москва: Изд-во МГУ, 1983. – 160 с.

АОС 2001 – Архангельский областной словарь. Вып. 11. Деловатой – Дороботаться / Под ред. О. Г. Гецовой. – Москва: Наука, 2001. – 479 с.

Баталов, В. Ёктём проза / В. Баталов. [Электронный ресурс] // <http://www.Fulib.ru>

Баталов, В. Зэр одзын / В. Баталов. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1990. – 208 с.

Баталов, В. Шепьясьо рудзёг / В. Баталов. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, Коми-Перм. отд., 1976. – 344 с.

Безносиков, В. Жар гожём / В. Безносиков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. – 144 с.

Безносиков, В. Кёні менам шудёй / В. Безносиков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 240 с.

Библия. Современный перевод библейских текстов. – Москва, 1993. – 1142 с.

Бичирок. Сборник произведений для детей на коми-пермяцком языке / Сост. В. В. Климов, М. Д. Вавилин. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1965. – 99 с.

Букварь для пермяковъ иньвенского края (опытъ). – Казань: Типо-литографія Импер. Ун-та, 1899. – 14 с.

Владыкина, Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск: Удмуртский ин-т ИЯЛ, 1998. – 356 с.

Вуюись: Покчи нылпиослы хрестоматия. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 224 с.

Герд, К. Зарни кылчурьёс: Кылбурьёс, поэмаос / К. Герд. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 360 с.

Доронин, П. Парма съёлёмын / П. Доронин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. – 256 л.б.

Евангелие 1847 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелія отъ евангелистовъ св. Матёея и Марка на русскомъ и вотяжскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. – Казань: тип. Императ. Казанск ун-та, 1847. – [4], 234, 135 [3] с.

Евангелие 1847а – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелія отъ евангелиста св. Матёея на русскомъ и вотяжскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. – Казань: тип. Императ. Казанск ун-та, 1847. – [6], 234 с.

Евангелие 1866 – Das Evangelium Matthäi in den nördlichen Dialect des Permischen zum ersten Male übersetzt von P. A. Popov, durchgesehen von F. J. Wiedemann. – London, 1866. – 117 с.

Евангелие 1877 – Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие отъ Матѳея. – Казань: Изд-іе Прославнаго Миссіонерскаго Общества, 1877. – 82 с.

Евангелие 1882 – Миян Господьвөн Иисус Крїстөсвөн вежа бур-ювөр Матвейсянь комиён / ред. Ф. И. Видеман. – Питер-карын, 1882. – 76 с.

Евангелие 1882а – Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие отъ Матѳея на вотяцком языкѣ. – Гельсингфорсь: Тип-я Финскаго Литературнаго Общества, 1882. – 93 с.

Евангелие 1912 – Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие отъ Матвея, Марка, Луки и Иоанна на удмуртском языке. – Казань: Центр. тип-я, 1912. – 327 с.

Завещание 1899 – Завещание святителя Митрофана Воронежского Завещание святителя Тихона Задонского Христианское поучение святителя Дмитрия Ростовского. На пермяц. языке: Дар любви иньвенским инородцам пермякам Соликамского уезда. – Казань: Тип. ун-та, 1899. – 4 с.

Загуляева, Б. Ш. Говоры удмуртов Кизнерского района I / Б. Ш. Загуляева // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 5–27.

Зубов, Ф. Е., Лихачев, М. Т. Вым дор чача (Подснежник). Выдїсьныгїжны вевѳтчан книга. Иньва дорїсь коми кыввын / Ф. Е. Зубов, М. Т. Лихачев. – Москва: Центр. изд-во СССР, 1925. – 71 с.

Иньва: литературно-художественный сб. – Кудымкар: изд-во «Пермская книга», 1992. – 200 с.

Ислентьев 1889 – Букварь и первая учебная книжка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. По способу наглядного обучения Составиль Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. – Елабуга, 1889. – 136 с.

Карпова, Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы текстов / Л. Л. Карпова; РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск, 2005. – 581 с.

Кельмаков, В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 299 с.

Кельмаков, В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры = Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы 2: Шор вераськетьёс / В. К. Кельмаков; АН СССР, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит., Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 1990. – 365 с.

ККЯ – Корпус коми языка // <https://komicoproga.ru/>

Климов, В. Лѳньыс оз ло / В. Климов. – Кудымкар: изд-во «Пермская книга», 1987. – 308 с.

Климов, В. Гублян / В. Климов. – Кудымкар: изд-во «Пермская книга», 1987а. – 392 с.

Климов, В. Лёз йёрнӧс / В. Климов. – Кудымкар: изд-во «Пермская книга», 1992. – 272 с.

Климов, В. Зарниа чикиссез / В. Климов. – Кудымкар: изд-во «Пермская книга», 1993. – 184 с.

КЛП – Коми легенды и предания. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 175 л.б.

КМС – Коми мойдъяс, сьлланкывъяс да пословицаяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1956. – 256 л.б.

КПРС – **Баталова, Р. М.** Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. – Москва: Русский язык, 1985. – 624 с.

Куратов, И. Менам муза / И. Куратов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 606 л.б.

Куратова, Н. Бобӧнянь кӧр / Н. Куратова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 212 л.б.

КУЯ – Корпус удмуртского языка // <http://udmurt.web-corpora.net>

Лебедев, М. Бӧрийӧм гижӧдъяс / М. Лебедев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1959. – 227 л.б.

МарлаМутер – 10-томный словарь марийского языка. [Электронный ресурс]: <http://marlamuter.com>

МГЧ – Миян грездса челядь. Висьтъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 44 л.б.

Минин, И. Чӧвпан мыс дын / И. Минин. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1962. – 140 с.

Можаев, С. Комиӧн гижӧм / С. Можаев [Электронный ресурс] // <http://www.Fulib.ru>

Насибуллин, Р. Ш. Диалекты Закамья и Урала II / Р. Ш. Насибуллин // Образцы речи удмуртского языка. – Ижевск, 1982. – С. 154–166.

Неговение 1899 – Противь давняго неговѣнья. На пермяцкомъ языкѣ / Изданіе священника Іакова Васильевича Шестакова. – Казань: Типо-литографія Импер. Ун-та, 1899. – 13 с

Некрасов, А. (Гамса) Шудыд – тэрыб лэбач / А. Некрасов (Гамса). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. – 128 л.б.

ОКЗР – Образцы коми-зырянской речи. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. – 311 с.

Оласӧ – Оласӧ да вӧласӧ. Коми-пермяцкӧй сказкаэз, легендаэз, преданнӧэз, сказзэз, быличкаэз, висьгассэз. – Кудымкар, Пермское кн. изд-во, 1990. – Т. 1. – 368 с.

Парма асыв – Пармаын асыв. Бөрйөм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1974. – 336 л.б.

Парма шы – Пармалӧн шыӧз. Бөрйөм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1997. – 456 л.б.

Петров, М. П. Вуж Мултан / М. П. Петров. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 357 с.

Пгор – Парма гор. Литературно-художественнӧй гижӧд чукӧр. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 266 л. б.

Перевозчикова 1982 – Удмуртский фольклор. Загадки / Составитель Т. Г. Перевозчикова. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 256 с.

Перевозчикова 1987 – Удмуртский фольклор. Пословицы. Афоризмы. Поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 276 с.

Перем – Перем коми отирлӧн висътасьӧм [Электронный ресурс]. URL: <http://fulib.ru/books.php?action=viewKomiPermyakKiv>

Попов 1894 – Выддемь пермякъ-понда / Сост. Е. Попов. – Пермь, Типография Н-ков П. Ф. Каменского, 1894. – 15 с.

Попов 1904 – Выддемь коми отирь челядь понда. Азбука и первая книга для чтения в пермяцких школах / Сост. Е. Попов. – Казань: Типо-литография Импер. ун-та, 1904. – 154 с.

Проповедь 1915 – Нӧсколька проповѣдей на пермяцком языкѣ. – Казань: Центральная Типография, 1915. – 40 с.

Пушкинь, А. С. Сказка о рыбацѣ и рыбацѣ. На пермяцкомъ языкѣ / А. С. Пушкинь / Издание Священника Иакова Васильевича Шестакова. – Казань: Типо-литография Импер. ун-та, 1899. – 10 с.

РассказыВЗ 1900 – Рассказы из Священной истории Ветхого Завета // Рассказы из Священной истории Ветхого и Нового Завета. – Казань: Изд. свящ. Я. В. Шестакова: Типолит. Императ. ун-та, 1900. – С. 5–58.

РассказыНЗ 1900 – Рассказы из Священной истории Нового Завета // Рассказы из Священной истории Ветхого и Нового Завета. – Казань: Изд. свящ. Я. В. Шестакова: Типолит. Императ. ун-та, 1900. – С. 3–61.

Рочев, Я. Кык друг / Я. Рочев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1951. – 409 л. б.

СДКЯ – Словарь диалектов коми языка. Т. 2: Ö–Я / Сост. Безносикова Л. М., Забоева Н. К., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2014. – 888 с.

СИ – Священная История Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ / Изд-іе Прославнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 190 с.

Сорвачева В. А. Нижневычегодский диалект коми языка (диалектологические материалы, собранные в д. Коквицы Кожмудорского сельсовета Усть-

Вымского района в 1966 г.) / В. А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1966. – 241 с. (Архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 287).

СРНГ 1969 – Словарь русских народных говоров. Вып 4. В – Военки. – Ленинград: Наука; Ленингр. отд-е, 1968. – 357 с.

СРНГ 1977 – Словарь русских народных говоров. Вып 12. Зубрёха – Калумаги. – Ленинград: Наука; Ленингр. отд-е, 1977. – 369 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 489 с.

Стефан 1899 – Святой Стефан Великопермский. На пермяц. языке. – Казань: Тип. Императ. ун-та, 1899. – 45 с.

Тимин, В. Биармияса викинг / В. Тимин. – Сыктывкар, АУ РК «Редакция газеты «Эскём», 2012. – 240 л.б.

Торопов, И. Тян / И. Торопов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – 276 л.б.

Торопов, И. Арся сьыланкыв / И. Торопов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 168 л.б.

Торопов, И. Оштö эн лый кыкысь / И. Торопов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. – 352 л.б.

Торопов, И. Öтувтöм гижöдыяс. Т. 1. Висьтьяс, повесьтьяс, кывбурьяс / И. Торопов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. – 734 л.б.

УРС – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Москва: Русский язык, 1983. – 592 с.

Фадеев, Т. Ыбшар / Т. Фадеев. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1989. – 352 с.

Федосеев, С. Кусöм бизз / С. Федосеев. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1991. – 302 с.

Федосеев, С. Повны – не овны / С. Федосеев. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1989. – 300 с.

Федосеев, С. Сьöд цветтэз / С. Федосеев. – Кудымкар: Коми-пемяц. кн. изд-во, 1994. – 328 с.

Фольклор 2014 – Фольклор ижемских коми в ненецком автономном округе: сб. фольклор. Текстов / Сост. А. Н. Рассыхаев, В. М. Кудряшева. – Сыктывкар; Нарьян-Мар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 504 с.

Цембер, А. А. Коми мойдан кывъяс / А. А. Цембер. – Усть-Сысольск, 1913. – 43 с.

Чисталев, В. Т. Ния / В. Т. Чисталев – Сыктывкар: Кола, 2010. – 591 с.

Шергин, А. В. Мiжань Господьлöнь Иисусь Христослöнь святöй Евангелие Матфейсянь. Донвылö Россiйскöй Библейскöй Обществоось. – Санктпетербургъ: Типографiяынъ Ник. Гречьлöнь, 1823. – 92 л. б.

Щапов, П. В. Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцкомъ языкѣ / П. В. Щапов. – Казань, Центр. тип-я, 1909. – 78 с.

Юхнин, В. Алѳй лента / В. Юхнин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – 368 л. б.

Юхнин, В. Динъельса вѳрпункт / В. Юхнин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 176 л. б.

Юшков, Г. Рѳдвуж пас / Г. Юшков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 528 л. б.

Юшков, Г. Ловья лов / Г. Юшков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979а. – 528 л. б.

Юшков, Г. Чугра / Г. Юшков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 416 л. б.

Яшина, Р. Улон азинске / Р. Яшина. – Ижевск: Изд-во «Тодон», 1997. – 116 с.

Fokos-Fuchs, D. R. Syrjänisches Wörterbuch. I, II. / D. R. Fokos-Fuchs. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959. – 1654 S.

ST 2 – Uotila T. E. Syrjänische Texte. Bd. II. Komi-Syrjänisch: Izma-, Pecora- und Vym-Dialekte / T. E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P. Kokkonen. – Helsinki, 1986. – 141 S. (= MSFOu 193).

Wichmann, Y. Wotjakische Sprachproben / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1893. – I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. (= JSFOu 11).

ЛИТЕРАТУРА

Агранат, Т. Б. Западный диалект водского языка / Т. Б. Агранат. – Москва – Гронинген, 2007. – 195 с.

Алатырев, В. И. Падежи в удмуртском языке: Тез. к 1-й республ. языковой конф. / В. И. Алатырев. – Ижевск: Удмурт. госиздат, 1937. – 8 с. (на правах рукописи)

Алатырев, В. И. О школьной и научной классификации падежей в удмуртском языке / В. И. Алатырев // К вопросам удмуртского языка. К первой удмуртской республ. конф. – Ижевск: Удгиз, 1937а. – С. 16–32.

Алатырев, В. И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке (Расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине) / В. И. Алатырев / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970. – 74 с.

Алатырев, В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка / В. И. Алатырев // Удмурт-руч словарь = Удмуртско-русский словарь: Около 35000 слов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Москва: Русский язык, 1983. – С. 561–591.

Алашеева, А. А. Пространственные падежи северно-удмуртского наречия (на материале верхнечепецкого говора) / А. А. Алашеева // Пермистика [3]: Диалекты и история пермских языков: сб. ст. / РАН, УрО, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. – Сыктывкар, 1992. – С. 16–19.

Алвре, П. [Рецензия] / П. Алвре // СФУ. – 1986. – Т. XXII, № 2. – С. 154–157. – Рец. на: Беккер Э. Г. Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Томск, 1984. – 466 с.

Андуганов, Ю. В. Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. / Ю. В. Андуганов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – Ч. I: Введение. Субстантивные словосочетания. – 196 с.

Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

Аркадьев, П. М. Типология и диахрония: Наблюдения над падежным синкретизмом в славянских языках / П. М. Аркадьев // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – С. 210–223.

Аркадьев, П. М. Типология двухпадежных систем: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аркадьев Петр Михайлович; Институт славяноведения

РАН. – Москва, 2006. – 301 с. – Библиогр.: с. 263–299. – Место защиты: Российский гос. гуманитар. ун-т.

Аркадьев, П. М. Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония / П. М. Аркадьев // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. – 2014. – Сер. Филологические науки, № 4. – С. 21–46.

Архипов, А. В. Типология комитативных конструкций: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Архипов Александр Владимирович; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 190 с. – Библиогр.: с. 178–190. – Место защиты: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.

Архипов, Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I / Г. А. Архипов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 3–46.

Атаманов, М. Г. Морфологическая структура удмуртских микроэтнонимов / М. Г. Атаманов // СФУ. – 1978. – XIV (2). – С. 121–127.

Атаманов, М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера / М. Г. Атаманов – Эграпи. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 245, [2] с., [5] л. ил.; ил., нот.

Афанасьева, А. А. Карельская ойконимия -I-ового типа в контексте историко-культурной истории Сямозерья / А. А. Афанасьева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – № 2. – С. 6–18.

Баталова, Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – Москва: Наука, 1975. – 252 с.

Баталова, Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / Р. М. Баталова. – Москва: Наука, 1982. – 168 с.

Баталова, Р. М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков / Р. М. Баталова. – Москва, 1990. – 205 с.

Баталова, Р. М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка / Р. М. Баталова. – Москва–Гамбург, 1995. – 197 с.

Баталова, Р. М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: науч. докл., представ. в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Баталова Раиса Михайловна. – Москва, 1998. – 70 с.

Баталова, Р. М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка / Р. М. Баталова. – Москва–Гамбург, 2002. – 168 с.

Безенова, М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология / М. П. Безенова // Урало-алтайские исследования. – 2020. – 1 (36). – С. 53–70.

Бертагаев, Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках / Т. А. Бертагаев. – Москва: Наука, 1969. – 183 с.

Бирюк, О. Л., Усачева, М. Н. Конкуренция в зоне пролатива в языке бесермян: морфосинтаксические и дискурсивные аспекты / О. Л. Бирюк, М. Н. Усачева // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – Т. VI, Ч. 3. – С. 15–19.

Бирюк, О. Л., Усачева, М. Н. Дискурсивные факторы, влияющие на выбор между послеложной и послеложно-падежной формой в бесермянском диалекте удмуртского языка / О. Л. Бирюк, М. Н. Усачева // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. – Москва: Русские словари, 2012. – С. 607–646.

Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. – 204 с.

Бондарко, А. В. О структуре грамматических категорий / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 17–28.

Бубрих, Д. В. Грамматика литературного коми языка / Д. В. Бубрих. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. – 199 с.

Бубрих, Д. В. Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды / Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005. – 382 с. (Филологическое наследие).

Бушмакин, С. К. Выпадение и вставка звуков в диалектах удмуртского языка / С. К. Бушмакин // СФУ. – 1970. – Т. VI, № 2. – С. 101–111.

Бушмакин, С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: специальность 666 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бушмакин Семен Константинович; Удмуртский гос. педагогический ин-т им. 10-летия УАО. – Ижевск; Москва, 1971. – 397 с. + [Приложение] 350 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Вахрушев, В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка / В. М. Вахрушев // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1959. – Вып. 19. – С. 228–241.

Вахрушев, В. М. Изафетные конструкции в удмуртском языке / В. М. Вахрушев // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970. – Вып. 21. Филология. – С. 78–106.

Вахрушев, В. М. Субстантивные словосочетания в удмуртском языке / В. М. Вахрушев // Словосочетания в удмуртском языке (К 80-летию

проф. Петра Николаевича Перевощикова) / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1980. – С. 130–168.

Вахрушев, В. М. Субстантивные словосочетания: с зависимыми именами числительными и местоимениями / В. М. Вахрушев // Вопросы грамматики удмуртского языка: сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1984. – С. 67–78.

ВВД – Сорвачева, В. А., Сахарова, М. А., Гуляев, Е. С. Верхневытегодский диалект коми языка / В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966 – (Историко-филологический сборник, вып.10). – 256 с.

ВД – Жилина, Т. И. Вымский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – Сыктывкар: Пролог, 1998. – 439 с.

Верещагин, Г. Е. Руководство к изучению вотского языка / Г. Е. Верещагин. – Ижевск: Удкнига, 1924. – 120 с.

Вежбицка, А. Дело о поверхностном падеже / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика / Ред. Г. В. Булыгина. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 303–341.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – Москва: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.

Великорецкий, А. Д. Пространство в современных западногерманских и русском языках: опыт построения метаязыка / А. Д. Великорецкий // Исследования по теории грамматики / ред. В. А. Плуныян. – Москва: Русские словари, 2002. – Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – С. 8–34.

Вийтсо, Т.-Р. Ливский язык / Т.-Р. Вийтсо // Языки мира: Уральские языки. – Москва: Наука, 1993. – С. 76–90.

Володин, А. П. Падеж: форма и значение или значение и форма? / А. П. Володин // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. – Москва: Наука, 1974. – С. 261–291.

Володин, А. П. Безаккузативность как типологическая доминанта уральских языков (на материале финского) / А. П. Володин // Материалы Междунар. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов, посвящ. 75-летию кафедры финно-угорской филол. СПбГУ. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 28–37.

Всеволодова, М. В., Владимирский, Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – Москва: Русский язык, 1982. – 264 с.

ВСД – Жилина, Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка / Т. И. Жилина – Москва: Наука, 1975. – 268 с.

Галкин, И. С. Историческая грамматика марийского языка: учеб. пособие для студентов. Ч. I. Морфология / И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 204 с.

Галкин, И. С. О древнем значении латива на -n' в финно-угорских языках / И. С. Галкин // Вопросы марийского языка: Вопросы истории и диалектологии / Мар. НИИ при Сов. Мин. Мар. АССР. – Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1979. – С. 112–116.

Ганенков, Д. С. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива / Д. С. Ганенков // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – Москва: Русские словари, 2002. – С. 35–56.

Ганенков, Д. С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ганенков Дмитрий Сергеевич; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 278 с. – Место защиты: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.

Ганенков, Д. С., Майсак, Т. А., Мерданова, С. Р. Пространственные и непространственные значения локализации APUD «возле ориентира» в агульском языке / Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова // Гора языков... и еще один: К 100-летию Евгения Алексеевича Бокарева. Сб. ст. / Отв. ред. М. Е. Алексеев. – Москва, 2006. – С. 27–61.]

Ганиев, Ф. А. О синтетических и аналитических падежах в татарском языке / Ф. А. Ганиев // Вопросы тюркологии. – Казань, 1970. – С. 74–84.

Гиро-Вебер, М. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке / М. Гиро-Вебер // Теория функциональной грамматики. Поссесивность. Бытийность. Обусловленность. – Москва–Ленинград: Наука, 1996. – С. 65–78.

Глезденев, П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт / П. П. Глезденев. – Вятка: Изд. Вят. губерн. отд-ния Госиздата, 1921. – 55 с.

ГМЯ – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология: Учебник для нац. отд-ний вузов / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск: Морд. гос. ун-т, 1980. – 430 с.

Грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. I: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – Москва: Наука, 1980. – 783 с.

Гращенков, П. В. Типология поссесивных конструкций / П. В. Гращенков // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 25–54.

Грузов, Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении / Л. П. Грузов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. – 244 с.

ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка. – Москва: Наука, 1981. – 496 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 250 с.

Гуляев, Е. С. Функции исходного падежа в коми языке / Е. С. Гуляев // Историко-филологический сборник / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. – Вып. 4. – С. 197–212.

Гуляев, Е. С. Происхождение падежей с элементом съ в коми языке / Е. С. Гуляев // Историко-филологический сборник / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. – Вып. 5. – С. 131–160.

Гуляев Е. С. С'-овые падежные суффиксы в коми языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гуляев Евгений Семенович; Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1961. – 276 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

ГФЯ – Грамматика финского языка. Фонетика и морфология / Ред. кол.: Б. А. Серебренников, Г. М. Керт. – Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – 296 с.

Данилов, В. Элатив и его функции в мордовских и прибалтийско-финских языках / В. Данилов // *Fenno-Ugristica 1*: Труды по финно-угроведению / Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1975. – Вып. 344. – С. 72–88.

Данилов, В. Общие функции инессива в мордовских и прибалтийско-финских языках / В. Данилов // СФУ. – 1973. – Т. IX, № 3. – С. 185–194.

Даниэль, М. Л. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез / М. Л. Даниэль // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. – Москва: Гнозис, 2008. – С. 439–466.

Дмитриева, Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): специальность 10.02.07 «Финно-угорские и самодийские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дмитриева Римма Павловна; Сыктывкарский гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 1998. – 195 с. – Место защиты: Марийский гос. ун-т.

Дубровина, З. М., Лудыкова, В. М. Некоторые черты исконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (м-овый инфинитив) / З. М. Дубровина, В. М. Лудыкова // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – Москва: Наука, 1990. – Т. 2. – С. 60–65.

Едыгарова, С. В. Категория посессивности в удмуртском языке / С. В. Едыгарова. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. – 290 с.

Емельянов, А. И. Грамматика вотяцкого языка / А. И. Емельянов. – Ленинград: Изд-во Ленингр. восточн. ин-та, 1927. – 160 с.

Ермушкин, Г. И. Типологическая эволюция системы местных падежей в истории мордовских языков / Г. И. Ермушкин // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – Москва: Наука, 1978. – С. 155–265.

Ермушкин, Г. И. Среднетешский диалект эрзя-мордовского языка / Г. И. Ермушкин. – Москва–Гронинген, 2004. – 212 с.

Ефремов, Д. А. Удмурт кыльсь каронкыллэн управленийз сярсь / Д. А. Ефремов // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2009. – Вып. 1. – С. 43–54.

Ефремов, Д. А. О послеложном управлении в удмуртском языке / Д. А. Ефремов // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2013. – Вып. 2. – С. 8–15.

Жуйков, С. П. Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 года обучения / С. П. Жуйков. – Ижевск: Удм. гос. изд-во, 1933. – 117 с.

Забоева, Н. К. Употребление сравнительного падежа в коми языках / Н. К. Забоева // Коми слово в грамматике и словаре / Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2000. – Вып. 62. – С. 15–23.

Загуляева, Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Загуляева Бибинур Шараповна; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1980. – 174 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Загуляева, Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка / Б. Ш. Загуляева // Fenno-Ugristica 6: Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков / Труды по финно-угроведению / Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1980а. – Вып. 517. – С. 103–110.

Зайка, Н. М. Кодирование посессивного источника в языках Европы / Н. М. Зайка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – Т. 16 (3). – С. 420–443.

Зайков, П. М. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология) / П. М. Зайков. – Петрозаводск: Периодика, 1999. – 120 с.

Зайцева, М. И. Грамматика вепсского языка (Фонетика и морфология) / М. И. Зайцева. – Москва: Наука, 1981а. – 360 с.

Зайцева, Н. Г. Именное словоизменение в вепсском языке (История и функционирование форм слова) / Н. Г. Зайцева. – Петрозаводск: Карелия, 1981б. – 218 с.

Закиев, М. З. О некоторых синтаксических моделях в алтайских и уральских языках / М. З. Закиев // Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания; Учен. записки Башкир. гос. ун-та. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1970. – Вып. 42. Сер. Филологических наук. – С. 23–31.

Зализняк, А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях / А. А. Зализняк // Проблемы грамматического моделирования: сб. ст. – Москва: Наука, 1973. – С. 53–87.

Зализняк, А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.

Золотова, Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва: Едиториал, 2006. – 440 с.

Зорина, О. В. История и современное состояние падежной системы горномарийского языка: специальность 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зорина Оксана Витальевна; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2002. – 22 с. – Место защиты: Марийский гос. ун-т.

Зубов, А. Основы грамматики пермяцкого наречия языка коми / А. Зубов. – Москва: Центриздат, 1931. – 68 с.

Иванов, А. И. Склонение и его роль в чувашском языке / А. И. Иванов // Ученые записки / Чуваш. науч.-исслед. ин-т. – Чебоксары, 1967. – Вып. 34: Филология. – С. 67–99.

Иванов, И. Г., Тужаров, Г. М. Северо-западное наречие марийского языка / И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. – 216 с.

Игушев, Е. А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Игушев Евгений Александрович; Коми филиал АН СССР. – Тарту, 1973. – 18 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Игушев, Е. А. Сопоставительная грамматика коми и русского языков: учеб. пособие по спецкурсу / Е. А. Игушев. – Сыктывкар: Изд-во Перм. ун-та, 1988. – 65 с.

Игушев, Е. А. Стилистика морфологических категорий коми языка: специальность 10.02.07 «Финно-угорские и самодийские языки»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Игушев Евгений Александрович; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1990. – 320 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Игушев, Е. А. Нима кывсикасьяслӧн стилистика: велӧдчан небӧг / Е. А. Игушев. – Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 1998. – 55 с.

Игушев, Е. А. Перым кывъяслӧн ӧткодялан грамматика (Сравнительная грамматика пермских языков): учеб. пособие / Е. А. Игушев. – Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2000. – 71 с.

ИД – Сахарова, М. А., Сельков, Н. Н. Ижемский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.

Иевлева, Т. М. Синтаксис глагола в коми языке (связь глагола с подлежащим и дополнением): специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иевлева Татьяна Михайловна; Ин-т языкознания АН СССР. – Москва, 1984. – 17 с. – Место защиты: Ин-т языкознания АН СССР.

Исанбаев, Н. И. Деепричастия в марийском языке / Н. И. Исанбаев. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1961. – 152 с.

Исанбаев, Н. И. Влияние татарского языка на падежную систему восточномарийских говоров / Н. И. Исанбаев // СФУ. – 1978. – Т. XIV, № 3. – С. 172–177.

Иткин, И. Б. Выражение пространственно-временных отношений в именных словоформах и проблема «послеложных формантов» (на материале корвалского диалекта вепского языка) / И. Б. Иткин // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – Москва: Русские словари, 2002. – С. 167–182.

Каракулова, М. К., Каракулов, Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учеб. пособие / М. К. Каракулова, Б. И. Каракулов. – Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2000. – 92 с.

Каракулова, М. К., Каракулов, Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / М. К. Каракулова, Б. И. Каракулов. – Ижевск: Издательский дом «Удм. ун-т», 2001. – 226 с.

Карлова, О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: специальность 10.02.22. «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Карлова Ольга Леонидовна; Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 2004. – 22 с. – Место защиты: Петрозаводский гос. ун-т.

Карманова, М. В. Ина кывбӧръяс перым-коми кывӱын / М. В. Карманова // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания / Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2012. – Вып. 69. – С. 67–75.

Карманова, А. Н., Коснырева, Р. И., Кренделева, Т. В. Коми орфография кывкуд / А. Н. Карманова, Р. И. Коснырева, Т. В. Кренделева. – Сыктывкар: ООО «Изд-во» Кола», 2008. – 352 с.

Карпова, Л. [Л.] Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка / Л. [Л.] Карпова. – Тарту, 1997. – 224 с.

Карпова, Л. Л. Особенности употребления падежных форм в северно-удмуртских диалектах / Л. Л. Карпова // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы III междунар. науч.-практ. конф. – Кудымкар: Алекс-Принт, 2007. – С. 72–77.

Карпова, Л. Л. Особенности функционирования падежей в северных диалектах удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2011. – № 4. – С. 231–236.

Карпова, Л. Л. Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Вестник удмуртского ун-та. Сер. 5: История и филология. – 2016. – Т. 26, № 3. – С. 107–114.

Карпова, Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Карпова Людмила Леонидовна; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2018. – 564 с. – Место защиты: Удмуртский гос. ун-т.

Карпова, Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. / Л. Л. Карпова. – Ижевск: МарШак, 2020. – 563 с.

Карпова, Л. Л., Кондратьева, Н. В. Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты / Л. Л. Карпова, Н. В. Кондратьева // Финно-угорский мир. – 2014. – № 3 (20). – С. 24–31.

Касаткин, Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л. Л. Касаткин. – Москва: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. – 528 с.

Кельмаков, В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: специальность 666 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кельмаков Валей Кельмакович; Ин-т языкознания АН СССР. – Москва, 1969. – XXX + 475 с. + Приложение. + 175 с. – Место защиты: Ин-т языкознания АН СССР.

Кельмаков, В. К. Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка / В. К. Кельмаков // Советская тюркология. – 1974. – № 3. – С. 53–60.

Кельмаков, В. К. Развитие фонетической системы языка в условиях иноязычного окружения (татарское влияние на удмуртские диалекты) / В. К. Кельмаков // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum,

Tallinnae habitus, 17–23.VIII.1970. – Tallinn, 1975. – P. 1. Acta linguistica. – С. 547–549.

Кельмаков, В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I / В. К. Кельмаков // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1977. – С. 26–61.

Кельмаков, В. К. Фонетическое варьирование слов в удмуртском языке. I: Варьирование гласных непервых слогов / В. К. Кельмаков // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики: сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1983. – С. 50–61.

Кельмаков, В. К. К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян / В. К. Кельмаков // Вопросы диалектологии тюркских языков / АН СССР, Башкир. фил., Ин-т истории, яз. и лит. – Уфа, 1985. – С. 114–122.

Кельмаков, В. К. К вопросу о праудмуртской системе согласных / В. К. Кельмаков // СФУ. – 1985а. – Т. XXI, № 4. – С. 272–280.

Кельмаков, В. К. Роль отпадения конечных гласных основы в развитии фонетического строя пермских языков / В. К. Кельмаков // Фонетика и письмо: межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т. – Устинов, 1986. – С. 116–128.

Кельмаков, В. К. Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах / В. К. Кельмаков // СФУ. – 1987. – Т. XXIII, № 1. – С. 34–44.

Кельмаков, В. К. Взаимодействие факторов различных уровней в истории пермских языков / В. К. Кельмаков // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Debrecen 27.08–2.09.1990.* – Debrecen, 1990. – 1. A. Sessiones plenarios dissertationes. – С. 105–124.

Кельмаков, В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представ. в качестве диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. К. Кельмаков. – Москва, 1993. – 57 с.

Кельмаков, В. К. Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке / В. К. Кельмаков // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä, 10–15.08.1995.* – *Jyväskylä, 1996.* – P. III. Sessiones sectionum. Phonologia & Morphologia. – С. 131–134.

Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Кельмаков, В. К. К вопросу о типах склонения имен существительных в пермских языках / В. К. Кельмаков // *Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. ст. / Удм. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкознания.* – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2000. – С. 73–87.

Кельмаков, В. К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте / В. К. Кельмаков; Удм. гос. ун-т, РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. – Препр. – Ижевск, 2000а. – 72 с. (Сер. препринтов; № 4).

Кельмаков, В. К. Очерки истории удмуртского языкознания / В. К. Кельмаков; Удм. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. – 232 с.

Кельмаков, В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания: хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка». Ч. 1. Удмуртские говоры / В. К. Кельмаков; Удм. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. – 445 с.

Кельмаков, В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка / В. К. Кельмаков; Удм. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкознания. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2003. – Ч. 1. – 276 с.

Кельмаков, В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка / В. К. Кельмаков; Удм. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкознания. – Ижевск: Удм. ун-т, 2004. – Ч. 2. – 395 с.

Кельмаков, В. К. Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания / Труды Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / В. К. Кельмаков. – Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 2005. – Вып. 2. – 183 с.

Кельмаков, В. К. Фонетический субстрат в преобразовании некоторых падежных формантов в пермских языках / В. К. Кельмаков // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Кудымкар: Алекс-Принт, 2005а. – С. 182–186.

Кельмаков, В. К. Miscellanea о послелогох / В. К. Кельмаков // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Междунар. симпозиума, Саранск, 13–15 июня 2013 г. – Саранск, 2014. – С. 9–21.

Керт, Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис / Г. М. Керт. – Ленинград: Наука, 1971 – 356 с.

Керт, Г. М. Саамский язык / Г. М. Керт // Языки мира: Уральские языки. – Москва: Наука, 1993. – С. 134–148.

Кибрик, А. Е. К типологии пространственных значений / А. Е. Кибрик // Язык и человек. – Москва: Изд-во МГУ, 1970. – С. 110–156.

Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 720 с.

Кибрик, А. Е., Брыкина, М. М., Леонтьев, А. П., Хитров, А. Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования / А. Е. Кибрик, М. М. Брыкина, А. П. Леонтьев, А. Н. Хитров // Вопросы языкознания. – 2006. – № 1. – С. 16–45.

Клобуков, Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. (Введение в методику позиционного анализа) / Е. В. Клобуков. – Москва: Изд-во МГУ, 1986. – 117 с.

Князев, С. В. Русская диалектная фонетика: учеб. пособие / С. В. Князев. – Москва, 2008. – 42 с. – URL: http://www.philol.msu.ru/~ruslang/data/pdf/_dianwo.pdf (дата обращения: 07.10.2019).

Князев, Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

Коведяева, Е. И. Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка / Е. И. Коведяева // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – Москва: Наука, 1978. – С. 49–154.

Козлов, Ф. Зырянская грамматика [Рукопись] / Ф. Козлова. – [Б. м. : б. и.]. 1808. – 44 с. – URL: <https://neb.nbrkomi.ru/docs/common/RU+NBRKOMIBIBL0000018450> (дата обращения: 05.12.2018).

Кондратьева, Н. В. Употребление аккузатива для выражения дуративных отношений / Н. В. Кондратьева // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т, Каф. коми и финно-угор. языкознания. – Сыктывкар, 2001. – С. 138–140.

Кондратьева, Н. В. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кондратьева Наталья Владимировна; Удмуртским гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – 22 с. – Место защиты: Удмуртским гос. ун-т.

Кондратьева, Н. В. Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта) / Н. В. Кондратьева. – Ижевск: Удм. ун-т, 2010. – 249 с.

Кондратьева, Н. В. Семантическая структура родительного падежа в современном удмуртском языке / Н. В. Кондратьева // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия. Гуманитарные науки. – 2010а. – № 4. – С. 129–132.

Кондратьева, Н. В. Способы передачи семантических значений удмуртского инструментального падежа на финский язык / Н. В. Кондратьева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010б. – № 7. – С. 78–81.

Кондратьева, Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке / Н. В. Кондратьева. – Ижевск: Удм. ун-т, 2011. – 154 с.

Кондратьева, Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке / Н. В. Кондратьева. – Ижевск: Удм. ун-т, 2011а. – 255 с.

Кондратьева, Н. В. К вопросу о явлении двупадежности в современном удмуртском языке / Н. В. Кондратьева // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2011б. – № 2. – С. 111–117.

Кондратьева, Н. В. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа): специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кондратьева Наталья Владимировна; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2011в. – 540 с. – Место защиты: Удмуртский гос. ун-т.

Конева, С. Г. Значения инессива в удмуртском языке / С. Г. Конева // Пермистика 5: сб. ст. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. – С. 128–132.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для вузов. – Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1962. – 340 с.

Кривощекоев, Е. В. К проблеме двойных падежей в языках разных систем / Е. В. Кривощекоев // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2015. – № 5 (100) – С. 139–145.

Кривощекоева-Гантман, А. С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка / А. С. Кривощекоева-Гантман // Баталова Р. М., Кривощекоева-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. – Москва: Русский язык, 1985. – С. 596–621.

Кросс, К. Я. Инструктив в прибалтийско-финских языках: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кросс Кристина Яановна; Ин-т языка и литературы Эстонской АН. – Таллин, 1983. – 207 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Крысько, В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность / В. Б. Крысько. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд. центр «Азбуковник», 2006. – 485, [1] с.

Кудаев, С. П. Лексико-грамматическая семантика генитива / С. П. Кудаев // Проблемы мордовско-русского билингвизма / Труды НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Морд. АССР. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1985. – Вып.81. – С. 67–77.

Кудаев, С. П. Синтаксическая дистрибуция генитива имени существительного в мордовских литературных языках: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кудаев Сергей Павлович; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1987. – 17 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Кузнецов, Н. Сетевая модель пространственных значений аппроксиматива коми языка / Н. Кузнецов // В. И. Лыткин: грани наследия: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 115-летию выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина (Сыктывкар, 25–26 ноября 2010 г.). – Сыктывкар, 2010. – С. 184–187.

Кузнецов, Н. Периферийные употребления аппроксиматива в коми языке / Н. Кузнецов // LU. – 2011. – Т. 47, № 3. – С. 191–198.

Кузнецов, Н. Местные падежи коми языка в когнитивном аспекте (на примере пространственных значений аппроксиматива) / Н. Кузнецов // Congressus Decimus Internationalis Fenno-ugristarum Piliscsaba, 9–14. VIII.2010. – Piliscsaba, 2011a. – P. V. Dissertationes sectionum et symposiorum ad linguisticam. – С. 215–221.

Кузнецов, Н. В. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ) / Н. В. Кузнецов. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012. – 244 с.

Кузнецов, Н. Некоторые периферийные пространственные значения внутриместных падежей коми языка / Н. В. Кузнецов // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов (Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.). – Петрозаводск, 2014. – С. 195–198.

Кузнецова, З. И. Язык письменных коми памятников XVIII в.: специальность 666 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кузнецова Зинаида Ивановна; Марийский гос. педагогический ин-т им. Н. К. Крупской; Ин-т языкознания АН СССР. – Йошкар-Ола, 1967. – 272 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Кузнецова, З. И. Язык письменных коми памятников XVIII в.: специальность 666 «Финно-угорские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кузнецова Зинаида Ивановна; Марийский гос. педагогический ин-т им. Н. К. Крупской; Ин-т языкознания АН СССР. – Йошкар-Ола, 1968. – 24 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Куратов, И. А. Лингвистические работы / И. А. Куратов. – Сыктывкар: Коми Госиздат, 1939. – 137 с.

Курилович, Е. Проблема классификации падежей / Е. Курилович // Е. Курилович Очерки по лингвистике: сб. статей. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 175–203.

Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

КЭСК – Лыткин, В. И., Гуляев, Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Москва: Наука, 1970. – 386 с.

КЯД – Лыткин, В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – 228 с.

Лаанест, А. Субстантивный атрибут в прибалтийско-финских языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лаанест Арво; Академия наук Эст. ССР, Ин-т языка и литературы. – Таллин, 1959. – 32 с.

Лаврентьев, А. М. Категория падежа и лингвистическая типология: на материале русского языка / А. М. Лаврентьев. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. – 216 с.

Лаврентьев Г. И. Прямой и косвенные падежи с нулевой флексией: миф или реальность / Г. И. Лаврентьев // Проблемы марийской и финно-угорской филологии: сб. ст. / ГОУ ВПО «МГПИ им. Н. К. Крупской». Кафедра марийского языка и литературы. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 44–53.

Ландер, Ю. А., Выдрин А. П. Неканоническое маркирование субъекта ситуации в языках Северного Кавказа: модальные конструкции / Ю. А. Ландер, А. П. Выдрин // Эргатив и эргативная конструкция в иберийско-кавказских языках. URL: http://ossetic-studies.org/biblio/10-modal_non-canonical.pdf (дата обращения: 07.10.2019).

Леонтьев, А. П. Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором: специальность 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Леонтьев Алексей Петрович; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2008. – 22 с. – Место защиты: Ин-т языкознания РАН.

ЛЛД – Жилина, Т. И. Лузско-летский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – Москва: Наука, 1985. – 272 с.

Лобанова, А. С. Кочёвский диалект коми-пермяцкого языка: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лобанова Алевтина Степановна; Ин-т языкознания РАН. – Москва, 1993. – 26 с. – Место защиты: Ин-т языкознания РАН.

Ломтев, Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. – Москва: Изд-во МГУ, 1956. – 596 с.

Лудыкова, В. М. Предикативное прилагательное в коми языке / В. М. Лудыкова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. – 144 с.

Лудыкова, В. М. Синтаксис имени прилагательного в коми языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: автореферат диссертации на соискание

ученой степени доктора филологических наук / Лудыкова Валентина Матвеевна; Сыктывкарский гос. ун-т. – Ижевск. 2006. – 50 с. – Место защиты: Удмуртский гос. ун-т.

Лудыкова, В. М. Имя прилагательное в синтаксисе агглютинативных языков: функционально-коммуникативный аспект / В. М. Лудыкова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010. – 294 с.

Лудыкова, В. М. Глагол в предложении коми языка / В. М. Лудыкова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2012. – 219 с.

Луутонен, Й. Вариация в порядке флективных суффиксов марийского языка / Й. Луутонен // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum, Jyväskylä, 10.–15.08.1995. – Jyväskylä, 1996. – P. III. Sessiones sectionum. Phonologia & Morphologia. – С. 153–157.

Лыскова, Н. А. Семантика падежа в обско-угорских языках / Н. А. Лыскова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2003. – 248 с.

Лыткин, В. И. Коми грамматика / В. И. Лыткин. – Москва: Центр. изд. народов СССР, 1929. – Ч. II. – 72 с.

Лыткин, В. И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь / В. И. Лыткин; АН СССР. Ин-т языкозн. – Москва: Изд-во АН СССР, 1952. – 174 с.

Лыткин, В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем / В. И. Лыткин. – Москва: Изд-во АН СССР, 1955. – 128 с.

Лыткин, В. И. Историческая грамматика коми языка. Введение. Фонетика / В. И. Лыткин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – Ч. I. – 135 с.

Лыткин, В. И. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах / В. И. Лыткин // Прибалтийско-финское языкознание: Тр. Карельского филиала АН СССР. – Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 39. – С. 3–11.

Лыткин, В. И. Исторический вокализм пермских языков / В. И. Лыткин. – Москва: Наука, 1964. – 270 с. + карт.

Лыткин, В. И. К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках / В. И. Лыткин // СФУ. – 1968. – Т. IV, № 1. – С. 19–25.

Лыткин, В. И. О вокализме непервого слога финно-угорских языков / В. И. Лыткин // СФУ. – 1970. – Т. VI, № 3. – С. 221–238.

Лыткин, В. И. [Рецензия] / В. И. Лыткин // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 139–141. – **Рец. на: Symposium über Syntax der uralischen Sprachen** 15.–18. Juli 1969 in Reinhausen bei Göttingen. Am Auflage von W. Schlachter. – Göttingen, 1970. – 230 S.

Лыткин, В. И. Спорадическая лабиализация гласных второго слога слов пермских языков / В. И. Лыткин // Commentationes fenno-ugricae in ho-

norem Erkki Itkonen. – Helsinki: Societe Finno- Ougrienne, 1973. – S. 203–210 (= MSFOu 150).

Лыткин, В. И. О вокализме непервого слога финно-угорских языков / В. И. Лыткин // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinae habitus*, 17–23.VIII.1970. – Tallinn: Valgus, 1975. – P. 1. Acta linguistica. – С. 41–58.

Лыткин, В. И. Историческая морфология коми языка: учеб. пособие / В. И. Лыткин. – Пермь – Сыктывкар: Изд-во Пермского ун-та, 1977. – 86 с.

Лыткин, В. И. Коми кывлӧн историческӧй морфология / В. И. Лыткин. – Сыктывкар, 1995. – 102 с.

Лыткин, В. И., Тепляшина Т. И. Некоторые особенности глазовского диалекта / В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина // Записки; Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1959. – Вып. 19. – С. 218–227.

Любимов, Ф. Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка. С примеч. акад. А. И. Шёгрена / Ф. Любимов. – Пермь, 2007. URL: www.studmed.ru/lyubimov-f-kratkie-grammaticheskie-pravila-prinadlezhaschie-k-znaniyu-permyackogo-yazyka_48c0809281c.html (дата обращения: 07.12.2018).

Люкина, Н. М. Особенности языка бalezинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика): специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Люкина Надежда Михайловна; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2008. – 25 с. – Место защиты: Удмуртский гос. ун-т.

Люкина, Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян / Н. М. Люкина. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – 200 с.

Лютикова, Е. А. Формальные модели падежа: теории и приложения / Е. А. Лютикова. – Москва: Языки славянских культур, 2017. – 383 с.

Ляшев, В. А. Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ляшев Владимир Александрович; Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1977. – 267 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Майтинская, К. Е. Развитие системы падежей в венгерском языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Майтинская Клара Евгеньевна; Военный институт иностранных языков. – Москва, 1950. – 554 с. – Место защиты: Институт языка и мышления АН СССР.

Майтинская, К. Е. К вопросу о категории падежа (На материале финно-угорских языков) / К. Е. Майтинская // Вопросы грамматического строя. – Москва: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 226–249.

Майтинская, К. Е. Венгерский язык / К. Е. Майтинская. – Москва: Изд-во АН СССР, 1955а. – Ч. I: Введение. Фонетика. Морфология. – 304 с.

Майтинская, К. Е. Венгерский язык / К. Е. Майтинская. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – Ч. III: Синтаксис. – 376 с.

Майтинская, К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / К. Е. Майтинская. – Москва: Наука, 1979. – 263 с.

Майтинская, К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К. Е. Майтинская. – Москва: Наука, 1982. – 186 с.

Майшев, И. И. Грамматика коми-пермяцкого языка / И. И. Майшев. – Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. – 83 с.

Максимов, С. А. Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: специальность 10.02.07 «Финно-угорские и самодийские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Максимов Сергей Анатольевич; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 1999. – 177 с. – Место защиты: Удмуртский гос. ун-т.

Максимов, С. А. О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке / С. А. Максимов // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкознания. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999а. – С. 193–208.

Максимов, С. А. Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования / С. А. Максимов // Урало-алтайские исследования. – 2018. – № 1 (28). – С. 33–48.

Максимов, С. А. Северноудмуртско-коми ареальные параллели: лексика, фонетика, морфология / С. А. Максимов / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: Изд-во «Шелест», 2018а. – 336 с.

Маркус, Е. Б. О статусе комитатива и терминатива в водском языке / Е. Б. Маркус // Конференция по уральским языкам, посвящ. 100-летию К. Е. Майтинской. Тезисы. – Москва, 2007. – С. 155–162.

Маркус, Е. Б. Водский язык: к проблеме построения морфонологического описания (на примере именных парадигм кракольского говора) / Е. Б. Маркус // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 38–49.

Маслов, Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

Мельчук, И. А. К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений / И. А. Мельчук // Фонетика. Фонология. Грам-

матика: К семидесятилетию А. А. Реформатского. – Москва: Наука, 1971. – С. 211–220.

Мельчук, И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук. – Москва: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1997. – Т. I. Введение, Ч. 1: Слово. – 416 с.

Мельчук, И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук. – Москва: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. – Т. II, Ч. 2: Морфологические значения. – 544 с.

Микушев, Р. А. Система побудительных средств в коми языке: специальность 10.02.07 «Финно-угорские и самодийские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук» / Микушев Роман Анатольевич; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 1992. – 181 с. – Место защиты: Марийский гос. ун-т.

Михайлов, Н. Творительный падеж в русском языке XVIII века / Н. Михайлов. – Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2012. – 296 с.

Михайлов, П. Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка / П. Михайлов. – Архангельск: Губернская типография, 1873. – 83 с., 75 с.

Могилин 1786 – Могилинь, М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие). – Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Мосина, Н. М. Система глубинных падежей в эрзянском языке / Н. М. Мосина. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. – 222 с.

Мосина, Н. М. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Мосина Наталья Михайловна; ФГБОУ ВПО «Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева». – Саранск, 2014. – 44 с. – Место защиты: ФГБОУ ВПО «Мордовский гос. ун-т имени Н. П. Огарева».

Муравьева, И. А. О трактовке неоформленного имени в тюркских языках / И. А. Муравьева // **Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные аспекты грамматики.** – Москва: Гнозис, 2008. – С. 321–421.

Мызников, С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / С. А. Мызников. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 492 с.

Мызников, С. А. О лексике коми происхождения в севернорусских говорах / С. А. Мызников // **Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования.** – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – С. 298–302.

Мызников, С. А. Историческая география в этимологических исследованиях (коми лексика в славяно-русском контексте) / С. А. Мызников // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 175–182.

Мырина, Д. Ф. Категория падежа в диалектах хантыйского языка (сопоставительный аспект): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мырина Дина Федоровна; Томский гос. педагогический ун-т. – Томск, 2006. – 26 с. – Место защиты: Томский гос. педагогический ун-т.

Насибуллин, Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Насибуллин Риф Шаркисламович; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва, 1972. – 202 + [Приложение] 339 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Насибуллин, Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Насибуллин Риф Шаркисламович; АН СССР, Ин-т языкознания. – Тарту, 1973. – 22 с. Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Насибуллин, Р. Ш. О некоторых особенностях вокализма канлинского говора / Р. Ш. Насибуллин // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1977. – С. 62–84.

Насибуллин, Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов / Р. Ш. Насибуллин // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1978. – С. 86–151.

Насибуллин, Р. Ш. Диалекты Закамья и Урала I / Р. Ш. Насибуллин // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1981. – С. 149–180.

Насибуллин, Р. Ш. О некоторых аналитических формах глагола в удмуртском языке / Р. Ш. Насибуллин // Вопросы грамматики удмуртского языка. – Ижевск, 1984. – С. 38–44.

НВД – Сорвачева, В. А. Нижневычегодский диалект коми языка / В. А. Сорвачева. – Москва: Наука, 1978. – 227 с.

Некрасова, Г. А. О падежах на -лань(-) в коми языке / Г. А. Некрасова // Fenno-Ugristica 12: Труды по финно-угроведению. Пауль Аристе и его

деятельность / Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, Вып. 690. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 147–154.

Некрасова, Г. К истории изучения *l*-овых падежей в коми языке / Г. А. Некрасова // *Fenno-Ugristica 13: Труды по финно-угроведению. Финно-угроведческая школа П. Аристе и ее связи* / Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 728. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1986. – С. 105–116.

Некрасова, Г. А. Место конзекутива в реляционном поле финальности/каузальности коми языка / Г. А. Некрасова // *СФУ*. – 1986а. – № 2. – С. 122–127.

Некрасова, Г. А. *Л*-овые падежи в коми языке: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Некрасова Галина Александровна; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1987. – 243 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Некрасова, Г. А. Функциональная модель местных падежей коми языка / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 1989. – 12 с. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 210.

Некрасова, Г. А. К проблеме возникновения вторичных падежных суффиксов в современном коми языке / Г. А. Некрасова // *Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов / АН СССР, УрО, КНЦ, Ин-т яз., лит. и истории*. – Москва: Наука, 1990. – Т. 2: Языкознание. – С. 138–140.

Некрасова, Г. А. Функциональное развитие присубстантивного генитива в финно-пермских языках / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 1995. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 363. – 24 с.

Некрасова, Г. А. Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 1997. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 388. – 40 с.

Некрасова, Г. А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2000. – 168 с.

Некрасова, Г. А. Коми кывйӧн кык вежлӧг формалӧн ӧттшӧтш паньдасьлӧм / Г. А. Некрасова // *Коми слово в грамматике и в словаре: Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН*. – Сыктывкар, 2000а. – Вып. 62. – С. 30–41.

Некрасова, Г. А. Грамматический плеоназм в коми языке / Г. А. Некрасова // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Tartu, 7.–13.8.2000*. – Tartu, 2001a. – Pars V. Dissertationas sectionum: Linguistica II. – S. 431–435.

Некрасова, Г. А. Система *l*-овых падежей в пермских языках. Происхождение и семантика / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2002. – 168 с.

Некрасова, Г. А. Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2004. – 118 с.

Некрасова, Г. А. Взаимосвязь падежа и числа в системе субстантивного склонения в пермских языках / Г. А. Некрасова // *Вестник Югорского гос. ун-та*. – Ханты-Мансийск, 2006. – № 2. – С. 87–91.

Некрасова, Г. А. Типология выражения объектно-целевых отношений (на материале финно-угорских и русского языков) / Г. А. Некрасова // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов. 15.08–21.08.2005, Йошкар-Ола. – Йошкар-Ола, 2008. – Лингвистика. Ч. V. – С. 130–137.

Некрасова, Г. А. К вопросу о лингвистической терминологии в финно-угорских языках (на основе анализа названий падежей) / Г. А. Некрасова // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2009. – № 3 (65). – С. 100–108.

Некрасова, Г. А. Семантическая структура пролатива в пермских языках / Г. А. Некрасова // Динамические процессы в системах пермских языков / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2011. – Вып. 68. – С. 42–51.

Некрасова, Г. А. Семантика падежа: проблемы интерпретации (на материале коми диалектов) / Г. А. Некрасова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4 (33). – С. 125–129.

Некрасова, Г. А. Приблизительно-местный, приблизительный инессив или жилищно-местный? (о названиях падежей послеложного образования удмуртского языка) / Г. А. Некрасова // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 2012а. – № 1. – С. 3–10.

Некрасова, Г. А. Взаимодействие категорий падежа и посессивности в системе субстантивного склонения пермских языков / Г. А. Некрасова // Пути развития пермских языков: история и современность / Труды ИЯЛИ Коми НЦ. – Сыктывкар, 2014. – Вып. 73. – С. 100–122.

Некрасова, Г. А. Конкуренция иллатива и послелогов в коми-пермяцком языке / Г. А. Некрасова // Известия Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2015. – № 1. – С. 95–100.

Некрасова, Г. А. Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных источников) / Г. А. Некрасова // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2016. – Т. 10. Вып. 3. – С. 7–16.

Некрасова, Г. А. Периферийные языковые единицы в коми-пермяцком языке / Г. А. Некрасова // Вестник угроведения. – Ханты-Мансийск, 2016а. – № 1 (24). – С. 44–49.

Некрасова, Г. [А.] Вариативность оформления актанта глагола ‘бояться’ в коми-пермяцком языке / Г. А. Некрасова // LU. – 2016б. – Т. 52, № 2. – С. 103–110.

Некрасова, Г. [А.] Эллиптические конструкции и двойное падежное маркирование в удмуртском языке / Г. А. Некрасова // LU. – 2018. – Т. 54, № 4. – С. 286–295.

Некрасова, Г. А., Сергеева, Е. Н. Маркирование актантов двухместных предикатов в кудымкарско-иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка / Г. А. Некрасова, Е. Н. Сергеева // Валентностные классы двухмест-

ных предикатов в разноструктурных языках / Отв. ред. С. С. Сай. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2018. – С. 354–375.

Нечаев, Г. А. Местные формы в коми языке / Г. А. Нечаев. – Сыктывкар, 1948. – 109 с. (Архив Коми НЦ УрО РАН, ф. I, оп. II, д. 103).

Нечаев, Г. А. Употребление и значение форманта -ӧс винительного падежа в коми языке / Г. А. Нечаев // Ученые записки / Коми гос. пед-т. – Сыктывкар, 1960. – Вып.8. – С. 63–96.

Николс, Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике / Дж. Николс // Новое в зарубежной русистике. – Москва: Прогресс, 1984. – Вып. 15. – С. 342–386.

Николаева, И. А. Конструкции со вторичным топиком / И. А. Николаева // Лингвистический беспредел: сб. ст. к 70-летию А. И. Кузнецовой. – Москва: Изд-во МГУ, 2002. – С. 274–288.

Норманская, Ю. В., Безенова, М. П. О важности первых миссионерских книг для изучения истории удмуртского языка. Дискуссионная заметка к статье В. В. Понарядова. «О двойных огласовках удмуртских суффиксов» / Ю. В. Норманская, М. П. Безенова // Урало-алтайские исследования. – 2018. – № 1 (28). – С. 78–88.

Орнатов, П. П. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мокши / П. П. Орнатов. – Москва: В Синодальной Типографии, 1838. – 106 с.

Оскольская, С. А. и др. Определение каритива как сравнительного понятия / С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов // Вопросы языкознания. – 2020. – № 3. – С. 7–25.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – Москва: Наука, 1974. – 484 с.

Основы 1975 – Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – Москва: Наука, 1975. – 348 с.

Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – Москва: Наука, 1976. – 464 с.

ОКК – Лудыкова, В. М., Некрасова, Г. А., Попова, Э. Н., Федюнева, Г. В., Цыпанов, Е. А. Ќня коми кыв. Морфология / В. М. Лудыкова, Г. А. Некрасова, Э. Н. Попова, Г. В. Федюнева, Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар: Коми небӧг лӧдзанин, 2000. – 544 лб.

Павлов, Д. А. О системе склонения имен существительных в калмыцком языке / Д. А. Павлов // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – Москва: Наука, 1976. – С. 18–42.

Павлов, И. П. Современный чувашский язык в 2 т. / И. П. Павлов; Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук. – Чебоксары, 2017. – Т. 2: Морфология. – 448 с.

Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

Паюсалу, Э. Внешнеместные падежи в прибалтийско-финских языках (функции падежей): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Паюсалу Э.; Ин-т языка и литературы, АН Эстонской ССР. – Таллинн, 1958. – 40 с.

ПД – Сахарова, М. А., Сельков, Н. Н., Колегова, Н. А. Печорский диалект коми языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 153 с.

Первошиков, П. Н. Глагольные словосочетания / П. Н. Первошиков // Словосочетания в удмуртском языке (К 80-летию проф. Петра Николаевича Первошикова) / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1980. – С. 38–129.

Плунгян, В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации / В. А. Плунгян. – Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – Москва: Русские словари, 2002. – С. 57–89.

Плунгян, В. А. К семантике русского локатива («второго предложного») / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. – Москва: ВИНТИ. – 2002а. – Вып. 37. – С. 229–254.

Плунгян, В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – Москва: Эдиториал УРСС, 2003. – 383 с.

Понарядов, В. В. Коми аффиксы *-mō*, *-cō* в неаккузативном употреблении / В. В. Понарядов // Коми слово в грамматике и словаре / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2000. – Вып. 62. – С. 52–56.

Понарядов, В. В. Исторические истоки теории И. А. Куратова об отсутствии падежей в коми языке / В. В. Понарядов // Творчество И. А. Куратова и развитие литератур финно-угорских народов: материалы всероссийской науч.-практ. конф. (Сыктывкар, 3–5 июля 2009 г.). – Сыктывкар, 2009. – С. 189–192.

Понарядов, В. В. Опыт реконструкции урало-монгольского праязыка / В. В. Понарядов; Коми научный центр УрО Российской академии наук. – Сыктывкар, 2011. – 44 с. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 510).

Понарядов, В. В. О двойных огласовках удмуртских суффиксов / В. В. Понарядов // Урало-алтайские исследования. – 2018. – № 1 (28). – С. 69–77.

Пономарева, Л. Г. Употребление фонем *ö* и *э* в первом слоге в говоре д. Тайга верх-лупинского диалекта коми-пермяцкого языка / Л. Г. Пономарева // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. ст. / Удм. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкознания. – Ижевск, 2000. – С. 142–145.

Пономарева, Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупинского диалекта коми-пермяцкого языка: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пономарева Лариса Геннадьевна; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – 207 с. – Место защиты: Удмуртский гос. ун-т.

Пономарева, Л. Г. Речь северных коми-пермяков / Л. Г. Пономарева. – Москва: Языки Народов Мира, 2016. – 514 с.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. Общее языкознание: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 408 с.

Попова, Р. П., Сажина, С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования) / Р. П. Попова, С. А. Сажина. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 272 с.

Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня; АН СССР, Отд-е лит. и яз. – Москва: Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. – Т. I–II. – 536 с.

Прокушева, Т. И. Категория определенности-неопределенности в коми языке / Т. И. Прокушева // Взаимодействие финно-угорских и русского языков: сб. ст. – Сыктывкар, 1984. – С. 43–50.

Прокушева, Т. И. Лексико-семантические разряды существительных с показателем аккузатива -*öc* / Т. И. Прокушева // Лексикология и лексикография коми языка / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. – Сыктывкар, 1988. – Вып. 41. – С. 59–71.

ПСД – Жилина, Т. И., Бараксанов, Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык / Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. – Москва: Наука, 1971. – 276 с.

Пуцек-Григорович В. Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ черемискага языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ / В. Пуцек-Григорович. – Санкт-Петербург: Императорская акад. наук, 1775. – 246 с.

Разманов, И. И. Коми кыв: Ыджыд школясын велöдан отсöг / И. И. Разманов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1930. – 142 лб.

Ревинский, М. Систематизация описания реляционных аффиксов грамматикализационного происхождения в финно-угорских языках (на при-

мере именного словоизменения) / М. Ревинский // LU. – 2000. – Т. 36, № 1. – С. 16–31.

Редеи, К. Внутренние и внешние инновации в удмуртском языке (дополнения к ареальным связям языков Волжско-Камского региона) / К. Редеи // LU. – 2009. – Т. 45, № 1. – С. 36–43.

Рогов, Н. А. Опыт грамматики пермяцкого языка / Н. А. Рогов. – Санкт-Петербург, 1860. – 207 с.

Рожанский, Ф. И. Дифференциальное маркирование объекта в прибалтийско-финских языках: основные принципы и девиации / Ф. И. Рожанский // Acta Linguistica Petropolitana / Труды Института лингвистических исследований РАН. – Т. XIII, ч. 3. – Санкт-Петербург: Наука, 2017. – С. 41–75.

Ромбандеева, Е. И. Мансийский (вогульский) язык / Е. И. Ромбандеева. – Москва: Наука, 1973. – 208 с.

Рузанкин, Н. И. Винительный падеж в мордовском и русском языках (соответствия и различия): специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»; специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук // Рузанкин Николай Иванович; Ордена «Знак Почёта» НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. – Саранск, 1985. – 193 с.

Русская, Ю. Н. О некоторых особенностях падежной системы приуральского говора хантыйского языка / Ю. Н. Русская // Вопросы финно-угорского языкознания. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха: сб. науч. тр. – Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 257–264.

Рягоев, В. Д. Тихвинский говор карельского языка / В. Д. Рягоев. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-е, 1977. – 287 с.

Сааринен, С. Фреквентативность (многократность) в марийском и удмуртском языках / С. Сааринен // Пермистика 5: сб. ст. / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. – С. 203–207.

Савваитов, П. И. Грамматика зырянского языка. / П. И. Савваитов. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. акад. наук, 1850. – 168 с.

Сагдиева, Р. К. Роль аффиксов направительного падежа в образовании конкретизирующего отношения между именами существительными и глаголами в татарском языке / Р. К. Сагдиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 7 (49). – 2015. – Ч. 1. – С. 153–155.

Сажина, С. А. Колебания в порядке следования притяжательных суффиксов в диалектах коми языка / С. А. Сажина // LU. – 2002. – Т. 38, № 4. – С. 245–254.

Сажина, С. А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сажина Светлана Александровна; Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2004. – 282 с. – Место защиты: Удмуртский гос. ун-т.

Сажина, С. А. Падежная система верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка / С. А. Сажина // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2012. – Вып. 69. – С. 189–196.

Сажина, С. А. Особенности морфологии верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка / С. А. Сажина // Филологические исследования–2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках: сб. ст. по итогам Всероссийской науч. конф. (14–17 октября 2014 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2014. – С. 181–185.

Сажина, С. А. Словоизменение существительных в языке кировских пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2021. – Т. 15, № 1. – С. 34–44.

Сай, С. С. Лексическое распределение переходных и непереходных двухместных глаголов в индоевропейских языках: квантитативно-типологическое исследование / С. С. Сай // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвящ. памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 26–28 июня, 2017. – Санкт-Петербург: Наука, 2017. – Т. 21. – С. 714–747.

Сай, С. С. Маркирование актантов двухместных предикатов: Предварительные итоги типологического исследования / С. С. Сай // Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2018 – С. 557–616.

Самирханова, Г. Р. Выражение падежных отношений в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Р. Самирханова. – Казань, 2004. – 21 с.

Сахарова, М. А., Сельков, Н. Н. Некоторые особенности говора кольских коми / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. – Вып. 6. – С. 130–151.

СГРТЯ – Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология / авт.-сост. Р. Р. Замалетдинов, М. Р. Саттарова, С. С. Сафонова, О. А. Чупрякова, З. Ф. Юсупова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 180 с.

Сергеев, В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке / В. И. Сергеев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 300 с.

Сердобольская, Н. В., Толдова, С. Ю. Расщепленное оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: референциальный статус и коммуникативное членение высказывания / Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова // Конференция по уральским языкам, посвящ. 100-летию К. Е. Майтинской. Тезисы. – Москва, 2007. – С. 213–218.

Сердобольская, Н. В., Толдова, С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках / Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова // Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. – Москва: Языки славянских культур, 2012. – С. 59–142.

Сердобольская, Н. В., Толдова, С. Ю. Лексические свойства глагола и оформление прямого дополнения в коми-зырянском языке (печорский диалект) / Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова // Лингвистический беспредел-2: сб. науч. тр. к 80-летию А. И. Кузнецовой. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – С. 164–175.

Сердобольская, Н. В., Толдова, С. Ю. Оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: между предикацией и дискурсом / Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 4 (27). – С. 92–112.

Серебрянников, Б. А. О природе прошедшего неочевидного в пермских и марийском языках / Б. А. Серебрянников // Записки / Удм. НИИ истории, яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1955. – Вып. 17. – С. 161–169.

Серебрянников, Б. А. Заметки по истории коми языка / Б. А. Серебрянников // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. – Вып. 4. – С. 193–196.

Серебрянников, Б. А. Из истории падежной системы пермских языков / Б. А. Серебрянников // Вопросы финно-угорского языкознания, АН СССР. Ин-т языкозн. – Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 9–32.

Серебрянников, Б. А. Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебрянников; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.

Серебрянников, Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках / Б. А. Серебрянников. – Москва: Наука, 1964. – 183 с.

Серебрянников, Б. А. Еще раз о происхождении некоторых грамматических форм коми-зырянского языка / Б. А. Серебрянников // СФУ. – 1968. – Т. IV, № 4. – С. 257–261.

Серебрянников, Б. А. Внутренние причины языковых изменений / Б. А. Серебрянников // Общее языкознание: Формы существования, функ-

ции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. – Москва: Наука, 1970. – С. 234–264.

Серебренников, Б. А. Путь на Ижму (О словообразовании) / Б. А. Серебренников // *Lakó-émlékkönyv*. – Budapest, 1981. – С. 192–195.

Серебренников, Б. А. О некоторых проблемах истории финно-угорских языков / Б. А. Серебренников // СФУ. – 1982. – Т. XVIII, № 2. – С. 81–89.

Серебренников, Б. А., Ермушкин, Г. И., Майтинская, К. Е. Финно-волжская языковая общность / Б. А. Серебренников, Г. И. Ермушкин, К. Е. Майтинская. – Москва: Наука, 1989. – 272 с.

Серова, Л. Н. Морфологическая и синтаксическая структура послеложных конструкций в мокшанском и финском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Серова. – Саранск, 2006. – 23 с.

Сибатрова, С. С. Послелогои в марийском языке: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сибатрова Серафима Сергеевна; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1988. – 18 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

СИГТЯ – Серебренников, Б. А., Гаджиева, Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – Москва: Наука, 1988. – 560 с.

Сидоров, А. С. Синтаксис коми языка: Научный отчет I / А. С. Сидоров. – Сыктывкар, 1950. – 547 с. (Архив Коми НЦ УрО РАН, ф.1, оп. 11, ед.хр. 134).

Сидоров, А. С. Порядок слов в предложении коми языка. / А. С. Сидоров. – Сыктывкар: Коми книгоиздат, 1953. – 104 с.

Симоненко, А. П., Леонтьев, А. П. Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма / А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев // *Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – С. 264–339.

СКЯ 1955 – Современный коми язык: учеб. для высш. учеб. завед. / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – Ч. I: Фонетика, лексика, морфология. – 312 с.

СКЯ 1967 – Современный коми язык: учеб. для высш. учеб. завед. / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. – Ч. II: Синтаксис. – 284 с.

СМЯ – Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.

Сорвачева, В. А. Морфологические особенности верхневашского говора коми языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сорвачева Валентина Александровна; Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1950. – 189 с. – Место защиты: Ин-т языкознания АН СССР.

Сорвачева, В. А. Удорский диалект коми языка. Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969–1972 гг. / В. А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1972. – 394 с. (Архив Коми Научного центра УрО РАН, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 92).

Сочинения 1775 – Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 16 с. + 113 с. + 17 с.].

ССД – Колегова, Н. А., Бараксанов, Г. Г. Среднесыольский диалект коми языка / Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. – Москва: Наука, 1980. – 226 с.

Сусов, И. П. Падеж и реляционность (к постановке вопроса о сущности категории падежа) / И. П. Сусов // Категория падежа в структуре и системе языка: материалы науч. конф. «День Артура Озола». – Рига: Изд-во Лат. ГУ, 1971. – С. 132–134.

Тараканов, И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тараканов Иван Васильевич; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1958. – 310 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т.

Тараканов, И. В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта) / И. В. Тараканов // Труды / Ин-т языка и лит. АН ЭССР. – Таллинн: Эст. гос. изд-во, 1960. – Т. 8. – С. 117–153.

Тараканов, И. В. К вопросу истории развития неслогового *ў* в удмуртском языке / И. В. Тараканов // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология: сб. ст. / АН СССР. Ин-т языкозн. Петрозаводский ин-т ЯЛИ. – Москва–Ленинград: Наука, 1964. – С. 75–82.

Тараканов, И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты / И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 188 с.

Тараканов, И. В. Основное направление развития морфологической системы пермских языков / И. В. Тараканов // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – Москва: Наука, 1990. – Т. 2. – С. 180–182.

Тараканов, И. В. Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь / И. В. Тараканов. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 170 с.

Тараканов, И. В. Функции и значения л-овых падежей в удмуртском языке / И. В. Тараканов // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. ст. / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1997. – С. 161–168.

Тараканов, И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: сб. ст. / И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 483 с.

Татевосов, С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова / С. Г. Татевосов. – Москва: ИМЛИ РАН, 2002. – 240 с.

Татевосов, С. Г. Семантическое картирование: метод и теория / С. Г. Татевосов // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. – 2004. – № 1. – С. 27–42.

ТГ – Татарская грамматика. Морфология / АН Татарстана ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. – Т. 2. – 397 с.

Тепляшина, Т. И. Тыловый диалект удмуртского языка: автореф. диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тепляшина Тамара Ивановна; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва, 1955. – 20 с. – Место защиты: Ин-т языкознания АН СССР.

Тепляшина, Т. И. Язык бесермян / Т. И. Тепляшина. – Москва: Наука, 1970. – 288 с.

Тепляшина, Т. И. Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах / Т. И. Тепляшина // СФУ. – 1975. – Т. XI, № 3. – С. 179–185.

Тепляшина, Т. И. Способы выражения вокативности в удмуртском языке / Т. И. Тепляшина // Вопросы удмуртского языкознания: сб. ст. и материалов / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1975а. – Вып. 3. – С. 191–202.

Тепляшина, Т. И. Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках / Т. И. Тепляшина // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. – Москва: Наука, 1978. – С. 256–325.

Тепляшина, Т. И. О новых удмуртских падежах / Т. И. Тепляшина // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum, Turku 20–27.08.1980. – Turku, 1981. – P. 6. Dissertationes sectionum: phonologica et morphologica, syntactica et semantica. – С. 285–292.

Терешкин, Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. I. Ваховский диалект / Н. И. Терешкин. – Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с.

Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков Н. М. Терещенко. – Ленинград: Наука, 1973. – 324 с.

Теуш, О. А. Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области) / О. А. Теуш // Урало-алтайские исследования. – 2011. – № 1 (4). – С. 110–119.

Теуш, О. А. Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области) / О. А. Теуш // Финно-угорский мир. – 2016. – № 1 (26). – С. 71–76.

Тираспольский, Г. И. Морфолого-типологическая эволюция русского языка / Г. И. Тираспольский. – Сыктывкар: Коми республиканская академия госслужбы и управления при Главе Республики Коми, 2003. – 353 с.

Тронский, И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / И. М. Тронский. – Ленинград: Наука, 1967. – 104 с.

Тужаров, Г. М. Каузатив в марийском языке / Г. М. Тужаров // СФУ. – 1984. – Т. XX, № 1. – С. 34–41.

Тужаров, Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке / Г. М. Тужаров. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. – 144 с.

Туркин, А. И. О прибалтийско-финских и коми-зырянских, языковых контактах / А. И. Туркин // СФУ. – 1974 – Т. X, № 1. – С. 7–9.

Туркин, А. И. Структурно-словообразовательный анализ коми топонимов / А. И. Туркин // СФУ. – 1980 – Т. XVI, № 4. – С. 275–285.

Туркин, А. И. Прибалтийско-финский и саамский компоненты в этногенезе народа коми / А. И. Туркин // Проблемы этногенез народа коми / Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1985. – С. 54–67.

Туркин, А. И. Нижневычегодский диалект коми-зырянского языка / А. И. Туркин. – Таллинн–Гамбург, 1998. – 161 с.

УД – Сорвачева, В. А., Безносикова, Л. М. Удорский диалект коми языка / В. А. Сорвачева, Л. М. Безносикова. – Москва: Наука, 1990. – 283 с.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфология) (Морфология удмуртского языка): науч.-учеб. изд. / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. – 408 с.

Усачева, М. Н. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках / М. Н. Усачева // Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – С. 142–220.

Усачева, М. Н. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Усачева

Мария Николаевна; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2012а. – 295 с. – Место защиты: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.

Успенский, Б. А. Часть и целое в русской грамматике / Б. А. Успенский. – Москва: Языки Славянской Культуры, 2004. – 128 с.

Учаев, З. В. Марий йылме. I: учеб. пособие для факультативных занятий / З. В. Учаев. – Йошкар-Ола: Изд-во Марий книга, 1982. – 184 с.

Ушаков, Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / Г. А. Ушаков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 144 с.

Ушаков, Г. А. Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного / Г. А. Ушаков // Вопросы грамматики удмуртского языка: сб. ст. – Ижевск, 1984. – С. 5–17.

Ушаков, Г. А. Основные проблемы научной и школьной грамматики современного удмуртского языка / Г. А. Ушаков // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. ст. / РАН, УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск, 2002. – С. 244–250.

Федосеева, Е. Н. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития / Е. Н. Федосеева // Пермистика – 9. Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. – Ижевск: Изд. Дом «Удм. ун-т», 2002. – С. 426–434.

Федотов, М. Л. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах центральной Ингерманландии / М. Л. Федотов // Acta Linguistica Petropolitana / Труды Института лингвистических исследований РАН. – Т. 8, ч. 1. (Fenno-Lapponica Petropolitana). – Санкт-Петербург: Наука, 2012. – С. 371–445.

Федюнева, Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке / Г. В. Федюнева. – Москва: Наука, 1985. – 135 с.

Федюнева, Г. В. Морфемный состав и морфологический тип коми языка / Г. В. Федюнева. – Сыктывкар, 1992. – 36 с. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 294).

Федюнева, Г. В. Структурные типы коми наречий / Г. В. Федюнева // Грамматика и лексикография коми языка / Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. – 1995, Сыктывкар. – Вып. 58. – С. 99–122.

Федюнева, Г. В. К вопросу о прибалтийско-пермских языковых связях коми местоимения миян/тиян «наш/ваш» / Г. В. Федюнева // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т, Ин-т яз., истории и традиц. культуры коми-пермяц. народа. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. – С. 192–199.

Федюнева, Г. В. Первичные местоимения в пермских языках / Г. В. Федюнева. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 427 с.

Федюнева, Г. В. О прибалтийско-финском компоненте в коми языке / Г. В. Федюнева // Известия Уральского гос. ун-та. – № 55. – 2008а. – С. 172–180.

Федюнева, Г. В. Некоторые данные о влиянии коми языка на севернорусские говоры / Г. В. Федюнева // Вопросы финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2010. – С. 25–32.

Федюнева, Г. В. Отражение коми-русских этноязыковых связей в диалектных словарях XIX века / Г. В. Федюнева // Вопросы финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2012. – С. 107–117.

Федюнева, Г. В. Пермские наречия на *-ла*: историко-генетические и ареальные аспекты / Г. В. Федюнева // LU. – Т. 54, № 2. – 2018. – С. 109–118.

Феоктистов, А. П. Категория притяжательности в мордовских языках / А. П. Феоктистов. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1963. – 184 с.

Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной грамматике: сб. ст. – Москва: Прогресс, 1981. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 369–496.

Филлмор, Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной грамматике: ст. сб. – Москва: Прогресс, 1981а. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 496–530.

Флеров, А. Зырянская грамматика / А. Флеров. – Санкт-Петербург: В Императорской Акад. наук, 1813. – 46 с.

Фролова, Т. И. Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фролова Татьяна Ивановна; Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1950. – 302 с. – Место защиты: Ин-т языкознания АН СССР.

Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду. – Москва: Прогресс, 1985. – 450 с.

Хакулинен, Л. Развитие и структура финского языка. Ч. I: Фонетика и морфология / Л. Хакулинен. – Москва: Инстр. лит., 1953. – 312 с.

Хакулинен, Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 2: Лексикология и синтаксис / Л. Хакулинен. – Москва: Инстр. лит., 1955. – 292 с.

Хаузенберг, А.-Р. Синтаксическая дистрибуция элатива в коми и эстонском языках / А.-Р. Хаузенберг // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum, Turku 20.–27.08.1980. – Turku, 1980. – P. II. Summa dissertationum. – С. 83.

Хаузенберг, А.-Р. Некоторые вопросы истории коми языка в свете теории контактов / А.-Р. Хаузенберг // В. И. Лыткин и финно-угорский мир: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося коми поэта, философа и ученого В. И. Лыткина (Сыктывкар, 6–9 февраля 1996). – Сыктывкар, 1999. – С. 156–163.

Хаузенберг, А.-Р. К проблеме ареальных инноваций в коми языке / А.-Р. Хаузенберг // Пермистика 8: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т, Каф. коми и финно-угор. языкознания. – Сыктывкар, 2001. – С. 280–286.

Хаузенберг, А.-Р. [Рецензия] / А.-Р. Хаузенберг // LU. – 2002. – Т. 38, № 4. – С. 302–309. – Рец. на: Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. / R. Bartens; Suomalais-ugrilainen Seura. – Helsinki, 2000. – 376 s. (= MSFOu 238).

Хелимский, Е. А. Влияние русского языка на употребительность внешне-местных падежей коми-зырянского / Е. А. Хелимский // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики: сб. ст. – Москва: МГУ, 1973. – Вып. 6. – С. 213–217.

Хелимский, Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели / Е. А. Хелимский. – Москва: Наука, 1982. – 164 с.

Холодилова, М. А. Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в мокшанском и бесермянском удмуртском / М. А. Холодилова // Уральские языки: синхрония и диахрония: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию Д. В. Бубриха и 100-летию Б. А. Серебренникова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2015. – С. 118–121.

Хонти, Л. «НАBERE» «по-уральски» / Л. Хонти // LU. – 2008. – Т. 44, № 3. – С. 161–177.

Хямяляйнен, М. М. Об агглютинатах в вепском языке и в южнокарельских говорах карельского языка / М. М. Хямяляйнен // Прибалтийско-финское языкознание / Труды Карельского филиала АН СССР. – Петрозаводск, 1958. – Вып. 12. – С. 83–94.

Цембер, А. А. Русско-зырянский словарь / А. А. Цембер. – Усть-Сысольск: Типогр. З. Д. Следникова, 1910. – 68 с.

Цыганкин, Д. В. Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование): специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Цыганкин Дмитрий Васильевич. – Тарту, 1977. – 428 с. – Место защиты: Тартуский гос. ун-т

Цыпанов, Е. А. Система суффиксального отрицания в пермских языках / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар, 1990. – 17 с. – Сер. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 246.

Цыпанов, Е. А. Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция / Е. А. Цыпанов. – Екатеринбург, 1997. – 211 с.

Цыпанов, Е. А. Пермь-коми гижод кыв / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар: Пролог, 1999. – 176 лб.

Цыпанов, Е. А. Грамматическая категория залога в коми глаголе в коми / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар, 2002. – 116 с.

Цыпанов, Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар, 2005. – 284 с.

Цыпанов, Е. А. Нарушения норм литературного языка в текстах коми-язычных СМИ в аспекте лингвофутурологии / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар, 2015. – 56 с. – Доклад на расширенном заседании Ученого Совета ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, вып. 5.

Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – Москва: Прогресс, 1975. – 431 с.

Чешко, Е. В. Падежи и предлоги в современном болгарском языке / Е. В. Чешко // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – Москва: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 5–99.

Шагдаров, Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова) / Л. Д. Шагдаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 192 с.

Шелякин, М. А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм / М. А. Шелякин // Проблемы функциональной грамматики. – Москва: Наука, 1985. – С. 37–49.

Шелякин, М. А. Опыт семантического описания творительного падежа русского языка / М. А. Шелякин // Труды по русской и славянской филологии: Грамматическая семантика слова и предложения / Учен. записки Тарту. гос. ун-та. – Тарту, 1987. – Вып. 760. – С. 108–119.

Шелякин, М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – Москва: Русский язык, 2001. – 288 с.

Шибанов, А. А. Наречия в удмуртском языке / А. А. Шибанов. – Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2012. – 192 с.

Шутов, А. Ф. О субъектных конструкциях в удмуртском языке (на материале южных диалектов) / А. Ф. Шутов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. – Ижевск, 1978. – С. 152–157.

Шутов, А. Ф. Согласование определений с определяемым словом в пермских языках / А. Ф. Шутов // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1987. – С. 117–124.

Шутов, А. Ф. Субстантивные словосочетания с зависимыми именами существительными в удмуртском языке / А. Ф. Шутов // Вопросы грамматики и контактирования языков: сб. ст. / АН СССР. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990. – С. 28–31.

Шутов, А. Ф. О некоторых синтаксических параллелях в пермских языках / А. Ф. Шутов // Пермистика–8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т, Каф. коми и финно-угор. языкознания. – Сыктывкар, 2001. – С. 293–297.

Эршлер, Д. К типологии непацентивных значений аккумулятива / Д. Эршлер // Вопросы языкознания. – 2009 – № 3. – С. 32–49

Юдакин, А. П. Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков / А. П. Юдакин. – Москва: Глас, 1997. – 392 с.

Якобсон, Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением / Р. О. Якобсон. Избранные работы. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 176–197.

Яковлев, И. В. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика вотского языка / И. В. Яковлев. – Ижевск: Удкнига, 1930. – 80 с.

Яхонтов, С. Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов / С. Е. Яхонтов // Проблемы теории грамматического залога. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 102–108.

Adler, E. Der dativische Genitiv im Wotischen / E. Adler // СФУ. – 1980. – Т. 16, № 3. – С. 161–166.

Alhoniemi, A. Über die Funktionen der Wohin-Kasus im Tscheremissischen / A. Alhoniemi. – Helsinki, 1967. – 375 S. (= MSFOu 142).

Alhoniemi A. Zur Verwendung des Trennungskasus im Tscheremissischen / A. Alhoniemi // FUF. – 1977. – Bd. 42. – S. 5–131.

Alvre, P. Soome keeleõpetuse reegliid / P. Alvre. – Tallinn: Valgus, 1969. – 311 lk.

Alvre, P. Zu den finnisch-ugrischen I-Kasus / P. Alvre // СФУ. – 1986. – Т. 22, № 2. – 1986. – С. 81–87.

Aminoff, T. G. Votjakin äänne-ja muoto-opin luonnos / T. G. Aminoff // JSFOu. – Helsinki, 1896. – Vol. 14/2. – С. 1–48.

Ariste, P. Vадja keele grammatika / P. Ariste. – Tallinn: Teaduslik Kirjandus, 1948. – 132 lk.

Arkhangelskiy, T., Usacheva, M. Syntactic and Morphosyntactic Properties of PPs in Beserman Udmurt as Part-of-Speech Criteria / T. Arkhangelskiy, M. Usacheva // SKY Journal of Linguistics. – 2015. – Vol. 28. – Pp. 103–137.

Arkhangelskiy, T., Usacheva, M. Case compounding in Beserman Udmurt / T. Arkhangelskiy, M. Usacheva // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ELESUKA– JEFUL). – 2018. – Vol. 9, № 1. – Pp. 111–138.

Baker, R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation / R. Baker. – Helsinki, 1985. – 266 p. (= MSFOu 189).

Baker, R. The Role of Animacy in Komi Direct Object Marker Selection Investigation / R. Baker // UAJb. – 1986. – Vol. 58. – Pp. 47–60.

Bartens, R. Inarilapin, merilapin ja luulajalapin kaasussyntaksi (case syntax of three Lapp Dialects) / R. Bartens. – Helsinki, 1972. – 180 s. (= MSFOu 148).

Bartens, R. Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaaation infiniittisten muotojen syntaksi / R. Bartens. – Helsinki, 1979. – 251 s. (= MSFOu 170).

Bartens, R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys / R. Bartens. – Helsinki, 2000. – 376 s. (= MSFOu 238).

Beke, Ö. A votják és zürjén prolativusról / Ö. Beke // NyK. – 1911–1912. – 41. köt. – 241–274 old.

Beke, Ö. Türkische Einflüsse in die Syntax finnisch-ugrischer Sprachen / Ö. Beke // KSz. – Budapest, 1914–1915. – XV. szám. – S. 8–70.

Blake, B. J. Case / B. J. Blake. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 227 p.

Blake, B. J. History of the research on case / B. J. Blake // A. Malchukov, A. Spencer (eds.) The Oxford Handbook of case. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – Pp. 13–26.

Blevins, J. P. Declension Classes in Estonian / J. P. Blevins // LU. – 2008. – Vol. 44, № 4. – Pp. 241–267.

Budenz, J. Ugrische Sprachstudien / J. Budenz. – Pest: Ludwig Aigner. – 1870. – H. 2. – 72 S.

Budenz, J. Magyar-ugor összehasonlító szótár / J. Budenz. – Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1873–1881. – 885, 98 old.

Budenz, J. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana / J. Budenz. – Budapest, 1884–1894. – 381 old.

Butt, M. Modern approaches to case: an overview / M. Butt // A. Malchukov, A. Spencer (eds.) The Oxford Handbook of case. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – Pp. 27–43.

Bybee, Joan L. Morphology: a study of the relation between meaning and form / Joan L. Bybee. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1985. – 235 p.

Castrén, M. A. Elementa grammatices syrjaenae / M. A. Castrén. – Helsingforsiae, 1844. – 166 p.

Castrén, M. A. Declinatio nominum in lingua syrjaenae / M. A. Castrén. – Helsingforsiae, 1844a. – 22 p.

Collinder, B. Comparative Grammar of the Uralic Languages / B. Collinder. – Stockholm, 1960. – 425 p.

Comrie, B. Subjects and direct objects in Uralic languages: a functional explanation of case-marking systems / B. Comrie // Études finno-ougrienne. – Budapest, 1975. – Vol. XII. – Pp. 5–17.

Comrie, B. Language universals and linguistic typology / B. Comrie. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 264 p.

Csúcs, S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen / S. Csúcs. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. – 306 S.

Csúcs, S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache / S. Csúcs. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – 410 S.

Decsy, G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft / G. Decsy. – Wiesbaden, 1965. – 251 S.

Fokos, D. A lokativusz-féle határozók a wotjákban / D. Fokos // NyK. – 1906. – 36 köt., 2 füz. – 207–250 old.; 3–4 füz. – 399–447 old.

Fokos, D. R. Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen / D. Fokos // FUF. – 1937. – Bd. 24. – S. 292–322.

Fokos-Fuchs, D. R. Grammatikalischer Abriss / D. R. Fokos-Fuchs // Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar / Suomalais-ugrilainen Seura. – Zweite ergänzte Auflage. – Turku, 1954. – S. 135–166.

Fokos, D. [Рецензия] / D. Fokos // NyK. – 1963. – 65. köt., 1 füz. – S. 215–218. – Рец. на: **Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология.** – Ижевск, 1962. – 372 с.

Fokos-Fuchs, D. R. Das syrjänische Komitativ suffix / D. R. Fokos-Fuchs // ALHung. – Budapest, 1966. – Vol. 16, № 1–2. – S. 63–79.

Gabelentz, H. C. Grundzüge der syrjänischen Grammatik / H. C. Gabelentz. – Altenburg, 1841. – 75 S.

Gabelentz, H. Zur wotjakische Deklination / H. Gabelentz // Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache. – Berlin, 1846. – B. I. – S. 112–116.

Geisler, M. Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen // M. Geisler. – Wiesbaden, 2005. (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 68.) – 320 S.

Genetz, A. Ost-permische Sprachstudien / A. Genetz. – Helsingfors, 1897. – 57 S. (= JSFOu 15).

Györke, J. Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe) / J. Györke. – Tartu, 1934. – 96 S.

Halling, T. Instrumentaali liivin sijajärjestelmässä / T. Halling // Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii 16. V. 1998. — Helsinki, 1998 – S. 127–138. (= MSFOu 228).

Hamari, A. The abessive in the Permic languages / A. Hamari // JSFOu. – Helsinki, 2011. – Vol. 93. – Pp. 37–84.

Hamari, A. Genitive and the secondary declension of the Mordvin languages – a syntactic perspective / A. Hamari // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Oulu 17.–21.8.2015. Book of Abstracts. – Oulu: University of Oulu, 2015. – Pp. 61–62.

Haspelmath, M. Terminology of Case / M. Haspelmath // Andrej Malchukov and Andrew Spencer (eds.), *The Oxford Handbook of Case*. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – Pp. 505–517.

Hausenberg, A.-R. On the Syntactic Distribution of Elative in Komi and Estonian / A.-R. Hausenberg // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Turku 20.–27.8.1980. – Turku, 1981. – P. VI. *Dissertationes sectionum: phonologica et morphologica, syntactica et semantica*. – Pp. 377–382.

Hausenberg, A.-R. Die ostseefinnisch-permischen Kontaktwörter in Zeit und Raum / A.-R. Hausenberg; Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR. – Tallinn, 1985. – 37 S. (Preprint KKI 30).

Hausenberg, A.-R. Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä? / A.-R. Hausenberg // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Juväskylä, 10.–15.8.1995. – P. IV. *Sessiones sectionum: syntaxis et semantica & contactus linguistici et status hodiernus linguarum & cetera linguistica*. – Juväskylä, 1996. – S. 155.

Havas, F. Unmarked Object in the Uralic Languages. A Diachronic Typological Approach / F. Havas // *LU*. – 2008. – Vol. 44, № 1. – Pp. 1–33.

Häkkinen, K. Suomen kielen vanhimmasta sanastosta ja sen tutkimisesta: suomalais-ugrialaisten kielten etymologisen tutkimuksen perusteita ja metodiikkaa / K. Häkkinen – Turku: Turun yliopisto, 1983. – 447 s.

Heine, B. Possession. Cognitive sources, forces, and grammaticalization / B. Heine. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 274 p.

Hjelmlev, L. La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. (*Acta Jutlandica VII, I*) / L. Hjelmlev. – Aarhus, 1935. – 184 p.

Honti, L. Zur Morphotaktik und Morphosyntax der uralischen/finnisch-ugrischen Grundsprache / L. Honti // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Juväskylä, 10.–15.8.1995. – *Juväskylä, 1995*. – P. I. *Orationes plenariae et conspectus quinquennales*. – S. 53–82.

Honti, L. Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen numeri) / L. Honti // *FUF*. – 1997. – Bd. 54. – S. 1–126.

Itkonen, E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe in Tscheremissischen und in den permischen Sprachen / E. Itkonen // *FUF*. – 1954. – Bd. 31, H. 3. – S. 149–345.

Itkonen, E. Kieli ja sen tutkimus / E. Itkonen. – Helsinki, 1966. – 427 s.

Jaakola, M. Suomen genetiivi / M. Jaakola. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. – 292 s. (= SUST 995).

Janhunen, J. On the structure of Proto-Uralic / J. Janhunen // *FUF*. – 1982. – Bd. 44. – Pp. 23–42.

Kalima, J. Die russischen Lehnwörter im Syrjanischen / J. Kalima. – Helsingfors, 1910. – 187 S. (= SUST 29).

Kalima, J. Syrjänisches Lehngut im Russischen / J. Kalima. // FUF. – Bd. 18. – 1927. – S. 1–56.

Kangasmaa-Minn, E. The syntactical Distribution of the Cheremis Genitive I. / E. Kangasmaa-Minn. – Helsinki, 1966. – 234 p. (= MSFOu 139).

Kangasmaa-Minn, E. The syntactical Distribution of the Cheremis Genitive II / E. Kangasmaa-Minn. – Helsinki, 1969. – 144 p. (= MSFOu 146).

Kel'makov, V., Saarinen, S. Udmurtin murteet / V. Kel'makov, S. Saarinen. – Turku – Iževsk, 1994. – 368 s. (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47).

Klumpp, G. On Dative marked Direct Objects in Komi Dialects / G. Klumpp // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2008. – Ч. IV: Лингвистика. – Pp. 71–82.

Klumpp, G. Variation in Komi Object Marking / G. Klumpp // Describing and Modeling Variation in Grammar. – Berlin–New York, 2009. – Bd. 204. – Pp. 325–359.

Klumpp, G. Differential object marking and information structure: on the function of two different pronominal accusatives in Komi and Khanty dialects / G. Klumpp // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ELESUKA– JEFUL). – Tartu, 2012. – Vol. 3, № 1. – Pp. 343–372.

Klumpp, G. Identifiability, givenness and zero-marked referential objects in Komi / G. Klumpp // Linguistics. – 2014. – Vol. 52, Issue 2. – Pp. 415–444.

Kokla, P. Zum ostseefinnisch-permischen Lokalkasussystem / P. Kokla // NyK. – 1983. – 85. köt. – S. 373–379.

Kont, K. Nominatiivis ja genitiivis esinevast substantiivsest atribuudist soome-ugri keeltes / K. Kont // Commentationes Fenno-Ugricae in honorem E. Itkonen. – Helsinki, 1973. – Lk. 165–173. (= MSFOu 150).

Korhonen, M. Entwicklungstendenzen des finnisch-ugrischen Kasussystems / M. Korhonen // FUF. – 1979. – Bd. 43. – S. 1–21.

Korhonen, M. Johdatus lapin kielen historiaan / M. Korhonen. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981. – 378 p.

Korhonen, M. Remarks on the Structure and History of the Uralic Case System / M. Korhonen // Typological and Historical Studies in Language by Mikko Korhonen: A Memorial Volume Published on the 60th Anniversary of his Birth. (= SUST 223). – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1996. – Pp. 219–234.

Kövesi, M. A komi -/ képző / M. Kövesi. – NyK. – 1954. – 55. köt. – 31–44 old.

Kövesi, M. A permi nyelvek ősi képzői / M. Kövesi. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. – 432 old.

Kracht, M. The Structure of Local Cases and its Relevance for the Study of Uralic Languages / M. Kracht // Congressus Nonus Internationalis Fenno-

Ugristarum, Tartu, 7.–13.8.2000. – Tartu, 2001. – P. V. Dissertationes sectionum: Linguistica II. – 2001. – Pp. 160–165.

Kracht, M. The Semantics of Locatives in the Uralic Languages / M. Kracht // Les langues ouraliennes aujourd'hui. Approche linguistique et cognitive. The Uralic Languages Today. A Linguistic and Cognitive Approach – Paris: Honoré Champion, 2005. – Pp. 145–158.

Kuznetsov, N. Matrix of cognitive domains for komi local cases / N. Kuznetsov // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ELESUKA– JEFUL). – Tartu, 2012. – № 3 (1). – Pp. 373–394.

Künnap, A. Breakthrough in Present-Day Uralistics / A. Künnap. – Tartu: University of Tartu, 1998. – 122 p.

Künnap, A. The Uralic accusative and genitive direct object / A. Künnap // Valencia Uralica: Materialien der Konferenz Valencia Uralica (Szombathely, 18–19. April 2002). – Szombathely, 2003. – Pp. 58–65. (= Specimina Sibirica XXI).

Künnap, A. On the Uralic (*-)m-Akkusative / A. Künnap // LU. – 2006. – Vol. 42, № 3. – Pp. 161–166.

Künnap, A. Historically Problematic Morphosyntactic Features in Uralic Languages / A. Künnap. – München: Lincom Europa, 2006a. – 92 p. (= LINCOM Studies in Uralic Linguistics 01).

Lakó, Gy. A szóvégi magánhangzóról / Gy. Lakó // NyK. – 1933. – 29. köt. – 171–177 old.

Lakó, Gy. A permi nyelvek szóvégi magánhangzói / Gy. Lakó. – Budapest, 1934. – 65 old.

Lakó, Gy. Zur Frage des permischen Prosektivs und Transitivs / Gy. Lakó // MSFOu. – Helsinki, 1950. – Vol. 98. – S. 219–243.

Lakó, Gy. A permi prosectivusrag és transitivusrag rokon nyelvi megfelelői / Gy. Lakó // NyK. – 1952. – 53. köt. – 14–23 old.

Lakó, Gy. A magyar mondat szerkezet finnugor sajtáságai / Gy. Lakó. – Pécs, 1991. – 68 old.

Larsson, L.-G. Studien zum Partitivgebrauch in den ostseefinnischen Sprachen / L.-G. Larsson. – Uppsala, 1983. – 158 S. (= Studia Uralica et Altaica Upsalensia 15).

Leinonen, M. Influence of Russian on the syntax of Komi / M. Leinonen // FUF. – 2002. – Bd. 57, Heft 1–3. – Pp. 195–358.

Lehtisalo, T. Über die primären uralischen ableitungssuffixe / T. Lehtisalo. – Helsinki, 1936. – 399 S. (= MSFOu 72).

Luutonen, J. The variation of morpheme order in Mari declension / J. Luutonen. – Helsinki, 1997. – 201 p. (= SUST 226).

Marcantonio, A. The Uralic Language Family. Facts, Myths and Statistics / A. Marcantonio. – Oxford-Boston, 2002. – 335 p. (= Publications of the Philological Society 35).

Molnár, F. A. On the History of Word-Final Vowels in the Permian Languages / F. A. Molnár – Szeged, 1974. – 87 p. (= Studia Uralo-Altaica 5).

Narrog, H., Ito Sh. Re-constructing semantic maps: the comitative-instrumental area / H. Narrog, Sh. Ito // Sprachtypologie und Universalien Forschung. – Bremen, 2007. – Vol. 60. №. 4. – Pp. 273–292.

Nichols, J., Bickel, B. Locus of Marking in Possessive Noun Phrases / J. Nichols, B. Bickel // The World Atlas of Language Structures Online / Dryer M. & Haspelmath M. (eds.). – Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://wals.info/chapter/24> (дата обращения: 07.12.2019).

Noonan, M. Case compounding in the Bodic languages / M. Noonan // Case and Grammatical Relations: Studies in honor of Bernard Comrie. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – Pp. 127–148. (= Typological studies in language 81)

Oinas, F. J. The Development of some postpositional Cases in Balto-Finnic Languages / F. J. Oinas. – Helsinki, 1961. – 190 p. (= MSFOu 123).

Onishi, M. Introduction: Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and properties / M. Onishi // Non-canonically marked subjects and objects (Typological Studies in Language 46). – Amsterdam: John Benjamins, 2001. – Pp. 1–51.

Palmeos, P. Väliskohakäänded karjala Djorža murrakus / P. Palmeos // ESA 29, Eesti keelest mustlaskeeleni. – Tallinn, 1983. – Lk. 61–73.

Pool, R. Eesti keele verbireksioone / R. Pool. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. – 146 lk.

Ravila, P. Suomalais-ugrilaisen kielten taivutuksen historiaa / P. Ravila // Virittäjä. – Helsinki, 1945. – Vol. 45. – S. 314–326.

Ravila, P. Sentence Structure / P. Ravila // B. Collinder An Introduction to the Uralic Languages. – Berkeley–Los Angeles: University of California press, 1965. – Pp. 61–64.

Räsänen, S. Kainuun murteiden kaasussyntaksi / S. Räsänen. – Helsinki, 1972. – 432 s. (= SKST 308).

Rédei, K. Adalékok a permi nyelvek alaktanához / K. Rédei // NyK. – 1958. – 61. köt. – 79–85 old.

Rédei, K. Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen / K. Rédei. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962. – 224 S.

Rédei, K. A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez / K. Rédei // NyK. – 1968. – 70. köt. – 35–45 old.

Rédei, K. Korreferat zum G. Stipa Impersonalia im Syrjänischen / K. Rédei // Symposium über Syntax der uralischen Sprachen. Am Auftrage von W. Schlachter. – Göttingen, 1970. – S. 213–214.

Rédei, K. Der Akkusativ in den uralischen Sprachen (Zum Kasussystem der uralischen Grundsprache) / K. Rédei // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17–23. VIII 1970. Pars I: Acta linguistica. – Tallinn: Valgus, 1975. – S. 133–138.

Rédei, K. Über die Herkunft des permischen Elativsuffixes / K. Rédei // СФУ. – 1981. – Vol. XVII, № 4. – S. 279–284.

Rédei, K. Geschichte der permischen Sprachen / K. Rédei // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). – Leiden–New York–København–Köln, 1988. – S. 351–394.

Rédei, K. Zur Geschichte des PU-PFU Kasussystem. Die Rolle der Koaffixe in der Herausbildung der Deklination / K. Rédei // Laponica et Uralica. 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala. Vorträge am Jubiläumssymposium 20–23. April 1994 / K. Rédei. – Uppsala, 1996. – S. 257–272. (= Studia Uralica Upsaliesia 26).

Salminen, E.-J. Udmurtin kielen EZ-päätteinen jä päätteeton suora objekti: Pro gradu-tutkielma / E.-J. Salminen. – Turku: Turun yliopisto, 2006. – 142 s.

Schlesinger, I. M. Cognitive structures and semantic deep structures: the case of the instrumental / I. M. Schlesinger // Journal of Linguistics. – Cambridge, 1979. – Vol. 15, № 2. – Pp. 307–324.

Szinnyei, J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft / J. Szinnyei. – Berlin–Leipzig, 1922. – 133 S.

Sjögren, A. J. Ueber den grammatischen Bau der sūrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische / A. J. Sjögren // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Tome premier. – St.-Petersbourg, 1830. – S. 149–169.

Stassen, L. Comparison and Universal Grammar / L. Stassen. – Oxford: Blackwell, 1985. – 373 p.

Stassen, L. Comparative Constructions // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. – Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://wals.info/chapter/121> (дата обращения 2018.09.12).

Stipa, G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen / G. Stipa. – Helsinki, 1960. – 290 S. (= MSFOu 121).

Stolz, T. Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im cross-linguistischen Überblick / T. Stolz // Papiere zur Linguistik. – München, 1996. – Vol. 54. – № 1. – Pp. 3–65.

Stolz, T. To be with X is to have X: comitatives, instrumentals, locative, and predicative possession / T. Stolz // *Linguistics*. – 2001. – Vol. 39. – № 2. – Pp. 321–350.

Stolz, T., Stroll, C., Urdze, A. On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe / T. Stolz, C. Stroll. A. Urdze. – Berlin: Walter de Gruyter, 2006. – 551 p.

Tamm, A. Partitive objects and the partitive evidential marker -vat in Estonian express incomplete evidence // *Finno-Ugrische Mitteilungen*. – 2012. – Vol. 35. – P. 1–43.

Tauli, V. Bemerkungen zum Ursprung der uralischen Kasussysteme / V. Tauli // *UAJb*. – Wiesbaden, 1952. – Bd. 24. – Heft 31. – S. 27–41.

Tauli, V. The Origin of Affixes / V. Tauli // *FUF*. – 1956. – Bd. 32. – Pp. 170–225.

Toivonen, Y. H. Zur Vorgeschichte des ungarischen Lativs / Y. H. Toivonen // *FUF*. – 1944. – Bd. 28. – S. 9–19.

Uotila, T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen / T. E. Uotila. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. – 446 S. (= MSFOu 65).

Uotila, T. E. Zur Deklination der Personalpronomina in den permischen Sprachen / T. E. Uotila // *NyK*. – 1936. – 50. köt., 1/3 füz. – S. 464–476.

Uotila, T. E. *Sijapäätteiden syntyhistoriaa* / T. E. Uotila // *Virittäjä*. – Helsinki, 1945. – Vol. 49. – S. 327–336.

Usačeva, M., Archangel'skij, T. Grammaticalization of new Cases in Bersman Udmurt / M. Usačeva, T. Archangel'skij // *LU*. – 2017. – Vol. 53, № 1. – Pp. 27–48.

Vainik, E. Eesti keele väliskohakäänete semantika: kognitiivse grammatika vaatenurgast / E. Vainik. – Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Eesti Keele Instituut, 1995. – 192 lk.

Vászolyi, E. Prolatívusz, lokatívusz a zürjénben, a votjákban és a finnugor alapnyelvben / E. Vászolyi // *NyK*. – 1968. – 70. köt. 1. szám. – 47–85 old.

Vászolyi, E. Az uráli -N³ latívuszrag nyomai a zürjén és a votják nyelvben / E. Vászolyi // *NyK*. – 1968a. – 70. köt. 2. szám. – 374–382 old.

Veenker, W. Zur grammatischen Terminologie der Uralistik Bemerkungen am Beispiel der Kasusnamen des Syrjänischen / W. Veenker // *UAJb*. Neue Folge. – Bd. 2. – 1982. – S. 35–62.

Wichmann, Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1903. – 171 S. (= MSFOu. 21).

Wichmann, Y. Zur permischen Grammatik / Y. Wichmann // *FUF*. – 1923–1924. – Bd. 16. – S. 143–163.

Wichmann, Y. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre / Y. Wichmann. – Helsinki, 1942. – 487 S.

Wichmann, Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Anhang: Grammatikalischer abriß von D. R. Fuchs / Y. Wichmann. – Helsinki, 1954. – 134 S.

Wickman, B. The Form of the Object in the Uralic Languages / **B. Wickman.** – Uppsala: Almqvist & Wiksells. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1955. – 155 p.

Wiedemann, F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche / F. J. Wiedemann. – Reval, 1851. – 390 S.

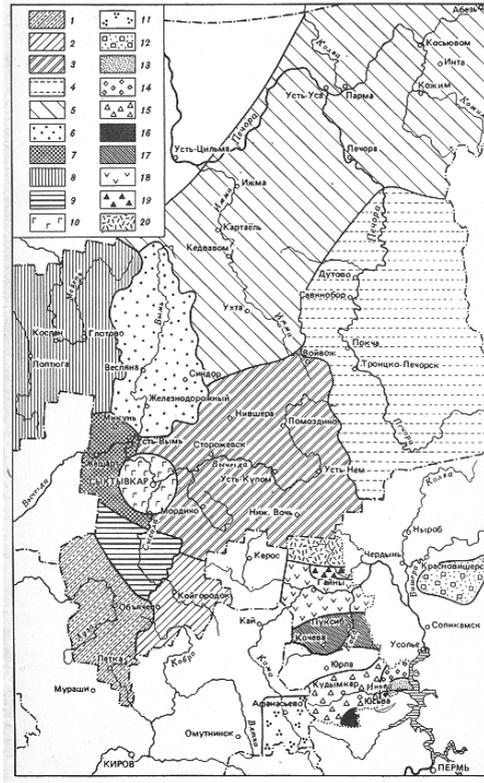
Wiedemann, F. J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen / F. J. Wiedemann. – St. Petersburg, 1884. – 255 S.

Winkler, E. Udmurt / E. Winkler. – München: Lincom Europa, 2001. – 85 p. (= Languages of the World / Materials, 212).

Winkler, E. Udmurtische Grammatik / E. Winkler. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. – 181 S. (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 81).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Карты

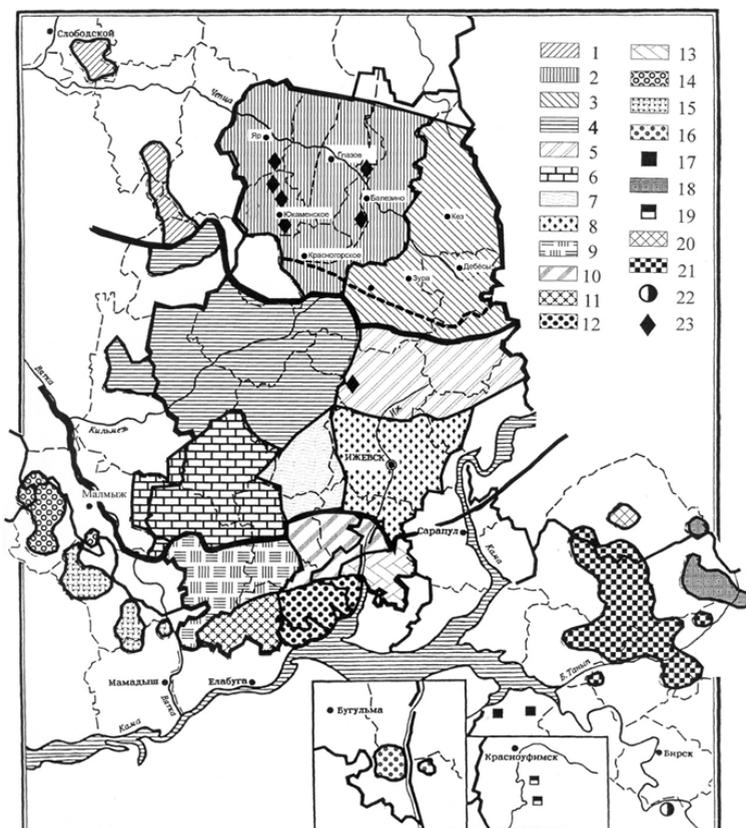

Карта 1. Распространение диалектов коми языков.

(Карта заимствована: Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / Р. М. Баталова. – Москва: Наука, 1982. – С. 6).

Коми-зырянские диалекты: 1 – лузско-летский; 2 – верхнесыольский; 3 – верхневычегодский; 4 – печорский; 5 – ижемский; 6 – вымский; 7 – нижневычегодский; 8 – удорский; 9 – среднесыольский; 10 – присыктивкарский.

Коми-пермяцкие диалекты и наречия: 11 – верхнекамское наречие; 12 – коми-язьвинское наречие; южное наречие: 13 – оньковский; 14 – нижнеиньвенский; 15 – кудымкарско-иньвенский; 16 – нердвинский; северное наречие: 17 – кочевский; 18 – косинско-камский; 19–20 – мысовско-лупьинский.

Карта 2. Распространение диалектов удмуртского языка.

(Карта заимствована: Максимов С. А. Севернoудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели / С. А. Максимов: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 1999. – С. 171).

I. Северное наречие: 1 – нижнечепецкий диалект, 2 – среднечепецкий диалект, 3 – верхнечепецкий диалект (в том числе тыловайский говор); II. Срединные говоры: 4 – средне-западный диалект (в том числе прикильмезские говоры), 5 – средне-восточный диалект, 6 – водзимоньинско-омгинский диалект, 7 – нылгинский говор, 8 – среднеижский диалект; III. Южное наречие: а) центрально-южный (собственно южный) диалект: 9 – кизнерско-можгинский говор, 10 – средне-южный говор, 11 – граховский говор, 12 – алнашский говор, 13 – кырыкмасский говор; б) периферийно-южный диалект: 14 – шошминский говор, 15 – кукморский говор, 16 – бавлинский говор, 17 – ташкичинский говор, 18 – татышлинский говор, 19 – красноуфимский говор, 20 – шагиртско-гондырский говор, 21 – буйско-таньпский говор, 22 – канлинский говор; IV. 23 – бесермянское наречие.

Приложение 2. Таблицы

Таблица 1

Простое склонение имен существительных
в литературных пермских языках

Падеж	Коми-зырянский язык	Коми-пермяцкий язык	Удмуртский язык
Номинатив	∅	∅	∅
Аккузатив	∅, - <i>öc</i>	∅, - <i>öc</i>	∅, - <i>эс/-ес, -ыс, ты</i>
Генитив	- <i>лөн</i>	- <i>лөн</i>	- <i>лэн</i>
Аблатив	- <i>лысь</i>	- <i>лісь</i>	- <i>лэсь</i>
Датив	- <i>лы</i>	- <i>лө</i>	- <i>лы</i>
Инструменталь	- <i>өн</i>	- <i>өн</i>	- <i>эн/-ен, -ын, -н</i>
Абессив	- <i>тöг</i>	- <i>тöг</i>	- <i>тэк</i>
Инессив	- <i>ын</i>	- <i>ын</i>	- <i>ын</i>
Элатив	- <i>ысь</i>	- <i>ись</i>	- <i>ысь</i>
Иллатив	- <i>ö</i>	- <i>ö</i>	- <i>э/-е, -ы, ∅</i>
Аппроксиматив	- <i>лань</i>	- <i>лань</i>	- <i>лань</i>
Эгрессив	- <i>сянь</i>	- <i>сянь</i>	- <i>ысен</i>
Пролатив	- <i>öд, -ті</i>	- <i>öt</i>	- <i>эті/-еті, -ті, -ыті</i>
Терминатив	- <i>öдз</i>	- <i>öдз</i>	- <i>озь</i>
Комитатив	- <i>кöд</i>	- <i>кöt</i>	—
Консекутив	- <i>ла</i>	- <i>ла</i>	—
Импроксимэссив	- <i>ланьын</i>	- <i>ланьын</i>	—
Аппроксиматив II	- <i>ланьö</i>	- <i>ланьö</i>	—
Экспроксиматив	- <i>ланьысь</i>	- <i>ланись</i>	—
Перпроксимлатив	- <i>ланьöд,</i> - <i>ланьті</i>	- <i>ланьöt</i>	—
Антепроксиматив	- <i>ланьöдз</i>	- <i>ланьöдз</i>	—
Депроксиматив	- <i>ланьсянь</i>	- <i>ланьсянь</i>	—
Компартив	—	- <i>ся</i>	—
Альгитерминатив	—	- <i>ви</i>	—
Адвербиаль	—	—	- <i>я</i>

Таблица 2

Частотность употребления поверхностно-местных падежей
и послелогов в коми-пермяцком языке

Падеж, послелог	Источник	Еван- гелие 1882	Бук- варь 1899	РассказыНЗ; Рассказы СЗ 1900	Попов 1894/ Попов 1904	Зубов, Лихачев 1925
Суперэссив	RC-вын	34	2	43	4/16	6
	RV-вын	19	1	3	2	—
	RV-ввын	—	1	37	2/5	13
	RC-выын	—	2	11	—	—
	RV-ввыын	—	—	1	—	—
Послелог	вывын	11	—	1	1	—
Суперлатив	RC-вө	96	—	76	1/11	11
	RV-вө	—	—	7	1/2	—
	RC-выө	—	—	19	—	—
	RV-выө	—	—	1	—	—
	RV-ввө	—	—	42	5	1
	RC-ввө	—	—	1	—	—
	RV-ввыө	—	—	5	—	—
Послелог	вывө	18	—	2	2	—
Суперэла- тив	RC-высь	3	—	—	—	—
	RC-вись	—	—	1	—	1
	RV-ввись	—	—	6	1	1
Послелог	вывысь	2	—	—	—	—
	ввывьсь	—	—	—	1	2
Супер- пролатив	RC-вөт	3	—	2	—	2
	RV-вөт	1	—	1	—	—
	RV-ввөт	—	—	2	—	2
Послелог	вывөт	—	—	—	—	—
Супер- терминатив	—	—	—	—	—	—
Послелог	вывөдз	—	—	—	—	—
Супер- эгрессив	RC-высянь	—	2	2	—	—
	RV-высянь	—	—	1	—	—
	RV-ввысянь	—	1	3	—	—
Послелог	вывсянь	1	—	—	—	—

Примечание. Глоссы: RC – основа, оканчивающаяся на согласный; RV – основа, оканчивающаяся на гласный.

Таблица 3

Простое склонение имен существительных в коми-зырянских диалектах

Падеж	Диалекты										
	лл.	вс.	сс.	скр.	вв.	печ.	нв.	вым.	уд.	иж.	
Номинатив	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø
Аккузатив	ø, -öс	ø, -öс	ø, -öс, -эс	ø, -öс, -эс	ø, -эс, -ас, -ос, -с	ø, -öс, -эс	ø, -öс, -эс	ø, -öс, -эс	ø, -öс, -эс	ø, -öс, -эс	ø, -öс, -ос
Генитив	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лэн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лэн
Аблатив	-лыс'	-лыс'	-лыс'	-лыс'	-пис'	-лыс'	-лыс'	-лыс'	-лыс'	-лыс', -пис'	-лыс'
Датив	-лö	-лы, -лö, -ло	-лы	-лы	-ли	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы
Инструменталь	-өн	-өн, -насöн	-өн, -эн	-өн, -эн	-эн, -ан, -он, -ун, -н	-өн, -эн	-өн, -эн	-өн, -эн	-өн	-өн	-эн, -ан, -он
Комитатив	-мыд, -кыд	-кöд	-кöд	-кöд	-кэд	-кöд	-кöд	-кöд	-кöд	-кöд	-кэд
Абессив	-тöг	-тöг, -тöгйа, -тöгйи	-тöг	-тöг	-тэг	-тöг	-тöг	-тöг	-тöг	-тöг, -тöм	-тэг, -тэгйа
Консекутив	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла
Инессив	-ын	-ын	-ын, -инч, -ан	-ын, -ин	-ин, -ан, -он, -ун, -н	-ын, -ин, -ан	-ын, -ин	-ын, -ин	-ын	-ын	-ын, -ан, -он
Элатив	-ыс'	-ыс'	-ыс', -ис'	-ыс', -ис'	-ис', -ас', -ос', -ус', -с'	-ыс', -ис', -ис', -ас'	-ыс', -ис'	-ыс', -ис'	-ыс', -ис'	-ыс', -ис'	-ыс', -ас'
Иллатив	-ö	-ö, -о	-ö, -э, -а	-ö, -э	-ö, -э, -а, -о	-ö, -э, -а	-ö, -э	-ö, -э	-ö	-ö	-э, -а, -о
Аппроксиматив	-лан'	-лэн'	-лан'	-лан'	-лан'	-лан'	-лан'	-лан'	-лан'	-лан'	-лан'

Падеж	Диалекты										
	лл.	вс.	сс.	скр.	вв.	печ.	нв.	вым.	уд.	иж.	
Эгрессив I	-с'ан' -с'эн'	-с'эн'	-с'ан'	-с'ан'	-с'ан'	-с'ан'	-с'ан', -с'эн'	-с'ан'	-с'ан'	-с'ан'	-с'ан'
Прологив	-өд -ти	-өд, -ти	-өд,-эд, -ти	-өд,-эд, -ти	-эд, -ад, -д, -ти,	-өд, -эд, -ти	-өд, -эд, -ти	-өд, -эд, -ти	-өд, -ти	-эд, -ад, -ти	
Терминатив	-эдз	-өдз	-өдз, -эдз	-өдз, -эдз	-эдз, -адз -одз, -дз, -ээдз	-өдз, -эдз	-өдз, -эдз	-өдз, -эдз	-өдз, -эдз, -өд'	-эдз, -адз, -эд'	
Компаратив	-с'а	с'а	-с'а	-	-	-	-	-	-	-	
Социатив	-	-	-	-	-	-	-	-	-нын'и, -нымйи, -нымми	-	
Эгрессив II	-ыс'эдз	-	-	-	-	-	-	-ыс'өдз	-ыс'эдз, -ис'эдз	-	

Таблица 4

Простое склонение имен существительных в коми-пермяцких диалектах и коми-язьвинском наречии

Падеж	Северное наречие			Южное наречие			Верхнекамское наречие	Коми-язьвинское наречие
	мл.	коч.	кк.	оньк.	ни.	нерд.		
Номинатив	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø
Аккузатив	ø, -òс, -эс	ø, -òс, -сò	-òс, -сò, -тò	-òс, -сò	-òс, -сò	-òс, -сò	-òс, -сò, -ас, -с	-òс, -сò, -ас, -с
Генитив	-лòн, -лэн	-лòн	-лòн	-лòн	-òн, -òн	-лòн	-лòн	-лòн
Аблатив	-лис'	-лис'	-лис'	-лис'	-вис', -ис'	-лис'	-лис', -лыс'	-лис'
Датив	-лò, -лэ	-лò	-лò	-лò	-ò, -ò	-лò	-лò, -лы	-лò
Инструменталь	-òн, -эн, -н	-òн, -эн, -н	-òн, -н	-òн	-òн	-òн	-òн, -ан, -н	-òн, -н
Комитатив	-кòт, -кэт	-кòт	-кòт	-кòт	-кòт	-кòт	-кòт, -кòд	-кòт
Абессив	-тòг, -тэг	-тòг	-тòг	-тòг	-тòг	-тòг	-тòг, -тòйш	-тòг
Консекутив	-ла, -ла	-ла	-ла	-	-	-	-ла	-ла
Компаратив	-с'а	-с'а	-с'а	-с'а	-с'а	-с'а	-с'а	-с'а
Инессив	-ын, -н	-ын	-ын, -н	-ын	-ын	-ын	-ын, -ан, -н	-òн, -н
Элатив	-ис', -с'	-ис'	-ис'	-ис'	-ис'	-ис'	-ис', -ис'	-ис', -с'
Иллатив	-ò, -э	-ò, -э	-ò	-ò	-ò	-ò	-ò, -а, ø	-ø, ø
Аппроксиматив	-лан'	-лан'	-лан'	-лан'	-ван', -ан'	-лан'	-лан'	-лан'
Эгрессив	-с'ан'	-с'ан', -с'ин'	-с'ан', -с'ин'	-с'ан', -с'ин'	-с'ан', -с'ин'	-с'ин', -с'эн'	-с'ан', -с'ин', -с'эн', -сан	-с'ан'
Пролатив	-òт, -эт, -т	-òт	-òт, -ти	-òт'	-òт'	-òт'	-òт, -òд, -ти	-òт

Падеж	Северное наречие			Южное наречие				Верне-камское наречие	Коми-язвинское наречие
	мл.	коч.	кк.	оньк.	ни.	нерд.	ки.		
Терминатив	-òðç, -эдз, -òç', -эз', -з'	-òðç, -эдз	-òðç	-òðç	-òðç	-òðç	-òðç	-òðç, -з'	-òðç, -ðç
Альтерминатив	—	-ли, -ви	-ви	-ли, -ви	-ви	-ви	-ви	—	—
Суперэссив	-лын, -ллын	-лын, -ылын	-лын, -ылын	-лын, -ллын	-вын, -ввын	-лын, -ллын	-вын, -ввын	—	—
Суперлатив	-лò, -ллò	-лò, -ылò	-лò, -ылò	-лò, -ллò	-вò, -ввò	-лò, -ллò	-вò, -ввò	—	—
Суперпролатив	—	-лòт, -ылòт	-лòт, -ылòт	-лòт', -ллòт'	-вòт', -ввòт'	-лòт', -ллòт'	-вòт, -ввòт	—	—
Супертерминатив	—	-лòðç	-лòðç, -ылòðç	-лòðç, -ллòðç	-вòðç, -ввòðç	-лòðç, -ллòðç	-вòðç, -ввòðç	-лòðç, -ылòðç	—
Суперэлатив	—	-лис', -ллис'	-лис', -ылис'	-лис', -ллис'	-вис', -ввис'	-лис', -ллис'	-вис', -ввис'	-лис', -ылис', лыс'	—
Апудэссив	—	-дын	-дын	-дын	-дын	—	-дын	-дын, -дин	—
Апудэлатив	—	—	—	-дис'	-дис'	—	—	—	—
Апудлатив	—	—	—	-дò	-дò	—	—	—	—
Апудпролатив	—	—	—	-дòт'	-дòт'	—	—	—	—
Апудтерминатив	—	—	—	-дòðç	-дòðç	—	—	—	—

Простое склонение имен существительных в удмуртских диалектах

Падеж	Северное наречие				Южное наречие								Средние говоры	Бесермянское наречие	
	вч.	сч.	нч.	юж.	Периферийно-южные говоры										
					шошм.	кукм.	бавл.	тапш.	бт.	круф.	канл.	ø			
Номинатив	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø	ø
Аккузатив	-эз	-эз, -ть	-эз, -ты	-эз, -ыз, -ъз ø	-эз, -ъз, ø	-эз, -ÿс, ø	-эз, -эс, -ъс, ø	-эз, -эс, -эж	-эз, -эс, -ыз, ø	-эз, -эс, -эж	-эз, ø	-эз, ø, -ыз	-эз, -ть	-эз, -ть	-эз, -ть
Генитив	-лэн	-лэн	-лэн	-лэн	-лэн -ÿэн -нэн	-лэн	-лэн -лэн	-лэн, -лэн	-лэн, -лэн	-лэн, -лэн	-лэн	-лэн	-лэн	-лэн	-лэн
Аблатив	-лэс'	-лэс'	-лэс'	-лэс' -лэс'	-лэс' -ÿис' -лэс' -нис'	-лэс' -лэс'	-лэс' -лэс'	-лэс', -нис'	-лэс', -лэс''	-лэс', -лэс''	-лэс'	-лэс'	-лэс', -лэс'	-лэс', -лэс'	-лэс', -лэс'
Датив	-лы	-лы, -ль	-лы	-лы, -ль	-лы -ны	-лы, -лÿ	-лы, -лы, -ны	-лы, -ны	-лы, -лы, -лы	-лы, -лы, -лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы
Инструменталь	-эн, -ын	-эн, -ын	-эн	-эн, -ын	-эн	-эн	-эн	-эн	-эн	-эн	-эн	-эн	-эн	-эн, -ын	-эн
Абессив	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк	-тэк, -тэк
Адвербиаль	-йа	-йа	-йа	-	-йа	-йа	-	-	-	-	-	-	-	-йа	-а
Инессив	-ын	-ын, -ьн, -ÿн	-ын	-ын, -ьн, -н	-ын	-ьн	-ын	-ын	-ын	-ын	-ын	-ын	-ын	-ын	-ын

Падеж	Северное наречие			Южное наречие										Средние говоры	Бесермянское наречие
	вч.	сч.	нч.	юж.	Периферийно-южные говоры					Бесермянское наречие	Средние говоры	Бесермянское наречие			
					шощм.	кукм.	бавл.	тагш.	бг.				круфф.		
Элатив	-ыс'	-ыс', -ьс', -ўс'	-ыс'	-ис', -с'	-ис'	-ис'	-с', -ис'	-ис'	-ти	-ис'	-ис'	-ыс'	-ыс'		
Иллатив	-э	-э, -ь	-э	-э, ø	-э	-э	-э ø	-э	-э	-э	-э	-э	-э		
Аппроксиматив	-лан'	-лан'	-лан'	—	?	?	?	—	—	?	?	-лан'	-лан'		
Эгрессив	-ыс'эн	-ыс'эн -ьс'эн -ўс'эн	-ыс'эн	-ис'эн	-ис'эн	-ис'эн	-ис'эн	-ис'эн	-ис'эн	-ис'эн	-ис'эн	-ыс'эн	-ыс'эн		
Пролатив	-эти, -ти	-(э)т'и, -(ь)ки, -(ь)т'и, -ьт'	-(э)т'и, -(ь)т'и	-ти	-ти	-ти	-ти	-ти	-ти	-ти	-ти	-эти, -ти	-эти		
Терминатив	-оз'	-оз'	-оз'	-оз'	оз'	-оз'	-оз'	-оз'	-оз'	-оз'	-оз'	-оз'	-оз'		
Домусинесив	—	-н'ьн -н'ьн -н'ьн	-н'ьн	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Домусиллатив	—	-н'э	-н'э	—	—	—	—	—	—	—	—	—	-н'э		
Домусэллатив	—	-н'ьс' -н'ьс' -н'ьс'	-н'ьс'	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		

Падеж	Северное наречие			Южное наречие								Сре- динные говоры	Бесер- мянское наречие	
				юж.	Периферийно-южные говоры				круф.	канл.				
					шощм.	кукм.	бавл.	татш.			бт.			
Домусэгрес- сив	вч.	сч.	нч.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
		–н'ъс'эн	–н'ыс'эн	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Домуспрола- тив	–	–н'ът'и	–н'ьт'и	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Домус- терминатив	–	–н'оз'	–н'оз'	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ПАРАДИГМАТИКА КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ	14
1.1. Теоретические предпосылки изучения категории падежа	14
1.2. Средства выражения падежей в пермских языках	30
1.2.1. Падеж, послелог, послеложный формант	31
1.2.2. Падежи с пониженной морфологической самостоятельностью	46
1.2.3. Суффиксы с коаффиксом <i>-ла-</i>	50
1.3. Семантическая совмещенность падежных суффиксов: падеж или форма	52
1.3.1. Пролатив, транзитив, просекутив	53
1.3.2. Эгрессив	61
1.3.3. Суффикс комитатива или инструменталя?	64
1.3.4. Терминативные суффиксы	66
1.4. Двойное падежное маркирование	67
1.5. Вокатив	78
1.6. Состав падежей в пермских языках	83
1.6.1. Падежная система коми-зырянского языка	83
1.6.2. Падежная система коми-пермяцкого языка	84
1.6.3. Падежная система удмуртского языка	85
Глава 2. ПАДЕЖНАЯ МОРФЕМА И ФАКТОРЫ ЕЕ ВАРИАТИВНОСТИ	87
2.1. Фонетическая структура слова и падежная морфема	87
2.1.1. Фонетическая структура падежных морфем	87
2.1.2. Фонетические факторы и выбор падежного алломорфа	106
2.2. Морфологическая структура слова и падежная морфема	128
2.2.1. Морфологическая структура слова пермских языков	128
2.2.2. Взаимодействие категорий падежа и числа в системе субстантивного склонения	129
2.2.3. Взаимодействие категорий падежа и посессивности в системе субстантивного склонения	134
2.2.3.1. Порядок следования падежных и посессивных суффиксов	135
2.2.3.2. Факторы варьирования позиции падежных и посессивных суффиксов	145
2.2.3.3. Посессивность и алломорфное варьирование падежных морфем	158

Глава 3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ПАДЕЖЕЙ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ	177
3.1. Семантическая структура номинатива	177
3.2. Семантическая структура аккузатива	189
3.3. Семантическая структура генитива	203
3.4. Семантическая структура аблатива	217
3.4.1. Межъязыковые сходства	217
3.4.2. Межъязыковые различия	222
3.4.3. Сравнительно-исторический аспект	228
3.5. Семантическая структура датива	233
3.5.1. Межъязыковые сходства	233
3.5.2. Межъязыковые различия	247
3.5.3. Сравнительно-исторический аспект	253
3.6. Семантическая структура абессива	258
3.6.1. Межъязыковые сходства	258
3.6.2. Межъязыковые различия	263
3.6.3. Сравнительно-исторический аспект	266
3.7. Семантическая структура инструменталю	269
3.7.1. Межъязыковые сходства	269
3.7.2. Межъязыковые различия	293
3.7.3. Сравнительно-исторический аспект	293
3.8. Семантическая структура комитатива	299
3.8.1. Межъязыковые сходства	299
3.8.2. Межъязыковые различия	303
3.8.3. Сравнительно-исторический аспект	304
3.9. Семантическая структура консекүтива	306
3.10. Семантическая структура компаратива	310
3.11. Семантическая структура адвербиалю	319
Глава 4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ	331
4.1. Вступительные замечания	331
4.2. Семантическая структура инессива	334
4.2.1. Межъязыковые сходства	334
4.2.2. Межъязыковые различия	342
4.2.3. Сравнительно-исторический аспект	344
4.3. Семантическая структура иллатива	347
4.3.1. Межъязыковые сходства	347
4.3.2. Межъязыковые различия	357
4.3.3. Сравнительно-исторический аспект	360

4.4. Семантическая структура элатива	362
4.4.1. Межъязыковые сходства	362
4.4.2. Межъязыковые различия	375
4.4.3. Сравнительно-исторический аспект	379
4.5. Семантическая структура эгрессива	384
4.5.1. Межъязыковые сходства	384
4.5.2. Межъязыковые различия	391
4.5.3. Сравнительно-исторический аспект	396
4.6. Семантическая структура терминатива	399
4.6.1. Межъязыковые сходства	399
4.6.2. Межъязыковые различия	405
4.6.3. Сравнительно-исторический аспект	405
4.7. Семантическая структура пролатива	407
4.8. Семантическая структура аппроксиматива	418
4.8.1. Межъязыковые сходства	418
4.8.2. Межъязыковые различия	423
4.8.3. Сравнительно-исторический аспект	424
4.9. Семантическая структура приблизительно-местных падежей ..	426
4.10. Семантическая структура альтитерминатива	435
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	439
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	445
ИСТОЧНИКИ	447
ЛИТЕРАТУРА	453
ПРИЛОЖЕНИЯ	500
Приложение 1. КАРТЫ	500
Приложение 2. ТАБЛИЦЫ	502

ОТ АВТОРА

Первые слова благодарности считаю необходимым высказать учителям Гамской средней школы, которые меня научили писать, читать и думать. Школа учит преодолевать трудности и не останавливаться на достигнутом. В годы учебы никогда не думала, даже не предполагала, что посвящу свою жизнь исследованию коми языка. Благодарна своим родителям, которые уговорили меня поступать после окончания школы на историко-филологический факультет Сыктывкарского университета вместо физико-математического.

Хочется искренне поблагодарить своего первого наставника, д. филол. н., профессора Е. А. Игушева, которому обязана своим интересом к исследованию коми языка. Под научным руководством этого замечательного педагога были выполнены мной дипломная и все курсовые работы. На меня произвели впечатление его отношение к родному языку, доброжелательное отношение к студентам, его способности убеждать и заинтересовать студента заниматься наукой.

Благодарна Тартускому университету, являвшемуся до конца прошлого столетия ведущим центром изучения уральских языков, за предоставление уникальной возможности пройти обучение в аспирантуре, пройти научную школу академика П. Аристэ. Крайне важными для меня были плодотворные консультации научных руководителей моей кандидатской диссертации д. филол. н., профессоров А. Кюннапа и П. Альвре. Весьма полезными были аспирантские семинары, организованные д. филол. н., профессором кафедры русского языка Тартуского университета М. А. Шелякиным.

Выражаю искреннюю признательность всем сотрудникам сектора языка нашего Института за поддержку в течение всех лет совместной работы. Особо благодарна д. филол. н. Е. А. Цыпанову, который всегда приходит на помощь, как это было в годы учебы в аспирантуре, так и сейчас, в годы многолетней совместной работы. Мои сердечные слова благодарности к. филол. н. Е. Н. Федосеевой и к. филол. н. Т. Н. Меркушевой за регулярные консультации по коми-пермяцкому языку, к. филол. н. В. В. Понарядову за создание ряда лингвистических терминов.

Это исследование не было бы осуществлено без помощи удмуртских коллег. Бесконечно признательна д. филол. н., профессору

В. К. Кельмакову, прочитавшему рукопись этой работы с предельным вниманием, его рекомендации позволили мне взглянуть на некоторые вопросы исследования под иным углом зрения. Именно, по его рекомендации, вариант монографии был представлен в качестве докторской диссертации. Особо благодарна д. филол. н. Л. Л. Карповой за дружескую поддержку и консультации по удмуртскому языку. Слова благодарности выражаю к. филол. н. О. В. Титовой за консультации и помощь в редактировании переводов удмуртских примеров.

Глубоко признательна заведующему лабораторией типологического изучения языков ИЛИ РАН к. филол. н. С. С. Саю, который ознакомился с самым ранним, можно сказать, с рабочим, черновым вариантом настоящей монографии. Благодарна директору ИЛИ РАН чл.-корр. РАН, д. филол. н., профессору Е. В. Головки, отделу языков народов Российской Федерации за возможность принимать участие в научных форумах, проводимых в ИЛИ РАН. Конференции – это обмен мнениями, идеями между представителями разных направлений, школ и поколений.

Выражаю огромную благодарность и признательность чл.-корр. РАН, д. филол. н., профессору С. А. Мызникову, д. филол. н. Л. Л. Карповой, д. филол. н. Н. М. Мосиной, выступивших в качестве оппонентов на защите моей докторской диссертации, д. филол. н., профессору Л. А. Абукаевой, подготовившей отзыв от ведущего учреждения. Благодарю всех коллег, откликнувшихся и писавших отзывы на автореферат.

Искренние слова благодарности выражаю директору ИЯЛИ Коми НЦ д. ист. н. И. Л. Жеребцову за предоставленную возможность публикации настоящей монографии.

За все эти годы моральной поддержки я в неоплатном долгу перед моими родителями – Александром Ивановичем и Павлой Дмитриевной. Признательна всем моим многочисленным родственникам и друзьям за надежность, доброту и душевное тепло.

С огромным удовольствием выражаю благодарность всем, кто каким-либо образом содействовал осуществлению и публикации настоящего исследования.

Галина Некрасова

Научное издание

Некрасова Галина Александровна

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ**

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института языка, литературы
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (протокол № 11 от 24.09.2021 г.)

Редактор О.А. Гросу

Оригинал-макет Н.К. Забоевой

Дизайн обложки Я.С. Куликовой

Лицензия № 0047 от 10.09.99.

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.

Подписано в печать 20.04.2023.

Уч.-изд. л. 33.0. Усл. печ. л. 32,1. Тираж 500. Заказ № 16.

Редакционно-издательский центр ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, Российская Федерация, ГСП-2, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24.